

Беттина Белити

Расколбшяся Луна

То лето, которое открыло Елизавете Штурм глаза на опасный мир Маров, давно прошло. То лето, когда она влюбилась в одного из них. Колин уже несколько месяцев как исчез, а Эли с трудом переживает, казалось бы, бесконечную зиму. Дни проходят медленно и размеренно. Ночами же, наоборот, кошмары не дают Эли покоя и оставляют её в смятении. Чтобы сменить обстановку, Эли переезжает к своему брату в Гамбург. Но она почти не узнаёт Пауля: он кажется измождённым и затравленным и как будто что-то скрывает от неё. Чем больше она погружается в мир Пауля, тем чётче её охватывает чувство угрозы, и внезапно она больше не знает, кому ещё можно доверять. Она не подозревает, что её забота о Пауле и её любовь к Колину могут ранить её сильнее, чем самый страшный сон.

Пролог

Я как море.

Я поднимусь над тобой и обниму тебя со всех сторон. Мне нужно только дождаться подходящего момента и потом сделать это. Когда те мосты будут разрушены, которые ты раньше так уверенно, погрузившись в грёзы, пересекала.

Тогда ты увидишь во мне свое спасение, поблагодаришь судьбу за то, что я пришёл. Ты будешь уступать, всегда, когда будешь мне нужна. А нужна ты мне будешь часто, так часто, что ты начнёшь верить в то, что не можешь больше существовать без меня. Потому что я буду кормить тебя.

Я буду видеть тебя, прежде чем ты будешь видеть меня. Только иди ко мне, в водный мир. Здесь никого нет, кроме нас. Мы будем очень близки друг к другу.

И даже в твоих самых глубоких снах я никогда не оставлю тебя.

Часть Первая — Уныние

Глава 1.

Предчувствия

— В этот раз все по-другому.

Хотя я лежала без сна в течение нескольких часов и слышала каждый из маминых шагов, и уже давно ждала эти слова, страх прокрался до самых костей. Мое сердце вдруг начало очень сильно биться, и внезапная тошнота свела живот судорогой. Для этого момента я разработала стратегии, придумала умные аргументы, работала над уверенным выражением лица. Но пережить это было чем-то совершенно иным, чем я думала.

Я осталась неподвижно лежать, глаза закрыты. Папы не было. Он исчез. И уже довольно давно. Пару недель — да, так случалось время от времени. Но сейчас мы с самого Нового года от него ничего не слышали. Единственное, что мы знали о его местонахождении, было его последнее место пребывания. Рим. Предположительно Рим.

Рим звучал безобидно. Но ситуация не была безобидной. Мама и я знали об этом. Так как папа из Рима хотел отправиться на юг страны, чтобы "выяснить вещи". На юге жила Тесса. А Тесса была абсолютной противоположностью безобидного.

Но до этой штормовой ночи никто из нас не отважился сказать это вслух. В первые дни после папиного последнего сообщения я думала об этом, но потом отклонила эту идею: как бы разговоры помогли? Никак. Мы не могли дозвониться до него. То, что теперь мама

нарушила молчание, казалось мне пренебрежением негласным соглашением. Это чувствовалось почти как предательство.

— Эли, я знаю, что ты не спишь.

Раздраженно я поднялась.

— Черт, мама, мы оба это знаем. Иногда он исчезает. И возвращается, как правило, как раз тогда, когда мы этого не ожидаем. Не так ли?

Буря заставила дребезжать жалюзи и послала яростный шквал ветра по крыше, как раз над моей кроватью. Загремело в стропилах.

Автоматически мы подняли глаза и посмотрели на потолок. Мама тихо вздохнула:

— Может быть, раньше так всегда и было. Но это в первый раз, когда он исчез на такое долгое время, с тех пор...

— Помолчи, пожалуйста! — прервала я маму, подошла к окну и посмотрела на улицу в глубокую темноту февральскую ночь.

— Эли, мы должны...

— Нет! — на мгновение я зажала уши руками, прежде чем поняла: какой, наверное, казалось я глупой и ребячливой. — Я не хочу об этом ничего слышать, — добавила я немного мягче, но избегала при этом смотреть на маму. Я чувствовала ее растерянный, вопрошающий взгляд и не смогла бы выдержать его.

Я боялась того, что она могла сказать. "Это первый раз, как его так долго нет, с тех пор..." — с каких пор? Услышу ли я версию, которую я знаю или думаю, что знаю? Или выясню, что все только вообразила себе?

То, что я думала, что знаю, казалось мне теперь настолько абсурдным, что в некоторые мои бессонные ночи я сомневалась в своем рассудке. Я влюбилась в Демона Мара. Колина. Колина Иеремию Бликберна. Я никогда не умела выбирать парней. Но Демон Мара — стоп.

Я прислонилась лбом к ледяному стеклу окна и попыталась воспроизвести в памяти то, что узнала и пережила летом. Окей, там был Колин. Колин, которому нельзя было влюбляться и становиться счастливым, потому что тогда появится Тесса, тот Мар, который создал его. И не из-за кого другого, а только из-за меня она действительно пришла. Он сражался с ней, но не мог победить. Я отвела его в папину клинику, потому что там он был в безопасности. В безопасности, но больной из-за голода. А потом он просто удрал.

Ах, да — мой отец тоже был наполовину Мар — это нельзя не упомянуть. И потому что он хотел сделать из чего-то плохого что-то хорошее, то решил также и спасти мир.

Я покачала незаметно головой. Если что-то было, во что я во всем это фокус-покусе верила, так это тот факт, что я любила Колина. Остальное в течение недель и месяцев казалось все более нереальным. Включая тот день, когда я начала сомневаться, что все это пережила. Потому что не было никаких реальных доказательств. Да, у меня на ноге был шрам, который сделал бы честь даже монстру Франкенштейна. Но в медицинском заключении стояло: нападение дикого кабана.

Загонная охота. И так оно и было, если исключить незначительный факт, что как раз по близости сражались два Мара не на жизнь, а на смерть, и что Мар-мужчина сломал Мару-женщине где-то от трех до пяти раз шею. Я все еще просыпалась от страха, от сухого хруста, который раздавался, когда сломанные кости Тессы снова срастались, прерываемые только удовлетворенным причмокиванием, когда позвонки становились на место. Но мой шрам происходил от разъяренного кабана.

Так же и Мистер Икс был только уликой, а не доказательством. Колин не доставил мне

его лично. Кот сам прибежал ко мне, прежде чем он решил остаться со мной. С исчезновением Колина в нем не осталось ничего мистического. Два раза в день он выкладывал зверски вонючие сосиски в туалете для кошек и пытался затем, дико скребя, из впитывающего наполнителя построить замок Нойшвайштайн. Безуспешно. Он съедал хрустя, как и любой совершенно нормальный домашний кот, свой сухой корм, позволял хозяйке почесать ему за ушками и строил пещеры под всеми коврами и одеялами этого слишком большого дома. Нет, Мистера Икс нельзя было принимать в расчет, хотя меня снова и снова утешало его черно-пушистое присутствие.

Возможно, Тильман был бы своего рода доказательством. В конце концов, мы ведь пережили это приключение вместе. Он видел Тессу, даже почти был ею атакован. Он отвез меня в лес, к битве, даже если саму битву он не видел.

Это досталось мне одной — опыт, от которого я бы с удовольствием отказалась. Только я знала, какая жестокая сила дремала в Тессе. Исключая Колина. Колин тоже знал это, но он плавал где-то в океанах.

Да, Тильман мог бы помочь мне отличить сон от яви. Но он предпочитал притвориться, будто бы мы знакомы только мимолетно. Даже хуже: последние недели он даже не ходил в нашу школу. Перед Рождеством я видела его в последний раз. Мы встретились на перемене, вблизи мусорных контейнеров. На том месте, где я вызволила его из беды в начале лета.

— Привет, Эли, — сказал он, чтобы потом, не глядя на меня, пройти мимо. Он приветствовал меня; я не могла обвинить его в том, что он меня игнорировал. Но мои попытки поговорить с ним о том, что нас связывало — свидание с Тессой — каждый раз с треском проваливалось. Он блокировал разговор. Почему — я не знала. И когда после бегства Колина прошло несколько недель, мне стало ясно, что Тильман и я в действительности не знали друг друга. Мы пережили вместе экстремальную ситуацию. Тем не менее, этого было мало, чтобы можно было говорить о дружбе. Это было как раз то, что теперь он мне демонстрировал: мы были всего лишь случайными знакомыми. Ничего больше.

С нового года я даже больше не знала, куда он делся. Господина Шютц, который оказался отцом Тильмана, я не решалась спросить. Почему-то мне было стыдно расспрашивать моего учителя биологии о его сыне. Кроме того, оба почти не общались друг с другом. Может быть, этим я только потревожу старые раны.

Нет, не было никакого доказательства, не считая две записки и два письма, которые написал мне Колин. Четыре листка бумаги, которые я вскоре после его исчезновения положила в маленький металлический ящик. Ящик я поставила на шифоньер и сдвинула его подальше в угол, так далеко, что я не могла его больше видеть, так как я не была уверена, что смогу прочитать эти строчки снова. Я хотела подождать, пока мое сердце больше не будет таким израненным и все трещины и порезы не начнут заживать. Но они не заживали. Они только зарубцовывались, и хватит лишь одного потрясения моей души, чтобы они открылись и начали кровоточить.

А теперь, теперь у меня появилось опасение, что никакого ящика на шифоньере нет. Что эти письма были только еще одним блуждающим огоньком сознания, моего полного галлюцинаций лета.

Открытый, честный разговор с мамой, вероятно, будет лучшим доказательством, которое я вообще смогла бы найти, так как мама ничего себе не воображала. Это я точно знала.

Тем не менее, я этого не хотела, так как существовало два варианта объяснения, из которых один был возможен, как и другой: или я узнаю из нашего разговора, что Колина никогда не существовало, во всяком случае, он был не Колином, а простым психопатом, что Тесса была кошмаром, а я на была грани того, что сойду с ума. Другой вариант тоже не придавал мне мужества. Он означал, что весь этот вздор о Марах был правдой, Тесса существовала, а папа из-за нее исчез. Нет, не из-за нее. А из-за меня. Потому что я пошла против моих родителей, чтобы снова и снова видеть Колина, вопреки их запрету, и этим привлечь Тессу. После чего мой папа посчитал своим долгом предать Тессу. Он сказал Колину, что она на пути сюда. Я и никто другой устроила все это. Мысль об этой вине я так же не могла вынести, как и представление о том, что мое лето с Колином было фантазией.

Даже моя любовь к нему не была доказательством. Я и в Гришу была влюблена при том, что он никогда не существовал. Был мальчик с его именем, который ходил со мной в одну школу, это да. Но он не имел ничего общего с тем парнем, который посещал меня во снах и сновидениях. Тем не менее, я любила его. Я думаю, я способна на это, влюбиться во второй раз в выдумку. На это у меня, очевидно, был талант.

— Ладно, ты не хочешь говорить. Но я собираюсь кое-что предпринять, — вырвал меня спокойный голос мамы из терзающих меня размышлений.

— И что же ты собираешься предпринять? — зашипела я.

— Если сказать честно, мне все равно. Главное, что я дальше не буду пассивно ждать. Во всем этом я ненавидела ожидание больше всего, и я все еще продолжаю ненавидеть его. Завтра я сообщу обо всем в полицию.

— Полиция..., - я сухо рассмеялась. Мучительно медленно я повернулась к маме. Она сидела бодрая с выпрямленной спиной на краю моей кровати и внимательно на меня смотрела. Ее мягкие каре-зеленые миндалевидные глаза слегка светились в полутьме. Она выглядела отдохнувшей. Я никогда не видела ее такой отдохнувшей, и, из-за неожиданного порыва, мне захотелось обвинить ее в этом. За то, что она спит, в то время, когда нас должен беспокоить вопрос о том, жив ли еще папа. Я с трудом поборола гнев. Мама всю мою жизнь не могла спать должным образом, потому что подсознательно боялась, что папа украдет ее сны. Она никогда не говорила об этом, но я и так знала. И это было естественно, что ее тело теперь наверстывало упущенное то, в чем восемнадцать лет ночь за ночью ему было отказано.

— Да, полицию. Может, он попал в аварию, при которой все его документы потерялись. Теперь беспомощно лежит в какой-нибудь итальянской больнице и только и ждет того, что кто-то справится о нем.

Я остановилась, и кровь бросилась мне в голову. В больнице? Из-за аварии? Это звучало слишком нормально. Тогда мне действительно только все пригрезилось.

— Или может быть, — мама откашлялась, и у меня тоже внезапно появилось такое чувство, что я не могла больше говорить, не говоря уже о том, чтобы дышать, — Они похитили его из мести.

— Они, — повторила я хрипло.

Мама кивнула.

— Нам нужно все остальное вычеркнуть, прежде чем мы сами что-то предпримем. И я прошу тебя поддержать меня в этом. Мы остались вдвоем, Эли. Не бросай меня одну в разговоре с полицией.

Мама была, как всегда, собрана, но в первый раз я услышала голый страх в ее голосе. Я

отошла от окна и села на безопасном расстоянии от нее, в изголовье кровати. Я не хотела, чтобы ей пришла в голову идея обнять меня. Любое прикосновение было бы слишком. Мою кожу покалывало от напряжения, и было чувство, будто кто-то дергает за до отказа натянутые веревки, исходящие от моего сердца.

— Елизавета, — сказала мягко мама. — Я позволила тебе спокойно закончить гимназию. Я не хотела обременять тебя. Ты была больной перед Рождеством, и я горжусь тем, что, несмотря на это, ты справилась и все выучила для письменных экзаменов. Но мы должны действовать. Ты понимаешь это?

Я снова кивнула, не в силах ответить ей. Значит, все зашло уже слишком далеко. Теперь мы с мамой официально решили, что с папой что-то случилось. И это только вопрос времени, пока кто-то не станет утверждать, что эта была моя вина... Я мельком взглянула на нее. Я не смогла обнаружить в ее взгляде какие-то скрытые упреки. Но во мне они кипели постоянно.

В одном она определенно была права: мы остались только вдвоем. Мой брат Пауль уже давно покончил с этим и решил, что эта история с Демонами Мара его отца была вздором и симптомом начинающегося безумия. Он не верил ему. Сам папа пропал. Остались только мама и я. Мама знала о папиных шрамах на спине и она яснее всех ощутила произошедшие с ним изменения, чем любой другой. Она наблюдала за тем, как из человека он стал полукровкой.

Но я, я спала в объятиях Камбиона и своими губами касалась его прохладной кожи. Я прислушивалась к рокоту в его теле, потеряла себя в его воспоминаниях и позволила ему целовать — нет, съесть слезы с моих щек. Я последовала за ним в битве и наблюдала за тем, как он пытался победить Мара, который был пугающе сильнее и коварнее, чем я когда-либо считала возможным. И этот Мар был его собственной матерью.

Только я знала, что действительно означало мамино решение.

Глава 2.

Прекращение расследования

— Значит, вы хотите сказать, что ваш муж в прошлом иногда пропадал неделями? Регулярно? И тогда тоже не давал о себе знать?

Полицейский перенес вес на правую сторону своего широкого зада, и поношенная обшивка его рабочего стула угрожающего закрипела. Меня удивляло, что стул под его весом еще не рухнул. Все в этой убогой комнате полицейского участка казалось маленьким для него. Дряхлый стол с тремя наполовину выпитыми чашками кофе, тонкий ноутбук перед его носом, который он совсем игнорировал, маленькое запотевшее окно позади его тучной шеи и даже металлически-серые шкафы для хранения документов с правой стороны от нас. Но больше всего меня добивали вонь застарелого пота и заволакивающий дым, исходивший от полной пепельницы, из-за которых было тяжело дышать.

До этого я никогда не видела такого толстого мужчину, по крайней мере, не воочию. Поэтому мне было сложно следить за его словами. Я уставилась на него, как на редкое насекомое, и в то же время я должна была снова и снова отворачиваться, потому что это насекомое мне казалось не аппетитным. Тем не менее, до меня дошло, что он хотел дать нам понять своими словами. И это меня разозлило.

— Да, — ответила мама, с трудом сдерживаясь, — Да, это я и сказала. Но он еще никогда не пропадал настолько долго, как теперь.

Полицейский громко прочистил горло и сделал несколько заметок в крошечном блокноте, который он до этого вытащил из кармана своих брюк, вместо того, чтобы использовать клавиатуру своего ноутбука (наверное, он даже не мог им пользоваться). Так, значит, выглядели современные методы расследования в Вестервальде. Каракули на блокноте формата А6. Когда он закончил свои записи, к сожалению, я не смогла ничего разобрать, он глубоко вздохнул и положил свою мясистую лапу на мамины судорожно сжатые пальцы.

— Я не хочу вас обидеть, госпожа Штурм. Но...

— Вы уже это делаете — ответила мама коротко и убрала свою руку. Полицейский усмехнулся.

— Во всяком случае, вы когда-нибудь думали о том, что ваш муж ведет двойную жизнь?

— Ха! — вырвалось у меня, а мама бросила на меня странный взгляд. Двойная жизнь. Сто очков! Только, к сожалению, мы не сможем ему объяснить эту двойную жизнь в деталях.

— У моего мужа нет романа, если вы намекаете на это.

— Уважаемая госпожа Штурм, — полицейский взялся за самую полную из трех чашек с кофе, нам он не предложил кофе, что, может быть, было и к лучшему, и сделал большой глоток. Его шея затряслась. — Я знаю, что этого не хочется признавать. Но как вы думаете, как часто мы такое выясняем? Девяносто пять процентов пропавших мужей чувствуют себя прекрасно. Они лежат где-нибудь на пляже в обнимку с молоденькой девушкой и наслаждаются своей новой...

— Теперь вы послушайте меня внимательно! — Мама встала и ударила руками по столу. Несколько бумаг упали на пол. — Мой муж исчез 31 декабря, и мы не получили от него никаких признаков жизни. Я ожидаю от вас, что вы тщательно проведете следствие: лежит ли Леонид Штурм или Леопольд Фюрхтегот в одной из итальянских больниц и была ли найдена его машина. Обнимает ли он молодую женщину или нет, меня не заботит. Вы поняли меня?

— Конечно, госпожа Штурм, — ответил полицейский, но на его лице снова появилась дурацкая улыбочка. Он засунул блокнот в карман своих брюк, ударил себя по лбу, переваливаясь, прошел мимо нас и вышел из комнаты. Он просто оставил нас сидеть! Мама и я растеряно переглянулись, потом мы тоже встали и вышли на улицу. Последние шаги я бежала. Только когда я была уверена, что полностью скрылась от испарений толстяка и мы сидели в машине, я решилась глубоко вздохнуть. Запах пота все еще стоял у меня в носу. Испытывая отвращение, я прижала шарф ко рту и сглотнула, в то время как мама завела своего жука, и рев двигателя сделал любой разговор невозможным.

Мой шарф пах хорошо. Совсем немного мятой, как почти всегда, так как мое японское масло из лекарственных растений, как и раньше, принадлежало к моим самым важным аксессуарам, за которым сразу следовали Labello*, духи и дом.

(прим. редактора: * Labello — косметическая марка, выпускающая бальзамы для губ)

Но наш дом теперь тоже не был местом, где я с удовольствием находилась. Летом Вестервальд преподнес себя мне (и Колину) во всей своей красе. Прежде чем появилась Тесса и все разрушила. Но сейчас, скорее всего, даже какая-нибудь северо-сибирская территория в тундре была бы более милостивой, чем это. Наш сад представлял собой картину абсолютного запустения. Газон лежал коричневым и заболоченным под твердым слоем старого снега, а земля на грядках превратилась в замерзшую грязь. Февраль даже в Кельне был самым скучным месяцем. Но зима в Вестервальде превзошла все самые

паршивые зимы, которые я до этого переживала. Большую часть времени деревня лежала перед нами тихая и заснеженная, что мне казалось, будто мы единственные живые существа на много-много миль вокруг. И я вздыхала почти с облегчением, если видела, как из трубы выходит дым, или горит свет в одном из окон.

Через несколько дней после того, как Колин бежал, а Тесса исчезла — я предполагала, что она исчезла, чего-то другого я даже не хотела себя представлять — в соседнем поселении вспыхнула болезнь гепатита А. Никто не знал, кто занес возбудителя. Предполагали, что это туристы. Туристы?

Никогда. Я сразу же заподозрила Тессу. Колин наслал на меня ветрянку. Гепатит для Тессы, вероятно, был сущим пустяком.

Но эпидемия утихла прежде, чем вспыхнула паника. Это взял на себя свиной грипп. В конце октября он настиг и меня, а вирусная инфекция за каких-то пару дней расчистила себе путь для всяких бактериальных осложнений. Четыре недели я лежала с высокой температурой в кровати, с бронхитом, ангиной, воспалением третьего уха, и ненавидела саму себя. Я ненавидела себя за то, что болела, что не могла больше есть. Я ненавидела свои глаза, которые лежали так глубоко и безжизненно в глазницах. Я ненавидела свое тощее тело. Первый антибиотик не помог вообще. Второй показал лишь небольшой эффект. От третьего папа отказался. Он боялся, что у меня снизится резистентность. Почти каждый день папа грозился положить меня в больницу, а я настойчиво спрашивала и приводила аргументы против, пока он, в конце концов, не стал дома ставить мне капельницы. Моя правая рука все еще выглядела как у наркомана.

Незадолго до Рождества в деревне мы уже больше никого не знали, кто бы ни заболел. Наша соседка умерла из-за воспаления легких, а старая женщина в двух кварталах от нас стала жертвой ракового заболевания. Газета кишела известиями о смерти. Один лишь только папа оставался здоровым, как всегда.

Потом пошел снег. Он шел почти каждый день, пока не наступила оттепель и улицы не превратились в отвратительное коричнево-серое месиво, которое ночь за ночью замерзало, а днем снова оттаивало, чтобы снова быть снегом. Мне ничего другого не оставалось, как углубиться в свои школьные учебники и всю свою энергию вложить в окончание гимназии. Потому что в основном мало что было в моей жизни. Иногда я встречалась с Майке и Бенни для вечерних мероприятий, но всегда наступал момент, когда я посреди веселой суматохи вспоминала Колина так ясно и ярко, что мне приходилось все эти образы насильно вытеснять из головы, чтобы не упасть на пол и не начать безудержно рыдать.

Весны не было видно еще и в помине. Но и она ничего не изменит в бессмысленности моего существования. В середине марта были мои устные экзамены, а что потом? Что мне потом делать?

У меня не было никакой цели. Я не знала, в какой университет мне поступать. У меня не было никаких амбиций, того, чего бы я хотела достичь в своей жизни, хотя мои оценки, скорее всего, не установили бы мне никаких границ. Я даже не выписала никаких информационных брошюр из университетов. Мама терпела мою преднамеренную бесперспективность молча. Нам обоим было ясно, что я не начну учебу в летнем семестре, хотя в принципе ничего этому не мешало.

Как только мама и я вернулись из полицейского участка в Коуленфелде и вышли из машины, я сняла и бросила свое пальто и, тяжело шагая, поднялась наверх, в свою мансарду, чтобы накормить своих животных. На самом деле слово «животные» было милым

описанием для этих нелепостей природы. После того, как Тильман оставил паука, который сопровождал его и меня в сражении, просто перед нашей входной дверью — еще одна причина, почему я на него обиделась, я неохотно предоставила ему убежище. В конце концов, он мог, возможно, дать мне информацию о местонахождении Тессы, так как делал это летом. Но он вел себя так обычно и непримечательно, что я перестала его бояться. Я назвала его Бертой и была благодарна, что мне приходилось давать ему сверчка для потребления всего один раз в неделю, потому что не хотела, чтобы моя ванная стала логовом убийцы. Я закончила свой реферат, получила за него единицу и поощрила этим господина Шюту, к моему несчастью, давать мне регулярно другие уродливые задания.

Так что уже как несколько недель я была счастливым обладателем не только паука Берты, но также радовалась компании альбиноса-саламандры, которая днем и ночью прозябала в темноте под грязным камнем (я назвала ее просто Хаинц), серо-зеленой лестовидки (Генриетты) и двух бычков Ханни и Нанни. Креативность никогда не была моей сильной стороной, даже при выборе имен.

— Эли, я не знаю, как ты можешь жить и спать рядом с этими монстрами, — сказала мама, которая последовала за мной и с отвращением наблюдала, как я открываю витрину Генриетты и падаю ей барахтающегося сверчка. Так что моя ванная все-таки превратилась в логово убийцы. Подоконник предназначался исключительно для хранения подходящего живого корма, и когда я принимала душ, сверчки начинали стрекотать, не подозревая, что ожидает их в ближайшие дни. А именно: быстрая, сосредоточенная, безупречная смерть. Генриетта и Берта работали удивительно эффективно.

Я насыпала немного еды в аквариум Ханица, Ханни и Нанни и повернулась к маме. Она все еще злилась из-за толстяка и из-за этого выглядела еще более решительно.

— Я думаю, время настало.

— Какое время? — спросила я, ничего не понимая.

Беззвучно схватив свою вкуснятину, Хаинц проглотил ее. Боже, каким же он был уродливым.

— Пойдем со мной. Я покажу тебе.

Мама прошла вперед и провела меня в папин кабинет. Мне пришлось сглотнуть, когда я переступила порог. Мое горло сжалось. Черт, папа, почему тебя здесь нет, подумала я в отчаянии и крепко схватилась за книжную полку. В его рабочий кабинет я больше не заходила с того времени, как он пропал.

Его письменный стол был совершенно пуст — не считая конверта, который лежал точно в центре рабочего стола.

— Он всегда оставлял его там лежать, когда отправлялся на одну из своих конференций, — прошептала мама. — И я уверена в том, что он предназначен для нас. Что мы должны открыть его.

— Он определено для тебя, — сказала я быстро и хотела сбежать, но мама удержала меня за запястье.

— Нет, Эли, останься здесь. Оно для нас обоих, — я вырвала свою руку из ее, но не убежала. Какое-то время мы просто стояли молча и разглядывали конверт.

— Кто его откроет? — спросила, наконец, мама испуганно. Вздохнув, я подошла к столу, взяла его в руки и хотела просунуть папин серебряный нож для бумаги в щель конверта. Но этого не понадобилось, потому что конверт был не запечатан. Письмо немного выскользнуло, когда я переворачивала его, и коснулось, щекоча, кончиков моих пальцев. Я

уронила конверт на стол, как будто он порезал мою кожу. Мама застонала.

— Это сделать мне?

— Нет! — выкрикнула я быстро и снова взяла его в руки, чтобы высвободить лист письма из его убежища и развернуть его. Тихое тиканье старомодных часов отозвалось у меня в ушах, пока я, наконец, не смогла заставить себя посмотреть вниз. Да, это был почерк папы.

— Читай, — попросила меня мама и сделала шаг в мою сторону.

Оборонительно я отступила к окну. Я не хотела отдавать это письмо, пока не прочитаю его и, тем не менее, я боялась того, о чем оно расскажет. Я несколько раз зажмурилась, пока буквы не стали выглядеть более четко.

— Теперь это случилось, — начала я читать дрожащим голосом. — Я не вернулся, и вы открыли конверт. Это хорошо. У меня есть два поручения — по одному для каждой из вас, — мама тихо фыркнула. Я не знала, из-за протеста или скорби. Я заморгала, смахивая слезы с ресниц, чтобы можно было читать дальше.

— Так как я точно знаю, что вы не потерпите какие-либо приказы, потому что одна упрямее другой, то я назвал мои приказы поручениями. И я был бы очень рад, если вы последуете им. Эли: верни Пауля назад. В его стенах ты найдешь ключ от сейфа. Мия: держи позицию. Не продавай дом. Не переезжай.

Я люблю вас. И я с вами. Никогда не забывайте об этом, — мама опустилась на зеленый кожаный диван, в то время как я читала папины строчки, и я тоже почти больше не могла стоять.

— Что этот сумасшедший собственно себе вообразил? — прорычала мама после короткого молчания, во время которого она несколько раз напряженно сглотнула и высморкалась, — Остайся здесь. Держи позицию. Мы что, на войне, или как это понимать?

— Я не могу этого сделать, — ответила я беззвучно и как бы самой себе. — Я не могу сейчас уехать, — в то же время, глубоко внутри себя я знала, что ничего не желала больше, чем какое-то задание, даже если оно казалось таким невозможным и недостижимым как это.

Мы снова замолчали. Потом мама набрала побольше воздуха в легкие, выпрямилась и повернулась ко мне.

— Нет. Мы должны поехать. Если мой муж предпочитает исчезнуть в мире Демонов Мара, я хочу, по крайней мере, чтобы мой сын был со мной рядом. Лео прав. Нам нужно вернуть Пауля. Кроме того, у него мы найдем ключ к сейфу. А я чертовски хочу знать, что находится в этом сейфе.

— Мама. Он имеет в виду не нас. Он имеет в виду меня. Ты должна остаться здесь, пишет он, — запротестовала я слабо. Вдруг мне стало ясно, что мама вообще только что сказала. Мир Демонов Мара. Теперь она это произнесла. Демоны Мара. Они существовали. А если существовали они, то, возможно, также существовал и Колин.

— Так, значит, он пишет, да? — мама сердито уперлась руками в бока, — Мне наплевать, что господин пишет и приказывает. Я не позволю тебе поехать одной в Гамбург, никогда! Это исключено!

— Но папа не просто так написал об этом, и я думаю, что Пауль едва ли посчитает классным, если мы появимся там у него вдвоем и начнем его убеждать. — Я почувствовала, как мой нерешительный протест умножился, стал прочным — несгибаемым. Идея отца не была такой уж плохой. Да, мне нужно было задание, чтобы не сойти с ума, чтобы, наконец, быть чем-то занятой. И, в конце концов, я использовала эту страшную зиму, чтобы получить

права. Но сначала я должна выяснить: действительно ли папа пропал без вести, а не лежал где-то в больнице, надеясь получить от нас какие-то известия.

— Мы подождем, пока не получим известия от полиции, — предложила я маме, которая все еще выглядела так, как будто в следующий момент разломает в кабинете все на куски, а потом подожжет. — Хорошо? Если они ничего не выяснят, то я поеду.

— Эли, я потеряла своего сына, и я не хочу еще потерять и свою дочь.

— Ты не потеряешь меня. И я верну Пауля. Если поеду. Обещаю тебе. Он больше слушает меня, чем тебя, не так ли?

Мама убрала руки с боков и скрестила их на груди. Если она принимала эту позу, с ней становилось трудно разговаривать, я точно знала это. Но я так же хорошо знала, что не хотела ехать в Гамбург вместе с ней. Я хотела сделать это одна. Также потому, что боялась, что этот дом окончательно потеряет теплоту и безопасность, если моя мама его покинет. Что придет Тесса и заберет его себе, как она забрала дом Колина. Нам был нужен домашний очаг.

Мама возьмет и снимет квартиру в Гамбурге, если Пауль будет упорствовать. И как бы сильно я не отвергала Вестервалд в начале — это была моя и Колина территория. Ей нельзя было снова вырывать меня из этой среды, пока у меня еще была надежда, что Колин и я в один прекрасный день сможем вернуться в лес.

— Мама, есть кое-что еще, — я держала его все это время в руке. Тонкий, сложенный листок письма, который тоже находился в конверте. На нем было написано только одно слово: "Миа". И он был лучшим отвлекающим маневром, который у меня как раз был наготове. — Оно для тебя, а не для меня.

Я протянула ей его, убежала из кабинета и промчалась по ступенькам на чердак. Еще до того, как я смогла закрыть дверь, по моим щекам потекли слезы.

— Ах, папа, — рыдала я, в то время как Мистер Икс терся о мои ноги. — Почему одно для мамы? Ты не мог и для меня написать одно письмо? Всего лишь несколько строчек только для меня?

Плача, я зарылась под одеяло. Мистер Икс свернулся клубочком, согревая меня, на моих ногах.

Дал мне папа это задание, потому что хотел, чтобы я заплатила за то, что выступила против него и своей любовью к Колину, завлекла сюда Тессу? Это была первая часть моего искупления?

Или я получила его, потому что он только мне и больше никому не доверял убедить Пауля? И что находилось в сейфе?

Как всегда, я боялась, что встречу с Колином во сне. Но я все равно уже плакала. Какая теперь была разница в том, заснуть плача, плача увидеть о нем сон или плача проснуться?

Мой сон принадлежал моим слезам, а мои слезы принадлежали ему. Где бы он ни находился.

Глава 3.

Меры принятые для выживания

Неделю спустя папина машина снова стояла у нас во дворе. Без папы. Volvo был найден в аэропорту, в Риме, образцово припаркованный в подземном гараже и с оплаченным паковочным билетом на первые три дня. За остальное время теперь должны были заплатить

мы, также и за стоимость перевозки машины. Последний полет папы привёл его в Неаполь. Там след обрывался. Никакая больница не принимала его ни на материке, ни на Сицилии. Сам автомобиль был цел. Авария была исключена.

Полиция всё ещё предполагала любовную двойную жизнь, но мама и я знали, что в этой двойной жизни мало чего было связано с любовью. Теперь мы стояли в зимнем саду и подозрительно разглядывали через густой плющ перед окнами стоящий внизу квадратный тёмно-синий Volvo, как будто в следующий момент он выплеснет разъедающую кислоту.

Уведомление полиции — "местонахождение неизвестно" — было не единственным сообщением, которое достигло нас на этой неделе. Я получила любезно сформулированное согласие на работу уборщицей в одной из клиник Гамбурга, которое, учитывая среднее число моих оценок, которое, по всей вероятности, будет лежать между 1,0 и 1,3, я посчитала не очень смешным. "Мы будем рады приветствовать вас в вашу первую смену 19 февраля в 8 часов вечера". Там, должно быть, что-то перепутали, и у меня появилось искушение порвать письмо и выбросить его в мусор, но я не сделала этого. Также моя попытка позвонить туда закончилось тем, что я положила трубку, прежде чем кто-то смог ответить и таким образом разъяснить недоразумение. Так как клиника находилась в Гамбурге, а в Гамбурге жил Пауль. Так что я могла появиться в клинике лично и объяснить всё уполномоченному лицу. То, что я была не той, кто хотел там мыть пол. И то, что этим я, возможно, украду у какой-нибудь бедняжки работу, которую она не получит из-за этого недоразумения.

Таким образом, у меня был двойной повод поехать в Гамбург. Это было то, что я делала последние дни: искала причины, чтобы поехать в Гамбург. Этот был смешным, потому что я просто могла написать на EMail клиники сообщение, вместо того, чтобы звонить. Но чем больше я находила причин появиться в Гамбурге лично, тем лучше и надёжнее я себя. Это письмо казалось мне знаком судьбы — да, как будто оно имело особое значение. Хотя его вовсе нельзя было раскрыть из содержания, но каждый раз, когда я читала его, то строчки вызывали тихое гудение в моём животе.

Кроме того, этот красочный спектр причин был нужен не только для меня. Они были нужны мне также для мамы. Потому что она всё ещё сопротивлялась идеи позволить мне одной поехать на север. Зима никак не прекращалась. Снова выпал снег, и дороги были постоянно заледеневшими. Поэтому во мне ещё сильнее горело желание покинуть этот гнетущий дом и выполнить моё задание. Не в последнюю очередь к Паулю меня подгоняло любопытство и тоска по моему старшему брату, которого мне так мучительно не доставало все эти годы.

Теперь подходящая машина стояла внизу. Сесть в мамин «жук» было бы равноценно негласному самоубийству. Я боялась садиться в него, даже когда мама была за рулём. Я же сама за рулём этой тарахтящей торпеды? Невообразимо. Машина папы казалась мне комфортнее и гораздо безопаснее в движении. Тем не менее, я не отваживалась подойти к ней ближе.

— Я обыщу её, — решила мама после нескольких минут молчания. — Может быть, что-то и найду.

— Хм, — пробормотала я в знак согласия и была рада, что она эту задачу взяла на себя. Тогда хотя бы ещё один знакомый человек после папы карабкался по изношенным сидениям. В настоящее время для меня это всё ещё была папина машина, и возможно внутри неё был его запах... Возможно, в CD-плеере находился его любимый компактный диск "Pink-Floyd"... Возможно, в бардачке лежали его мятные таблетки, которые он так любил сосать.

Это было и так достаточно тяжело — смотреть на машину снаружи.

Мама завязала свои дикие кудри на затылке, как будто хотела навести порядок на голове и в голове и подняла высоко подбородок.

— Теперь у меня есть два варианта, Эли. Либо я надеюсь на то, что он жив и вернётся, и всё своё время провожу в ожидании. В ожидании события, которое, может, никогда не наступит. Либо я считаю, что... что с ним что-то случилось, тогда у меня будет шанс горевать, и я буду ещё больше радоваться, если в один прекрасный день он снова вернётся.

— И что ты выберешь? — Я даже не потрудилась заглушить укоризненный тон в голосе. Потому что уже догадывалась, каким будет её ответ.

— Прошедшие восемнадцать лет я снова и снова проводила в ожидании и бдении. И я снова и снова ожидала этого момента. Я хочу оплакать его, Эли. Было чудом то, что до сих пор ничего не случилось.

— Значит, ты думаешь, что он мёртв, — сказала я жёстко.

— Нет, я так не думаю. Я думаю, что он находится в такой ситуации, в которой мы больше не можем достигнуть его. И что это рано или поздно будет стоить ему жизни.

— Это ведь то же самое! — Я резко повернулась в мамину сторону, но она по-прежнему смотрела на Volvo.

— Лео полукровка, Эли. Ты и я — мы люди. Это разные категории. У нас есть предел. И ты не должна забывать, что эти... эти Мары имеют бесконечное количество времени в своём распоряжение. Они не торопятся. Если они его поймали, то не вынуждены действовать быстро...

Мамина прямота приводила меня в ярость. Я переплела свои руки между собой, чтобы не ударить ими в стекло зимнего сада.

— Прекрасно. Может быть, ты и можешь сесть и погоревать, чтобы потом начать новую жизнь. Но я так не могу. Я выясню, что случилось с папой...

— Елизавета! — прервала меня мама и оторвала свой взгляд от Volvo. В ужасе она посмотрела на меня. — Ты этого не сделаешь! Ты что, сошла с ума? Хочешь, чтобы я и тебя тоже потеряла? У тебя нет никаких шансов! Ни малейших!

Я хотела противоречить ей, сказать ей, что, по крайней мере, смогла выманить Колина из сражения с Тессой без того, чтобы она учуяла меня. Но мама ничего об этом не знала. Я даже папе не рассказала все подробности. Он только знал, что я пыталась замаскироваться, но не то, что точно я пережила в лесу и что видела. Кроме того, мама была права.

В одиночестве у меня действительно не было никаких шансов. А я была одна. Мысль о том, чтобы поехать в Гамбург без моего по-отцовски терпеливого инструктора по вождению, пухленького усатика по имени Боммель, который даже тогда был спокойным, когда я со скоростью 80 км/ч пронеслась мимо придорожной закуской, итак заставляла безудержно подсакивать мой адреналин в крови. Отправиться самостоятельно в Италию, чтобы искать папу, было совершенным безумием.

— Хорошо, не сейчас, — вздохнув, уступила я, — Когда-нибудь, когда-нибудь я найду папу. И я не буду горевать по нему. — Потому что больше горя, чем сейчас, невозможно перенести, — подумала я, но чего не хотела говорить вслух. Я уже горевала о Колине — и это тогда, когда знала, что он может умереть только с большим трудом. Он существовал. Но его не было в моей жизни. — Может быть, содержимое сейфа даст нам разъяснения, куда его могло занести, — добавила я, вздыхая.

Мама закатила глаза, подняв, вздыхая, их к небу, а ее локоны затанцевали, когда она

замотала головой.

— С каких это пор ты стала таким авантюрным человеком?

— Я не авантюрный человек. Я хочу знать, что случилось. Но я подчиняюсь твоему диктату и сначала верну Пауля. Согласна?

Теперь ей придется сказать "да". По-другому было невозможно. У нее был выбор: Гамбург или Италия. Мама на одну секунду сжала губы:

— Когда ты поедешь?

— Завтра утром, — спонтанно решила я. Мне нужно было воспользоваться этой возможностью, — Я пойду сейчас паковать свои вещи. Ты позаботишься о машине?

Мамины всхлипывания и ярость, и брань доносились до меня наверху, когда я тоже ругалась, без какой-либо системы вытаскивала из моего шкафа вещи и запиховала их в свой чемодан на колесиках.

В то же время мама, причитая, осматривала папину машину, при этом привлекая внимание соседей. Ей это было так же безразлично, как и мне. Так и так уже ходили первые сплетни об исчезновении папы, а из клиники пришло неприятное письмо, за которым последовало немедленное увольнение. Папа порядком все себе здесь испортил.

Я не имела ни малейшего понятия, сколько мне понадобится времени, чтобы уговорить Пауля вернуться домой. Мне было ясно, что мама не ожидала, чтобы он обосновался здесь навсегда. Он учился на врача, и у него была квартира в Гамбурге. Здесь речь шла больше о том, вообще свести его снова с остальной семьей, даже если это продлится всего один или два часа, что-то, что в прошедшие семь лет не удавалось ни разу, потому что Пауль с упрямством, как у осла, притворялся, что нас не существует.

Так что я запаковала то, что вмещалось в чемодан, добавила наверх пару компакт-дисков и наслаждалась сердитым усилием, которое мне понадобилось, чтобы застегнуть замки. Задыхаясь, я поволокла чемодан к двери и огляделась.

— Что мне делать с вами? — спросила я озадаченно и посмотрела на моих милых животных. Генриетта сложила щупальца как в молитве и выглядела при этом более безбожно, чем сатана во плоти. Берта сидела неподвижно под корнем, насыщенная и ленивая из-за сверчка, которого она съела сегодня утром. Хайну, как всегда, сбежал от дневного света и прятался от меня и всего мира под своим камнем. Только Ханни и Нанни спокойно валялись в песке.

Теоретически, папина машина была достаточна большой, чтобы они там поместились вместе со своими жилищами, и я с удивлением поняла, что мне будет трудно расстаться с ними. Кроме того, я просто не была уверена, что мама сможет дать им живой корм. Она предпочтет высадить их в саду. А это никто не переживет при таком холоде.

Ладно, значит, я возьму их с собой. У Пауля, в конце концов, была слабость к уродливым животным.

— А ты, мой зайчик? — я плюхнулась рядом с Мистером Икс на диван и погладила его обеими руками по потрескивающему меху. На одну секунду я увидела не свои, а руки Колина, которые всегда так небрежно и в то же время нежно ласкали его, так, как только мог делать это он... С тех пор Мистер Икс уже множественное количество раз почти невротически основательно умывался и все-таки: Колин касался его. Я оставила лежать ладони на его животе. Гортанное мурлыканье кота мягко под ними вибрировало.

Это утешало меня. А мама решила горевать. Я все еще хотела обвинить ее во всех возможных вещах, но в первую очередь за ее трезвую безысходность, хотя в то же время мне

было ее так жалко, что у меня сжалось горло. Но она будет нуждаться в утешении. Не говоря уже о том, что я не знала, переживу ли я то, если Мистер Икс последует своим животным потребностям, да возьмет просто во время поездки, и выложит свою вонючую сосиску в багажнике. До Гамбурга нужно добираться несколько часов.

— Ты присмотришь за моей глупой мамой, хорошо?

Мистер Икс высунул когти и начал, восторженно пинаясь, раздирать обивку моего дивана. Когда мы ужинали, мама уже снова успокоилась. Она не нашла ничего подозрительного в папиной машине, но почистила ее, проверила аптечку, положила мне в бардачок инструкции по эксплуатации и ящик воды, плюс одеяло и две упаковки печенья в багажник. Значит, она предполагала, что я самое позднее на полпути окажусь в канаве и никогда оттуда больше не выберусь. Признаюсь, мои навыки вождения были не особо хороши. Но я хотела выбраться отсюда и при этом оставаться независимой. Мамины попытки побудить меня поехать на поезде были напрасны.

После ужина я надела мое пальто, обмотала плотно шарф вокруг шеи и прошла по темной, тихой деревне.

Как всегда, при этих вечерних прогулках я не встретила никаких других людей. Иногда мою дорогу пересекала кошка, а овцы на пастбище рядом со старым дубом блеяли доверчиво, когда чуяли меня. До сих пор я избегала вершины грунтовой дороги. Но сегодня я пошла, с бешено стучащим сердцем, ей на встречу.

Две из корявых яблонь не устояли в последнюю бурю. Как скрученный скелет, они упирались в мокрую землю. От них исходил затхлый запах. Не та многообещающая и в то же время испорченная сладость, как во время прощания Колина и меня, о котором я не знала, было ли оно на самом деле или всего лишь было сном. Позволил ли Колин увидеть мне его в сновидении, или я была здесь по-настоящему? В своей тонкой ночной рубашке и босиком, не чувствуя холода и моих ранений?

И играло ли вообще большую роль то, видела ли я все это во сне или нет? Нет, для моих чувств это не имело значения. Однако это имело значение для моего задания. Я могла быть убедительной по отношению к Паулю только тогда, когда сама была убеждена. Может, он сомневался в папином рассудке. Но в моем нет.

С гулками шагами я побежала вниз к дому, твердо решив сделать то, чего я боялась в течение всей зимы. Я открою ящик, содержащий письма.

Глава 4.

Колебания температуры

В последнюю минуту я передумала, но было уже слишком поздно. Мои пальцы передвинули ящик так, что он выпал немного за край. Об остальном позаботилось притяжение Земли. Хотя я отпустила его и в тоже время отпрянула, как будто обожглась, упала сначала я, а потом и ящик на пол — и, к сожалению, так злополучно, что острый металлический край попал мне в висок.

Я оставалась лежать в течение нескольких минут, будто мертвая, и ждала, пока колющая боль, которая пульсировала, как метроном, у меня в голове, перейдет в терпимую пульсацию. С закрытыми веками я вытянула руку и опустила ее на ковер.

Что-то зашуршало. Да, под моими пальцами была бумага. Одна из двух записок, которые торчали в ошейнике Мистера Икса. Я знала обе наизусть, также, как и письма.

— Ты ведь знаешь, он любит рыбу. А я люблю тебя.

Воображение? Пустая, неисписанная бумага? Или буквы?

— Буквы, — прошептала я после того, как наконец нашла мужество открыть глаза, подняться и посмотреть вокруг. — Буквы...

Они были там. Аристократический подчёрк Колина. Чернила немного выцвели и были почти коричневого цвета, но достаточно интенсивные, чтобы его строчки чуть ли не засветились. Два письма, две записки. Доказательства. У меня были доказательства.

Поспешно я снова их сложила, убрала назад в металлический ящик, заперла и отнесла их на законное место на шифоньере. Внезапную мысль о том, что я сама сочинила эти строчки в своем летнем безумии — в семье Штурм было возможно все — я настойчиво отметала в сторону. У меня не было ни бумаги Верже, ни чернил каракатицы. Нет, все это было доказательством, и покончим с этим. Скверно уже то, что я полночи сидела перед шифоньером и боролась сама с собой.

Теперь я выиграла и могла отправляться в дорогу. Так тихо, как только было возможно с тяжелым чемоданом в руке, я прокатилась по лестнице вниз и на улицу во двор. Я не хотела будить маму. Заботливо я включила в машине отопление, чтобы мои уродливые твари не умерли от холода, когда я оставлю их в багажнике машины. Затем я оттащила аквариумы и террариумы вниз.

Во время моей второй вылазки по лестнице вверх и вниз проснулась мама, несмотря на то, что я старалась быть тихой. Молчаливо скрестив руки на груди, она мерзла или не одобряла то, что я делала? Она наблюдала, как я несла одно чудовище за другим на рассвете в прозрачных ящиках для перевозки, которые я купила еще вчера, размещала почти нежно между ящиком с водой, террариумами и аптечкой. В багажнике теперь было достаточно тепло. Все же Берта раздраженно прыгала на стенку ящика, когда я принесла этот последний, чувствительный груз в машину, и на одну страшную секунду моего носа достиг затхлый запах Тессы. Я замерла и сделала глубокий вдох и выдох. Мама выжидательно наблюдала за мной.

— Завтракать не будешь? — немногословно спросила она. Я повернулась к ней и увидела, что она плакала. Я только покачала головой. Во рту пересохло, а язык, казалось, прилип к небу. Я не хотела есть, и говорить тоже не могла. Мы нехотя обнялись, не особо при этом приблизившись друг к другу.

— Береги себя, Эли, — сказала мама, но казалось, она не верила в то, что я приму ее совет во внимание после того, как полностью проигнорировала его летом.

Прежде чем я опустила ручной тормоз и включила скорость передач, я вставила новый Моби-диск в магнитола. Он помог пережить мне зиму, и я горячо надеялась, что он сделает поездку в Гамбург терпимее. У меня не было навигационной системы, только карта, которую я не смогла бы нормально посмотреть во время езды. Мама записала мне адрес Пауля, но я не заглядывала так далеко в будущее. Когда я буду уже в Гамбурге, был мой девиз, то и остальное решится само.

То, что само по себе ничего не решается, стало ясно на автостраде. Асфальт был гладким и скользким, как лед. Колеса как-то странно вибрировали, а медленный, как черепаха, трактор передо мной сводил меня с ума. Раздраженно я начала свой самый первый обгон. Встречная полоса, в конце концов, была свободна.

Я нажала на газ, а все остальное уже не зависело от меня. Внезапный рывок сдвинул зад Volvo в сторону. Колеса пронзительно завизжали, когда я в панике надавила ногой на тормоз. Почти элегантно универсал покрутился вокруг своей оси, в то время как трактор

чудом проехал мимо хвостовой части машины, а морда машины заехала на проселочную дорогу, ответвляющуюся от шоссе. Там заглох двигатель. Затем произошел короткий, но неожиданный удар, из-за которого я ударилась лбом о руль.

— И снова на несколько клеток головного мозга стало меньше, — поставила я диагноз, прежде чем мое тело поняло, что случилось. Мое сердце подпрыгнуло до самого горла и отчаянно попыталось разорвать его.

— О, Боже, — застонала я.

Внезапно мне стало так жарко, что я трясущимися пальцами отстегнула ремень и сняла куртку. Затем мой мозг пережил смерть своих клеток и в тот же момент объяснил мне, где я нахожусь. Это была не просто какая-то проселочная дорога. Это была проселочная дорога, которая приведет меня к дому Колина в лесу.

Я больше ни разу не была в его доме. Когда Тильман и я унеслись на Луисе, мы оставили Тессу, с ее дикой жадностью, на покрытом гравием дворе. Я не придавалась иллюзиям о том, что она не зашла еще раз в дом и не взяла все, что могла схватить в свои ненормально маленькие, волосатые руки. В то время как происходила битва, Тильману в руки попали вещи Колина, которые она до этого украла и затолкала в свою одежду. Также машина Колина была покрыта царапинами от ее когтей. Я хотела запомнить дом таким, каким я его увидела впервые и полюбила. Это очаровательное, стильное сочетание старого и нового. Шикарная кровать Колина с бархатным красным покрывалом. Его ванная комната, которая напоминала мне каюту роскошного парусного судна. Его поношенный килт на стене. Кто знал, как все выглядело там сейчас.

У меня почти не было сомнений, что Тесса ушла. Но я не хотела видеть оставленные ею слезы, не хотела признавать их. Не в то время, когда мне нужно было еще жить здесь.

За моей спиной по дороге проехал школьный автобус. Volvo задрожал. Его задние колеса прокручивались, когда я завела двигатель и хотела сдать задом с проселочной дороги. Он сопротивлялся, а чтобы развернуться было не достаточно места. Но во дворе Колина было как раз столько места, чтобы я без дальнейших опасных маневров могла направить автомобиль на правильный путь. Кроме того, улица расширялась недалеко от домика лесника.

Это были объективные аргументы. Что ж, хорошо. Но они производили на меня мало впечатления. Намного сильнее было подсознательное гложущее желание хотя бы ещё раз посидеть под крышей рядом с домом и посмотреть на опушку леса, даже если я сделаю это одна при минусовой температуре и со снегом. Но посидеть там, только несколько тихих моментов, может быть, это даст мне силу для всего того, что я намеревалась сделать. Я ведь не хотела заходить в дом, а только посидеть там снаружи. И ничего больше.

С другой стороны, разве я этим не разберезу старые раны? Не станет ли тоска ещё сильнее, чем она уже была? Или я обнаружу дом не только пустым, но и полностью изменённым, таким, как в моих изнурительных, длительных, плохих снах, в которых он пришёл в упадок и стал тёмной, затхлой дырой, наполненный мокрицами и тараканами, с заплесневелыми стенами и давяще низкими потолками.

Но он был моим убежищем. Он казался мне почти крепостью, которая защищала меня, защищала нас. Пока не появилась Тесса. И к чёрту, она не должна быть последней, кто был там. Только не она.

Не веря, я смотрела на саму себя, как я переключила скорость на первую передачу и заехала в лес. Машина ползла. Чем ближе я подъезжала к дому и чем темнее становились

заросли вокруг меня, тем больше я замедляла и без того уже медленный темп. Дышать я могла теперь только порывисто, как в ночи лихорадки с бронхитом, когда, кашляя и задыхаясь, я думала, что пробил мой последний час. Что-то давило мне на грудь...

При следующем затруднённом вдохе я снова нажала на тормоз. В этот раз немного более аккуратно, чем раньше. Volvo остановился без вращений. Со щелчком я повернула ключ, и двигатель заглох. Тишина капала, как расплавленный свинец в моих ушах. На один момент я подумала, что оглохла. Но, к сожалению, у меня осталось моё зрение. Я заморгала, зажмурила глаза, снова открыла их — старая песня. Я всё ещё не привыкла, что существуют вещи, которые нещадно расширяют мой кругозор.

И это была одна из них. Липкая и смертельная, и совершенно нелогичная. Паутина. Везде: между кустами и деревьями, даже камни на гравийной дороге были покрыты ею. Она покрывала пеньки, листья и стволы елей. Тянулась в перепутанном, но пугающе эстетическом узоре от куста к кусту, а именно до высоты одного метра сорок пять сантиметров. Высоты Тессы.

В отдаление от дороги не было никакой возможности сделать хотя бы шаг в лес, без того, чтобы не касаться паутины и не спровоцировать её жителей. "Каких жителей?" — спросила я себя со слабой насмешкой. Это, должно быть, осталось с осени, при первом морозе было заморожено и законсервировано, и потому, что сюда не проникала ни одна человеческая душа, они остались. Причуда природы, ничего больше. Но я знала, что это не так. Дичь, которая бродила здесь ночью по зарослям, должна была порвать её. Или здесь не было никакой другой жизни?

Может, мне стоит ближе взглянуть на паутину. Лишь мимоходом, чтобы убедиться, что это было так, как я думала. Зимняя спячка. Но если быть честной, то я только искала причину, чтобы покинуть безопасное место в машине. Потому что это были не только тысячи паутинок, которые сбивали меня с толку и вызывали моё любопытство, но так же и тонкий столб дыма, который поднимался за следующим поворотом в бледное небо, то есть всего в нескольких шагах от дома Колина.

Я попыталась проигнорировать жуткую тишину и мимолётное соображение, сколько Берт, вероятно, живет в паутине, в шоковом ли они состоянии из-за мороза или нет, и открыла дверь. Подозрительно я принюхалась. Нет, никакого затхлого запаха, никакого удушливого, животного запаха мускуса. Пахло горячими камнями и — шалфеем? Я, принюхиваясь, втянула в себя воздух. Да, шалфеем, очевидно.

Ну, это точно была не Тесса, кто поджаривал себе в утреннем барбекю свиное бедро в пряных травах. Демонам Мара не нужна была человеческая еда. Тем не менее, я открыла багажник и посмотрела испытывающе на БERTY. Она производила впечатление, словно была обиженна, но не находилась ни в брачном безумии, ни прыгала на стекло. Она просто сидела и ждала.

Замок машины я закрыла. Потом снова открыла. При случае бегства это было лучшим условием. Я направилась навстречу столба дыма и должна была следить за тем, чтобы мои гладкие подошвы не поскользнулись на обледенелом гравии. Время от времени я бросала взгляд на паутину слева и справа от меня, но я была не достаточно смелая, чтобы всмотреться в неё сознательно или даже дотронуться до неё. Сначала я хотела увидеть, что происходило возле дома. Со стучащим, как барабан, сердцем я направилась к облаку дыма. И мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что я увидела.

Это не было барбекю. Это была палатка, состоящая из нескольких тентов, которые были

натянуты на основу из веток. Пар пробивался через щели и терялся между ветками голых деревьев. Запах шалфея был теперь настолько сильным, что щекотал у меня в носу. Перед палаткой горел маленький костёр, в котором лежали толстые, круглые камни, накалившиеся от жара.

— Что ты тут делаешь? — Тильман не повернулся в мою сторону. Неподвижно он сидел, скрестив ноги, перед входом в палатку, взгляд направлен на извивающееся пламя. Его лицо отсвечивало красным, и всё же я заметила, что его волосы стали светлее. Они больше не были такого огненного тиюцианового цвета, из-за которого он везде выделялся. Так же и его кожа изменилась. Веснушки остались, но они почти не выделялись на молочного цвета основе его щёк.

— Я спросила тебя, что ты тут делаешь! — прошипела я, хотя было совершенно ясно, если посмотреть поверхностно, что он делал. Он сидел перед домом Колина и возвеличивал индийскую сауну. Тоже хороший способ скоротать зиму. И такой духовный.

— Я больше не потею, Эли. — Его голос стал ниже. При том, что для его возраста он и так был низким. Я невольно вздрогнула и не знала, что мне ответить. Почему он не смотрит на меня? И что это значило — он больше не потел?

— Я рыжий, — продолжил Тильман, казалось бы, равнодушно говорить дальше, но я увидела, что мышцы его челюсти свело судорогой. Он беззвучно рассмеялся. — Исправлю. Я был рыжим. Но у меня всё ещё светлая кожа. Раньше я не мог хорошо переносить ни жару, ни солнце. Я должен был бы погибнуть там внутри. В палатке почти сто градусов. Но ничего не случилось. Ничего.

— Так. И вместо того, чтобы рассказать мне об этом, ты сидишь здесь в этом чёртовом лесу и поджариваешь себя? Может быть, ты ждёшь, что она вернётся?

Тильман не позволил мне вывести его из равновесия, но его губы сжались. Встреча с Тессой не сделала его уродливее. Совсем наоборот.

— Я жду того, что пойму, что случилось. — Нет. Пусть он так ценит свою зимнюю сауну, но так не пойдёт. Ему нельзя оставаться сидеть здесь. Обосновать это убеждение я не могла, а приказы он ненавидел, но одно я точно чувствовала: то, что он делал, было не решением. Здесь станет всё ещё намного хуже. Он погрузился прямо в её яд и верил, что найдёт в нём своё исцеление. Так мне казалось. Это было нелепо.

Кроме того, мне был нужен друг. Мне очень хотелось кого-то иметь, кто бы мне помог. Кто-то, кто мог понять, почему я должна уехать и сверял бы направление по карте?

— Поедем со мной, Тильман. Я еду в Гамбург, к моему брату... Тебе нельзя оставаться здесь. Пожалуйста!

Но он продолжал смотреть на огонь, не дав мне ответа или даже не бросив на меня один взгляд. Я не могла достучаться до него.

— Мой отец пропал, — сказала я в направлении потрескивающего костра. Потом я развернулась и пошла, нет, побежала назад к машине, села за руль и выполнила поворот через рвущуюся паутину, поднимающийся в воздух гравий и хрустящие ветки, который привёл бы в ужас господина Боммель.

Только когда я оставила лес далеко позади себя и доехала до автомагистрали, я смогла снова свободно дышать.

Во время третьего объезда трущоб большого города моя поездка начала напоминать блуждающий корабль в море без рулевого. Я начала сдержанно реветь, пока из носа не потекли сопли, а я не начала захлебываться своими собственными слезами. Но плач был ошибкой.

Также как было ошибкой чрезвычайно расточительно использовать стеклоочистительную жидкость на автомагистрали. Это проклятая моющая жидкость уже десять минут как закончилась, а мое лобовое стекло из-за брызг от рассыпанной на дорогах соли было покрыто слоем грязи. Я почти ничего не видела, не могла разобрать больше ни одного знака, а задние фонари автомобилей передо мной превратились в огромные расплывчатые пятна света. Утонув в соленых слезах, ко всему этому капитулировали и мои контактные линзы: и без того полностью высохнув от печки в машине, они тоже сильно запотели. Можно было сказать, что я ехала вслепую.

В панике я протянула руку и нажала на несколько рычагов, чтобы направить горячий воздух на лобовое стекло, а из системы стеклоочистителя извлечь последние капли воды. Но она лишь со свистом выпустила воздух в тоннель, по которому я проезжала в четвертый раз. Вместо этого, из-за моего неразборчивого нажимания на кнопки включилось радио, и Цара Леандер продекларировала:

— Это не катастрофа...

Я не отрывала взгляд своих затуманенных глаз от задних фар автомобиля передо мной и следовала за ним, насколько это было возможным. Моргая, я пыталась расшифровать знаки, хотя бы большие.

Нет, угадывать. После двух светофоров, которые я использовала для того, чтобы заткнуть рот Цары Леандер, справа от меня появилось зияющее жерло подземного гаража-отеля. Я свернула на полосу рядом, не обращая внимания на возмущенные гудки машины, и прогромычала вниз. Бампер уперся о шлагбаум, потому что я поздно затормозила, но после нескольких выкрутасов мне удалось извлечь билет. В дальнем углу я нашла место для парковки и припарковала машину там.

Что теперь? Я была вся мокрая от пота, голодная, как волк, чуть не умерла от жажды, к тому же слепая. А в багажнике у меня находилось четыре населенных тварями пластиковых контейнера, которым нельзя было оставаться здесь. Не в этом холодном, бедным кислородом, пропитанным выхлопными газами воздухе.

Шатаясь, я обошла вокруг машины, чтобы открыть багажник. Мои дорогие животные все находились в состоянии шока. Я могла понять их, я бы с удовольствием присоединилась к ним. Кроме того, я не могла перестать реветь, и этого я не хотела больше, потому что точно знала, что потом случится. Покрытые корочкой соли линзы прилипнут к моей сухой роговице. Так что мне лучше позаботиться о постоянном увлажнении. Поэтому я продолжала старательно реветь, когда с четырьмя ящиками на ноющих от боли руках, мне пришлось сложить один на другой, и я шла, широко расставив ноги, как моряк в шторм, чтобы не лишиться травмированного Ханица его сдвигающегося камня. Затем я врезалась в колесо такси.

Открыть дверь я не могла, а махнуть рукой тем более. Водитель открыл окно и уже хотел начать ругаться, когда заметил мое заплаканное лицо и сразу после этого длинные, блестяще черные ноги Берты, которые были в гневе прижаты к стенке ее жилища. Сострадание в его глазах тут же сменилось страхом.

— Пожалуйста, — пробормотала я. — Пожалуйста, пожалуйста, возьмите меня с собой.

Пожалуйста. Я отдам вам все свои деньги. Но довезите меня до моего брата.

Я знала, что это прозвучало ужасно драматично, но я говорила на полном серьёзе. И это подействовало. Мужчина помог мне закрепить ящики для перевозки в багажнике (о Ханице я серьёзно беспокоилась, он выглядел ещё более подавленным, чем обычно), и включил счетчик лишь тогда, когда мы снова находились в этом чертовом туннеле.

Я прочитала ему адрес квартиры Пауля.

— В Шпайхерштат? Вы уверены? На острове Вандрам?

— Да, вообще-то уверена, — или это был фальшивый адрес?

Пауль что, даже не дал нам своего правильного адреса? Мама ведь каждый год на Рождество посылала ему посылку, и они никогда не возвращались.

— В этой части Шпайхерштата есть только офисы и склады, и коммерческие помещения. В это время там вообще-то никого больше нет. Может быть, мне сначала лучше отвести вас в ваш отель?

— Нет, спасибо, — я тяжело вздохнула. — Я не зарезервировала отель. И мне нужно попасть туда. Старый Вандрам, 10.

Если Пауль действительно живет там, подумала я в новом порыве паники. Но другого адреса у меня не было.

— Вот оно, — сказал водитель, когда мы остановились по прошествии десяти минут. Он выключил двигатель. Я посмотрела через боковое окно, проследив глазами по высокому, темному, кирпичному зданию вверх. На самом верху горел свет. Все другие окна были черными дырами. Как крепость, дома стояли близко друг к другу, между ними протягивались прямые водные пути, чья черная, блестящая поверхность освещалась только желтоватыми кругами света, которые бросали старомодные фонари. Крыса быстро пробежала по тротуару и исчезла в темноте. Вскоре после этого я услышала всплеск. Она поплыла.

— Давайте я отвезу вас в отель. Что-то мне всё это не нравится. Может быть, вы ошиблись во времени... — Таксист обеспокоенно втянул шею, как будто бы боялся и как можно быстрее хотел уехать.

— Нет, — ответила я твёрдо. — Как я уже сказала, я не зарезервировала отель. А с моими тварями меня всё равно никакой не примет.

Без того, чтобы я сознательно заботилась об этом, мой плач утих. У меня кружилась голова от жажды и голода, но по сравнению с моим переполненным мочевым пузырём, это было лишь шуткой. С сегодняшнего утра я не посещала туалета, и когда я открыла дверь машины и встала, то испугалась, что в первый раз в своей жизни опишу штаны.

Быстро я сунула водителю деньги в руки и взяла животных из багажника. Теперь всё случится в считанные секунды.

— Спасибо! — крикнула я и навалилась на тяжёлую входную дверь дома. Тихо скрипнув, она открылась, чтобы впустить меня в тёмный, затхлый коридор. Я слышала, как о внешнюю стену ударяется вода; маленькие, твёрдые волны, которые непрестанно размывают кирпичи.

Свет не включился, но в углу я смутно различила древний, чудовищный лифт, монстра из чёрной стали, но видимо работающий, в котором достаточно места для моего отряда животных. Я выбрала самый верхний этаж. Здесь, внизу, казалось, что не было квартир и только наверху горел свет. И с пугающим рёвом металлическая клетка пришла в движение.

— Быстрее, быстрее, — упрашивала я, прыгая на месте и твёрдо сосредоточившись на

том, чтобы не думать ни о плещущейся воде, ни о туалете. Самое большее я смогу сдержаться ещё одну минуту. Не больше. Разве я недавно не читала, что мочевой пузырь может лопнуть? И что это неизбежно вело к неминуемой смерти?

Внезапно Ханиц и Ко стали мне безразличны. Я оставила стоять их в лифте, когда он, покачиваясь, остановился, и бросилась к ближайшей двери. После трёх неглубоких вдохов, глубоко дышать я больше не могла, и постоянно звоня, она наконец-то открылась.

— Мне нужно в туалет, — объявила я торопливо и бросилась вслепую вперёд. Ванны находились обычно в конце коридора... И да, там была дверь... Я возбуждённо затрясла дверной ручкой.

— Это кладовая. Справа, — донёлся голос из коридора.

Я свернула, снимая в то же время джинсы. Успела. Я плюхнулась. Керамический унитаз подо мной жалобно задребезжал. С блаженной улыбкой я откинулась головой на плитку сзади меня. Такое, пожалуй, называли "в последнюю секунду".

Я оставалась ещё некоторое время сидеть на ледяной крышке, просто радуясь, что больше не нахожусь в Volvo и в вечернем потоке машин Гамбурга, а в настоящей квартире у моего брата. Но был ли вообще мужчина, который открыл мне, моим братом? Я не прочитала имени на дверном звонке, для этого не осталось времени. Я думала, что узнала его голос, но на мужчину я не посмотрела.

О, Боже мой. Неужели я сидела у незнакомца в туалете? Встревожено я огляделась. Могла ли это быть ванная комната Пауля? Всё выглядело очень дорого. Она напоминала мне ванную комнату отеля.

На стеклянной полочке, рядом с раковиной, стояло почти столько же много духов, как и у Колина, только они, казалось, были более новыми. Рядом дневной крем для лица, ночной крем для лица. Ночной крем? Пауль и ночной крем? Раньше Пауль предпочитал мазать лицо слизью улитки. Или у него есть подруга, и эти вещи принадлежали ей? Нет, это были продукты для мужчин.

— Это, по меньшей мере, журчало целую минуту. Моё почтение, — раздалось из коридора. Я невольно захихикала, но всё ещё была не уверена в том, был ли это голос Пауля. Если это был его, то можно посмеяться. Если же нет, то мне немедленно нужно смываться. Пауль и я раньше иногда устраивали соревнования, в которых мы измеряли время, кто мог дольше писать. Но с незнакомцем я не хотела устраивать таких соревнований.

— Ты не хочешь потихоньку уже оттуда выйти? Люпочка? — Мои глаза снова наполнились слезами. Только Пауль называл меня Люпочкой, когда я была маленькой. И в основном тогда, когда я не могла заснуть. Он был Люпо, волк, я была Люпочкой. А волк защищал своего волчонка всегда, когда тот видел плохие сны.

— Ведь это ты, не так ли?

— Да, — сказала я обессилено, подтянула брюки, смыла и проковыляла на шатких ногах в коридор. Пауль стоял возле входной двери. Вопросительно он указал на ящики для транспортировки.

— Твои новые друзья?

— Что-то вроде этого, — ответила я и улыбнулась. Но Пауль не ответил на мою улыбку.

— Эли, ты ненавидишь пауков и насекомых. Ты раньше ревела, если в твоей комнате был паук, и не спала всю ночь, а теперь ты носишь их с собой?

Я не ответила. Вместо этого я медленно подошла к нему, разглядывая его. Он делал то же самое со мной.

— Ты растолстел, — установила я и ущипнула его за бок, зная, что крайне преувеличила. Но раньше Пауль был такой же скелет, как я, а теперь у него явно появился маленький животик. Так же и его плечи стали более массивными.

Мышцы его верхних частей рук сильно выделялись из-под его чёрной футболки с длинным рукавом. На нём были надеты необыкновенно сконструированные часы, которые очень дорого выглядели, и свободные джинсы. Сразу же мне в глаза бросились широкие серебряные кольца у него на руках, его больших, красивых руках, три справа и два слева. Раньше их тоже не было. Длинных волос тоже.

Его серо-голубого цвета орлиные глаза искали мой взгляд, и как всегда, когда я смотрела на Пауля, я не могла не улыбнуться. По-другому было просто невозможно. Наследство от отца. Только взгляд Пауля был более острым, его улыбка, однако, обезоруживающей и озорной. Тем не менее, он стал тревожным образом чужим для меня. Его широкий, изогнутый рот изменился. И его улыбка не могла уменьшить меланхолическое, да почти болезненное выражение, которое запечатлелось в уголках его губ.

На всё это ещё ложилась пелена, находящаяся на моих контактных линзах, что придавало ситуации нереальную атмосферу. Казалось, будто Пауль смотрит на меня из глубокого, холодного тумана.

— А ты стала довольно красивой.

— Значит, раньше я не была такой? — спросила я воинственно, хотя я была уверена, что Пауль по привычке очаровательно лгал. Я не могла выглядеть красиво, не сейчас, после такого адского путешествия и полчасового рёва.

— Почему ты здесь, Эли? — Мой желудок громко заурчал, прежде чем я могла ответить. В квартире Пауля пахло запечённым в сыре хлебом, и у меня потекли слюнки.

— Я хочу пить. И я голодна. Мне нужно что-нибудь поесть. А потом нужно поспать. Может быть, перед этим принять душ.

— Ладно, я понял. Ты хочешь остаться. — Пауль посмотрел на меня с сомнением. Он ведь не собирался снова отослать меня? Я молча кивнула.

Он какое-то время подумал.

— Ну, ладно, тогда занеси своё барахло.

— У меня нет барахла. Только твари. Машина, — я инстинктивно сказала машина, а не папина машина, — стоит в подземном гараже... — Чёрт... Только где? Я просто больше не знала, где находилась... — В каком-то отеле. А там внутри мой чемодан.

Пауль закатил глаза. Качая головой, он смотрел на меня, немного насмешливо и в то же время раздражённо. И, к сожалению, так же он держался прохладно-отстранённо.

— Это ведь не сложно, найти Шпвйхерштадт. Как ты могла только так заблудиться?

— Я же не знала, что эта улица находится в Шпайхерштадте. Это всё в новинку для меня и мои водительские права, кстати, тоже! — защищалась я торопливо. — Я подумала, я посмотрю на карту, как только окажусь здесь, но мои контактные линзы...

Пауль снова покачал головой.

— Ты поехала в Гамбург, не узнав сначала точно в какой части города я живу? Ладно, не смотри так на меня, всё нормально. Ты можешь пройтись немного?

— Я не знаю, — пробормотала я жалобно. Честно говоря, у меня не было настроения куда-то идти.

— Значит, ты сможешь. Давай сначала что-нибудь поедим. А потом посмотрим дальше. И Люпо взял Люпочку за руку, чтобы проводить её в новый мир.

Глава 6.

Разногласия

— Итак, почему ты здесь?

Я неохотно оторвалась от миски с картофелем фри, которая покоилась передо мной на жирной стойке закусочной и ждала того, чтобы её съели. Я выбрала еду быстрого приготовления, но не Пауль. Вообще-то он хотел потащить меня в шикарный, благородный ресторан. Но я не хотела придерживаться предписаний, не сегодня вечером. Так что он впереди меня промаршировал к пристани, где одна закусочная для туристов примыкала к другой и где можно было купить что-то иное, кроме бутерброда с рыбой. Но сейчас мы были здесь почти одни. Ледяной ветер обдувал мои щиколотки, и у меня не было никакого настроения для морской открытой атмосферы, которой Пауль только что восторгался. Я хотела как можно быстрее оказаться в тепле и растянуться где-нибудь, существовала ли там «великая свобода» или нет. Ещё раз я понюхала картофель фри, потом подняла взгляд. Пауль смотрел на меня спокойно, но с той железной настойчивостью, которая всегда была ему присуще.

— Где твоя колбаса? — спросила я в замешательстве. Пауль провёл салфеткой по рту и выбросил её в мусорное ведро. Улыбаясь, он указал на свой живот.

— Ты уже съел её? Так быстро? Она ведь была такой горячей! Ты бы мог обжечься. Блин, Пауль, можно заработать рак горла, если так быстро впихивать в себя горячие вещи!

— Эли, — прервал он меня, и его улыбка отступила к уголкам глаз, где постепенно исчезла. — Всё в порядке. Я не обжёгся, и я был голоден. Почему ты здесь?

Я съела несколько палочек картофеля, пока не поняла, что чем дольше меня мучил вопрос Пауля, остававшийся без ответа, тем меньше они мне нравились. Так что я лучше буду говорить, чем есть. Я отодвинула картошку фри от себя.

— Папа пропал.

— О, снова, — холодный сарказм в голосе Пауля испортил мне и тот аппетит, который ещё оставался. — Расскажи мне что-нибудь новенькое.

— Это новое, — выпалила я. Неопрятный мужчина, который до этого молча пил своё пиво на другом конце стойки, посмотрел в нашу сторону. Но Пауль равнодушно пожал плечами.

— Я только надеюсь, что в этот раз он действительно останется в стороне и у мамы появится шанс найти кого-нибудь, у кого ясная голова и кто будет относиться к ней серьёзно.

— Папа относился к ней серьёзно! — Теперь я повысила голос. Любопытство типа, пьющего пиво, было полностью возбуждено. Подчёркнуто незаметно, он придвинулся к нам немного ближе. — Как ты можешь такое говорить? Может быть, его уже нет в живых! Мама сидит дома, и она выплакала себе уже все глаза, а ты находишь в этом что-то хорошее?

— Эли, я думал, ты знаешь, что папа... Мы ведь говорили об этом... Он..., - Пауль подбирал слова. — У него не все дома. И он ей постоянно изменяет. — Теперь и женщина за стойкой прекратила мыть фритюрницу и наострила уши. Я попыталась собраться. Точно, летом я сделала вид, будто придерживаюсь взглядов Пауля и мимоходом попросила его о том, чтобы он никому не рассказывал о папиных "диких теориях" (ха-ха). Я сделала это, чтобы защитить своего брата, потому что Мары не любили, когда люди узнавали об их существовании, и лучше было перестраховаться. Но я была так же уверена, что ни

продавщица картофеля фри, ни толстоватый алкоголик, который составлял нам компанию, не принадлежали к народу Демонов Мара. Тем не менее, я должна взять себя в руки.

— Он оставил мне задание.

— Да неужели? — горькие складки в уголках губ Пауля углубились, а его взгляд стал настолько стальным, что я отвернулась. На его лице не осталось даже следа от улыбки. Так он никогда раньше не смотрел на меня. На одну секунду всё перепуталось и мне показалось, что я сижу напротив совершенно незнакомого человека.

— Да, он сделал это, — ответила я язвительно. — Я должна вернуть тебя домой. Вот почему я здесь. — Эту вещь насчёт Демонов Мара мы могли решить и позже, без падких на сенсации слушателей.

— Гениальный план, — усмехнулся Пауль. — В очередной раз он классно всё устроил. Его любимая доченька возвращает потерянного сына, чтобы он мог облегчить свою совесть и успокоиться. Ты будешь выполнять его грязную работу, а он сможет вообразить себе, что его исчезновение, в конце концов, даже принесло что-то хорошее. Забудь об этом, Эли. Я в этом участвовать не собираюсь.

— Я не выполняю здесь никаких грязных работ! — прогремела я разгневанно. Я схватила палочки картошки фри и прижала их ко рту Пауля. Ошеломлённо он открыл его, несколько штук упали на его дорогое пальто, остальные оказались на мокром асфальте. Свою руку, однако, он стремительно протянул вперёд и схватил меня за запястье. Я забыла, какая быстрая реакция была у него. Но мне удалось вырваться. Разъярённая я смела его пиво со стойки. Шипя, кружка разлетелась на куски.

— Не таращите так глупо глаза! — закричала я на официантку и снова повернулась в сторону Пауля. — Папа не сумасшедший. Он полукровка, а ты давай лучше возвращайся домой!

— Эли, пожалуйста... говори немного тише... и я не вернусь домой.

— О, тогда нажирай себе ещё немного жира и убеждай себя в том, что твой отец потерял разум, чтобы не нужно было смотреть правде в глаза. Вот, пожалуйста. — Я придвинула ему оставшуюся картошку фри и выдавила на неё кетчуп, так что под ним её больше не было видно. Бутылка, пропердев, закончилась. — Приятного аппетита, толстяк.

Я повернулась на каблуках и побежала в Шпайхерштадт. Это было не сложно: просто вперёд. Но как только порт остался позади и устойчивые, кирпичные здания окружили меня, я снова потеряла всё чувство ориентации.

Когда мы шли в сторону закуской, я не обращала внимания, какие улицы мы выбирали. Я просто шагала рядом с Паулем, слишком усталая и задумчивая, чтобы смотреть на дорожные знаки.

Но это был город, а не лес. В лесу, этому я научилась летом, когда-нибудь всегда находишь место, благодаря которому можешь сориентироваться; как правило, возвышенность или вышка. Но здесь не было вышек, и тем более возвышенностей. Я была в районе Шпайхерштадта Гамбурга; бесконечные ряды домов, бесчисленное количество мостов и на много миль вокруг никакой возможности найти смотровую площадку. Но даже это мне не помогло бы. Я больше не могла вспомнить, как выглядел дом, в котором находилась квартира Пауля. Все здания с одной стороны граничили с водой, а с другой стороны — с улицей. Для меня все выглядели одинаково, громоздкие и неприступные. И где же были дорожные знаки? Я их не видела. Ремонтные работы — да, на улице Пауля они были, но деревья? Чтобы там были деревья, я не помнила. Но здесь были деревья.

Может, это был ряд домов вон там? С закруглёнными балконами? Я пересекла, тяжело дыша, ещё один мост. По дороге с пристани в Шпайхерштадт мне приходилось отпихивать людей на тротуаре в сторону, чтобы можно было пройти мимо. Теперь же я была одна. Вдалеке я слышала шум машин, и в первый раз моего носа коснулось дуновение удушливого, затхлого запаха.

Когда я облокотилась на стальные перила моста, чтобы немного отдохнуть, до меня снова донёсся усердный животный всплеск. Крысы. Я зачарованно смотрела на воду, которая, казалось, не двигалась. Тёмная, круглая тень, извиваясь, двигалась в сторону берега и поднялась там жутко быстро на стену склада, чтобы потом найти убежище в брешу, похожей на амбразуру, в области подвала. Ещё две тени, которые так внезапно появились, будто выросли из мокрого, блестящего кирпича, последовали за ней.

— Сюда!

Я вздрогнула и огляделась. Пауль стоял в конце моста и, махая рукой, звал меня к себе. Я с благодарностью послушалась его и подошла к нему, не смотря в лицо. Молча, мы прошли несколько метров по улице к Вандрам 10.

— Тебя нужно отшлёпать, — сказал Пауль, когда мы в полутьме лифта загромыхали наверх. Я чувствовала, что он улыбался. Я всё ещё сердилась, но в то же время чувствовала себя совершенно одинокой, и поэтому я решила встретиться с ним взглядом. Его улыбка не могла заглушить глубокое сомнение в его глазах. Это будет очень тяжело, исполнить папино задание, и на сегодня я достаточно надрывалась.

— Завтра первым делом мы найдём твою машину, — решил Пауль, как будто нашей ссоры никогда не было.

— Разве тебе не надо в университет? — спросила я, зевая. Но Пауль уже открыл входную дверь и мягко толкнул меня в коридор.

— Как ты думаешь, ты сможешь спать здесь? Это моя игровая комната. — Он открыл одну из дверей.

— Твоя игровая комната, — повторила я. Да, это была его игровая комната, даже если для любого нормального человека желание играть из-за неё навсегда бы пропало. Передо мной протянулась узкая комната с высокими потолками, на стены которой Пауль повесил полочки, одна над другой, до самого потолка. Они почти ломились под своей причудливой ношей: старые микроскопы, его сумка врача со времён детства, выпуклая банка с лягушкой, законсервированной в спирте, у которой всё тело обесцветилось, рядом целый набор пробирок, травяных бочонков, минералов с острыми краями, модель парового двигателя, два стетоскопа, шприцы, историческая пила для ампутации (я купила её на одной из норвежских курьёзных барахолок и подарила ему к двадцатому дню рождения), в смолу заключённый скорпион и респектабельная коллекция медицинского оборудования, и бывшие живые существа, которые я предпочла бы разглядеть поближе при дневном свете, так же и череп кошки, чьи глазницы Пауль украсил высушенными жуками-оленьями. Без вопросов, мои животные будут чувствовать себя здесь распрекрасно. Буду ли я спать спокойно в этой "игровой комнате" было уже другим вопросом.

— Как-нибудь смогу, — пробормотала я и потёрла влажные ладони друг о друга. Кроме полочек, были ещё всего одна кровать и крошечный письменный стол. Как раз достаточно места, чтобы...

— О, нет. Нет! Я забыла про сверчков.

— Сверчков?

— Для Берты и Генриетты. Их живой корм. — Для мамы, наверное, был праздник, освободить их из их тюрьмы в ванной комнате, и отпустить в сад, после того, как она заметила, что я не взяла их с собой. Так что они были уже мертвы. Для сверчков зима означала смерть. Я вздохнула. Сверчкам я не могла больше помочь, но Берта и Генриетта только сегодня утром получили свою порцию. Так быстро они не умрут.

Я подвинула бесцветную лягушку и микроскоп в сторону и подняла ящики для транспортировки на полочку над кроватью. Свои настоящие жилища мои животные получают только завтра, если конечно Пауль отыщет Volvo. Так как террариумы и аквариумы всё ещё находились в багажнике. До тех пор мои монстры должны будут довольствоваться тем, что у них было. Так же, как и я игровой комнатой Пауля.

В то время как я разговаривала с Ханицем и Ко, Пауль, не переставая, наблюдал за мной и при этом заталкивал себе в рот плитку чёрного шоколада. Она исчезла так же быстро, как и сосиска.

После того, как мой брат, окинув меня критическим взглядом, оставил меня одну и сел перед телевизором, я открыла окно и посмотрела вниз, на воду. Нигде не было видно ни одного дерева, а постоянный рёв двигателей города, как бы приглушённо он сюда не доносился, действовал мне на нервы.

Да, я находилась рядом с морем, а Колин находился где-то там на воде, но я ещё никогда не чувствовала себя настолько от него отрезанной, как сейчас. Здесь не было места, которое мы разделяли, ничего, что бы мы вместе видели. Всё было холодным и чужим.

Я искала луну, но не нашла её. Луна — это единственное, что могло связать меня и Колина. Я знала, что он любил смотреть на луну, и иногда у меня было ощущение, что наши души встречались там, наверху, в бесконечном холоде космоса — в течение короткого момента, когда я была настолько близко к нему, что чувствовала его холодную ауру и чёрный пыл его взгляда, который навсегда проник в моё сердце.

Я закрыла окно, разделась и неловко легла на узкую, скрипучую кровать. Этой ночью я первый раз после его исчезновения видела сон о моём отце. Мы нашли его, и мы вернули его назад.

Мы сидели вчетвером, в нашем старом доме в Кёльне, мама, папа, Пауль и я. Между Паулем и папой никогда не было ссоры или об этом никто больше не говорил. Мама и Пауль были невероятно счастливы, что папа вернулся. Они чуть ли не светились от гордости.

Но папа выглядел усталым, настолько глубоко усталым и обессиленным, как только выглядят люди, которые лучше хотят умереть, чем оставаться хотя бы ещё одну минуту на ногах. Да, он был смертельно уставшим. Он смотрел на меня, мягко улыбаясь, и с тихим покорным судьбе пожатием плеч, жестом, который никто, кроме меня не увидел, и я поняла, что он вовсе не хотел быть здесь. Что мы должны были отпустить его. Что это было эгоистично с нашей стороны возвращать его. Он был здесь только ради нас, потому что мы так сильно по нему скучали.

Но я не хотела позволить ему освободиться от своей жизни, от своего существования. Он вернулся. А тот, кто вернулся, тому нельзя снова уходить. Потому что мы не вынесем этого во второй раз. Теперь он должен остаться с нами. Навсегда.

Глава 7.

Рататуй

Приглушённый кашель, мягкий плеск небольших волн и звонкий стук двигателя

«вытащили» меня медленно, но неуклонно из моего хаотичного утреннего сна. Мне понадобилась несколько минут, чтобы определить все звуки по возможности рационально.

Кашель принадлежал моему брату (и это меня не удивило, так как вчера он стоял с открытой шеей и не застёгнутым пальто на ледяном морском ветре), плеск раздавался от воды внизу, а стук двигателя, вероятно, принадлежал лодке, которая как раз проезжала мимо дома. Я была в Гамбурге, у Пауля. И если я открою глаза, то как раз увижу блестяще-чёрное тело Берты и её расставленные ноги.

Я тоже почувствовала желание закашлять, но у меня болело горло. Я провела кончиком пальца по векам и нащупала кристаллики соли, которые прилипли к уголкам. Это было не началом болезни, нет, я всего лишь плакала во сне. Как часто бывало после побега Колина.

Я откатилась в сторону, вставала с кровати и удостоила Берту коротким взглядом лишь тогда, когда перестала кружиться голова, а мои колени не стали больше подгибаться подо мной. Как бы мои отношения не наладились с ядовитым пауком, когда я просыпалась утром, я не хотела видеть его. Не сразу. И конечно, не после того, когда я снова видела сон, что как-то ночью нашла Колина. На вершине холма, на поле возле яблонь, убитым и разорванным на куски, уложенным на мокрую от росы траву рядом с трупом Луиса. И я поочерёдно целовала и била его холодное, неподвижное лицо, чтобы вдохнуть в него жизнь, в то время как в ветвях дерева скрывалась Тесса и только и ждала возможности, чтобы напасть на меня. И всё же у меня не было страха в этих снах. Я была такой же печальной, как до этого во сне о папе. Такой печальной, что почти желала, чтобы она наконец-то забрала меня.

— Сны не имеют никакого значения, — попыталась я прислушаться к голосу разума. — Колин жив, он сбежал от неё. — Мои слова были заглушены ещё одним приступом кашля из соседней комнаты.

— Так тебе и надо, Пауль, — добавила я хрипло, но очень злобно, и почувствовала себя немного лучше. Теперь я могла обратить внимание на Берту. Она выглядела раздражённо, хотя не настолько странной и с нарушенным поведением, как после прибытия Тессы. И она явно была голодна. Ханиц погрузился в тихую апатию и подкреплял свою депрессию в тени камня. Генриетта молилась. Только Ханни и Нанни близость моря, казалось, повергла в эйфорию. Ревностно они барахтались в песке и выпускали крошечные пузырьки воздуха.

Когда я зашла к Паулю на кухню, прежде приняв душ и откашлявшись, пробилось солнце сквозь низко висящие тучи и как раз освятило меня. Слеплённая я остановилась. Состояние, которым я некоторое время наслаждалась, чтобы можно было спокойно оглядеться, как только я снова смогу что-нибудь разглядеть. Впечатление от ванной комнаты возобновилось. Кухня Пауля казалась не такой консервативной, как у Колина, а более весёлой и красочной, но дорогой она выглядела точно. Чего у Пауля только не было: миксер из нержавеющей стали, соковыжималка, индукционная плита, американский кухонный комбайн, машина для приготовления эспрессо, баночка для сахара от "Alessi" и много других приспособлений.

— Доброе утро, — пробормотал Пауль, не опуская вниз свою газету, и при этом он мне так напомнил отца, что я резко втянула в себя воздух. Его голубые глаза поднялись вопрошающе от заголовка. — Всё в порядке?

— Лучше не бывает, — сказала я холодно и села рядом с ним. Он положил газету рядом со своей тарелкой, поставил мне перед носом корзинку с хлебом и намазал свою оставшуюся половинку булочки толстым слоем масла и нутеллы. В три укуса он перепоручил её своему желудочному соку и с не менее пугающей скоростью за ней последовал хлеб с ветчиной.

Только смотря на него, у меня появилось чувство, будто мой холестерин в крови опасно быстро повысился.

— Разве тебе не нужно идти в университет? Или у вас каникулы? — Пауль ответил таким звуком, который я не могла истолковать ни как «да», ни как «нет». Он сделал большой глоток кофе и посмотрел задумчиво на улицу, где проплывала красочно разукрашенная баржа по сверкающей голубой воде.

— Знаешь, это для меня любимое время дня, сидеть возле окна, поочередно смотреть на небо и происходящее там внизу и завтракать.

— Хм, — согласилась я с Паулем, хотя этот приём пищи только при большом желании можно было назвать завтраком, как я выяснила, взглянув на часы на запястье Пауля (Armani). Время приближалось к обеду. Это был поздний завтрак.

Я не могла поверить в то, что спала так долго. С того времени как Колин сбежал, я стала вставать очень рано. Самое позднее — когда начинало светать, я вылезала из постели. С другой стороны, вчера я пережила изнурительный день. Скорее всего, мне был крайне необходим этот отдых.

— Когда я завтракаю, у меня появляется такое чувство, будто я начинаю новую жизнь, — продолжил Пауль мечтательно, не глядя на меня. Его глаза были устремлены на воду, которая под широким корпусом баржи мягко расступалась и заставляла святиться ирис его глаз ещё голубей. Теперь я была полностью сбита с толку. Пауль любил завтракать? Как и меня, раньше его надо было заставлять что-то съесть, пока не пробьёт шесть часов вечера. А музыка, которая раздавалась из минималистского CD-плеера, ещё больше позаботилась о том, чтобы я спрашивала себя, может ли мне всё это сниться.

— Я спрашиваю, что со мной может случиться — пел женский голос с подкупающим весельем. — Поверь мне, я люблю жизнь..., - Пауль фальшиво подпевал, снова спрятавшись за своей газетой.

"Это Пауль, а не папа, Пауль, Пауль, Пауль", — уговаривала я себя в мыслях. Не смотря на то, что меня немного подташнивало, я проглотила кусочек сладкой булочки.

— Что это за музыка? — Я не знала этой песни, хотя должна была признать, что она нравилась мне больше, чем беспорядочный рёв, который раньше звучал из CD-плеера Пауля. Metallica и Mot?rhead были ещё самыми милыми группами, которые нашли своё место на его полочке для дисков.

— Я сам точно не знаю, — ответил Пауль весело. — Мне подарил её один из моих, хм, коллег. Почему-то она напоминает мне моё детство, тебе нет?

— Нет. — Нет, она действительно этого не делала.

— Я думаю, мама слушала её, когда я был маленьким ребёнком...,

Я в этом сомневалась, но не стала разубеждать Пауля. Скорее всего, это был папа, который иногда слушал старомодные шлягеры, а тему о нём я сейчас хотела по возможности элегантно избежать. Сначала я должна разработать стратегию, чтобы убедить Пауля, а её у меня ещё не было.

— Значит, каникулы? — перевела я разговор снова на другую тему.

— Эли..., - Пауль раздражённо опустил газету. — Я пытаюсь прочитать сообщение.

— Только что ты ведь разговаривал.

— Но теперь я читаю. Хорошо?

— Хорошо, — пробормотала я. — А что за коллега? — Я прикусила язык. Вопрос просто вылетел из моего рта. Пауль застонал и забросил газету себе за спину, где она,

шурша, распласталась на мраморном полу кухни.

— Блин, какой ты можешь быть навязчивой. Коллега, с которым мне всё равно нужно позже встретиться. Заодно я поищу твою машину. Тебе не обязательно идти со мной.

— Ну ладно, хорошо. Спасибо, — сдалась я. Потому что это "Тебе не обязательно идти со мной" прозвучало, как: "Для меня было бы лучше, если бы ты осталась здесь". Я ничего не имела против. Это даст мне достаточно времени и тишины, чтобы придумать план и по возможности много аргументов, и между этим перервать квартиру в поисках ключа для сейфа. Скорее всего, Пауль даже не знал, что ключ спрятан в его четырёх стенах.

Купить Паулю эту квартиру в Гамбурге и отремонтировать её, была папина последняя попытка, чтобы помириться, и он очень старался. Спрятал ли он ключ уже тогда? Должно быть, так оно и было, потому что мне было неизвестно, чтобы он после этого ещё раз навещал Пауля. Разве только это было сделано тайно. Первый раз мне на ум пришёл вопрос, откуда вообще у папы были все эти деньги. Эта квартира здесь, должно быть, стоила целое состояние. В самом центре Шпайхерштадта Гамбурга, где только какие-нибудь богатенькие бизнесмены имели свои офисы или мультимиллионеры хранили свои товары. Это пахло специальным разрешением, но прежде всего это пахло папиными сомнительными дополнительными занятиями, которые нам теперь нужно благодарить за то, что он пропал без вести.

Обстановка, однако, не могла быть от папы. Он вручил тогда Паулю щедрый купон для Икеа, как и при его первом переезде из дома в коммунальную квартиру в Кёльне. Но я ещё не видела здесь никакой мебели, которая хотя бы немного напоминала мне мебель из Икеа.

Я не нашла ничего такого и тогда, когда Пауль, съев ещё одну нездоровую половинку булочки и долго просидев на туалете, отправился искать мою машину. Сильно помочь я ему не могла, потому что даже парковочный билет пропал без вести.

Скорее всего, он выпал у меня из рук, когда я складывала ящики для транспортировки себе на предплечья. Тем не менее, я надеялась на то, что Пауль вернёт мне Volvo вместе с чемоданом, аквариумами и террариумами.

После двух часов самого внимательного осмотра квартиры, а квартира была не особо большой, для меня стало определённо очевидно, что мужчины семьи Штурм имели склонность к скрытности. Папин ключ я нигде не смогла найти, а ещё меньше я обнаружила свидетельств того, чем вообще занимался Пауль изо дня в день. Я боялась, что он забросил медицинское образование. Хотя в его комнате стояли книги и папки с записями лекций, но они выглядели неиспользованными, а последние записи были старше, чем один год. Почему он отказался от учёбы, оставалось для меня загадкой, так же и то, как он зарабатывал деньги, на которые он накупил себе все эти роскошные вещи, которые скапливались в его спальне и гостиной. В первую очередь, по крайней мере, тридцать часов от известных производителей, а так же зловещая коллекция Чил-аут дисков (Чил-аут! Пауль и Чил-аут!). Ключ от порше в серебряной чаше, которую он использовал для хранения всякой всячины и некоторых монет, так же не ускользнул от моего внимания. К этому некоторые ювелирные изделия, дорогие электроприборы, новый Apple-компьютер, игровые консоли, фотоаппараты, видеокамеры (для чего ему нужно несколько штук?). Только от продажи этих вещей я смогла бы прожить несколько месяцев.

Но самыми выделяющимися в квартире были картины. И они тоже фатальным образом напоминали мне об отце, потому что он всегда с удовольствием украшал наши стены произведениями искусств, которые он привозил из своих путешествий. Импрессионизмы с

Карибских островов были похожи на картины Пауля только в том, что касалось их размера, но не в стиле.

Это были крупномасштабные, просто выполненные картины. На многих находился только своего рода символ, который был нарисован на полотне короткими штрихами или маленькими точками и в основном одним цветом. Необычно красивыми выглядели, однако, рамки. Простые, но элегантные и только они придавали этим художественным произведениям (были ли это вообще художественные произведения?) оттенок роскоши. Где-то я уже видела такой тип картин, но где? Я не могла вспомнить.

Во всяком случае, раньше Пауль никогда не интересовался искусством. Почему он тогда обклеил картинами свои стены? Хотя на них, в общем-то, было не так много нарисовано, самое большое змея или геккон, они приводили меня в странное восторженное состояние. Если я смотрела на них, то у меня появлялась усталость, и я становилась рассеянной. Я сама себя ругала за это, потому что любой ребёнок смог бы маленькими штрихами кисточки нарисовать оранжевый круг. В них не было ничего особенного. Или всё-таки было?

Я склонила голову в сторону, зевнула и поняла сонно, что забыла про одну комнату.

— Блин, госпожа Штурм, — зарычала я на саму себя.

Это была та дверь, в сторону которой я пошла при моей острой слабости мочевого пузыря, в самом конце коридора. Кладовая, сказал тогда Пауль. Ладно. Я, по крайней мере, могу взглянуть на неё разок.

Но, как и при моём приезде, я сначала завернула в туалет. У меня было желание помыть руки, после того, как я без разрешения покопалась в вещах Пауля.

В то время как я намыливала руки, я приподняла кончиками пальцев ног тяжёлый коврик. Хотя я не верила, что существует секретный ящик под плитками, но никогда не знаешь...

— Фу! — ахнула я и отпрыгнула на один шаг в сторону. Неестественно большой рой чешуйниц, удивительно большого размера, выбежали на свет, чтобы бесцельно быстро начать метаться между моих ног. Они не любили свет и вели себя так, будто лизнули листочки с ЛСД.

— Пошли вон, — прошипела я, преодолев первоначальный страх, и попыталась накрыть их снова ковром. Но потом у меня появилась идея: может, я смогу ими успокоить Берту. Неохотно я затащила пару особенно жирных экземпляров в стакан для чистки зубов Пауля, зашла в его игровую комнату и вывалила мою добычу рядом с вздрагивающей Бертой.

— Вкуснятина! — прошептала я. Берта, ощупывая, передвинула ногу вперёд и положила её, уверенная в своей победе, на одну из чешуйниц.

За ногой последовало её блестящее тело.

— Приятного аппетита, — пожелала я вежливо. Когда я вернулась в ванную, я должна была срочно вымыть руки во второй раз, коллеги, приговорённых к смерти чешуйниц, снова спрятались под пушистым укрытием, и я с трудом противостояла желанию потопать по ковру, пока их бодрому брачному танцу на все времена не придёт конец. Но, может быть, они понадобятся мне ещё для Берты и Генриетты. Пауль выглядел не особо воодушевленным, когда я попросила его принести мне живых сверчков.

Теперь, значит, осмотрим кладовую, которая была вовсе не кладовой, как я тут же установила, после того, как, наконец, нашла выключатель. Это была каморка, хорошо, но в ней не хранилось никакой еды. В углу были сложены деревянные доски различного качества и текстуры, пахло лаком и краской, на полочках над столом, который занимал почти всё

пространство, находился целый арсенал гвоздей, винтов, молотков, кисточек и пил. С изучением медицины это не имело ничего общего.

Я шагнула вперёд, чтобы можно было рассмотреть, что лежало на столе, хотя я уже догадывалась. Да, эта была одна из этих странных картин, которая ожидала своей рамки. Пауль изготавливал эти рамы! Он мастерила рамы для картин и вешал их потом в своей квартире?

Шуршание развеяло мои мысли в долю секунды. Моя голова была совершенно пуста, сделав минимальное движение головой, и всё-таки так резко, что заболела моя шея, когда я последовала взглядом за шуршанием и посмотрела в два светящихся красным, с булавочную головку глаза. При следующем вдохе, который я сделала с трудом, моего носа достиг затхлый рыбный запах, смешанный с пронзительным ароматом мокрой шкуры. Крыса уставилась на меня, как замороженная. Только её нос двигался, принюхиваясь, туда-сюда.

— Всё в порядке, я тебе ничего не сделаю, не шевелись..., - Я подняла свою левую ногу и сделала неловко шаг назад. И уже я начала терять равновесие и попятилась назад. С пронзительным визгом крыса прыгнула на меня, чтобы вцепиться в мою грудь всеми четырьмя лапами. Её острые, гибкие когти сразу же воткнулись через тонкую ткань моего свитера и расцарапали мне кожу. Хотя от отвращения мне стало почти плохо, я мужественно схватила её за шерсть на спине. Она снова запищала, в этот раз, однако, намного агрессивнее, проскользнула через мою руку, и продвинулась наверх к моей голой шее.

У меня не было чрезмерного страха перед крысами, но я не хотела также, чтобы она сидела на моём лице. В отчаяние я ударила её кулаком в зад и теперь мы визжали обе, она от ярости, а я от отвращения и паники, потому что она всё ещё не хотела от меня отрываться. Я оступилась и ударилась плечом о стол.

Картина начала скатываться и мягко соскользнула по нам на пол. В один момент я и крыса были ей накрыты, душный, тёмный шатёр для меня и бестии. Я запыхтела, чтобы можно было набрать воздуха, так как мокрая, вонючая шерсть прижалась к моему рту. Ещё раз я попыталась схватить её и оторвать от себя, всё напрасно...

— Что здесь происходит? — Внезапно стало светло. Пауль убрал тяжёлую картину. Крыса, упав вниз, пробежала, обиженно пища мимо него в коридор.

— Чёрт, опять одна из этих грязных тварей! — Ругаясь, Пауль погнался за ней. Раздался гул и грохот, потом входная дверь распахнулась и тут же захлопнулась. — Проклятые, дерьмовые, грязные твари, — бранился Пауль, и вдруг я вспомнила, кто так превосходно научил меня ругаться.

Кашляя, я вытерла лицо. Моя кожа горела, а мой свитер украшало несколько дырок. Под моей нижней рубашкой просачивались тёплые, тонкие полосы, протекая вниз по рёбрам. У меня шла кровь.

— Она укусила тебя?

— Нет, только поцарапала, — ответила я слабо. Пауль снял мне через голову свитер, потянул меня в ванную и поставил корзину для белья мне под зад. Он подробно оглядел моё тело, прежде чем взять свою медицинскую сумку и опытными движениями нанести йод на отчётливо выделяющиеся царапины от когтей, прямо над моей грудью.

— Тебе делали прививку от столбняка?

— Да. — И ещё как. Эту инъекцию я получила несколько месяцев назад, после того как папа после сражения снова залатывал меня. Но об этом Пауль ничего не знал. Я пыталась подавить плачь из-за испуга, в то время как Пауль твёрдой рукой обрабатывал мои порезы и

рассказывал мне, что крысы в этом доме являются частью повседневной жизни, и он уже предпринял всё возможное, чтобы избавиться от них навсегда. Так оно было, если живёшь возле воды. Несмотря на это, он не хотел переезжать. Кроме того, они, как правило, не заходили в квартиру. Только в исключительных случаях.

«Только в исключительных случаях». Как обнадёживает. Я подождала, пока он закроет бутылочку с йодом, и посмотрела на него в упор. Он смотрел на меня в ответ с непостижимой глубиной.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказали мы одновременно.

Глава 8.

Разговор в темноте

— Хорошо, — взяла я на себя тяжёлое начало. — Кто начнёт первый?

Уже наступила ночь. После инцидента с крысой, Пауль поставил мои чемодан, аквариумы и террариумы в комнату. Volvo, после непродолжительного поиска, он нашёл в подземном гараже четырёхзвёздочного отеля. В то время как я переселяла моих животных, он приготовил мне немного поесть. Я с жадностью начала поглощать еду, чтобы избавиться от затхлого запаха меха, оставшегося во рту. В это время Пауль убирался на кухне, проглотив при этом примерно семь кусков чёрного шоколада.

Теперь он протянул руку за палочками с солью и небрежно засунул горсть в рот. Постепенно я начала спрашивать себя, как ему удаётся оставаться таким стройным. Стройным, с животиком. Пауль жадно жевал и подавился при этом. Закашляв, он стал поддувать себе воздуха руками.

— Ты что, до того глуп, что не можешь даже нормально поесть? — спросила я раздражённо.

Пауль постучал себе по груди. Потом он откашливался так долго, что мне захотелось присоединиться, так как мне казалось, будто у меня в горле тоже застряла палочка с солью. Из-за этого он заставлял меня нервничать. Может, он перестанет кашлять, если я начну первой.

— Ладно, тогда давай начну я...

— Нет, Эли. Я... Я хочу начать.

— Только тогда, если до этого ты ответишь на пару моих вопросов. Не страшных вопросов. Самых обыкновенных. Они ничего общего не имеют с папой.

Пауль колебался. Прежде чем он успел подумать, я воспользовалась своим шансом.

— Почему ты больше не учишься в университете? — Он недовольно от меня отвернулся и запихал остаток палочек с солью себе в рот. — Пауль, пожалуйста, я ведь не дура. Ты не учишься. Изучение медицины выглядит по-другому, там стресса не оберёшься. И я этого не понимаю. Когда ты лечил мои царапины, я очень хорошо видела, что это твоё...

— Нет, не моё, — ответил Пауль сурово. Агрессивным движением он схватил свой бокал вина и сделал большой глоток. Он всё ещё смотрел мимо меня.

— Почему нет? Это всегда было твоей мечтой — лечить других людей. — Раньше я могла только истерическим криком, удержать его от того, чтобы он мои ссадины не зашил мамиными иголками. А его глаза светились, если я позволяла ему приклеить на коленку пластырь, после того, как мама или папа спасли меня от него, его иголки и его сумки врача.

— Я не хочу говорить об этом, Эли. Хорошо? — Как упрямый подросток, он скрестил руки на груди.

Вообще-то я не хотела позволить ему так быстро от меня избавиться. Но были ещё и другие темы, и может было дипломатичнее эту отложить на более позднее время. Если я сильно рассержу его и если Пауль не хочет говорить, то тогда уменьшаться мои шансы правдоподобно объяснить ему, что его отец был полукровкой. Поэтому я молча ждала.

Пауль снова повернулся в мою сторону, и его лицо немного расслабилось. Он встал передо мной на колени и опёрся руками о мои коленки. С почти не заметной улыбкой — обеспокоенной улыбкой, которая казалась мне зловещей — он посмотрел на меня вверх.

— Я поговорил с одним из моих бывших коллег, который учился вместе со мной. Теперь он имеет свою собственную врачебную практику. У него есть место для тебя, как раз освободилось, ты могла бы уже завтра пойти к нему. Я уверен, что он сможет тебе помочь.

— Помочь в чём? — спросила я сбитая с толку.

— Эли. Сестрёнка. — Пауль вздохнул и похлопал меня по колену. — Это было, пожалуй, действительно чересчур для тебя, и я боюсь что... что никто ничего не предпримет и ты станешь такой же, как он. А ведь можно что-то предпринять, даже довольно много, существуют хорошие медикаменты...

Я оттолкнула его руку.

— Что именно ты хочешь сказать мне, Пауль? — воскликнула я в негодовании. Стыд из-за того, что он обо мне думал, заставил покраснеть меня до корней волос. — То, что я того?

— Честно, Эли, ты ведёшь себя странно. Внезапно ты появляешься перед моей дверью, бес всякого предупреждения, с собой диковинные животные, хотя ты боялась их раньше до смерти. Свою машину ты оставила просто в каком-то гараже, с чемоданом внутри, но проковочного билета у тебя больше нет, больше не можешь вспомнить, где находится этот подземный гараж, но прежде всего, веришь в то, что говорит папа, это чёртово дерьмо, о котором он и мне тоже рассказал. Я увидел это в твоих глазах, что ты действительно в это веришь, что ты даже не сомневаешься в этом...

— Потому что я видела их! — Я толкнула кресло спиной, так что смогла отодвинуться от Пауля, чья рука всё ещё лежала тяжестью на моём колене. — Я видела их, своими собственными глазами!

— Кого?

— Камбиона и Мара. Одного из самых старших. Тессу. Она крошечная, самое большее метр сорок пять, у неё длинные рыжие волосы, в которых так и кишат пауки и тараканы, а её тыльные стороны ладоней все волосатые. Она создала Колина, атаковав его мать, ещё тогда, в Шотландии, сто шестьдесят лет назад, а позже она завершила метаморфозу. Она зло во плоти, женский демон, она... Оба сражались друг с другом, а она снова и снова оживала, хотя он сломал ей шею, я была там... я даже сама была ранена...

Я замолчала. О, Боже мой. Это действительно прозвучало как продвинутый психоз. А мои аргументы, которые я придумала при обыске квартиры, как будто унесло ветром. Пауль застал меня полностью врасплох, со своим неожиданным психоанализом, и теперь я сама себя дисквалифицировала.

— Пауль, пожалуйста, ты должен мне поверить, пожалуйста... — Я подняла штанину вверх и показала ему шрам. Красная полоса всё ещё тянулась от лодыжки до колена, а когда менялась погода, казалось, что она словно горит и пульсирует изнутри. Пауль посмотрел на неё, не особо впечатленный.

— Да, я знаю об этом. Мама написала мне, что при загонной охоте на тебя напал кабан. И что дальше?

Я застонала и провела рассерженно обеими руками по моим разлохмаченным волосам. О, нет. Нет. Стоп! Проводить рассерженно обеими руками по разлохмаченным волосам было не хорошо, если тебя как раз хотят объявить сумасшедшей. Потому что это точно было очень ненормальное поведение. Мне нужно вернуть присутствие духа, и сделать это сейчас же. Я сделала глубокий вдох и выпрямилась.

— Ладно. Ещё раз с самого начала. Летом я познакомилась с Колином, моим парнем.

— Твоим парнем?

— Не перебивай меня. Да, он мой парень. Хотя в настоящее время он исчез, куда, я не знаю, но...это всё равно. Когда папа увидел его в первый раз, он чуть не взорвался. Он накричал на него и вышвырнул из дома...

— Так делают все отцы, когда их дочь приводит в дом своего первого парня, Эли. И тем более, если они любят свою дочь так, как он тебя.

— Но он не был моим первым парнем Пауль, ясно? Папа сорвался, он вёл себя как... как... сумасшедший, — закончила я удручённо. Мне действительно не пришло на ум другого слова. Я сама загнала себя в ловушку.

— Это ведь как раз то, что я пытаюсь тебе сказать, Эли. Папа сумасшедший. Это, между прочим, не такая уж редкость для психотерапевтов. И это может быть наследственным. Но если поставить диагноз достаточно рано и...

— Позволь мне, пожалуйста, сначала закончить! — закричала я на Пауля. С психически здоровым положением тела было покончено. — Во всяком случае, благодаря всему этому я выяснила, что папа полукровка. Я обнаружила это. Я прочитала об этом в его записной книжке, его атаковали, в то время, на Карибских островах...

— Да, я знаю эту историю. Он мне тоже показал свои заметки. Ну и что? Разве это доказательство? Нет. Люди, страдающие шизофренией, удивительно изобретательны, когда речь идёт о том, чтобы доказать существование их демонов. Но они ведь и видят этих демонов. У тебя есть доказательства, Эли?

Я измученно откинула голову назад и закрыла на мгновение глаза.

— Что за доказательства? — спросила я вяло. Письма Колина точно не считались, потому что в глазах Пауля я давно была настолько безумна, что так же сочинила их сама. Как папа свои записи.

Кроме того, они лежали дома на шифоньере.

— У тебя есть фотография этого Колина или этой Тессы? Запись на видео?

— Ты действительно думаешь, что у меня было время фотографировать Тессу, когда она пыталась убить Колина? Нет, у меня нет фотографий. И фильмов тоже. — А при этом я бы так хотела иметь хотя бы маленькую, плохую, чёрно-белую фотографию Колина. Очень сильно.

— Вас кто-то видел вместе и пережил это с вами? Кто-то видел это сражение, из которого якобы происходит твоя рана? Может, кто-то это подтвердить?

— Нет, — ответила я глухо. — Только я могу сделать это. Я была там. Я видела, как он ломал ей кости, а они, в течение нескольких минут снова срастались, одна за другой... Я это видела, Пауль, и мне снится это каждую ночь. — Теперь я заплакала. Как я только могла решить, что он поверит этому? Это звучало нелепо. Почему, собственно, у сумасшедших всегда лохматые волосы? — спрашивала я себя. С того времени, как я познакомилась с Колином, свои я никак не могла укротить. И я ещё не видела ни одного фильма, в котором сумасшедший имел бы аккуратные волосы. Для Пауля, должно быть, всё как раз подходило,

образовывая полностью логичную схему. Рассказать ли мне ему о Тильмане? Он видел меня и Колина и пережил Тессу.

Но он молчал насчёт неё, так же как мама и папа не упоминала о ней, после того, как Колин сбежал. Даже я молчала о ней. Обо всём том, что случилось летом, они не проронили больше не слова, а я поначалу была даже благодарна им за это.

Пауль взял мои безвольно свисающие руки в свои и притянул меня к себе на пол. Я позволила ему безвольно сделать это со мной. Моя голова тяжело скользнула ему на плечо, когда он обнял меня.

— Не отсылай меня назад, Пауль, пожалуйста, — попросила я его, задыхаясь. — Я не сумасшедшая, — добавила я, и в тот же момент могла бы за это придушить себя. "Я не сумасшедшая" — была самой популярной фразой в любом закрытом отделении психиатрии, за которой сразу следовало "Я здесь по ошибке" и "Меня скоро выпишут". Это я знала от папы. Никакой психотерапевт ни в малейшей степени не был впечатлён этими тремя мантрами.

— Всё хорошо, — проворкотал Пауль мне в волосы и раскачивал меня туда-сюда, как ребёнка. — Я же говорю, всё это было чересчур для тебя. Переезд, новая обстановка, а потом ещё и папа сбежал. Этого может быть достаточно, чтобы вызвать первую вспышку.

Я прикусила язык, чтобы не противоречить ему, и почувствовала вкус крови. Любое противоречие было только ещё одним признаком моего только что сертифицированного расстройства личности.

Через некоторое время я оттолкнула руки Пауля прочь, поднялась и постаралась вести себя так нормально, как только возможно.

— Я хотела бы побыть немного одной. Не возражаешь?

Пауль кивнул и ласково хлопнул меня по коленям.

— Посмотри, как красиво, — сказал он, улыбаясь и указывая на окно.

Да, искусное освещение Шпайхерштадта я заметила уже вчера. Но сейчас для этого у меня не было никакого настроения. Кроме того, я находила это угрожающим. Тёмные углы высоких зданий казались мне из-за блеска света на крышах и фасадах ещё темнее, а вода ещё глубже.

— Да, красиво, — подтвердила я с чувством беспокойства и поспешила через коридор в игровую комнату Пауля.

— Античная пила для ампутации на день рождения, — прошипела я сердито, после того как закрыла за собой дверь. — Черепа мёртвых кошек с высушенными Жуками-оленьями в глазницах. И ко всему этому лягушка в спирте. Кто здесь сумасшедший? Ты или я, братец?

Пыхтя, я вытащила чемодан из-под кровати. Я сложу все вещи и уеду завтра.

— Извини, папа. Задание провалилось.

Я открыла замки и начала в тот же момент безумно хихикать.

— Ха-ха. Чемодан-то ещё полный. Доказательство по номеру пять тысяч для начинающегося безумия Елизаветы Штурм: пациентка хочет упаковывать полный чемодан. Вопрос на засыпку: чем?

Ханни и Нанни прижали с любопытством свои большие рты к стеклу аквариума и уставились на меня пустым взглядом.

— Блуб, — сказала я и высунула им язык. Класс. Мой чемодан был уже сложен. Мне нужно только поспать здесь одну ночь, а завтра я поеду домой. По крайней мере, был ещё один человек в семье, который не считал меня помешанной. Мама.

Но когда я плюхнулась на кровать рядом с чемоданом, мне в глаза бросилось письмо, которое я засунула в боковое отделение. Согласие взять меня уборщицей... Я развернула его. Время было назначено на послезавтра.

Что же, может быть, нужно всё-таки подождать. Кроме того, сегодня звонила мама и сказала, что для меня пришла почта и она перешлёт её мне сюда. Что-то из ведомства, сказала она. Это могло быть что-то важное. Может, господин Шютц исполнил свою угрозу и организовал мне место учёбы в университете? От него можно ожидать всего. Он всё-таки был отцом Тильмана.

И, может быть, я буду казаться ещё большим шизофреником, если уеду завтра так поспешно. Но прежде всего, я ещё не нашла ключ от сейфа. А его я хотела найти не ради папы, нет, его я хотела найти, потому что горячо надеялась заполучить в руки те доказательства из сейфа, которые могли бы убедить Пауля, что Колин и Тесса действительно существуют.

Или, по крайней мере, самой себе.

Глава 9

Пируэт

— Ладно. Пусть будет так, я сумасшедшая, — пролепетала я невнятно, как только почувствовала, что могу говорить. С моим нерешительным пробуждением возвращалась также и жажда знаний, прихватив с собой слабый, пылающий гнев, который, как маленький, но постоянный огонь, заставлял кипеть мою кровь.

Настоящего, успокаивающего отдыха я так и не смогла найти всю ночь, но физическое истощение было настолько велико, что я провела в постели, по крайней мере, десять часов. Как настоящий псих. Поэтому я спокойно могла поговорить с тем, кого здесь не было.

— Я притворюсь сумасшедшей, Пауль. Пожалуйста. Но я хочу знать, что ты делаешь и как ты зарабатываешь свои деньги. По крайней мере, я хочу снова с тобой познакомиться.

Когда я наконец открыла глаза, Берта предстала передо мной такой же недовольной, как и вчера. Она сидела наверху в углу террариума, подняв щупальца вверх, но в целом была спокойна. Конечно, она была голодна, но я всё равно пойду сейчас в ванную и заодно наскребу для неё порцию чешуйниц. А потом я спрошу Пауля, почему он мастерит рамки для всех этих странных картин. Он точно еще завтракает, чтобы при устаревших шлягерах и обилующих от жира холестериновых бомб наслаждаться жизнью.

Но я ошиблась. Пауль уже позавтракал и бегал по своей спальне полуголый туда-сюда. На кровати лежали костюм и галстук, рядом с небольшим, но прекрасным ассортиментом часов, по которому можно было предположить, что у него была проблема с выбором. В этот момент на нём были надеты шорты от Bruno-Banani и ужасная, потрёпанная ребристая майка. Пережиток старых времён.

— Я проспал, — пробормотал он рассеянно и начал искать два подходящих друг другу носка.

— Тебе нужно куда-то идти? Куда ты вообще собираешься? Пауль, пожалуйста, скажи мне, что ты делаешь. Ты действительно зарабатываешь на жизнь, делая рамки для картин?

— Крепления, — исправил он меня невозмутимо. — Нет, я не зарабатываю этим на жизнь. Это только часть.

— Часть чего?

— О, Эли. — Пауль уселся с двумя разноцветными носками в руках рядом со своим костюмом на край кровати.

Я подошла к комоду, чтобы найти два одинаковых носка, и быстро поняла, что это как в пословице, поиск иголки в стоге сена, такое «обещающее успех» дело.

— Что это за картины? Они мне кажутся какими-то знакомыми.

— Это искусство аборигенов. Я партнер одной галереи. Я устраиваю выставки и изготавливаю крепления для картин. Теперь довольна?

— Ты вешаешь картины? — Озадаченно я повернулась к Паулю. По крайней мере, я нашла два носка, чья структура и серый цвет до некоторой степени совпадают. Я бросила их ему, а он ловко поймал их. Потом он наклонился вниз, чтобы надеть их. При этом он казался непривычно неповоротливым. — Ты отказался от медицинского образования, чтобы вешать картины на стены?

Глубоко дыша, Пауль выпрямился и схватился за грудь.

— Блин, я надеваю мои носки и едва могу при этом дышать.

— И это в двадцать четыре года, — закончила я сухо его мысль. Пауль выглядит моложе своих лет. Его черты мягкие и ребяческие. Конечно, существовали женщины, которые находили его милым. И всё-таки я видела выражение на этом лице, которое не соответствовало его возрасту. Которое было старше — намного старше. Не было видно ни морщин, ни теней под глазами, никаких типичных следов истощения. Возраст был виден в его глазах и в уголках его губ. Но его тело казалось мне крепким и мускулистым, хотя создавалось впечатление, будто Пауль мучился с ним.

— Откуда ты берёшь эти картины? Прямо из Австралии? — спросила я. Но Пауль уже был на пути в ванную и бормотал что-то про "срочно" и "туалет".

Мой брат, значит, стал владельцем галереи. Он кому-то помогал, не своей головой, а своим ремесленническим мастерством. Потому что об искусстве Пауль, вероятно, всё ещё не имел ни малейшего представления.

У меня не осталось времени, чтобы подумать о новых противоречиях, так как раздался пронзительный звонок в дверь, и буквально за короткое время произошло несколько событий, которые так же могли бы происходить в каком-нибудь фильме.

— Можешь открыть, пожалуйста? — крикнул Пауль из ванной.

Прежде чем я смогла открыть дверь полностью, её грубо распахнули и вдавили мне в лицо. Белая тень, достающая мне до колен, проскочила мимо меня в коридор, поскользнулась и, заскулив, врезалась в стену. За ней последовала ещё одна, гораздо больше и темнее, которая так же проигнорировала меня, как и первая. Я отвоёвала себе дверь назад и слегка надавила на неё.

Щёлкнув, она закрылась. Передо мной стоял высокий, худой мужчина в пальто до лодыжек, с белыми обесцвеченными прядями и мешками под глазами. Его взгляд упал на меня, и волна холодной надменности и неприязни обрушилась на меня. Невольно я затрясла головой, чтобы избавиться от чувства суеты и напряжения, которое меня при этом охватило.

Немного наморщив нос, он решил, что меня не существует, и промаршировал вглубь коридора. Его пальто раздувалось за его спиной, как шлейф свадебного платья. Он выглядел так глупо, что я захихикала.

— Пауль! — заорал он. — Пауль, ты где? Мы должны идти! Я не смог найти парковку, с этим здесь просто ужасно... Пауль? — Он бросился в кухню, потом в спальню и назад в коридор. — Пауль!

Белая тень тем временем, оказавшаяся тощей длинноносой борзой, взяла какой-то след и пылесосила мордой пол кухни. Снова и снова она скользила на гладких плитках и могла спасти себя от шпагата только тормозя голым задом о пол.

— Пауль, ты где? — Голос мужчины въедался, как скальпель, под кожу. Его чистоту было трудно выносить, как будто он заставлял вибрировать все нервы, находящиеся вокруг моего сердца.

— Пауль, зайчик? — протянул он. Зайчик?

— Блин, я как раз сру! — раздалось раздражённо из ванной.

— Ох, почему ты всегда такой вульгарный? — протрубил мужчина и нервно загремел огромной связкой ключей. — Ты всегда ужасно вульгарный, Пауль! Пауль? Нам надо идти!

Я не пыталась подавить мою насмешливую улыбку и усмехалась мужчине прямо в лицо. Но его взгляд состоял из чистого презрения. С чувством отвращения он осмотрел меня с головы до ног, чтобы потом сразу отвернуться и начать постукивать пальцами по двери ванной.

— Мой Jaguar припаркован во втором ряду! Ты подумал о новых рамках? Тебе нужно также установить новое освящение... и распечатать в типографии списки цен... Пауль, время идёт!

Слив зажурчал.

— Ах, ему всегда нужно столько времени! Делает всё так долго! — закричал мужчина, не смотря на меня при этом. — А его спальня снова выглядит так... Где красивое покрывало, которое я тебе подарил, Пауль?

Бесцеремонно я посмотрела на него. Покрывало? В спальне?

— Розини, нет! — пролаял он в направлении кухни, откуда донёсся приглушённый визг. — Нет, фу, фу!

— Кто ты вообще такой? — спросила я и встала прямо перед ним. Кто игнорировал меня, не мог ожидать, что я буду обращаться к нему на ты. Облако сладко-горьких духов достигло моего носа, когда я разглядывала его. Его кожа выглядела обожжённой соляриумом и жёсткой, а мизинец украшал уродливый перстень. Он был владельцем галереи, обесцвечивал себе волосы и имел борзую. Я слишком долго прожила в Кёльне, чтобы игнорировать эти приметы. Но прежде всего он назвал Пауля зайчиком и подарил ему покрывало для кровати в спальне. Добро пожаловать в Тунтенхаузен (первая гей-пара в Германии именно поженилась там)!

— Францёз Лейтер, — ответил вместо него Пауль и протиснулся между нами в коридор. — Мой партнер. Францёз, это моя сестра Елизавета. Я тебе рассказывал о ней.

— Надеюсь, только хорошее, — прокомментировала я холодно, но по взгляду Францёза я видела, что и это ничего бы не спасло. Я отказалась от мысли пожать ему руку. Я не хотела до него дотрагиваться. Мои нервы и так были достаточно напряжены, и я предположила, что с пожатием руки ничего не изменится. Но теперь он протянул мне с манерным вздохом свою правую руку. Я заставила себя взять её в свою. Она была тёплой и потной. Он коротко, но сильно сдавил мои пальцы, так что мне пришлось подавить стон. С чувством отвращения я вырвала свою руку.

В тот же момент снова разразилась суэта. Пауль и Францёз бросились, выполняя авантюрную хореографию, при которой они чуть не сбили друг друга с ног, в спальню, в мастерскую, в кухню, в ванную и, в конце концов, мимо меня из квартиры.

— Вернусь сегодня ночью! — прокричал мне Пауль. Потом дверь захлопнулась.

Что это только что было? Ошарашено я облокотилась на стену, смотря пустыми глазами в коридор, чтобы понять, что эти сцены имели общего с Паулем. Паулем из прошлого. Поэтому прошло какое-то время, прежде чем я увидела белую тень, которая с поджатым хвостом и склонённой набок головой сидела перед мастерской и испуганно скулила.

Францёз действительно забыл свою собственную собаку.

— Привет, Розини, — сказала я. — Я Эли. И я не любитель собак. — Может быть потому, что собаки не любят Маров, подумала я с болезненным напряжением в животе.

После того, как собака оправилась от паники и удерживала равновесие, не садясь на шпагат как на гладких кухонных плитках, так и на паркете, выяснялось, что у неё довольно сносный характер. Она была типичной трусливой забиякой: если я двигалась слишком быстро, то она, рыча, отступал. Но как только я садилась спокойно на пол и ждала, не смотря на неё, она приближалась и прижимала, быстро дыша, свою мягкую голову к моей щеке. Можно ли её научить ловить крыс? Или ещё лучше, кусать Францёза за икры ног? Найти ключ от сейфа?

Не прошло много времени, как зазвонил мой мобильный. Это был Пауль. Возле него я слышала, как тараторит Францез, и связь была ужасной, но конечный итог означал:

— Мы забыли собаку, но не можем вернуться. Пожалуйста, позаботься о ней.

Розини, скуля, прижался к входной двери, я боялась, что ему срочно нужно погулять. Поэтому я смастерила из верёвки и карабинного крючка, который я украдала из мастерской Пауля, поводок и отнесла дрожащую собаку вниз по лестнице, так как он отказывался заходить в грузовой лифт.

Полчаса я, задыхаясь, бегала за ним, потом он постепенно перешёл на менее торопливый темп, и я могла хотя бы иногда представлять себе, что это я вижу его, а не наоборот. Я начала наслаждаться прогулкой. При дневном свете я находила Шпайхершгадт всё ещё странным, но приятно приветливым местечком.

Классы учеников ждали перед Подземельем (шоу об истории Гамбурга) и миниатюрной Страны чудес, когда начнут запускать, туристы фотографировали до изнеможения, баржи возили желающих посмотреть через каналы. Даже постоянный шум, исходящий от стройки, казался мне освежающе живым. На балконах офисов и складов стояли сильно занятые предприниматели, курили и разговаривали по телефону. Теперь я могла понять, почему Пауль хотел жить здесь. Такой атмосферы, вероятно, не найдёшь нигде в мире. Во всём этом был стиль. Но я точно знала, что буду думать по-другому, как только наступят сумерки. Тогда морская сказка превращалась в мрачную легенду, которую я не могла истолковать. А сумерки наступали всё ещё очень рано.

Розини и я дошли до набережной Зандтор вдоль и поперёк по мостам. Было холодно, но светило солнце, а воздух так интенсивно пах морем, что вдруг вспыхнувшая страсть к путешествиям заставила меня вздохнуть. Мне на ум пришли мрачные фьорды и ледяные пейзажи, где мы уже были, наши тёмные отпуска в занесённых снегом хижинах, далеко от следующих населённых пунктов, а для Пауля и меня это всегда были огромные приключения. Но открытое море, с видом до самого горизонта, я ещё никогда не видела.

Но и тут мне было в этом отказано. Специально ли папа избегал всего, что очень сильно напоминало ему круизы и таким образом то, что его атаквали? Или в этом таилось слишком много света? Как, должно быть, это выглядит, когда океан начинает сверкать на солнце, а его лучи преломляются в тысячи волн?

Во второй половине дня поднялся настойчивый ветер и погнал меня и Розини назад к квартире на улице Вандрам. В этот раз квартиру Пауля я нашла сразу. Я удивлялась тому, как я могла тут заблудиться, на самом деле здесь всё было очень просто. Я провела остаток дня, обучая Розини брать с полок в ванной духи и бросать их в унитаз. За каждую успешную попытку он получал кусочек докторской колбасы и много-много похвалы.

Оставалось надеяться только на то, что Францёз оставлял крышку от унитаза открытой, а свои духи хранил не в закрытых шкафах. И что мой брат не делал с ним то, чего я весь день боялась.

Глава 10.

Фридайвинг

Недолго думая, я прыгнула вниз, и как только вода окружила меня, я вытянула руки, наклонила голову и напрягла своё тело. Я тут же стала погружаться, не чувствуя ни прохлады воды, ни соли в моих открытых глазах.

Я должна найти Пауля. Я знаю, он здесь, на дне моря, даже если другие давно сдались и не верят в это. Только я могу спасти его. Не давая сбить себя с толку, я поплыла навстречу тьме, которая распространилась вокруг меня.

Вон! Он там! Да, это Пауль, но что же он делает? Не смотря в мою сторону, он проплыл мимо меня. Я подняла голову и увидела, как его тело вырвалось на поверхность воды. Он был спасён. Он будет жить. Я должна последовать за ним, если тоже хочу жить, так как мне стало не хватать воздуха.

Но проблеск чего-то белого подо мной тянул меня дальше вниз. Это был кусок бумаги, который колыхался над взбудораженным песком на дне моря. Бумага, исписанная почерком Колина, строчка за строчкой, которые составлены из его размашистых элегантных букв, которые я так любила. Письмо для меня...

Я хотела схватить его, но оно снова и снова выскользывало из моих пальцев. Забурлив, из моих лёгких вышел последний воздух. Слабо оттолкнувшись онемевшими ногами, я попыталась поплыть за письмом, но подо мной разверзлась зияющая дыра, и письмо полетело в черноту океана, без того, что я смогла прочитать хотя бы одно слово.

Так я больше не хочу, решила я. В этом нет никакого смысла. А утонуть — это совсем не больно. Это даже приятно. Я поборола свои инстинкты и глубоко вдохнула. Прохладная вода потекла мне в горло, и я терпеливо стала ждать смерти. Как это будет? Мои мысли уже начали угасать, стали вялыми и запутанными. Ещё раз я вдохнула воду. Мой пульс замедлился. Один удар... и ещё один удар... один вдох воды... Неужели это так долго длиться, приход смерти?

— Нет, чёрт, нет, нет, это было ещё не всё! Не могло такого быть, чтобы это было всё!

В панике я выпрямила моё безвольное тело и вытянула руки вверх к поверхности воды. Так далеко, она была слишком далеко... Уже темнота охватила меня, забрала моё зрение, хотя я слышала, как моё сердце глухо стучит, оно боролось, мои ноги дико барахтались. Где же солнце? Где воздух? Я не справлюсь — я утону. Сейчас.

— Нет! Тише! Замолчи!

Злая, я подскочила и прижала руки к ушам. Они гудели, как будто кто-то надавал мне пощёчин с обеих сторон, а шум моего безумно колотящегося сердца заставил болеть барабанные перепонки. Я была жива. Я находилась в игровой комнате Пауля. Всё хорошо. Это был всего лишь сон. Но у меня всё ещё было такое чувство, что я не могла свободно

дышать. Я распахнула окно и наклонилась вперёд. Ветер успокоился. Больше не пахло морем, но зато пахло тухлятиной и гнилью, как будто отходы мясника сбросили в каналы. Вязкая и со стекловидной поверхностью вода протекала подо мной. Луна спряталась за низко свисающим туманом, который поглощал все звуки. Ночная мёртвая тишина опустилась, как всё отравляющий смог, на Шпайхерштадт.

Но что меня разбудило? Дрожа, я вздохнула и инстинктивно подняла руки, чтобы снова прижать их к ушам, когда голос Францёза разнёсся по квартире. Я беззвучно рассмеялась. Ответ на вопрос был получен.

— Ты ведь не наложишь в штаны из-за какого-то педика, Эли, — упрекнула я себя шёпотом. Тянувший голос Францёзе умолк, потом заскулила собака и Пауль что-то сказал.

Правильно, собака — она исчезла! Где-то около полуночи я не смогла больше выносить её скулёрж, взяла её к себе и позволила заснуть у себя в ногах. Неужели Францёз сам забрал её из моей комнаты? Был ли он у меня только что? Охваченная внезапной холодной дрожью, я схватилась за моё одеяло и крепко обернула им плечи. Так как я истолковала беспокойство в коридоре, должно быть, Пауль и Францёз только что вернулись домой.

Я заползла назад в свою кровать. Окно я оставила открытым. Иррациональный страх, что не смогу дышать, заставил меня сделать это, хотя я уже нормально дышала. Сразу же в мою комнату заполз дымчатый влажный туман, из-за которого контуры мерзостей на полочках Пауля размылись. Ещё раз Розини заскулил, и входная дверь захлопнулась. Теперь либо должен был заскрипеть лифт, либо раздаться на лестнице шаги. Но я ничего не услышала.

Францёз что, остался сегодня ночью здесь? И спал у Пауля в комнате под красивым покрывалом, которое он ему подарил?

— Фу, — пробормотала я с отвращением. Значит, это было окончательным доказательством того, что Пауль пристал к другому берегу. Почему так случилось, я могла понять всё меньше. Нет, я не могла ни понять этого, ни поверить в это. Такого не могло быть. Вообще-то я была не против, каждый живёт, как он хочет. Но что меня в этом деле так сильно сбивало с толку — была глубоко сидящая уверенность, что это была колоссальная ошибка.

Я попыталась рассмотреть ситуацию так логично, насколько возможно. Францёз вместе с Паулем содержали галерею, хорошо. Само по себе это ничего не значило. Ему просто требовалось ремесленническое мастерство Пауля — это из двух человек ещё не делало любовной пары. Он подарил ему покрывало на кровать (которому Пауль, правда, не придавал большого значения, и я тоже не должна этого делать). Он назвал его зайчиком... Нет, мне нужны доказательства.

— Тогда давай посмотрим, — пробормотала я, встала и неуклюже на цыпочках прошла к двери. Я не хотела поймать обоих на месте преступления, потому что это не было той картиной, которая помогла бы мне видеть более хорошие сны. Но бросить короткий взгляд в спальню, было единственной возможностью проверить мою теорию, и, я надеюсь, опровергнуть её.

Я по-прежнему могла хорошо красться, и мне удалось надавить на ручку двери спальни Пауля, не издавая при этом никаких звуков. Как и я, Пауль оставил обе створки своего окна настежь открытыми, и движение поверхности воды отражались на светлом потолке комнаты. Почему, собственно, вода двигалась? Когда я недавно смотрела вниз, она медленно перемещалась, так что я почти не могла различить течение. И почему в комнату проникал

лунный свет? Недоверчиво я посмотрела мимо кровати на улицу. Действительно, туман рассеялся, а бледная луна накрыла Шпайхерштадт беловато-молочным мерцанием.

Пронизывающий храп с кровати заставил меня вздрогнуть. Быстро я скользнула в тень двери, но в этом не было необходимости. Пауль спал, и он был один. Францёза с ним рядом не было. Тем не менее я не испытала облегчения, когда рассматривала Пауля.

Одеяло он откинул, так что оно доставало ему только до пупка. Его верхняя часть тела полностью была открытой, хотя в этой комнате было ещё холоднее, чем в моей. Голова Пауля была откинута немного назад, его рот был открыт, а дыхание звучало ужасно.

— Полипы, — установила я. — Приблизительно размером с цветную капусту. — Пауль не шевелился. Булькающий храп вылетел из его трясущегося горла. Как только оно мог так крепко спать? Францёз ведь только что убрался восвояси, максимум пять минут назад. Или случилось то, чего я боялась, с того момента, как вошла в эту комнату — что я снова потеряла всякий счёт времени?

Это случалось не в первый раз, но летом в этом виноват был Колин. А здесь не было никакого Колина. Здесь были только я и мой брат, который храпел, как строитель, а свою сестру считал шизофреником. Нарушение восприятия времени, конечно, замечательно дополняло другие симптомы, которые он приписывал мне.

Я подошла к кровати, опустила руки на его широкие плечи и осторожно перевернула его на бок. Снова он не отреагировал на меня. Я серьёзно задумалась, почему он не просыпается от своего собственного храпа. Мне, во всяком случае, придётся провести беспокойную ночь, так как комната Пауля находилась как раз рядом с моей, а стенка была тонкой. Тем больше меня успокаивала мысль, что Францёз спал не в его кровати. Или не с ним.

— Уф, — прошептала я, качая головой, и осторожно накрыла Паулю одеялом голые плечи. Раздражённым движением он освободился от него и повернулся назад на спину, без того, чтобы даже частично проснуться.

Несмотря на храп Пауля, я вдруг услышала тихий всплеск, за которым последовал топот маленьких быстрых ножек по кирпичной стене дома. Звук не переставал приближаться. Крысы! Одним прыжком я оказалась возле окна и закрыла створки, но они не вставали на место, а выскользнули, скрепя, из петель и потянули меня за собой, так что я потеряла равновесие и стала падать вперёд. У меня даже не было времени закричать. Ещё в воздухе я повернулась в сторону, вцепилась пальцами за край карниза и упёрлась своими голыми ногами в мокрую стену дома.

— О Боже..., ахнула я. Надо мной висели окна как два паруса в воздухе. Обе створки держались только на нижних петлях. Я выдавила окно наружу. Как могло такое, к чёрту, случиться? Это меня чуть не убило.

Любопытный нос начал нюхать пальцы моих ног, но это может стоить мне жизни, если я попытаюсь её пнуть, какое бы отвращение я между тем не испытывала бы к крысам в Шпайхерштадте. Я висела как минимум десять метров над водой и не знала, был ли канал достаточно глубоким, чтобы я могла пережить прыжок. Некоторое время я не двигалась и лихорадочно размышляла.

Что заберёт у меня больше энергии — позвать на помощь Пауля или попытаться с помощью своей силы подтянуться наверх?

Нет, звать Пауля было не хорошей идеей. Это слишком хорошо подойдёт к моему предполагаемому каталогу симптомов, если он найдёт меня в ночной сорочке, прилипшей к стене дома ниже его комнаты. Попытка самоубийства. Это приводило как минимум к трём

дням в закрытом отделении.

Крысы стали удивительно нежно грызть мой мизинец, и, несмотря на мою щекотливую ситуацию, я захихикала. Я ужасно боялась щекотки на подошвах ног. Потом я сделала глубокий вдох, переставила правую ногу немного наверх, подтянула левую и перевалила тело через подоконник на пол комнаты Пауля. Мой брат всё это время напряжённо храпел.

На четвереньках и дрожа всем телом, я выползла из его комнаты, закрыла дверь и распласталась на холодных досках коридора. Я знала, что не могу тут оставаться, не так долго, чтобы проснулся Пауль. Но на этот момент я была рада, что ещё жива, а не буду завтра утром раздутым трупом, найденным в воде Вандрам-канала.

Чтобы успокоить бешеный стук сердца, я перевернулась на спину, скрестила руки за головой и стала смотреть на картину, которая весела напротив меня на стене. Простая, нарисованная точками спираль тёмно-оранжевого цвета, которая в полутьме коридора сверкала, как высохшая кровь. Мои глаза лениво следовали за изгибами спирали, и когда они доходили до середины, то начинали заново, пока мой ум не стал приятно уставшим и спокойным.

— Тебе нужно достать ее из рамки наружу, — услышала я, как сама прошептала, и смотрела на себя, как я встала, сняла картину со стены, перевернула её и открыла маленькие шарниры, которые Пауль прикрепил, чтобы усмирить её, и вытащила картину почти ласково из-под тяжёлого крепления.

Потом я отнесла её в свою комнату, положила под подушку, опустила голову и сразу же заснула.

Глава 11.

Осколки приносят удачу

— Ну, хорошо, — сказала я газете, которая была развёрнута перед моим носом. — Вполне возможно, что я и папа немного того. И может быть, вешать картины — это твоё новое предназначение, и оно приносит столько денег, что ты можешь позволить себе всю эту роскошь, но одно я знаю точно: ты не гей.

Хотя Францёз не ночевал у нас, вопрос, были ли Пауль и он любовниками, не отпускал меня. И когда я только что намекнула, и Пауль не возразил, — речь шла о совместных отпусках, да, даже о договоре наследования (и это в двадцать четыре года!) — мне стало ясно, что моё подозрение имело под собой реальную почву.

— С этих картин очень большая прибыль, — донеслось через тонкую бумагу газеты. — А Porsche принадлежит нам обоим.

И это, значит, тоже. Руку хирурга Пауль целенаправленно продвинул к стакану со свежавыжатым апельсиновым соком. Я услышала, как он выпил его залпом и тут же закашлял. Почему он так часто давился? «Неужели рак горла?» — спросила я себя цинично.

— Высокая прибыль? Почему? Потому что вы покупаете у коренных жителей картины за яблоко и яйцо, мастерите им красивые рамочки и после этого за, не знаю сколько, тысяч евро сбываете их каким-нибудь богатеньким снобам?

— Люди готовы за них платить большие деньги. Этно Арт пользуется спросом.

— Ах, — ответила я саркастически. — А так же пользуется спросом у пьяных и травмированных аборигенов забирать всё до последней нитки...

— О, Эли, не изображай из себя благодетельницу, пожалуйста! Времена тяжёлые, а я должен как-то жить. Если ты думаешь, что в наше время можно, будучи врачом, прожить без

гор долгов, то ты заблуждаешься.

— Но это не та причина, по которой ты бросил учёбу, не так ли? — расспрашивала я дольше.

Наконец-то Пауль опустил газету. Его глаза были сужены, а голубой цвет приобрёл режущую жёсткость. Бык разозлился. Я знала, что была права с моим предположением. Ещё вчера вечером я заглянула в интернет на компьютере Пауля и нашла сайт галереи Францёза (Пауль нигде не был упомянут, даже в выходных сведениях.). Самая дешёвая картина стоила около четырёх тысяч. На сайте правозащитной организации, однако, было отмечено, что картины у аборигенов часто покупали за смешные цены и сразу партиями. В сущности, инвестиции содержателей галерей состояли из стоимости транспортировки. Но и они не были слишком высокими. Я могла себе представить, что Францёз заказывал картины сразу целыми контейнерами и сам лично забирал их в порту. Но из-за этого я сейчас не хотела спорить.

— Кроме того, ты не гей, — вернулась я к основному вопросу.

— Я не знаю, гей я или нет, — ответил Пауль явно раздражённо. — Но он, в любом случае, мой друг и мой партнёр, мы работаем вместе и...

— И?

— Эли, хватит. Перестань приставать ко мне.

— Явно это делает кто-то другой, — ответила я ядовито.

— Предрассудки? — спросил Пауль с безошибочным триумфом в голосе.

— О, Пауль, я прошу тебя! Я провела свою юность в Кёльне, в моей компании было сразу два гея, и я прекрасно с ними ладила. — Вообще-то даже лучше, чем с Дженни и Николь. Может быть, Даниэль и Джим даже приняли бы меня, если бы я сняла свою маску и была бы такой, какая есть. Но с этим я начала лишь в Вестервальде, с тем результатом, что мой собственный брат предпочёл бы определить меня в психиатрическую больницу, а моё сердце было растерзанно на куски, потому что я влюбилась в Камбиона.

— Да, да, каждый знает какого-нибудь гея и считает его милым, но если это вдруг случается в семье, то этого всё же не хотят, — сказал Пауль упрямо.

— Не в этом причина, Пауль, честно. Я просто очень хорошо знаю, что..., что ты его не любишь. Ты не любишь Францёза. И ты не гей...

— Эли. — Своё спокойствие Пауль теперь сдерживал с трудом, но я чувствовала, что не могу остановиться. Я должна была это сейчас выяснить, чтобы избавиться от жала в животе, которое постоянно сверлило и кололо. — Я не хочу говорить об этом. Прими всё как есть.

— Нет, — ответила я твёрдо. — Я видела тебя вместе с Лили, Пауль. Я редко встречала пару, которая была бы так влюблена друг в друга. Она обожала тебя, и, прежде всего, ты обожал её, ты чуть ли ей не поклонялся...

— Елизавета, я не хочу говорить! — заорал Пауль и треснул ножом со всей силы по тарелке, так что та разбилась. Я вздрогнула. Его пальцы дёргались, и на одну секунду я подумала, он хочет взять нож и воткнуть мне в грудь. — Чёрт! — рявкнул он на меня, как будто это я ударила ножом по столу, а не он. — Эту серию больше не производят, а теперь еще одна тарелка разбилась...

— Это всего лишь посуда, — попыталась я его успокоить. Он пугал меня. Нервно Пауль смахнул осколки в сторону, и снова казалось, что его пальцы хотят схватить нож.

— Это не «всего лишь посуда». Это Versace, — возразил он сердито.

— И она донельзя уродлива, — сказала я холодно, взяла свою тарелку и бросила её в

кухонный шкаф. При ударе тонкий фарфор разлетелся на несчётное количество осколков. Пауль вскочил на ноги. Его вытянутая рука метнулась в мою сторону.

— Ты..., - выдохнул он глухо. Испуганно я вскочила со стула и отступила назад. — Оставь меня в покое. Я предупреждаю тебя..., - выдавил он и поднял свою руку. Другая его рука врезалась мне в грудь и отбросила меня грубо назад. Я потеряла равновесие и попыталась удержаться за край стола. Но толчок Пауля был сильнее. Я упала и сильно проехала спиной вдоль стены, прежде чем удариться затылком о плитки. Инстинктивно я поджала ноги, чтобы защитить своё тело.

Правая рука Пауля всё ещё была поднята вверх, как будто он в любой момент готов ударить. Его рот искажился, а его глаза были такими тёмными, что в них не могло отразиться даже светлое утреннее небо. Его длинные волосы коснулись моего лица, когда он склонился надо мной.

Застонав, я отползла назад. Пауль как по принуждению замахнулся ещё раз, но незадолго до моей щеки его рука застыла в воздухе. Я не смела ни дышать, ни двигаться, хотя всё во мне кричало «беги».

— Я буду молчать, ничего больше не скажу, обещаю, я ничего не скажу! — попыталась я его утихомирить и почувствовала, как мой рот искажился, но не от ненависти и злости, как у Пауля, а из-за чистой паники. — Пауль, пожалуйста...

С глубоким стоном он отдернул свою руку. Казалось, это стоило ему огромных усилий. Потом он запрокинул голову назад и испустил крик, из-за которого у меня чуть не остановилось сердце. В тот же миг мне стало плохо.

— Ты... не... мой брат. Ты не мой брат! — прошептала я и прижала обе руки к лицу, чтобы не смотреть на него, так как закрыть я их не могла. Они закалились.

Я подождала, пока тень его тяжёлой фигуры освободило моё тело, а его шаги удалились. Потом я свернулась на полу и несдержанно зарыдала.

— О Боже, папа... Почему тебя здесь нет...? Ты ведь так мне нужен..., - рыдала я вслух, как будто мой отец мог это услышать и всё исправить.

Что с Паулем случилось? Он чуть не избил свою собственную сестру. Избил? Нет, не только это. Я боялась за свою жизнь.

Никогда прежде Пауль не трогал даже одного моего волоска. Если не считать те попытки, когда он в моём полном сознании хотел с помощью кухонного ножа и вилки сделать мне операцию (По крайней мере, до этого он продезинфицировал мою кожу). Напротив, Пауль был настоящим защитником. Если кто-то досаждал мне, то мог быть уверен, что он отомстит. А теперь? Он сам напал на меня. Без всякого повода. Из-за какой-то дурацкой, уродливой тарелки.

Хотя я должна была признать, что крайне его раздражила. Но раньше, это случилось не в первый раз, в таких ситуациях он просто уходил в свою комнату и игнорировал меня.

И потом этот крик — страдальческий и полный боли. Он прозвучал так, будто он собрал всю свою последнюю энергию, чтобы выкрикнуть, и потом никогда больше не дышать, никогда больше не чувствовать...

Было ли это всё следствием потери Лили? Лишь летом я узнала, почему Пауль так рано уехал от нас. Его девушка Лили влюбилась в папу. А Пауль был убеждён, что папа отвечает взаимностью на эту влюблённость, да, что он дал ей для этого повод. В конце концов, к тому времени он уже давно думал, что папа оставляет маму так часто одну, чтобы заводить романы.

Я попыталась представить себе, как бы я себя чувствовала, если бы Колин бросил меня, потому что влюбился в маму. Даже представить себе это было ужасно. И скорее всего, я бы тоже сваливала вину на маму. Но хватило бы этого, чтобы забросить все мои прежние желания и планы и стать лесбиянкой?

Эта мысль так сильно сбила меня с толку, что я перестала плакать. Нет. Точно я не стала бы лесбиянкой. Но ручаюсь, стала бы очень несчастной. Хотя ещё несчастнее, чем в этот момент, едва было возможно.

Измученно я оставалась лежать. Тошнота не отступала, так что я теперь только поверхностно дышала, потому что не могла переносить запахи, доходящие со стола. Если я правильно идентифицировала дверь, которая до этого захлопнулась, то Пауль закрылся в своей спальне. Лежал ли он там на кровати? Или хотел подышать свежим воздухом?

Черт, окно... Створки сегодня ночью, которые были на полу, я вернула на место, но лишь прижала их, потому что у меня не оставалось сил.

И как бы сильно он меня только что не напугал, он был моим братом, и с ним что-то случилось, за что он, возможно, не был в ответе. Раздражать его, во всяком случае, мне больше ни в коем случае нельзя, но я должна была посмотреть, всё ли с ним в порядке.

Я подтянулась с помощью моего стула вверх и, шатаясь, подошла к двери Пауля. Я открыла её, не постучавшись. Со вздохом облегчения я поняла, что Пауль лежал на животе на своей кровати, голова вжата глубоко в подушку, и дышал. Медленно, но регулярно.

— Убирайся, Эли. — Его голос был хриплым. Он что, плакал? Или это утомление делало звук его голос таким слабым?

— Твои окна сломаны. Хотела только предупредить тебя.

— Я знаю. — Я пожала плечами, это было всё, что я могла сделать, а утешать его я даже не собиралась, и ушла к себе в комнату. Мой чемодан я всё ещё не распаковала; во-первых, из-за отсутствия полочек в шкафу, во-вторых, потому что я ещё точно не знала, оставаться мне здесь или нет.

Я не чувствовала себя больше в безопасности у Пауля. В этот момент он казался мне сумасшедшим, и по сравнению с ним я чувствовала себя почти нормальной. И всё-таки: хотя у меня на правой щеке был отпечаток, шишка на затылке и я чувствовала себя совершенно несчастной, но... он в самый последний момент сдержался, восстановил над собой контроль. Что-то мне мешало сейчас просто взять и сбежать. В конце концов, я осталась невредимой. И я хотела знать, что с ним происходит. Если я сейчас сбегу, он никогда больше не подпустит меня так близко к себе.

Я была в Гамбурге только три дня, и пока я посмотрела только Шпайхерштадт. Я хотела выбраться отсюда, увидеть что-то другое, не только кирпичные стены домов напротив, узкий кусочек неба надо мной или мутную воду подо мной. Предложение работы в клинике показалось мне ещё раз как знак судьбы. Конечно, ошибка разъяснилась бы даже тогда, если я там не появилась бы лично. Но клиника находилась вблизи Альстера, где якобы Гамбург был самым красивым. Я могла встречу объединить с прогулкой и в это время спокойно обо всём подумать. И если потом захочу, то скажу позже дамам и господам, что не являюсь их ожидаемой уборщицей.

После того, как я разработала этот план, я немного успокоилась. До раннего вечера Пауль и я оставались лежать, молча, на наших кроватях. Иногда у меня из горла ещё вырывался испуганный всхлип, но по прошествии нескольких часов спазм в моём желудке расслабился, и мне захотелось есть и пить. Я выбрала себе приличную одежду, пошла в

ванную, приняла душ и нанесла макияж, чем уже долгое время пренебрегала. Хотя это было совершенно абсурдно, так как не я имелась в виду, у меня было такое чувство, что мне нужно появиться в презентабельном виде в мою первую смену работы.

Когда Пауль внезапно появился в полуоткрытой двери ванной, моя рука начала так сильно дрожать, что выскользнула тушь. Теперь моё лицо украшали две полосы: одна — на левой, другая — на правой щеке. Чёрная и красная.

— Эли, малышка. — Слова Пауля прозвучали устало. Так ужасно устало и измученно. — Я этого не хотел. Это не приносит мне удовольствия. И это убивает меня... Тебя нельзя раздражать меня, пожалуйста, не делай этого...

Я нерешительно повернулась к нему. О Боже, его взгляд... Тут же я отвернулась. Но короткой встречи наших глаз хватило, чтобы на моих появились слёзы. Быстро я схватила бумажную салфетку, и в самой лучшей манере тёлки снова и снова прикладывала её к моим векам, чтобы не потекла тушь.

— Хорошо, — пробормотала я, задыхаясь.

— Для чего ты приводишь себя в порядок? — спросил Пауль удивлённо.

— У меня назначена встреча.

— Встреча? Ты уверена, что ты в таком состоянии...?

— Да, — соврала я. Я совсем не была уверена. На данный момент мне хватит дружелюбной улыбки, чтобы наверх поднялось то, кем я в этот момент была: жалким кусочком плоти. Я расправила плечи и взяла ещё одну салфетку, чтобы вытереть полосу от туши со щеки. Другой придётся остаться. Для более обстоятельного макияжа у меня всё равно больше не было времени, а для прогулки тем более. Я разучилась краситься и потратила для этого слишком много времени.

Я намочила свои руки, попыталась пригладить свои волосы и протиснулась мимо Пауля в коридор.

— Куда ты сейчас идёшь, Эли?

— Мыть полы.

— Мыть полы? — спросил Пауль в ужасе. — Ты идёшь мыть полы?

— Точно, — ответила я сухо. Я посмотрела на него и почувствовала, что уголки моих губ, как и его, дёрнулись во внезапной вспышке веселья. — Ты вбиваешь гвозди в стену, а я иду мыть полы. Брат и сестра Штурм делают карьеру.

Я исчезла, не сказав «до свидания», махнула такси возле набережной Зандтор и позволила отвезти себя с пустым желудком и гудящей головой к моему первому официальному месту работы.

Глава 12.

Песочный человек

На такси я доехала до нужного адреса. Дом выглядел не как клиника, а скорее как роскошный отель. У него были острая двускатная крыша и бросающийся в глаза красно-коричневый кирпичный фасад, который прерывался на нижнем этаже круглыми, а на верхних этажах квадратными окнами с перемычками.

— Этого не может быть, — сказала я безнадёжно. — Должно быть, вы ошиблись.

— Вам нужна была Иерусалимская больница, не так ли? Это Иерусалимская больница юная леди, — возразил водители такси вежливо, но немного раздражённо. — Другой Иерусалимской больницы в Гамбурге нет.

Я заплатила и вышла из машины. Ещё пять минут до моей первой смены. В большинстве окон уже не горел свет, но в фойе было светло. На самом деле, это было совершенно глупо, то, что я собралась сделать. Я могла бы позвонить. Хотя номера телефона у меня с собой не было, и в письме стоял только адрес электронной почты, но это было дело трёх минут: вытащить мой мобильный из сумки, позвонить в справочное бюро, попросить, чтобы меня соединили и сообщить, что произошла путаница.

Почему тогда я этого не делала? Я прочитала письмо в свете фонаря в последний раз. Что-то в этом письме заставило меня посчитать, что оно важно, но я не могу сказать, что именно. Я невольно выпрямила плечи, когда подумала о Пауле и его быстром диагнозе. Я была полна решимости не верить в моё предполагаемое психическое расстройство.

Если то, что думал Пауль, было правдой, то меня и так когда-нибудь мужчины в белом заберут и запрут. Тогда я всё равно не могла ничего с этим поделать. Так что было лучше не сводить себя с ума этой мыслью, что возможно я сумасшедшая. Потому что это казалось ещё более сумасшедшим, чем всё остальное. И конечно, мне нельзя думать о безумной теории, которая появилась у меня по дороге сюда, что это письмо послал Пауль и он уже давно планировал отправить меня в психиатрическую больницу.

Может быть, как раз именно в это заведение. Внезапно улица передо мной освободилась. Я воспользовалась возможностью и перешла её, не смотря ни вправо, ни влево. Две минуты до восьми. Неторопливо я шла мимо деревьев, навстречу к входу. Одна минута до восьми. Теперь я ничего не могла поделать с этим. Мои ноги двигались сами по себе, и как только я зашла в клинику, то направилась прямо к стойке регистрации.

Сразу же мне в глаза бросился стройный, почти лысый мужчина в белом докторском халате и со стетоскопом вокруг шеи, который шатался за дамой с телефоном. Да, иначе это нельзя было назвать — он там шатался, хотя собственно ему здесь было нечего делать. Он заглянул в несколько ящиков и просмотрел пачку писем, но его внимание было направлено в другое место. Оно было направлено на меня.

— Добрый вечер, я могу вам помочь? — приветливо спросила дама за стеклом.

— Я... э-э, — начала я, заикаясь, и подняла письмо вверх.

— Ах, а вот и вы, госпожа Шмидт. Пойдёмте, пойдёмте со мной! — бодро воскликнул мужчина и выскочил из-за угла. Прежде чем я смогла среагировать, он схватил меня за рукав и затолкал в лифт.

— Я не госпожа Шмидт, — прошипела я и попыталась вырвать мой локоть из его руки. Сразу же он отпустил меня и поднял, извиняясь, руки вверх.

— Простите меня, барышня Штурм, — прошептал он. — Но сейчас вы должны пройти со мной, и, пожалуйста, держите рот на замке, пока мы не окажемся наверху.

К нам присоединилась медсестра с пузатым чайником в руке, и мужчина начал непринуждённую беседу, в хорошем настроении и обычное бла-бла. Погода, скорей бы настала весна, чтобы наконец можно было снова посидеть на улице. Как дела у детей? Я попыталась сделать ни к чему не обязывающее выражение лица и сделать вид, что это совершенно нормально и правильно, что я была здесь. Но во мне всё кипело. Если этот тип хотел "наверху" засунуть меня в смирительную рубашку, то его кое-что ожидало.

Он знал моё имя... За всем этим должен стоять Пауль.

— Я убью тебя, клянусь, — прорычала я между стиснутыми зубами, когда медсестра наконец оставила нас одних.

— Что? — спросил мужчина, сбитый с толку, и повернулся, улыбаясь, ко мне. Его серые

глаза лукаво засверкали.

— Ничего, — ответила я, вздыхая. — Ну, давайте. Расскажите мне, что со мной не так. Потом напишьте меня валиумом, и скоро я буду чувствовать себя гораздо лучше. Или это не так?

Его улыбка превратилась в широкую усмешку.

— Только одно вы должны мне объяснить, — продолжила я пылко. — Почему вы, являясь врачом, подыгрываете мне в этом глупом дерьме? Место уборщицы, ха...

— Я боюсь, что здесь случилось недоразумение. Кто считает вас сумасшедшей, барышня Штурм? Или мне лучше сказать: барышня Фюрхтегот? —

Я остановилась.

— Мой брат.

— Ах да. Пауль, не так ли? — Я кивнула. — Что же, на меня вы производите разгневанное и, к сожалению, немного несчастное впечатление, но с вашим сознанием, мне кажется, всё в порядке, если вы это имеете в виду.

— Это так, — ответила я и засмеялась с облегчением. — Тогда Пауль ничего общего не имеет с этой глупой вещью, с уборщицей? Но что я тогда здесь делаю? И кто вы такой?

Врач толкнул меня в уютный рабочий кабинет. На письменном столе не было ни одного сантиметра свободного места. Он был заполнен папками и опасно высоко наложенными книгами: замечательный научный хаос, который сразу успокоил меня.

— Я хочу показать вам своих пациентов.

— Почему? — Его озорная улыбка, которая была настолько симпатичной, что я автоматически расслабилась, осталась, но что-то в этой улыбке было не так — и это бросилось мне в глаза не в первый раз. Она выглядела не фальшиво или искусственно. Но мне казалось, что ему пришлось долго и упорно тренироваться, чтобы она снова не сошла так быстро с его лица. Когда она сходила с его лица, как только что, только на долю секунды, его серые глаза становились такими серьёзными и грустными, что они пробуждали во мне желание отвести от них свой взгляд.

— Вы согласитесь с тем, что я объясню вам все позже? — спросил он меня, не ожидая от меня реального ответа. — Мне бы хотелось, чтобы вы посмотрели на пациентов беспристрастно.

— Но вы ведь знаете, что я не ваша, э-э, уборщица? — Вместо того чтобы ответить, он встал и протянул мне свою руку. Хотя я не любила касаться чужих людей, я доверчиво взяла его под руку. В коридоре он снова отпустил меня, чтобы открыть первую дверь.

— Пожалуйста, — сказал он. — Посмотрите.

— Но я ведь не могу... Почему?

— Сделайте мне одолжение, барышня Штурм, и не будьте так упрямы. Посмотрите на это, я прошу вас.

Я неохотно подчинилась. Для меня было неприятно смотреть на чужих пациентов, а это, очевидно, была палата пациента. Через стекло, перед которым находилась узкая панель с измерительными приборами и разными инструментами, я могла видеть кровать, в которой спала женщина. Ну, должна была спать. Но то, что она делала, ничего общего не имело с тем, что я понимала под сном. Её глаза были закрыты, а её лицо, как и у любого спящего, слегка расслабленно. Она была где-то в другом месте, не здесь, она не замечала нас. Но её тело почти насильственно противилось сну. Она сидела на коленях посередине своей помятой постели и ритмично качала верхнюю часть тела туда-сюда. Иногда она при этом

наклонялась так сильно вперёд, что её лоб касался простыни. Только смотря на неё, у меня участилось дыхание.

Постоянное покачивание должно быть изнурительным, и оно отнимает много сил. Я медленно выдохнула, чтобы избавиться от головокружения в голове, которое охватило меня при виде этой женщины. Её лицо напоминала мне фотографии в папиных документах об историях болезней пациентов. Это было разрушенное лицо, и я не могла представить себе, что она не чувствовала, что происходило. Она просто не могла ничего с этим поделать. Она была беспомощна. И я, смотря на это, становилась такой же беспомощной.

— Она делает это половину ночи, уже в течение многих лет, — объяснил врач объективно, но не без сострадания. — Два брака распались, её третий муж привёз её ко мне. Он больше не знает, как ей помочь. Он пытался спать рядом с ней, но она не находит покоя. Да и она сама много лет постоянно истощена и не в состоянии работать. Утром она себя чувствует так, будто пробежала марафон.

— Что с ней такое? — Хотя стекло точно было звуконепроницаемым, я понизила голос. Он прозвучал слабо и с дрожью.

— Хороший вопрос, — похвалил меня врач. — Как раз правильный. И как раз тот, на который я уже многие годы ищу ответа. Мы называем это сомнамбулизм. Как часто: понятие, но без способа исцеления. Давайте пойдём дальше...

Я оставалась стоять пару секунд, прежде чем не взяла себя в руки и последовала за ним. Этого зрелища только что, в сущности, мне хватило. Когда я шла, то оглядывалась в поисках окна, возле которого я могла бы подышать немного свежим воздухом, так как головокружение усилилось. Но оно находилось в самом конце длинного коридора, а врач энергично сигнализировал мне уже подойти к нему.

В следующей палате сидел молодой человек за письменным столом, перед ноутбуком. Я предположила, что ему тридцать лет, самое большое тридцать пять. Когда он повернулся к нам и, приветствуя врача, поднял руку, я испугалась. Его глаза были как мёртвые. Бледно-голубые, повисшие, полные теней, и если я могла в них различить какие-нибудь остатки чувств, то это было эхо такой печали, которая была настолько уничтожающей, что её ни какой человек в этом мире не смог бы вынести. Мужчина коротко улыбнулся мне, дерзкая, чуть ли не заигрывающая улыбка, и склонился снова к своей клавиатуре, чтобы печатать дальше.

— Это Марко, мой проблемный пациент. Он из Боснии, потерял в гражданской войне своего лучшего друга, его мать изнасиловали, он был вынужден смотреть на это... Потом он сбежал, чтобы в течение многих лет каждый день принимать наркотики, с целью уничтожить свои чувства и забыть всё то, с чем он не мог справиться.

— А теперь? — спросила я, не отрывая глаз от Марко. Он печатал так, будто ведёт давно закончившуюся войну против своих букв. Но он не выглядел так, будто находился под действием наркотиков. Людей под воздействием наркотиков я представляла себе по-другому.

— Попытка самоубийства. Он заперся в гостиничном номере, нарисовал на стене чёрный крест и проглотил сорок две таблетки. Реанимация, затем полный коллапс. Вся система перестала действовать. Его тело знало, что душа не сможет справиться с реальностью, и отказывало ему в жизни. В конечном итоге, они всё-таки смогли его спасти.

— Можно ли вообще называть это спасением? — спросила я резче, чем намеревалась. — Если он не может вынести жизнь и хочет умереть, почему вы тогда не

позволите ему сделать это? — Я пыталась найти руками опору, потому что теперь перед моим полем зрения мелькали чёрные пятна. Я думала, что слышу стук клавиатуры через толстое пуленепробиваемое стекло. Тук-тук-тук-тук. В моей голове это умножалось с большой скоростью.

— Мы ведь подчиняемся клятве Гиппократа, госпожа Штурм. Закон запрещает ему убивать себя, а нам клятва — позволить ему умереть, — голос врача смешался со стуком в моих жилах. — Мы смогли с помощью медикаментов до некоторой степени стабилизировать его, но его время от времени настигают воспоминания и возвращают его назад на войну. Чаще всего, когда он переходит через мост. Он хочет спрыгнуть, и несколько раз он уже пытался это сделать. Тот, кто хочет его удержать, подвергается опасности, что он увлечёт его за собой. Его глаза во время этих воспоминаний полностью белые. Он смотрит в себя. Он видит то, с чем не может справиться в настоящее время. И это должно быть ужасно. Марко не в состоянии развивать отношения с людьми, не может работать на регулярном рабочем месте, но он пишет, как молодой бог. Это удерживает его в живых. Только то, что он пишет.

Я провела языком по моим сухим губам.

— А если он найдёт друзей, настоящих друзей, построит семью, может, у него будет хорошая профессия, которая его действительно будет удовлетворять... Может быть, у него получится стать автором? Он ведь точно не дурак и не урод, и... — Почему я вообще ещё могла думать и говорить? Я уже почти больше ничего не видела и почти не слышала свой собственный голос.

— Поверьте мне, барышня Штурм, не в этом проблема. Было много женщин, а потенциальных друзей тем более. Но Марко не может позволить себе любить, потому что он презирает себя и не разрешает своей душе ничего, что смог бы снова потерять. А людей можно потерять. Его врачебный диагноз называется, между прочим, Посттравматическое стрессовое расстройство. Он сам называет это просто безумием. — Врач короткое время колебался. — Пойдёмте, продолжим дальше.

Неуверенно я обернулась и не смогла предотвратить, что, шатаясь, врезалась в плечо доктора. Он сделал вид, будто не заметил этого, а так же моё усилие снова восстановить равновесие. Мёртвые, пустые глаза Марко не отпускали меня. Огромные, они смотрели на меня из круговорота чёрных пятен. Лишь неохотно я последовала за доктором к следующей и последней палате в коридоре.

Пуленепробиваемое стекло не могло сдержать оглушительные крики и вопли — плачь ребёнка, которого кажущейся измученной медсестра положила на маленькую кровать, бережно погладила и после нескольких секунд снова подняла на руки. Качая его, она ходила туда-сюда.

— Вы уже когда-нибудь слышали диагноз Младенческая колика? — спросил врач. Я тревожно покачала головой. Медленно чёрные пятна закачались туда-сюда, чтобы потом ещё сильнее сгустится.

— Некоторые дети спят слишком мало и плачут часами. Есть множество теорий, которые предполагают, почему это так, но родителям они приносят мало пользы, потому что они почти ничего не могут против этого сделать — или для этого. Для сна своего ребёнка. Посмотрите сами...

Медсестра снова положила ребёнка в кровать, и сразу же он начал брыкать ножками и орать во всю глотку. Это звучало панически. Я вспомнила мои сны в пошедшую весну — мои

сны о Колине. Колине, когда он был ребёнком. Крошечное, никем не любимое существо, которое никогда не плакало, не единого раза. И которое своей собственной матерью было оставлено на холодном чердаке, потому что она не хотела держать его рядом с собой. Она боялась его, как самого дьявола.

— Где его мать? — спросила я и невольно закрыла уши руками, в которых удары по клавиатуре перемешались теперь с отчаянным криком ребёнка.

— Прошлой ночью она перенесла нервный срыв. Её силы были на исходе, с самого рождения она не спала ни одной ночи. Она думает, что делает что-то неправильно, чувствует огромную вину...

— Чёрт, что медсестра там делает? — Мои пальцы стали искать ручку двери, но она не поддавалась. Больше всего мне хотелось ворваться в комнату и вырвать у неё из рук ребёнка, хотя она обращалась с ним ласково. Но разве она не видела, что он боялся кровати? Он не хотел лежать в ней, разве она этого не понимала? А мать Колина не чувствовала, каким он был одиноким? Она что, не замечала, что он всё понимал, с самой первой секунды — что он всё осознавал, каким он был одиноким? Он не только терпел это. Он это понимал.

— Она учит его спать, — Я пыталась избавиться от голоса врача, как от надоедливых комаров. — Любому человеку нужен сон, понимаете? Ребёнок должен научиться спать. Это единственное, что мы можем сделать, и иногда это срабатывает — при условии, что она с ним рядом всё время. Трудная работа. Когда заканчивается рабочий день, она знает, что сделала.

— Почему же он не хочет спать? — спросила я в отчаяние.

— Он боится, — ответил врач. — Вы уже когда-нибудь задумывались над тем, какие у младенцев сны? Они могут быть деликатесом. — Его серые глаза засверкали, когда он посмотрел на меня. В один миг чёрные пятна исчезли. Мои кончики пальцев онемели. Я не стала избегать взгляда доктора, хотя по спине у меня пробежала дрожь. — Подумайте, Елизавета. Почему ребёнок не хочет спать? Почему? Чего он боится? Я советую молодым родителям класть ребёнка спать рядом с собой. Это, кажется, помогает. Возможно, это удерживает их... Кто знает, что они могут сделать?

Он провёл рукой по своей лысине, как будто хотел этим движением изгнать свои собственные тёмные мысли. Мои колени подкосились, и я заскользила вдоль стеклянной стены вниз, сильно прижавшись спиной к холодному стеклу.

— Представьте себе, какая трагедия: мать заходит утром в комнату, а ребёнок...

— Нет, замолчите, пожалуйста, пожалуйста! Я не хочу этого слышать! — Я отошла от стены и, пошатываясь, побрела, слепая от слёз, в сторону окна. Я чувствовала это сама... Я чувствовала это необузданное горе, всё сметающий на своём пути яркий, кошмарный момент, который невозможно никогда забыть... И внезапно увидела Колина, который крошечным свёртком лежал на ледяном ветре на вершине холма, на много миль вокруг не души, его лицо покрыто ледяными кристаллами. Рождён демоном, и с самого начала ненавидимый всеми. Выброшенный, чтобы умереть? Я хотела утешить его, исцелить его, забрать у него это, и в то же время он принадлежал к тем существам, которые похищали сны людей.

Вы уже когда-нибудь задумывались над тем, какие у младенцев сны? Они могут быть деликатесом.

Врач поймал меня, прежде чем я упала, и поддерживал мне, так, что я могла сопроводить его в кабинет, больше спотыкаясь, чем идя. Там он опустил меня на удобное

кресло для посетителей, и взял мои дрожащие руки в свои.

— Вы не хотите слушать это, потому что не хотите чувствовать, барышня Штурм? — Я ничего не ответила. Эмоции, которые настигли меня перед лицом панически кричащего ребёнка, уходили медленно. Один момент я хотела скорее упасть замертво, чем предстать перед чувствами, которые могут в этой жизни выбить меня из колеи, принадлежат они мне или нет. И моих собственных хватало мне полностью.

— Итак, это так, как я подозреваю..., - сказал тихо доктор. — Высокая чувствительность.

Я подозрительно подняла голову.

— Что всё это значит? — спросила я едко, хотя головокружение отступало медленно. — Вы хотели проверить меня? Поиграть? Речь шла вовсе не о пациентах, не так ли? Они были только средством для достижения цели.

— Вам будет нелегко в жизни, Елизавета. У вас высокая чувствительность, вы знали об этом? Человек с повышенной чувствительностью. Вы чувствуете даже то, что не касается вас лично, как будто это происходит непосредственно с вами. Это усложняет вам жизнь. И поэтому я не знаю, стоит ли вам следовать по тому же пути, что и ваш отец.

Мой отец... Он знал моего отца?

— Вы знаете, где он находится? Может быть вы сами... полукровка? — высказала я без предупреждения и взволнованно то, что уже всё время как смутное подозрение мелькало у меня в голове. Врач весело рассмеялся. Так же и это, казалась, он хорошо отрепетировал.

— Нет. Нет, я не полукровка. Слава Богу. Можно я представлюсь? Доктор Занд (песок), специалист по сну. Вы можете называть меня Зандманн (песочный человек). Иногда я забываю, что на самом деле меня зовут Занд. Все здесь называют меня Зандманн.

— Елизавета Штурм, — ответила я вяло, хотя это было лишним, как зоб. Он ведь уже разузнал, как меня зовут. И не так, как я сначала думала через моего брата. — Значит, вы знаете моего отца.

— Да, очень хорошо. Он доверился мне. И я ему верю.

— Вы ему верите..., - всхлипнула я и почувствовала себя на мгновение свободной. Доктор Занд протянул мне бумажную салфетку. Я хорошо высморкалась. Почему-то все с трудом подавленные слёзы собрались у меня в носу. Как только я освободилась от них, остаток решил побежать из моих глаз.

— Да. Я ему верю. Через регулярные промежутки времени он давал мне знать, что с ним всё в порядке. Но теперь... — Он посмотрел на меня вопрошающе.

— Он пропал без вести, — закончила я хрипло его мысль. — С Нового года. Значит, вы не знаете, где он может быть?

Доктор Занд покачал головой.

— Нет, мне очень жаль, Елизавета. Я не знаю. Всё, что я знал, что у него есть дочь, которая тоже во всё посвящена. Которая... да, которая даже связалась с одним из них. Вы храбрая, Елизавета. Если не сказать, совершенно легкомысленная. — Улыбка промелькнула на его губах, и в этот раз у меня не появилось чувства, что она натренирована.

— Это, наверное, зависит от того, с какой стороны посмотреть, — ответила я вызывающе. — Хорошо, вы хотите знать, кто это сумасшедшая, которая влюбилась в Мара. Вуаля, вот я и здесь. Но почему вы просто не позвонили мне? Зачем трюк с предложением работы уборщицы? И для чего это посещение пациентов? Я не ваш экспериментальный кролик.

Его улыбка стала ещё шире.

— Я хотел проверить ваш инстинкт. Очевидно, он работает превосходно.

— Вы бы могли просто позвонить мне.

— Я не хотел в телефонном разговоре употреблять слово Мар или похищение снов, — ответил господин Занд безучастно. — Береженного...

— ... Бог бережёт. Я знаю. Это одна из моих любимых поговорок. — Я хрипло выдохнула. — Но что, по-вашему мнению, заставило меня прийти сюда, вместо того, чтобы позвонить или написать сообщение на электронную почту? Я ведь не ясновидящая. Это было глупой случайностью, потому что мне как раз больше не чем было заняться, — сказала я, и почувствовала всем телом, что я соврала.

— Вы сомневаетесь в силе интуиции, барышня Штурм?

— Я не предрасположена к эзотеризму, — ответила я холодно. Доктор Занд звонко рассмеялся, но тут же снова успокоился.

— Посмотрите ещё раз на письмо. Не читая его. Рассмотрите картину в целом.

Вздыхнув, я развернула его.

— И что общего это имеет с моей интуицией?

— Интуиция не подчиняется эзотерики. Она слушается логики. Она руководствуется приметам. Это я говорю в буквальном смысле. Приметы...

Я не стала фокусировать свои глаза, как тогда, когда я стояла с Колином рядом с Луисом. О. Теперь я это тоже увидела — и внезапно поняла, что имел в виду доктор Занд. Это были первые буквы первых трёх предложений, каждое из которых было помещено на значительном расстоянии друг под другом. Л, Е, О. Лео. Мой отец.

Несмотря на внезапно нахлынувшие на меня чувства, я засунула письмо небрежно в карман брюк и скрестила руки на груди. Мне всё ещё не нравилось, что со мной проводились эксперименты. И это не менял даже тот факт, что мне нравился доктор Занд.

— И что вы теперь от меня хотите? — спросила я резко.

— На данный момент ничего, — ответил он весело и слишком непринуждённо. Я ему не поверила. — Просто вы должны знать, что у вас есть с кем поговорить, кто существование демонов Мара, по крайней мере, считает возможным. Не считая этого, мне нужен в будущем приёмник. С удовольствием я возьму и женщину. Я уже не так молод, знаете.

— Ах, — сказала я сухо и посмотрела на его лысину. — Значит, вот откуда дует ветер.

Он весело усмехнулся. Могла ли я действительно доверять ему? Теперь я должна была узнать некоторые вещи. Всё это могло быть и ловушкой. Он мне нравился — это точно. И вообще-то он казался мне достойным доверия. Но какова была его мотивация?

— Почему вы собственно верите моему отцу? Вы ведь учёный, — спросила я твёрдым голосом. — Они верят только в то, что видят.

В тот же момент его улыбка погасла.

— Справедливый вопрос, барышня Штурм.

— Тогда ответьте на этот вопрос. Я последовала за вами в ваш замок призраков людей без сна, а теперь я хочу получить ответы. Почему, во имя Бога, я должна вам доверять? Что вы имеете общего с Демонами Мара?

Когда я сказала слова «Демоны Мара», его выражение лица стало изнурённым, и он посмотрел на меня так горько, что у меня появилось искушение утешить его, положив руку ему на плечо.

— Хорошо, барышня Штурм. Тогда я расскажу вам это, — начал он тихо. Внезапно его

тело стало выглядеть старым и изношенным. — У меня была дочь в вашем возрасте, весёлая живая девочка, полная сумасшедших идей и планов и наделенная красочным воображением.

— Красочное воображение у меня есть тоже, но весёлой и живой я никогда не была, — прервала я его мягко. Меня подгоняло желание вернуть снова улыбку на его серое выражение лица, и мне это почти удалось. После небольшой паузы он продолжил.

— В определённый момент она изменилась... Стала меньше смеяться, больше не писала рассказов, почти не выходила из дома, пряталась, перестала заниматься спортом. И в одно прекрасное утро она лежала со сломанной шеей на тротуаре. Я был в клинике в эту ночь, но моя тогдашняя жена обнаружила её, как она стояла на козырьке крыши, в тонкой ночной сорочке, посреди зимы, голова запрокинута назад, руки вытянуты в стороны. Моя жена сделала ошибку и заговорила с ней... Она упала и тут же умерла. По крайней мере, ей не пришлось страдать. По меньшей мере, в агонии.

— Она была лунатиком, — прошептала я поражённо. Он склонился вперёд и снова взял мои руки в свои.

— Нет. До этого она ни разу не бродила во сне, Елизавета. Что-то заманило её. И она также не хотела убивать себя, как утверждают некоторые. Почему люди встают во сне и занимаются невозможными вещами? Почему?

Он отпустил меня, схватился обеими руками за край стола и так сильно сдавил его, что костяшки пальцев побелели. Медленно он наклонялся ко мне, чтобы твёрдо на меня посмотреть. Я не могла произнести ни звука. Мы всё равно думали об одном и том же. Это было Мар. Это было то, что мы подозревали. Кроме того, у меня было такое впечатление, что доктор Занд нуждался в разговоре, чтобы побороть свою боль, которая в этот момент снова вернулась к нему. Так что я позволила ему говорить — быстро и нетерпеливо, как будто он был в бегах.

— Возьмем, к примеру, Марко. Причина его душевной травмы понятна. В этом нет никаких сомнений. Это были люди. Но представьте себе, мы могли бы убедить Мара освободить его от его травмы. Он смог бы вести более-менее нормальную жизнь, может быть, даже основать семью! Это то, что намеревался сделать ваш отец, не так ли?

— Намереваается, — поправила я его.

— Это только трое моих пациентов. Могу я вам кое-что сказать, Елизавета? Наука не имеет ни малейшего представления о сне и сновидениях. Мы находимся в темноте, в прямом смысле этих слов. И я верю, как и ваш отец, что Мары могут помочь нам, но так же, что они являются самым большим бедствием, которое Бог когда-либо посылал нам.

Что же, существовали ещё чума, и СПИД и цунами и землетрясения и Эд Харди, и Modern Talking, но я не хотела сейчас противоречить ему, хотя он снова успокоился, а его глаза начали опять блестеть.

— Я знаю, — сказала я вместо этого. — Колин рассказывал мне об этом. Но он так же сказал, что это практически невозможно, осуществить эти планы. С одной стороны, мы должны бороться с ним, с другой, использовать в наших целях, и как мы будем решить, кто для чего хорош? Так как все Мары голодны, не так ли? Никто не хочет добровольно отравить себя плохими чувствами. Кроме того, что скажут ваши уважаемые коллеги о ваших новых методах?

— Вы правы. Время ещё не пришло. — Вздохнув, доктор Занд сел на край стола который теперь выделялся глубокими вмятинами его ладоней. Задумавшись, он проводил по нему рукой. — Но я надеюсь, этот день придёт. И я надеюсь, что вы будите играть в этом

роль, Елизавета. Хорошую роль. Вы первый человек, который влюбился в Камбиона и пережил это. Вы умны, любопытны, можете отлично думать логически. Вам просто нужна соответствующая учёба, вы должны научиться немного лучше контролировать вашу чувствительность...

— ... что невозможно..., - добавила я колко.

— О, это не так уж и невозможно, — возразил доктор Занд, улыбаясь. Значит, она снова появилась. — Во всяком случае, вы несёте в себе восемьдесят процентов предпосылок, и я не могу принять ту мысль, что после меня никто не подхватит идею с Демонами Мара, как бы абсурдно она не звучала для большинства учёных. Как вы думаете? Вы ведь, конечно, собираетесь поступить в университет, не так ли? И меня сильно удивит, если вы будете изучать литературу или музыку. Вы учёный, Елизавета! — воскликнул он так убедительно, что мне было сложно разочаровывать его.

— Честно говоря, мне сейчас хватает забот о том, чтобы не быть упечённой моим собственным братом в психушку.

— Он вам не верит?

— Ни капельки.

— Тогда оставьте эту тему в покое. Больше не говорите об этом, вы делаете всё ещё хуже. Нельзя заставить людей во что-то верить, чего они не хотят видеть. Это ещё никогда не работало.

Слова доктора Занд всё ещё раздавались у меня в голове, когда я в этот раз позволила отвезти себя автобусу назад в Шпайхерштадт. Неохотно я должна была с ним согласиться. Я не могла заставить Пауля поверить в это. Но так же я не могла заставить себя поверить в определённые вещи, касающиеся его. Например, его истории с Фрацёзом.

В первый момент тот факт, что доктор Занд считал меня в своём уме и существование Демонов Мара возможным, принесло мне огромное облегчение. Здесь, в этом городе, не так далеко, был кто-то, с кем я могла поговорить об этом, в придачу ещё и учёный, чьему суждению можно было доверять. Эта мысль помогла мне заставить замолчать сомнения. Но у него был так же очень сильный мотив: смерть его собственной дочери. Если бы он объявил моего отца сумасшедшим и меня в придачу, он должен был бы этот удар судьбы принять просто так, а именно так, что в нём видели другие: трагический несчастный случай при сомнамбулизме или же самоубийство. Он имел с этого выгоду, что не держал меня и папу сумасшедшими. С этой точки зрения было неудивительно, что он прямо-таки вцепился в его план, с небольшой, но существенной разницей, что он сам не находился в мире Демонов Мара. Он находился на твёрдой почве и избегал того, чтобы его теории проникли наружу. Ведь, так же как и у нас, у него не было никаких доказательств.

И всё-таки. Во мне находилась непоколебимая и твёрдая уверенность, что я не потеряла рассудка. Я была в здравом уме. И теперь я сделаю тоже, что и Пауль со мной. Я буду за ним наблюдать. В наблюдение я действительно набралась достаточно опыта в прошедшие годы. И выясню, что у него за чёртова проблема.

И потом мы могли бы обсудить, кто из нас двоих является безумцем.

Часть Вторая — Гордыня

Глава 13.

Возмездие злоумышленнику

Вот оно, наконец — открытое море. Я остановилась и даже не смела моргнуть, таким

опьяняющим был вид, который предстал передо мной. Даже ни одного маленького облачка не закрывало небо, тёплый воздух ласкал мне кожу, солнце грело мой затылок. Надо мной шумели ветки пальм на ветру, и шёпот их листьев смешивался с приливом и отливом прибоя в почти гипнотический рёв, который тут же изгнал у меня из головы все мрачные мысли.

Сейчас лето, подумала я бесшабашно. Сейчас лето, я нахожусь возле моря, и это намного красивее, чем я когда-либо представляла... Боже, как это красиво!

Мои глаза блаженно погрузились в лазурную синеву океана, как вдруг вода отступила слишком далеко. Непропорционально далеко. Уже на горизонте поднялась волна, в высоту с дом, и блестела, увенчанная белоснежной пеной, а вместе с ней поднялся крик людей, которые знали, что она несёт. Я тоже это знала. Она несла мою смерть.

Слишком долго я оставалась стоять, в то время как другие бежали, спасая свою жизнь, и смотрела, как волна постоянно приближалась и становилась всё выше, пока мне наконец не удалось выйти из оцепенения. Слишком поздно. Её рёв и грохот заглушил шёпот пальмовых веток, я уже могла чутать соль и все дары моря, которые волна влекла за собой и которыми она нас удушит, меня и весь остров. Солнце померкло. Потом холод накрыл меня.

Я протянула руку вперёд, чтобы ухватиться за стенку причала, на которую я только что облокачивалась. Может быть, я смогу держаться за неё, пока вода снова не отступит в океан, мне нужно только достаточно долго задерживать дыхание, может быть, мне это удастся... Но сила волны сорвала стену со мной на землю. Я ещё держала один камень в своих руках, последний кусок этой земли, пока вода и его не забрала у меня, потащила меня за собой и с беспощадной силой сломала мне позвоночник...

— Конечно, стена! — воскликнула я и подскочила. Я была вся в поту, и, только полностью сосредоточившись, мне удалось набрать воздуха в лёгкие. Свистя, я вдохнула, а мои лёгкие сразу же выдавили кислород наружу, как будто я слишком много ожидала от них, да, будто они вовсе не хотели его. Но мои мысли были ясны.

— Боже, как я могла быть настолько глупой?! — ругалась я. Я ещё раз с трудом вдохнула, и в этот раз мои лёгкие подчинились. Головокружение, которое после пробуждения было таким сильным, что я, ища опоры, вцепилась в край кровати, как во сне за распавшуюся стену причала, отступило.

Ключ от сейфа!

— Ты найдёшь его в стенах дома Пауля, — написал папа. Я думала "в стенах дома Пауля" было поэтическим описанием квартиры Пауля. А поэзия не принадлежала к моим любимым увлечениям. Я проигнорировала формулировку, пожав плечами. Но теперь я знала, что папа имел в виду — и это было настолько очевидно, что я могла бы дать себе пенка под зад за свою собственную бестолковость. В квартире Пауля действительно существовала стена — стена, которая была построена позже, чтобы отделить кухню от гостиной и оформить эту большую комнату немного более уютно. Она не доходила до потолка, а кончалась на высоте моей головы. Оставшееся пространство Пауль использовал для изысканного светового сооружения. Наверное, папа лично построил эту стену; в конце концов, он своими руками ремонтировал квартиру.

Мне ничего другого не остаётся, как разобрать её на куски, если я хочу найти ключ. Может быть, был шанс услышать, где находится полый камень с помощью постукивания, в котором должен быть спрятан ключ. Я с трудом подавила желание сразу же посмотреть, так как не хотела снабдить Пауля ещё большим материалом, подтверждающим его теорию, что Эли сумасшедшая, стоя возле стены и посылая азбуку Морзе своему второму я.

Так что я облокотилась спиной о стенку, выключила свет и стала размышлять. Это было в первый раз в течение недели, что у меня появилось возможность для размышления, так как флегматичный образ жизни Пауля начал уже влиять на меня и сделал меня вялой, уставшей и апатичной. Именно то, что исходило от Пауля. После моего решения наблюдать за ним, я попыталась выяснить в интернете, какое поведение мне выбрать, чтобы производить впечатление хотя и не уравновешенного человека, но в то же время не полностью сумасшедшего.

Я быстро нашла, что искала — депрессивное расстройство было самым лучшим. Из-за него меня никто не мог запереть, но оно будет продолжать подпитывать теорию Пауля, без того, чтобы он что-то выяснил. Так я взяла руководство в свои руки. Уже при прочтении распространённых симптомов я заметила с ужасающей ясностью, что они на самом деле подходили для Пауля. Да, для Пауля, а не для меня. И в это я могла так же поверить, как в то, что он просто так взял и стал геем.

Его сексуальная перемена должна была произойти сразу же после его переезда сюда. Пауль и Францёз знали друг друга битые четыре года, а полтора года они официально работали вместе. Они купили вместе Porsche, ездили вместе в отпуска и иногда проводили вместе ночь. К счастью, не здесь. Три раза, когда Пауль спал у Францёзе, он рано утром вваливался, спотыкаясь, в квартиру, и лежал до обеда, как в коме, в своей затемнённой комнате. Он утверждал, что с Францёзом невозможно спать в одной кровати, потому что он постоянно крутится туда-сюда и вырывает у него одеяло, а Францёз утверждал, Пауль всю ночь спиливает деревья. Что же, с этим пунктом я должна была неохотно согласиться. Храп Пауля невозможно было выносить.

Но я верила так же и Паулю. Так как главная задача Францёза в жизни Пауля состояла в том, чтобы сеять суету. Либо он подгонял Пауля по телефону, и тот бегал по квартире (ища то какие-то документы, то счета, то список цен), при этом оба начинали чаще всего ругаться, и Францаёз из чистого раздражения снова и снова клал трубку в середине разговора. (Конечно, он утверждал, что была прервана связь — Францёз никогда ни в чём не был виновен, он всегда был прав.) Или же он сам влетал к нам и делал примерно тоже, только лично, что для меня было гораздо более неприятным, так как Францёз старательно меня игнорировал или, как обычно, наказывал холодным презрением, как только его взгляд больше не мог уклониться от моего. Во время его присутствия я прикалывалась над ним, предпринимая разные дурацкие игры с его собакой, что приводило Францёза в ещё большую ярость. Но я была не достойна его беседы, и поэтому он не говорил мне прекратить этим заниматься.

Самое большее Францёз разговаривал со мной косвенно — например, когда Пауль снова сидел на унитазе, потому что проспал, а Францёз подгонял его. Тогда он говорил о Пауле в третьем лице, не смотря при этом на меня или вообще всерьёз рассчитывая на мой ответ. "Я ему говорил, что у нас почти нет времени, а покупатель очень важен, я ему говорил об этом!" "Он снова проспал, не так ли? Ах, почему он никогда не слышит будильника!" "Фу, как он снова выглядит и как говорит! Я же говорю, Пауль самый гетеросексуальный гей, которого я когда-нибудь видел!"

— Это, наверное, потому, что он гетеросексуальный, — ответила я ледяным тоном, но Францёз только щёлкнул языком и махнул рукой.

В остальном я даже не пыталась начать с Францёзе разговор, хотя казалось, его беспокоили в Пауле те же вещи, что и меня. Большая разница была в том, что Францёз

сердился, не задумываясь о об их причине, а моя голова начинала чуть ли не дымиться из-за постоянных размышлений. Между тем было уже так, что бремя, которое Пауль носил с собой, я начала чувствовать на собственном теле — невидимое, с тонну весом бремя, которое я не могла игнорировать. Я уже давно не верила в то, что история с Лили была единственной причиной для этого. Пауль всегда представлялся мне как ванька-встанька, и ему был присущ завидный оптимизм. В этом была самая большая разница между нами: Пауля ничто не выводило так быстро из себя. Он точно знал, чего он хотел, и его не волновало, что об этом думали другие. И если план А не срабатывал, то на следующий день он начинал план Б.

Но у нового Пауля больше не было никаких планов. Теперь он был только подгоняем Францёзом. Если Францёз врывается в квартиру и распространял стресс, то в Пауля возвращалась жизнь, и он начинал какие-нибудь коммерческие предприятия с искусством или заставлял себя и свое невидимое бремя смастерить в своей мастерской рамку. Я неохотно в этом признавалась, но я была почти благодарна Францёзу за его действующую на нервы активность, так как апатию Пауля было сложно выносить, и это приносило мне заметное облегчение, когда он, по крайней мере, делал хоть что-то.

Кроме того, в эти часы он начинал сам светиться. Из недовольного и грубого человека, который угрюмо сидит на унитазе или прячется за утренней газетой, становился шикарно одетым, энергичным мужчиной со сверкающими глазами и стремительной походкой, который, хотя ворча и споря, но всё-таки с какой-то целью и в сопровождении покидал квартиру и на ревущем белом Porsche мчался прочь.

Утешить меня такие моменты всё-таки не могли, так как во мне тлело ужасное подозрение — нет, на самом деле это уже больше не было подозрением. Эта была уверенность. После нескольких дней наблюдения я поставила Паулю диагноз депрессии. Да, достаточно плохо, — но это было не всё.

Я должна была думать о предположении доктора Занд во время нашего разговора в клинике. Я учёный, сказал он. Я могла думать логически. И именно эта логика запрещала мне игнорировать мои выводы, даже если они были такими страшными. Потому что у Пауля была не только депрессия. Нет, к этому добавлялось странное поведение, которое я не могла приписать ни к какой схеме.

Как я часто это делала, я перечислила всё в уме и старалась найти для этого вразумительные причины — другие причины, чем ту одну, ужасную, которую я боялась всё это время.

Пункт 1: его обжорство. Это меня сильно беспокоило. Пауль ел постоянно, и он делал это мимоходом, да почти как будто кем-то управляемый и абсолютно необдуманно. Он ел не из-за того, что был голоден — никто не был голоден, если он только что проглотил три тарелки чили, кон карне с рисом, но обжорством из-за печали это тоже нельзя было назвать, потому что это не делало его счастливым.

После еды с регулярным чередованием он брал сначала палочки с солью, потом шоколад, потом снова палочки с солью, (его аргументация: после сладкого мне нужно что-то солёное), потом стаканчик водки, поток вина, снова шоколад. Кроме того казалось, что он утратил чувство различать холодное и горячее. Он мог выпить только что закипевший кофе и откусить кусок мороженого, даже не вздрогнув. Что вообще он ещё чувствовал?

Аналогично он вёл себя, смотря телевизор. Пункт 2: восприятие информации. Пауль переключал, но не смотрел. Мне приходилось часто при этом выходить из комнаты, чтобы

не взорваться, потому что он никакую программу не оставлял включённой дольше, чем три минуты, не говоря уже о том, что он понимал, что там вообще шло. И это был рекорд.

Пункт 3: если он хотел купить себе что-то новенькое, — он делал это часто и предпочитал покупать в интернете — проводил часы, иногда дни, чтобы прочитать оценки продуктов в форумах и сравнить их с тем результатом, что потом он едва мог принять решение. Всё же он покупал, из чистого разочарования, и почти всегда это приходило в сломанном состоянии. Во всех его действиях лежала страдальческая вялая неутомимость, которая затягивала и меня тоже в бездну, если я хотя бы иногда не выбегала из квартиры и не пересекала маршем Шпайхерштадт.

Пункт 4: физическое состояние. Это было самым драматичным подозрением. Пауль всегда был уставшим и вялым. Единственное, что у него осталось, была его дремлющая атлетическая сила, твёрдые руки и его достойная внимания скорость реакции. Реагировать он мог очень быстро, но его действия были катастрофическими. Сам по себе он ничего не предпринимал. И спортом он тоже не занимался. Якобы его бронхи не могли перенести это.

Только один раз в день я слышала его громкий, сердечный смех из прошлого, к которому я должна была присоединиться, независимо от того, в каком настроении я была: когда по Pro7 шли Симпсоны. Тогда я садилась рядом с ним, смеялась вместе с ним и представляла себе в течение двух раз по тридцать минут, что всё было так же как раньше. Но это было не так.

Это не было типичной депрессией. У него изменялась личность. Пауль становился кем-то другим. Его настоящее «я» исчезало. Я могла наблюдать за этим. Что-то мёртвое распространилось в нём — зияющая, глубоко чёрная, засасывающая пустота.

— Давай же, скажи это вслух, — пробормотала я. — Скажи. — Но я могла об этом только думать про себя, и даже это было достаточно сложно. Это было всего лишь одно слово. Одно слово, которое раньше для меня не имело никакого смысла. Но с прошлого лета вызывало во мне внутреннюю дрожь, которая преследовала меня даже в моих снах. Три слога, которые решали человеческую жизнь: атака.

Да, я была почти уверена, что Пауль был атакован. Я не верила, что это ещё продолжалось — или я только убеждала себя в этом сама? Нет. Пауль упомянул, что он видел очень мало снов, а если и видел, то на следующее утро не мог сказать, что с ним случилось ночью. От Колина я знала, что Мары оставляли своих жертв, как только пища становилась низкосортной. Тогда они искали для себя нового хозяина, а люди должны были бороться с последствиями атаки, не зная о том, что с ними на самом деле случилось. Если у Пауля больше не было снов, то атака была уже позади. По крайней мере, в этом я убеждала себя. Настоящим доказательством это не было.

Кроме того, я сама продолжала видеть яркие сны. Хотя регулярно появлялись кошмары (почти всегда я тонула или хотела за что-то ухватиться, что в последнюю секунду выскользвало у меня из рук), но так же и прекрасные сны. Слишком прекрасные. Вспоминать их доставляло мне боль, и хотя я в них испытывала счастье, я просыпалась в слезах. Так как знала, что они никогда не станут реальностью.

И мне требовалось несколько часов, чтобы освободиться от их последствий; часы, пока я снова могла закрыть глаза и не чувствовать искрящийся взгляд Колина в темноте за моими закрытыми веками и его прохладные руки на моей коже. Это были другие сны, чем раньше, в первые недели после нашего знакомства. Они шли дальше, намного дальше чем то, что мы когда-либо делали. И всё-таки не достаточно далеко. Это были отдельные прекрасные

осколки, матово светящиеся, как серебряный лунный камень, и мне так сильно хотелось соединить их вместе, чтобы можно было разглядеть мозаику, которую они образовывали. Чтобы можно было почувствовать её.

Такие сны, должно быть, были как праздничный обед для Мара, а Мары очень жадные. Он бы забрал их, если бы унюхал. И всё-таки я не могла быть уверена на сто процентов, что атака Пауля была в прошлом, и поэтому решила внимательно наблюдать за Бертой ночью. Пока у меня с этим были проблемы, потому что я не могла проснуться.

Я спала как мёртвая. В течение вечерних часов, во всяком случае, Берта производила нормальное впечатление — недовольная и незаинтересованная, но по её масштабам обходительная. Никакой дрожи и вибрации, никаких прыжков на крышку террариума.

Кроме того, я попыталась поймать крысу. Каналы Вандрам кишели крысами, и, может быть, они дадут мне информацию о присутствии Мара. В конце концов, крысы славились своим хорошим инстинктом — разве тогда было невозможно, что они смогут распознать те волны, которые ускользают от меня? Но не успела я завлечь особенно жирный экземпляр в квартиру и броситься на него, вооружившись толстыми рабочими перчатками Пауля, издавая при этом воинственный крик, как Пауль вмешался — с оружием Францёзем в охапке — и выгнал скотину из дома. Клетку, которую я уже приготовила, я быстро запихнула ногой под кровать, но по выражению лица Пауля я могла увидеть, что он её явно заметил, и я предоставила ему ещё один момент для подозрения.

Но теперь была глубокая ночь — я предположила, что колдовской час давно прошёл — и мне нужно использовать возможность, чтобы бросить взгляд на Берту. Проблема была только в том, что я не чувствовала никакого желания делать это. Я боялась. Потому что, что, к чёрту, мне делать, если она ведёт себя как сумасшедшая? Значит ли это, что я могу полагать, что как раз в этот момент в комнате рядом...? Я даже не хотела додумать эту мысль до конца. Но Пауль был моим братом. И я не могла оставить его в лапах Мара. Хотя я не знала, что могла бы предпринять против Мара, который лакомился снами Пауля, но закрывать глаза тоже не было решением. Кроме того, попыталась я подбодрить себя, вероятность того, что он всё ещё атаковал Пауля, была очень мала. Или она? Тесса? Печально известный вариант семейной мести?

Мои липкие пальцы стали искать выключатель. В следующий момент я сощурилась от света, уверенная в том, что ошиблась и из чистого мерцания не смогла ничего рассмотреть. Но это не было заблуждением. Террариум Берты был пуст. А крышка оставляла крошечную его часть открытой.

Как солдат при бомбардировке, я скатилась с кровати, вскочила на ноги, истерически стянула ночную рубашку через голову, потрясла волосами и в тоже время пятилась назад к двери, и, затаив дыхание, осознавала, что в любой миг могу быть укушенной, как в тот же момент раздался сердитый крик из соседней комнаты.

— О, нет..., - ахнула я. — Нет... только не Пауль...

Я бросилась полуголая через коридор, в уме составляя план, с помощью которого смогу спасти Пауля — отсосать укус, затронутую часть тела перевязать, предупредить центр экстренного вызова по ядам, 110, но прежде чем я ворвалась в его комнату, раздался громкий удар. Последовал оглушительный грохот, закончившийся удовлетворённым ворчанием. И оба прозвучали не так, будто Пауль лежал в предсмертных судорогах. Нет, это прозвучало так, будто...

— Чёрт, ты что сделал? — закричала я на него. Он стоял посередине своей кровати,

руки в триумфе подняты вверх, в одной руке увесистая книга об искусстве аборигенов, в другой — ширма от люстры, которая упала на него сверху. Но моё внимание было направлено на смятое тело Берты, которая только что, дрожа, сдохла на простыне Пауля.

— Не умирай, Берта, пожалуйста, не умирай, сладкая, — упрашивала я её, но было уже поздно. Пауль раздавил её тело, а подёргивание ног было последней реакцией её нервов. В этом паучке больше не зиждилось никакой жизни.

— Извини, Эли, эта скотина ползла по моей подушке...

— И тебе нужно было сразу же убить её? — воскликнула я укоризненно. — Ты, вероятно, мог бы и поймать её..., - Берта мне не нравилась, но теперь на глаза у меня навернулись слёзы. Она была моим самым важным инструментом, а Пауль взял просто и положил конец её существованию. Но разве он не мог свою быструю реакцию направить немного в другую сторону?

Укоризненно я смотрела не него, а он смотрел в ответ абсолютно растерянно.

— Елизавета, это был паук. Уродливый, отвратительный, ядовитый паук...

— Она была нужна мне. Она была нужна мне, чтобы... ах, ты этого не поймёшь. — Качая головой, Пауль подобрал останки Берты и небрежно выбросил их в окно.

— Нет, этого я действительно не понимаю.

Я тяжело вздохнула.

— Прощай, Берта, — пробормотала я. — И спасибо за всё. — Ледяной ветер снаружи заставил меня вздрогнуть. Пауль бросил мне свой банный халат, и я обернула его неловко вокруг плеч.

— Иногда ты кажешься мне немного жутковатой, Эли. Ты почти напоминаешь мне Ренфилда из Дракулы...

— Ну, прям, — запротестовала я. — Я ведь не ем маленьких котят и не кричу постоянно: "Учитель, учитель, я тебя чувствую!"

Уголки губ Пауля коротко дёрнулись.

— Нет, но сначала пойманная крыса, а теперь паук? Ты делаешь вид, будто она была твоим любимым домашним животным. Извини, пожалуйста, что я спас свою жизнь.

— Может быть, она спасла бы твою жизнь, — прошептала я так тихо, что он не мог этого услышать, и вернулась назад в свою комнату.

Настало время действовать. Как только Пауль покинет дом, — я знала, что ему нужно на выставку в Берлине, и питала обоснованную надежду, что Францёз, самое позднее в девять часов, выгонит его на улицу — я разрушу стену.

И если мне лишь немного повезёт, то я найду ключ, а в папином сейфе лежало что-то, что мне позволит, убедить Пауля и излечить его.

Если исцеление для него было ещё возможно.

Глава 14.

Трюммерфрау

— Если ты не хочешь, то мне придется применить силу, — прорычала я, схватила кувалду и стала размахивать ей туда-сюда. Чрезмерно пугающе при этом я не выглядела. Вес кувалды почти тянул меня на землю. Для меня было загадкой, как я смогу поднять её над головой.

Я нашла полый камень и в тот же момент прокляла папу, так как камень находился в самой середине этой отвратительной стены, и все попытки высвободить его с треском

провалились. Ладно, если я не смогу поднять кувалду над головой, может быть, тогда имело бы больше смысла ринуться сверху и при этом с размаха ударить в стену? Нет, физически невыполнимая вещь. Я свалюсь на пол, как гнилой фрукт поздней осенью.

Так что в дело вступает ударная дрель — мой последний туз в рукаве мастера на все руки. Решительно я поменяла кувалду на не менее тяжёлый убийственный инструмент, прижала его остриё к стыкам на стене, включила его и в тот же момент оказалась в облаке пыли. Но после того как я разломала стык, выходя при этом так, будто искупалась в грязи, мне нужно было всего лишь раз поднять кувалду — это я ещё как раз смогла, хотя и с болезненным рывком в правом плече — и стена начала рушиться.

Час спустя кухню Пауля невозможно было узнать. Пыль покрыла всю мебель и электронные приборы серой пудрой и даже прилипла к стенам, на полу лежали вдоль и поперёк кирпичи и всякие приспособления для разрушения, но у меня не было настроения для уборки и мойки. Я полностью выбилась из сил. Собрав оставшиеся силы, я дотащила полый камень до стола, кое-как вытащила небольшую деревянную пластину, которая защищала его от внутренней, и, вздыхая, завладела ключом.

Теперь меня ничего не удерживало в Гамбурге. Мамино письмо до сих пор не прибыло. В Вестервальде, как и почти во всей Германии, господствовал снежный хаос, и, видимо, почта ещё не покинула границы леса. Пауль мог бы послать письмо назад, как только оно дойдёт сюда, а у меня была только одна цель: папин сейф. Я сожалела о том, что загрузила террариумы и аквариумы в багажник, вместо сейфа, потому что тогда я смогла бы тут же открыть его.

Тем не менее, я была в эйфории.

— Наконец ты у меня! — крикнула я от восторга и поцеловала неприметный ключ в бородку. Папин план сработал — план, который, посмотрев назад, казался мне даже больше чем рискованным. Потому что откуда он мог знать, что Пауль останется в этой квартире? Учитывая непризнание в отношении папы, могло бы вполне случиться, что мой брат в один прекрасный момент переехал бы и нашёл бы себе свой собственный дом, к которому папа не прикладывал рук. Значит, папа был точно уверен, что Пауль останется здесь.

Однако я также помнила, что папа горел рвением, после того как нашёл эту квартиру в Гамбурге. Она была чем-то особенным, сказал он, и Пауль полюбит её. Хотел ли он с её помощью заглядеть свою вину? Казалось, Пауль действительно любит квартиру, хотя она в этот момент, благодаря моим преобразовательным работам, значительно потеряла своё очарование. Он ещё недавно восторженно подчеркнул, что никогда не захочет отсюда переехать.

В виде исключения я находила её и сейчас красивой и весело прыгала вокруг обломков. Пронзительный звонок в дверь внезапно оборвал мой счастливый танец. Неужели Францёз? Нет, с ним Пауль, ругаясь сегодня утром, отправился в Берлин. Или, может, они что-то забыли? Если это так, то меня ожидала неприятная сцена.

Я, вздохнув, включила домофон.

— Да?

— Вы не можете спуститься вниз? Я ничего больше не могу затолкать, — прозвучал голос в плохом настроении.

— Куда и что вы больше ничего не можете затолкать? — спросила я в замешательстве.

— В почтовый ящик. Ну, давайте спускайтесь уже вниз, не то я заберу вашу почту снова с собой. — Мне, как и Тильману, принципиально не нравились приказы, но я подчинилась и

вызвала некоторое удивление у бедного почтальона, когда предстала перед ним полностью покрытая пылью. Почтовый ящик был переполнен. Пауль, должно быть, не открывал его уже несколько дней. Хотя я не знала, где находился ключ, я всё же приняла письма-пакеты, а затем вытащила столько почты из щели в почтовом ящике, сколько могла ухватить. И вот — мамино письмо тоже было там.

Прежде чем я открыла его, я залезла под душ и превратилась снова в нормального человека. Для кухни Паулю нужно будет заказать целую команду уборщиков. На это не осталось времени.

Если я отправлюсь сейчас, то доеду сегодня вечером до Вестервальда. И мне надо поторопиться, так как Пауль поставил Volvo в арендованном гараже за пределами Шпайхерштадта. Из-за приливов и отливов и постоянной опасности наводнения, старый Вандрам не был хорошим местом для подземных гаражей. Паулю не нравилось припарковывать свой Porsche на открытой улице, но на нем он ездил каждый день.

Четверть часа спустя я была готова идти. Я приготовила себе ещё кофе и, в то время как машина деловито гудела, небрежно открыла мамин конверт. Да, он выглядел официально, но на официальных письмах, как правило, стоял отправитель, чего определённо не хватало этому.

Скорее всего, это было уведомление о выигрыше или рекламная лотерея, которой был предан по возможности профессиональный вид, чтобы... Нет. Это было что-то совершенно иное.

"26 февраля, Зюльт, песочные дюны в Эленбогене, при закате солнца."

Больше на листке бумаги ничего не стояло. Почерк тоже не давал мне никаких ссылок на автора. Слова явно были напечатаны старой пишущей машинкой, на которой «S» не работала должным образом. Штамп почты нельзя было разобрать, а марка почти растворилась из-за принуждённого пребывания во влажном почтовом ящике. Она казалась мне экзотичной, но не была для меня помощью.

Мои колени подкосились, и я опустилась на ближайший стул. 26 февраля было сегодня. Разве у папы на Зюльте не была один раз его "конференция"? Я вспомнила, что Колин сказал мне о любимых местонахождениях Маров. Они любят жить в тех местах, которые автоматический обеспечивают постоянный приток людей и где Мары не особо привлекают внимания.

Я ещё никогда не бывала на Зюльте, но достаточно часто видела репортажи об острове по телевизору, чтобы знать, что он является таким местом. Идеальный район для Мара. Кроме того, это сообщение было напечатано на пишущей машинке. Многие старые Мары останавливались в какой-то момент в своём развитии, и не владели больше современной техникой — и часто она также отказывалась служить в их непосредственной близости. Третьим признаком было назначенное время. Закат солнца. Самое любимое время дня Маров, потому что наконец становилось темно и их жертвы начинали видеть сны.

— Нет. Нет, я не буду этого делать, — бормотала я, качая головой, зная при этом, что всё-таки сделаю. Кто-то хотел встретиться со мной на Зюльте. Да, шансы были велики, что это был жадный Мар, который хотел либо за папину измену, либо за мою связь с Колином отомстить, а затем удовольствия ради полностью высосать меня. Но также была вероятность, что этот Мар являлся революционером. Революционеры были "хорошими парнями". По словам папы, они существовали, и Колин не возражал по этому поводу. Ах, что значит хорошие парни? Конечно, они тоже были голодны. Но они, по крайней мере, были

готовы к теоретическому сотрудничеству с папой. Может быть, сообщение принадлежало одному такому хорошему Мару, и он знал что-то о местонахождении папы — или даст мне подсказку, как я смогу вызволить его.

Мне нужно немедленно ехать. Дни хотя и стали снова длиннее, но если я хотела успеть до сумерек, то мне нельзя терять больше ни минуты. Я взяла пачку денег из копилки на кухне, запихала джинсы, футболку, мой несессер и свежее бельё из чемодана в рюкзак, быстро накормила моих животных, схватила, быстро решив, ключ от Porsche Пауля — забирать Volvo будет стоить мне слишком много времени, а оба гея уехали сегодня утром на бутылочно-зелёном ягуаре Францёза — и покинула квартиру, не оглядываясь назад.

— Вот это да! — прошептала я почтительно, когда при первом красном светофоре у меня появилась возможность остановиться.

Porsche был адской машиной, и она начала мне нравиться. Мой желудок вибрировал в такт с рычащим мотором подо мной, и, из чистого удовольствия похвастаться, я позволила ему дико зареветь и ухмыльнулась мужчине рядом со мной, который с очевидной завистью в глазах вцепился в руль своей серебристо-серой семейной колымаги. Как только светофор переключился на зелёный, я умчалась, чтобы никогда больше не встретиться с ним. Я очень хорошо понимала, что при почти каждом повороте моя жизнь была в опасности, но я была на пути к свиданию с неизвестным Маром на Зильте — и в этом случае белоснежный Porsche представлял меньшую потенциальную опасность. Кроме того, в нем была встроена в совершенстве работающая система навигации. Тем не менее, я старалась ехать не быстрее, чем сто шестьдесят километров в час, и на мокрой дороге замедлять темп, так как хищник, в котором я сидела, реагировал непримиримо на крошечные повороты и неясности.

Но с каждым новым отрезком дороги — то есть с каждой ремонтной работой, которая заставляла меня тормозить — мы лучше привыкали друг к другу, и последние сорок километров шоссе после Нибюля до автомобильного поезда были истинным удовольствием. Кроме меня на дороге никого почти не было, и погрузка сработала удивительно хорошо. Я заехала вверх по пандусу, как будто никогда ничего другого не делала, и уверенно улыбнулась замёрзшему человеку передо мной, когда он подал мне знак проехать к переднему вагону. Всего лишь десять минут спустя поезд тронулся, и я должна была признаться себе, что я Зильт и переезд через море представляла себе намного романтичнее. Намного более голубым и солнечным.

Серое небо плавно перешло в мутно-грязную осушку, и на стороне к открытому морю ветер подгонял чёрные тучи и заставлял гребни волн пениться. Со значительным дискомфортом я смотрела на зрелище природы вокруг себя. Я не боялась ни секунды, что в следующий момент на горизонте поднимется гигантская волна, но и с успокоительной летней свежестью это сцена ничего общего не имела. Порывы ветра неприветливо встряхивали крышу автомобиля, как будто хотели вытащить меня из Porsche, не было видно ни овец, ни чаек и меньше всего я могла поверить в то, что Зюльт лежал под мутно-белым снежным одеялом.

Я даже не вышла из машины, хотя было ещё светло, а сразу же отправилась в сторону Эленбоген, самый северный уголок Зильта. После того как город остался позади, стало так одиноко, а асфальт таким ухабистым, что я ненадолго остановилась, чтобы восстановить дыхание и дать моему сердцу возможность успокоиться. Но оно не сделало этого. Моему сердцу и мне не нравилась эта местность. Даже при солнечном свете, двадцати пяти градусах в тени и при полном штиле я бы не смогла тут расслабиться.

Дюны, казалось, были живыми — в принципе, они ими и были, в конце концов, они ведь двигались, — но у меня было такое чувство, будто у них появляются глаза, как только я поворачиваюсь к ним спиной. Они наблюдают за мной, чтобы потом под незримую команду надвинуться на меня и с наслаждением раздавить меня в своей середине. Я вспомнила картину, которую должна была интерпретировать на экзамене искусства — «Монах у моря» Каспара Давида Фридриха. Я чувствовала себя подобно монаху, только без Божьей помощи. Это было безбожное место, ему не хватало безопасности. Когда я выйду из машины, то буду в его власти.

Я снова завела мотор и доехала до последней стоянки на Элленбогоне. Кроме зияющей, пустынной площади стоянки, в этой части острова больше ничего не существовало. Ни домов, ни отелей, ни молодёжной турбазы. Проще говоря, это означало, что мне никто не сможет помочь, если я буду в опасности. Я должна буду полностью полагаться на себя.

Но солнце ещё пока не садилось. Я, по крайней мере, могла выйти, взобраться на гребень дюны, спуститься вниз к морю и посмотреть на него — потому что это было то, что я уже давно хотела сделать и о чём постоянно видела сны, хорошие или в последнее время скорее плохие: открытое море.

Я одной рукой вцепилась в мобильный телефон, а другой — в маленький молоток, который я нашла у Пауля в бардачке, и промаршировала, опустив плечи и втянув голову, сквозь ревуший ветер в сторону моря. Иметь молоток было лучше, чем ничего. Меткий удар в висок, может быть, сможет вывести и Мара на несколько минут из строя. А в ударах я сегодня упражнялась до полного уничтожения. Кирпичная стена, череп Мара — разница не могла быть настолько большой.

Вид моря ошеломил меня. Яростно волны накатывали на покрытый снегом пляж, необузданно бурлили, перемешиваясь друг с другом, пока брызги волн не разлетались на метр в высоту, солёные и сладкие одновременно. Ветер так безжалостно дёргал меня за волосы, что их корни начали болеть, а холод забрал все ощущения с моего лица. Мои мышцы застыли и стали безжизненными. Свои крики о помощи я не смогу услышать, если они покинут мою глотку, и уж точно никто другой, так как море заглушало в своём разгневанном рёве даже вой начинающегося шторма.

То, что я здесь делала, было против всякого здравого смысла. Ещё совсем немного и невидимое солнце утонет во встревоженном море, и что случится потом? Неужели, в конце концов, это была сама Тесса, кто в этом негде ожидал меня, может быть, скрывалась уже за следующей дюной, чтобы схватить меня, как только станет темно?

Да, мне было любопытно, и хотя я боялась открытого моря, я почти не могла оторвать взгляд от него. Но я так же хотела ещё немного пожить. Я развернулась, чтобы побежать назад к машине, но внезапный порыв ветра задул мне в лицо снег и песок. Я больше ничего не могла видеть, в считанные секунды потеряла ориентацию. Я засунула мобильный в карман куртки и бросила молоток. Обеими руками я тёрла глаза, чтобы удалить из них песок, прежде чем он сможет попасть под контактные линзы. Слёзы потекли у меня по щекам, а ветер разметывал их на тысячи водяных капелек.

Затем вдруг совершенно неожиданно шторм утих, будто покорился какой-то высшей силе, и я увидела вдалеке чёрную лошадь, которая скакала вдоль прибоя и неудержимо приближалась ко мне. Всадник прижимался к её шее, голова опущена и непокрыта, руки голые. Голые и белые.

Я могла чувствовать запах его кожи. Я развернулась и начала бежать, со сжатыми

зубами и слезящимися глазами, против снова поднявшегося ветра, а прибой позади меня кричал и ревел, будто речь шла о его жизни. Но страх и моя дико бурлящая надежда отняли у меня всю силу. Я упала вперёд, в мокрый снег, перевернулась вокруг собственной оси, заставила подняться себя на ноги, но ветер снова придавил меня к земле. Он делал невозможным попытку убежать. Я могла только сидеть здесь и позволить случиться тому, о чём я ведь собственно уже так долго мечтала. Это стало правдой — по-другому, чем я надеялась, но это действительно случилось.

Я села на колени в снег, твёрдо решив, встретить то, что меня ожидало, со слезящимися глазами. Волосы разлохмачены, мой пульс как барабанный бой.

Лошадь направлялась прямо ко мне. Как загипнотизированная, я протянула руки вверх, хотя дрожала от паники, и позволила затянуть себя наверх, потому что никакого другого выбора не было, кроме как сделать это. Моё сердце запретило мне любую другую альтернативу. А моё тело отказалось мне подчиняться, как только мои глаза увидели его.

— Чертово дерьмо, неужели с тобой всегда должно быть так драматично? — закричала я ему в ухо, и на его лице мелькнула улыбка.

— Так должно быть, — проник его нежный голос в мой разум, без того, чтобы он пошевелил губами. Потом его голая рука обхватила меня за талию, и жар Луиса проник в мой живот и загорелся в моих венах. Жар Луиса? Или он исходил от Колина? Сидел ли он достаточно долго на своей лошади, чтобы чувствовалось, будто он человек?

Полным галопом жеребец бежал вдоль берега, справа от нас море, слева дюны, кроме нас троих, ни одной души на много миль вокруг. Я одновременно редела и смеялась. Я всё ещё боялась эту чёртову лошадь, и, конечно, Колин должен был позволить ему прыгать через молы Вестерланда, одна за другой, почему бы и нет, в конце концов, с ним в седле сидела только его имеющая фобию к лошадям девушка — немного поразвлечься не помешает.

Незадолго до набережной он развернул Луиса и направил его после нескольких сотен метров наверх, в дюны, и вдоль извилистых дорожек. Галоп перешёл на рысь, которая рассортировала мои внутренности заново и слишком отчётливо напомнила мне о моём пустом желудке, пока Колин резко не остановил Луиса на защищённом от снега месте. Одним движением он спрыгнул с седла и потянул меня вниз на песок. Мои ноги онемели от холода, и когда я встала на них, они казались мне как две железные колодки, которые случайно оказались на моих лодыжках. Я больше не могла контролировать их. Озадаченно я наблюдала за тем, как начала падать в сторону.

— Я не могу стоять, — заметила я, загаив дыхание, но у Колина не было интереса в том, чтобы я стояла.

Он придавил меня спиной к влажному песку, пока его лицо не оказалось рядом с моим. Я хотела поднять руки, чтобы коснуться его, чтобы наконец можно было поверить, что это происходит на самом деле, но они остались лежать неподвижно рядом с моими ушами. Угольные глаза Колина жгуче погрузились в мои.

— Ты видишь сны, Эли? Ты можешь ещё по-прежнему видеть сны? — спросил он меня настойчиво и убрал своими прохладными пальцами волосы со лба. Прохладные, но не холодные. Эта зима со снегом делала возможным то, что у камбиона была более высокая температура кожи, чем у меня. Так как я состояла из чистого льда, и даже пылающий жар у меня в животе не мог изменить это состояние.

— Ты чувствовала меня сегодня ночью? — Теперь нужно было говорить мне, как бы тяжело мне это не давалось.

— Я, э-э... ну...,- заикалась я смущённо. Да, я его чувствовала, а именно самым невыразимым образом и почти везде. Ладно, если быть точной: везде.

Но, как всегда на заре, в моё сознание между сном безжалостно проникли острые, как бритва, осколки и разрушили парящие моменты счастья, и я, беззвучно плача, пробудилась от сна.

— Эли? Я кое-что у тебя спросил, — мягко вытащил меня Колин из моих воспоминаний.

— Э-э, да. Да, чувствовала, — сказала я, дрожа и избегая его взгляда. — Я чувствовала тебя. Немного.

— Немного? — повторил Колин, забавляясь.

— Немного многовато, — призналась я неохотно. Мои окоченевшие губы скривились в застенчивой усмешке.

— Я очень старался, — ответил Колин и сверкнул зубами.

— Да, это было довольно мило, — похвалила я его благосклонно.

Усмехнувшись, он ущипнул меня за бок.

— Ты похудела, Лесси. — Я хотела возразить, потому что он так меня назвал, но потом я поняла, как сильно мне этого не хватало. Ему было можно так называть меня. Я была его девушкой. Его худой девушкой.

— О, зима была не такой захватывающей, знаешь. Мой парень и любимый сбежал, потом все заболели, я тоже, всё время шёл снег, и бушевала буря, между тем мне нужно было сдать экзамены, пропал мой отец..., - Я резко стала серьёзной, и улыбка Колина тоже пропала. — Мой отец пропал. Мы не имеем ни малейшего представления, где он.

— Эли, я пытался связаться с тобой, и это было нелегко, потому что я находился на другом конце света, но пару раз у меня получилось — и я чувствовал опасность.

— Объясни конкретнее, — потребовала я коротко.

Но Колин покачал головой.

— Сначала я отведу тебя в твой арендованный коттедж. Всего пара шагов отсюда. Так как ты приехала на Porsche, я полагаю, что роскошные апартаменты в Кампен подойдут? — спросил он самодовольным тоном. Он отпустил меня, и мы встали, он гибко, я немного менее изящно.

— Ты тоже выглядишь истощённым, — констатировала я, когда посмотрела на него. Истощённым и для меня невыносимо, нет, невыносимо прекрасным, но очень бледным и измождённым.

— Было не просто питаться в прошедшие месяцы. И это всё ещё не легко, — признался спокойно Колин и пожал плечами. — Каждое бегство имеет свою цену.

— А сейчас... Сейчас мы разве не в опасности? Я не знаю, можно ли по мне это заметить, но я в этот момент счастлива, и ты... тоже выглядел более подавленным.

Колин коротко рассмеялся и схватил вожжи Луиса.

— Позже. Мы поговорим завтра. Сначала я отведу тебя в твою квартиру.

— Завтра? В мою квартиру? А что насчет тебя? — спросила я, не понимая.

— Я живу в другом месте. Не на острове. Здесь находится только Луис. В квартире у тебя будет всё, что нужно, там есть даже сауна и...

— Отклонено, — прервала я его. — Это даже не обсуждается. Я не хочу в квартиру. Возьми меня с собой.

— Нет, Эли, — сказал Колин решительно.

— Ты забыл, кто я, в то время как разъезжал по морям? — накинулась я на него. — Я не позволю запихать меня в какую-то дурацкую халупу, когда я только что снова увидела тебя, после того, как каждую ночь выплакивала себе все глаза из-за чистого... — Я остановилась. Нет, слишком много словесных ласк не стоит ему давать, а признаний тем более.

— Эли, это не так просто, как ты себе это представляешь...

— Ах, с тобой ведь никогда не было просто, Колин Блекбёрн! Ты антипод лёгкого! Ещё сложнее просто не бывает, но хочешь, я кое-что поведаю тебе? Я точно такая же! Поэтому-то мы так хорошо подходим друг к другу. Всё, что слишком просто и весело, вызывает у меня отвращение! Мне нравится то, что сложно переваривается!

Колин явно пытался удержать свою ироничную усмешку, которая закралась в уголки его губ, но прежде чем ему это удалось, прошло несколько секунд.

— Тебе там не понравится. Я клянусь тебе. Я тебя знаю, Эли. Но если хочешь, пожалуйста, может, будет даже лучше, если ты лично убедишься в моих антиподах. — Это прозвучало непристойно, и мне в голову ударил жар. — Но сначала ты согреешься в своей квартире, в то время как я заберу твою машину и отведу Луиса в конюшню. Потом мы поедем ко мне. — Он бросил мне ключ, а я неохотно отдала ему от Porsche. — Иди по этой тропинке дальше. После двух поворотов ты дойдёшь до небольшой деревни с домиками из соломенных крыш. Улица Курхауз, 32.

— Попробуй только не вернуться, Колин, — пригрозила я.

— Всегда ваш раб, мадам. — Он элегантно поклонился, запрыгну на спину Луиса и умчался.

— Ты мог бы спокойно поцеловать меня. Придурок, — прошипела я. Потом я засунула ключ в карман штанов, убедилась, взглянув вниз, что мои ноги были на месте (так как чувствовать я их больше не могла), и отправилась, шатаясь, как только что заправленный пьяница, в мою халупу-люкс.

Глава 15.

Штормовой прилив

— Что мы тут делаем? — спросила я и повернулась в сторону Колина.

Он действительно зашёл за мной, после двух бесконечно долгих часов, во время которых я ничего не делала, кроме как сидела на шикарном кожаном диване в квартире, смотрела на стеклянный стол и глупо улыбалась. Чувство триумфа, которое снова и снова поднималось во мне, привело меня в почти парящий счастливый экстаз. Нам это удалось: мы перехитрили Тессу. Я знала, что Колин не заманил бы меня в дюны, если бы это представляло опасность для нас или для меня. Так что Тессы здесь не было. У нас было преимущество перед этой глупой, старой сучкой.

Но теперь моё настроение незаметно изменилось. Мы стояли в ревущей темноте Северного моря в порту Хёрнум. Ни море, ни небо не успокоились. Волны сильно ударяли о камни стен гавани, и снова и снова брызги орошали наши лица.

— Теперь мы едим ко мне, — спокойно ответил Колин, взял меня за руку и спустился со мной по ступенькам к лодкам, танцующим на воде.

Инстинктивно я отступила на шаг, когда он начал отвязывать трос моторной лодки. Это была одна из тех ракет, с которыми Гринпис пытался захватить нефтяные танкеры или спасти тюленей, и которые использовали, чтобы отвезти туристов к китам. Я часто видела их по телевизору, но никогда ни в одной из них не плавала.

И сейчас я не горела желанием делать это.

— Вот на этом? Точно? — убедилась я скептически. Я застегнула куртку до самого подбородка, но резкий ветер проникал сквозь ткань до самой кожи. Кроме того, я мёрзла изнутри. Жар в моём сердце только что погас. Не осталось даже искры.

— Не бойся, она не утонет, — Колин ловко вскочил на лодку, которую, как скорлупу ореха, бросало туда-сюда. А мы всё ещё находились в гавани.

— Любой корабль может утонуть, — ответила я раздражённо. Его глаза сверкнули, когда он повернулся в мою сторону и протянул мне руку.

— У тебя есть выбор, Эли. У нас осталось примерно полчаса, чтобы отвезти тебя назад в квартиру. Или же мы поедem вместе. Дольше нам нельзя ждать, не то ветер станет слишком сильным, чтобы можно было выехать из гавани.

Я успокоилась, схватила его за руку и позволила затянуть себя на качающуюся лодку. В конце концов, я не хотела отступать. Колин подтолкнул меня на скамейку рядом с рулём, указал, чтобы я держалась за боковые ручки и не отпускала ни на секунду.

Десять минут спустя я знала, почему. Я кричала уже в пятый раз:

— Остановись! Медленнее, плыви медленнее! — хотя мне было ясно, что я вела себя как истеричная, избалованная цаца, которая боялась, что небольшая буря испортит ей причёску. Но я состояла только из страха.

Всё во мне хотело вернуться на землю, чтобы снова иметь под ногами твёрдую почву, а не быть брошенной в любой момент туда-сюда, не имея при этом шанса собраться или даже вздохнуть.

Волны надвигались со всех сторон, и про каждую я думала, что она опрокинет лодку. Для меня оставалось загадкой, как в последнюю секунду лодка всё-таки поднималась на ней, и, тем не менее, я проклинала всё это, так как всё неизбежно вело к тому, что лодка постоянно находилась в воздухе, чтобы потом с оглушительным треском обрушиться в следующую впадину, образовывающуюся между волн. Толчки были настолько сильны, что мокрые ручки почти выскальзывали у меня из пальцев.

Колин, напротив, стоял (стоял!) бесстрастно за рулём и даже не глядел в мою сторону: взгляд упрямо направлен на бушующее чёрное море, рука твёрдо держит рычаг газа.

— Помедленнее, пожалуйста, Колин! — закричала я в отчаянии, когда ветер утих на одну секунду. Я уже знала, что он это делал только для того, чтобы потом ещё более сердито начать хлестать море. Наконец Колин повернулся ко мне. Он был раздражён.

— Если я поплыву медленнее, то волны будут контролировать меня, а не наоборот, понятно? Держись крепче и смотри на горизонт. И перестань кричать, так тебе в лёгкие задувает слишком много холодного воздуха.

Моё "тупой говнюк" затерялось в новом рёве мотора. Смотреть на горизонт — это было типично для Колина. Я не видела никакого горизонта. Мир потерял все свои горизонты. Я видела только волны, мои глаза не находили в них никакой опоры. Сильнейшая тошнота охватила меня. У меня не получалось держать рот закрытым; я автоматически вскрикивала, если лодка начинала крениться в сторону и, как транспортное средство пирата, мчаться по ледяному воздуху, или её нос быстро взлетал из воды.

Я не знала, как долго Колин терзал нас, везя через беспокойное море — каждая минута казалась вечностью — и, тем не менее, у меня было такое чувство, будто я в дороге несколько часов. Единственное, что я чувствовала, как мои слёзы согревали моё холодное лицо, а мой трепет и дрожь были теперь единственной реакцией тела; я сама ничего этого

больше не чувствовала, я только отмечала это, когда смотрела на себя вниз. Все ощущения сосредоточились на моём желудке, а ему было совсем не хорошо.

Внезапно лодка дёрнулась, и мы заехали, скрепя, на песчаную отмель. Колин прыгнул в волны, схватил верёвку и вытащил весящую тонну лодку на ил, где привязал её к деревянному столбу, качающемуся на ветру.

— Мы приехали! Ты не хочешь слезть?

«Я не могу», хотела сказать я, но побоялась, что меня вырвет, как только я начну говорить. Неподвижно я сидела на узкой скамеечке, по-прежнему сжимая ручки. Меня укачало, мне ужасно плохо, думала я так отчётливо и интенсивно, как только могла. Я не могу сейчас встать. Он что, не слышал меня?

Колин запрыгнул назад в лодку и оторвал мои пальцы по одному от ручек. Потом он поднял меня, отнёс через бурлящие волны на сушу, где перед нами в лунном свете появилась конструкция свайного жилища — хижина, возведённая на брёвнах и не намного просторнее, чем большая баня, но с балконом по всему периметру и телескопами на каждой стороне. Крутая лестница вела навверх. И уже следующее облако закрыло луну, и стало очень темно.

Колин переместил меня на своё правое бедро и поднялся по лестнице тремя упругими шагами. Когда дверь наконец закрылась и вой шторма остался за дверью, он поставил меня на деревянный пол. Я не двигалась. Я наслаждалась твёрдой почвой подо мной и настойчиво уговаривала себя, что креветки, которые я быстро навернула в Хёрнуме, не выплону на ноги Колина, как только воспользуюсь своим голосом. Креветки должны остаться внутри меня.

— Тебя не укачало, Эли. Тебе просто страшно.

— Ха, — сказала я слабо и была очень горда, что мой желудок признал этот звук, не вывернувшись на изнанку. После нескольких спокойных вздохов я стала смелее. — Где, чёрт возьми, мы находимся?

— На Тришене, — ответил Колин сухо и взял меня за плечи, чтобы мягко приподнять и прислонить к краю кровати. Меня охватила внезапная сентиментальность — и здесь у Колина была кровать, хотя он не спал. Я вспомнила кровать с бархатным покрывалом в его доме в лесу, на которой мы вместе провели ночь, и прикусила себе язык, чтобы снова не заплакать.

— Тришен. Я ещё никогда о таком не слышала и не видела ни одного другого дома здесь..., - пробормотала я. — Что это за остров?

Разговаривать всё ещё было трудно, и то обстоятельство, что во рту у меня почти больше не было слюней, не делало это дело проще. Колин склонился ко мне и прижал к моим губам чашку с водой.

— Это не остров. Это песчаная отмель. Я занял здесь место наблюдателя за птицами. Вообще-то работа начинается только в марте, но..., - Колин сделал небольшое движение рукой, и я догадалась, что оно означало. Мары часто так поступали. Наблюдатель за птицами — это было, по крайней мере, так же не клёво, как помощник лесника, но в этот раз я воздержалась от ироничного комментария. Теперь я уже знала, почему Колин выбирал себе такую работу. Ему нужна была уединённость. Но эта уединённость, однако, была для меня слишком эксцентричной.

— Значит, никого, кроме тебя, здесь нет? Ты совсем один? — Колин помог мне подняться, после того как я выпила глоток воды — о чудо, мой желудок оставил его при себе — и отвёл меня к одному из панорамных окон.

Тришен был действительно только песочной отмелью. Была только эта хижина и

больше ничего. А хижина состояла только из одной единственной, почти пустой комнаты. Возле стены стояла кровать — удобная кровать, должна была я признать — рядом письменный стол, так же небольшая кухонная ниша и шкаф. Это было всё.

Летом Колин отказался посвятить меня в тайны своего пищеварения, но это жилище, в конце концов, было предназначено не для Маров и...

Со смешинкой в глазах Колин показал вниз.

— Для неотложных случаев. У тебя сейчас такой неотложный случай? Если да, я должен предложить тебе своё сопровождение, так как...

— Нет, — прервала я его, покраснев. — Я думаю, у меня больше нет внутренних органов с неотложными желаниями. Кроме моего желудка. Но ему уже намного лучше. — Может быть, из чистого страха я по дороге сюда наложила в штаны. Если да, то это не бросится в глаза. Я была вся мокрая, в то время как одежда Колина — как всегда рубашка и брюки и разлагающиеся сапоги — была уже почти снова сухой.

— Тебе нужно избавиться от своих вещей, — призвал он меня своим хриплым голосом.

Что же. Нужно было сделать это. Но мои руки были настолько онемевшими, что мне понадобилось несколько попыток, чтобы расстегнуть молнию моей насквозь промокшей куртки. Колин не предпринял попыток помочь мне, но его глаза были устремлены на меня. Не отрывая взгляда, он снял свою рубашку и бросил её мне.

Моя рука послушалась меня слишком поздно, и рубашка упала на пол. Соблазнительный запах дошёл до меня. На один момент я покачнулась. Колин непоколебимо наблюдал за мной, в то время как ветер тряс стропила хижины, как будто хотел разрушить её. Я сняла пуловер через голову и чуть не упала на колени, когда выбиралась из джинсов, которые прилипли к моим ногам, будто намазанные клеем. Моё нижнее бельё осталось более-менее сухим. Молча, я отодвинула джинсы ногами в сторону. Потом я наклонилась, чтобы поднять рубашку.

Беззвучно Колин подошёл ко мне, расстегнул ремень и вытащил его одним быстрым движением из петель. Металлическая пряжка тихо загремела. Я замерла. И что теперь будет?

— Это не игра, Эли. — Я подняла свой взгляд и осмелилась посмотреть на него — в то время как я раздевалась перед его глазами, я избегала этого любой ценой. Почему, я точно не знала, но теперь я об этом догадалась. Его белая кожа была как магнит. Прежде чем я смогла прижать губы к его голой груди, он схватил меня за запястье и сунул мне ремень в руку. Автоматически я ухватилась за него.

Он отошёл задом к кровати, сел в изголовье и поднял руки вверх, чтобы прижать их над собой к старомодной решетчатой конструкции. Мышцы на его предплечьях мягко выступили.

— Привяжи меня, пожалуйста.

Я кротно колебалась. Было ли это действительно необходимо или это популярная сексуальная практика у Маров? Если дело было в последнем, тогда... "Это не игра", сказал он. И эти слова всё ещё отдавались эхом в моём животе. Нет, это была не игра.

— Немного туже. На всякий случай, — попросил меня Колин. — Не бойся, ты не делаешь мне больно. — Мне было трудно сосредоточиться, так как я сидела полуголая на коленях камбиона, в обдуваемой штормом хижине, посередине Северного моря, и это Северное море в этот мрачный день нагоняло на меня больше страха, чем всё остальное, но я старалась и безжалостно привязала его запястья к железным прутьям. Что же, я могла это сформулировать следующим образом: я сидела полуголая на коленях наблюдателя за

птицами в его хижине — и уже я не смогла подавить глупое хихиканье.

— Ты разбираешься в птицах (*прим. переводчика: на немецком слово V?geln означает птицы и «трахаться» аналога в русском нет, поэтому сложно перевести эту шутку), не так ли? — процитировала я старый папин анекдот, который он с удовольствием использовал, когда бабушка увлечённо рассказывала о своих наблюдениях за певчими птицами в саду. Уже в следующую секунду мне стало неловко из-за моего непристойного замечания, и я смущённо замолчала.

— Тебе можно, — сказал Колин спокойно.

— Э-э, что мне можно? — Но я знала, что он имел в виду. А он знал, что я об этом знала, потому что он так же знал, что мне хотелось этого уже давно. Я подождала ещё несколько мгновений, чтобы удостовериться, что глупое замечание о птицах больше не имело никакого последствия. Потом я аккуратно склонилась вперёд и коснулась кончиком языка уголка его губ. Колин тихо ахнул, прежде чем его прохладные губы провели по моим. Его язык был таким же прохладным, и я беззвучно рассмеялась, потому что я ещё никогда до этого не ощущала его, и он на вкус был лучше, чем любой другой язык, который я когда-либо...

— Стоп. Стоп, Эли!

— Извини, прости! — воскликнула я и отодвинулась от него. О Боже, нет, я слишком близко к нему приблизилась, значит, я всё-таки неправильно поняла его... Он не хотел поцелуев. Или, может, у меня пахло изо рта? Это вполне могло быть, так как...

— Нет, Эли, я не это имел в виду. Я бы съел тебя, если было бы можно. Нам нужно быть осторожными. Я очень много голодал, а у тебя очень много сил.

— Мне совсем так не кажется, — ответила я трезво.

— Но я это чувствую. Ты больше не маленькая девочка. Ты вытягиваешь из меня энергию. Поэтому для меня будет сложнее держать себя в руках. Давай, облокотись на меня, это я как раз ещё выдержу, — ободрил он меня, и при последних словах на его изогнутых губах промелькнула насмешливая улыбка.

— Я не знаю, выдержу ли я, ну ладно, я не против, — ответила я одурманено и устроилась у него на плече. Нет, я не могла этого выдержать. Я снова отстранилась от него, взяла одеяло и засунула его между его кожей и моей и облокотилась на него. Теперь было лучше. Одеяло было, по крайней мере, небольшим защитным барьером. Колин невольно потянул за оковы, когда мои мокрые волосы защекотали его голое плечо, и я неожиданно осознала, что я, несмотря на одеяло между нами, чувствовала его рёбра и пояс его брюк. В тот же момент у меня возникло такое чувство, будто хижина была сдвинута на пару миллиметров в сторону. Ветер пронзительно выл над нами, а балочное перекрытие скрипело.

— Там что-то задвигалось, — сообщила я встревожено.

— Это вполне возможно. — Улыбка Колина усилилась, а мои горящие щёки начали пульсировать.

— Нет, я не это имею в виду, — ответила я быстро. — Хижина. Ты уверен, что она выдержит шторм?

— О хижине я не волнуюсь, Эли. Я волнуюсь о тебе. — Я не рискнула поцеловать его ещё раз. Какое-то время я оставалась тихо лежать рядом с ним, потом я расстегнула ремень, освободив его запястья, застегнула мою рубашку и подождала, пока он не надел свежую. Потом я села в изголовье кровати, а Колин лёг рядом со мной, так что только кончики его

волос, которые, потрескивая, обвивались вокруг самих себя, касались моих голых бёдер.

Приложив немного усилий, я смогу при этом сосредоточиться на разговоре.

— Хорошо. Почему мы здесь в безопасности?

Колин коротко вздохнул.

— Я выяснил, что она избегает воды. Открытую воду. Она боится её.

Как и я, подумала я, но не прервала его.

— Чем меньше остров, тем быстрее я мог отвязаться от неё и держаться на расстоянии, и, наконец, она потеряла мой след. Я думаю, она вернулась назад в Италию. После этого я отыскал самый маленький обитаемый остров в Северном море и... Ну, я раздобыл себе работу.

— Могу я узнать, как ты её получил? — спросила я холодно.

— Ну, у меня всё-таки есть степень бакалавра по биологии и... Это всего лишь заразно, но не опасно. Она скоро снова сможет занять своё место.

— Она? — переспросила я.

— Истинная наблюдательница за птицами здесь. Боюсь, в настоящее время она немного изуродована. — Я только фыркнула. Дар Колина заставлять других людей заболеть был для меня до сих пор не особо приятен.

— Значит, мы находимся в безопасности на этом идиллическом острове.

— Я в безопасности здесь. Ты — в настоящее время нет. — Я подавленно молчала. То, что Колин голодает, не ускользнуло от меня. И я видела также желание в его глазах, когда он смотрел на меня. Он контролировал себя, да, но как долго у него это будет получаться?

— Мне нужно наружу, Эли, — сказал он таким тоном, который не терпел противоречия. Тон, который я очень хорошо знала и чьей гипнотической силе я уступала. Слишком часто. — Мне нужно на охоту.

— Нет, пожалуйста, не уходи, Колин... Не оставляй меня здесь одну, не на этом крошечном острове, как раз во время штормового прилива и когда всё сносит, хижину, лодку, я...

— Поверь мне, риск того, что это случится намного меньше, чем опасность, которая исходит от меня, очень мал — попытался успокоить меня Колин, но я уже встала и ходила в маленькой хижине туда-сюда.

— Но он существует, не так ли? И если уж нас унесёт в море, тогда лучше вместе, ты это понял? — Я прижала руку ко рту, чтобы Колин не видел моих дрожащих губ. Представление о том, что он погрузится в поток там, снаружи — так как очевидно это были его новые охотничьи угодья, а меня позволит забрать шторму, — заставляли меня паниковать и терять голову.

— Чёрт, Колин, мне постоянно снится сон, что я тону, а теперь... Пожалуйста, не оставляй меня одну.

— Точно, твои сны, — пробормотал Колин рассеянно. Также и его концентрация снизилась, и я видела, как его руки сжались в кулаки. Голод буравил его. — Я почувствовал угрозу вблизи тебя. Не человеческую угрозу, а присутствие Мара. Поэтому я вернулся из южной части Тихого океана.

Я замерла. Пауль... Я ошиблась? Мар всё ещё атаковал его?

— Я в порядке, я вижу сны, даже довольно яркие, — успокоила я его быстро. — Но Пауль, мой брат... У меня подозрение, что он был атакован, в какой-то момент в прошлом, но если ты говоришь, что учуял Мара, тогда он, наверное, ещё там!

Взгляд Колина начал мерцать, а под глазами образовались голубые тени. Это происходило так быстро, что я на один момент забыла про свою тревогу о Пауле и очарованно смотрела на его лицо.

— Мне нужно в море, Эли. Сейчас же. Не то я поглочу тебя. — Его голос был теперь только рычанием. Я прижалась спиной к стене, когда он проскользнул мимо меня, прижал дверь к стене, чтобы открыть её, и исчез в темноте. Я бросилась к окну и испуганно смотрела на улицу.

Он шёл навстречу прибоя, как будто силы воды не могли причинить ему вред, голова поднята, его стройная спина выпрямлена, его движения плавные и упругие, как у пантеры. Волны разбивались о его стан, а пена волн кипела вокруг, когда море поглотило его. Я осталась одна и стала ждать, что он снова вернётся, прежде чем шторм унесёт меня в ночь.

Глава 16.

SOS

— Так, господин, значит, сыт, — прорычала я гневно, когда увидела, как гордая голова Колина появляется из воды. В то время как я ждала его, моя паника медленно уменьшалась и, в конце концов, превратилась в негодование. Я не покинула своё место возле окна и могла бы поклясться, что песчаная отмель постепенно уменьшалась. Да, это действительно выглядело так, будто море хотело её поглотить. Но хижина всё ещё стояла, даже если из-за шторма, который не прекращал бушевать, она снова и снова склонялась на несколько миллиметров в сторону. И я заметила поразительную несогласованность во всём этом полуночном зрелище, которую я немедленно хотела обсудить.

— У меня для тебя есть ещё несколько вопросов, — пролаяла я, как только Колин открыл дверь. Тени под его глазами исчезли, также и беспокойное мерцание в его взгляде. Тем не менее, он не выглядел сытым; этого даже не могли скрыть его отдохнувшая осанка и его атлетическая походка. Задумчиво я наблюдала за тем, как маленький краб выпал у него из волос и попятился на вытянутых ногах по плечу. Колин взял его нежно своими пальцами, открыл дверь и выбросил его наружу.

— Пожалуйста, начинай, — разрешил он мне вежливо и облокотился на стену. — Я уверен, что смогу ответить на них, полностью удовлетворив тебя.

— Я спрашивала это уже на лошади: почему так драматично? Ты же знаешь, что я боюсь Луиса, и в последний раз я тоже не кричала от радости, когда ты, не спросив, затащил меня на его спину. Я имею в виду хорошо, если посмотреть со стороны: без сомнения, замечательная сцена: чёрный конь возле тёмного моря, и в первую очередь тёмный всадник, к этому прекрасная девица на мокром песке. Но стояла ли съёмочная группа Голливуда в дюнах? Нет, не так ли? Разве ты не мог встретиться со мной нормально?

Колин, фыркнув, выдохнул, и я могла бы пнуть его в голень, потому что он снова начал ухмыляться.

— Я один раз рассказывал тебе, что Луис сдерживает во мне злое, не так ли? Я хотел быть уверенным в том, что ничего тебе не сделаю и по возможности буду похож больше на человека, когда снова встречу с тобой. Мне тебя не хватало, Лесси. И это не обязательно уменьшило моё желание.

— Хорошо, — пробормотала я слабо и должна была признать, что его ответ значительно уменьшил моё недовольство. Но это был не единственный вопрос, который вертелся у меня на языке. — Тогда дальше. Почему анонимное письмо?

— Я несколько раз пытался приблизиться к тебе духовно и для этого, между прочим, тренировался и медитировал до изнеможения. — Он скривил коротко рот. — И как уже упоминал, учуял опасность, но не мог её опознать. Я не знаю, кто этот Мар, а так же, где он находится. У меня только создалось впечатление, что он находился рядом с тобой. И если это окажется верным, было бы неразумно обеспечить его уликой того факта, что ты в союзе с Камбионом.

Хотя это звучало немного как размышления Шерлок Холмса, но всё-таки во всех отношениях было логично. Но прежде всего это забрало фундамент моего третьего возражения.

— Ладно, да. Может быть. Так как на самом деле я бы ожидала, что ты быстренько придёшь и что-то предпримешь, если какой-то Мар лакомится моими снами.

— Четыре дня назад я ещё был в южной части Тихого океана. Достаточно быстро? И я не хотел привести тебя к смерти тем, что внезапно появлюсь у тебя и в глазах другого Мара оспорю его пищу. Твоему брату это тоже не пошло бы на пользу.

— Ага. — Вдруг я показала себе совершенно глупой. Конечно, были причины того, как действовал Колин. Я злилась, что сама не догадалась об этом, а только ругалась, вместо того, чтобы логично размышлять. При том, что это, в конце концов, была одна из моих сильных сторон — думать логично. По-видимому, гормоны счастья и страха затуманили мой мозг.

— Ты не могла всего этого знать, Эли, — ответил Колин снисходительно на мои мысли. — Мары очень жадные, и если они чувствуют, что другой Мар приближается к их жертве, они порой готовы убить жертву, чтобы его конкурент не мог ей полакомиться. Ты должна понять, что я не хотел этим рисковать.

— Да, конечно. Я это понимаю, — ответила я упрямо. Я так хорошо понимала это, что мой страх снова взял надо мной верх и заставил отступить моё недовольство. — И всё-таки, я всё ещё не понимаю, почему ты тащишь меня в это покинутое Богом место, хотя это опасно, находиться с тобой здесь, в этой хижине.

— "Всё-таки" — твоё любимое слово, да? — спросил Колин, улыбаясь.

— За которым сразу следует "нет", — ответила я сдержанно. Его улыбка превратилась в насмешливую усмешку, но после того, как он стряхнул с волос последние капли воды, она снова исчезла.

— Невзирая на то, что ты упрашивала меня поехать вместе, я подумал, что это может поощрить тебя бросить меня окончательно и разлюбить, — сказал он без эмоций.

— Что? Ты что, потерял рассудок? — воскликнула я разгневанно. — Разлюбить? И как это должно сработать?

— О, Эли, я уже тысячу раз видел это у вас, людей. Люди могут прекрасно разлюбить.

— Ну, по крайней мере, мы можем любить, — прошипела я и пожалела об этом в тот же момент. — Это у меня просто вырвалось. Мне очень жаль. Но ты сводишь меня с ума, Колин, я больше не могу думать здраво...

— Как раз это я и имею в виду, Эли. — Он сел на кровать и оперся головой на руки. — Я хотел увидеть тебя, чтобы убедиться, что ты в порядке, что ты ещё можешь видеть сны.

— Из-за соперничества или из-за привязанности? — вспыхнула я. В конце концов, две минуты назад он лично сам сказал мне, что Мары защищают свою территорию с помощью любых средств. Может быть, я была его территорией.

— Я не думаю, что должен на это отвечать, Елизавета, — ответил он со знакомым

высокомерием. Чёрт, мы ругались. И я это ненавидела. — Наш разговор — самый лучший пример того, что это не сработает. Это рано или поздно сделает тебя несчастной. Уже сейчас делает, не правда ли?

Я могла бы вспылить и ударить его или, может быть, плюнуть в него. Но обмануть не могла.

— Да, — сказала я тихо. — Я несчастна. Но я даже не ожидаю, что стану счастливой. Быть счастливой — это не для меня, во всяком случае, не постоянно. Точно так же, как быть весёлой. Ты не первый мой парень. Я знаю, как это может быть — иметь отношения с совершенно обычным человеческим мужчиной. И честно говоря, мне было до смерти скучно.

Колин подавил иронический смешок, не убирая рук со своего лица.

— Я серьёзно, Колин! Постоянно весёлые люди оказывают на меня давление, и рано или поздно я становлюсь для них бременем. Кроме того, для меня это как слишком сладкая конфета, когда всё хорошо и легко. В какой-то момент я хочу её выплюнуть. О, я знаю эти весёлые вечера вдвоём — пицца, DVD, может быть, какая-нибудь настольная игра. Настольные игры! У меня появляется сыпь, если нужно играть в настольную игру, а если я слишком много смеюсь, то потом часами икаю, а это по-настоящему больно! Я не была рождена для того, чтобы бегать, всегда ухмыляясь.

Теперь Колин действительно засмеялся. Качая головой, он откинулся на кровать.

— Я уже догадывался... это не сработает..., - пробормотал он.

— Сам виноват. Колин, честно, это было не последовательно. Ты приближаешься ко мне в моих снах, увлекаешь меня на Зилт, едешь мне на встречу на лошади, хватаешь меня, бросаешь на землю, приближаешься слишком близко... Что ты, в сущности, думаешь? Что всё это оставит меня равнодушной? Ты сначала разжигаешь меня, а затем отправляешь подальше?

— Извини, Эли, — сказал он тихо, но твёрдым голосом. — Я же мужчина. Я должен был приблизиться к тебе.

— Прекрасно. А я женщина. Тогда, значит, мы это выяснили. Теперь мы можем подумать о том, что мы будем делать с моим братом? Он, между прочим, считает меня сумасшедшей, — поясняя, добавила я, и увидела по трясущемуся животу Колина, что он снова засмеялся.

— Да, я тоже считаю это невероятно смешным, — проворчала я, но больше не могла оставаться стоять возле окна. — Идиот, — добавила я, подошла к Колину и хотела ткнуть ему кулаком под рёбра. Он опередил меня и схватил за запястья, чтобы потянуть на себя.

— Тебе уже кто-нибудь говорил, что тебя нужно отшлёпать по заднице, женщина?

Я бросила на него укоризненный взгляд.

— Гм. Мой брат...

— Мудрый человек. — Колин игриво потянул меня за волосы. Но потом его выражение лица стало снова серьёзным. — Если ты уверена, что Мар атакует не тебя, — как правило, они используют только одну жертву, пока не насытятся — было бы самым мудрым оставаться с братом и выяснить, верно ли наше подозрение. Но это в тоже время и самое опасное. Поэтому я не в восторге от этого.

Я перевернулась рядом с Колином на спину, потому что пока я лежала на нём, мои мысли переплетались в запутанную неразбериху.

— Как ты думаешь, это Тесса? — спросила я в страхе.

— Нет, я так не думаю. Тесса слишком глупа для коварных актов мести. И я не верю, что она будет находиться рядом с морем. Пауль ведь живёт возле моря, не так ли? Я видел воду, когда сегодня ночью приблизился к тебе...

— Да. В Шпайхерштате Гамбурга. Почти море.

— Это другой Мар. Тесса не будет так с собой поступать, тем более что она на самом деле заклинилась на мне.

— Что касается Тессы..., - затронула я тему, которая занимала меня день и ночь с того времени, как Колин сбежал. Тесса и теоретическая возможность убить Мара. — Ты сказал, что не сможешь её убить, во всяком случае, не в схватке. Но существует ещё одна возможность...

— ... о которой я точно не знаю и о которой я также не буду тебе рассказывать. — Я почувствовала, как мышцы Колина напряглись. Рокот в его теле стал более нерегулярный. Его голод возвращался. А ночь ещё была далека до завершения. Разочарованно я молчала. Я догадывалась, что в этом пункте невозможно было сделать много, и вдруг почувствовала себя полностью обессиленной.

Колин повернулся ко мне. С ужасом я увидела, что его глаза пылали красным огнём. Это был не здоровый блеск. Ему была нужна новая пища. Я могла чувствовать, как само моё присутствие заставляло его голод безмерно расти. Осторожно я отодвинулась от него. Он с сожалением покачал головой.

— Это не поможет. Ты наполняешь всю комнату. Это всё сделало тебя ещё сильнее, Эли. Битва против Тессы, суровая зима. Твои сны. Я чувствую эту силу, даже если ты её сама не воспринимаешь. А охотиться в море стало так сложно. Слишком тепло, рыбы очень слабые, они больше не чувствуют себя комфортно, почти всегда только пытаются уплыть от ваших сетей. Китов я не смог найти. По крайней мере, у них есть настоящие сны... Я отвезу тебя сейчас назад на остров, а потом...

— Нет! Нет. Забудь об этом. Я отказываюсь. Ты не выгонишь меня отсюда. — Я вцепилась пальцами в железные крепления кровати, хотя знала, что это было бесполезно. Рядом со мной сидел демон. Скорее всего, он сможет их оторвать, если просто подует на них.

— Чёрт побери, ты упрямая баба! — взревел Колин. Это было в первый раз, когда он повысил голос на меня, и чудесным я это не посчитала. — Со мной ты в опасности, разве ты этого не понимаешь?

— О да, я это прекрасно понимаю. Но я не вернусь на лодку, не сейчас, не в такой штурм. Лучше я позволю тебе атаковать меня, чем утонуть, потому что знаю, как это...

Мой голос оборвался, когда я подумала о моих кошмарах. Это было достаточно мучительно, снова и снова переживать их; почти каждую ночь они преследовали меня. Но мои сны, чувства и воспоминания были также тем, что я могла положить на весы.

— Мы можем сделать это, контролируя ситуацию. Я подарю тебе одно из моих воспоминаний. Ещё ты не так голоден, как тогда в больнице...

Колин схватил меня за плечи и встряхнул, как будто хотел привести в чувство. Он не сделал мне при этом больно, но, тем не менее, я попыталась высвободиться.

— Эли, ты не знаешь, о чём ты говоришь! — воскликнул он угрожающе.

— Нет. Я знаю. И я хочу это сделать. Это мой выбор. Пожалуйста, Колин, я прошу тебя об этом. Я не хочу оставаться здесь одна и тем более я не хочу выезжать в море. Это пугает меня!

Неужели он не видел, как? Он ведь должен был поверить мне! В отчаянии я ударила кулаком о стену хижины, но только сама сделала себе больно. Сердито Колин пнул маленькую табуретку, которая высоко пролетела через всю комнату, а потом ударилась о раковину. Но я не позволила этим себя впечатлить.

— Колин, пожалуйста. Это не может быть хуже, чем сон, в котором ты позволил мне увидеть, как Тесса взяла тебя, как она превратила тебя, а это я тоже пережила.

Это не могло быть хуже, чем второй переезд через открытое, бурлящее море. И это не могло быть хуже, чем ещё раз попрощаться с Колином на неопределённое время. Я хотела оставаться рядом с ним. Он мрачно смотрел на меня. Неужели он всё-таки подумывал об этом?

— Я даже уже знаю, какие воспоминания я подарю тебе..., - продолжила я говорить воодушевлённо. Рокот в Колине, казалось, реагирует на это. Он заколдовывал меня, звучал как музыка. — Я чётко вижу их перед собой. Ты можешь взять их очень быстро. Скорее всего, я даже этого не замечу. В то время я...

Колин наклонился и приложил свою холодную руку к моему рту.

— Подожди. Молчи. Разглашая их, ты забираешь у них силу. Мы не хотим точно знать, что нас ожидает, когда мы крадём. Это делает их более питательными. — В его голосе скрывалась жадность.

— Означает ли это, что ты готов это сделать? — воскликнула я полная надежд. Рокот в его теле повысился до горячей пульсации, который с каждой минутой становился пронзительнее, и, тем не менее, он всё больше завораживал меня. Я хотела облокотиться на него, но он оттолкнул меня от себя.

— К чёрту, Эли... Я должен был бы увести тебя, не обсуждая это. Теперь уже поздно.

— Значит, ты сделаешь это? — повторила я со страхом. Колин молчал несколько мгновений, в которые мы очарованно слушали симфонию его тела. Потом он кивнул. Нам нужно было действовать, не то он на лодке набросится на меня. Наше время ушло. Но я чувствовала глубокое облегчение от его согласия. Мне не нужно было выходить в море.

— Спасибо, — прошептала я. Я могла остаться в хижине, защищённая и в безопасности.

— Не благодари. Ты должна бояться, — пробормотал Колин. Он подошёл к письменному столу и взял блокнот и ручку.

— Скажи мне адрес, куда я могу отвезти тебя и где ты сможешь прийти в себя, если что-то пойдёт не так. Не в Кауленфельде. Это слишком далеко.

Во мне поднялась паника, так как мне никто не приходил на ум. Хотя... Доктор Занд, может быть?

— Я познакомилась с врачом, который...

— Нет, — нетерпеливо прервал меня Колин. — Только не врач. В конце концов, он не отпустит тебя и меня, вероятно, тоже нет. И это может привести к нехорошим сценам. Нет. Это должен быть кто-то, кому ты можешь доверять. Частное лицо.

— Тогда остаётся только мой брат. А там Мар. У меня нет друзей в Гамбурге...

Теперь только из-за этого всё может провалиться? Колин раздражённо покачал головой и зарычал.

— Тогда адрес твоего брата. Быстро. Я почувствую, будет ли Мар находиться там или нет. В противном случае, мне придётся вести тебя в Кауленфельд... Я ни в коем случае не подвергну Пауля опасности. Это только подстраховка, Эли, не больше. На всякий случай.

Я спокойно продиктовала ему адрес Пауля и упомянула, что Пауль, по крайней мере, на

половину закончил медицинское обучение, но работал только в галереи. Несмотря на свою новую профессиональную сферу, мой брат накопил в аптекарском шкафчике, который украшал стену в его спальне, внушительный арсенал лекарственных препаратов. Я не беспокоилась о том, что Пауль принимал их, так как все упаковки были полностью заполнены. Он хотел иметь эти вещи, как раньше. Даже пустые сложенные коробочки, которые мама и папа выкинули, он вылавливал из мусорного ведра, хранил их в своей детской комнате, а инструкции по применению читал как детские книжки. Другие мальчишки в своих играх в магазинчик продавали муку и сахар. У Пауля же были пустые коробки от аспирина. Вещи в аптекарском шкафчике он точно украл из больницы. Может быть, таблетки теперь в первый раз будут использованы.

Я попыталась притупить нервозность. "Где ты сможешь прийти в себя", сказал Колин. А не: "Где тебя смогут похоронить". Только живые люди могут прийти в себя. Пауля, скорее всего, атаквали каждую ночь, и, учитывая это, он хорошо справлялся. Значит, так ужасно это не будет. Кроме того, я решала сама, что подарю Колину, и я доверяла ему.

Колин притянул меня к себе и прижал моё лицо к своей груди. Из-за его запаха у меня закружилась голова.

— Я не хочу этого делать, Эли, но голод всё возрастает, а с ним опасность, что я причиню тебе вред. Давай не будем терять время. Слушай меня внимательно: облокотись на меня и думай так интенсивно об этом воспоминании, как только возможно. Сосредоточься только на нём. Тебе нужно заслонить свой разум, всё остальное не должно волновать тебя. Дыши спокойно. Я почувствую, когда ты будешь готова, и потом я заберу его и разбужу тебя. Ты поняла меня?

— Да, — сказала я устало, и у меня было такое чувство, что моё тело начало растворяться. Мои веки отяжелели, словно свинец. Вместе с Колином я опустилась на холодный пол. Его руки крепко держали меня, а рокот в его груди заглушал рёв моря. Это может начинаться.

Глава 17.

Взгляд в прошлое

Теперь тепло поползло по моему телу, сначала как дрожь, потом знакомо и ласково, как колыбельная песенка. Я тяжело облокотилась на папино плечо, моя спина была накрыта шерстяным одеялом. Только иногда я открывала глаза, чтобы убедиться в том, что на улице, перед маленьким окном, ещё шёл снег. Потому что я любила смотреть на снежинки, как они великолепно кружатся в свете масляной лампы, через темноту зимней, полярной ночи, словно пьяные, почти как в сказке. И я любила после этого бросить короткий взгляд на маму, которая стояла в крошечной кухне и пекла вафли. Они так вкусно пахли, что у меня бежали слюнки.

Мы как раз только вернулись с прогулки. Я замёрзла, что аж плакала от боли, а слёзы на моих глазах застывали в льдинки. Но теперь опять всё было хорошо. Пауль играл перед камином со своей сумкой врача и пришивал моему медведю его правую ногу, которую он сегодня утром вырвал — скорее всего, специально для этой цели. Мы чуть не подрались. Но мы были брат и сестра и у нас никогда не получалось злиться друг на друга дольше, чем два часа.

Папа поставил одну из своих старых пластинок, я её знала, и хотя не понимала слов. Я

тихо подпевала, глаза закрыты, моя голова прижата к локтю отца, пока усталость не отняла у меня голос и не сделала меня тяжелее.

Я просплю, когда будут кушать вафли, но это не имело значения, я была с мамой и папой — не было лучшего, более защищённого места в мире, чем папина прохладная и всё-таки такая тёплая, сильная грудь...

Теперь она поддалась. Я скользнула в сторону, и моё лицо ударилось о голую плечевую кость, истощённую и бледную. Кожа, отсвечивая зелёным, была натянута на тонкие мышцы. Испуганно я глубоко вздохнула, и в тот же момент меня вырвало. Пахло отвратительно сладко разложением и гниением. Пахло смертью. Я хотела помахать руками, чтобы освободиться, но не могла пошевелить ими. Я была зажата между голыми мёртвыми телами. Пустые глаза смотрели на меня, застывшие и расширенные, в них всё ещё по-прежнему был виден чистый ужас.

Некоторые из гримас выглядели удивлёнными, как будто что-то случилось, чего они не ожидали, но и в их лицах непоколебимо застыл ужас. Это было их последнее чувство — чистый ужас. Только я, я была жива. Я была жива, хотя больше не дышала, потому что из-за вонь чуть не теряла сознание.

Внезапно трупы вокруг меня начали скользить. Я знала точно, что мне нельзя двигаться, нельзя моргать, нельзя вздрагивать, не то те внизу увидят, что я ещё жива, и всё начнётся заново: эксперименты, избиения, пытки... Но мне это не удалось. Мне это не удалось, потому что тела потянули меня за собой, и я была прижата к девочке, в чьё лицо я смотрела, когда это началось. Она глядела вверх, на насадки для душа, и внезапно поняла, что происходит. Несколько из старших уже падали на землю, потому что они были слабее, чем дети. Но у девочки было больше сил, и она наблюдала, как люди вокруг неё умирали, и знала, что и её очередь придёт. Я, не задумываясь, стала действовать и похитила у мужчины рядом со мной последнюю его мечту, чтобы подарить её ей, чтобы ей было легче, и она всё ещё стояла, когда все остальные уже давно умерли — не считая меня.

Я потянула её к себе, прижала к груди, гладила её по спине и не могла ответить ей, когда она сказала свои последние слова:

— Почему ты не умираешь? — Почему ты не умираешь... Почему ты не умираешь...

Уже мозолистые руки схватили меня за лодыжки и оттащили меня от девочки, которой я не смогла помочь. Никому я не могла помочь, все, что я могла, это каждый день снова и снова смотреть на то, как они умирают...

— Просыпайся! Эли, чёрт, просыпайся! — Я слышала его, но не была готова сказать хоть ещё одно слово, воспринять хоть одно чувство, разрешить себе двинуться с места. Я хотела быть мёртвой. Во всём этом больше не было смысла.

Я позволила с собой сделать это — то, что Колин вытащил меня из хижины, в объятия шторма, окунал мою голову в прибой, безжалостно давал мне пощёчины, заставляя мои веки открыться, потому что я лелеяла надежду, что он при этом убьёт меня.

— Дыши, Елизавета! Ты сейчас же начнёшь дышать! Сейчас же, слышишь меня? — Мои лёгкие подчинились ему, но мой взгляд, которым я на него теперь смотрела, кипел ненавистью. Я не хотела дышать, а моё тело всё-таки делало это. Его я тоже ненавидела. Я не хотела иметь его, не хотела чувствовать его, не хотела пользоваться им.

Колин потащил меня через прибой к лодке, привязал меня к железным рейкам, верёвки вокруг груди, верёвки вокруг ног. Его кожа расцвела, а его глаза сверкали, как брильянты. Он был сытым. Я же никогда больше не хотела есть. Никогда больше. У меня в носу всё ещё

застрял запах трупов, а глаза девочки я не смогу забыть никогда. Поэтому я хотела, чтобы жизнь сегодня закончилась.

Забери меня, думала я, когда смотрела, оцепенело, в ночь, в то время как лодка бороздила по открытому морю. Забери меня, наконец. Переверни нас. Утопи меня. Но от шторма было не дожидаться пощады. Он оставил меня жить.

Снова и снова Колин заставлял меня вдыхать, откидывал мою шею назад и вдувал поток прохладного воздуха в моё горло, в то время как я оставалась неподвижной.

Потом внезапно меня охватила слепая паника. Я кричала, пока не охрипла, попыталась разорвать свои путы, чтобы можно было выпрыгнуть из лодки, но Колин показывал так же мало милосердия, как и шторм.

Отвращение и паника прокрались ко мне в голову, потому что моё сердце не могло больше их принимать, и когда лодка промчалась мимо льдин канала, и Колин нёс меня по лестнице вверх, в квартиру моего брата, я сходила с ума от боли. Раскалённые копы, казалось, впиваются в мои виски, а каждый вдох, который я делала, усиливал резкую боль в области лба. Это были образы, эти ужасные образы — их надо оттуда извлечь...

Когда Пауль открыл дверь, я освободилась, почти применив нечеловеческую силу, из рук Колина, заползла в коридор и начала, застонав, ударяться головой о стену.

— Я так и знал..., - проник голос Пауля, как издалека, в мой разрушенный мир. — Она потеряла свой рассудок... Сегодня утром она разрушила стену в моей кухне, ни с того ни с сего, потом она сбежала на моей Porsche, она спит на одной из моих картин...

— Твоя сестра не сумасшедшая, блин, — оборвал его Колин холодно. — Её разум яснее, чем ты можешь себе представить, и именно это и является проблемой. У тебя есть морфий? Снотворное? Ей нельзя видеть сны, не сейчас...

Колин попытался оттащить меня от стены, но я, закричав, стала пинаться. Я не хотела, чтобы он касался меня, никто не должен касаться меня, никто. Но они были сильнее. Хотя я им и себе расцарапала лицо, кусала их руки и, не переставая, брыкалась, они отнесли меня в мою кровать и привязали к ней.

— Я не могу сделать ей укол, когда она так дрыгается, — выдохнул Пауль в отчаянии.

— Я не хочу никакого укола! — закричала я, но мой голос был теперь только слабым, беззвучным визгом.

— Я держу её. Поторопись! — С неумолимой силой Колин прижал мои руки и ноги к матрасу. Потом я почувствовала лёгкий почти щекочущий укол в вену, и уже пульсация в моих висках стала мягче.

— Позвольте мне умереть, пожалуйста, — упрашивала я, но Пауль засунул мне маленькую таблетку в рот и провёл мне, как больному животному, по горлу, чтобы я проглотила её.

— Теперь спи, Лесси, — услышала я, как прошептал Колин, прежде чем чернота накрыла меня. — Я тебе обещаю, что ты не будешь видеть сны.

Глава 18.

Эмоциональное расстройство

— Пусть он замолчит! Скажи ему, чтобы он замолчал! — Мне было совершенно всё равно, что Францёз видел меня в том виде, в котором я только что вылезла из постели — в мешковатой старой пижаме Пауля, неумытая и с растрёпанными волосами. Если бы он только наконец перестал разговаривать! Его голос угрожал разорвать мою голову. А она уже

в течение нескольких дней сводила меня с ума. Боль вьедалась в мой мозг. Всё, что я хотела, — это избавиться от нее. Ничего другого я больше не желала. Совсем ничего.

Моя голова стала моим злейшим врагом с Тришина. Тришин... о Боже. Почему я всё ещё помнила это? Мне нельзя этого делать.

— Ах, Боже мой, опять она, — протянул Францёз, сморщив нос, а я прижала, застонав, ладони к вискам. — Ты не хочешь её...? — Францёз сделал движение своими тощими плечами, которое явно означало «сдать». Сдать в больницу. Запереть.

Пауль раздражённо застонал:

— Эли, пожалуйста, вернись в постель. Нам нужно обсудить кое-что важное, а ты, собственно, должна отдыхать.

— Вы не можете сделать это где-нибудь в другом месте? — спросила я устало. Мой голос прозвучал таким разбитым, что я, услышав его, вздрогнула.

— Ты знаешь, что я не оставлю тебя одну. — Розини проковылял, склонив голову, ко мне и потёр голову о мою лодыжку.

— Сюда, Розини! Сюда, ну же, быстро, — приказал Францёз ему вернуться, как будто я могла заразить его собаку очень опасной болезнью. Пауль, тяжело дыша, встал, в то время как Францёз тащил задыхающегося Розини за ошейник к себе, и вытолкнул меня из кухни. Я сопротивлялась, но была слишком изнурённой, чтобы оказать настоящее сопротивление.

— Тогда дай мне, по крайней мере, таблетку, пожалуйста, только одну, — умоляла я его. — Одну против боли или одну, чтобы я могла заснуть. Иначе я этого не выдержу.

— Что теперь, Пауль? — залаял Францёз нам в след. Я вздрогнула, и мои колени подогнулись, но Пауль удержал меня. — Мы продолжим здесь или нет? Пауль, ты знаешь, люди ждут каталоги, нам нужно продолжить...

— Разве ты не видишь, что моя сестра болеет? — ответил Пауль, кое-как сдерживаясь.

— Болеет, — фыркнул Францёз из кухни. — Болеет...

Я попыталась ещё раз вырваться из рук Пауля, но его хватка была железной. Моя кожа горела под его пальцами, и во мне пробудилась чудовищная ярость. Он должен отпустить меня, немедленно.

— Сначала я позабочусь о своей сестре. Поезжай лучше домой. Я позвоню, когда... когда мы сможем работать дальше. Хорошо? — Ругаясь и причитая, Францёз вместе с собакой промчался мимо нас и хлопнул за собой входной дверью.

— Эли, это не может так продолжаться, — посетовал Пауль, после того как отвёл меня назад в постель. — И таблетку я тебе не дам. Ты почти в течение двух недель каждый день, утром и вечером, получала по две штуки — а это для твоего веса вообще-то уже слишком много. Эли, это был морфий вначале, теперь это анальгин, и ты принимаешь к тому же сильное снотворное — это всё не предназначено для длительного применения, и ты это знаешь!

— Пожалуйста, Пауль, пожалуйста!

— Я себя спрашиваю, что это за парень, который доводит тебя до такого состояния, доставляет ко мне среди ночи, приказывает мне вколоть тебе морфий и больше не навещает тебя, — ругался Пауль гневно. — На самом деле, вы оба можете сразу... — Он замолчал. — Это тип кажется мне жутким.

Как и я, подумала я. Потому что так и было. Пауль боялся того, во что я превратилась. И поэтому он должен выполнить моё желание.

— Одну единственную, Пауль. Ты ведь мой брат, пожалуйста...

— Да, я твой брат, но не врач. Меня могут посадить за то, что я здесь делаю. Я хочу, чтобы ты пошла к профессионалу. Больше я не могу нести за это ответственность. Я позвоню моему домашнему врачу. — И Пауль достал свой мобильный из кармана штанов и начал искать номер телефона.

— Нет, Пауль, никакого врача. Я снова буду здоровой, если ты дашь мне ещё одну таблетку, только одну... — Чтобы я не могла видеть сны и чтобы я забыла. Вы не позволили мне умереть, так что позвольте мне, по крайней мере, забыть.

Потому что как только действие таблеток ослабевало, мои виски снова начинали стучать, и каждый удар делал образы в моей голове яснее — панические, полные ужаса глаза, которые смотрят на меня, будто я могу помочь им; я видела бледные плитки на стенах, стерильный пол, все эти истощённые измученные тела, я могла чувствовать запах смерти и газа, слышала крики и мольбы, и жалобные стоны. Слишком громко и пронзительно. Я сжимала глаза и засовывала пальцы в уши, прижимала нос к моей подушке, но образы были слишком сильными, они преследовали меня. Только когда следующая таблетка начинала действовать, они постепенно уплывали, становились, в конце концов, расплывчатыми и терялись в глубоких серых, успокаивающе холодных клубах тумана, который замораживал всё, что могло подобраться ко мне слишком близко.

Я хотела и дальше продолжать тупо дремать, ничего не чувствовать и ни о чём не думать, всё расплывчато и мягко, так что даже тоска по Колину не могла выбраться наружу. Тоска по мужчине, которого я бы ненавидела, если бы была способна на такие сильные чувства. Но я этого не хотела. Поэтому мне нужны были таблетки. И хотя мой мозг казался нефункционирующей пустой массой, внезапно в моё сознание проникла ясная мысль: Песочный человек. Должен прийти Песочный человек.

— У меня есть врач, Пауль, позвони ему. Я была у него, когда сказала тебе, что иду мыть полы. Он практикует здесь, в Гамбурге, он специалист по сну, а у меня ведь эти ужасные кошмары и потом все эти вещи с Марами...

Пауль остановился и опустил телефон.

— Как его зовут? — спросил он подозрительно. Он мне не верил.

— Доктор Занд, он работает в Иерусалимской больнице. Пусть тебя с ним соединят, скажи ему моё имя... чтобы он пришёл сюда... ой, моя голова..., - застонала я. Опять стало хуже, хотя Францёз ушёл. При каждом вдохе, каждом слове, каждом движении моего лица, боль пронеслась к вискам и вращалась, как турбина, в моём черепе.

Полчаса спустя доктор Занд сидел на краю моей кровати и смотрел на меня с тревогой. Но и Пауль тоже был в комнате.

— Пауль, ты не можешь принести мне стакан воды? — попросила я его. Мне нужно было избавиться от него, чтобы можно было говорить открыто. Он кивнул и исчез.

— Колин, тот Камбион..., - прошептала я, торопясь. — Я подарила ему одно из своих воспоминаний, потому что он был голоден, а потом... потом что-то случилось, что... после этого я стала такой! У меня боли, и я не хочу видеть сны, ни в коем случае, и мне нужны таблетки, мне они на самом деле нужны! — Шаги Пауля приблизились.

— Не могли бы вы оставить нас наедине, господин Фюрхтегот? — попросил доктор Занд Пауля вежливо, после того, как тот поставил воду на прикроватную тумбочку. — Позже мы охотно можем всё вместе обсудить, но в ходе терапии лучше, если я сначала поговорю с моей пациенткой наедине.

Пауль это понял, и мы молча ждали, пока он не ушёл на кухню.

— Что именно произошло, Елизавета? Вы должны попытаться вспомнить.

— Нет, пожалуйста, не надо! — воскликнула я дрожащим голосом. Я даже не хотела об этом думать, не то чтобы вспоминать. — Там везде... это как корка льда, я не могу её сломать, но я знаю также, что это убьёт меня, если я сломаю её. Поэтому мне нужны таблетки. Если я их принимаю, то не чувствую больше этого льда.

Лучше я не могла объяснить. Удручённо я опустилась назад на подушку.

— Вы что-то вытесняете из памяти, Елизавета.

— Это я сама знаю! — огрызнулась я на доктора Занд. — Моё тело и голова делают это за меня. Я не могу это контролировать.

Доктор Занд глубоко вздохнул, но не сделал никакой попытки коснуться меня, за что я была ему очень благодарна. Я бы поцарапала его своими ногтями, если бы он сделал это. Его светло-серых глаз я избегала, но я чувствовала, что они непрерывно за мной наблюдают.

— Хорошо, Елизавета. Я кое-что вам оставлю. Принимайте три раза в день одну таблетку, запивая стаканом воды. Проглатывайте не жуя. Понадобится пара часов, пока они начнут действовать. Вам нужно иметь терпение, но потом они вам помогут. Как только вы почувствуете себя лучше, приходите ко мне на консультацию.

Он открыл свою сумку, копался там какое-то время и наконец положил коробку таблеток на прикроватную тумбочку.

— Если вечером будет особенно плохо, вы можете принять и две. Не больше, хорошо? И ничего не говорите об этом вашему брату. Он, кажется, противник таблеток. Это может быть во многих случаях и верно, но не в вашем.

— Спасибо..., - вздохнула я. Я сразу же приняла одну таблетку. У неё был слабый пряный запах, который показался мне почему-то знакомым, но я не желала об этом размышлять. Я только хотела спать.

— Елизавета..., - начал доктор Занд осторожно. — Этот Мар, Колин... Вы после этого... происшествия... видели его или говорили с ним?

— Нет, — ответила я чётко. — И я этого не хочу.

— Возможно, вам нужно это сделать, чтобы выяснить, что случилось. Он сейчас в городе?

— Я не знаю... Мне это не интересно. Пусть он не приближается ко мне. — Моё сердце забилось быстрее, потому что оно распознало ложь и освободилось на один момент из вялости моего тела. Но лёд надвинулся на возмущение и принудил вернуться к его медленным, неохотным ударам.

Я положила таблетки под свою подушку, повернулась к стене и закрыла глаза, чтобы показать таким образом доктору Занд, что он может идти. И он так и сделал. Я услышала, как он парой слов обменялся с моим братом, короткий, объективный диалог, потом дверь закрылась. Это займёт несколько часов, пока препарат начнёт действовать, сказал доктор Занд. Несколько часов, это было слишком много. Так долго я не смогу ждать. Но если можно принимать две перед сном, а я хотела спать, хотя было только послеполуденное время, то три или четыре не убьют меня, хотя мне это было бы всё равно. Я выдавила их дрожащими руками из пластиковой упаковки и засунула в рот. Последним глотком воды, смочив сухое горло, я запила их, как раз вовремя, перед тем, как Пауль зашёл в комнату.

— Теперь тебе стало немного лучше? — Он выглядел почти облегчённо, как будто кто-то снял с его плеч тяжкий груз. — Я так рад, что ты наконец позволяешь помочь тебе, Эли. Ты должна была сказать мне раньше, что находишься у него на терапии.

— Мне просто было стыдно, — оправдывалась я.

— Нет никакой причины стыдиться болезни. Ни одной. Послушай, мне надо с Францёзом обязательно подготовить каталог, у нас важный клиент в Дубае, который ожидает его. Я оставляю выбор тебе: либо Францёз приходит сюда, либо я еду к нему. Но я, конечно, подожду, пока ты заснёшь!

Голос Пауля звучал устало. Он сидел возле меня каждую ночь, на узкой раскладушке, которую он поставил напротив моей кровати, возле стены (я отказывалась спать в его кровати, его комната вызывала во мне страх), и дежурил, пока таблетки не начинали действовать и я впадала в глубокий сон. Он не отходил от меня, заставлял меня есть и пить, потому что я иначе не делала бы этого. Я весила теперь едва пятьдесят килограмм. Мне было ясно, что я загрузила Пауля. Я была его новой работой на весь день.

Францёз из-за этого был вне себя. И как бы мало я любила Францёза и не доверяла ему, как бы мысль о том, что оба любили друг друга, меня не беспокоила, они были парой, и Пауль хотел его видеть. Я не могла заставить его оставаться рядом со мной. А таблетки под моей подушкой успокаивали меня. Уже скоро холод льда я больше не буду чувствовать.

— Ты можешь пойти к нему. Для меня так будет лучше, чем, если он придёт сюда. Тебе не надо ждать, пока я засну, — пробормотала я. Но Пауль остался. Таблетки подействовали быстрее, чем я смела надеяться. Мягкая вата обернулась вокруг моего тела. Мои мысли, и без того онемевшие и апатичные, размылись. Последнее, что я слышала, был щелчок двери и завывающий двигатель Porsche. Porsche... почему она была снова здесь? Кто привёз её?

Но и эта мысль потеряла свой цвет, как капелька чернил в море, и я с благодарностью позволила окунуться себе в полную пустоту своего сна.

Глава 19.

Выздоровление

— Просыпайся. — Я тотчас же отреагировала и в тот же момент спросила себя, почему я это сделала. Неужели таблетки уже перестали действовать, посреди ночи?

Я открыла свои горящие веки. Тёмная фигура сидела на подоконнике. Холодный, затхлый запах струился в комнату, и два глаза коротко вспыхнули, как кусочки угля, которые тлели в пекле.

Я так сильно ударила по выключателю, что лампа зашаталась и опрокинулась в сторону стены.

— Ты! — заорала я на него. — Ты... осмеливаешься прийти сюда и разбудить меня!

Колин ничего не ответил. Медленно он сполз с подоконника, не отрывая от меня своего взгляда. О, он всё ещё выглядел ослепительно. Здоровым, свежим, сильным. Да, он был цветущей жизнью, хотя и смертельно бледный, но полный силы и изящества. Его волосы извивались.

— Боже мой, Эли, — сказал он тихо. — Твой вид разрывает мне сердце.

— Какое сердце? — прошипела я. — Скажи мне, какое сердце? Оно не бьётся! Не говори глупостей, Колин, у тебя нет сердца, и не смей прикасаться ко мне!

Он даже не приблизился ко мне, и, тем не менее, я отшатнулась, сдвинувшись к самому подножию кровати. Неподвижно он остался стоять возле окна.

— Почему ты не позвонил в дверь, так как это делает любой нормальный человек?

— Ты бы не услышала меня, — ответил Колин спокойно. — И тем более, ты бы не открыла мне дверь. Кроме того, я не хочу оставлять следов. — Я отмахнулась от него. Кому

это было интересно? Следы? Какая ерунда.

— И вообще, ты не можешь хоть раз сделать что-то, как нормальные люди? Неужели всегда нужно устраивать целый спектакль? Мне уже становится от этого плохо! Это глупо, смешно, ты разве этого не замечаешь? У нас пять градусов тепла, а ты лазаешь тут в одной рубашке, древней белой рубашке, у которой не хватает половины пуговиц. Тебе не кажется это немного жеманным? Эй, посмотрите, я особенный!

Губы Колина затвердели, но он позволил мне говорить. А это добавило моей злости только ещё больше огня.

— Твои сапоги! Боже мой, существует тысяча обувных магазинов, но нет, это должны быть сапоги из девятнадцатого столетия и ко всему этому немного современного стиля, только чтобы все видели, какой ты экзотичный, не правда ли? Потом эти гейские колечки в ушах! Тьфу, как маскировка, хотя на тебя всё равно не смотрит ни один человек, потому что все считают тебя уродливым. Да, Майке считала тебя уродливым, и я уверена, она была не единственной... Я тоже больше не могу смотреть на них, на твою нелепую одежду и твою манеру хищника. — Я вздохнула и почувствовала, как охвативший меня лёд становился всё плотнее и твёрже, чем дольше я говорила, но мне это подходило.

Моё сердце должно стать мёртвым, как и его.

— Ты самовлюблённый и тщеславный, Колин. Свой дурацкий браслет ты не снимаешь, даже когда купаешься... Мы сидели вместе в ванной, ещё помнишь? Ты ещё это помнишь? — Он пристально смотрел на меня. Я не могла прочитать по его лицу никаких эмоций. — Я ещё это помню: браслет ты оставил, потому что иначе, возможно, ты больше не был бы кем-то особенным, не так ли? Я ненавижу этот браслет на тебе, я ненавижу его...

— Я тоже, — ответил Колин просто. — Хочешь, я его сниму? — Но я уже как фурия бросилась на него, впиалась ногтями в кожу под чёрной повязкой и сорвала её с его запястья. Колин не сопротивлялся. Он даже не вздрогнул. С тихим шлепком повязка упала на пол. Я замерла. Колин без слов поднял свою руку, повернул её и показал внутреннюю часть своего запястья моим глазам.

— Ты знаешь, что это такое, Эли? — Внезапно комната начала кружиться вокруг меня. Прежде чем я могла упасть вперёд, Колин посадил меня назад на кровать и прислонил к стене, но тут же снова отпустил меня.

— Номер..., - ответила я оглушёно. Я уже один раз видела такой номер. В книге по истории. Простое число из цифр, навсегда выжженное на коже. Потому что у смерти была система. Она была зарегистрирована. Цифры, вместо людей. Было чувство, будто что-то ударило мне в сердце, и охвативший меня лёд потрескался. Глубокие, болезненные трещины. Тяжёлые льдины начали тереться друг о друга и потеряли свою жёсткость. Но я не хотела этого! Панцирь должен остаться.

— Ты можешь выслушать меня? — спросил Колин осторожно. — Это возможно? Если будет слишком для тебя, подними руку, и я сразу замолчу. Но это будет не так плохо, как в тот момент, когда ты это увидела, а если так будет, то я рядом с тобой. В этот раз я буду быстр, чтобы вытащить тебя оттуда. Но некоторые вещи ты должна знать, потому что тогда ты сможешь справиться с тем, что ты видела и чувствовала. А ты ведь этого хочешь, не правда ли?

Я кивнула. Говорить я не могла. Я прижала кулаки к своей груди, как будто могла с помощью них помешать льду распасться.

— Хорошо. Ты заснула слишком быстро. Почему, я не знаю. Ты не услышала, как я

сказал тебе, что тебе нельзя выбирать одно из своих ранних воспоминаний, но именно это ты и сделала. Именно это.

Я хотела обвинить его в том, что он лгал, что это было ничем, кроме как дешёвым оправданием, но что-то во мне верило ему. Я действительно быстро уснула. Я даже не слышала, как бушует море.

— И потом ты была ослаблена, прежде чем это закончилось. Всё вышло из-под контроля, ты скользнула в мои воспоминания. Эли, если бы у меня была душа, я бы сразу же отдал её тебе, чтобы всё исправить, потому что я должен был бы знать, что такое может случиться. В конце концов, это уже происходило раньше...

Снова во мне что-то сломалось, и ледяная вода поднялась до моего горла. Я испугалась, но ещё не хотела поднимать руку. Может, я и не могла это сделать.

— Эти воспоминания... — Колин прочистил горло. — Ты только что сформулировала все очень точно, и ты сама так чувствовала. Я уродливый, потому что пробуждаю ненависть. Я другой. Ты знаешь, почему я ношу эти вещи и кольца, но ты об этом забыла, больше не могла этого чувствовать, потому что не хочешь чувствовать.

Я смотрела мимо него, застывшая и неподвижная. Часть меня хотела извиниться перед ним, умолять его о прощении за то, что я сказала. Но другая часть наслаждалась тем, что была такой жестокой и подлой по отношению к нему. К нему и, следовательно, так же к самой себе.

— Расскажи мне, что случилось. Что я увидела? — спросила я беззвучно, хотя я уже догадывалась об этом. Мои руки соскользнули с моей груди и опустились на простыню.

— Я хотел подать заявку на новые документы, как это часто было, с поддельным паспортом, чтобы можно было на какое-то время остаться в Германии. Ты же знаешь, у меня слабость к немецким лесным угольям. Но я сразу вызвал у них подозрение, и вместо того, чтобы снова отпустить меня, они стали меня допрашивать, нашли несоответствия, подозрительные моменты. Я подходил по их схеме, понимаешь? Я был другим. К этому ещё тёмные глаза, мой нос... Я дал им целый ряд причин.

Колин сделал паузу, чтобы собраться с мыслями, и вдруг я поняла, что ему было также сложно рассказывать об этом, как мне — слушать. Туман в моей голове рассеивался с каждым словом, а замёрзшее море внутри меня начало двигаться, как бы я не хотела держать его в плену под панцирем.

— Зачем тебе вообще нужно было подавать заявку на документы? Тебе ведь они вовсе не нужны, ты можешь существовать и без них, не так ли?

На один момент Колин отвернулся от меня.

— Моя старая ошибка, — сказал он, наконец. — Я хотел быть настолько человеком, как только возможно, даже, может быть, отправиться на войну — на какой стороне, мне было всё равно. По крайней мере, я бы был в безопасности на фронте. Никаких женщин, никакой Тессы. Может быть, моя хладнокровность чего бы то там стоила. Может быть, меня бы за это ценили.

— О Боже, Колин... — Пойти на войну, чтобы тебя воспринимали как человека, всё равно на какой стороне? Разве чтобы быть человеком, нужно убивать других существ?

— Я знаю. Это было глупо. И произошло то, что должно было произойти: я попал под подозрение, и они доставили меня в один из своих лагерей, где я сначала должен был работать, а потом умереть. Я не распознал серьёзность ситуации, подумал, что смогу убежать, когда только захочу, как только представится такая возможность — ночью, когда у

меня больше всего силы. Но весь страх и ужас, плохие сны вокруг меня, заставили меня сразу же голодать. А я не хотел похищать сны у тех людей, у которых они ещё были, потому что это было единственное, что у них ещё осталось, а ко снам надзирателей я чувствовал отвращение. Кроме этого, существовали только страх и смерть. После только нескольких дней я был настолько же больным и истощённым, как и они.

Я почти больше не могла контролировать тошноту в горле, но моя рука оставалась лежать рядом со мной на простыне. Я не подняла её.

— В какой-то момент они начали отравлять газом. Ты знаешь, что они говорили: вам нужно искупаться под душем, помыться. Потом из насадок выходил газ. Только я выжил. Конечно, я притворился мёртвым, но...

— Я знаю это, — прошептала я. — Я это видела. Я была поймана в тебе. Я была тобой.

Мы молчали, в то время как снаружи журчала вода. Потоп пришёл. Я с удовольствием закрыла бы окно, но я была не в состоянии двигаться. Колин сделал это за меня, хотя он ненавидел быть запертым. В эти тихие минуты может быть больше, чем когда либо.

— Они ставили надо мной эксперименты, когда поняли, что газ не может мне навредить, но и эксперименты...

Колин был не в состоянии рассказать до конца. Но это было и не нужно. Я уже тогда в школе не могла понять, и я всё ещё этого не понимала. Я верила, да, и я знала, но я не понимала этого. Медицинские эксперименты были частью всего этого. В конце концов, речь шла о том, чтобы вывести и искоренить. Массовое убийство было только средством для достижения цели.

— Как тебе удалось снова выбраться? — спросила я, после того, как заставила рвоту вернуться назад в мой пустой желудок. Горький привкус остался на языке.

— Тесса. Она освободила меня. Однажды ночью она вытащила меня из кучи трупов и сбежала со мной, перепрыгнув через забор. — Колин отвернулся и спрятал лицо в своих руках. Дрожь пробежала через его обычно такое хорошо контролируемое тело. Ему было стыдно. — Я был ей благодарен. И я себя за это презираю, потому что не будь её, этого никогда бы не случилось. Не будь её, я бы, вероятно, никогда не покинул бы свою родину. Не будь её, твоя душа была бы сейчас всё ещё невредимой.

— Моя душа никогда не была невредимой, Колин, — сказала я, и ледяная вода затопила меня, сдавила моё горло и прорвалась через мои глаза. Сбитая с толку, я подняла мои пальцы и положила на мокрые щёки, пока не поняла, что я плачу.

— О небо, Эли... Я уже думал, ты этого больше не можешь... — Колин всё ещё не касался меня, и я была рада этому, потому что я отбивалась бы от него, но мне нужно было плакать, чтобы можно было дышать дальше, и я позволила ему взять мои слёзы и поймать их. Они принесли нам тепло.

— Знаешь, что в средневековье многие женщины были сожжены, как ведьмы, потому что они не плакали? — Я вопросительно посмотрела на Колина и покачала головой. Нет, я этого не знала. — Сегодня думают, что у них была депрессия, поэтому они не могли плакать. И это казалось людям жутким. Но когда вы очень грустные или травмированные, тогда...

— ... тогда мы больше не плачем, — задыхаясь, закончила я его мысль. Это было то, что я видела в глазах Марко у доктора Занд. Это были глаза, которые больше не плакали. Колин немного от меня отодвинулся.

— Ты ещё принимаешь таблетки, Эли? Послушал ли твой брат меня и перестал давать их тебе?

Я в недоумение посмотрела на него. Колин посоветовал это Паулю?

— Мне очень жаль, в первый момент было лучше всего дать тебе сильные медикаменты, а снотворное ведь предотвращает сны. Но принимать их долго опасно. Ты это знаешь, не так ли? — Ещё никогда не имело смысла что-то скрывать от Колина. Я сунула руку под подушку и бросила ему упаковку с таблетками. Он выдавил одну и понюхал её. Слабая улыбка прогнала суровость с его лица.

— И они действуют?

— Да, они действуют очень хорошо, — ответила я дерзко. — Ладно, я приняла немного больше, чем было назначено, но потом... потом я хорошо заснула.

— И проснулась, когда я сказал тебе всего два слова. Можешь проглотить их все за раз, Эли. Да здравствует эффект плацебо. Это валерьянка, моя дорогая.

— Вот блин. Эта собака, — сказала я со злостью. Доктор Занд провёл меня. С успехом Я заснула. — Я всё-таки боюсь увидеть сон, Колин.

Я выпрямилась. Туман у меня в голове полностью развеялся. Моё сердце, казалось, ещё было холодное, но оно снова принадлежало мне, и мне внезапно стало ясно, как ужасно я обращалась с Колином. Мы, люди, прекрасно можем разлюбить, сказал он. Я была как раз на пути к этому. Может, я всё ещё продолжала идти по этому пути, и я не знала, можно ли было вернуться к тому, кем мы были раньше. Мы потеряли нашу невинность.

— Кто мы теперь друг другу? — спросила я робко. В конце концов, он должен был заметить, что я не хотела, чтобы он касался меня. Ни он, и никто либо ещё.

— В любом случае, друзья, — ответил Колин нежно, как будто хотел меня успокоить. — Но это сейчас не важно. Об этом мы поговорим позже.

— Позже, почему позже? Я хочу сейчас... — Сбитая с толку, я замотала головой. Как только он мог оставаться таким спокойным? Разве его совсем не затронуло то, что случилось? Но на самом деле меня тоже это не затронуло. Я знала, что между нами было что-то разрушено. Но это ещё как-то странно оставляло меня равнодушной, хотя я предчувствовала, что в какой-то момент это разобьёт мне сердце.

— Нет. Не сейчас. Твой сон был не настоящим в течение всех этих ночей, Эли. Это было скорее бессознательное состояние, но не сон. Ты нуждалась в нём, чтобы твоё тело могло снова восстановиться. Но теперь тебе нужно поспать. Я останусь сидеть возле тебя. Я клянусь тебе, я не дотронусь до тебя. И сразу же разбужу, если образы вернуться. Но тебе надо поспать.

— Колин...,- пробормотала я, когда натянула одеяло на плечи и вытянула от удовольствия ноги. — Я должна кое-что знать... Ты будешь рядом, когда я проснусь?

— Я буду поблизости. Я не оставлю тебя одну. Не сегодня и не завтра. Но мою рубашку и мои сапоги я оставлю себе, нравится тебе это или нет. — Мой рот разучился смеяться, и уголки моих губ дрожали, когда растягивались, но я уснула с улыбкой на лице.

Глава 20.

Ночной Ужас

Длинное, требовательное рычание разбудило меня, и мне понадобилось какое-то время, чтобы опознать его. Это был мой желудок, который жаловался. Я была голодна, как волк. Я ещё наслаждалась тем, что у меня снова появился голод, и оставляла глаза закрытыми, чтобы открыть их лишь тогда, когда буду уверена, что хочу видеть окружающий меня мир. Потому что мне казалось, что он изменился. Он по-другому пах.

Мужскими духами, опилками и лаком? Краской? Кроме того, там присутствовал тонкий аромат табака, который вился возле моего носа. И одеяло, прижатое к моим рукам, было более гладким и шелковистым. Более дорогим.

Медленно, и всё ещё вслепую, я поднялась и облокотилась на спинку кровати. И она тоже показалось мне другой. Сделанная из ротанга, а не из дерева.

Я открыла свои веки и взглянула в рубиново-красные глаза змеи. Точно, это была огромная картина с изогнутой голубой змеей, которая снова и снова выгоняла меня из спальни Пауля. Мне она не нравилась. Она висела на стене, которая отделяла мою комнату от его, как раз напротив его кровати.

Но теперь она смогла встревожить меня только на короткое время, потому что ситуация, в которой я находилась, переплюнула бы даже живую змею. В течение нескольких минут я сидела и пыталась понять, что же случилось. Я заметила, что мой рот был открыт, но была слишком ошеломлена, чтобы изменить это. Мой желудок использовал возможность, чтобы выразить свою сверлящую пустоту ещё раз.

Колин сдержал своё обещание только на половину. Я была не одна. Это было правдой. У меня даже была компания из двух человек: один мужчина с левой стороны, другой — с правой. Но ни один из них не был Колином.

Рычание моих внутренностей внезапно изменило свою высоту тона и перешло в звонкий колокольный звук выпрашивания.

— Хорошо, всё хорошо, — пробормотал Пауль во сне и обнял мои ноги, чтобы притянуть к себе. Кончиками пальцев я взяла его запястье и освободила своё колено, хотя меня растрогала его быстрая реакция. Она напомнила мне наше детство. Иногда он брал меня к себе, если я боялась ночью (чаще всего пауков), и даже в глубоком сне ощущал самые маленькие движения. Как сейчас. У него всё ещё был хороший инстинкт в отношении меня.

Мужчина, что же, может быть, это был скорее парень, с моей левой стороны, не предпринимал никаких действий, чтобы коснуться меня, но от меня не ускользнуло, что его рука находилась рядом с моим телом, готовая в любой момент схватить и... Да, что? Держать меня? Я очень хорошо знала, что его реакция была не менее быстрой, чем реакция моего брата, плюс хорошая порция агрессии.

Задумчиво я изучала его лицо, которое я ещё никогда не видела таким спокойным. Он снова изменился, созрел, и, о, это ему не навредило. Выдающийся подбородок выдавал его упрямый характер и гармонично дополнял прямой нос и изогнутую линию скул. Губы стали полнее, не теряя при этом своей чёткости.

Его провокационная, нахальная улыбка, но так же и его задумчивость, дремали в их уголках. Волосы почти полностью потеряли свой рыжий цвет, они превратились в белый со слабым красноватым отсветом. И тем более вопиющим казался мне контраст по сравнению с его тёмными бровями. Я знала, что под закрытыми веками скрывается тёплый искрящийся карий цвет. Он больше не выглядел как семнадцатилетний. Если бы я сейчас встретила с ним впервые, я бы дала ему двадцать. Как Колину. Тем не менее, между обоими лежала целая солнечная система. Лицу Тильмана не хватало знаний всех тех десятилетий. Я была рада этому. Он был ещё молод.

Он дышал спокойно и не двигался, но мне был ясно, что он не спал. Ты не спишь, подумала я, и Тильман открыл глаза, как будто услышал меня. Они стали темнее, как красное дерево, и что-то в них заставило меня, немного задохнувшись, втянуть в себя воздух.

— Я здесь, рядом с тобой, всё хорошо, — бормотал Пауль и протянул, нащупывая, свою

руку.

— Спи дальше, — прошептала я, коротко провела ему по волосам и тут же снова повернулась к Тильману, который лежал в кровати Пауля, будто это квартира была его новым домом, и это уже, по крайней мере, в течение четырёх недель. Эта мысль окончательно меня запутала.

— Твой брат храпит как ненормальный, Эли.

— Я знаю, — ответила я механически. — Полипы.

— Полипы? — Тильман скептически поднял брови. — Я в это не верю. Посмотри на его ноздри. Это воронки. Он должен получать воздуха на двоих.

Он был прав — это были воронки, хотя нос у Пауля не был широким. Я неохотно покачала головой. Нос Пауля не был моей главной проблемой.

— Что, чёрт возьми, ты здесь делаешь? — прошипела я.

— *Ravor nocturnus* (прим. переводчика: латинский, означает ночной ужас), — сказал Тильман безразлично и потянулся, пока его плечи не щёлкнули. Пауль тихо вздохнул во сне.

— Ага, — ответила я, ничего не поняв. *Ravor nocturnus*. Никогда не слышала. — И что ты здесь делаешь? — вдруг я почувствовала себя пойманной, между этими двумя мужчинами, но не хотела карабкаться ни через Пауля, ни через Тильмана, чтобы получить назад свою свободу. — Поговорим. На кухне, — приказала я шёпотом вместо этого.

Тильман встал, позволил мне сползти с кровати и тихо последовал за мной. Я не знала, сколько было времени, но солнце как раз пробилось сквозь туман, покрывающий каналы, и заставило в своём свете блестеть мраморные плитки пола на кухне. Тильман основательно зевнул. Когда его рот закрылся, я услышала, как брякнули его зубы хищника.

Удивленно я посмотрела на него. Он вырос. По меньшей мере, на десять сантиметров. Да, он был таким же высоким, как и я, может быть, даже выше...

— Метр семьдесят четыре, — объявил он, когда заметил мой взгляд. — Двенадцать сантиметров за три месяца.

— Ой, — сказала я сочувственно. Это должно быть было больно. Внезапно я осознала, что у меня тоже всё ещё было тело. Помимо того, что это тело находилось не в лучшем состоянии и немедленно должно было быть помыто, у него также были насущные потребности, которые оно теперь требовало удовлетворить всеми своими силами.

— Мне нужно под душ и в туалет, — пробормотала я. — Сделай, пожалуйста, кофе. Не сбегай. — Я поторопилась, потому что боялась забыть все те вопросы, которые крутились у меня в голове.

Но когда я захотела вытереться и одеться, зеркало заставило меня остановиться. Может быть, это было и к лучшему, что Колин и я на данный момент были друзьями, хотя эта мысль приносила мне такую боль, что на глазах выступили слёзы. Но в этом состоянии я не хотела показывать ему себя. Мои рёбра выделялись, а мои бёдра были определённо слишком худыми. Единственное, что мне казалось ещё более-менее приемлемым, был мой зад. Я быстро оделась, чтобы не глядеть дальше на этот трагизм, выжила воду из волос. Моё лицо было чрезвычайно бледным — если не сказать неживым, но глаза потеряли их гнетущую апатичность, которая во время моей болезни заставляла меня сразу же отворачиваться от зеркала, когда я случайно смотрела в него. С любопытством и внимательно они смотрели на меня.

В первый раз после ночи на Тришине — сколько после этого прошло времени, я не знала, но должно быть не больше, чем несколько дней, — у меня появилось чувство, что я

могу подумать о будущем. Да, будущее снова существовало.

Отдохнувшая и очень голодная, я вернулась на кухню. Тильман действительно приготовил кофе. Он сидел на кухонном столе, рядом с плитой, и терпеливо меня ждал.

— Хорошо, — вздохнула я и обернула полотенце вокруг мокрых волос. — Тогда давай начнём. *Pavor nocturnus*?

— Раньше я тоже этого не знал. Ты сегодня ночью внезапно ни с того ни с сего закричала и начала брыкаться — блин, Эли, это было действительно жутко. Я ещё никогда не слышал, чтобы человек так кричал. Как будто кто-то пытается убить его. Но твои глаза были закрыты, и мы не смогли разбудить тебя. Ты просто не просыпалась.

Я отпустила полотенце, и холодные волосы упали мне на плечи. Я ничего не могла вспомнить. Вообще ничего.

— Пауль позвонил тогда врачу, доктору Занду, в одну из больниц здесь, в Гамбурге, в то время, как ты продолжала вопить дальше, как сумасшедшая. Доктор сказал, что это возможно *Pavor nocturnus*. Такое в основном происходит у детей, и не является таким ужасным. Скорее всего, ты в какой-то момент успокоишься и будешь спать дальше. Вытащить оттуда мы тебя не сможем. Так оно и было. — Тильман пожал плечами. — Я приподнял твои веки, и ты смотрела на меня, но ты меня не видела. Свет включен, но дома никого нет. Через некоторое время ты замолчала и спала дальше. Мы положили тебя посередине между нами, на случай, если это случится ещё раз.

— Почему вы не позвонили моему отцу? — спросила я укоризненно.

— Эли... — Тильман посмотрел на меня с сомнением. — Твой отец пропал. Не так ли?

Я опустила на стул и рассеянно тёрла полотенцем мои мокрые волосы. Конечно... мой отец исчез. Теперь я это снова вспомнила. Он пропал. А также и всё остальное пришло мне на память — что я нашла ключ от сейфа и что Пауль был атакован и, кроме того, стал геем. И что на следующей неделе я должна буду сдать устные экзамены, как я отметила, посмотрев на кухонный календарь. Что случилось на Тришине несколько дней назад, или...? Я медленно считала дни.

— Извини, пожалуйста, — пробормотала я рассеянно в сторону Тильмана. — У меня за спиной двухнедельная карьера зависимости. — Или всё-таки нет? — Как давно ты здесь?

— С позавчерашнего дня.

— С позавчерашнего? Но почему я не заметила этого? — Мои подсчёты развалились, как плохо построенный карточный домик. Здесь ничего больше не подходило.

— Ты спала двадцать четыре часа. И сначала очень тихо и спокойно. Колин находился рядом с тобой. Это он, между прочим, впустил меня.

— Ах. — Я потёрла лоб. У меня в голове всё ещё царил хаос. Колин был здесь, несмотря на Мара. И правильно, поэтому при своём первом визите он зашёл через окно. Чтобы не оставлять следов. Что я объявила полной ерундой, потому что не могла вспомнить, что Пауль был атакован. И скорее всего Мар наконец-то сделал перерыв в своей прожорливости, так что Колин смог снова навестить меня. Во всяком случае, я на это надеялась. Но так как Пауль всё ещё был жив, должно быть так оно и было.

— А почему ты вообще здесь? Тебе это что, приказали твои карты Таро? Или господину стало слишком скучно принимать зимнюю сауну в лесу?

— Карты Таро, — ответил Тильман спокойно. — Я вытянул мою карту на год. И она сказала мне, что я должен избавиться от моих внутренних оков и сделать разворот в жизни. По крайней мере, я так это интерпретировал. Нам нужно что-то предпринять Эли. Против

Тессы.

— Я сойду с ума... — Застонав, я заплела мои волосы в спутанную косу. — Так, между прочим, думает мой брат обо мне. Что я сошла с ума.

— Это не ускользнуло от меня. — Тильман широко улыбнулся. Это его забавляло, без сомнений.

— Рада, что тебя это развлекает, — рассердилась я. — Пауль стал, кроме того, геем.

— Геєм? Твой брат? Никогда в жизни! — Тильман рассмеялся. — Брось, Эли, да ты в это сама не веришь...

— Конечно, я в это не верю! — Я засунула себе сухой кусок хлеба в рот — что осталось от Францёза, который принципиально съедал только верхние части булочек и мякиш хлеба. — Но он уже три года живёт с мужчиной. Мужчиной, содержащим галерею.

— Да, что касается галереи, я заметил, — подтвердил Тильман удовлетворённо. — Я помог Паулю вчера сделать выставку и снял об этом для него видео. Твой брат действительно может хорошо мастерить.

— Это может быть и так, но до этого он изучал медицину! И я точно знаю, что это его страсть. Или была. Ты познакомился в галереи с Францёзом?

Тильман покачал головой и выпил большой глоток кофе, напомнив мне на одну секунду своего отца. О Боже, его отец — знали ли его родители вообще, что он был здесь? Тильман был способен на такое, что просто сбежал, не оставив даже крошечного сообщения. В то же время мне на ум пришла ещё одна мысль, в то время как я разглядывала Тильмана, как он сидел на кухонном столе, с расслабленно опущенными плечами, лицо наклонено над чашкой с кофе, и веки опущены... Мама мия, он был чистым соблазном для любого, даже немного гомосексуально ориентированного человека. Если Пауль был геєм, то Тильман должен был каким-то образом впечатлить его, но это так не выглядело. Тильман заметил мой взгляд и сразу понял, в чём дело.

— Не-а. Эли, поверь мне, он не гей. В последнее время ко мне часто пристают геи. Один в Риддорфе: он якобы повесил купюру в сто евро и мою фотографию над своей кроватью и сказал мне, что я должен прийти к нему и забрать деньги... — Тильман презрительно скривил губы, когда я захихикала. — Я действительно ничего не имею против геев, но я сам? Ни в жизнь. А твой брат вёл себя по отношению ко мне нормально.

Что же, мой брат — может быть. Но если появиться Францёз, мне нужно будет спасти Тильмана от него.

Как заговоришь о чёрте, так он тут как тут, подумала я, сдавшись, когда две секунды спустя, громко гремя, открыли входную дверь. У Францёза с недавних времён имелся свой собственный ключ, уступка Пауля. Я была уверена, что Францёз не хотел больше, чтобы дверь открывала ему я, если он, как часто бывало, звонил в дверь как безумный. Уже Розини заскользил, тяжело дыша, к нам в кухню и начал, дико лая, прыгать перед Тильманом туда-сюда. Беспоконные шаги Францёза застучали по коридору.

— Пауль! Пауль, пора! Нам нужно в Дубай! Самолёт не будет ждать! — Ответа не последовало. Тильман посмотрел на меня, как замороженный, в то время как собака скулила всё пронзительнее. Первый раз за это утро я была рада тому, что Колина с нами тут нет, потому что тогда, самое позднее через десять минут, нам пришлось бы вызывать спасательную службу для животных.

— Пауль! Где его опять носит? — Дверь в ванную хлопнула. — Тут его нет... Пауль! — В развивающемся пальто и в облаке духов, исходящих от него, Францёз поспешил к нам на

кухню.

— Он гей, — прокомментировал Тильман сухо. Я не смогла подавить весёлое хихиканье, хотя голос Францёза заставил мои виски стучать. Я напряжённо наблюдала за ним. Его мутные голубые глаза над большими мешками под глазами сначала метнулись в мою сторону — как всегда игнорируя, и остановились потом на одну секунду на Тильмане. Тильман смотрел на него без малейшей застенчивости — холодно и немного с вызовом. Но Францёз только нетерпеливо зацокал языком и отвернулся. Тильмана он даже отлично заметил. Но видимо он был не восприимчив к физическим достоинствам Тильмана, а в это, в свою очередь, я едва могла поверить.

— Что же. Вкусы у всех разные, — подвёл итоги Тильман и соскользнул с кухонного стола. — Блин, кудахтанье этого типа действительно раздражает.

Я могла только согласиться. Францёз теперь обнаружил Пауля и закаркал, чтобы разбудить его. Чувствовалось, что сейчас начнётся ссора. И мне нужно было спастись бегством от голоса Францёза. Тильман и я спрятались, взяв с собой кофе и две сухие нижние части булочек в моей комнате, в то время как Францёз вопил над кроватью Пауля, выгоняя его из неё.

— Тема Колин, — начала я, пытаясь упорядочить мои дико мечущиеся мысли. — Ты упомянул, что он был здесь, рядом со мной.

— Правильно. Он был здесь, когда я позвонил, и впустил меня. Твой брат пришёл вскоре после меня. И потом оба чуть не задушили друг друга. Колин настаивал на том, чтобы остаться возле тебя, и не сдвинулся в сторону ни на один сантиметр, но Пауль хотел выгнать его. Тогда я сказал, что знаю Колина и знаю тебя, и ты определённо захочешь, чтобы Колин остался. Кроме того, Пауль хотел отправить меня домой.

— И он это не сделал, потому что...? — спросила я нетерпеливо.

— Потому что он нуждался в моей помощи для этой выставки. Я так думаю. Во всяком случае, вчера вечером Колин сказал мне, что должен сейчас идти. Что ему нужно питаться. Потом он сказал ещё, что мы не должны оставлять тебя одну, потому что твоя голова снова начала работать. Это всё.

Да, моя голова снова работала, и только теперь мне стало ясно, что она удалила определённые вещи на какое-то время. Когда я была больна, я забыла, что папа пропал и что Пауля атаквали. Или я забыла это, после того, как Колин отправил меня в оздоровительный сон? Это он сделал так, или я сама, глотая одну таблетку за другой?

Теперь я снова всё знала: исчезновение папы, атаку на Пауля. Может быть, поэтому у меня был этот ночной приступ? Возможно, как раз в этот момент вернулись воспоминания и овладели мной.

Но одного не хватало. Не плохого, а прекрасного. То, которое я подарила Колину. Я чувствовала, что там был пробел, почти как рана в моём воспоминании и в моей душе. Что чего-то не хватало, что мне на самом деле было нужно. Но я не знала, что.

Разве он не мог отдать мне его назад? Или он не хотел? Несмотря на этот пробел, я была снова в состоянии свободно дышать, думать о следующем дне и даже мимолётно позволить себе подумать о ночи на Тришине. Неделью назад у меня сразу начиналась паника, если я позволяла всплыть хоть какому-то воспоминанию об этой ночи, и когда Колин и я говорили об этом, меня ужасно тошнило. Теперь, по крайней мере, я могла принять то, что случилось, и я могла принять, что жила. Кроме того, таблетки мне больше были не нужны. И я была рада, что Тильман был рядом со мной. Лучше здесь в хаосе шторма, чем в лесу, перед домом

Колина.

Дискуссия Францёза и Пауля между тем уже превратилась в настоящую ссору, как почти всегда, когда оба что-то обсуждали. Тильман как раз изучал с любопытством оборудование на полочках Пауля, когда тянущий голос Францёза приблизился.

— Это будет иметь последствия, Пауль, я тебя предупреждаю! Я вычту это из твоей зарплаты! В прошедшие дни я из-за этого без остановки был в дороге. Ты мне нужен в Дубае!

— Не нужен. Я вчера разговаривал с ними по телефону, они уже всё подготовили, тебе нужно только быть там и делать то, что ты можешь лучше всего: строить из себя важного менеджера и вдуть богатеньким тёткам сахарную пудру в задницу. Я ведь всё равно только твой подручный. — О, Пауль был в ярости.

— Знаешь, что, Пауль? — бранился Францёз. — Тебе нужно было уже давно отослать эту бабу домой. Ты всё равно ничего не можешь сделать для неё. У неё с головой не в порядке, ты этого не понимаешь? Но мне, мне ты нужен, мы партнеры и ты поедешь сейчас со мной! Самолёт вылетает через два часа, а я сначала должен ещё устроить собаку!

— Нет. Францёз, пожалуйста, я знаю, что мы одна команда, но у меня есть семья и я нужен моей сестре. А не тебе. Это моё последнее слово. — Ого. У Пауля была семья. Это было что-то новенькое. Францёз повторял ещё где-то пять раз это, и то как ему нужен Пауль, потом он, наконец, смирился, свистнул встревоженного Розини к себе и оставил нас, с финалом захлопнув дверь, одних.

Две минуты спустя Пауль сунул голову к нам в комнату.

— Собирайте свои вещи. Мы едем домой.

Глава 21.

В отпуск домой

Наконец-то моё предполагаемое безумие хоть как-то помогло мне: оно побудило Пауля отвезти меня домой. И, таким образом, и себя самого. Я выполнила своё задание.

С осознанием этого я пыталась по дороге домой оставаться в хорошем настроении, потому что поездку можно было назвать всем чем угодно, но только не уютной. От Тильмана исходило ледяное молчание, потому что ему пришлось подчиниться приказу и его короткая вылазка в мир была прервана таким быстрым и не желаемым образом, и это в то время, когда он вложил свои последние деньги в билет на поезд. Всё же он это сделал, чтобы увидеть меня и поговорить со мной. Внезапная перемена в его действиях, которую я уже не ожидала.

Я ожидала увидеть Колина ещё раз, прежде чем мы уедем, но он не показывался. Прощания не было. Я не знала, находился ли он вообще ещё в Гамбурге или вернулся уже на свой проклятый Богом остров птиц.

Но после ссоры с Францёзом Пауль был не в настроении ещё что-то обсуждать и, кроме того, придерживался мнения, что меня поскорее нужно доверить заботам мамы и что я должна готовиться к экзаменам. Кроме того, у него не было ни милейшего желания совершать преступление, укрывая сбежавшего подростка. В общем, мой брат, казалось, был немного перенапряжён, и я могла понять его. Я сама чувствовала себя уже давно перенапряжённой.

Но я могла понять и Тильмана, даже очень хорошо. В то время как мы упаковывали вещи, он попытался объяснить мне, почему он приехал в Гамбург и не мог снова вернуться в Риддорф. Школа, в его рассуждениях, была совершенно несущественной; для него она была

докучивой неприятностью, не больше. И всё-таки его слова не оставляли меня в покое.

— Я не могу делать вид, будто ничего не было. Это невозможно! — Это могли бы быть и мои слова. Потому что я чувствовала то же самое, после того, как Колин сбежал, и тем более после того, как мы снова увиделись. Не было возврата к нормальной жизни. Тем не менее, в течение зимы я как-то смогла перебороть себя, ходила в школу, училась, встречалась с другими людьми — до того момента, пока мои обязанности не были выполнены и мама объявила, что папа пропал и что нам нужно что-то предпринять.

Тильман же не желал перебарывать себя. Как я между тем узнала, он уже успел также вылететь из гимназии в Альтенкирхене и должен был теперь посещать среднюю школу, против чего он упорно сопротивлялся. Мне было ясно, что я не должна была поощрять его в этом. Но я хотела, чтобы он снова вернулся со мной в Гамбург. Потому что как раз это я и планировала: после моего устного экзамена снова поехать к Паулю, даже если он будет сопротивляться этому всеми силами. Его атаквали. Мне нельзя было оставлять его одного. А в присутствии Тильмана я больше не чувствовала себя такой покинутой, да, я чувствовала себя в безопасности. Если кто-то и существовал, с чьей помощью я могла бы разоблачить и установить, кто является Маром, то это был Тильман. Не принимая во внимание Колина, но он осмеливался показываться вблизи Пауля, только тогда, когда был уверен, что Мар отсутствовал и не убьёт всех нас из чистой зависти к пище.

В прошедшие дни Мар не показывался. По крайней мере, это учуял Колин, когда был со мной. Но это ничего не значило. По словам Колина, существовали Мары, которые так сильно насыщались, что были сытыми и ленивыми в течение нескольких дней, а иногда даже одну-две недели. Некоторые даже получали особое удовольствие от того, чтобы сначала поголодать, а потом нажраться.

В Вестервальде Пауль был, возможно, пока в безопасности, также из-за множества орхидей и растений, которые мама посадила в качестве защиты. Они сбивали с толку Маров и нарушали их инстинкты. Но я могла бы поспорить на мою бабушку, что он не останется. Это был только визит вежливости. Не больше, не меньше. Через несколько дней он снова попадет в руки своего Мара. Тем не менее, его визит вернёт маме её блудного сына, а мне доступ к сейфу.

Пауль был хорошим водителем машины и не позволял вывести себя из равновесия нашим упорным молчанием. Тильман и я плохо могли говорить друг с другом, так как знали только одну тему: Тесса, Колин и мой отец. Об атаке на Пауля Тильман ещё ничего не знал.

Так что я углубляла свои знания об альянсе Бисмарка — теме моего устного экзамена — и только тогда вздрагивала, отрываясь от своей зубрёжки, когда снова звонил Францёз и мы, благодаря установке громкой связи Пауля, должны были выслушивать то, что ему казалось неотложным. А это было много чего. К счастью, связь обрывалась уже после нескольких минут, и мы были избавлены от жалоб Францёза о тесных, переполненных самолётах, неквалифицированном персонале безопасности и что толстая, неухоженная женщина, прямо рядом с ним, осмелилась съесть гамбургер с луком. Его последний звонок был из отеля в Дубае. Пауль начал беспокоиться на своём месте, когда ему, при ярком описании Францёза, стало ясно, что он в этот момент пропускает: километровые зоны для отдыха, мраморные гидромассажные бассейны и огромные водяные постели. Потом связь затрещала, и восторженные описания Францёза были прерваны и Тильман и я вздохнули с облегчением.

Недалеко от выезда с автомагистрали на шоссе — уже наступали сумерки, и мои глаза устали — внезапно за нами появилась чёрная тень. Я сразу же узнала броненосец Колина.

Как маленький ребёнок, я прижалась носом к стеклу и смотрела с блаженной улыбкой на лицо, как Колин прибавил газу и начал обгонять нас.

Когда он поравнялся с Паулем, который напрасно давил на педаль газа Volvo, Колин галантно коснулся своего виска, приветствуя нас, и проехал мимо.

— Yes! — воскликнули я и Тильман одновременно и хлопнули по рукам.

Пауль прорычал что-то о "Porsche" и "давно бы обогнал" и "созрели для психушки все трое", но на один короткий момент я была чуть ли не в эйфории. Колин был здесь. Большого мне не нужно было знать, хотя я не имела представления, как мне вообще встретиться с ним. На следующем повороте Паулю снова удалось оставить Колина позади себя, и тяжёлый внедорожник пропал из поля зрения. Какие намерения были у Колина? Неужели он хотел вернуться в свой старый дом?

Я не сказала маме, что мы приедем. Это должно было стать сюрпризом. Но она стояла уже перед входной дверью, когда Пауль заехал во двор. Как трое грешников, мы шагнули в её сторону. Я пыталась выглядеть по возможности здоровой и счастливой, что, вероятно, грандиозно провалилось; Тильман смотрел тупо на землю; только Пауль осмелился посмотреть на маму, но и он казался напряжённым и встревоженным. Мы все трое должны были с ней объясниться.

Прежде чем мама, чьи глаза сначала засияли, а потом наполнились слезами, смогла заключить Пауля в объятия, я протиснулась мимо него, бросилась ей на шею и прошептала:

— Он считает меня и папу сумасшедшими и не верит мне. Не упоминай ничего о Марах. Подыграй. — Я не хотела касаться её, никого не хотела касаться, но я должно была сделать это, чтобы передать ей информацию, в которой она срочно нуждалась. Я вздрогнула от нежелания.

Мама мягким пожатием руки дала мне понять, что поняла то, что я сказала, и я сразу же высвободилась из её объятий. У меня было такое чувство, что мне сразу нужно было принять душ. Я хотела скрести свою кожу, пока она не станет красной, а лучше всего содрать её с тела. Она причиняла мне боль из-за внезапной близости, которой я её обременила, и эта боль заставила бунтовать ярость в моём животе.

Я оставила маму и Пауля наслаждаться радостью их встречи и обошла вокруг дома, направляясь к зимнему саду. Тильман следовал за мной неторопливым шагом.

Но когда я посмотрела наверх, я так внезапно остановилась, что мне пришлось ухватиться за перила лестницы, чтобы не споткнуться. Там сидел кто-то за нашим столом. Точно я не могла разглядеть внешность, так как солнце светило на стёкла, но это был мужчина, и он сидел на месте папы, перед ним стояла чашка папы, а рядом лежала пачка бумаг... Он вернулся! Папа был снова дома!

— Па... о. — На верхней ступеньке я заметила свою ошибку, и разочарование закипело у меня в груди. Тильман протянул руку мимо меня, чтобы открыть дверь, и я неповоротливо протиснулась вместе с чемоданом внутрь.

— Значит вот оно что, — нарушила я тишину первой. — Быстренько вы тут сработали.

— Привет, Елизавета, — ответил господин Шютц спокойно и так осторожно, что я с удовольствием выбила бы у него кофейную чашку из рук. Это была чашка папы, и это было место папы, за папиным столом. — Приятно видеть тебя снова. Привет, сын мой. — Последние три слова прозвучали уже менее осторожно.

— Извините, пожалуйста, но мне как раз стало очень дурно, — сказала я холодно и промчалась мимо отца и сына в сторону лестницы.

— Эли, подожди! — крикнула мама, которая тем временем уже последовала за нами. Нет. Я не буду ждать. Она ведь, по-видимому, тоже не ждала. Разве она не видит, что здесь происходит? Разве ей было не больно видеть господина Шютц на папином месте, будто оно его, да, как будто папы никогда не существовало? Как она могла такое допустить? Или было даже ещё хуже — а именно так, как я, испугавшись, в первый момент предположила — между двумя что-то было.

Черная молния промчалась мимо меня, в то время как я поднималась по лестнице вверх, и убежала. Мистер Икс! Что за приятное приветствие. Куда это он наострил уши? Мне что, даже не полагалось немного кошачьего утешения? Мне пришлось остановиться, чемодан становился тяжёлым, а я всё ещё была слишком слаба. Тяжело дыша, я стала ждать, что мой пульс успокоится, и услышала во внезапной тишине бульканье автомобиля Колина. Я оставила чемодан стоять и тут же развернулась. Да, я хотела уйти отсюда. Мистер Икс побежал к Колину, и я должна последовать за ним. Недолго думая или вообще не объясняя мой побег, я промчалась мимо мамы, Пауля, господина Шютц и Тильмана, через сад и в сторону улицы.

Колин остановил машину при работающем двигателе на просёлочной дороге — как в прошедшее лето, несколько метров выше нашего дома. Пассажирская дверь была открыта. Пружинящим прыжком Мистер Икс запрыгнул в неё.

— Возьми меня с собой, — выдохнула я, после того, как догнала кота и села на пассажирское сиденье, рядом с Колином. — Я не останусь там, даже на секунду.

Я обернула пальто вокруг живота, чтобы он не смог увидеть, какой я была худой. Его испытывающего взгляда, который я чётко чувствовала на моём лице, я избегала. Я только хотела выбраться отсюда. Но почему и в его машине я тоже больше не чувствовала себя уютно? Эта машина нравилась мне даже тогда, когда Колин обращался со мной ещё как с надоедливым насекомым. Теперь она казалась мне слишком тесной и душной.

— Возвращайся к своей семье, Эли. Я не возьму тебя с собой. Я не знаю, что меня ожидает в моём доме. В этот раз у тебя нет ни малейшего шанса уговорить меня, так что даже не пытайся. — Это прозвучало почти сурово и отталкивающе, как при нашем знакомстве. Но это было в тысячу раз больнее, чем тогда.

— Знаешь что? Да пошли вы все куда подальше. Ты, мой брат, моя мама, мой похотливый учитель биологии, Францёз. Тильман действительно единственный, кому я ещё могу доверять.

Колин, почти извиняясь, пожал плечами.

— Мне было ясно, что ты когда-нибудь это скажешь. Он действительно вполне прекрасно сформировался, не так ли? И он человек. В этом много преимуществ.

Иронический, но в тоже время чрезвычайно серьёзный тон в голосе Колина заставил меня внутренне вскипеть — холодный, душащий гнев.

— Может быть. Но так просто ты не отделаешься. Я уже один раз тебе говорила, чтобы ты не считал меня дурой. Тесса сделала его таким. Почему? Чтобы он стал красивее для неё или для меня? Может быть, и то, и другое. Очень практично. Ей бы подошло это, если он отвлечёт меня от тебя!

— Хорошо распознала. Но это не меняет того факта, что он был бы лучшим вариантом для тебя, — сказал Колин, лицо как каменная маска. — Теперь я еду к моему дому. Пожалуйста, выйди.

— Я знаю, кому принадлежат мои чувства, Колин. — Но мой голос дрожал, и я

чувствовала себя как бумажный кораблик во время шторма, когда говорила свои слова. Безнадёжно потерянной.

— Ты ошибешься, Эли, — ответил Колин тихо. — Как раз этого ты больше не знаешь. — Потом он вытолкнул меня мягко, но неумолимо из машины, посадил Мистера Икс к себе на колени, закрыл дверь и умчался.

Я прижала холодные пальцы к вискам, чтобы восстановить своё самообладание. Что только он имел в виду? Я не была влюблена в Тильмана. Да, я заметила, что он превратился на удивление во взрослого и красивого парня. Его привлекательность не ускользнула от меня. Раньше меня, возможно, даже влекло бы к нему. Но всё, что имело какое-нибудь отношение к влюблённости или увлечению или тех вещей, которые делали при этом, были так бесконечно далеки от меня. Разве Колин этого не видел? Или он как раз это и видел и вовсе не имел в виду Тильмана? А самого себя?

Когда я вернулась назад к дому, господин Шютц поджидал меня во дворе.

— Могу я поговорить с тобой, Елизавета? — Он хотел схватить меня за локоть, но я так сильно отпрянула, что его рука застыла в воздухе. Я указала вперёд и отвела его в гостиную. Мама, Пауль и Тильман сидели в зимнем саду, где Пауль рассказывал маме о своих выставках. Она оживлённо слушала его, не спрашивая об учёбе в университете и не упоминая папу — она подыгрывала. По крайней мере, что-то.

— Я хочу спокойно поговорить с тобой. Наедине. Без аудитории, — попросил меня господин Шютц приглушённым голосом. Значит, оставались только или моя комната, или рабочий кабинет моего отца. Ни в одной из них я не хотела сейчас находиться с господином Шютц. Поэтому из-за необходимости я отвела его на нашу холодную веранду.

— Тогда давайте выкладывайте. Мне любопытно. — Я скрестила руки на груди и посмотрела на него вопросительно. — Мне что, теперь взять и освободить для вас папины полочки в шкафу?

Господни Шютц глубоко вздохнул.

— Елизавета, твоя мама, конечно, очень привлекательная женщина. Но это не та причина, по которой я здесь. Что Мия и я...

— Мия. Значит, вы уже обращаетесь к ней на «ты». Не рассказывайте мне всякого дерьма! Да, это вовсе не так, то что вы не из-за неё здесь!

— А ты залезаешь ко всем в постель, к кому ты обращаешься на «ты», Елизавета? — Его откровенность застала меня врасплох, и я растерянно замолчала. — Хорошо, ты этого не делаешь, — продолжил господин Шютц. — Я на это надеялся. Здесь в деревне начинают быстрее обращаться друг к другу на «ты», чем в городе, это всё. Твои мысли совершенно не обоснованны. Что связывает твою мать и меня — это беспокойство о наших детях. Твой брат позвонил и сказал, что привезёт тебя и Тильмана домой. Я сразу же пришёл сюда, чтобы перехватить его, прежде чем он натворит ещё больше глупостей.

— Но это был не первый раз, когда вы были здесь, не так ли?

— Нет. Нет, не первый, это верно. Я знал, что Тильман и ты друзья, во всяком случае, вы что-то пережили вместе. Поэтому я посетил твою мать, после того, как он пропал. И она это подтвердила. Но, как и я, она точно не знает, что вы пережили. Или она не хочет рассказывать мне об этом.

— Она не хочет, — ответила я и насладилась удовлетворением, которое при этих словах накрыло меня. — И я тоже этого не сделаю.

— Елизавета... — Господин Шютц смочил кончиком языка свои потрескавшиеся губы.

Из-за его недоумения мне вдруг стало его жаль. — Я уважаю это, хотя не понимаю.

— Вы не поймёте, даже если я вам всё расскажу, — прервала я его, но мой тон стал более миролюбивым.

— Хорошо. Просто моя бывшая жена больше не справляется с ним. Она говорит, что он принимает наркотики, и я очень за него волнуюсь. Я подумал, может быть, ты знаешь, что его так занимает. Я предполагаю, что у него какие-то проблемы.

— Я не верю в то, что он принимает наркотики, — ответила я и в тоже момент засомневалась. Я не особо хорошо знала Тильмана. Может быть, я и заблуждалась. Тем не менее, я почуяла во всём этом неприятном деле шанс. — Но... он очень хорошо помог Паулю с одной из его выставок и сделал несколько рекламных снимков для него.

Господин Шютц поднял от удивления голову, а его глаза коротко загорелись.

— Да, он и раньше любил фотографировать и снимать фильмы, когда мы предпринимали наши экскурсии. Это он умеет хорошо. — Его улыбка усилилась.

Хорошо, Елизавета, ты на правильном пути. Продолжай, приказала я себе.

— Возможно в настоящее время школа это... не то, что ему нужно, — продолжила я и попыталась звучать как взрослая и мудрая. — Во всяком случае, я вернусь в Гамбург после устного экзамена, я хочу осмотреться там в университете и... я могла бы взять его с собой, если вы позволите. Тогда я ничего не буду иметь против, если вы попытаете удачу с моей мамой.

Теперь господин Шютц засмеялся от удивления.

— О, Елизавета, твоя мать... — Он покачал головой и провёл рукой по своим редким волосам. Я знала, что он хотел сказать. Она была совсем в другой лиге. Так как Гриша, в моём случае. Недостигаемой. Но господин Шютц не догадывался, что её пропавший муж был полукровкой, и что только благодаря этому факту она была лишена ночью своего сна, год за годом, день за днём. Может быть, она так быстро пережила горе, что теперь жаждала начать отношения с разведённым педагогом с лысиной, которого не окружало ничего мистического.

— Твоё подозрение совершенно абсурдно. Тем не менее, это не было бы самым худшим, — сказал Тильман позже, когда я, после чаепития с Паулем, мамой и его отцом, прошедшего с напускной лёгкостью, рассказывала ему в моей комнате о моих опасениях по поводу моей матери и его отца, хотя я между тем уже знала, что всё только вообразила себе. — Тогда мы были бы братом и сестрой.

— У меня уже есть брат, — проворчала я. — Мне его хватает.

— Эй, расслабься. Я знаю, что ты имеешь в виду. Это отстой. Я всегда сердился, когда мама заводила себе нового. Но я не верю в то, что твоя мама хочет что-то с ним начать.

На самом деле я тоже в это не верила. Тем не менее, мне не нравилась мысль о том, что мой учитель биологии разговаривал с моей мамой обо мне и Тильмане. Снаружи раздался сигнал. Это был господин Шютц, который хотел отвезти Тильмана снова в Риддорф.

— Мне пора, Эли. — Тильман встал.

— Подожди ещё минутку. — Я тоже встала и вытащила ключ из кармана своих джинсов. — Завтра я открою сейф моего отца. Может быть, я выясню при этом больше о папиных махинациях. Насчёт Маров. — Завтра, потому что сегодня я не смогу вынести больше никаких новостей. Маров было с меня достаточно.

Но интерес Тильмана был задет. Так что я могла ещё кое-что добавить:

— И моего брата атакуют. Я абсолютно уверена, что его атакуют.

— Вот дерьмо, — ответил Тильман небрежно, но очень подходяще.

— Прежде чем мы подумаем о Тессе, я хочу освободить его. А ты мог бы мне помочь в этом. Согласен?

— Блин, Эли, моя мама уже сейчас сходит с ума, а мой отец... — Он показал на улицу, и в тот же момент снова раздался сигнал.

— Позволь мне это устроить. Я уже кое о чём позаботилась. Мы с Паулем поедem назад в Гамбург, как только я сдам экзамены.

— Ладно. Очень хорошо. — Тильман довольно ухмыльнулся. — Эй, Эли, — сказал он, когда открыл дверь, и ещё раз повернулся в мою сторону. — Тебе правда нужно побольше есть. Мясо и всё такое. Ты действительно выглядишь довольно дерьмово.

— Спасибо.

Он без слов развернулся и быстро сбежал по лестнице. Я упала задом на кровать и стала ждать, пока не стало темно и я не могла сама себя больше видеть. Стала ждать, пока моя кожа перестала гореть и покалывать. Стала ждать, пока холодные слова Колина не затмила моя усталость. Потом, наконец, моё тело позволило себе отдохнуть.

Глава 22.

Разговор матери и дочери

— Ладно. Теперь я его открою. — Я пошарила в кармане своей вязаной кофты и вытащила ключ, в то время как мама нервно ломала пальцы. Много времени у нас не было, так как Пауль как раз вышел на ознакомительную прогулку через деревню, и Бог знает, долго эта прогулка не продлится.

Мама и я отбуксировали сейф, объединив силы, из подвала в папин кабинет, потому что у нас обеих было такое чувство, что это будет неподобающе, открыть его там внизу в пыльной полутьме сундука бабушки. Потому что там он нашёл снова свой исконный дом, после того, как папа, во время своего и маминого отпуска в Италии, спрятал его от моих любопытных глаз, в гараже, как призналась мне мама. Что касается оригинальности, мы с папой находились примерно на одной, хотя и очень низкой ступеньки.

Я засунула ключ в замок, повернула его, открыла дверь и...

— Ого, — пробормотала мама сухо. В молчаливом согласии мы схватили свёртки и вытащили их. Я не знаю, существовал ли хоть один человек, кто, увидев такое количество денег перед собой, был бы так сильно разочарован. Рассеянно я пролистала одну из упаковок. Да, это было много денег, я оценила их примерно, по меньшей мере, в пятьдесят тысяч евро, наличными и мелкими купюрами.

Также в сейфе была визитная карточка, сложенный листок бумаги и карта Европы, на которой были отмечены некоторые места. Самый свежий, толстый крестик отмечал южную Италию. Это были места, где папа подозревал, что там находятся Мары. Может быть, он даже знал, что они там живут.

Дрожащими руками я развернула листок бумаги и начала громко читать, чтобы мама не слишком приближалась ко мне, или даже склонилась над моим плечом.

"Дорогая Элиза, я тебе очень благодарен, что ты вернула Пауля назад. Я надеюсь, что ему нравится его кухня и без стены. Я находил её открытой — так сказать, в американском стиле, лучше." Мама вопросительно посмотрела на меня, но я уже читала дальше. "После того, как ты выполнила эти два задания, настало время для третьего: я хочу, чтобы ты стала

моим приемником."

Мама, шипя, втянула в себе воздух, но так как она меня не перебила, чего я действительно ожидала, я продолжила читать. "Найди журналистку, но только лично. Она рассказывала очень сведуще о конгрессе на тему снов. Я уверен, что она сможет помочь тебе в твоих замыслах. Я думаю, что она заслуживает доверия. Возможно, её можно посвятить в детали. Деньги для тебя (не беспокойся, у твоей матери достаточно). Расходуй их с умом. Я люблю тебя, твой отец Лео."

— Почему я вообще вышла за этого мужчину замуж? — спросила мама, вздыхая.

— Почему? — Удивлённо, я повернулась к ней. Она не бушевала и не кричала? Хотя папино третье задание превзошло первые два? Вместо этого она вздохнула ещё раз, чтобы повторить свои собственные слова, как докучливое эхо:

— Почему я вышла замуж за этого человека...

— Я предполагаю, это была любовь, — ответила я честно, использовала неожиданное спокойствие и быстро схватила визитную карточку. "Джианна Виспучи. Свободная журналистка и копирайтер. Улица Келлингхузен, 19, Гамбург." От номера телефона она отказалась, что я, учитывая её профессию, посчитала не очень полезным, но, по крайней мере, был указан адрес электронной почты. И она жила в Гамбурге.

Ещё одна причина вернуться. Тем не менее, письмо от папы довело моё чувство перенапряжения до нового апогея. И почему мама абсолютно ничего не сказала по этому поводу? Задумавшись, она смотрела на пачку денег.

— Постепенно всё это выходит за рамки моих возможностей, — произнесла со стоном я и опустилась на кожаный диван.

— Что? Что выходит за рамки твоих возможностей?

Мама подозрительно наклонилась вперёд, чтобы посмотреть мне в глаза, что-то, в чём я отказывала ей с момента прибытия. А теперь я чуть сама себя не выдала. Так как она не знала ни о сексуальной перемене Пауля, ни о том, что он, по моему мнению, был атакован. Я утаила это от неё по нескольким причинам. Я не хотела испортить её радость при встрече, но прежде всего я не хотела выдать лучший аргумент заставить меня остаться здесь с ней, в безопасности. Но у меня также были сомнения предать Пауля. Он сам упоминал Францёза только вскользь, как коллегу, всё же остальное умалчивал. Кроме того, если я что-то упомяну об атаке, это только заставит маму заговорить с Паулем о Марах, и тогда он мог бы дочь и мать сдать в психушку вместе. Нет, я хотела, чтобы он считал маму нормальной. Хватало того, что я несла печать сумасшедшей. В противном случае, мы ещё уничтожим друг друга.

— Эли, ответь мне. Что выходит за рамки твоих возможностей?

— Ах, устный экзамен... я почти не готовилась и...

Мама с облегчением вздохнула.

— Если только это... Даже если ты получишь четыре, то в общей сложности ты все равно будешь одной из лучших. Эли, в этом отношении я от тебя ничего не ожидаю, совсем ничего. Единственное, что я жду от тебя, — это то, что ты не последуешь папиным безумным требованиям. — Ага. Значит, все-таки, как я думала. Почему она сказала это так нерешительно? Я хотя и слышала искреннюю материнскую заботу, но её словам не хватало остроты.

— Я, э-э, нет. Нет, я хочу поступить в университет и... — Я подошла к окну, чтобы мама не видела моего лица. Я ненавидела, когда приходилось лгать. И я была уверена, что моё

выражение лица меня выдаст.

— Значит, всё-таки ты хочешь поступить в университет? — Голос мамы прозвучал далеко не доверчиво. Мне нельзя сейчас ни в коем случае поворачиваться к ней.

— Ну, что же, я ещё точно не знаю, но после экзамена я хочу поехать с Паулем назад в Гамбург и оглядеться в университете. Я хочу, чтобы Тильман сопровождал меня. Я уже спросила господина Шютц, возможно ли это. Паулю нужна помощь в галереи. — Паулю нужна помощь со сном. Нам нужно убить его Мара. Поэтому я должна снова оставить тебя одну и лгать тебе.

— Эли... сядь-ка ко мне. — Мама похлопала рядом с собой по дивану. — Расскажи мне немного о Пауле. Как его квартира? Ты чувствуешь себя там комфортно?

— Она очень красивая. Со вкусом. — Прежде всего, игровая комната Пауля и крысы, которые карабкаются ночью по стенам дома. Но я была рада, что мы больше не говорили о папином задании. Может быть, мама не приняла его всерьёз, или же она была убеждена, что я его всё равно не выполню.

В принципе, это была правда. Так что я взяла себя в руки, подошла к дивану и села.

— У Пауля есть друзья? Или, может быть, даже девушка? Его мобильный часто звонит.

— Я точно не знаю. Может быть. — Можно ли было Францёза назвать его девушкой? Ведь это был именно он, кто преследовал Пауля по телефону, когда бы ему ни взбрело это в голову. Друзей у Пауля не было. Точно, у него вообще не было друзей. Там были только Францёз и истеричная собака... и клиенты.

— Он слишком занят, — сказала я уклончиво, хотя это была следующая ложь. Работа Пауля была мечтой. Долго спишь, смастерил рамочку, забил пару гвоздей в стенку, повесил картины, пожал руки, хорошо поел.

— Пауль сказал мне, что ты была сильно больна. — Это простое предложение было полно тайного подтекста. Оно, по меньшей мере, имело двадцать тысяч скрытых сообщений, а я ни одно не хотела слышать.

— Теперь и ты завела ту же шарманку? Я не сумасшедшая!

— Я это знаю! — успокоила меня мама и хотела взять меня за руку. Я быстро засунула её в карман кофты. — Но ты изменилась. А Пауль рассказывал, что ты встречалась с Колином.

— Ах, а Пауль совсем не изменился, да? Ты на него хоть взглянула? — попыталась я отвлечь её.

Мама даже не приняла это во внимание.

— Пауля я не видела в течение многих лет. Тебя же, в последний раз, я видела три недели назад. Итак, ты встретила с Колином...

— Я не хочу говорить об этом, — сказала я резко.

— Он что-то сделал с тобой?

— Нет, не сделал! — воскликнула я так бурно, что это удивило меня саму. — Если что-то и было, то это я сама сделала. И как я уже сказала: я не хочу говорить об этом.

— Ты бы доверилась папе, если бы он был здесь? — Хотя холодное оцепенение снова усилилось, от меня не ускользнул подсознательный страх в мамином голосе. Она боялась, что её будет недостаточно. На самом же деле, всё было наоборот. Её было слишком много. Одного её присутствия было уже слишком много.

— Нет, — ответила я устало. — С папой я тоже не стала бы говорить об этом. — Внезапный пронзительный звонок телефона был для меня как избавление. Я тут же взяла

трубку. На линии был господин Шютц. Но он хотел поговорить не с мамой, а со мной.

— У меня был длинный разговор с моей бывшей женой. — То, как он подчеркнул бывшая жена, показало мне, что этот разговор был не очень ободряющим. — Тильман и я смогли настоять на своём. До летних каникул у него есть время проявить себя у твоего брата в галереи и поразмышлять над тем, что он хочет делать со своей жизнью. Потом посмотрим, что будет дальше.

— Спасибо, большое спасибо, — заикалась я, чтобы потом ту же исправить себя. — Я имею в виду, конечно, что Тильман будет вам точно очень благодарен, а мы будем рады позаботиться о нём.

— У него непростой характер, Елизавета, — сказал господин Шютц, предупреждая. Не этим он не сказал мне ничего нового.

— Я знаю, — ответила я спокойно. — Если он не будет вести себя достойно, я отправлю его назад. Для меня, кстати, было бы не плохо, если бы вы смогли снова забрать животных к себе. Саламандру альбиноса и других. — Я хотела избавиться от них, всех вместе взятых. Я испытывала к ним гадливость, как и раньше, а пользы они мне всё равно не приносили. Господин Шютц тяжело вздохнул. Было ли это согласием?

— Как хочешь. Вы можете забрать Тильмана, когда будете готовы ехать. До тех пор он под домашним арестом. Удачи с твоим экзаменом. Ах да, тебе, может быть, было бы лучше знать, что собой представляют Англо-бурские войны.

Ага. Англо-бурские войны. Но следующие полчаса я сначала вела небольшое сражение и пыталась убедить Пауля в моём замысле. После того, как я это с грохотом провалила, мне пришлось снова прибегнуть к лжи. А эта ложь была моим лучшим аргументом: моя предполагаемая терапия у доктора Занд. Обойдя деревню, Пауль быстро понял, что здесь был пустырь и, скорее всего, медицинский персонал тоже встретишь нечасто.

Устроить меня в папину старую клинику даже в его глазах было неподлежащим обсуждению. То, что я хотела взять Тильмана с собой, вызвало у него ещё раз некоторый протест, и я должна была согласиться взять его в "свою комнату", как с недавнего времени назывался дворец собранных мерзостей Пауля. Но после того как я объяснила, что Тильман будет помогать ему с картинами, Пауль неохотно согласился, хотя я спрашивала себя, что вообще Паулю останется делать, если Тильман будет оказывать ему помощь.

У Пауля было только одно условие:

— Главное, этот жуткий парень не будет у нас появляться. — Нет, он точно не будет. Жуткий парень — здесь имелся в виду, несомненно, Колин — больше не показывался после нашего спора на просёлочной дороге. Я спрашивала себя, чем я заслужила снова быть отвергнутой — скрывался ли за этим всё ещё страх, что мы можем этим навести Тессу на его след? Я надеялась, что это и была причина, но что-то во мне знало с подавляющей безошибочностью, что моя надежда останется напрасной.

Я заставила себя на ужин — картофельная запеканка с ветчиной, любимая еда Пауля — проглотить две порции, хотя ничего на вкус не ощущала, поучила немного об Англо-бурских войнах и потом сделала кое-что, что уже не решалась делать в течение нескольких недель. Нет, в течение нескольких месяцев. Может быть, это привлечёт его, установит между нами связь. Может быть.

Я устроилась на кровати, засунула наушники в уши и хотела доверить себя своим мечтам. Но задолго до того, как прозвучал последний звук, меня охватила тревожная уверенность, что я разучилась мечтать. Образы оставались где-то далеко и были

бесцветными. Я их не чувствовала, и они не вызвали во мне никаких эмоций.

Неподвижно я лежала на простыне, пока не настала ночь и не забрала моё сознание.

Глава 23.

Встреча в ночи

Лето. Да, это было снова лето... Я почувствовала его прежде, чем открыла глаза. И я услышала его. Все эти тихие звук снаружи звучали яснее, лучше, теплее. Пропитанные солнцем. И всё-таки я различила в них тёмную, тяжёлую меланхолию. Дрозд перед моим окном пел с тоской и пронзительно, а шум в деревьях был смешан с тем хрупким, сухим треском, который предвещает смерть первых падающих листьев. В запахе ветра чувствовалась сладкая пряность начинающегося гниения.

Что же случилось? Как я могла быть такой слепой? Я пропустила лето. Оно уже увядало, возможно, ещё будут один или два последних жарких дня, но ночи уже начнут рассказывать об осени. А лета я не видела. Не наслаждалась им. Я даже ни разу не почувствовала солнца на своей коже. Оно прошло мимо, и я не могла вернуть его.

Я подошла к окну и посмотрела на улицу, чтобы увидеть то, что подозревала: листья изменили цвет на своих концах, тонкие коричневые следы, трава была сухой и опалённой, а пение дрозда звучало всё более отчаянно.

Я не смогу вынести ещё одну зиму. Не сейчас. У меня не было сил для второй зимы. Я впитала слишком мало тепла — этого не должно было быть!

— Нет, — сказала я и начала кричать, и пока я кричала, деревья сбросили свои листья, а небо потемнело. Поздно... было слишком поздно... Я проснулась и первое, что заметила, что действительно кричу. Мои голосовые связки измученно хрипели, но потребовалось несколько секунд, пока я смогла приказать им замолчать. Меня никто не услышал. Такой крик другие не слышали. Он был предназначен только для меня.

— Сейчас март, — прошептала я. — Середина марта, Эли. Лето ещё только наступит. Ты ничего не пропустила. — Теперь и мой внутренний крик умолк. Я смогу всё это пережить, первые бутоны, мягкую траву под моими босыми ногами, пение сверчков. Постепенно. Мне нужно только немного терпения и бодрствовать.

На мне всё ещё были надеты мои джинсы и вязаная кофта, но я дополнительно к этому подняла ещё серую флисовую куртку с капюшоном с пола, которую купила осенью во внезапном приступе ностальгии по Колину. Она мне понадобится, так как ночь была очень холодной. Я открыла окно и взглянула на дорогу. Моё дыхание остановилось, когда я различила длинную, худую фигуру, которая облокотилась на стену заброшенного дома напротив.

Моё тело в одну долю секунды отреагировало чистым страхом. Страхом перед этой фигурой внизу, чьи глаза я не могла видеть, а только чувствовать. Мой желудок судорожно сжался, а кровь бросилась мне в руки и ноги. Я была готова бежать.

Я скользнула в мои ботинки и спустилась в темноте по лестнице, прокралась через зимний сад на улицу и на пустынную дорогу. Да, на ней не было ни одного человека. Так как эта фигура не была человеком.

Молча, мы прошли вдоль просёлочной дороги в гору, мимо дуба, чьи голые ветки блестели от воды. Наверху, на возвышенности, Колин открыл ворота пастбища, где с осени проводили свою старость три старых пони, и направились к открытой деревянной повозке, чей кузов использовался как хранилище для сена. Пони, фыркая, отступили, но тихое

бархатистое жужжание из горла Колина забрало их страх.

Я позволила ему вести себя, не задумываясь. Любая мысль была бы потрачена впустую — она всё равно не смогла бы меня спасти. Мой самый злейший враг подстерегал меня в моём сердце.

Я села с другой стороны повозки. Достаточно близко, чтобы поговорить с Колином, не повышая при этом голоса, но достаточно далеко, чтобы нечаянно не коснуться его, когда буду двигаться.

— Значит, мы не в опасности? — прервала я наше молчание.

— Тесса может быть и глупая, но у неё очень хороший инстинкт в отношении любви. Нет, мы не в опасности.

Я знала, что он хотел сказать мне этим. Каждое дополнительное слово об этом было бы уже слишком много. Я облокотилась на сено у меня за спиной и посмотрела в звёздное небо. Его красота не тронула меня. Проходили минуты, в которые никто из нас ничего не говорил. Как и я, Колин смотрел вверх на луну, которая казалась мне не любимым далёким спутником, а всего лишь тусклым осколком, который кто-то приклеил на чёрную твердь. И внезапно я вспомнила, о чём могла с ним поговорить.

— Эта ночь, когда я так чётко видела тебя во сне, ночь, перед нашей встречей... ты... ты спрашивал меня, чувствовала ли я тебя.

Действительно ли я пережила этот сон? И он мне понравился? Да, так и было. Колин не отрывал своего взгляда от луны, но его внимание было направлено на меня. Это побудило меня продолжить говорить.

— Я чувствовала тебя. Я имею в виду — я понимаю, что это был сон, но что мне снится, это ведь часть меня, не так ли?

Я подтянула ноги к себе и положила свою щёку на колени. Эта ночь была холодной, такой ужасно холодной. Но холод работал на меня. Он подходил мне.

— Значит, я не могла себя обмануть. Мои чувства были настоящими, и я была уверена, что хотела чувствовать тебя, не было даже секунды, которую я не хотела бы этого или сомневалась бы в этом или даже боялась...

А теперь я издалека видела саму себя: одну, сидящую на поле, тонкая, опустошённая тень. Да, кто-то был рядом со мной, но я не чувствовала его, так же как и саму себя. Во время сна мы были едины, хотя бесчисленное количество километров разделяло нас.

— Я знаю, — тихо успокоил меня Колин. — Я это знаю, Эли. А также я знаю, что теперь все не так. Близость, которая у нас была на Тришине, вечером, после твоего сна... — Я вздрогнула, когда он упомянул Тришину, и он на мгновение замолчал, как будто хотел дать мне время, чтобы я взяла себя в руки.

— Эта близость и моё хищение — это случилось почти в одно и то же время. Твоя душа переплела их вместе. Ты вообще осознаёшь, что после этого с твоим телом происходит только насилие? И ты ничего другого не допускаешь?

Горечь в его голосе парализовала меня. Мне пришлось ждать, пока мороз не заставил меня дрожать, и я снова могла говорить. Теперь я начала чувствовать холод этой ночи.

— Это не только с тобой так, Колин. Это относится ко всем. К Паулю, маме, Тильману, господину Шютц. Любое рукопожатие для меня как покушение! Моя кожа начинает гореть и покалывать, и внутри при этом у меня поднимается такое чувство ярости! Как только люди могут сметь касаться меня!

Мой голос становился всё громче. Одна из пони нервно заржала, и тут же другая

ответила ей успокаивающим фырканьем.

Дрожа, я подняла свой подбородок, чтобы посмотреть на Колина. Он медленно повернул свою голову ко мне. Он по-прежнему выглядел отдохнувшим и сытым, но в левом уголке его рта образовалась знакомая небольшая складка. Раньше я подняла бы свою руку, чтобы разгладить её.

— Колин, что-то внутри меня забыло, что я люблю тебя.

Он молчал. Лошади стояли вместе, как каменные статуи, и не шевелились. Колин опустил веки. Что он чувствовал? Чувствовал ли он вообще что-нибудь? Если он теперь тоже ничего не чувствовал, как я, что мы тогда ещё здесь делали? Почему он ничего не предпринимал, чтобы приблизиться ко мне? Он ведь не пережил ничего ужасного.

— Я не знаю, как мне вспомнить, а ты делаешь всё только сложнее, так как отталкиваешь меня от себя! — воскликнула я обвинительно.

— Помнишь ли ты то, что я рассказал тебе о моей кровной матери? Что я отказался от её молока?

Я обеспокоенно кивнула. Как я могла это забыть?

— Она заставляла себя кормить меня грудью, несмотря на свой страх, но я отверг это. Потому что чувствовал, что она этого не хотела. Я не могу и не хочу тебя принуждать, Эли, потому что я точно знаю, что ты не можешь выносить прикосновение.

— Но... — Мой голос прозвучал почти панически, и я с трудом сглотнула, чтобы не всхлипнуть. Любой другой парень уже давно попытался бы притянуть меня к себе и восстановить то, что было раньше. Колин же, казалось, принял внезапный разрыв между нами без борьбы и протестов. Он оставил меня быть такой, как я была, разбитой и окружившей себя бронёй. Это было самое худшее, что он мог мне сделать. — Если ты ничего не сделаешь, это будет длиться вечно, останется навсегда! Всё становится хуже, день ото дня!

— Я сижу здесь, рядом с тобой, Лесси. Если ты хочешь что-то предпринять против этого, сделай же это, во имя Бога.

— Пожалуйста, помоги мне. Пожалуйста. — У меня просто не было сил пошевелиться, потому что моё тело запрещало мне делать это. — Это моё решение. Помоги мне.

Кошачьим движением Колин скользнул мне за спину, так что я могла облокотиться на него. Все мышцы моей верхней части тела напряглись, когда я это сделала, и ярость взревела во мне, но я стиснула зубы и оставалась неподвижной. Через некоторое время Колин осмелился обхватить меня рукой вокруг живота, совсем свободно, так свободно, чтобы невозможно было чувствовать его через наши куртки, и всё-таки я вздрогнула, как будто он ударил меня.

Я позволила щеке опуститься на его шею и слушала рокот в его венах, пока не стала дышать немного спокойнее, и напряжение не начало уходить из моих плеч. Да, стало лучше, и ярость тоже уменьшилась, но это ничего общего не имело с жаром, вспыхнувшим между нами, который я чувствовала на Тришине, когда мы целовались. Сожаления о том, что такая прекрасная ночь должна была кончиться так ужасно, привело к тому, что я заплакала. По крайней мере, я могла об этом горевать, если уж не чувствовала никакой скорби за нас. Ещё пока нет.

Нет, мне действительно не нужно было беспокоиться о Тессе. Она была далеко-далеко. Колин держал меня рядом с собой, но он делал это как друг, безопасно и спокойно. И всё же я предпочитала сидеть с ним в дружбе, чем с любым другим в любви. Кем были вообще

другие? Бледные, прозрачные тени.

— Как это вообще было — твой первый раз? — спросил Колин, как будто точно знал, о чём я думала. Я вздохнула так драматично, что он рассмеялся, небольшое, полное жизни сотрясение за моей спиной. Что же, мы были друзьями. Какое это имело теперь значение, рассказать ему об этом печальном инциденте? И я была благодарна поговорить о чём-то другом, а не о нас.

— Мне было стыдно.

— Стыдно? — спросил Колин с некоторым удивлением, и его прохладное дыхание коснулось моей шеи. — Я уверен, что ты так же разумно и хорошо подготовлено отнеслась к этому, как к каждой из твоих контрольных работ.

Ха-ха. Да, так и было. Но это никак не помогло.

— И всё же мне было стыдно. Сначала за себя, потом за него, потому что он даже не заметил, что я чувствовала себя при этом не особо хорошо и... — Я замолчала. Может быть, мы и были теперь хорошими друзьями, но легко этот разговор мне всё равно не давался. Тем не менее, я продолжила. — Он был так растроган этой вещью и самим собой, был в такой эйфории, говорил о том, как это было классно. Он просто не видел, что моя улыбка была не настоящей и что я в сущности ничего в это дело не внесла, кроме как раздеться догола и лечь на его кровать.

— Смотря по обстоятельствам, это может быть даже очень много, — заметил Колин, и я услышала по тону его голоса, что он улыбался.

— Хм, — сказала я и провела игриво по его пальцам. Я наслаждалась тем, что была в состоянии сделать это, даже если в этот момент это мало что для меня значило. Я это делала. По собственной воле. Это удерживало мой гнев в узде. Я могла смотреть на это, как на хороший фильм.

— А каким был твой первый раз? — спросила я и в тот же момент прикусила себе язык. Глупый вопрос, госпожа Штурм, очень, очень глупый вопрос.

— Не такой хороший, — ответил Колин сухо. — Меня изнасиловали.

— О, это хорошо! — вырвалось у меня с ясно слышимым облегчением. Ему было неприятно с Тессой. Большого мне не нужно было знать.

Колин снова рассмеялся.

— Я высоко ценю твоё глубокое сострадание, Эли.

— А потом? — продолжала я расспрашивать дальше. — С обыкновенными человеческими женщинами?

— Это не всегда было плохо. Но в большинстве случаев я в какой-то момент чувствовал, что они этого по-настоящему вовсе не хотели, пугались и всё же продолжали делать дальше, чтобы понравиться мне. Это лишало меня любых близких отношений. Я всегда сбегал от них ещё до завтрака.

Я захихикала. Не всегда плохо. Это прозвучало так, будто было много ночей. Но Колину было почти сто шестьдесят лет. Мне нужно быть к нему снисходительной. Он взял меня за бёдра, столкнул с повозки и повернул к себе, так что я стояла перед ним на лугу и должна была смотреть на него.

— Если ты хочешь преодолеть это, Эли, тебе нужно ещё раз поехать на Тришин. Это должно быть твоё собственное решение. Полностью добровольное, — сказал он серьёзно. Его юмор полностью исчез.

— Но я так сильно боюсь! — прошептала я. Боюсь, что трупы вернуться. Что я коснусь

его и почувствую только голые, мёртвые тела. Его лицо размылось из-за моих слёз.

— Я знаю, моя дорогая.

Я хотела поправить непослушную прядь волос, которая упала ему на лоб, но мои мышцы отказались сделать это. Для этого было ещё слишком рано.

— Однажды ты сказала мне что-то очень красивое, хотя посчитала это безвкусицей: кого-то любить, означает отпустить его. Ты помнишь?

Я кивнула.

— На самом деле, у этого изречения есть ещё второе предложение. "Тот, кто любит, всегда возвращается." А теперь я отпускаю тебя, Эли.

Часть Третья — Обжорство

Глава 24.

Новости от К.

"Моя храбрая королева замороженных сердец! Когда Ты будешь читать эти строчки, я уже буду на обратном пути к моему острову, чтобы заняться птицами. (Ха! Благодаря моему возрасту, я уже очень, очень давно знал это изречение, но в Твоих устах он звучит по-другому, у него появляется какая-то изюминка, хотя по отношению к настроению он действительно настоящий уничтожитель. По крайней мере, для людей. Меня ничто не может так быстро уничтожить, когда Ты, полуголая и в одной из моих оборванных рубашек, сидишь у меня на коленях.)

Я знаю о Твоей душевной пустыне, я знаю её боль, и мне так сильно хочется тысячу раз извиниться перед Тобой. Но какую это принесёт пользу? И, прежде всего: я не могу сказать наверняка, что случилось бы, если бы мы не предприняли это хищение. Я боюсь, всё закончилось бы ещё намного хуже.

Независимо от того, что произойдёт в будущем, я больше никогда этого не сделаю. Как только я смогу, как только наберу достаточно энергии, чтобы пережить это без того, чтобы в следующий момент высосать Тебя, я отдам Тебе твоё воспоминание назад. Оно сильное и важное. Оно несколько дней обогрело меня изнутри. Тем не менее, я слишком долго голодал, чтобы можно было обойтись без него. Я хотел быть рядом с Тобой, когда Ты была так больна, а это я мог осуществить только с Твоим воспоминанием. Замкнутый круг. Хотя у меня была возможность похитить мечты в зоопарке Хагенбек, но мечты животных зоопарка такие притуплённые и измученные. Если звери были там рождены, они даже не знают, о чём мечтать. Ах, Эли, почему Ты выбрала именно это воспоминание? Вам, людям, нужны ваши ранние воспоминания о защищённости. Они — Ваши инструменты для выживания и фундамент Вашего элементарного доверия. Для меня хватило бы и воспоминания о радости, о единице по математике — но я уже догадываюсь, Ты никогда им не радовалась, не так ли?

К сожалению, у нас не было возможности поговорить обо всех тех вещах, которые ожидают тебя теперь. Я должен наверстать это в письменной форме.

Теперь я даю Тебе рекомендацию: увези своего брата в какое-нибудь другое место и надейся на то, что Мар не последует за ним. Вероятность успеха большая, так как Гамбург, благодаря большим круизам и всем туристам в Санкт-Паули, питательное местечко для Маров, и, в конце концов, он не последовал за Вами в лес. Кажется, он ленив. Лучше всего: уезжайте в длительный отпуск на юг, но, пожалуйста, не в Италию. Балеарские острова тоже прекрасны. Потом найдите красивый городок, подальше от Гамбурга. Ты используешь свою умную голову и начнёшь учиться в университете. У социологов Ты в нехороших руках,

другое дело у биологов. А Твой брат присмотрит немного за тобой. Ладно? Нет. Я обманываю сам себя. Конечно же, это Тебя не устроит.

Значит, Ты хочешь охотиться за Марами. Ты ведь знаешь, что страдаешь острым юношеским высокомерием, правда? Если уж Ты не можешь оставить эту затею, спасти своего брата, а я боюсь, что он не менее упрям, чем Ты и в любом случае не уедет из Гамбурга, послушай меня хотя бы в этом случае: попытайся найти доказательство существования этого Мара, и покажи его Твоему брату. И потом берите ноги в руки и улепётывайте, так быстро, как только можете.

Но если Ты почувствуешь, что Твоя сила мечтать убывает, то Тебе нужно спасти свою шкуру. То, что в тот вечер, перед нашей встречей на пастбище, Ты не могла больше мечтать, было моей работой. Я подавил это, чтобы Ты не смогла сбежать от своей боли. Ты сможешь восстановить свой дар, как только снова попытаешься сделать это. Кстати, я не могу избавиться от этой картины в голове: ты бескомпромиссно раздеваешься догола и ложишься на кровать. И это заканчивается стыдом? Каким же растяпой, должно быть, он был!"

Тильман многозначительно закашлял, но мой строгий взгляд заставил его продолжить. Послушно он начал читать дальше.

"И ещё кое-что: Марамам не нравится, когда люди спят бок о бок или даже группой. Некоторые древние утверждают, что Мары появились, когда люди начали чувствовать себя в такой безопасности, что стали спать ночью в одиночку. Построили себе дома с отдельными комнатами. Спальня, сегодня для Вас абсурдный символ безопасности, подготовила для Маров путь. Это было как приглашение.

Когда ваши сны сливаются друг с другом, то кажется, из их силы образуется своего рода вал, и в то же время вы подсознательно воспринимаете звуки других спящих и не впадаете в тот, похожий на смерть, глубокий сон, который ожидают Мары и который они ночь за ночью поддерживают своей гипнотической силой, используют для атаки и, в конце концов, этим разрушают вас. Вполне возможно, что зевота поэтому и имеет такой заразительный эффект. Этот эффект гарантировал, что люди будут спать вместе. (Я никогда не смогу Тебя заразить им, так как не могу зевать. Но мне нравится, когда это делаешь Ты, и я могу видеть все Твои острые зубки.)

Всё то, что я только что описал Тебе, я только слышал; я не могу сказать с уверенностью, что это правда, но когда я ещё питался человеческими снами, я инстинктивно выбирал девушек и женщин, которые спали в одиночку. Так что в этом может быть смысл.

Я прошу Тебя об этом не охотно, потому что представление об этом мне совсем не нравится, но это просто может означать хороший щит: я знаю, что ты хочешь взять Тильмана с собой в Гамбург, и хочу, чтобы вы спали рядом друг с другом. Я надеюсь, Ты выдержишь это. Он кажется мне очень смышлённым и внимательным. Я думаю, от него ничего не ускользает. Ты, однако, измучена и утомлена. Так что ищи его близости и сделай так, чтобы его руки находились на одеяле, когда Ты будешь засыпать."

Тильман опустил письмо. Я была не в состоянии прочитать его сама, поэтому дала его ему и попросила сделать это вслух, чтобы во время прослушивания могла обдумать его. Я не смогла рассказать Тильману своими словами о хищении. Он сможет собрать воедино всё остальное, после того, как ознакомится с письмом полностью.

— Нет, правда. Уж почесать себе яйца ночью я ведь имею право.

Я, ухмыльнувшись, покачала головой.

— Имеешь.

— Кроме того...

— Да. Я знаю, что не нравлюсь тебе. Давай читай дальше.

Тильман сдвинулся на своей квадратной гостевой кровати к стене, чтобы облокотиться на неё и продолжил: "Не беспокойся о своей матери. Я знаю, что тебя мучает нечистая совесть. Но ваша семья Штурм сильная. Она будет благодарна тому, что Ты будешь находиться рядом с братом. Ты ничего не рассказала ей, не так ли? В противном случае, она никогда не позволит Тебе уехать. Но так она думает, что Ты в безопасности. Не предпринимай ничего в одиночку, слышишь? И попытайся не разочаровать её. Она Тебе доверяет.

Не забудь о том, что я Тебе сказал. Я не хочу заставлять Тебя делать что-то, и, тем более, я не ожидаю от Тебя ничего. Я не утверждаю, что Ты победишь свой страх, когда предстанешь пред ним. Но, по крайней мере, Ты можешь посмотреть ему в глаза.

С самой любящей дружбой, Колин."

Тильман отдал мне письмо назад, которое, на мой вкус, содержало слишком много инструкций и команд, и посмотрел на меня с любопытством.

— Так вы разошлись?

— Разошлись! С кем-то, как Колин, не расходишься — с ним такого не бывает, а со мной тем более. Кто вообще придумал это высказывание? Разойтись. — Я презрительно фыркнула. — Как будто это можно решить так мимоходом. О, сегодня я разойдусь. Что за мутная параша!

— Ладно, вы разошлись. Или это было твоей инициативой? Ну, не обязательно, чтобы это было навсегда. Правда я на твоём месте поторопился бы, чтобы снова помириться, потому что ты, в отличие от Колина, становишься старше, и самое позднее, когда тебе исполнится тридцать...

— Тильман, достаточно, — остановила я его радующие душу выводы. — Сначала я ввиду тебя в актуальное положение дел, прежде чем мы начнём обсуждать мою личную жизнь. — И я сделала это, хотя была уставшей из-за нашей обратной поездки в Гамбург и первую очередь от заключительных экзаменов в школе и хотела бы сначала отдохнуть. Но я кратко рассказала ему о немногих вещах, которые я знала о папином исчезновении, о моей встрече с доктором Занд и то, что папа вбил себе в голову эту возмутительную идею, что его дочь должна стать его преемницей. Идея, которую моя мать, удивительно быстро и почти не протестуя, заклемила как "безумие".

— Значит, ты новая Баффи — истребительница вампиров, или как? А я твой помощник? — Тильман дерзко посмотрел на меня.

— Да, конечно, так оно и есть. — Я даже не могла терпеть трейлер этой серии, без того чтобы не рвать на себе волосы. А женское имя хуже, чем Баффи, нужно было ещё придумать. — У меня нет никакого интереса, чтобы стать преемницей папы. Я хочу освободить Пауля.

— Но, Эли, подумай... — взгляд Тильмана стал настойчивым. — Если мы сможем как-нибудь найти Тессу и что-нибудь придумаем, как нам с ней... — Тильман сделал жест рукой, который показывал что-то между удушением и обезглавливанием. — Это именно та причина, по которой я приехал в Гамбург. Эта история ещё не закончена, по крайней мере, не для меня.

— Тесса не проблема. По крайней мере, на данный момент. Колин и я, мы не счастливы, и мы не любим друг друга.

— Я же говорю, разошлись. Тем не менее, насчет Тессы. Я не отступлю, Эли. Я хочу знать, что она со мной сделала, я хочу припереть её к стенке. Здесь речь идёт так же и обо мне! Вы втянули меня в это дело.

— Тильман... — Я тихо вздохнула. — Мы тебя не втягивали. Ты сам последовал за мной. Кроме того, ты уверен в том, что только из-за этого хочешь найти её? Не может ли это быть еще и тем, что она тебя манит? А ты это только неправильно толкуешь?

— Да, может быть, она меня манит, — признался Тильман спокойно. — Ну и что? Что в этом такого плохого? Тогда нам будет легче найти её.

— Было бы весьма хорошо, если бы ты мог немного подождать. Для меня жизнь моего брата немного важнее, чем твое личное желание мести.

— Перестань, Эли, не играй мне здесь мать Терезу, — взорвался Тильман. — Ты ведь точно так же с удовольствием распяла бы Тессу на кресте, не так ли?

— Боже, ты понятия не имеешь, о чём говоришь! Ты не видел её, там, в лесу! Она оторвётся от него через десять минут с песенкой на губах, как будто ничего не случилось. Тессу невозможно взять просто так и убить. Будет достаточно трудно прикончить Мара Пауля. А если он такой же древний, как Тесса, или ещё старше, то у нас нет абсолютно никакого шанса.

— С Паулем я вовсе не вижу большой проблемы, — сказал Тильман. — Может быть, ему стоит съехаться вместе с Францёзем. Колин ведь написал, что это удерживает Маров, когда спишь рядом с другим человеком. Храп Пауля может вывести любого из комы. Этого должно хватить, чтобы удерживать Францёза от глубокого сна и испортить аппетит Мара.

— Ни в коем случае! — воскликнула я бурно. — Пауль и Францёз не съедутся вместе, нет, я этого не допущу. — Мысль Тильмана может и не была такой уж неправильной. Уже лишь постоянное присутствие Францёза должно было бы хватить, чтобы прогнать любое демоническое существо. Но Пауль и Францёз в одной квартире, день и ночь вместе, как супружеская пара, навсегда? Никогда в жизни.

— Почему ты так сопротивляешься этому?

— Потому что... — Я стремительно выставила свой указательный палец вперёд, а уголки губ Тильмана, забавляясь, поднялись вверх. — Потому что я ему не доверяю... Это ничего не имеет общего с тем, что он гей, я не имею ничего против того, что Пауль гей, если он сам себя таким считает. Я не доверяю Францёзу. Я не могу объяснить, почему. Я это чувствую.

— Францёз тебя не выносит, Эли, — сказал Тильман трезво, как будто это была причина для моего недоверия, а всё, что я сказала, — ложь. Ну ладно, господин Шютц меня предупредил, а я его не послушала. Сама виновата. Теперь его сын сидел у меня в комнате и засыпал дурацкими вопросами. Я сделала глубокий вдох.

— Ты тоже прямо-таки не засыпаешь меня любовью и уважением, и всё же я взяла тебя с собой в Гамбург, не так ли? И я позволила прочитать тебе письмо Колина. Кроме того, Колин сказал, что он не уверен в том, что это сработает, если спишь рядом друг с другом. В конце концов, Мар продолжит высасывать Пауля, и к этому ещё Пауль будет навсегда привязан к невротическому владельцу галереи. Это сведёт его в могилу.

— И ты считаешь, что это невозможно, что он любит невротического владельца галереи? — Тильман поднял руку вверх, прежде чем я смогла запротестовать. — Нет, другой вопрос. Значит, ты думаешь, что Пауль стал геем, из-за того, что был атакован Маром?

— И да, и нет. Я думаю, из-за атаки он забыл, кто он такой и что из себя представляет.

Его чувства пропадают, он от всего отдалается. И поэтому сильно поддаётся влиянию. У меня нет сомнений, что Францёз хочет Пауля. Он хочет его действительно. Полностью. — Я запнулась, потому что поняла, что не могла заставить себя сказать слово "любит". Только "хочет". При этом Пауль был тем, кого можно было очень просто полюбить. Только был ли Францёз кем-то, кто мог искренне чувствовать? Кто знал, что такое любовь?

Тильман зевнул и залез под одеяло. И я тоже легла. Между нашими кроватями расстояние было примерно в вытянутую руку. Я надеялась, что, по мнению Колина, это было достаточно близко.

— Я не хочу больше говорить о Францёзе, — объявила я. — Они не съедутся вместе. Нам нужен другой план.

— Я обдумываю это сегодня ночью, хорошо? — с готовностью смирился Тильман с моим диктатом. — Скажи, Эли, что Колин собственно имел в виду под словом «растяпа»?

— Это тебя не касается.

Тильман молчал, но я знала, что он усмехался.

— Может, и к этому ты тоже хочешь высказать свою точку зрения, которую никак не можешь сдержать? — спросила я терпеливо, хотя потихоньку мои нервы начали уже сдавать из-за него.

— Я думаю, первому разу придают слишком много значения. Так же как и Дню святого Валентина.

Против воли я захихикала.

— Ага. Говорит эксперт.

— Для меня это тоже было не особо классно, но всё-таки это дверь в новый, удивительный мир. — Я закусила подушку, чтобы не расхохотаться, и, тем не менее, у меня застрял ком в горле. Моя дверь в этот ах-какой-чудесный мир недавно снова захлопнулась. И казалась настолько ужасно тяжёлой. Только армия смогла бы взорвать её.

— Это была итальянка, — сказал Тильман многозначительно, и мы в тот же момент замерли, чтобы потом, испугавшись, вскинуть головы и посмотреть друг на друга.

— Нет, не Тесса! — воскликнул Тильман быстро. — Нет. Это была студентка по обмену. Черт, я имею в виду не Тессу!

— Хорошо. — Мы снова упали обратно на подушки.

— Итак, с Колином, он и ты в постели... как это вообще с Маром, я имею в виду, в деталях, ты как-то сказала, что они не могут размножаться, и если я представляю себе это конкретно... То таким образом, наверное, и вовсе не выходит...

— Раздаётся бум, а потом в воздухе летает пару конфетти, — прервала я его раздражённо. — Ты что, выпил воды от безмолвия? Раньше ты прекрасно молчал. Теперь следует спать. Понятно?

— Расслабься, Эли. Всё останется в этих четырёх стенах. Между прочим, конфетти тоже придают много значения, — пошутил Тильман, а я раздражённо выключила свет. Когда я, наконец, заснула, Тильман всё ещё бодро лежал, глаза направлены на потолок, и я почувствовала, как его мысли сформировались в новое оружие.

Глава 25.

Бессонница

Это было точно так же, как наша поездка назад в Гамбург. Я сидела за рулём, Тильман рядом со мной, и как в гнетущем дежавю я резко повернула руль и погрохотала в лес, чтобы,

наконец, убедиться в том, что случилось с домом Колина. В первый раз я не решилась зайти в него. Во второй раз он мне этого не разрешил.

Но теперь время пришло. Я хотела это знать. Автомобиль тяжело грохотал по замороженной дороге, но паутина исчезла. Может, я себе её только вообразила? Опять я сомневалась в своём восприятии.

— Эй, Тильман, ты видел всех этих пауков, когда...? — Я посмотрела в сторону и сразу же нажала на тормоза. Тильман больше не сидел в машине. Сбитая с толку, я огляделась. Он был там, впереди, между деревьями. На четвереньках и преклонившись, как хищная кошка, он крался вдоль дороги по всем водным путям, которые Колин выкопал в замёрзшей земле, чтобы защитить свой дом от неё. Воспрепятствовать тому, чтобы она вошла, если ещё раз осмелится нанести ему визит. Он изменил направление целого ручья.

Тильман достиг края переднего рва и оглянулся в мою сторону. «Идём со мной», давали понять мне его взгляды. «Следуй за мной.»

Я вышла из машины. Ветер пах дымом, сладкий, пряный запах — не шалфей, не раскалённые камни... Это было что-то другое. Пружинистыми прыжками Тильман перепрыгнул через водные пути. Сладкий запах магически притягивал меня. Я решила сделать так же, как Тильман, и преодолела сразу два рва одним прыжком. Я была почти невесомой. Мне не нужно было вкладывать в прыжки никаких усилий.

Тильман исчез за домом. Я преследовала его, и запах стал интенсивнее. Чем ближе я к нему приближалась, тем более упругими и мягкими становились мои руки и ноги, но и мои мысли тоже становились мягкими... такими нестабильными.

Потом я увидела Колина. Он стоял спиной к нам, рядом с кучей дров, перед ним — огромный барбекю-гриль. Пять больших голов кабанов поджаривались на ней, завёрнутые в рыжие волосы Тессы, из чьих грязных прядей падали в пекло крошечные пауки и с шипением сгорали. Вонь обугленных волос вызвала рвотную спазму. Я больше не могла вдохнуть...

Задышавшись, я села и в тот же момент заметила вспышку пламени зажигалки.

— Что-то горит! — закричала я слабо, чтобы сразу же зайти в приступе удушливого кашля.

— Нет, не горит, — пронёсся глубокий голос Тильмана в темноте. Он прозвучал устало, а слова отделялись лишь неохотно от его языка. Нет. Никаких голов кабанов и никаких горящих волос ведьм. Я очень хорошо знала этот запах, и теперь, когда я проснулась, я сразу же смогла определить что это. Это был гашиш.

— Значит, всё-таки так, — сказала я разочарованно и включила свет. Тильман покоился на боку в своей кровати, перед ним — отлично свёрнутый косяк и пепельница. Он глубоко затаился, коротко закашлял и тщательно затушил начатую сигарету. Я всегда находила этот липкий аромат травки отвратительным, и это не изменилось.

Тильман не отреагировал. Он поставил пепельницу сзади себя на письменный стол и лёг назад на кровать. Я сердито наблюдала, как его веки отяжелели, и ему пришлось моргнуть, чтобы держать их открытыми.

— Ты вообще понимаешь, почему ты здесь? — рявкнула я. — Это твой шанс, за который твой отец боролся, а ты провалил его в третью ночь! Или ты уже и до этого покуривал тут, в то время как я спала?

Тильман не ответил. Значит, так и было. Поэтому окно утром всегда было открыто нараспашку. Чтобы глупая Эли ничего не заметила.

— Послушай, так не пойдёт. Твой отец спрашивал меня, принимаешь ли ты наркотики, и я ответила ему, что нет. А теперь? Я тебе доверяла, не принимая в расчёт того, что твой отец является моим учителем...

— Он был, Эли. Он был твоим учителем. Ты уже окончила гимназию, сдав экзамены на единицу. Порадуйся этому.

— Я не буду терпеть это, Тильман. Если ты и дальше будешь курить травку, то можешь отправляться домой. Или ты принимаешь ещё и другие вещи? Кокаин? Определённо, это хорошо тебе подойдёт.

— Боже, Эли, разве ты никогда не курила травки? Не делай из этого драмы.

— Нет, я никогда её не курила.

— Но, конечно, ты уже пила и курила...

— До сих пор я не видела веской причины, чтобы повышать риск заболеть раком. Нет. И даже если бы это не причиняло вреда здоровью, сигареты воняют, и от них желтеют зубы.

— Почему, собственно, ты не пойдёшь в монастырь и немного не помолишься, Эли? — презрительно выпалил Тильман.

— Не можешь, пожалуйста, говорить немного тише? — попросила я его, прошепав. — Мой брат спит в соседней комнате, он определенно устал, вы ведь опять слишком поздно вернулись домой... — Ай ай ай. Я уже звучала как жена, которой пренебрегают.

— Это потому, что он начинает работать только в обед. Могу я теперь поспать?

Не отвечая, я выбралась из кровати, открыла окно и схватила упаковку гашиша, которая лежала на письменном столе, чтобы бросить её в канал. Но Тильман был быстрее. Прежде чем я смогла поднять руку, он опрокинул меня на землю и вырвал пакет из рук.

— Ты этого не сделаешь, Эли... — Его зубы сверкнули в полутьме, и он не предпринимал никаких действий, чтобы отпустить меня. — Мне нужна эта штука.

— Что же, поздравляю от души...

— Нет, не то, что ты сейчас думаешь. Я не зависимый. Речь идёт не об опьянении. Мне она нужна для сна. Я больше не могу спать, Эли. Я лежу часами, не засыпая, страшно уставший, но... мои мысли... — Он указал на свою голову, но его левая рука продолжала меня крепко удерживать. — Они не успокаиваются. И когда я пару раз затынусь, то могу, по крайней мере, немного подремать. Нет никакой больше астмы, но и сна тоже. Вот почему я стал так плохо учиться. Я слишком устал, чтобы сосредоточиться, но не выгляжу уставшим, и этого... этого никто не понимает...

Наконец он ослабил хватку. Я вытянула пальцы из-под его рук и незаметно вытерла их о штаны пижамы.

— Тильман, жаль, что мне придётся тебе возразить. Но если тебе нужна эта штука, тогда ты зависимый. Это определение зависимости.

— Нет. Как я уже сказал, я делаю это не из-за опьянения. Я не пьянею. Это делает меня просто достаточно усталым, чтобы можно было уснуть. Я всё испробовал: валериану, и тёплое молоко с мёдом, и прогулку, и всё это дерьмо, но только с этим я могу немного поспать. Здесь у вас, я, по крайней мере, могу всхрапнуть с двух до четырёх, это больше, чем дома... Я не хочу больше лежать без сна, понимаешь? Если так будет продолжаться, это сведёт меня с ума.

— Ты думаешь, это исходит от Тессы, не так ли? — Я присела на корточки на пол рядом с Тильманом. Доски были ледяными и казались странно влажными, как будто недавно были затоплены.

— Из-за чего, по-твоему, это ещё может быть?

— Как долго это продолжается?

— Да с осени. И не прерывалось.

— О Боже... — Он с осени не проспал ни одной ночи полностью. Как он это выдерживал? Мы некоторое время молчали, в то время как дым от гашиша выветривался, а влажный воздух Шпайхерштадта заползал во все углы комнаты. Тупо я встала, чтобы закрыть окно, как внезапно до верха донёлся размеренный, тянущий всплеск, слишком размеренный и медленный, чтобы он мог исходить от крысы... Нет, то, что там внизу бороздило воду, было тяжелее и больше. Намного больше. Я замерла, и Тильман тоже зачарованно прислушался.

— Это звучит так, будто кто-то плывёт, — высказал Тильман мои мысли. Внезапно я больше не могла двигаться. Моя рука упала обессилено вниз.

Никто не плавал добровольно ночью по каналам. Вода всё ещё была ледяной. Я хотела ответить Тильману, но мой язык не двигался.

— Эли... тебе известно такое ощущение, будто там что-то есть, хотя ты этого не можешь видеть? И в один момент ты цепенеешь от страха? Как ребёнок, когда ты точно знаешь, что под кроватью сидит монстр, независимо от того, что тебе говорят родители?

— Да, — прохрипела я. Я слишком хорошо знала, что он имел в виду. Вокруг нас больше не было человеческой жизни. Город был мёртв. Никто не дышал, кроме нас. И, тем не менее, что-то двигалось под домом, поднималось из воды. Заползало на стену вверх. Я слышала, как его когти царапали камни, когда оно поднимало руки, чтобы преодолеть следующий метр. Оно приближалось к нам.

— Закрой окно, Эли! Эли!

Но я бросилась вниз, прижала Тильмана к стене под подоконником и накрыла ладонью его губы, чтобы он больше не мог произнести ни звука. Оно достигло нас. Нас отделяла от него теперь только лишь стена дома. Оно находилось как раз за моей спиной. Запах гнили пробрался в комнату и вытеснил пряный аромат табака. Я убрала пальцы со рта Тильмана и взяла его за запястье. Мне нужно было за что-то держаться, за человека, за тело, которое могло дышать и которое было живым. Теперь я нашла его пульс; он бился быстро, но регулярно.

Пауль. О Боже, Пауль, пронеслось у меня в голове. Нам нужно к нему! Но со следующим вздохом существо на стене заставило всё во мне замолчать. Мои мысли зацепились друг о друга и остановились. Пульс Тильмана стал медленнее. Потом наступила усталость, такая неожиданная и мощная, что наши головы упали в сторону и ударились друг о друга.

Последнее, что я услышала, было бульканье воды под нами.

Оно поднималось.

Глава 26.

Бездыханный

— Эли! — Я ничего не чувствовала. Моё тело было настолько тяжёлым, что казалось невозможным поднять мизинец или даже заговорить. И зачем мне это вообще делать? Было так хорошо, держать веки закрытыми и оставаться совершенно неподвижной. Темнота. Желанная чёрная темнота, мягкая и тёплая.

— Эли, ты делаешь мне больно, отпусти, наконец! — Тильман ударил меня своими локтями в рёбра, и боль разбудила меня. Мою руку свело судорогой. Я знала, что мои ногти впились глубоко в его вены, но я потеряла контроль над пальцами. Только когда Тильман

толкнул меня в бок второй раз, судорога прошла. Я отпустила.

— Извини, — пробормотала я, потирая затвердевшие суставы пальцев. Покалывая, кровь потекла назад. Потом я вдруг вспомнила, почему мы здесь сидели, под письменным столом, рядом друг с другом, спины прижаты к стене. Была всё ещё глубокая ночь.

— Как долго... мы...?

Тильман взял моё левое запястье и посмотрел на часы.

— О, святое дерьмо..., - прошептал он. — Сейчас немного больше четырёх. Когда я скручивал себе косяк, было пятнадцать минут третьего. Мы спали, по меньшей мере, полтора часа.

"Спали" было не совсем верным выражением, подумала я. Это было своего рода бессознательное состояние. Полная потеря пространства и времени. Я прислушалась. В Шпайхерштадте была тишина, как и прежде, но вода больше не бурлила и не плескалась. Было слишком тихо... Мёртвая тишина.

— Пауль! — ахнула я испуганно. — Нам нужно проверить Пауля...

— Эли, я правда не трус, — ответил Тильман приглушённо и показал жестом, что нужно говорить немного тише. — Но если это существо находится ещё в квартире и увидит нас? Разве ты не говорила, что Мары не любят, когда люди их обнаруживают?

Да, я это говорила. Тем не менее, я не могла из-за этого допустить, чтобы мой брат умер. Кроме того ужаса, который был ранее, больше ничего не было, только это, похожее на смерть, чёрное спокойствие. Всё спало, только мы бодрствовали.

— Нам нужно посмотреть. По-другому нельзя, — настаивала я. Тильман тихо вздохнул. На четвереньках, почти как в моём сне, он двинулся к двери. Мы снова прислушались. Ничего. Тильман очень медленно выпрямился и надавил на ручку двери. Коридор перед нами был пустым. Беззвучными шагами мы поспешили к спальне Пауля и открыли дверь. Окно было выдернуто из сломанных петель, кровать смята, но Пауль не лежал в ней. Его здесь не было.

На мгновение у меня появилось желание броситься на пол и избавиться с помощью крика от всей паники и напряжения, но Тильман снова бросился в коридор, чтобы искать дальше, и его присутствие вывело меня из моего транса ужаса. Я подбежала к окну и осторожно наклонилась над карнизом, чтобы посмотреть вниз.

Вода в канале медленно двигалась. Никаких кругов, никаких волн. Если Мар взял Пауля с собой и выбросил здесь, то он всё равно уже давно утонул. Но зачем ему брать его с собой? Или вообще выбрасывать?

— Эли! — Я повернулась. Выражение лица Тильмана заставило сойти всю кровь с моего лица. Я начала дрожать. — Иди сюда, быстрее.

Пауль сидел в гостиной на своём любимом кресле, голова сильно откинута назад, рот открыт. Его руки свисали вниз. На включенном телевизоре шумели помехи. Бокал вина, рядом с наполовину съеденной шоколадкой был перевернут, на полу лежали растоптанные палочки с солью. Из горла Пауля вырывалось задыхающееся бульканье. Слава Богу, он ещё был жив...

— Послушай это, — сказал Тильман тихо. Снова Пауль, булькая, сделал вдох и, свистя, выдохнул, потом в его тело вернулось безмолвие. И оно длилось слишком долго. Его губы начали синеть.

— О Боже..., - застонала я и ударила кулаками в грудь Пауля, но в тот же момент из его трахеи вырвался измученный хрип, а его лёгкие завоевали себе свой кислород назад.

Тильман схватил Пауля за плечи, чтобы потрясти его.

— Эй, Пауль, просыпайся... Ну же, просыпайся!

— Пауль! — закричала я. — Чёрт, проснись, наконец!

Пауль открыл глаза, в белках которых были красные прожилки. Но его взгляд оставался пустым. Жутко медленно он стал вываливаться вперёд из кресла. Все его суставы захрустели, когда он упал на колени и оставался так сидеть со свисающими вниз руками.

— Этого не может быть, — невнятно бормотал Пауль, не замечая нас. — Я заснул... Я этого не понимаю... Я отключился... Я просто этого не понимаю.

Пошатываясь, он встал, верхняя часть туловища согнута, а руки свисают вниз, как у очень старого человека, и проковылял маленькими, тяжёлыми шагами к своей спальне. Вскоре после этого дверь захлопнулась, и я услышала, как закрипели пружины его кровати. Помехи телевизора гремели у меня в ушах. Я схватила пульт и выключила его.

— Любой другой сказал бы сейчас, что у моего брата серьёзная проблема с алкоголем. — Устало я села, скрестив ноги, на пол и подобрала палочки с солью.

— Это не храп. Это апноэ. — Тильман присел на корточки рядом со мной и выпил остатки вина.

— Апноэ? — спросила я устало.

— Да, апноэ сна. У моего папы то же самое. Его дыхание останавливается, когда он спит, иногда на очень долгий срок. Когда он из-за этого был у врача, ему выписали маску. Он должен надевать её на ночь. В ней он выглядит как Дарт Вейдер, только без светящегося меча.

Тильман широко улыбнулся, и я тоже считала это представление довольно забавным. Но прежде всего это забрало у господина Шютц его последнюю сексуальную привлекательность, которую тот, может быть, ещё где-то припрятал. Что касается моей матери, это была довольно утешающая мысль.

Вывод Тильмана, однако, был менее утешительным.

— Как ты думаешь, мой отец тоже был атакован? — Ой-ой. Нам нужно быть осторожными и не позволять сводить себя с ума. Это уже начиналось.

— Тильман, я не верю, что каждый, у кого такие перебои с дыханием, высасывается Маром.

Да, господин Шютц иногда выглядел рассеянным и уставшим, но я объяснила бы это скорее его неудавшимся браком и ссорами с бывшей женой. Кроме того, Тильман был во всех отношениях действующим на нервы. Воспитывать его — была жизненная миссия, если это вообще было возможно.

— Сколько, на самом деле, существует в мире Маров? — спросил Тильман с тревогой.

Я раздражённо фыркнула.

— Это никто точно не знает. Они ведь одиночки и вряд ли встречаются в воскресенье, чтобы попить кофе, посплетничать и вдобавок переписать население.

— Тебе обязательно нужно сразу так дерзить?

— Я этого и не делаю! Я только говорю, что образ жизни Маров находится в значительной степени в темноте, и так оно, скорее всего, и останется. Они не хотят обнаруживать себя перед людьми и охотятся в одиночку... Их могут быть миллионы, но так же возможно, что всего пару тысяч или пару сотен. Я этого не знаю!

Хорошо, я действительно надерзила, и это потому, что меня полностью приводило в замешательство то, что существование Маров было темой, которую я не могла отыскать с

помощью моих обычных исследований в папиных медицинско-психологических справочниках, так как я привыкла делать это раньше. Вся информация, какая у нас была, это загадочные заметки папы и предположения Колина и наш собственный опыт. Это было чертовски мало. И всё же довольно много по сравнению с тем, что знали другие люди, что знал Пауль.

— Во всяком случае, сегодня я больше не усну, — решила я. — Можешь сварить кофе? — В то время как Тильман возился на кухне, я заглянула к Паулю и повернула его на бок, чтобы он мог лучше дышать, но его дыхание теперь было спокойным и размеренным, синева возле губ исчезла. Он выглядел молодо, даже очень молодо, и в то же время слишком старо. Невидимая тяжесть, которая лежала на нём, стала тяжелее. Я закрыла окно, натянула на массивные плечи Пауля одеяло и подседа к Тильману на кухне.

— Значит, поэтому я всегда между двух и четырёх часов проваливался в сон, — сказал он, сделав глоток кофе. — В это время он здесь. — Я тоже в квартире Пауля в течение ночи удивительно крепко спала, независимо от того, сколько я тревожилась. Я снова вспомнила ту туманную ночь, когда вывалилась из окна... Ледяная дрожь прошла у меня по спине.

— Нам нужно начать дежурить, — решила я. — Ещё одна причина для тебя перестать курить травку. Мы будем сменять друг друга, хорошо?

— Эли, вероятно, это не принесёт много пользы. Только что мы заснули, в считанные секунды, а я ещё никогда в жизни не был таким бодрым, как в тот момент, когда это существо...

— Мар, — прервала я его резко, хотя сама бы с удовольствием назвала его существом. Но как обычно говорят? Вещи нужно называть своими именами.

— ... Мар забрался по стене дома вверх. И, тем не менее, раз и усыпил нас. Кроме того, что нам делать, если мы не уснём и заметим его? Помахать ему рукой, чтобы он и нас атаковал? Нет, у меня есть идея получше.

Я посмотрела на него с сомнением.

— И какая же?

— Мы сделаем то, что нам посоветовал Колин. Мы соберём доказательства. Мы поставим камеру и снимем атаку.

— Прекрасно. И где ты намереваешься установить камеру, без того, чтобы Пауль и Мар это заметили?

— Успокойся Эли. Конечно же, в нашей комнате.

— В нашей комнате, — повторила я, не понимая.

— Да. Мы просверлим дырку в стене. Глаз камеры светится красным, не так ли? Подумай о змее... — Я наострила уши. Змея, большая картина в спальне Пауля. Змея с красным глазом. Она висела как раз напротив его кровати.

— Ты хочешь просверлить стену? Этот дом является памятником архитектуры, и Паулю хватило и того, что я разрушила стену между кухней и гостиной. — Но идея по себе, в общем-то, не плохая, — признала я нехотя, немного подумав.

— Стена не особо толстая. Мы просверлим дыру через один из стыков, как раз величиной с объектив, установим камеру, включим её, и готово. Даже если мы заснём, она будет записывать дальше.

— Я в этом сомневаюсь. Мары часто выводят современную технику из строя. Вблизи Колина почти ничего не работало. Мой мобильный мне даже не нужно включать, когда он рядом со мной. Когда...

— Колин — Камбион, — возразил Тильман. — Один из самых сильных и могущественных, не так ли?

— По крайней мере, в своей возрастной группе. — Но не в схватке с Тессой, закончила я разочарованно про себя свою мысль.

— Так что это ещё далеко не значит, что с другими происходит то же самое. По крайней мере, мы должны это попробовать. — В глазах цвета красного дерева Тильмана горел тот решительный огонь, который я слишком хорошо знала. Он хотел это сделать. Всё в нём настроилось выполнить эту затею. А у меня не было лучшего предложения. Попытаться стоило.

— Ну, хорошо. Тогда возьми одну их камер Пауля.

— Забудь об этом. Они все не работают должным образом. Твой брат ломает любое устройство. Он совершенно безрукий в этом деле. Для последней съёмки мне пришлось взять одну на прокат, и она лежит в галереи. Мне нужна новая. По возможности, с долгим временем записи и функцией ночного видения.

Я, не сказав ни слова, встала, прошла в нашу комнату, вытащила пачку денег из одного из черепов кошки и вернулась назад в кухню. Но пачка, кажется, была тоньше, чем раньше. Сбитая с толку я остановилась на пороге и пролистала её. Не хватало, по меньшей мере, сто пятьдесят евро.

— Как-то же я должен был заплатить за травку, — сказал Тильман, пожимая плечами, прежде чем я смогла высказать своё негодование.

— Ты купил на мои деньги гашиша?

— Я ещё не получил от Пауля зарплату. Я что, должен был воровать?

— Ты и своровал! У меня!

— Дааа, — ответил, растягивая слово, Тильман и почесал себе, зевая, шею. — Но это практически остаётся в семье. И у тебя их достаточно. Кроме того, мои косяки были ведь для чего-то полезны. Мы не уснули, заметили, как пришёл... Мар...

— Класс. Я тебе невероятно благодарна, что обрела такой опыт, потому что благодаря нему в будущем точно буду засыпать слаще, чем когда-либо. Я ещё сейчас дрожу как осиновый лист! И я не знаю, как долго Пауль это выдержит!

— Поэтому мы тем более должны что-то предпринять. Я думаю, семьсот евро хватит. — Он протянул руку и зашевелил пальцами.

— Ты покажешь мне квитанцию, и смотри, если нет. — Я бросила ему банкноты рядом с его чашкой кофе.

— Конечно. Ты определённо сможешь отнять их от налога.

— Тильман... — У меня редко возникала потребность кому-нибудь дать пощёчину, но в этот момент она явно была. Даже слишком сильная.

— Да ладно тебе. Что, собственно, хочешь предпринять ты? Моё задание теперь ясно. — Что же. Это был справедливый вопрос. В прошедшие дни я часами просто сидела и бессмысленно убивала время, в то время как Пауль и Тильман вместе бродили по хозяйственным магазинам, вставляли в рамки картины, составляли каталоги, а затем развлекались на вернисажах, даже если для Тильмана это было не всегда просто, благодаря нездоровой ревности Францёза.

Он не переносил никого другого вблизи Пауля. Но, по крайней мере, Тильман был занят. Я же сама чувствовала себя уже как домохозяйка, оставшаяся не у дел, которая ожидает своего мужа. И иногда я вела себя почти так же. Но об одной вещи я всё-таки

позаботилась.

— Я навещу эту журналистку, которую мой отец назвал как возможное доверенное лицо. Джианну Виспучи.

— Ещё одна итальянка...

— Да. Должно быть, так оно и есть. Однако... Я боюсь, что мой отец ошибся. Он написал, что она доверительное лицо и специалист по сну. Я нашла её имя в Google. Она журналистка, но только в ежедневной газете "Гамбург Morgenpost". И, прежде всего, она пишет о культурных мероприятиях. Кабаре, детский театр, выставки, ничего особенного.

— Тогда пригласи её на наш следующий вернисаж через две недели. Там мы сможем спокойно понаблюдать за ней, и у нас появится хорошая возможность заговорить с ней и проверить её.

Нет. Две недели я не смогу просидеть здесь без дела и позволить Мару ночь за ночью посылать меня в глубокий гипноз, в то время как он сам высасывает из души моего брата последнее мужество. Я решительно покачала головой.

— Я хочу встретиться с ней сама, чем быстрее, тем лучше. И я не хочу, чтобы при этом Францёз был поблизости. Он заставляет меня нервничать. Если нам не повезёт, он прогонит её своим жеманством, прежде чем она начнёт нам доверять.

— Хм, — сказал Тильман, и это «хм» прозвучало для меня слишком неоднозначно.

— Что "хм"?

— Ну, Эли, ты тоже кажешься не всегда слишком уж внушающей доверие. В последнее время ты ведёшь себя довольно непредсказуемо. Вообще-то ты ведёшь себя так с самого начала нашего знакомства.

— Ты из-за этого ползими делал вид, что мы знакомы только мельком? — спросила я воинственно. Я старалась избегать этой темы, после того, как Тильман появился здесь, но пусть он знает, что его поведение ранило меня.

— Сначала я должен был переварить это сам, и всё, — объяснил Тильман. — Это не было направленно против тебя, Эли.

— Ты был нужен мне. — Обвинение в моих словах не возможно было не услышать. Тильман удивлённо приподнял брови.

— Почему ты мне этого не сказала? Вы, девчонки, думаете всё время, что мы можем читать ваши мысли. Правда, Эли, ты ходила как всегда в школу, писала контрольные на единицы, встречалась с толстой Майке и Бенни. Откуда я должен был знать, что я тебе нужен?

— Ну, может быть, тебе рассказали бы об этом твои карты Таро, — зашипела я и заморгала, потому что первые лучи солнца пробились сквозь окна кухни. — Послезавтра я поеду в Кунстхалле. Вечером состоится экскурсия с пенсионерами, организованная "Гамбург Morgenpost". Если повезёт, репортаж об этом будет писать Виспучи. Незначительные события, кажется, как раз её конёк. А теперь я иду спать.

Тильман не последовал за мной. Радуюсь тому, что могу побыть одна, я завернулась в моё одеяло и отдалась приятному ощущению, что невредимо пережила ночь. Пауль дышал. У нас был план. А я, хотя и в состоянии ужасного страха, добровольно коснулась другого человека. Большого от жизни в этот момент я не могла ожидать.

Глава 27.

Крушение надежды

Прежде чем отправиться в назначенное время в Кунстхалле, я проверила дыру в стене, затем мой внешний вид. И оба меня не особо удовлетворили. Наше просверливание дырки, которое постоянно побуждало Тильмана к непристойным шуткам, продвигалось слишком медленно. Проблема была в том, что дырку мы должны были просверливать из комнаты Пауля, чтобы объектив камеры был расположен точно там, где находился глаз змеи. Пауль спал очень долго, а если не спал, то сидел в приделах слышимости либо за кухонным столом, либо перед телевизором в гостиной. Или же он был в дороге вместе с Тильманом. Мы работали как заключённые, которые пилят свою решётку напильником, тайком и при любой возможности. Но возможностей было очень мало. Самое удобное время было тогда, когда Пауль сидел на унитазе или отмокал в ванне, и я надеялась, несмотря на мою неприязнь к Францёзу, что Пауль снова скоро переночует у него. Потому что мы даже не дошли до середины стены. Об ударной дрели нам даже не стоило думать. Риск был большим, что мы с ней устроим значительные разрушения, а дом был памятником архитектуры. Кроме того, от ударной дрели было слишком много шума и пыли. Мы сверлили, били молотком, стучали и долбили зубилом, всё вручную, и у меня на костяшках пальцев уже образовались мозоли.

Моё внутреннее напряжение почти больше невозможно было вынести. Две прошедшие ночи Тильман и я в какой-то момент крепко заснули после полуночи, хотя пытались всеми силами оставаться бодрыми. Первое, что я дела утром, — это проверяла Пауля. И как только Тильман и он приходили вечером домой, я начинала выпрашивать Тильмана. Как дела у Пауля? Вёл ли он себя более странно, чем раньше? Стала ли его одышка хуже? Я думаю, Пауль хорошо справлялся. Как и я, несколько недель назад он заметил его одышку и нарушенное пищеварение. Кроме того, Тильман сказал, что Пауль был постоянно вялым и уставшим. Агрессивным по отношению ко мне он больше не был, правда для этого я не давала ему больше никакого повода. Тильман оставлял его в покое; его не интересовали ни любовная жизнь Пауля, ни его профессиональные приоритеты. Однако он сообщил, что терпение Пауля висит на волоске, когда ему не удавались технические вещи (а это случалось часто) или что-то не срабатывало так, как он себе это представлял. Тогда в дело могли вступить летающие в воздухе линейки, а проклятия Пауля делали остальное, так что Тильман скоро искал себе укрытие. Да, это был знакомый бык в Пауле, но, казалось, он быстрее приходил в ярость, чем раньше. Я зареклась не начинать с ним больше никакой ссоры. Как только я думала об этой уродливой сцене на кухне, то хотела только выбраться отсюда, а этого нельзя было делать. Поэтому я старалась о ней не думать.

После того, как Тильман и я решали повседневный вопрос о Пауле, мы рассказывали друг другу, что мы видели во сне, чтобы доказать самим себе, что нас тоже не высасывают. Но эти разговоры были отрезвляюще короткими. Большинство моих снов были хаотичными, запутанными и шокирующе мрачными или бесконечно неловкими. И я не хотела их рассказывать Тильману. А Тильман сам видел только короткие отрывки, и так было всегда, заверил он меня. В этом не было ничего нового. Он редко видит ясные, четкие сны. А если и видит, то они всегда что-то означают. Так же, как его видение прошлым летом, которое побудило его бросать мне ночью камни с картами Таро в окно и этим напугать меня до смерти.

Ещё два-три дня, предположила я, потом мы сможем установить камеру. До тех пор я должна была потерпеть. Я повесила картину со змеёй назад на стену и пошла в ванную, чтобы посмотреть на себя в зеркало в последний раз. Стиральная машинка остановилась посреди ночи как раз, когда выжимала, и я никак не могла избавиться от неприятного

подозрения, что это случилось именно тогда, когда пришёл Мар. Но фактом, однако, было то, что в моём распоряжении не было нормальной одежды. На мне были надеты шарф Пауля и серый пуловер с капюшоном Тильмана.

Только джинсы и обувь были моими, но что-то новенькое не помешало бы. Дни, когда я меняла мои джинсы каждое утро (так как в нашей группе относились с неодобрением к тем, кто надевал два раза подряд одну и ту же вещь), во всяком случае, окончательно закончились. Мои волосы так и так делали то, что им вздумается. Для тщательного макияжа у меня не были ни времени, ни настроения. Блеска для губ и туши для ресниц должно было хватить. Быстрым шагом я пошла к автобусу.

У меня не было не малейшего представления, как мне заговорить с Джианной. И следует ли вообще это делать. Что мне действительно ей рассказать, если у меня получится установить с ней контакт? Привет, я дочь Лео Фюрхтегот, о котором вы однажды писали, и хотела спросить, не хотелось бы вам написать статью на тему «Демоны Мара»? Нерешительно я вышла из автобуса.

Нет, всё, что я могла сделать, — это наблюдать и составить о ней своё мнение. Может быть, при этом на меня снизойдет вдохновение. Может быть, она будет мне так неприятна, что я тут же развернусь и при следующей же возможности выброшу её визитную карточку в мусорное ведро. С беспокойным трепетом в животе я вошла в фойе Кунстхалле.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила леди в очках за кассой, когда я послушно заплатила за свой билет и стала в поисках оглядываться по сторонам. Кроме леди и меня не было видно ни одного человека. Откуда-то до меня доносились приглушённые шаги. В остальном царила тишина, почти церковная, которая неизбежно побуждала меня дышать более поверхностно и понизить свой голос.

— Я... я хочу присоединиться к экскурсии пенсионеров.

— К экскурсии пенсионеров? — Женщина изумлённо заморгала.

— Да, я, хм... я, ну моя бабушка...

— А ясно, понимаю. В девятнадцатом веке. — Теперь я была та, кто изумлённо моргал ресницами.

— Что вы сказали? — заикалась я.

— В девятнадцатом веке, там, где Каспар Давид Фридрих. Зал сто двадцать!

О, хорошо. Каспара Давида Фридриха я знала. Я поблагодарила и начала блуждать по пустым залам, пока не нашла девятнадцатый век и подходящую комнату. Пенсионеров я увидела сразу же. Нет, на самом деле сначала я почувствовала их запах. Слабый аромат ментола, мокрых подгузников и старой кожи. Некоторые из них сидели в инвалидных колясках, другие опирались на свои опоры-ходунки. Тусклыми глазами и со склонёнными в бок головами они смотрели на Меловые скалы на острове Рюген, в то время как худой мужчина размахивал указкой и сетовал о таком, какой трагический апоплексический удар Фридриха. Да, о нём мой учитель искусства тоже всегда рассказывал, но я считала не очень подходящим сообщать об этом толпе старцев.

Джианну мне не пришлось долго искать. Она выделялась из серо-бежевой толпы, как бабочка в рой ночных мотыльков. Однако бабочка в довольно дурном настроении. Я зашла за колонну, чтобы можно было спокойно рассмотреть её. Она облокотилась о стену между двух картин, в одной руке был блокнот, в другой — ручка, и иногда она что-то записывала, даже не бросая взгляда на бумагу. Почему-то я была уверена, что она даже не положит свои записи рядом с клавиатурой, когда позже будет писать статью. Она записывала потому, что

этого от неё ожидали. Но на самом деле ей это было не нужно. Она могла всё запомнить. Такие события она уже посещала тысячу раз. Так, по крайней мере, ей самой казалось.

Я удивлялась своим изошрённым выводам, но ни одного мгновения не сомневалась в их верности. Теперь Джианна заметила, что за ней наблюдают, подняла голову, и наши глаза встретились. Быстро я спряталась за колонной. Моё сердце забилось быстрее.

Она мне кого-то напоминала. Я стала перебирать в памяти женщин её типа, с которыми встречалась, но не нашла ни одной. У Джианны были прямые тёмные волосы, с тем шёлковым блеском, который своим волосам раньше могла придать только с помощью утюжка. Её лицо было овальным, а рот мягким, но всё-таки таким решительным, что у меня уже сейчас было желание никогда не начинать с ней ссоры. Мы, наверное, при этом снимем друг у друга скальпы.

Её глаза были странного цвета. Коричневыми их нельзя было назвать, нет, они были скорее янтарными. Как и у меня, у неё на рёбрах не было и грамма жира, и она не старалась скрыть это с помощью одежды. Её бёдра были мальчишески узкими, а осанка просто скверной. Если бы она выпрямилась и вытянула подбородок, то прошла бы за гордого воина. Но так я видела её напряжённые мышцы плеч на расстоянии десяти метров. Её возраст, предположила я, был около двадцати пяти. Примерно, как и у Пауля.

— Вот она..., - прошептала я и подошла незаметно на пару шагов ближе. Теперь я знала, кого она мне напоминала. Лили. Большую любовь Пауля. Это были не цвета Джианны и тем более не её фигура, которые напоминали мне Лили. Лили была как кошечка, маленькая, нежная и игривая, с большими грудями и глазами девочки. Нет, это было выражение её лица. Лили всегда получала то, что хотела, и, тем не менее, что бы она ни делала, выглядела всегда так, будто что-то ищет. Будто жизни, которую она вела, было для неё недостаточно.

В Джианне я тоже чувствовала это искание, хотя она точно не всегда получала того, чего желала. Я почти не могла это различить, но оно присутствовало. И, наверное, в Лили было как раз это искание, которое так быстро завоевало сердце Пауля. И сердце моего отца тоже.

Папа клялся, что не ухаживал за Лили. Нет, было всё наоборот. Она влюбилась в него и затем бросила Пауля. И я ему поверила. Но почему тогда он дал мне адрес Джианны? Визитку журналистки, которая вечером в среду сопровождала пенсионеров на гериатрической экскурсии искусства? Почему именно её он считал достойной доверия? Потому что разыгрались его гормоны?

В первый раз я засомневалась насчёт папиной версии о Пауле и Лили. Я страдальчески вздохнула, и мой взгляд скользнул дальше. Миссия Джианна Виспучи провалилась. После того, как господин Шютц попытался повисить свои шансы у мамы, не должно ли я объединиться с подружкой папы? Исключено. Я хотела развернуться и исчезнуть. Но картина, которая висела передо мной на стене, в считанные секунды так привлекла моё внимание, что я внезапно больше ни о чём не могла думать, а тем более что-то решать.

Картина была небольшой, и рамка, тёмно-синего цвета с золотой каёмкой, показалась мне мешанской. Но сама картина поразила меня в самое сердце. Инстинктивно я положила руку себе на грудь, потому что, как случалось часто в последнее время, чувствовала себя так, будто не могла по-настоящему вздохнуть. И уже кончики моих пальцев начали покалывать, а волоски на спине встали дыбом. Моя кожа была холодной, но под ней моя кровь пылала, будто у меня была температура.

— Крушение надежды, — расшифровала я с трудом. Буквы танцевали перед моими

глазами, но картина ясно выделялась, близко, слишком близко. Она засасывала меня в себя. Я чувствовала острые края сломанных льдин, которые тянули меня вниз, в чёрную пустоту Арктики, как и корабль в их середине, от которого остался виден лишь только бортовой леер. Уже скоро лёд похоронит его под собой, вместе с его трупами и всеми их потерянными надеждами... Я была там... Я была одной из них. Я больше не видела картины. Я смотрела прямо в своё сердце. Я пошатнулась вперёд и прижала руки к холсту. Мои ногти скользнули с тихим скрежетом по высохшей масляной краске. Потом мой лоб глухо ударился о стену.

— Эй, осторожнее, это ценно. — Кто-то схватил меня за локоть и помог восстановить мне моё равновесие. — Трогать запрещено. Не волнуйся, никто не видел.

— Я... — Я сглотнула, чтобы избавиться от сладковатого привкуса на языке. — Плохой воздух. Картина... так холодно.

— Да, воздух здесь не ахти, это точно. И сильный сквозняк. Всё в порядке? Я надеюсь, ты не облюёшь меня сейчас, или что-то в этом роде.

Постепенно я снова могла видеть ясно, и прежде чем поняла, что Джианна было той, кто поддерживала меня и теперь отпустила, я почувствовала её страх. Она боялась.

— Нет, не облюю. Всё хорошо. Правда, — уверила я её механически.

— Твои слова да Богу в уши. — Джианна не смотрела мне в лицо. Её янтарные глаза бродили по моей одежде, моим волосам, моей обуви. Но мой собственный взгляд они избегали. — Тогда я снова пойду туда. — Она указала на свой клуб пенсионеров. Мимолётная улыбка обнажила её передние зубы, которые образовывали впереди небольшую щель. — Я скорее ожидала того, что коллапс случится с одним из них.

— Пахнет смертью, — прошептала я.

— Кто? Я? Ты имеешь в виду меня? — Джианна побледнела, зеленоватый отсвет под её оливковой кожей.

— Нет. — Я покачала головой и провела ладонью по затылку, чтобы успокоиться. — Старые люди. Это смешалось с картиной и потом... — О Боже, что я тут рассказывала? Используй свой шанс, Елизавета. Я приказала себе включить разум. Она стоит как раз рядом с тобой. Вступи с ней в разговор.

— Вы знаете картину «Ночной кошмар» Фюсли? — вырвалось у меня. Джианна смотрела на меня скептически. Она всё ещё избегала моего прямого взгляда. Я казалась ей странной. Как и Паулю.

— Конечно. — Она пожала плечами. — И что?

— Она тоже странная, я считаю. — Если я скоро что-нибудь не придумаю, то она сбежит. Что-то ища, Джианна обернулась к пенсионерам, которые тем временем уже достигли картины «Монах у моря». Потом она снова повернулась ко мне.

— Как эта? — Она сбитая с толку указала на «Крушение надежды». — Но эти картины ведь вообще нельзя друг с другом сравнивать. Или ты в целом интересуешься романтизмом? Тёмным романтизмом?

Я фыркнула. Да, примерно так это можно было сформулировать. Выражение лица Джианны становилось всё более скептическим. От неудобства она подняла плечи вверх.

— У тебя заболит спина, если будешь так стоять, — сказала я. Я всё равно всё испортила, так что могла обращаться к ней на ты. В конце концов, она тоже говорила мне ты.

— Уже болит, — ответила она коротко и сделала шаг назад, как будто хотела сбежать. С подозрением она смотрела на меня.

— Скажи, мы знаем друг друга?

— Нет, мы нет, но... ты знаешь моего отца. Леопольда Фюрхтегот. — Инстинктивно я предположила, что он назвал её своё старое имя. Он использовал его для спец-статей и лекций.

Она на какое-то время задумалась, потом покачала головой.

— Я не думаю, что это так.

— Знаешь, знаешь! Ты встречала его на конгрессе, там речь шла о сне, он был одним из докладчиков — вероятно, один из важных. — Джианна раздражённо застонала.

— Я почти каждую неделю присутствую на каком-нибудь конгрессе и пишу об этом, я не могу запомнить имена всех докладчиков. Как ты думаешь, со сколькими людьми я встречаюсь изо дня в день? И это на протяжении уже нескольких лет! — Звучало так, будто она находит это не особо классным, встретить всех этих людей и снова забыть их. Но мне предало это мужества. Если она не запомнила папу, то оба, вероятно, едва ли спали друг с другом.

— Не имеет значения, — сказала я, чуть ли не в эйфории, и поняла, что улыбаюсь. — Теперь ведь мы знаем друг друга. — И я познакомлю тебя с моим братом. Если мой инстинкт прав хотя бы частично, то Джианна будет моей приманкой, чтобы отвадить Пауля от Францёза. Она как раз подходила Паулю. И может быть, несмотря на папину неправильную оценку, так же подходила для Тильмана и меня. — Не хочешь прийти к нам на ужин?

— К кому это к "нам"? — спросила Джианна сдержанно, после того как ещё раз посмотрела на пенсионеров. Но они были заняты.

— К моему брату, Тильману и ко мне. Пожалуйста, Джианна.

— Ты знаешь моё имя?

— Э-э. Да. Джианна Виспучи. — Я протянула ей свою влажную руку. — Я Елизавета Штурм. Эли. — Джианна проигнорировала мою руку.

— Разве ты только что не сказала, что твоего отца зовут Фюрхтегот? — Снова она отступила на шаг, но я тут же сделала один вперёд, чтобы не кричать, разговаривая с ней.

— Да, да, это верно, — успокоила я её. — У меня фамилия моей мамы. Штурм. Но у моего брата фамилия Фюрхтегот. Как у моего отца раньше. И у него действительно красивые глаза. Стального цвета. — Джианна покачала головой, и в выражение её лица абсолютной растерянности появился тихий ужас.

— Я правильно это понимаю: ты, совершенно незнакомый мне человек, хочешь пригласить меня к себе домой, чтобы свести меня со своим братом?

Я фыркнула и попыталась постичь и привести в порядок свои бурно мчащиеся мысли.

— Нет. Это был бы только прекрасный побочный эффект, потому что... — Потому что мой брат думает, что он гей? Глупости. — Собственно, дело совсем в другом. Ты нужна мне в качестве журналистки. Нам нужно кое-что тебе рассказать. Или показать. Я надеюсь, что показать. Если это сработает до тех пор. Нам нужно ещё просверлить дырку, — закончила я рассеянно. И мне срочно нужно почаще общаться с людьми. Я совершенно забыла, как вести беседу. Если вообще когда-либо могла это делать.

— И что это за дело, о котором я должна написать?

— Этого я не могу сказать. Не сейчас. Извини. — Я, извиняясь, подняла руки. — Сначала мне нужно немного с тобой познакомиться.

— Ты думаешь, что у меня есть время и желание подружиться со всеми прохвостами, о

которых я пишу? — прошипела Джианна. — Собственно, я уже давно должна была сидеть в редакции и набирать на клавиатуре статью об этом тра-ля-ля, так как она должна выйти уже завтра и...

— Хорошо. Успокойся. У тебя много работы. Я понимаю. Деньги не проблема. — Я вытащила пачку купюр по пятьдесят евро из кармана брюк. — Этого хватит для начала?

Ястребиные глаза Джианны стали сначала неподвижными, потом очень сердитыми.

— А теперь ты ещё платишь за то, чтобы я встретила с твоим братом? Боже, девчонка, я ведь не шлюха!

Джианна говорила громко, и несколько стариков с интересом повернулись при слове "шлюха" в нашу сторону. Джианна любезно им улыбнулась.

— Нет, это не так! — возразила я. Постепенно этот разговор стоил мне всех моих нервов. Беседы с Тильманом были в сравнении с этим как оздоровительное лечение. — Это за твои, э-э, услуги журналистки. Аванс. Который ты само собой можешь оставить себе. Кроме того, ты можешь взять с собой своего парня или мужа.

— У меня нет ни того, ни другого.

— Прекрасно, — вздохнула я и снова улыбнулась, что Джианне совсем не понравилось.

— Да, прекрасно, я тоже так думаю, — вскипела она. — Это здорово, каждый вечер сидеть возле компьютера одной и впихивать в себя какой-нибудь хлам вместо настоящей еды, потому что даже нет времени что-нибудь приготовить. — Потом она выпрямила спину и сразу же стала на пять сантиметров выше. Я тоже выпрямилась, но не могла сравниться с ней. Она возвышалась надо мной. В первый раз, с момента нашего случайного контакта, она смотрела мне прямо в глаза. Да, она была напугана. Но не мелькало ли в её взгляде также капелька любопытства?

— Джианна... мне ясно, что тебе кажется всё безумным. Я не преследователь или кто-то в этом роде.

— Ты думаешь, что где-то там ходит преследователь, который признается, что является им? — Я знала, что она имела в виду. Это было то же самое, как и с закрытым отделением. Каждый обитатель утверждал, что попал туда по ошибке.

— Нет, скорее всего, нет. Джианна, пожалуйста, я специально пришла сюда, чтобы встретиться с тобой, мой отец хотел этого, и... — При мысли о моём отце моё горло сжалось. Он был так ужасно далёк от меня. — Пожалуйста. Пожалуйста, приходи к нам. Только на один вечер, на один час, я приготовлю что-нибудь вкусное поесть и... — Мои глаза наполнились слезами. Раздражённо я вытерла их.

Джианна какое-то время молчала. Я использовала секунды молчания, чтобы справиться с тоской по папе. Между тем у меня в этом уже был опыт.

— Хорошо, — сказала Джианна удивительно нежно, когда я справилась с чувствами. — Один час. Когда?

— В субботу? Может быть, в шесть вечера? — Я не хотела назначать встречу слишком поздно. Это только усилит её недоверие. С другой стороны, Пауль должен быть более и менее живым. Кроме того, я знала, что в субботу не будет никакого вернисажа. У Пауля и Тильмана будет время. Джианна вытащила свой органайзер из сумки и открыла его.

— У меня в девять часов ещё есть ночная экскурсия в Диалог в темноте.

— Это у нас на улице! Указание судьбы, не так ли? — Я попыталась умерить свою радость, потому что Джианне было явно не до вспышек веселья. Она выглядела почти так, словно сожалела о своём мужестве.

— Старая Вандрам, 10, - сказала я быстро. — Пауль Фюрхтегот. Спасибо! У него классная квартира, прямо возле воды, с большими комнатами и... — С крысами. Чешуйницами. Францёзом. Марами. Я хотела засунуть Джианне деньги в руки. Но она их не взяла.

— Тогда увидимся в субботу, — сказала она холодно, развернулась и ушла прочь.

— Получилось, — прошептала я удовлетворённо. С закрытыми глазами я облокотилась на стену рядом с «Крушение надежды» и глубоко вздохнула. Джианна ни капельки мне не доверяла, но мне как-то удалось пробудить её любопытство. И, может быть, этим уже было сделано полдела. Если вечер удастся, и она посчитает нас приятными, и к этому ещё сможет спасти Пауля из его сексуальной путаницы, тогда у меня, быть может, будет возможность познакомиться с ней поближе. До то, чтобы посвятить её в нашу тайну, было ещё очень далеко.

Но в этот момент мне было бы вполне достаточно того, если бы она понравилась Паулю. Потому что это могло придать ему сил, которые ему были нужны, чтобы выстоять.

Глава 28.

Капелька утешения

— О Боже, что я за дура... — Из чистой досады я ударила себя по лбу. Я как раз рассказывала Тильману о моей встрече с Джианной (и хотя рьяно использовала технику пропусков, стало ясно, что в этом деле не заслужила никаких почестей). И в тот момент, когда я рассказывала ему о своих намерениях сводницы, поняла, что всё могло бы быть для меня намного проще. Вместо того чтобы восторгаться голубыми глазами Пауля, мне следовало только упомянуть о его предполагаемых художественных амбициях. В конце концов, это было то, что могло связать обоих друг с другом.

Тильман даже не пытался скрыть свою усмешку.

— Но она придёт? — удостоверился он.

— Я на это надеюсь, — сказала я, хотя больше не была в этом уверена. Я, на её месте, скорее всего, осталась бы дома.

— Что она вообще из себя представляет? — Тильман облокотился, сидя на своей узкой койке, на стенку и этим дал мне понять, что началась наша вечерняя психотерапия. По-другому это вряд ли можно было назвать. Я сидела весь день-деньской одна дома, и как только мальчики возвращались домой, Тильман и я ломали свои уже дымящиеся головы и пытались друг друга убедить в том, что делаем всё правильно и переживём эту ночь.

— Не для тебя, — ответила я уверенно. У Тильмана даже не должно возникнуть идеи начать заигрывать с Джианной. — Слишком старая. Ей точно около двадцати пяти.

Тильман небрежно пожал плечами.

— Моя первая была на пять лет старше. Ну и что?

— Ты оставишь её в покое, не то поедешь домой, понятно? — Я уставилась на него так грозно, как только могла.

Тильман, как всегда, ни капельки не испугался.

— Опиши мне её несколькими словами. Какой она тебе показалась?

— Хммм... разочарованная, двадцатипятилетняя с комплексом альтруизма и повреждённой осанкой.

— Не похоже на стойкую журналистку. Она, по крайней мере, хотя бы красивая?

— Да, красивая, если тебе нравится такой тип женщин, — признала я ворчливо. —

Меня интересует то, можно ли ей доверять, а не её размер груди. Я всё ещё спрашиваю себя, почему папа считает её идеальным союзником. Должен же он был иметь при этом что-то в виду.

— Эй, Эли... — Тон Тильмана стал серьёзным, его усмешка исчезла. — Ты вообще допускала то, что твой отец может быть мёртв?

Слово "мёртв" ударило меня словно кнутом. Мои ноги вздрогнули, потому что я хотела встать и убежать. Только горящий взгляд Тильмана удерживал меня. Я ненавидела его за его катастрофическое чувство такта и прямоту, но я осталась сидеть.

— Конечно, допускала! — воскликнула я разгневанно. — Что ты вообще думаешь? Что я страдаю от потери реальности? День и ночь я думаю только об этом, если как раз не занята тем, чтобы спасти душу моего брата или тосковать по Колину, что не работает, потому что я... ах, ты этого не поймёшь!

Тильман молчал, но продолжал смотреть на меня дальше с почти безжалостным любопытством.

— Он снится мне почти каждую ночь — что мама и я смогли вернуть его, но он такой уставший, бесконечно уставший. Он остаётся только ради нас. На самом деле он не хочет находиться там, но мы не отпускаем его, потому что не сможем вынести, если потеряем его во второй раз. — Мои слова прозвучали так окончательно, что моё сердце начало болеть. Снова большой ком образовался у меня в горле, который уже при встрече с Джианной я смогла проглотить только с трудом.

— Я поверю в это только тогда, когда у меня будет доказательство, что его больше нет. Только тогда! Ещё всё возможно. А теперь перестань смотреть на меня так. Я и сама знаю, что это я виновата во всех этих несчастьях! Он на моей совести!

Я отвернулась и прижала лицо к подушке, чтобы Тильман не видел моих слёз. С Колином я никогда не чувствовала себя уродливой, когда плакала. С Тильманом — да. В его присутствие я не хотела показывать ни одной слезинки. Я была уверена, что они ему не нравились. Он встанет и уйдёт. Когда я тогда, после встречи с Тессой, ревела рядом с ним, это было совсем другое. У нас у обоих был шок. Наверное, он даже не заметил этого. Непарням не нравились плачущие девушки, это был древний закон.

И так оно и случилось. Я услышала, как заскрипели пружины его кровати, потом удаляющиеся шаги. Это меня не удивило и всё-таки так разозлило, что я со всей силы пнула стену.

— Я сойду здесь с ума, — всхлипнула я и ударила кулаком в подушку. Я чувствовала себя в ловушке, окружённой водой, туманом и крысами и в постоянном страхе пред Маром, который сегодня ночью, скорее всего, снова посетит Пауля. А мы не могли ничего против этого сделать, совсем ничего... Эта квартира была тюрьмой. Я тосковала по лесу и дому Колина, по тому покою, который я всегда там испытывала. Пока не появилась Тесса. Она всё разрушила.

Шаги Тильмана снова приблизились. Я задержала дыхание. Что-то шлёпнулась рядом со мной на подушку, и слабый запах какао коснулся моего носа.

— Я не особо хорошо могу утешать, — заметил Тильман объективно. Его кровать, скрипя, просела, когда он сел на своё привычное место возле стены. — Но шоколад никогда не помешает. В нём что-то есть, что поднимает настроение.

Я рассмеялась сквозь слёзы. В этот момент у меня действительно не было желания есть шоколад. Тем не менее, я взяла его и сунула кусочек в рот. Смотреть на Тильмана я всё ещё

не хотела.

— Я считаю, ты судишь себя слишком строго, Эли. — Тильман говорил снова как учитель. Теперь я знала, что это было, можно сказать, наследственно. — Если завтра на землю упадёт астероид, наверное, ты тоже будешь виновата, потому что в тайне пукнула, и этим нарушила орбиты планет, не так ли?

Я вытащила салфетку из кармана джинсов и основательно высморкалась, прежде чем решилась ответить.

— Я просто не могу вынести мысль о том, что моя мама сидит совершенно одна в этом большом доме и втайне меня ненавидит. Теперь у неё никого нет. Но я не могу находиться и рядом с ней, потому что меня постоянно преследует такое чувство, что я должна защищать себя. И в то же время мне так её бесконечно жаль. Мне так её жаль!

— Да, но твоя мама взрослая. Кроме того, я немного порасспросил моего отца насчёт него и его разговора с ней. Ты совершенно неправа, Эли.

— Неужели она что-то рассказала ему?

— Нет, не рассказала. Мой папа тоже думает, что твой отец пропал без вести. Но твоя мама, вероятно, сказала, что уже давно ожидала этого и что снова и снова возникали критические ситуации.

— Критические ситуации? — Я повернулась к Тильману, так как мои слёзы более и менее высохли. Критические ситуации — это было милым приуменьшением. И так типично для мамы. Тильман кивнул.

— И она также сказала, как ужасно ей его не хватает. И что иногда это было почти ещё хуже для неё, постоянно бояться того, что он исчезнет. Но прежде всего она беспокоится о тебе. Что ты можешь начать его искать. Она ожидает это и просто надеется, что твоей душе не будет нанесён ущерб. Это она сказала моему отцу. А это звучит не так, будто она тебя ненавидит.

Я положила себе на язык второй кусочек шоколада и позволила ему медленно растаять во рту. Тильман ошибался. Он умел утешать, хотя при этом излучал обаяние морозильника, и его слова не могли меня ни успокоить, ни освободить от чувства вины.

— Кроме того, я считаю, что ты хорошо справляешься. Ты пытаешься спасти своего брата, и с Клином, пожалуй, тоже не так просто. И мимоходом ещё заканчиваешь гимназию на отлично. Тебе нужно быть немного более мягче к себе самой. Правда, расслабься немного, Эли.

— Расслабится, — фыркнула я. — Пффф... — Для меня всегда было загадкой, как это сделать. По команде расслабиться. Я слышала это изречение не в первый раз. Тем не менее, я знала, как должна оценить его, когда это говорил Тильман. Тильман от меня ничего не ожидал. И сделать я должна была это вовсе не для него, а для себя.

— Кроме того... — Тильман вытянул руки над головой и зевнул, хрустя челюстью. — Кроме того, у меня для тебя есть сюрприз. — Он указал на полочку, находящуюся по диагонали надо мной. — За старой сумкой врача.

Я встала и отодвинула сумку в сторону.

— Камера!

Тильман сделал это — дырка была просверлена, камера установлена. Чтобы проверить, я её включила и посмотрела через объектив. Она была направлена прямо на кровать Пауля, под впечатляюще широким углом, который включал в себя так же окно.

— Она может записывать в течение трёх часов, если поставить на низкое качество, —

объяснил Тильман гордо. — Так что мы можем и заснуть. Нам только нужно будет включить её вовремя. Это уж у нас точно получится.

— А что, если он её заметит? Если он каким-то образом почувствует, что за ним наблюдают? — спросила я, и мой голос прозвучал внезапно очень пискляво. — Ты ведь знаешь, что Мары не хотят быть обнаруженными.

— Это только камера. Объектив. Не человек. Не так ли? — Тильман коротко прикусил свою губу. Он был тоже настолько же не уверен, как и я. У Колина был исключительно тонкий инстинкт. Он бы сразу же заметил, если бы камера снимала — нет, если бы она снимала с целью заснять его. С другой стороны, сегодня почти везде находились какие-то камеры. А через Google Earth можно было шпионить почти за любым домом. Это тоже, в конце концов, не мешало Марам охотиться.

Я посмотрела на свои наручные часы. Было незадолго до полуночи.

— Колдовской час..., - сказала я вполголоса. Мы зачарованно прислушались. Слив туалета зажурчал, очень знакомый звук, но намного громче я слышала стук моего сердца в голове. Теперь хлопнула дверь ванной. Значит, Пауль как раз шёл в кровать.

Тильман встал, подошёл ко мне, бросил контрольный взгляд через объектив и нажал на кнопку запуска.

— Запись идёт.

Я искала его взгляда. Могло случиться так, что он был последним человеком, на которого я посмотрю. Миндалевидные глаза Тильмана спокойно встретились с моими, но, как всегда, очень внимательные. Как сказал Колин? От него ничего не ускользает. И именно в этом заключалось моё преимущество. Казалось, мои ладони покалывает. Они хотели коснуться человеческой кожи. Удостовериться в том, что могли чувствовать жизнь. Я противостояла моей потребности погладить его по веснушчатой щеке, отвернулась и легла, как онемевшая, в кровать. Одеяло я натянула до самого подбородка, как в детстве, когда боялась пауков и ведьм. Мягкий материал на теле придавал мне ощущение, будто удерживает вдали от меня всё зло. Оно было моей защитной оболочкой. Но теперь это больше не работало.

Тильман сел возле стены напротив, скрестив ноги, обмотав одеялом плечи. Как тогда в лесу, перед своей сауной-палаткой.

— Если хочешь, поспи немного, — сказал он. — Я попытаюсь бодрствовать, как можно дольше. — И хотя я чувствовала, что ужас приближается, и первые пары гнили уже проникали через закрытые окна, чтобы каждую клеточку моего тела повергнуть в панику, моё сознание всего за какие-то секунды проиграло битву тьме.

Глава 29.

Крупным планом

Я приближалась сверху, с безопасного расстояния. Я хотела только понаблюдать за ним. Было приятно делать это. Большого мне было не нужно. Я спустилась ещё на несколько метров вниз. Теперь я почувствовала запах соли пенящихся волн и услышала прибой, но они не могли мне навредить. Я была здесь не из-за них. Я пришла из-за него.

Я хотела навсегда закрепить в памяти его движения. Поношенная, тонкая ткань его кимоно развивалась на ветру, когда он приготовился прыгать, гибко повернулся, развернул свою верхнюю часть тела и выбросил кулак вперёд. Волны омывали, бурля, его лодыжки, но они не сбивали его даже на секунду. Идеальное равновесие.

Его противники оставались невидимыми, его веки опущенными. Он сконцентрировался только на себе. Он не замечал меня, хотя я пристально смотрела на него и ни разу не моргнула, чтобы не пропустить ни одного мгновения. Каждая доля секунды была ценной. Я любила то, что видела. Я любила это так сильно, что меня не могла прогнать даже тень, которая, грохоча, поднялась надо мной. Я не повернулась в её сторону. Пусть похоронит меня вместе с ним. И поэтому я улыбалась, когда вода сомкнулась надо мной и потащила вниз, вглубь холодной чёрной пустоты океана.

Потом давление ушло, а тьма рассеялась. Я больше не была в море. Я была в квартире которую не знала, но это была моя квартира. Это была моя первая ночь здесь. Я посмотрела на улицу. Я находилась посередине огромного города — такого огромного, что я не могла представить себе его пределы. Передо мной возвышался головокружительно высокий дом, рядом с ещё одним, между ними проходили совершенно прямые узкие улицы. В поле зрения ни одного дерева. В окнах не было света. Ни одна машина не проезжала мимо.

Все люди спали. Или были уже мертвы. Я точно знала, что мне нужно делать. Я должна было найти кого-то, кто лёг бы рядом со мной. Потому что если я останусь одна, то не переживу эту ночь.

Поспешно я выбежала из своей квартиры и начала бродить по пустынным улицам, заглядывая в витрины магазинов и дома, но ставни везде были закрытыми или жалюзи опущены. В отчаянии я обеими руками нажимала на кнопки звонков небоскрёбов, расположенные на уровне человеческого роста. Никто мне не открывал. Переговорные устройства оставались тихими.

И мои шаги стали тяжёлее, а мой пульс более медленным. Они преследовали меня. Они подстерегали. Я могла чувствовать их взгляды, их жадное дыхание. Я чувствовала запах гнили. Крысы выползли из люков канализации, заползали в мои штанины и цеплялись за мою голую кожу, когда я, шатаясь, достигла переулка и, наконец, нашла открытую дверь. Тяжело дыша, я проскользнула в неё и с трудом забралась по узкой лестнице к единственной комнате, которая была в этом доме. Большая, широкая кровать стояла в углу, накрытая бархатным покрывалом, освещённая только одной мерцающей свечой. На четвереньках я потащила к кровати, положила руку на матрас и захватила пальцами тонкую простыню, чтобы вскарабкаться наверх. Мне это не удалось. Я была слишком слаба. Но потом кто-то нежно взял меня за плечи и притянул к себе.

— Гриша, — пробормотала я устало. — Это ты.

Да, это был он. Сегодня ночью я буду находиться в его объятьях. С ним я была в безопасности. Я обхватила руками его тёплую шею и прижала ухо к груди, чтобы послушать такт его сердца. Оно билось сильно и равномерно. Гриша попытался оторвать мои руки от своей шеи, но я не могла этого допустить. Это будет означать мою смерть. Я сильнее переплела мои пальцы друг с другом и сосредоточилась только на его сердце... Если оно билось, то мы были живыми...

— Эли. Давай же, просыпайся. Мне уже почти не хватает воздуха. Эй! Эли!

Я так внезапно поднялась, что мой лоб ударился о подбородок Тильмана. С металлическим лязгом его зубы стукнулись друг о друга. Быстро я откатилась в сторону, ожидая того, что упаду на пол, но это меня устраивало, если при этом я не буду и дальше цепляться за него, как собака, у которой течка. Но я не упала. Кровать Тильмана, по-видимому, за ночь стала в два раза шире. Или мы снова лежали в комнате Пауля?

Растерянно я огляделась. Нет, мы были в нашей комнате, и всё выглядело так же, как

всегда — с небольшой разницей, что обе наши кровати теперь стояли вплотную друг к другу.

— Мера безопасности, — объяснил Тильман и потёр свою пострадавшую челюсть. — Ты спала так беспокойно. Я думаю, тебе потихоньку пора решать твою проблему с Колином.

Я сильно покраснела.

— Я только что видела сон не про Колина.

— Нет? — Тильман весело усмехнулся. — Значит, всё же обо мне?

— Нет! О... Не имеет значения. — О, конечно это имело значение, даже большое. Потому что я уже во второй раз видела сон о Грише, а проснулась в объятьях другого мужчины. И, к сожалению, в этот раз это был Тильман, а не Колин. Почему, к чёрту, я вообще увидела сон про Гришу? Я провела пальцами по волосам, чтобы изгнать все образы сновидения.

— Извини, пожалуйста, — сказала я натянуто. — Я не хотела быть с тобой такой бестактной. — Потом я увидела, что Тильман держит в правой руке камеру, снова испугалась. — Пауль! Мне нужно проверить Пауля...

— Уже посмотрел. Всё в порядке. Он мирно похрапывает. — Со вздохом облегчения я позволила себе упасть назад на матрац. У меня в ушах всё ещё раздавалось глубокое, равномерное биение сердца Тильмана, и я чувствовала слабый отблеск тепла его тела на своей щеке.

— Нам нужно проверить запись, пока он спит. — Тильман помахал камерой. — Нам для этого понадобится ноутбук Пауля.

Я всё равно хотела в туалет. И мне срочно были нужны несколько минут, чтобы прийти в себя. У меня было такое чувство, будто я изменила Колину — и к тому же ещё в двойне. С Гришой во сне и с Тильманом в реальности. Оба обстоятельства были не в моей власти, но это не делало их, благодаря этому, более приемлемыми. В тот момент мне даже не пришлось преодолевать себя. Я искала эту близость.

Требование Тильмана, решить "проблему" с Колином, было, возможно, не таким уж неправильным. Кто знает, что в последующие ночи я сделаю с Тильманом, когда мне будет сниться сон о Колине (или Грише) или же мне придётся спасти себя от нападающих Маров? Но ещё я не могла заставить себя сделать это. Страх ещё был слишком сильным. Я ждала знамения, которое покажет мне, что пора поехать к нему — но что, если знамения никогда не будет? И он в какой-то момент откажется от меня?

На обратном пути из ванной я взяла ноутбук Пауля, который как всегда лежал на кресле в гостиной, потому что он снова часами сравнивал в интернете потребительские товары. Тильман тем временем уже оделся, вытащил чип-карту из камеры и вставил её в считывающее устройство, которое он натренированным жестом подключил к ноутбуку.

— Чёрт..., - выругался он тихо, когда открылось окно с информацией о файле.

— Что такое? Что-то не так? — спросила я нетерпеливо и посмотрела ему через плечо, хотя сама ненавидела, когда кто-то делал так со мной.

— Величина файла слишком маленькая. Только четырнадцать мегабайт. Карта памяти же вмещает семь гигабайт.

— Ну, давай! Включай фильм! — Я хотела уже вырвать ящик у него из рук, когда появились песочные часы и медиаплеер открылся. Он представил нам Пауля, как тот лежит в кровати и спит, в первый момент мне показалось это таким личным, что я смущённо отвернулась.

— Не прикидывайся, Эли, — сказал Тильман невозмутимо. — Совсем недавно ты на

меня набросилась, и это тебя не смутило.

— Я не набрасывалась на тебя! Кроме того, мне из-за этого было даже очень неловко.

Тильман не отреагировал на мой протест. Он передвинул полосу прокрутки вправо. Пауль всё ещё спал, теперь на спине. Потом изображение коротко заморгало. И потухло. Запись закончилась.

— Дерьмо! — прорычал Тильман. — Я так и думал. Камера отключилась.

— Там вообще ничего нет? Даже намёка? Вернись к последним секундам и включи громкость на полную катушку. — Я приказала сделать это не особо вежливо, но Тильман будет знать, как себя вести в такой ситуации. В конце концов, он тоже не обращался со мной тактично. И что за чудо — он сделал то, что я ему сказала.

Храп Пауля раздавался из динамиков, нерегулярный и страдальческий. Я так сильно сосредоточилась на звуках из фильма, что думала, что чувствую, как вибрируют реснички в моём ухе.

— Стоп! — воскликнула я. — Ещё раз назад. — Теперь Тильман тоже услышал это. Почти не слышимый, размеренный всплеск. Движения пловца.

— Значит, мы не ошиблись. Оно выходит из воды, — констатировал Тильман удовлетворённо. В целом мы могли различить пять плавательных движений. Потом запись прерывалась. Тильман решительно покачал головой.

— Это бессмысленно. Он выводит камеру из строя, прежде чем вообще забирается на стену. Или она.

— Это он.

— Откуда ты это знаешь? — Тильман посмотрел на меня вопрошающе.

— Не знаю откуда. Я просто в этом уверена. У меня такое ощущение. — Я потёрла себе руки, чтобы избавиться от мурашек на коже, которые покрыли всю верхнюю часть моего тела. — Класс. Теперь мы впустую просадили шестьсот евро и ни капельки не продвинулись вперед.

Я вытащила считывающее устройство из USB порта и хотела закрыть ноутбук, но Тильман засунул свою руку под крышку.

— Подожди. У меня появилась идея, как это может сработать. Я попытаюсь заполучить камеру супер-8.

— Что именно ты понимаешь под "заполучить"? И что такое супер-8?

— Купить, может, на аукционе, в крайнем случае, украсть. — Тильман вошёл в интернет и открыл eBay. — Супер-8 — это старый формат фильма из семидесятых годов. У моего отца есть такая камера, от бабушки. Он брал её на экскурсии. Эта штука совершенно не практична, но зато не цифровая.

— Может быть, это сработает. — Я должна была признать, что мне импонировала прагматичная логика Тильмана при решении нашей проблемы. В тоже время постепенно, но верно, я чувствовала себя совершенно лишней в этой игре. Всё, что я до сих пор сделала, было напугать журналистку и организовывать ужин. При том, что я даже не могла готовить. Я снова исчезла в ванной, чтобы принять душ, поставила готовиться кофе, и вернулась назад в нашу комнату. Тильман, нахмурившись, стучал по клавишам ноутбука.

— Так..., - сказал он, не подняв взгляда. — Всё не так просто. На eBay я получу и камеру, и плёнку, там есть некоторый выбор. Но срок годности плёнки давно истёк. Сегодня её уже никто не производит.

— Срок годности, — ответила я непонимающе.

— Да. Она может испортиться. Но нам нужно будет рискнуть. Кроме того, мне нужна XL-камера, чтобы мы могли записывать в темноте. С обычным супер-8 устройством это не работает. И нам нельзя будет заснуть. — Тильман поднял голову и посмотрел на меня. — Время записи на плёнки всего три минуты двадцать секунд.

— Три минуты? Про это можно забыть! — воскликнула я разочарованно.

— Не спиши с выводом. Во всяком случае, мне нужна кредитная карточка. Весь этот хлам нужно покупать сразу, и он должен быть выслан как можно скорее. Продавцы делают это чаще всего только при оплате кредитной картой. — Тильман требовательно на меня посмотрел.

— У меня нет кредитной карточки!

— Но она есть у твоего брата. Его кошелёк лежит снаружи на столике в коридоре. Эли, пожалуйста, он заметит это только тогда, когда придёт расчёт. Если до того времени он будет ещё жив.

А если нет, то Францёз унаследует всё его богатство — вместе с Porsche, но, как известно, цель оправдывает средства. Я бросилась в коридор, вытасила кредитную карту Пауля из кошелька и дала её Тильману, который выписал себе несколько номеров, и снова отдал её мне.

— Это всё. Можешь положить её обратно. — Он снова повернулся к ноутбуку и начал просматривать разные распродажи на eBay.

— Во сколько всё это обойдётся?

— Твой брат это переживёт. Камера, плёнка, проектор с экраном, пара химикатов и...

— Химикатов? — спросила я настороженно.

— Да. Для проявления. Или ты хочешь запись видео с атакой Мара отдать в чужие руки? Кроме того, у нас нет времени для таких шуток. Я собираюсь проявить сам весь этот хлам.

Тильман отвечал теперь лишь неохотно. Я его обременяла. Но мне его рвение было только на руку. Чем быстрее мы сможем предоставить Паулю доказательство, тем лучше. И, в конце концов, мне тоже нужно было позаботиться о некоторых вещах, хотя они казались мне менее привлекательными, чем то, что собирался сделать Тильман. Это была работа домохозяйки. Сегодня была пятница. Мне не осталось и двадцати четырёх часов, чтобы организовать ужин. Самое время посвятить в это Пауля. Ему не должно придти в голову завтра вечером заняться чем-то другим.

— Эй! — воскликнул Тильман, когда я захотела удалиться. — Мне будет нужен Volvo.

— У тебя нет прав, Тильман.

— Господи, ты что, с недавних пор вышла за муж за закон? Что с тобой такое, Эли? Когда посреди ночи я должен был отвезти тебя к Колину и Тессе, тебе на это было наплевать, были ли у меня права или нет. Тогда ты просто делала, что было нужно, и не задавала глупых вопросов.

— Но теперь я за тебя в ответе, разве ты не понимаешь?

— Не в ответе. Вовсе не в ответе. Я и сам могу о себе позаботиться. Ладно, другое предложение: ты отвезёшь меня через весь Гамбург в Фульсбюттель. Именно там находится камера вместе с принадлежностями, которая продаётся и которую я мог бы забрать. И честно скажу тебе Эли, после нашей поездки сюда я знаю, что это опасно, когда ты сидишь за рулём. Ты едешь как подпалённая свинья. А твои мысли всегда где-то блуждают.

— Ладно, пожалуйста! — зашипела я и бросила ему ключ от машины на колени. — Ты можешь быть таким навязчивым! Блин!

Тильман только усмехнулся, прежде чем снова обратить своё внимание на компьютер. Я взяла две чашки кофе из кухни, нажала локтем на ручку двери, ведущую в комнату Пауля, и осторожно протиснулась в неё.

Пауль лежал на боку, спиной ко мне, лицом к окну. Я застыла на месте. Я не слышала звука дыхания. Но Тильман ведь сказал...

— Я не сплю. — Пауль с трудом поднялся и прислонился к спинке кровати. Его волосы образовали взъерошенное птичье гнездо, а на левой щеке складки подушки после сна оставили глубокие борозды. Он выглядел так, будто участвовал в тяжёлых боях. — Уже как две минуты. Почему ты так хлопаешь дверью?

— Разве? — спросила я, изобразив невинное выражение лица. — Вот, кофе для тебя. — Пауль постучал рядом с собой по подушке, приглашая меня сесть.

— И для себя, как я вижу. Ну, подойди же ко мне, Люпенька. — Он взял пульт дистанционного управления стереосистемой, которая стояла на комод, и выбрал одну из своих чилл-аут коллекций. Когда я оставалась одна после обеда в этой квартире, я постепенно все их прослушала и даже нашла несколько песен от Моби, которые ещё не знала. Мне начинала нравиться эта музыка, хотя я не знала, для чего она была нужна Паулю. Она помогала ему оправиться после его ночных сражений?

Мы пили кофе, слушали нежные, ласковые звуки и несколько минут не говорили. Я могла бы просидеть здесь с Паулем целую вечность, ноги завёрнуты в одеяло, голова склонена на его плечо. В эти светлые утренние часы я могла вытеснить из мыслей то, что случилось здесь почти каждую ночь. Мар отдыхал, а мы могли перевести дух и подготовиться.

— Ты..., - начала я вяло. — Я кое с кем тут познакомилась, с девушкой, и я её пригласила. Сюда.

— Ты с кем-то познакомилась? Где? — спросил Пауль с интересом.

— В Кунстхалле. Мы случайно разговорились. — О, как это было классно, не обманывать. Мне нужно насладиться этим, прежде чем всё закончится. Я на один момент остановилась и посмотрела на Пауля. «Говорила ли я тебе уже, что люблю тебя?», подумала я. — Её зовут Джианна. Она придёт в субботу. И я... я буду рада, если ты тоже там будешь.

Пауль улыбнулся.

— Конечно. Почему бы и нет? Я ничего другого не запланировал, а Француз всё равно весь день будет в Берлине, потому что...

— О, круто. Не пойми меня неправильно, Пауль, но Француз иногда слишком утомляет, и я думаю, ему не нравятся женщины.

Пауль решительно покачал головой.

— Нет, ты ошибаешься, Эли. Француз ничего против женщин не имеет. Он может быть очень обаятельным, когда захочет.

— Что же. Со мной, значит, он этого не хочет.

— Не бойся. Как я уже сказал, он будет в Берлине и вернётся только поздно вечером. На переговоры о контракте он всегда ездит один. Что бы я ни делал, он не берёт меня с собой. Он говорит, что я слишком грубый в общении и отпугиваю людей.

— Ты? — Я коротко рассмеялась. Пауль был всегда человеком, который притягивал людей к себе. Он буквально в считанные минуты мог как мужчин, так и женщин при помощи шутки или какого-нибудь замечания заставить открыться. Он даже ладил с Тильманом. Хорошо, его шутки не всегда были веселыми. Тем не менее, он был определённо

намного симпатичнее, чем Францёз.

— Мы почти не разговаривали в последние дни, сестричка. Как идёт твоя терапия? — О да. Моя предполагаемая терапия у доктора Занд. Господи, про неё я совершенно забыла. Теперь мне придётся броситься в омут обмана.

— Очень хорошо, я думаю. Я чувствую себя немного лучше.

— Да, я это вижу. Ты прибавила в весе, не так ли? Теперь уже не такая худая. Он поставил уже определённый диагноз?

Диагноз. Ещё и это. Теперь пригодится мой талант к импровизации.

— Э-э... да, поставил, но он сказал, что в настоящее время слишком рано говорить мне об этом. Он хочет подождать, пока я буду более стабильной.

— Это говорит за него. Очень хорошо, — ответил Пауль одобрительно и заботливо погладил меня по спине. Я не уклонилась. — Что он говорит, можешь ли ты пойти учиться в университет? Ты уже там огляделась?

Хорошее ключевое слово. Учёба в университете. Из этого можно кое-что сделать.

— Ну да. Я хотела бы пойти учить биологию, медицину или биохимию. Но я боюсь, что через несколько семестров пойму, что это не для меня. Как ты, собственно, это заметил? Я имею в виду, безусловно, была какая-то причина, почему ты выбрал искусство, не так ли? Не учитывая, конечно, деньги?

Лицо Пауля омрачилось. Он закашлял и схватился за грудь. Его дыхание стало тяжёлым.

— Я вдруг больше не мог делать это. Я работал в больнице медбратом и внезапно стал постоянно заражаться от пациентов всяким дерьмом. Я только и делал, что болел. И... с одного дня я стал ко всякой мелочи испытывать чувство отвращения. Когда я мыл пациента, мне становилось почти плохо, я больше не мог менять подгузники или вытирать рвоту. Я не знаю, почему так случилось. Но это больше не уходило. Между тем я испытываю чувство отвращения даже к крему для бритья и гелю для душа. Они такие скользкие. Я всегда хочу быстро смыть их с тела.

Пауль прервал себя. Я попыталась понять, что он мне рассказал. Чувство отвращения? Всё, что я раньше считала противным, заставляло глаза Пауля святиться. Во время каникул он из воды, муки, яйца и какао подделывал дерьмо и с самоотверженностью распределял его на все крышки унитазов и дорожки в саду бабушки. Он экспериментировал со слизью улиток, а с личинками из мусорной бочки устраивал гонки на столе гостиной (в тот день даже у мамы была истерика). Всякий раз, когда у кого-то шла кровь, Пауль был там. Один раз он даже облизал кровь, которая капала у меня из раны на коленке, потому что хотел знать, какой она была на вкус.

Но только что он мне не соврал. Это я точно знала. Пауль перенёс полное изменение личности, и в этом, должно быть, был виноват Мар. Это было единственным объяснением, которое пришло мне в голову. Потому что это подходило так же к его слабой иммунной системе. Обычно у медицинского персонала в больнице со временем появлялась более стабильная иммунная система. С Паулем же случилось всё совсем наоборот. Что насчёт этого сказал Колин? Мары могли нанести ущерб защитным механизмам человека.

— Как давно это случилось? — спросила я в свободном разговорном стиле, хотя мне стало плохо, так что я почти больше не могла чувствовать запах кофе и отставила свою чашку в сторону.

— Два года назад я перестал работать в больнице. А полтора года назад забросил учёбу в университете. В этом больше не было никакого смысла. Исследованиями я не хочу

заниматься. Это не для меня. — В виде исключения в этом он был прав. Пауль любил работать своими руками.

Два года назад... Это означало, что он, как минимум, уже два года подвергается атакам. На одно мгновение у меня появилось такое чувство, что кровать под нами сносит в сторону. Как он только мог это выдерживать? В один момент я поняла, каким сильным был Пауль. Сильным и стойким. Он не знал, что с ним происходило, чувствовал каждый день, что становился более вялым и обессиленным и что ему не хватало энергии для самых обычных вещей. У него была депрессия и меланхолия. И, тем не менее, он каждое утро вставал с кровати, которая однажды ночью станет его могилой, и церемонно завтракал, как будто у него ещё были все возможности мира. Он каждое утро начинал жить заново. То, что он считал себя геем, вдруг стало для меня несущественным.

Теперь он снова закашлял, и я ясно слышала, что его лёгкие вибрировали.

— Блин, я такой разбитый... Я хотел бы знать, из-за чего это у меня. Но врачи ничего не находят.

— Может быть, это уйдёт само по себе. Ты просто должен иметь немного терпения. Тогда наступит весна, и всё станет лучше. — Мой голос дрожал, но я избегала вопросительного взгляда Пауля. Хорошо, что я дала Тильману кредитную карточку. Надеюсь, что он был в пути, и надеюсь, он не попадёт в аварию. Сейчас он был нужен мне, как никогда. Нам нельзя делать ошибок. Я проглотила свою панику и встала.

— Ладно. Завтра вечером в шесть, я что-нибудь приготовлю. — Я поспешно удалилась на кухню, прежде чем Пауль смог заметить мой страх. Два года. Почему так долго? Почему Мар прямо-таки впился в него? Это было не типично. По словам папы и Колина, Марь работали эффективно. Они высасывали, что могли получить, пока сны не теряли свою питательную ценность. Потом они оставляли своих жертв. Возможно ли то, что он был атакован несколькими Марами подряд? И было ли это связано с папиными махинациями? Была ли это своего рода месть Маров за то, что полукровка вмешался в их дела?

Существовало только одно существо, которому я могла задать эти вопросы. Колин. Я услышала, как в голове зашумел прибой, когда в первый раз после той несчастной ночи произнесла название острова, на котором это случилось.

— Тришин. — Я ненавидела это слово. Оно было моим личным ужасом, как дракон Катла для братьев Львиное сердце. Но они преодолели свой страх перед Катлай.

И, тем не менее, я оставалась сидеть за кухонным столом, уставившись на свои бледные руки, которые пассивно лежали предо мной, и ждала, пока Пауль не пришёл ко мне и не включил музыку, он из необъяснимых источников заправился силой, а вода — гибель для нас обоих — отражалась, переливаясь, в его глазах.

Глава 30.

Танец Солнца

— Ну, наконец-то! Вот и ты! — воскликнула я более укоризненно, чем хотела, когда Тильман ворвался в комнату примерно в десять часов вечера, в обеих руках держа два больших бумажных стакана кофе на вынос, а на плече висела набитая спортивная сумка. — Где Пауль? Как он? Всё в порядке? Ты достал камеру?

— Осторожно, горячий. — Тильман сунул мне в руку один стакан. — Выпей так быстро, как можешь. — Он опустил сумку на пол и поставил свой бумажный стакан на письменный стол. — С Паулем всё в порядке. Всё время после обеда оба были в сауне.

Теперь они сидят внизу в ягуаре и ссорятся.

Я с чувством отвращения скривилась. Пауль и Францёз вместе в сауне — этого я не хотела себе представлять, но моё воображение это вовсе не интересовало. Оно просто сделало это, не спросив меня.

— Что там внутри? — Я открыла крышку бумажного стакана и понюхала. Аромат кофе был таким интенсивным, что я отпрянула и закашляла.

— Два двойных эспрессо. — Тильман достал массивную камеру из сумки. — Ты увеличила дырку?

Я только кивнула. Тильман позвонил мне в обед по мобильному, приказал до вечера ничего больше не есть и увеличить отверстие в стене, потому что в новой камере объектив был намного больше. Теперь у меня был зияющий пустой желудок и ещё больше мозолей на пальцах, и к тому же всё ещё ничего не запланировано для завтрашнего вечера. Но у дыры был нужный диаметр.

— Глаз змеи я полностью вырезала из полотна и потом прикрепила его лентой, клеящей с двух сторон. В противном случае, это было бы заметно. Нам нужно будет только убрать её, как только Пауль уснёт. Он останется ночевать здесь? — Я почти не могла скрыть то, что бы было видно мою надежду. Если Пауль будет спать у Франйза, то Мар не придёт. У нас будет самая нормальная ночь. Мы могли просто лечь и поспать.

— Да. Поэтому оба как раз и ругаются. Пауль измотан из-за сауны и хочет только скорее в свою кровать. Один. А Францёз чувствует себя вновь преданным. При этом он мог ведь весь день лапать твоего брата. А я мог в галереи спокойно заниматься камерой.

Мы услышали, как захлопнулась входная дверь. Мы уже какое-то время назад объявили нашу комнату своей личной зоной и просили Пауля в будущем стучаться. Так у нас всегда было время устранить возможные подозрительные моменты. Естественным результатом этого соглашения было то, что Пауль думал, что у нас с Тильманом шуры-муры. Хотя это было и неприятно, но необходимо.

Но Пауль не постучался. Он только, зевая, крикнул:

— Спокойной ночи, Люпине! — потом в ванной начала течь вода. Значит, он сразу ляжет спать и не будет смотреть телевизор. Очень хорошо. Тильман установил камеру на полке и вставил первобытную плёнку. Затем он повернулся в мою сторону, и его осведомлённое выражение лица подсказало мне, что последует лекция.

— Можешь выпить, пожалуйста, твой эспрессо? Если возможно, то залпом. — Я послушно отхлебнула и затряслась. Он был совершенно не сладким и на вкус как смола.

— Мы должны сделать всё, чтобы остаться бодрыми. Когда ты голоден, то не можешь хорошо спать, — читал лекцию Тильман, подошёл к окну и отключил отопление. — Так же, когда тебе холодно. Насчёт эспрессо мне, вероятно, объяснять не нужно.

Нет, не нужно. Давясь, я залила остаток в глотку. Тильман забрал у меня бутылку воды из рук и поставил её на самую верхнюю полку.

— Больше не пей. Нам нельзя разбавлять кофе. Но самое важное...

Он встал на колени и вытащил два MP3-плеера из спортивной сумки. Один принадлежал ему, другой был новым и, несомненно, оплачен кредиткой Пауля. Или моими деньгами, которые я уже давно не считала.

— Музыка? — Я посмотрела на Тильмана вопрошающе.

— Тогда, в лесу, ты сказала, что мне нельзя думать о Тессе, потому что, в противном случае, она меня учует, не так ли? А здесь разве не то же самое? Нам ни в коем случае нельзя

думать о Маре.

Я отказалась от того, чтобы одобрительно закивать. По-видимому, теперь Тильман был Джеймсом Бондом, а я всего лишь его глупой Мисс Манипенни, которая проводила свой день, ничего не делая, добывая деньги и просверливая дыры в кирпичных стенах, а вечером услужливо ожидала своего господина и хозяина. Новое распределение ролей мне вовсе не нравилось.

— Будет лучше, если мы погрузимся в своего рода транс. Мы не спим, но и не думаем много. Поэтому вот. — Он протянул мне MP3-плеер и потребовал скудным жестом, чтобы я засунула наушники в уши. Я нажала на кнопку Play и послушала первую песню. Я была не знакома с этим жанром музыки.

Но я и не хотела знакомиться с ним. Жёсткие, быстрые удары — слишком быстрые и слишком жёсткие. Почти как техно. Я нажала на Stop и посмотрела на Тильмана с сомнением.

— Ты так поспешно делаешь выводы, Эли. Через двадцать секунд.

— Я не могу послушать что-нибудь другое?

— Что, твой скулёж Моби? Да с ним ты тут же заснёшь! Кроме того, под него невозможно хорошо танцевать.

— Я должна буду танцевать?

— Мы оба. Каждый сам для себя. Мы ведь не можем поставить музыку громко, если Пауль должен заснуть. — Тильман выпил свой эспрессо, а его жёсткие резкие движения сказали мне, что я действовала ему на нервы.

— Но обязательно это должно быть техно? — проворчала я.

— Это не техно. Это народный танец. Песнопения индейцев и аборигенов, смешанные с трансом. Я нашёл диск у твоего брата, он в самый раз. Блин, Эли, не смотри так! Прости, просто не успел так быстро пригласить сюда шамана с барабанчиком!

— Ладно уже, — проворчала я. — Но я не могу танцевать. Не просто так. — Вздыхая, Тильман опустил на кровать. Напряжённо он потирал свои бёдра.

— Нет, можешь. Я видел это тогда, на вечеринке в стиле восьмидесятых в Шике. Если ты стесняешься, я могу тебя успокоить. Я не буду на тебя смотреть. Я буду держать глаза закрытыми, и тебе тоже следует поступить так же. Просто слушай удары и звуки. Ни о чём другом не думай. И двигайся под них. Кто танцует, тот не спит. — Тильман снова встал. — Ты не знаешь много о музыке, не так ли?

Я пожала плечами.

— Мне это нужно?

— Нет, но... Техно, в принципе, это нечто другое, как то, что делают коренные народности, когда танцуют, погружаясь в транс. Размеренные удары в ритме сердца. Любое Пау-вау так работает. — Ну, по крайней мере, я знала, что такое было Пау-вау.

(прим. редактора: Пау-вау — специфическое мероприятие, на котором американцы и индейцы собираются танцевать, петь, общаться, обсуждать индейскую культуру.)

Тильман снял через голову свой пуловер и свою футболку. При том, что в комнате было уже неприятно холодно. Значит, он действительно хотел это сделать.

— Мне что, теперь тоже так сделать? — спросила я язвительно, но голая грудь Тильмана заставила меня замереть. Я забыла про моё смущение и наклонилась вперёд, чтобы взглянуть на него более внимательно. Над его сосками были два плохо заживших вздутых рубца. Они выглядели так, будто он разорвал себе кожу в клочья.

— Что это такое? — Я не могла вспомнить, что у него были эти рубцы летом. Хотя у меня и вправду были другие заботы, когда Тильман стащил со своего тела футболку и пошёл навстречу Тессе, но эти рубцы я бы точно заметила. Они были новыми. Края ран светились красноватым, почти как воспалённые. Тильман сделал вид, что не услышал мой вопрос, и с опущенными веками опустошил свой эспрессо.

— Эй! Пожалуйста, скажи мне, что это такое! Где это произошло? Они появились сами по себе? Это что-то общего имеет с ней?

— Нет! — Прервал меня резко Тильман. — Они исходят от меня.

— От тебя? Но как...? — Я в замешательстве подняла руки.

— Ты когда-нибудь что-нибудь слышала о танце Солнца? Нет? — Тильман глубоко вздохнул, и вдруг я поняла, что заговорила о чём-то очень личном. Он отвернулся от меня, прежде чем дать ответ.

— Закрепляешь под кожей тонкие ветки, привязываешь их верёвками к столбу, и танцуешь вокруг этого столба, пока не находишь в себе мужества вырвать ветки. Лакоте иногда для этого нужно несколько дней. Мне понадобилось полдня и одна ночь.

(прим. редактора: Лакота — индейский народ в США, аборигены Америки.)

— Ты проткнул себе кожу ветками? Ты понимаешь, что мог от этого умереть?

— Да. — Тильман посмотрел на меня холодно. — Но я не полный дурак, Эли. Сначала я прокипятил и продезинфицировал их, точно так же, как и бритву, которой я резал кожу.

— Почему, во имя всего святого, ты делаешь это? — Я автоматически прижала руку к груди. Это, должно быть, было чертовски больно.

— Познание своих границ, — ответил Тильман замкнуто.

— Разве у нас не было достаточно опыта в познание своих границ прошлым летом?

— Речь шла о моих собственных физических пределах. Кроме того, танец исполняют для того, чтобы найти ответы. Может быть, даже увидеть видение.

То, как он это сказал, дало мне понять, что он не нашёл ответа. Он ранил сам себя, танцевал день и ночь, чтобы вырвать ветки из груди, и всё равно не нашёл ответа. Тесса оставила в нём ещё более глубокое впечатление, чем я боялась. Она словно забралась ему под кожу.

Тяжёлые шаги Пауля проковыляли по коридору. Потом дверь его спальни щёлкнула. Молча, сидя рядом друг с другом на кровати, мы облокотились на стену и стали ждать. Через некоторое время я преодолела свою застенчивость и тоже сняла мою вязаную кофту и футболку, так, что сидела возле Тильмана только в рубашечке и джинсах. Он не удостоил меня и взглядом. Холод сразу же покрыл мою кожу мурашками, и я почти радовалась тому, что у меня будет возможность двигаться.

Потом, как будто исполняем тайную команду, мы наклонились вперёд и сняли обувь и носки. Мы будем танцевать босиком. По прошествии полчаса Тильман молча встал и прокрался к Паулю. Тихое шарканье за стеной сказало мне, что он убрал глаз змеи. Мы были готовы. Я встала и завязала волосы в непослушный хвост.

Беззвучно Тильман вернулся, выключил свет на потолке и взял у меня из рук мой MP3-плеер, чтобы включить его. Теперь только прикроватная лампа излучала желтоватый слабый свет. Наши призрачно огромные силуэты двигались на стене, а мерзости на полочках Пауля бросали гротескные тени на обои.

— Я запрограммировал их так, чтобы они играли те же самые песни, если мы в один и тот же момент нажмём на старт. — Он отдал мне устройство назад. Я положила палец на

кнопку.

— Один, два, три... — Мы включили их.

Я закрыла глаза и попыталась забыть, где я находилась, но мне это не удавалось. Слишком сильно я чувствовала тесноту этой комнаты и присутствие Тильмана. Я чувствовала запах его кожи, мужской и всё-таки мягкий аромат, а под моими веками горели бугристые рубцы на его груди. Доски пола начали мягко и ритмично вибрировать, когда он начал танцевать, но я всё ещё не двигалась. Мой рот пересох. Кофеин заставлял моё сердце бешено стучать и замирать, и, несмотря на ноющий холод, по моей спине пробегала горячая дрожь.

Не думай ни о Пауле. Ни о Маре. Ни о Колине, ни об отце, ни о матери. Только о музыке.

Вторая песня облегчила мне задачу. Стены, которые я только что ещё чётко ощущала, как стены тюрьмы, отступили. Потолок над нами улетучился. Я была одна и, тем не менее, различала шаги Тильмана, которые равномерно передавались через половицы пола и щекотали мне подошвы ног. Я подстроилась под них, сначала нерешительно, потом более и смелее, а потом мне больше уже не нужно было мужество. Это получалось само по себе.

Пол потерял свою твёрдость. Он стал приятным, уступал под моими голыми ногами. Я повернулась, оставила руки свисать вниз, один удар, один шаг, полповорота — ни о чём другом не думать. Моя голова откинулась назад, когда я чуть приподняла плечи, чтобы повернуть ладони вверх, и я думала, что чувствую горячее солнце на них, да, я чувствовала запах нагретых камней и древних дров, которые сгорали передо мной в песке.

Ритм моего сердца перестал замирать и настроился на удары. Моё тело было невесомым. Мы стали единым целым — Тильман, я, наши сердца, музыка. Образы в наших головах. Он взял меня с собой, далеко отсюда. Далеко от меня самой.

Пот стекал у меня по щекам и подбородку и сбегал вниз по позвоночнику, джинсы прилипли к ногам. Языком я ловила солёные капли и вытягивала из них новую энергию. Я не знала, как долго мы уже танцевали. Музыка не было конца, но я закричала бы, если бы она умолкла. Потому что только она позволяла мне молчать, и лишь чувствовать, быть лишь человеком. Сердцебиение, танец, дыхание. Я больше никогда не хотела открывать глаза. Здесь, в себе самой, в своей собственно бодрствующей темноте, было прохладно и безопасно.

Ни разу мы не коснулись и не задели друг друга, хотя ничего не видели. Я двигалась уверенно и гибко в темноте. И, тем не менее, ничего не могла поделать с тяжестью моих век, которая внезапно стала увеличиваться с каждым ударом барабана.

Мой рот так пересох, что я больше не могла глотать. Моему телу нужна была вода и еда. Но прежде всего ему был нужен сон. И оно возьмёт своё. Я хотела сделать музыку громче, но я и так уже поставила её на всю громкость. Слишком тихо... она была слишком тихой. Я, шатаясь, сделала несколько шагов назад, в сторону окна, потеряла чувство ритма и равновесие. Я почувствовала боль, когда падала, подоконник задрал майку вверх и ободрал тонкую кожу на моём позвоночнике, но это меня не беспокоило. Тёплая кровь стекала по моей спине.

Вибрирующий пол мягко и с теплом встретил меня. Не спи. Не спи... Посмотри на него... Посмотри на него и вернись назад к чувству своего ритма. Открой глаза. Ты должна сделать это. Из полуоткрытых век я посмотрела на Тильмана вверх. В комнате действительно больше не было стен. Не было комнаты, только огромное, светящееся

красным небо, купол полный гнева, злости и боли. Угловатые облака кружились вихрем вокруг Тильмана, когда он вращался по кругу, снова и снова вокруг своей оси и вокруг огня, с кровоточащей грудью и веткой в обеих руках, пока не закричал и в следующий барабанный удар бросил её в пламя.

Искры попали прямо мне в глаза. Теперь я должна была закрыть их, чтобы они не сгорели, чтобы я снова могла видеть и чувствовать. Я должна была научиться снова чувствовать. Я умру, если не начну снова чувствовать. Я сдалась. Небо растворило пол подо мной. Стало тихо.

Глава 31.

Совсем немного домашнего хозяйства

Ну что? Это сработало? — хотела я спросить, как только смогла вырваться из моих утренних снов. Но моё небо было настолько сухим, что у меня вырвалось только сухое бурчание. С закрытыми глазами я повернулась вправо, чтобы взять бутылку с водой. Мой лоб сильно ударился о стену. Стену? Почему здесь была стена? Ладно, бутылка с водой всё равно стояла на верхней полке, об этом я вспомнила в то же время, как набила себе шишку. Но почему я спала возле стены? Мы ведь сдвинули кровати вместе. Застонав, я с трудом поднялась.

— Бррр, — пробормотала я со слипшимся ртом. Мой желудок болел, следствие слишком крепкого эспрессо, а от голода мне было почти плохо. Но так как никто не отреагировал на мои полумёртвые жалобные стоны, мне ничего другого не оставалось, как открыть глаза.

Тильман действительно снова раздвинул кровати. Сидя на своём ложе, он облокотился на стену, колени подтянуты вверх, и смотрел мимо меня. Он казался каким-то изменившимся... Что с ним такое было? Вся его поза была для него нетипична. Он выглядел крайне нервным. Его нога раскачивалась вверх-вниз, а челюсть непрерывно двигалась туда-сюда.

Я, застонав, подтянулась с помощью полочек вверх и выловила бутылку с верхней полки, чтобы сделать большой глоток. Кровь на моей спине высохла, но царапины на коже горели огнём. Кроме того, у меня болели уши.

Было уже слишком поздно. Солнце стояло высоко, а из кухни доносился звон посуды. Значит, Пауль уже проснулся. Он никогда не выползал из кровати раньше одиннадцати, разве что он был должен сделать это. Но сегодня была суббота. У него был выходной. Я проспала необычно долго.

— Ты не мог бы оказать мне честь и поговорить со мной? Это сработало?

Тильман сжал, скрепя зубами, челюсти.

— Не сработало, — прорычал он. — Я тоже заснул. Вскоре после тебя.

— Вот дерьмо, — выругалась я. — Что нам нужно сделать, чтобы оставаться бодрыми? Этого не может быть! Ты действительно не смог ничего записать?

— Нет! Чёрт, я же сказал, что заснул! — Тон голоса Тильмана был настолько агрессивным, что я отодвинулась насколько можно к стене. Растерянно я стала искать его взгляда. Что только случилось с его глазами? Они казались больше чёрными, чем коричневыми, а его веки сильно покраснели. От него исходил болезненный, притуплённый свет. С беспокойным звуком он поднял нос вверх.

— Что ты на меня так уставилась? А? — спросил он грубо.

— Ничего, я... — Стук моего сердца участился в два раза, а мой желудок нашёл себе новое слишком высокое положение. С Тильманом было что-то не так. Имело это какое-то отношение к Мару? Заметил ли он камеру и атаковал его? Снова Тильман поднял нос вверх, а его зубы закрипели. — Ты болен? Простудился? — Что за дурацкий вопрос. Нос у него не был заложен. И всё же здоровым он тоже не был.

— Нет, не простудился! — Тильман застучал кулаком по кровати. Пружины закрипели. — Ты не можешь позаботиться о своём собственном дерьме? А меня оставить, наконец, в покое? Иди в ванную и наведи немного марафета, ты действуешь мне на нервы! — Теперь он орал.

— Да, ты мне тоже, — прошипела я и вылетела, обидевшись, из комнаты. Хорошо, наша затея провалилась, но что, теперь я была виновником этого, потому что первая заснула? У него ведь тоже не получилось оставаться бодрым. Но больше всего меня злило то, что он снова раздвинул кровати. Я не могла вспомнить, как или вообще заползла ли в свою, после того, как рухнула возле окна, но мы решили оставаться рядом друг с другом, когда приходил Мар. Настолько близко, насколько возможно, не касаясь друг друга. Но, очевидно, для моего господина и хозяина это было слишком близко.

— Закомплексованный идиот, — ворчала я, залезла под душ и поставила температуру на сорок градусов, потому что мои руки и ноги были ледяными. Я завизжала, когда горячая вода попала на шрамы на спине. Потом мной овладело разочарование из-за нашего провала, и моё напряжение вылилось в горячее рыдание. Ещё вчера вечером я так красиво себе всё представляла: мы заснимем атаку, проявим плёнку, встретим Жианну к ужину, покажем Паулю доказательства и разъясним ему, что ему надо уезжать отсюда — и да, может быть, семья Жианны обладала каким-нибудь милым коттеджем на юге, в котором мы для начала могли бы устроиться. А потом мы купались бы в море, а Пауль влюбился бы в Жианну, а Францёза забыл. Я могла бы рассказать ему обо всём в спокойной обстановке. Он бы понял, что я не сумасшедшая. Мы вместе начали бы искать папу.

А теперь? Теперь был только ужин с Жианной, а наша халупа выглядела как свинарник. У меня не было ничего, что я могла показать Паулю и Жианне, как доказательство о существовании Маров. Если Пауль не верил ни своему отцу, ни сестре, насколько вероятно было то, что Жианна поверит совершенно незнакомому человеку?

Так что я могла только надеяться, что Паулю Жианна понравится, и я, по крайней мере, смогу освободить его от Францёза. Я знала, что политически корректной эта мысль не была. И вела себя как архиконсервативный отец, который не хотел верить в то, что его сын был геем. Но и Тильман говорил, что не думает, что Пауль гей, а Францёз всё равно был не подходящим, с этим мы оба были согласны. Так что я должна спасти то, что можно ещё было спасти. Может быть, по крайней мере, это получится.

Во всяком случае, квартира должна была быть презентабельной, когда появится Жианна. На помощь Тильмана я вряд ли могла надеяться. Я всё равно не стремилась с ним встретиться, прежде чем он снова не успокоится. Но стук двери показал мне, что мне вовсе и не нужно принимать это во внимание. Он смылся.

— Сегодня случайно не день Ольги? — спросила я у Пауля, когда села с ним на кухне. Ольга была уборщицей Пауля. Она приехала из Белоруссии, у неё был зад как у пивоваренной клячи, и у неё получалось с выпрямленными коленями и поднятой вверх задницей полировать доски. За это я сильно уважала её, хотя она никогда не улыбалась и всегда только бурчала перед собой, что это было позором, то, как жил Пауль.

— Такой красивый мужчина, а в доме нет женщины. Нужна женщина. Красивый мужчина. Нужна сюда женщина. Тогда был бы не таким усталым. Ни другой мужчина, как этот Франц. Франц плохой. Заставляет меня нервничать. — С её глубоким отвращением к Францёзу — она один раз случайно застигла его врасплох, когда тот купался, что закончилась визгом с обеих сторон — Ольга своим ворчанием запала мне в сердце.

Но, к сожалению, Пауль, извиняясь, покачал головой. Сегодня не был день Ольги. Я боялась, что так и будет. И мне придётся самой устранять хаос.

Во второй половине дня с меня было достаточно. Мой желудок всё ещё болел, а так же все мускулы на теле из-за нашей бессмысленной пляски. Я зажала нерв в плече при мытье окна, убила примерно сто пятьдесят чешуйниц. Я подозревала, что завтра они, скорее всего, снова воскреснут. Обнаружила, что между тем в моём денежном резерве не хватает почти триста евро. Я не знала, что мне надеть и прежде всего, что мне приготовить. Времени для того, чтобы закупать продукты, больше не было.

В холодильнике Пауля я, однако, нашла относительно свежие шампиньоны, две упаковки деликатесных трюфельных тортеллини, сливки, пармезан и сливочное масло. Так что тортеллини в сливочно-грибном соусе. Хотя я ещё никогда не готовила сливочно-грибной соус, но таким уж сложным это не должно было быть.

Оставшийся час до прибытия Джиианны пролетел незаметно. Без десяти шесть я стояла вся в поту в коридоре, не в состоянии решить, что мне делать дальше, накрывать на стол, мыть посуду или лучше привести себя в порядок и приказать Паулю, чтобы тот лучше надел что-то приличное, к нам сейчас придёт дама. На нём ещё был надет синий рабочий комбинезон и рваная рубашка в клеточку, потому что он до недавнего времени работал над новой рамкой. Хотя Пауль и выглядел мило в синем комбинезоне, но не должен встречать Джиианну в этом облачении. Я сама кое-как уложила свои волосы, нанесла порцию дезодоранта под мышками и влезла в чистые джинсы. Теперь у меня осталось только пять минут, чтобы доказать, что где-то глубоко во мне всё-таки прячется миссис Даутфайр.

Когда Джиианна позвонила в дверь, — пунктуально, как мasons, точно в шесть вечера — я находилась в самой глубокой яме отчаявшейся домохозяйки. Мой украшенный стол был катастрофой, кухня — место военных действий, а соус пах странно. Сливки были в порядке, грибы тоже, но, тем не менее, от соуса исходил отвратительно сладкий запах, и если на вкус он будет таким же, как и его запах, ну тогда, приятного аппетита.

Но теперь уже во второй раз раздался звонок. Если я тут же не открою, то Джиианна снова уйдёт. Я слила воду с тортеллини, задувая себе воздуха рукой, бросилась быстрым шагом к двери. Не было никакой причины бояться. Кто охотился на Маров, не потерпит неудачу с каким-то банальным ужином.

Глава 32.

Идеальный ужин

— Всё в порядке? — спросила Джиианна после того, как я, тяжело дыша, открыла ей дверь. — Что-то случилось?

Ещё нет, подумала я, стараясь при этом мило и приветливо улыбаться. В тот же момент по лестнице вверх примчался Тильман — нагруженный своей спортивной сумкой (что он на этот раз купил за мой счёт? Камера, во всяком случае, стояла ещё в комнате) — и протиснулся мимо Джиианны в открытую дверь.

— Опля, — сказала Джиианна холодно. Её взгляд оставался прикованным к светлым

волосам Тильмана. Так же и Тильман смотрел на неё с нескрываемым любопытством. Джианна выглядела лучше, чем во время нашей встречи в Кунстхалле — более живой и цветущей. Она почти не была накрашенной, но и без макияжа она была слишком красивой, чтобы оставить её на произвол грубого очарования уличного мальчишки.

— Это Тильман. Он не важен, — объяснила я, толкая его небрежно в полутьме коридора. Он только ухмыльнулся и исчез в нашей комнате. По крайней мере, он казался снова более или менее нормальным. Неужели я только вообразила себе его состояние? Запоздалое последствие от шока из-за кофеина?

— Чем здесь так странно пахнет? — Изящные ноздри Джианны вздрогнули.

— Ничем. Заходи! — воскликнула я и отступила в сторону. Джианна вылезла из своей куртки и сняла шарф с шеи, в то время как разглядывала картины на стене.

— Ага, — заметила она, сморщив нос. К моему ужасу, это "ага" прозвучало ни с восхищением, ни с энтузиазмом, а убийственно. Что опять было не так? Картины были моим козырем.

— На кухню! Лучше давай пройдем на кухню. — Я перегнала её и окрылённая прошла вперёд, в надежде, что её глаза критика оторвутся от стены и она последует за мной, что, к счастью, и произошло, хотя странный запах на кухне естественно был самым навязчивым. Быстро я поставила готовые тортеллини и соус в духовку и открыла окно. Потом, затаив дыхание, повернулась к Джианне. Она смотрела на меня полная ожиданий, упёршись руками в бока. Что мне ей сказать? Мне был срочно нужен мой брат.

— Пауль! — позвала я властно. Смыв туалета зажурчал. Ещё и это. Он снова проводил одно из своих заседаний. Если он сейчас завопит на всю квартиру, что срёт, как он это любил делать... Но нет. Пауль пришёл к нам быстрее, чем я думала, и солнце взошло как на моём лице, так и на лице Джианны.

На нём был надет чёрный пуловер и одни из его тёмно-синих дорогих джинсов, что благосклонно скрывало животик, а вместо этого подчёркивало широкие плечи. Волосы закручивались, как у папы в его лучшие времена, а его стального цвета глаза блестели. Плюс кольца на руках и изысканные часы — я не пообещала слишком многого.

Улыбнись, Пауль, упрасивала я в мыслях. И он это сделал. Солнце достигло своего зенита. Блаженно я улыбнулась вместе с ними, когда уголки губ Джианны поднялись вверх, а маленькие скептические складки возле носа исчезли. Внезапно она стала выглядеть на пять лет моложе.

— Я Пауль. — Он протянул ей свою руку.

Посмотри, Джианна, у него красивые руки. Руки хирурга. Энергичные и чуткие. Чего ещё можно желать? Джианна взяла её, а он удерживал её тонкие пальцы на одну долю секунды дольше, чем было нужно.

— Всё сейчас будет готово! — щебетала я. Потом прыгнула мимо двух воркующих голубков в коридор.

— Да! — возликовала я приглушённо, подняв кулак вверх. — Гол забит! — Я протанцевала от счастья один раз вокруг своей оси, пока не заметила, что Тильман выглядывает из нашей комнаты и наблюдает за мной. Я показала ему язык. Пусть себе забавляется.

— Ты не можешь, пожалуйста, присоединиться к нам? Сейчас я подам еду. И предупреждаю тебя, ты не будешь с ней флиртовать.

— Мне нравятся голубые глаза, а не коричневые.

— Ах? Действительно? — Я смущённо замолчала, когда заметила требовательный тон в моём вопросе. У меня были голубые глаза. По крайней мере, большая часть в них была голубой. Серо-голубой. И немного зелёной. Тильман только усмехнулся.

— Твои не голубые. Но они мне всё равно нравятся. Настоящие глаза эльфа.

— Глаза эльфа? — завизжала я в ужасе. — Неужели ты хочешь оскорбить меня?

— Вот блин, — пробормотал Тильман. — Я сделал комплимент и снова не так. — Он провёл себе по руке и вздрогнул.

— Что ты снова натворил? — Я взяла руку Тильмана и повернула её. Внутреннюю сторону локтя украшала уродливая, сочащаяся рана. Так же и ладонь была покрыта маленькими ранками. Выглядело так, будто он обжёгся.

— Несчастный случай с одним из лаков Пауля. — Он отобрал свою руку и закрыл её пуловером, так что большую рану больше не было видно.

— С каких это пор лак разъедает кожу? — Спросила я с подозрением. Тильман пробормотал что-то про "аллергию" и "голод" и оставил меня одну, сбежав на кухню. Какое дело мне было до его разъеденной кожи? Джианна была не в его вкусе, но, возможно, Пауль был во вкусе Джианны. А так как путь к сердцу лежит через желудок, то я должна быстренько накрыть на стол.

Тортеллини во время вынужденного пребывания в духовке стали воскового цвета и выглядели так, будто были жёсткими, как камень. Грибной соус выглядел не лучше. Он был покрыт толстой плёнкой, которая при перемешивании превратилась в неаппетитные лохмотья. Не важно. Я переложила и то, и другое в миски и поставила их на стол.

На один момент воцарилось неловкое молчание. Уголки губ Пауля дрогнули, потом он вернул себе своё самообладание.

— Кто хочет попробовать первым? Гость, не так ли? — Я вырвала у Джианны её тарелку, которую она крепко держала в руках, и обильно наложила в неё лапши и соуса. Никто всё ещё не сказал ни слова. Тильман хотел наложить себе сам, а Пауль уже после первого половника закричал:

— Стоп!

— Приятного аппетита! — прервала я молчание и посмотрела на всех, приглашая начать есть.

Пауль и Джианна с тихим вздохом взяли в руку свои вилки, проткнули одну тортеллини и окунули её в соус. Почему они не ели? Демонстративно я засунула себе одну лапшу в рот и с удовольствием выплюнула бы её в ту же секунду. Моё блюдо было без сомнений самое отвратительное, что я когда-либо пробовала. Тильман даже не притронулся к своей тарелке, а смотрел на нас выжидательно.

Но Джианна и Пауль уже последовали моему примеру и замерли одновременно. Джианна судорожно сглотнула, потом быстро запила большим глотком вина. Я же сама всё ещё воевала с лапшой во рту и не могла заставить себя проглотить её. С надутыми щеками я смотрела на других. Пауль спрятался за раскрытой салфеткой, но я поняла по его глазам и трясущимся плечам, что он смеётся.

Лицо Джианны позеленело.

— Ладно, я признаю, что это не деликатес, — пробормотала я. Ужасный вкус соуса усилился при разговоре. Мне внезапно стало так противно, что я открыла рот и выплюнула наполовину прожёванную лапшу на тарелку.

— Не деликатес? — Джианна фыркнула. — Мадонна, китайская пытка с верёвкой

против этого просто прогулка! — Пауль больше не мог подавить свой смех и громко расхохотался — и как всегда это было настолько заразительно, что мы все присоединились к нему.

— Что ты туда положила? — ахнул Пауль, когда снова смог говорить. Я встала и выбросила остатки еды в мусорное ведро.

— Грибы, сливки, соль, перец и чуточку мартини.

— Мартини?! — воскликнули Джианна, Пауль и Тильман хором.

— Да, вообще-то я хотела добавить белого вина, но в холодильнике его не было, поэтому я взяла мартини. Чего вы так на меня смотрите? Это же ведь почти одно и то же.

— О Боже, Эли, тебе срочно нужна помощь в бухле, — качая головой, застонал Тильман.

— Мартини слишком сладкий. Не удивительно, что твоё блюдо на вкус такое ужасное.

— Вы, собственно, пара? — неожиданно спросила Джианна и указала на меня и Тильмана.

— Нет, только друзья, — сказал Тильман, прежде чем ответить смогла я.

— Точно, только друзья, — согласилась я с ним кисло. — И больше ничего. — Я захлопнула крышку мусорного ведра и пнула его назад в угол.

— Ах, между вами нет романа? — заговорил удивлённо Пауль. С любопытством Джианна и он смотрели на меня.

— Нет, — ответил Тильман спокойно. — Никакого романа.

— Ему нравятся блондинки с огромными сиськами, — сказала я злобно.

Я не имела представления, нравились ли Тильману огромные сиськи, но мне хотелось поддать ему хорошенько. Как всегда ему на это было наплевать. Джианна тоже посчитала это смешным. Пауль погладил свой громко бурчащий живот.

— Хорошо, тогда сейчас в действие вступает аварийный план, — решил он и встал. — Острая особая лапша Пауля. И попробуй подойти ко мне ближе, сестрёнка.

— Не беспокойся, я не навязываюсь. — Со скрещенными руками я плюхнулась на стул рядом с Тильманом.

— Тебе действительно нужно решить твою проблему с Колином, — прошептал он мне. Я сделала вид, что его не существует, а вместо этого наблюдала за Джианной и Паулем, которые в доверительном единении трудились возле плиты, а нас больше не воспринимали. Привычным движением Пауль включил маленькую стереофоническую установку, стоящую в кухне, и снова зазвучал тот шлягер, который я услышала в самое первое утро в этой квартире. Я уже хотела подскочить к полочке и выбрать другую песню, прежде чем она разрушит то, что я с таким трудом организовала, но у Дианны к моему огромному удивлению вырвался обрадованный вопль ликования.

— О, Пауль, сделай погромче... пожалуйста! Эта была любимая песня моей бабушки! Она слушала её каждый день. А я танцевала под неё, когда была ребёнком!

Пауль подчинился, и сразу же кухня наполнилась брэнчанием мандолин и этим тоскующе мягким и в то же время противно оптимистичным женским голосом. Джианна раскачивала бёдрами и начала подпевать. Открыв рот, я уставилась на неё. Она пела чертовски хорошо и при этом стала совершенно другим человеком.

— Что это, собственно, такое? — запищала я, стараясь говорить язвительным тоном. Да, меня это устраивало, что Пауль и Джианна, напевая и кроша чеснок, были на седьмом небе, но на моём лбу образовались два острых рога, которыми я хотела разрушить всё и вся.

— Вики Леандрос, — прервала Джианна своё пение, чтобы потом сразу же начать снова. — Нет, не беспокойся обо мне — ты же знаешь, я люблю жизнь...

— А я пойду сейчас блевать, — прорычал Тильман. Я готова была его за это расцеловать. — Вики Леандрос. Блин, это просто нездоровое дерьмо.

Нет, нездоровым был Пауль, а музыка казалось для него лекарством. А Джианне она напоминала её детство, которое, по-видимому, было очень хорошим.

Но у неё ведь никто не украл воспоминания. Я знала, что в моём детстве тоже были солнечные моменты, и один из этих моментов я могла бы даже подробно описать. Но не хватало основания для этого чувства. Я могла бы точно так же пересказать чужую историю, которая ничего общего не имела с моей жизнью. Джианну, однако, не ограбили. У неё всё было на месте. Я почти ненавидела её из-за чистой зависти и ревности.

Что за потрясающий вечер. Я сидела рядом с Тильманом, который скорее позволил бы отрезать себе яйца, чем коснуться меня, и завидовала хрупкому счастью Пауля с Джианной.

Мне всё сложнее становилось глотать. Я невольно прижала руки к животу, в котором увеличивалась пустота, причиняя мне боль и вызывая голод, но в то же время казалось, в мой желудок бьют кулаки, как будто хотят меня удержать от того, чтобы продолжать жить дальше и когда-нибудь снова испытать счастье. Эта была полная пустота и перенасыщение одновременно, как обессиленная тусклая ярость, которая не могла вырваться. Я хотела преодолеть свою скованность и убраться подальше отсюда, хотела без всякого прощания или даже взгляда повернуться к другим спиной и смыться. На Тришин? К морю?

— Может, мне понравится быть снова свободной, — пела Джианна. — Может быть, я полюблю заново...

Мои глаза наполнились слезами, и я незаметно вышла в коридор, продолжая прижимать руки к этой горячей дыре в животе. Этого всё равно никто не заметил, была ли я там или нет. Прислонившись спиной к холодной стене, я остановилась, пока песня, наконец, не закончилась и Пауль не уменьшил громкость музыки.

— Ты не могла бы зайти на балкон и взять новую бутылку вина? — Услышала я, как он попросил Джианну. Да, почему бы мне просто не сбежать? Тильман всё равно делал то, что ему хотелось, была ли я рядом или нет. Для Пауля я была маленькой сумасшедшей сестрёнкой, и, если я не ошибалась, скоро Францёз будет в прошлом. А что же с Маром? Против него мы всё равно были бессильны. Во всём этом не было никакого смысла. Я была здесь совершенно лишней.

Панический визг с балкона резко вырвал меня из своей жалости к себе, и в тот же момент в двери повернулся ключ. Что же, упомянешь чёрта... С Францёзом это высказывание всегда подтверждалось. Стоило только подумать о нём, и он появлялся. Но почему Джианна кричала так истерично? И не собиралась заканчивать.

В тот момент, когда я повернулась к остальным, в коридор выскочила маленькая тёмная тень и направилась прямо на меня. Потом последовала знакомая белая тень слева — Розини — и промчался, лая, мимо крысы на кухню. Да, это снова была крыса, и у неё на уме было только одно: я. Уже её маленькие красные глаза твёрдо устремились в мою сторону. Я оставалась неподвижно стоять. Что эти твари хотели от меня?

Она замедлила свою скорость, залезла на мой башмак и начала своими острыми когтями впиваться в мою штанину и систематически подтягиваться на ней вверх. И уже достигла моего пояса. Пряжка загремела, когда её задние лапки оттолкнулись от неё. Затхлый запах канализации ударил мне в нос. Крыса находилась теперь так близко от моего

лица, что я слышала её дыхание. Быстрый, поверхностный храп.

Визг Джиианны прекратился. Розини тоже перестал лаять. Все были здесь рядом со мной в коридоре. Я чувствовала, что они уставились на меня, Пауль, Джиианна и Тильман, но моё внимание было сосредоточено только на крысе. Чего она хотела? Неужели действительно задушить? Тогда пусть только попробует.

Давай, думала я сердито. Покажи мне, чего ты хочешь. Чего ты от меня хочешь? Она агрессивно пискнула, когда вцепилась мне в горло, а свою заднюю часть тела подтягивала вверх. Я сглотнула, чтобы не начать рыгать, потому что её зловоние стало невыносимым. Вес её гибкого тела давил, как целая тонна, на мою трахею.

Но потом взгляд Францёза пробился сквозь приглушённый и всё-таки сконцентрированный туман, в котором я находилась. Я посмотрела на него. Что это было за выражение в его мутных глазах? Ненависть? Отвращение? Недоверие? Внезапно я поняла, что мне нельзя вести себя так, как я сейчас делала. Я была девушкой, и должна была бояться и кричать, как Джиианна ранее.

Францёз смотрел на меня с таким странным ожиданием, потому что я холодно наблюдала, вместо того чтобы паниковать. Это его не устраивало. И по какой-то причине я знала, что должна была удовлетворить его желание. Холодный хвост крысы обернулся угрожающе вокруг моего уха, как будто этим она хотела подтвердить мои мысли. Я сдавленно вздохнула и начала вопить, отбиваться, рыдать, потому что у меня было такое чувство, что только благодаря этому, могу спасти свою жизнь — и это сразу же вывело всех из оцепенения.

Пауль оттянул дрыгающую ногами крысу от моего горла, Тильман ударил её сковородкой, так что та окочурилась, Джиианна схватила скулящего Розини. Только Францёз ещё не произнёс ни звука.

— Что это за собака? — спросила Джиианна, всхлипывая, после того как Пауль выбросил крысу в канал и закрыл балконную дверь. — Любая другая собака бросилась бы на крысу, но эта — эта вместо этого сжирает отвратительные тортеллини из мусорного ведра!

Розини выглядел снова очень тощим. Наверное, он просто был голоден. И всё же вопрос Джиианны был обоснован. Борзая должна уметь охотиться за крысами. Эта же шавка была дегенератом. Таким же, как и её владелец.

— Ты ранена, Эли? Она тебя укусила? — спросил Пауль и посмотрел на меня с беспокойством. Я, молча, покачала головой. У Джиианны вырвался ещё один стон отвращения.

— Теперь снова всё в порядке, — сказал Пауль успокаивающе и обнял Джиианну. Она прижалась к нему. Ласково он погладил её по шелковистым волосам. Её небольшая головка почти исчезла в его большой руке. Оба выглядели очень красиво вместе.

— Что здесь происходит? — заблеял Францёз. — Меня что, никто больше не замечает?

О нет, я заметила его. Да к тому же слишком отчётливо. От исходящего от него запаха духов у меня перехватило дыхание. При том, что я и так была занята тем, чтобы регулярно втягивать в себя воздух, после моих невольных объятий с крысой. Пауль отпустил Джиианну. Его глаза святились, а её щёки горели. Только теперь она посмотрела на Францёза сознательно — настороженно и сверля. Францёз даже не взглянул на неё и зашагал в привычно-суетливой манере туда-сюда по кухне.

— Весь день я пытался с тобой связаться, но нет, Пауль не берёт трубку, нет, он этого не делает, хотя у меня для него есть важные новости, очень важные. Пауль, почему ты не

отвечаешь на телефонные звонки, когда я тебе звоню? Почему? Весь день я пытаюсь дозвониться...

Что же, Пауль не мог услышать звонки, потому что его мобильный, поставленный на беззвучный режим, находился в моём кармане брюк. Как раз именно эту ситуацию я хотела избежать. Я отступила задом к полочке в коридоре и бесшумно положила на неё мобильный. Когда я снова посмотрела вверх, передо мной стояла Джианна.

— Объясни мне это, пожалуйста, — сказала она сдавлено и указала на кухню, где сетовал Францёз. Тильман с замкнутым выражением лица прокрался мимо нас и, не сказав ни слова, удалился в нашу комнату. Глаза Джианны сузились.

— Я... Э, это Францёз...

— Я знаю, кто это. Францёз Лейтер. Мудак, которому нет равных. Со мной ещё никогда на назначенных встречах так паршиво не обращались, как это сделал он. Кроме того, он эксплуатирует аборигенов своей продажей картин. Поэтому объясни мне это. У него есть ключ от этой квартиры, твой брат, очевидно, слушает его... А для чего тогда я? Хм?

— Пауль не гей, — ответила я тихо.

— Боже мой, я это тоже знаю, я же не дура. Но видимо он считает себя геем. И я должна его от этого спасти, не так ли? Скажи мне, кем ты собственно себя считаешь, Елизавета? Богом?

— Речь идёт не только об этом. Речь идёт о много большем. Тише! — прервала я саму себя и прислушалась.

Словесный понос Францёза достиг своего апогея, и, если я правильно его истолковала, то в восемь часов вечера отплывает круизное судно, на которое он хотел заманить Пауля. Тильман снова вышел к нам и тоже подслушивал.

— Круизное судно? — Наши взгляды встретились, и мы оба подумали об одном и том же. Это обеспечит нам время. Пауль будет несколько дней, может быть, даже пару недель освобождён от своего Мара. Даже если Мар последует за ним, Пауль и Францёз будут спать вместе в одной кабине. Там у него будет лучшая защита, чем здесь у нас.

Джианна перестала говорить. Она тоже пыталась понять бред Францёза. Он как расписывал, как хорош корабль. Как обычно: сауна, спа, бассейн, XL-люксы с роскошными ванными комнатами, они могли бы выставлять много картин и продавать их богатым тёткам. Сопrotивление Пауля оставалось слабым.

— Ты мне нужен, Пауль, — растягивал слова Францёз уже наверное в сто пятидесятый раз. — В восемь судно отплывает. И ты будешь там. Я рассчитываю на тебя! Так, мне нужно ещё отвести собаку. Радуйся, что я такую сногсшибательную вещь смог организовать в последнюю секунду!

Потом он вместе с Розини промчался мимо нас и захлопнул за собой дверь. Пауль высунул голову в коридор и, извиняясь, улыбнулся Джианне. Она сопротивлялась тому, чтобы улыбнуться в ответ... и потерпела неудачу.

— Тогда мне нужно теперь, вероятно, паковать вещи, не так ли? — спросил Пауль. Его голос звучал так, будто он сожалеет об этом. Джианна выпрямилась в свой полный рост и посмотрела ему прямо в глаза, готовая возразить.

— Да, — ответили Тильман и я одновременно, прежде чем Джианна смогла открыть рот. — Кажется, это важно, — добавила я. — Мы справимся без тебя.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Мы молчаливо ждали, пока Пауль не запаковал свои вещи. Он сделал это быстро. Всего

десять минут спустя он стоял со своим серым чемоданом перед нами. Первым он обнял Тильмана — с подчёркнуто приятельским ударом по плечу — потом меня, а в последнюю очередь — более нежно и значительно — Джианну. Тильман и я вежливо отвернулись, но нам обоим было ясно, что мы не отпустим Джианну, только из-за того, что Пауль отправляется в путешествие. Нам нужно было познакомиться с ней ещё получше. До сих пор у нас едва для этого было время. Кроме того, она благотворно влияла на Пауля, и я хотела это использовать — я должна была это использовать.

— Могу я быстро освежиться? — спросила Джианна спокойно, когда шаги Пауля затихли, а на улице, заревев, завёлся Porsche. — Мне сейчас нужно идти на назначенную встречу. — Она и в самом деле выглядела немного растрёпанной, но это шло ей.

Я показала ей ванную комнату. Как только она закрылась, Тильман схватил меня за руку и грубо затащил в нашу комнату. Сбитая с толку я остановилась. Я смотрела на метровый экран, который был натянут перед затемнённым окном. Проектор был уже включен и отбрасывал на него голубоватый четырёхугольник.

— А теперь, — объявил Тильман, и его голос прозвучал своеобразно глухо. — Теперь представление может начинаться.

Глава 33.

Фильм-нуар

— Я правильно это понимаю? — заикалась я. Мои пальцы дрожали, когда я показала на экран. — Ты... Есть что-то, что можно посмотреть? Но...

— Закрой дверь на замок.

— Я? — Ведь у нашей комнаты не было никакого замка. К сожалению.

— Не эту. Входную дверь! У неё не должна появиться возможность сбежать. — Так как я не отреагировала, Тильман нетерпеливо прошёл мимо меня в коридор, повернул ключ во входной двери два раза и засунул его себе в карман брюк.

— Ты что-то заснял и хочешь показать ей это? Не сказав сначала для чего?

— Да. Она должна будет увидеть нашу непосредственную реакцию. Я сам ещё не видел запись. Я только знаю, что там что-то есть. — Тильман разговаривал со мной как с непонятливым учеником с отклонениями. Но, к сожалению, его подход не был совсем уж безосновательным. Если Джианна не хотела, то, значит, не хотела. Уговаривать её было бесполезно. В крайнем случае, нужно будет её заставить. Всё же я чувствовала себя при этом не особо комфортно. Из-за того, что мы из-за меры предосторожности заперли её.

— Это неправомерное лишение свободы, — напомнила я Тильману о том, что мы действовали незаконно, даже если охотились при этом за Марами. И особенно с кем-то вроде Джианны. Я верила в то, что та была в состоянии пересказать Конституцию наизусть.

В то же время я сама своё возражение воспринимала не слишком серьёзно, тем более что другие вещи были намного важнее.

— Ты думаешь, она поверит нам, если увидит наши реакции?

— По крайней мере, так шансы будут выше, — сказал Тильман прагматично. — И она же не глупая.

— Но разве это будет умно, если мы посвятим её уже сейчас? Не подождать ли нам лучше, пока она уйдёт, и посмотреть фильм самим? — возразила я сухо. — Мы ведь ещё плохо с ней знакомы!

— Бинго. Блин, Эли, подумай сама. Мы ещё очень мало знаем о Джианне. Сказала ли она тебе правду по поводу твоего отца? Она утверждает, что не помнит его. Я ей не верю. Твоего отца невозможно так быстро забыть. Может быть, она знает больше, чем мы подозреваем, а это будет лучший способ, чтобы выведать всё у неё. Более оптимальный эффект неожиданности нам никогда не удастся заполучить.

Мой разум понимал, что Тильман говорил правду, и я считала, что это может быть верным. Тем не менее, его поведение оставалось последовательно нелогичным. Потому что Тильман что-то умалчивал. Какой эффект неожиданности мог быть, если мы оба проспали прибытие Мара?

— Но почему... Я всё ещё не понимаю, почему там что-то записано. Мы ведь заснули. Не так ли?

— Это ты заснула. Не я.

— Значит, ты солгал мне.

— Ничего себе, как ты сегодня быстро соображаешь, Эли, — издевался Тильман. — Я хотел сначала убедиться, что все эти неприятности чего-то стоят и на плёнке что-то можно увидеть, прежде чем сказать об этом тебе.

— Какие неприятности? И почему ты не разбудил меня? Блин, Тильман, так мы не договаривались! Ты не можешь в одиночку всё делать сам!

— Тебе бы не понравились мои методы.

— Но у нас одни и те же методы! — возмутилась я. — Мы танцевали, морили себя голодом, мёрзли...

— Не совсем. Я в какой-то момент заметил, что тоже становлюсь уставшим. И услышал движения пловца, когда выключил музыку. Он был уже очень близко. Поэтому я прибегнул к плану Б.

— К плану Б? — спросила я с подозрением. До сих пор я ничего не знала о плане Б. Тильман посмотрел на меня бесстрастно, когда ответил.

— Кокаин.

— Кокаин? Ты совсем сошёл с ума? — заорала я на него и переплела пальцы друг с другом, чтобы не поддать ему.

— Видишь. Я знал, что тебе это не понравится. При том, что ты сама подкинула мне эту идею. — Это было верно. Я сказала, что кокаин точно подействует. Но это было ещё далеко не приглашением, чтобы начать принимать тяжёлые наркотики. Я возмущённо фыркнула.

— Посмотри, Эли. Кокаин делает крайне бодрым. Поэтому я втянул порцию. Блин, не смотри на меня теперь так! Я рисковал своей жизнью, чтобы заснять атаку! У меня была полная передозировка... — Тильман коротко коснулся своего лба. — В конце концов, я хотел быть уверенным, что это того стоило. У меня шла кровь из носа, а ритм моего пульса восстановился более или менее только сегодня в обед. Весело это точно не было. Это дерьмовые наркотики.

— Тогда сегодня утром... — Он действительно изменился. И ещё как.

— Да. Извини. — Тильман виновато пожал плечами. — Я просто хотел снова спокойно прийти в себя. Твои надоедливые расспросы не очень в этом помогали.

— А кокаин ты оплатил моими деньгами? Или, может, кредитной карточкой Пауля?

Тильман презрительно рассмеялся.

— Ну, конечно. Я иду на Репербан, заказываю порцию кокса и плачу кредиткой. — Он

покачал головой. — Иногда я спрашиваю себя, в каких сферах ты витаешь, Эли.

— Во всяком случае, не в наркотической субкультуре. И что мы будем делать, если ты теперь стал зависимым? — Тильман отмахнулся.

— Не после первого раза. Я же говорю, эта штука — дрянь. Она убивает твои сны и уничтожает всю твою духовную силу. В дурмане у меня было только два желания: секс и насилие.

Я невольно сделала шаг назад.

— Может, теперь ты поймёшь, почему я раздвинул кровати. — Тильман поднял руку вверх. Все суставы на пальцах были сбиты и отливали синим. Он, должно быть, снова и снова бил кулаком по стене.

— Э-э. Да. Конечно. — Я смущённо прочистила горло. — Ты действительно не знаешь, что на плёнке? — быстро сменила я тему. Секс и насилие. Ай-ай-ай. Теперь я даже была быть благодарна ему, что он разделил кровати.

Тильман покачал головой.

— Нет. Без понятия. Я был слишком занят тем, пытаюсь не умереть, чтобы смотреть через камеру. Я переживал один момент смерти за другим.

— Момент смерти? — прохрипела я. — Что это такое?

— Ты не хочешь этого знать. — Нет, может быть, я действительно не хотела знать этого. В моих ночных снах у меня было достаточно своих собственных моментов смерти.

— Между прочим. — Тильман поднял свой рукав вверх. — Это, конечно, был не лак. У меня при проявлении плёнки выскользнула из рук серная кислота. Францёзу придётся в скором времени инвестировать в новый ковёр для галереи.

Дверь ванной закрылась, и нерешительные шаги Джианны приблизились.

— Елизавета? Тильман? — позвала она неуверенно.

— Заходи сюда! — Я очень старалась, чтобы мой голос звучал нормально. Но он был ломким и выдавал моё напряжение.

Джианна, словно укоренившись, остановилась на пороге, когда увидела устарелый экран и проектор, но Тильман решительно затянул её в комнату и закрыл дверь. После секундного колебания она резко повернулась ко мне, а её руки сжались в кулаки. Да, комната выглядела отнюдь не по-домашнему. Это была палата ужасов. Теперь Джианна увидела и камеру, которая всё ещё стояла на полочке. Она отодвинула её в сторону и, проверяя, посмотрела в дыру. В тоже время я вспомнила, что мы не приклеили назад глаз змеи. Как нам повезло, что Пауль ничего не заметил. Джианна опешила, когда заметила лягушку, которая уставилась на неё из своей спиртовой ванны, и от отвращения отпрянула.

— Вы снимаете кровать вашего брата? — Тильман встал как охранник возле двери. Взгляд Джианны переходил от меня к Тильману и к камере туда-сюда. Мы ничего не говорили.

— Фу, вы действительно извращенцы! Вы засняли его и хотите теперь показать мне это, не так ли? Пауля и Францёза в постели?

— Нет, не его и Францёза, а..., - начала я успокаивать её, но не знала, как осмысленно закончить моё предложение. Джианна отвернулась и направилась в сторону двери. Прежде чем Тильман мог прибегнуть к насилию, я схватила её за рукав куртки, чтобы остановить.

Её левая рука взлетела вверх, потом что-то зашипело, и в ту же секунду наступила боль — яркая и резкая и такая интенсивная, что я вскрикнула и прижала пальцы к глазам. Было такое чувство, будто в мои зрачки впивается тысяча острых осколков. Слезы полились

ручьями по моим щекам, а мои контактные линзы, казалось, вьелись в роговицы.

— Ты что, совсем свихнулась? — взвыла я злобно. — У меня, между прочим, контактные линзы! Это так больно! Я думаю, я ослепла! — Я действительно ничего не видела, что главным образом было из-за того, что я больше не решалась открыть глаза. Я опустилась на пол, потому что у меня закружилась голова.

— Вы больны! Абсолютно больны! Психи! Выпустите меня! — вопила Джианна. — Ой Убери руки, ты, паршивый, маленький ублюдок!

Паршивый, маленький ублюдок не сказал ни слова, но по тяжёлому ожесточённому дыханию Джианны я слышала, что оба всё ещё боролись друг с другом. Потом Тильман глухо застонал и упал рядом со мной на пол. Каблуки Джианны застучали по половицам. Она сбежала в коридор, чтобы начать трясти ручку входной двери.

— Помогите! — кричала она пронзительно. — Эй, меня что, никто не слышит? Помогите!

— О Боже, мои яйца... — Тильман страдальчески выдохнул.

— Воды! — заглушила я наполненный болью дуэт из криков Джианны и стонов Тильмана. — Я больше ничего не вижу! Я не могу открыть глаза! Пожалуйста!

Надо мной захрустела пластиковая полиэтиленовая бутылка. Потом прохладная вода попала на мои веки, и я осмелилась заморгать, в то время как Джианна третировала входную дверь обоими кулаками. Тильман промывал мне глаза, пока жжение и покалывание стали более сносными. С трудом я поднялась. Сопли бежали из моего носа, и я дрожала всем телом.

— Мне нужно вытащить линзы, — всхлипнула я, наклонилась вперёд и удалила их привычным движением. Стало лучше. Я положила их в их контейнер и, плача, покопалась и нашла в рюкзаке очки, которые у меня были на всякий случай.

— Очень сексуально, — прокомментировал Тильман, после того как я подвинула их себе на нос. Я видела его размыто. Он поднял большой палец вверх. — Добро пожаловать в дом привидений. — Между тем Джианна пыталась открыть замок, используя одну из своих шпилек.

— Если вы сейчас же не выпустите меня отсюда, то я позвоню в полицию! Я натравлю на вас фараонов, клянусь вам! Это неправомерное лишение свободы! — Что же, это возражение я ожидала. Джианна выловила мобильный из своей сумки и махала им угрожающе.

— Джианна, успокойся, — умоляюще попросила я её, как только смогла снова говорить, не захлёбываясь при этом слезами. Так же моё зрение возвращалось назад. — И, пожалуйста, никакого газового баллончика. Мы хотим тебе только кое-что показать. И это точно не сексуальные сцены с моим братом и Францёзом. — Надеюсь, что нет, подумала я.

Но Джианна едва понимала. Без разбора она нажимала на кнопки мобильного. Я шатаюсь, подошла к ней и хотела выхватить его у неё из рук, но так как я всё ещё не видела должным образом, я два раза промахнулась (один из этих раз очень глупо схватила её за и без того миниатюрную грудь), прежде чем наконец заполучила его. Она не пыталась вырвать его у меня, а смотрела на меня, как загипнотизированный кролик.

— Я знала, что ты чокнутая, Елизавета. Ещё в Кунстхалле. Я это знала! Почему я только пришла сюда? — Она прижала руки к вискам, как будто у неё была мигрень.

— Эй, притормози чуть-чуть, — вставил Тильман, который оправился от своего интимного ушиба, но был всё ещё бледный. — Мы хотим только показать тебе короткий

фильм. Три минуты. Мы сами не знаем, что на нём записано. Честно.

— Вы сами этого не знаете? И для чего тогда всё это? Это как в одном из тех фильмов ужаса? Я должна посмотреть что-то ужасное, и потом вы меня убьёте? Здесь что, есть ещё и другие камеры? — Она подняла свои распахнутые от ужаса глаза к потолку, разглядывая его. — Дерьмо. Я хочу вернуться в мою старую жизнь, к моим скучным встречам с животными и стариками!

— Но это ведь почти одно и то же! — Мой голос звучал как у озабоченной матери, которая хочет одному из своих воспитанников растолковать, что шпинат почти так же приятен на вкус, как и мармеладные мишки. Тильман удивлённо вскинул свои брови вверх.

— Ну, — защищалась я. — Старые они уж это точно и в большинстве случаев имеют с собой в багаже животных. — Джианна перестала ругаться и рыдать.

— Кто это "они"? — спросила она испуганно. Тильман показал, приглашая, на дверь нашей комнаты.

— Узнай это сама.

— Пауль бы это сделал, — поощряла я её мягко, и хотя это было наглой ложью, словечко "Пауль" имело большой успех. Джианна ещё раз шмыгнула носом, потом она убрала руки от лица и подняла с пола газовый баллончик.

— Я это посмотрю. Но если один из вас приблизится ко мне, то я разрушу ваши слизистые оболочки. Везде.

С вытянутой рукой, указательный палец прижат к распылительной головке, она шагнула назад в комнату. Я глубоко вздохнула и последовала за ней. Когда Тильман вставлял плёнку и включал проектор, сверлящий голод в животе превратился в тошноту. Независимо от того, что Тильман и я сейчас увидим, это изменит наши жизни. А мы оба ещё не оклемались после Тессы. Я сама не оправилась даже ещё после Колина. Но это изменит так же и жизнь Джианны. Жизнь Пауля это, в любом случае, изменило уже давно, и если мы ничего не предпримем, это может быть даже будет значить его конец. Пути назад не было. Нам нужно было посмотреть это.

— Фильм включен, — объявил Тильман. Я закусила костяшки пальцев. Джианна, которая стояла рядом со мной, задержала дыхание, когда на экране, мерцая, появился Пауль, одеяло отброшено назад, верхняя часть тела открыта.

Супер-8 был немым фильмом в чёрно-белом формате. Я предполагала, что отсутствие звука сделает запись более терпимой. Но было всё совсем наоборот. Тишина казалась неестественной и гнетущей, и постоянный треск и щёлканье плёнки, казалось, усиливает этот эффект. Нам пришлось отказаться от гениального широкого обзора современной камеры. Не было видно ни окна, ни потолка. Может, он уже был там? Тильман сказал, он слышал движения пловца, прежде чем принял кокаин.

— Боже..., - прошептала Джианна. — Что там происходит?

На подушку Пауля высыпались крысы, сновали по его волосам и одеялу, залезали под мышки и ползали по его рту. Внезапно его лицо заслонила тень. Верхняя его часть тела судорожно выгнулась.

— Это опускается сверху, — прошептал Тильман.

"Да, конечно, откуда же ещё", — подумала я, но не могла больше говорить. Джианна схватила меня за руку и сдавила её так сильно, что мои суставы затрещали. Её пальцы были ледяными. Наши глаза были устремлены на экран, словно он решал нашу жизнь. Теперь полы длинного пальто опустились на Пауля, а по его мокрой, капающей материи спускалось

вниз ещё больше крыс. Снова Пауль выгнулся, как при эпилепсии. Его рот был широко открыт, в попытке сделать вдох.

Мы втроём отпрянули, когда с жуткой медленностью в объектив камеры продвинулось лицо — вверх ногами, потому что Мар цеплялся ногами за потолок, но он был отчётливо виден в бледном свете луны. Слишком отчётливо. Обесцвеченные кончики его волос свисали вяло вниз, опухшие щёки и его тяжёлые мешки под глазами надвигались друг на друга наростами, как одутловатая ткань трупа, пролежавшего в воде. Его мутные и невыразимо жадные глаза посмотрели в объектив, прежде чем не по-человечески согнувшись, он упал на голую грудь Пауля, чтобы вцепиться в него своими, похожими на паучьи руками и ногами и начать высасывать посреди своего выводка крыс.

Проектор, стуча, возвестил, что фильм закончился, и изображение отключилось. Джианна жалобно застонала.

— Я не верю этому, — прошептала я. — Этого не может быть. Я просто в это не верю... — И хотя это казалось так нелогично и абсурдно и вызывало бесконечно много вопросов, вдруг во мне всё сложилось в одну картину. Я, кого объявили сумасшедшей и враждебной к геем, догадывалась обо всём с самого начала. Мой инстинкт не обманул меня. Я наконец-то снова почувствовала почву под ногами.

— Что это было? — Джианна схватила меня за плечи и потрясла. — Что это было, Елизавета? — Фрагмент за фрагментом мои мысли соединились в одно целое, и мои выводы вызвали во мне чистый ужас. Нам нужно было действовать. Я вырвалась из рук Джианны и повернулась к Тильману, который всё ещё остолбенело смотрел на экран.

Он должен остановить его. Я никогда в жизни не смогу найти пирс самостоятельно, к которому пристал корабль. А вдвоём поехать мы тоже не могли. Нам нельзя позволить Джианне сбежать от нас сейчас. Не с тем знанием, которое у неё теперь было.

— Останови его! Верни его назад! Тильман, тебе нужно забрать Пауля с корабля, там он в его полной власти! — Тильман отреагировал немедленно. В мгновение ока он натянул свою куртку и схватил ключ от Volvo с полки.

— Возьми с собой мобильный! И поспеши! — завопила я ему вслед, но он уже выбежал из квартиры.

Я посмотрела на часы и тихо вскрикнула. Было без двадцати восемь. Если Тильман не успеет на корабль, то Пауль отплывёт в море. Вместе со своим Маром и любовником. Францёзом.

Глава 34.

Девичник

— Но этого не может быть, — бормотала я снова и снова и массировала свой лоб.

Перепутать было невозможно. Маром был Францёз. Мне не нужно было смотреть фильм во второй раз, чтобы проверить. Я и так знала. И всё же — было так много вещей, которые не подходили. Целая гора несогласованностей. Самая важная из них была та, что он с самого начала показал себя Паулю. Что же, что значит «показал», они были парой.

Я сидела, поджав ноги, на своей кровати, Джианна — напротив, скрестив ноги на койке Тильмана. Её янтарные глаза были устремлены на меня. Ни одно из моих наполовину произнесённых размышлений не ускользнуло от неё, и, тем не менее, её лицо выглядело как один большой вопросительный знак. Я игнорировала её. Мне нужно было подумать. Почему

Тильман не звонил? Мобильный и стационарный телефоны лежали возле меня на матрасе, но они упорно молчали.

Кем был Францёз? Может, полукровкой? Это, по крайней мере, было возможно. Полукровка, который решил вести менее почётное существование, чем мой отец. Который бессовестно утолял свой голод. Но он казался мне намного более ненормальным и опасным, чем когда-либо был папа. Да, прошлым летом было несколько моментов, когда мой собственный отец напугал меня. Но ужас записанного фильма чуть ли не составлял конкуренцию Тессе.

И всё же, Францёз был во всём, что делал, слишком похожим на людей. Так как мы не знали ничего точно, мы должны были пока исходить из худшего. А худшее означало...

— Вот дерьмо, — прошептала я, схватила мой телефон и набрала номер Тильмана. Ответил автоответчик. — Послушай меня внимательно, Тильман: не заводи с Паулем разговор об этом. Ни в коем случае! Попытайся только выманить его с корабля. Скажи ему, что у меня был приступ или что-то типа того.

Я чувствовала, что глаза Джианны впились в меня. Мне было почти жаль её, но я продолжила настойчиво говорить. Я не могла сейчас заботиться о ней. Пока ещё нет.

— Нам нужно избегать всего, что может вызвать подозрение Францёза. Лучше всего — вообще не думай о нём. Ты же знаешь их телепатические способности. В конце концов, мы этим ещё больше подвергнем Пауля опасности. И, пожалуйста, позвони мне! Я жду уже всё это время. Прошу тебя. — Вздохнув, я положила трубку и отбросила мобильный в ноги кровати.

— Я не больна, — сказала я слегка раздражённо, потому что взгляд Джианны начал меня нервировать. Господи, с чего мне только начать? После всего я задолжала ей некоторые объяснения. Лучше всего начать с Пауля. — Хотя Пауль и думает, что у меня расстройство личности. Но на самом деле это он, тот, кто болен. Даже очень болен. Это серьёзно.

Джианна прижала руки к лицу и начала так горько рыдать, что я встала возле неё на колени на койку Тильмана и погладила её неловко по спине.

— Я такая дура. Совершенно тупая. Десять минут, и весь мой мир изменился. И что теперь? — Она громко высморкалась, но не перестала рыдать. — Снова никакого нормального мужчины. Когда я, наконец, встречу нормального мужчину?

— Мои отношения тоже немного... сложные, — сказала я в утешение.

— Они всегда такие! — Джианна драматично задрала нос вверх. — Всегда! Мне уже двадцать восемь, и я...

— Двадцать восемь?

— Да. А ты что думала? Во всяком случае, я несусь к тридцати, и лучшие годы своей жизни я потратила впустую на двух полных идиотов. Один пытался постоянно компенсировать свой маленький сморчок, другой превратился в преследователя, когда я захотела его бросить, и теперь, когда мне, наконец, удалось и я стала независимой, встречаю твое брата... и... снова сложности! Я знакома с ним всего лишь один час! И уже всё сложно! — Джианна откинулась назад, так что её голова грубо ударилась о стену. Это ей не помешало.

— Что же. Могло бы быть ещё хуже. По крайней мере, Пауль человек. Мой парень — один из них. — Я указала на экран. Джианна посмотрела на меня с ужасом.

— Это ваше семейное хобби, или что? Отношения с...? — Она беспомощно нарисовала

вопросительный знак в воздухе.

— Что-то вроде этого. Моя мама замужем за полукровкой. Но не волнуйся, это не перешло на меня. Папу атаквали после того, как я была зачата. Я совершенно нормальная.

Джианна пронзительно рассмеялась.

— Ты спишь с таким вот? — Теперь и она указала на экран, и я посмотрела на него автоматически, хотя он был теперь только безобидным белым прямоугольником.

— Ещё нет, — ответила я сдержанно, но мои щёки покраснели. Точно. Ещё нет. По крайней мере, это ещё не выходило за пределы моих ночных снов. — И он гораздо более привлекательный, чем Францёз. Настоящее лакомство. — Я втянула голову в плечи, потому что Колин залепил бы мне пощёчину, если бы я это сказала в его присутствии.

— Значит, своего рода Эдвард Каллен? — спросила Джианна и ударила себя в тот же момент по лбу. — Что я, собственно, такое говорю? Своего рода Эдвард. О Боже, Эдвард... Это же фигура из романа, но то, что происходит здесь, это...

— Это реальность. Правильно. Иногда я тоже почти не могу в это поверить. Во всяком случае, Колин не милый. Нет, он не Эдвард. Он может быть настоящей вонючкой. Не в буквальном смысле! От него пахнет восхитительно. И он не сосёт кровь. Неужели ты думала, что Францёз вампир? — Только теперь мне стала полностью ясна важность нашего съёмочного эксперимента. Джинна, наверное, находилась на совершенно неверном пути. И с этим она была не единственной сегодня вечером. Когда, наконец, даст о себе знать Тильман?

— Вампиров не существует, Джианна. — Я не могла не улыбнуться, хотя чувствовала себя совершенно отчаявшимся. — Францёз — это демон Мара, правда, с ним что-то не так, я ещё не могу его классифицировать.

— Демон Мара. — Джианна быстро соображала. — Поэтому в Кунстхалле ты спросила меня о картине Фюсли. — Я опустила глаза.

— Да, я... Это у меня просто вырвалось. Я ведь не имела представления, что ты об этом знаешь и вообще, знаешь ли хоть что-то...

— Я действительно знаю кое-что об этом, Элиза. Два семестра фольклора. Но до сих пор я думала, — как, между прочим, и большинство других людей — что это притянутое за уши суеверие...

— ... которое изрядно может навредить твоему слуху, да. Это не суеверие. А Тильман и я, скорее всего, первые люди, которые когда-либо записали атаку. Момент. Почему ты назвала меня Элизой? — Так обычно называл меня только мой отец. Может, она его всё-таки знала?

— Ното Фабер. Макса Фриша. Никогда не читала? Там Елизавету отец называет Забет а мать — Элизой. Забет тоже красиво. Но ты Элиза. И достаточно разборчивая, чтобы случайно не попасть к собственному отцу в постель. И всё-таки я знаю, что ты думаешь. И я признаю, когда я увидела Пауля, э-э, то снова вспомнила твоего отца. — Она встала, но её объяснение было настолько хорошим, что оно меня поразило.

Я сжала губы, чтобы не заплакать.

— Они очень похожи, не так ли? — Джианна задумчиво покачала головой.

— И да, и нет. У твоего отца тоже была очаровательная улыбка. Тем не менее, Пауль другой. Более игривый. Его глаза — они смотрят на тебя более мягко. И всё-таки так... хм. Со стороны он выглядит как индеец, ты это заметила? Восхитительный профиль.

Нет, этого я не заметила. Но теперь я понимала, что Джианна имела в виду с

изменившимся миром. Пауль буквально за несколько минут вскружил ей голову, и это несмотря на то, что был атакован. Комплимент!

— Как это было, когда ты встретила моего отца? Что именно он тебе рассказал? Ты всё это время помнила его, не так ли? А не вспомнила совсем недавно?

Джианна, пойманная, усмехнулась.

— Да, ладно. Я признаю это. Ты казалась мне настолько подозрительной в Кунстхалле, что я подумала, будет лучше притвориться ничего не знающей. Сложно забыть такого, как твой папа. Но на самом деле не было ничего сенсационного. Он ответил мне на несколько вопросов по конгрессу, совершенно нормально, только при этом он так на меня смотрел, как будто...

— Что, как будто? — настаивала я.

— Не то, что бы он был мной увлечён или что-то такое. — Джианна подняла оборонительно руки. — Нет, это было не так. Никаких домогательств, я клянусь. Скорее у меня было чувство, что он меня проверяет. Мой разум и моё... сердце. — Джианна откашлялась. — Боже мой, это звучит так безвкусно.

— Нет, это не так, — прошептала я. — Я знаю, что ты имеешь в виду. — Так папа иногда тоже смотрел на меня. — И больше ничего не было?

— Нет. Совсем ничего. Он попросил меня дать ему мою визитную карточку, чтобы он мог послать копию своего доклада, что он потом и сделал, кратко, объективно, и вежливо, и ничего более. Честно. — В этот момент мне ничего другого не оставалось, как поверить ей. Моя интуиция это и так уже сделала. Джианна дотронулась, проверяя, до своих подмышек и скривилась.

— Элиза, мне очень плохо и у меня под мышками пятна от пота, и я вот-вот свалюсь, и у меня шок. Мне нужно что-нибудь приготовить. Могу я это сделать?

Не дожидаясь ответа, она встала и вышла из комнаты. Прежде чем присоединиться к ней на кухне, я сделала вылазку в ванную и подставила лицо под ледяную воду, потому что оно пылало, будто у меня была температура. Я была перевозбуждена и взволнованна, а моя голова разрывалась от неразрешимых вопросов.

При взгляде в зеркало, стало ясно, почему Тильман так по-королевски развлекался над моим внешним видом. Мои глаза были налиты кровью, волосы, спутанные и разлохмаченные, вились во все возможные направления, и, к моему глубокому стыду, к правой ноздре прилипла козюля, величиной с горошину (и примерно так она и выглядела). Я, покраснев, вытерла её и решила сделать вид, будто её никогда там не было. Всё-таки такую оплошность можно было простить мне. На меня ведь только что обрушился заряд газового баллончика.

Учитывая это, я выглядела ещё более или менее социально приемлемо. После того как я снова всё поправила на себе и избавилась от очков, я села за кухонный стол и наблюдала за Джианной, как она в рекордное время освоилась на кухне и с поднятыми вверх волосами резала, мешала, кромсала, жарила и тушила, будто хотела выиграть в поединке по приготовлению пищи, который бывает только раз в сто лет. Почему-то при этом она напоминала мне мою мать в саду, а это в свою очередь сделало для меня проще цель всё ей рассказать о том, что ей нужно было знать. О Пауле, моём отце, Колине, Тильмане и Тессе — и то, какой вред могли причинить демоны Мара человеку.

Что Пауль был не совсем собой. Что он почти больше не знал себя и на самом деле хотел изучать медицину, вместо того, чтобы мастерить рамочки для картин. Вопрос о

Тришине, однако, я пропустила. Я не хотела и всё ещё не могла свободно об этом говорить. Кроме того, для Джианны он был не важен. Здесь речь шла о Пауле, а не о Колине и мне. Джианна, молча, слушала и только иногда клала на стол нож или ложку, чтобы схватиться за грудь и монотонно протараторить Аве Мария.

Как только возле плиты для неё больше было нечего делать, потому что соус и лапша теперь сами потихоньку кипели, она сняла несколько картин со стены, а остальные перевешала, пока они не достигли совершенно другого эффекта. Намного более спокойного, но так же более значимого.

— Их нельзя вешать на стене массой, рядом друг с другом, — объяснила она в промежутке. — Это картины-грёзы. У них есть спиритуальное значение. Их должны запретить продавать. Аборигены верят в эти картины. Они живые. Понимаешь? — Я безмолвно кивнула, прежде чем рассказывать дальше, а Джианна покинула преображённую галерею в коридоре с удовлетворённым взглядом эксперта, чтобы снова позаботиться о еде.

Когда я, наконец, закончила, она всё приготовила. Её спагетти были такие вкусные, — с запахом овощей, сладкие и острые одновременно — что я обо всём вокруг забыла, и мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что у меня там такое в кармане вибрировало. Я бросила вилку в середину пропитанного соусом гнезда из лапши на тарелке, нащупала мой мобильный в джинсах и приняла звонок.

— Тильман? Ты смог остановить его? Пробрался на корабль? — Джианна перестала есть и не сводила своего падкого на сенсации взгляда с мобильного, в то время как вытерла несколько брызг томатного соуса с моей щеки.

— Привет, Эли, — прозвучал глубокий голос Тильмана мне в ухо. Слава Богу, это был он. — Да, я пробрался на корабль, но...

— Что «но»? — Я встала.

— Но не смог снова убраться с него. — Голос Тильмана прозвучал совершенно окончательно.

— Пожалуйста, что?

— Он отплыл, прежде чем я нашёл Пауля, а я не хотел поднимать переполох, в конце концов, я был кем-то вроде безбилетного пассажира. Я, хм, прокрался на корабль через складские помещения. Но Пауль всё уладил. Пожалуйста, Эли, не сходи с ума. Мы уже вышли из гавани на море. И я думаю, что самое лучшее будет сначала ничего не говорить Паулю.

Джианна возбуждённо размахивала руками.

— Подожди, Тильман. Что такое?

— Ни в коем случае не говорите что-то Паулю! — прошипела она. — Это опасно. Он не поверит, даже если вы покажете ему запись.

Я спрашивала себя, откуда Джианна могла это знать. Она познакомилась с Паулем всего час назад и только двадцать минут знала о существовании демонов Мара. Но Тильман опередил все дальнейшие обсуждения.

— У меня с собой нет зарядного устройства, а батарейка мобильного наполовину пуста. Я позвоню позже, когда всё будет чисто, хорошо? — И он положил трубку. Я бесцеремонно снова опустила свою задницу на стул. Джианна наклонилась в бок, пока не дотянулась кончиками пальцев до бутылки Рамазотти, которая стояла посередине изысканного выбора интернациональных алкогольных напитков на кухонном столе. Не успела я оглянуться, она придвинула мне и себе до краёв наполненные рюмки.

— За бывших! — приказала она. Я была слишком встревожена, чтобы запротестовать. Мы чокнулись и залили эту шутку с размаха себе в глотки. — Маленький гавнюк, значит, на корабле?

Джианна похлопала меня по-матерински по спине, потому что я из-за чистого кашля чуть не задохнулась. Я, тяжело дыша, кивнула ей.

— Что же, тогда твой брат, по крайней мере, не один. Давай, ещё по одной. — Джианна подлила ещё. Я послушно сделала один большой глоток, и теперь пошло было на вкус немного лучше. Кроме того, оно меня согрело. Моё лицо всё ещё было как в лихорадке, но в моих внутренностях лед начал таять.

— Почему, собственно ты думаешь, что запись не откроет моему брату глаза? — Мой язык стал уже тяжёлым. Язык же Джианны был свободным как никогда. Она беззаботно бросилась тараторить.

— Во-первых, всё это может быть уловкой. Честно, Эли, если бы я не увидела ваши реакции, я бы тоже подумала, что это подделка. Такое можно смастерить с помощью компьютера, снять на супер-8, и это будет выглядеть, как документальный подледник. Это может быть любое видео с YouTube. Там тоже есть десятки тысяч доказательств существования инопланетян. Это чудо, что мы ночью вообще ещё видим луну между всеми теми космическими кораблями, которые там, наверху, якобы летают. Возьми рожу Францёза, обработай её с помощью фотошопа, переверни её, прибавь несколько крыс и готово. Тост за цифровую эпоху. — Джианна подняла свою рюмку. — Ах, что значит цифровую, — трещала она дальше. — Знаем ли мы, были ли американцы действительно на луне? Нет, не знаем. Это могло быть всё только подделкой. Простая съёмка в студии. Но люди в это верят, потому что хотят верить. В существование же Маров верить никто не хочет. Кроме того, Пауль и Францёз любовники, не так ли?

— Да. К сожалению. — Я была права. Джианна не была дурой. В этот момент она казалась мне даже слишком умной. Её гипотезы были ошеломляющими.

— Таким образом, мы дошли до второго пункта. Пауль не захочет это признать. Я тоже была слепой, когда была ещё вместе с моим бывшим. А он относился ко мне как к дерьму. Меня все предупреждали. Я не хотела слушать. У Пауля всё ещё усугубляется тем, что его отношения гомосексуальные. А у большинства людей в связи с этим имеется социофобия. Он будет думать, что мы хотим его изменить и поэтому наговариваем на Францёза. — Джианна покачала головой.

— Это только заставит его держаться за эти отношения ещё крепче. — Теперь мне нужен был остаток Рамазотти. Всё впустую? Тильман чуть не размозжил себе мозги кокаином, и это не принесло никакой пользы?

— Это значит, ты ничего не можешь сделать для нас?

Джианна в изумлении подняла голову.

— Что мне, по-твоему, для вас сделать? — она подлила себе и сделала большой глоток.

— Ну, в первую очередь я заговорила с тобой из-за того, что надеялась, что ты сможешь написать статью о демонах Мара в прессу.

Джианна озадаченно рассмеялась.

— Если я хочу потерять свою работу, то могу попробовать. Они ведь только того и ждут, что я напишу какое-нибудь дерьмо. Эли, забудь об этом. Я никто. Этим я только дисквалифицирую себя навсегда. Единственное, что я могу тебе предложить, — это неприятный, уничижительный отчёт о двух перевозбуждённых подростках, которые твёрдо

верят в то, что существуют демоны Мара. Для светской хроники на 3 странице. Но я предположу, что ты думала не о таком, не так ли?

— Спасибо, не нужно. — Выражение лица Джианны потемнело, и на лбу появилась крутая складка, прежде чем она опустошила остаток рюмки. Она стала немного косоглазить.

— Что касается моего бывшего... Оглядываясь назад, это тоже был урод. Настоящий психопат. А я... ну. Я позволяла ему манипулировать собой, пока больше уже не знала, кто я такая. — Она посмотрела на меня вопросительно. — Может быть, он тоже...?

— Я так не думаю. Конечно, я этого не знаю, но поведение Францёза очень необычное. Обычно Мары не показывают себя людям. Они приходят ночью, когда мы крепко спим, а их жертвы ничего этого не замечают.

— Тогда твои отношения должны быть действительно очень сложными. — Джианна захихикала. — Неудивительно, что вы ещё не совокуплялись друг с другом.

— На это имеются другие причины! — ответила я вспыхливо, но Джианна больше не могла перестать хихикать. Я винила в этом алкоголь. — Помимо этого, Колин не совокупляется. Панда, может быть, совокупляется или мартышка. Но не Колин.

— Называй это как хочешь — трахаться, прокладывать трубу, играть в прядки...

— Играть в прядки?

Джианна опрокинула следующий Рамазотти и хотела нам обоим налить ещё, но я предупреждающе положила свою ладонь на рюмку. На сегодня с меня хватает.

— Это от моей начальницы из отдела культуры. Во всяком случае, речь всегда идёт только об этом. Мужчины считают себя венцом творения и хотят возделывать каждое поле, которое они затем могут затоптать. Прост!

— Но не Колин. — Эти слова я могла сказать с уверенностью, потому что они были верными. В техники оплодотворения Колин поистине не был типичным мужчиной. — Кроме того, он питается снами животных. В остальном он живёт как человек. По крайней мере, пытается. Но если бы он питался человеческими снами, то не показывал бы себя своим жертвам.

— Значит, всё-таки немного похож на Эдварда, — закудаhtала Джианна. — Он блестит, когда выходит под солнце?

— Нет, но у него в волосах появляются рыжие пряди, а его глаза становятся бирюзовыми, — ответила я подчёркнуто терпеливо. Про веснушки я не стала упоминать; они только дадут ещё больше поводов для новых насмешек.

— Как практично! — Джианна в четвёртый раз налила себе, хотя, на мой взгляд, она заправила больше, чем достаточно. Вздохнув, она подвела итог. — Нам приходится кропотливо красить волосы, потому что мелирование в моде, и у нас появляется раздражение кожи головы, а ему просто нужно встать под солнце. Как его полное имя?

— Колин. Колин Иеремия Блекберн. — Глаза Джианны округлились. — И если ты не возражаешь, то я хочу сейчас вернуться к Паулю и атакам на него. Или ты планировала что-то ещё сегодня вечером?

Смех Джианны оборвался.

— О Боже..., - промямлила она. — Я забыла про мою встречу! Встречу, назначенную в Диалоге в темноте! Они точно ждут меня всё это время, а они ведь слепые! Я не могу заставлять ждать слепых людей! Так никто не делает!

Замешательству Джианны вообще не было конца. Теперь засмеялась я, но звонок моего мобильного заглушил, хотя и не сильно, всплеск наших эмоций. Между тем я уже тоже была

достаточно пьяная, чтобы отнестись к долгожданному звонку свободно. Свободно и с сомнительным юмором. Я отбросила свои волосы назад, взяла манерно телефон, оставив в сторону мизинец, когда нажала на зелёную кнопку с телефонной трубкой.

— Баня для католических собак? — протянула я. Джианна громко прыснула.

— Эли? Это ты? Алло?

— У аппарата, — сказала я с достоинством. Джианна вытащила лапшу из кастрюли и измельчила её, чтобы отдельные кусочки, с поглощённой тщательностью приклеить на украшения Versace посуды Пауля. При этом она по-итальянски напевала, что-то со словами "amore" и "attenti" и "lupo".

— Скажи, чем вы там занимаетесь?

— У нас девичник.

— Ладно. Тогда слушай меня внимательно, не перебивая. С Паулем всё в порядке, он как раз набивает себе живот. Я сплю в другом крыле корабля, далеко от обоих. Volvo стоит возле пирса, ключ в замке. Мы в пути будем две недели. Пауль сердится на меня, потому что я оставил тебя одну, и он должен был раскошелиться за мою кабину. Но я сказал ему, что мне срочно нужно было куда-нибудь вырваться, а ты всё равно хотела поехать домой. Ты ещё там, Эли?

— Я молчу, как мне приказал господин граф. — Мне нужно было сильно икнуть — наполовину икота, наполовину отрыжка.

— Боже мой, бедные слепые, — стонала Джианна, которая закончила своё произведение искусства и с расплывчатым взглядом уставилась на моё лицо. Потом она наклонилась вперёд и положила кончик своего пальца мне на нос. — У тебя есть гудок на носу? — Она нажала. — Нет, никакого гудка. Я это знала. Но у меня, у меня есть гудок на носу! — Она коснулась своего собственного носа. Меня удивило, что она попала. И прогудела как грузовик при обгоне. Потом она уронила свою голову на стол и начала храпеть.

— Теперь мы одни, детка, — промурлыкала я в трубку.

— Не называй меня деткой, поняла?

— Да, да капитан. — Я встала, чтобы отсалютовать, но комната закружилась вправо, и я ударилась виском об открытую дверку шкафа. Внезапно я снова протрезвела.

— Эли. Пожалуйста, послушай меня внимательно. У тебя есть хоть какое-то предположение, кем он может быть? Француз? — Внезапно я подумала, что слышу шум моря. Тильман, должно быть, стоял снаружи, на палубе.

— Я не имею представления. А ты что, вообще не боишься?

— Нет. В принципе, ведь всё осталось по-прежнему. Он всё это время был здесь. Только теперь мы знаем, кто Мар. Но я считаю, что лучше знать своего врага, чем всё время бояться и гадать, кем он может быть. Это только вызывает целую кучу новых проблем. А что ты будешь теперь делать?

Да, что теперь делать мне? Пауль вместе с Маром и моим ассистентом был в пути в открытом море. Джианна допилась до комы. А у меня впереди было слишком много свободного времени и бесчисленное количество вопросов, которые чуть не лишали меня разума. Только один человек мог ответить на эти вопросы. Я должна была предстать перед ним. Ради моего брата и ради себя самой.

— Я поеду на Тришин. К Колину.

Глава 35.

Экспозиционная терапия

Значит, моё решение было принято. Я поеду на Тришин. И лучше всего сразу с утра, прежде чем начну сомневаться и, в конце концов, передумаю. Я не могла оставить Пауля на произвол судьбы. Этого мне нельзя было делать.

В течение нескольких минут я сидела за столом и слушала, как Жианна храпит. Её тёмные волосы падали шелковистыми прядями ей на лицо, а её рот был слегка приоткрыт. Кончик её языка вибрировал при каждом вздохе. Я почти не могла поверить в то, что ей было уже двадцать восемь, хотя она была недоверчива, как старая дева, и иногда разглагольствовала о мужчинах, будто те отбросы общества. И всё же её глаза каждый раз святились, когда произносилось имя моего брата.

Могла ли она действительно быть нам полезной? Жианна была любопытной. Даже очень. А это было не плохо, потому что любопытным нужно было быть, если хочешь иметь дело с Марамы. Она должна была быть настолько любопытной, чтобы при этом забыть о своём страхе. Сегодня это сработало.

О её контактах журналистки, однако, нам придётся забыть. В этом вопросе она не сможет помочь нам, если сильно не преувеличивала. Но я в это не верила. Жианна не показалась мне крутой, разоблачающей журналисткой с множеством витамина В. То, что она намекнула о своих коллегах, дало понять, что у неё в редакции не лучшее положение.

Тем не менее, мы были уже четвером. Доктор Занд, Тильман, Жианна и я. Четыре человека, которые верили в то, что они видели и слышали. А если мы включим сюда моего отца, то мы были уже даже пятером. Совсем мало, чтобы разжигать борьбу против Маров. Но я не чувствовала себя больше такой одинокой во всём том, что я делала или, может быть, не делала.

С завтрашнего дня я наконец больше не буду только глупой мисс Манипенни. Коротко я подумала, где находятся таблетки валерьянки, которые доктор Занд дал мне. Сработает ли эффект плацебо во второй раз? Я ещё не нервничала, и у меня не было паники, но это измениться, как только я отправлюсь в путь.

В этот момент алкоголь и усталость почти приводили меня в эйфорию. Это была спокойная, плавная эйфория, которая скоро перейдёт в головную боль. Мне срочно нужно было немного поспать. Папа однажды рассказал мне, что сон и спорт самое лучшее лекарство против страха. У тела должно быть достаточно энергии, чтобы оно могло справиться с симптомами паники. А при спорте в кровь выбрасываются гормоны, которые проясняют нашу психику и награждают нас ощущением того, будто мы непобедимы.

Я прискорбно пренебрегала моим телом в прошедшие недели и месяцы. Почти никакого движения, недостаточно сна. Сон, похожий на смерть, во время атаки Францёза, я не принимала в расчёт. Жирная, нездоровая пища, слишком много кофе. Не хорошие предпосылки для поездки на Тришин.

Но Мар — Францёз, что я всё ещё не могла уяснить, хотя это было настолько убедительно логичным — не мог сегодня ночью преследовать меня. Он уехал. Тильман присмотрит за Паулем; мне ничего другого не оставалось, как доверить ему в этом. И я сделала это. Тильман был лояльным, может быть, даже самым лояльным человеком, который мне когда-либо встречался.

— Маленький засранец, — прошептала я, ухмыльнувшись, и убрала прядь волос изо рта Жианны, которую она снова и снова вдыхала и сразу же откашливала.

Да, то, что Тильману не хватало в тактичности и деликатности, он восполнял лояльностью и беспринципностью. Я наслаждалась мыслью быть освобождённой от его словесных ударов ниже пояса в течение нескольких ночей. И в тоже время мне его не хватало.

Почувствовал ли Францёз что-нибудь? Определённо, это было не совпадением, что он как раз появился здесь в тот момент, когда между Джиианной и Паулем перебежала искра. Что сказала Джиианна? Пауль порабощён им. Но догадывался ли он, что мы знаем что-то об атаке на Пауля? Я не думала о Маре, в то время как Францёз стоял в коридоре. Тильман, несомненно, тоже нет. Мы были слишком сильно отвлечены крысой. Но взгляд Францёза, когда скотина цеплялась за мою плотку и я спокойно на это смотрела... Да моё поведение сбilo его с толку. Надеюсь, я вовремя начала кричать, и он мою хладнокровность спишет на моё предполагаемое безумие.

Я вздрогнула, когда подумала о его мутных глазах. Никогда до этого он не смотрел мне прямо в глаза. Но насколько я знала, Мары не могли ни телепортироваться, ни делиться на две части. Так что сегодня ночью я буду в безопасности, и я молилась, чтобы и Пауль тоже был. В этот момент я ничего не могла для него сделать. Единственный, кто нам теперь ещё мог помочь, был Колин. И даже это было не ясно.

Я собралась с силами, убрала остатки нашего пиршества и пошла в игровую комнату Пауля, чтобы свернуть экран, а проектор и камеру запихать в поношенную спортивную сумку Тильмана. Так как я больше не переносила Францёза вблизи, — ни в реальности, ни изгнанным на полотно — я поставила экран и сумку в мастерскую каморку Пауля. Вернувшись в свою комнату, я открыла окно и позволила прохладному, ночному воздуху проникнуть внутрь.

Жил ли Колин всё ещё на Тришине? Или он давно потерял терпение и сбежал, чтобы на другом конце света построить себе новую жизнь?

Я взяла старый школьный атлас Пауля с полочки и открыла карту северной Германии. Мой рот открылся, когда я нашла Тришин. Мы действительно должны были ехать по морю в течение нескольких часов... Я считала, что Тришин находится очень близко от Зильта. Но песочная отмель находилась намного южнее. Значит, это было не воображение, то, что поездка на лодке показалась мне бесконечно долгой. Колин вёз нас через открытое море.

Это было совершенной глупостью, ехать завтра на Зильт. До Тришина можно добраться напрямик, скорее всего, с маленькой деревушки Фридрихског. Я пошла назад в гостиную, Джиианна всё ещё мирно храпела на кухне, и включила ноутбук Пауля. Моё сердце екнуло, когда Google показал мне, что у Тришина имеется даже собственный веб-сайт. "Тришин — Птичий остров в Ваддензе." С неприятным чувством я открыла ссылку и с облегчением установила, что первый сайт показывает фотографию острова сверху. Я нажала на немецкий флаг.

Ещё раз остров сверху, снова при солнечном свете и отливе. Как можно бояться при такой идиллии? Немного смелее я изучила меню. "Наблюдательница за птицами". Я тихо захихикала. Какой, интересно, болезнью наградил её Колин? Надеюсь, бедной женщине уже лучше. Лучше, но не настолько хорошо, чтобы она могла снова работать. В конце концов, он был нужен мне.

Мои глаза блуждали по экрану вниз. Разнообразие видов, насекомые, журчалки, рачки, прекрасно, но всё это меня сейчас не интересовало. Что-то историческое? "Новая хижина". Я нерешительно подвинула туда мышку и нажала на левую кнопку.

О Боже, да, это была она... хижина... Постройка на сваях с высокой лестницей и окружающим балконом. Я закрыла глаза, глубоко вздохнула и снова открыла их. Такой уж страшной она, в общем-то, не выглядела. Когда святило солнце и не было штормового прилива. Кроме того, и на этой фотографии остров выглядел намного больше, чем в моём воспоминании. Достаточно места, чтобы на пляже заниматься каратэ... Так, это мне приснилось? Или я действительно видела Колина?

Моё сердцебиение немного успокоилось. Тем не менее, я чувствовала себя как раньше, когда Пауль и я смотрели на фотографии уродующих заболеваний в медицинском справочнике. Любопытство и моё честолюбие подталкивали меня к этому, посмотреть более внимательно и не отворачиваться, но мой желудок решительно этому сопротивлялся.

Хорошо, дальше. "Новый поставщик на острове". Это же было мило! Лодка под названием «Луиза» служила как транспортное судно для продуктов. Однако...

— Вот дерьмо, — прорычала я. Капитан, по имени Аксель Нильсен, посещал остров всегда только в воскресенье вечером. Значит, он был там сегодня. Не имеет значения. Я уж кого-нибудь найду во Фридрихског, кто отвезёт меня на Тришин. Может быть, даже Нильсон лично — дружелюбно выглядящий мужчина с седыми волосами, который стоял в коротких штанах на палубе Луизы. Мне нужно только придумать хорошую причину, почему он должен отвезти меня на остров. Но для этого у меня было ещё достаточно времени.

Теперь я всё-таки была достаточно смела, чтобы нажать на "Актуальное окно". Может, там речь шла о Колине? Но я нашла только последние слова приветствия, бедной, больной наблюдательницы за птицами с прошлой осени. Очевидно, она любила этот островок.

— Блин, Колин, — пробормотала я укоризненно. В то же время я должна была улыбнуться. Он сделал это для меня. Чтобы быть поблизости. Что же девушка там писала?

"Напротив было много весёлых, волнующих и прекрасных моментов, что я удивляюсь, как это всё поместилось в семь месяцев."

О да. Ха-ха. Волнующие моменты. Их я тоже пережила на Тришине. Я закрыла сайт и захлопнула ноутбук. Настало время ложиться в постель и использовать свободную от Маров ночь для обильного сна, содействующего красоте.

Мне удалось вывести Джианну из комы и отвести её на койку Тильмана. Полностью она не проснулась, но с закрытыми глазами и заплетающимся языком пыталась петь итальянский шлягер, прежде чем, хрюкая, упала на кровать и погрузилась снова в глубокий сон. Я была настолько уставшей, что смогла только выскользнуть из обуви, опустила в одежде на матрац и уснула в тот же момент, как только моя голова коснулась подушки.

Глава 36.

Словоохотливость

— Ну, вот. Могу же, — поприветствовала я своё отражение. Джианна ещё крепко спала, а я хотела использовать утреннюю тишину, чтобы закрыться в ванной и привести себя в порядок.

Да, я выглядела лучше. Мои глаза были ещё немного красными, но я могла различать всё немного резче, чем недели ранее. Сон сотворил чудо. Может быть, я смогу поехать на машине с очками, а затем, как летом, обойтись без моих контактных линз. Против бледности я больше ничего не смогу сделать, но для остального существовали вспомогательные средства.

Я, напевая, залезла под душ, намылила себя несколько раз огромной, натуральной

мочалкой Пауля, вымыла голову, побрила ноги, под мышками и различные другие места на теле и начала постепенно снова чувствовать себя как человек. Я знала, что Колин не ожидал от меня таких мер, но мне всё же необязательно поэтому бегать, как обезьяна.

Я делала это не для него. А для себя. Моё тело с Тришина было только жёсткой бронёй, которое должно было делать лишь самые необходимые вещи. И были моменты, когда мне хотелось просто отбросить его. Только один раз оно подчинилось мне безропотно, и в ощущении даже был смысл — при нашем странном танце. Как, собственно, чувствовал себя Тильман в своём теле? От него исходила противоречивая смесь, когда он двигался. С одной стороны, очень уверенный в себе, если не сказать самовлюблённый. С другой, иногда его плечи поникали слегка вперёд, в то время как он молча размышлял, а ночью он заворачивался в своё одеяло, как щенок, который хотел к кому-нибудь прижаться. Он спал или отдыхал почти всегда на животе, голову положив на сгиб руки. Как будто хотел защититься. И потом эти шрамы на груди... Что же, шрамы были у всех нас. У меня на ноге. На гладком животе Колина красовался отпечаток копыта. А Джианна и Пауль тоже были отмечены, хотя и в их сердцах. Сможет ли Пауль когда-нибудь оправиться от атаки, если мы сможем освободить его?

Я взяла мой лосьон для тела. Я уже так долго не пользовалась им, что дырочка на крышке покрылась корочкой, и мне сначала пришлось промыть её. Я почти боялась проводить ладонями по рукам и ногам и поторопилась сделать это. Живот я не намазала. Слишком чувствительный.

— О Боже, что я только задумала..., - простонала я и опустилась на табуретку для ванной. Да, что я только задумала? Я хотела посоветоваться с Колином насчёт Францёза. И я хотела... Я почувствовала, как кровь поднялась к лицу. Действительно ли я хотела этого? Или я верила в то, что мне нужно что-то доказать Колину, чтобы удержать его? Потому что я не хотела его терять. Ни в коем случае.

— Подожди, — сказала я тихо моему отражению лица. — Будь ко всему готова. И потом ты увидишь, что случится. — Так что я готовилась. Черное нижнее бельё было нейтральным, но так же не слишком пристойным. Я скользнула в трусики и надела майку. Бюстгалтеры мне больше не нравились, потому что я чувствовала себя в них ограниченной и заточённой. Я была рада избавиться от них. Для них время придёт, как только моя плоть поддастся притяжению.

Я критически посмотрела на себя в зеркало. Я выглядела не скромно и не вульгарно. Испытываясь я хлопнула себя по левой ягодице. Хорошо, это называли упругой плотью. Тряслась ли она, когда я шла? Я наклонила голову в сторону, направив взгляд на мою попу, и сделала два шага вперёд. Ой. Тупая боль прошла по шеи, и я сразу же повернула затвердевшими мышцами, чтобы избавиться от судороги. Что бы ни случилось сегодня вечером — прострел был бы скорее контрпродуктивным. Решительно я оделась и упаковала несколько вещей в мой несессер. Боже мой, это было глупо. Несессер для одной ночи на Тришине. По крайней мере, мне не нужны были презервативы.

Без всякого сожаления я вспомнила об ужасной возне. Это прозвучало так, будто презерватив хотел защититься и убежать, как и я. И этот запах резины, которые предшествовали моему и Энди неуклюжему интермеццо. Я только сожалела о том, что это вообще случилось. Собственно, я почти ничего больше не помнила, кроме как аналитического хода мыслей, который был трезвым, как на контрольной по биологии.

Хорошо, Елизавета. Рука Энди как раз была на его святая святых, которая уже долго,

очень долго находилась недалеко от взрыва, во всяком случае, если судить по его гипервентиляции, поэтому любовная капелька уже выбралась из своего тёмного укрытия, а любовная капелька содержала сперму. Даже господин Шютц (ради Бога, отец Тильмана) предупреждал нас об этом чуть ли не по-отечески, хотя мы, как ученики тринадцатого класса, были для этого слишком взрослыми. Максимально жизнеспособная сперма. И если Энди хотя бы одну из этих кишащих объектов намазал на презерватив, во время своей неуклюжей попытки натянуть его, тогда этого хватило бы, чтобы...

Ой. Ну, и уже всё закончилось. Мне было больно, а Энди обессилил, как проколотый воздушный шарик. Пиф-паф, беременна. Думала я. Боялась. Но судьба была ко мне благосклонна. Никакого ребёнка от Энди.

Я тяжело вздохнула и покачала, наполовину забавляясь, наполовину стыдясь, головой. Может быть, существование монахини тоже крыло свои преимущества. Не нужно было больше думать о многих вещах.

Я пошла на кухню, поставила вариться кофе и проверила Джианну. Она всё ещё спала. Я мягко потрясла её за плечо. Её тело было чрезвычайно тяжёлым.

— Джианна, просыпайся. Будем завтракать! Ты должна отвести меня в гавань. — И уступить мне свою машину, если Volvo вдруг украли, потому что маленький засранец оставил торчать ключ. Теперь я затрясла её немного безжалостнее. — Джианна Виспучи!

— Мадонна... — Джианна повернулась и прижала руку к глазам. — Мамма мия, Мадонна... — Потом последовало несколько итальянских ругательств, которые, казалось, были не для детских ушей. Она медленно убрала руку и заморгала, смотря на меня пустым взглядом.

— Это я, Элиза.

— Элиза...? И...? — Она приподнялась и огляделась. — О Боже... Что за сны... Что... что я вообще делаю здесь?

О, нет. Она обо всём забыла. Мне что, придётся рассказывать ей всё во второй раз? Может, она в конце забыла даже, что видела запись с Францёзом? Что существуют Мары? И что она влюбилась в Пауля?

— Не говори мне, что ничего не помнишь! Пожалуйста, скажи, что это не правда! — Ещё раз я не смогу разыграть перед ней мою реакцию на атаку Францёза.

— Да. Нет. — Джианна положила пальцы на виски и вздрогнула от боли. У неё, должно быть, было ужасное похмелье. — Я... но этого не может быть... Здесь ведь был... экран?

— Я убрала его перед тем, как лечь спать! — воскликнула я облегчённо. — Он стоит в каморке-мастерской Пауля. Пауль — это мой брат, с красивыми голубыми глазами и длинными волосами и...

— Элиза. Говори тише. Пожалуйста. Я помню твоего брата. Но там было что-то ещё...

— Мары.

Джианна сглотнула.

— Демоны Мара?

Я кивнула.

— Францёз. Колин. Тесса. Мой отец. Полукровка, Камбион, атака. Вспоминаешь?

— Слишком громко, — ответила Джианна страдальчески. — И они действительно похищают сны? Нет, ничего не говори. Нет, скажи.

— Да. Они похищают сны, а иногда так же прекрасные воспоминания. — Со мной такое уже случилось. А теперь я вступлю на войну мщения. — Ты не можешь после завтрака

отвезти меня в порт? Я хочу к Колину на Тришин.

— Ах. Колин. Наш Эдвард-Мар.

— Если ты когда-нибудь увидишь его, то забудешь это сравнение раз и навсегда. И он принадлежит мне, а не нам. — Тьфу. Колин никому не принадлежал. Даже самому себе. Если же кому-то и принадлежал, то скорее Тессе.

Но Джианна только слабо улыбнулась.

— Ладно тебе. Фу, я воняю, как скунс. Могу я принять душ? У тебя есть что-нибудь свежее, что я могу надеть? — Я выбрала для неё пару вещей, приготовила завтрак и стала её ждать. — Ты состряпала такое лицо, будто у тебя сейчас назначена встреча у зубного врача, — подразнила меня Джианна, после того, как со смертельным презрением опрокинула в себя две чашки несладкого кофе и аспирин.

— Хм, — пробормотала я неохотно. Примерно так я себя и чувствовала, хотя предпочла бы с благодарностью встречу у зубного врача. Потому что она была предсказуемой. Паника уже приближалась; я чувствовала, как она начинается. Она поднималась как волна, сначала безобидно и далеко, но потом...

— Они могут похитить и плохие сны? — прогнала Джианна мой призрак страха. — Сны, которые обременяют? У меня есть парочка, которую я отдала бы. — Мне было сложно отреагировать разумно и не накричать на Джианну. Потому что мы приблизились как раз к той теме, от которой я на протяжении уже нескольких недель хотела сбежать.

— Да, могут, если захотят сделать для людей что-то хорошее. Но кто захочет добровольно испортить себе желудок? — ответила я неохотно. — Колин предложил мне это, и в тоже время отсоветовал. Некоторые сны нам нужны, хотя они плохие, и кроме того... Это опасно.

Сверкающие глаза Джианны настойчиво впились в мои. Ой-ой. Она снова клюнула.

— Ты не только так думаешь. Ты это пережила, не так ли? — Значит, настолько уж неправильным её выбор работы не был.

— Он не хотел похищать их у меня, он вообще не хотел этого делать! — воскликнула я с жаром, движимая глубокой необходимостью защищать Колина. — Я попросила его похитить у меня прекрасное воспоминание, потому что он был голоден, и при этом... что-то пошло не так.

Джианна крепко вцепилась своими тонкими пальцами в чашку с кофе.

— Что именно?

— Я... я скользнула в его воспоминания. В... Он был в концлагере. Они хотели отравить его газом. Но он не умирал. Я была в его теле, среди кучи мёртвых тел, потом они снова забрали меня оттуда, я стояла в газовой камере, все вокруг меня умерли, только я — нет... — Я должна была прекратить говорить, иначе существовала опасность, что меня вырвет на стол. Джианна уронила свою чашку. Она тут же разбилась. Ещё одним Versace-уродством меньше.

— О Боже, Элиза... — Она не предприняла попытки обнять меня или вытереть кофе. Она совершенно окаменела. Я равнодушно смотрела на то, как чёрная бурда капала на пол, и сильно прижала свои кулаки к острым осколкам, которые покрывали весь стол. Боль успокаивала.

— Нацистское время и преследование рас — этому было уделено основное внимание на моём историческом факультете. Перед экзаменом, предшествующим выпускному, я день и ночь ничем другим не занималась. Дошло до того, что мне стали ночью сниться об этом

сны. Потом я сдала всё на отлично, и ни одной секунды не радовалась этому.

— Я знаю, что я не пережила этого, что только чувствовала, но... это у меня в голове, нет, оно везде. Это теперь часть меня, и я... — Снова мне нужно было сделать паузу.

— Ты не знаешь, как тебе это вынести.

— Как мне это вынести, когда я увижу его снова, и из-за этого всё вернётся, да. Все те картины, запахи и звуки. И мне действительно так жаль его. Мне так жаль! Они проводили с ним эксперименты, мучили и пытали... и это всё только потому, что он другой!

— Как мы, — сказала Джианна серьёзно. — Мы тоже другие.

— Да, — ответила я просто. Джианна коротко фыркнула.

— Я часто задумывалась о том, что со мной случилось бы в то время. Я думаю, меня бы они тоже поймали. Я бы не смогла держать свой рот на замке. Но даже если бы и смогла — они бы нашли какую-нибудь другую причину. А тебя... — Нежная улыбка осветила её лицо. — Тебя они ещё задолго до этого с воодушевлением сожгли бы как ведьму. Ты можешь смотреть на кого-то совершенно безумно, знаешь?

Я молчала. Что я могла на это ещё сказать? Это было моим клеймом, с того времени, как я приехала в Гамбург. Но изо рта Джианны "совершенно безумно" прозвучало даже немного с восхищением.

— Ты с кем-нибудь говорила об этом? — Джианна вышла из оцепенения, взяла кухонное полотенце с крючка и начала вытирать кофе.

— Нет, ни с кем. — Потому что я этого не могла. Только с ним.

— Неудивительно, что в Кунстхалле ты чуть не потеряла сознание. — Джианна щёлкнула языком. — Может, Фридриха и считают романтиком, но эта картина зловещая. Ты читала Кафку?

— Нет, — призналась я, вздыхая. Джианна была, очевидно, нашей новой ходячей энциклопедией по искусству.

— Ха! Вы охотитесь за Марами и не знаете Кафки? По сути, он литературный эксперт по снам! В одном из своих произведений он пишет о замёрзшем море в наших сердцах. The frozen sea within. — Произношение "th" Джианны было катастрофическим. Se frosen sie wisin.

— Почему ты говоришь это на английском? Кафка ведь немецкий автор.

Джианна замерла и грустно улыбнулась.

— Один из моих бывших и я пишем друг другу на английском. Нет, писали друг другу, — исправила она себя. — Он из Боснии. Беженец. В конце наших отношений он растратил все мои деньги на кокс. Обманул и одурачил меня. Это было уже давно. И всё-таки — он мне нравится. Конечно, платонически. У него такое замёрзшее море в сердце. Я точно это знаю. И у тебя тоже. Пока ещё.

— Джианна... — Мне нужно было прокашляться, чтобы можно было говорить дальше. — Как зовут этого бывшего парня?

— Марко, — пробормотала она задумчиво. — Но он пропал, как твой отец. Я даже думаю, что он мёртв.

«Нет, не мёртв!», кричало всё во мне. Он даже совсем не далеко! Но сейчас было не время для ещё одного откровения. Тем не менее, я должна была знать кое-что ещё, потому что Марко показался мне сломленным, но не жестоким.

— Марко — это был тот преследователь или тот тип с... хм...?

— Со сморчком. Нет. Не один из них. Марко был до этого. Можно сказать, из огня да в полымя. Но я не причисляю его больше к моим паршивым бывшим парням. Жизнь и так

достаточно наказала его. Значит, есть только две паршивые связи в официальном любовном регистре Виспучи. Две дерьмовые истории — третья должна получиться!

— И получится, — ответила я тихо, но решительно.

— Я восхищаюсь твоим оптимизмом. Послушай, Элиза, я же ведь на несколько лет старше тебя и... Колин... Он твой первый парень?

— Первый, которого я люблю. — Она решительно провела по столу.

— Это то, что имеет значение. Значит, твой первый парень. Но тебе уже воткнули?

— Джианна, честно, ты употребляешь такие выражения... — Я улыбнулась, почему-то это грубый язык не подходил к её хрупкому телосложению.

— Извини. Ладно. Больше не девственница. Тогда, по крайней мере, не будет больно. Ты хотела помочь Колину, не так ли? Тебе нужно знать одну вещь: мы, женщины, всегда этого хотим. Мы хотим спасти мужчин. Я хотела спасти Марко, хотела спасти Рольфа... психопата, — добавила она, объясняя. — Я хотела спасти Кристофа от его комплексов. Но его штука была действительно крошечной. — Она, извиняясь, подняла руки. — Говорят, те, что с маленькими, перекладывают больше усилий... — Её выражение лица показывало, что на Кристофа это не распространялось.

Ладно. Маленький сморчок с комплексами, принимающий наркотики беженец, психопат, отметила я в уме. Пауль получит вместе с Джианной прекрасную закладную. А для меня было слишком много интимной информации из её личной жизни.

— Э-э, вообще-то настолько подробно я не хотела знать..., — заговорила я робко, но Джианна была в своей стихии.

— Мужчины хотят нас всё время убедить в том, что они спасают нас, — продолжила она с энтузиазмом. — Что мы не сможем без них обойтись. Но это не правда. Всё совсем наоборот. Мы хотим всё исправить, спасти их. И что мы от этого имеем? Ничего, кроме неприятностей. С этим должно быть навсегда покончено! Ты не можешь спасти мужчину!

— А что мы тогда намереваемся сделать с Паулем, могу я узнать?

Джианна удивлённо ахнула.

— О, — сказала она слабо. — Один ноль в твою пользу, Элиза. Я предвижу, что впереди нас ожидают тёмные времена.

— Мы уже в самой их середине. И мне нужно отправляться. Не могла бы ты подбросить меня до порта, пожалуйста? — Джианна долго и пытливо смотрела на меня. В конце концов, она кивнула.

— Тогда давай сделаем это. Рассвет богини, мы идём! Время героев закончилось.

Глава 37.

Непринужденная болтовня

Когда мы достигли парковки в порту и я увидела, что Volvo стоял ещё там (кто добровольно украдёт такую уродливую машину?), у меня вдруг появилось такое чувство, будто я собралась сделать что-то совершенно глупое. Нет, не только глупое. А так же наивное, рискованное, без всякого плана и для моих отношений слишком оптимистичное.

Хватило бы просто спросить Колина о Францёзе, а это я могла выполнить в письменной форме. Для этого у меня всё-таки было две недели. Но в моей голове — и всё больше и больше так же и в животе — вырисовывалось второе, гораздо более значимое намерение. Или оно всё это время было там? Я хотела покончить с дружбой с Колином и собрать осколки наших мечтаний в мозаику. Если это вообще было возможно.

— Ладно, Элиза, мы приехали, — излишне заметила Джианна. Так как я не могла встать, мы сидели уже несколько минут безмолвно в её крошечном, неубранном автомобиле. Перед нашим выездом в порт мне пришлось сначала освободить пассажирское сиденье (две полупустые бутылки с водой, кулёк с сосательными конфетами, помятая обертка от шоколадки, три записные книжки, стержень от ручки, зарядное устройство от её мобильного и семь дисков без боксов), чтобы можно было сесть, и при каждом повороте в багажнике перекатывались какие-то тяжёлые предметы.

Заднее сиденье было полностью покрыто куртками, шарфами и зонтиками. Мой рюкзак находился между моих колен. Джианна даже не пыталась предложить мне положить его куда-нибудь в другое место.

Я не взяла с собой много вещей. Бумагу и ручку, мой мобильный, — которым, самое позднее на Тришине, я больше не смогу пользоваться — контактные линзы, мой несессер, смена нижнего белья, пара чистых носок. Колин и я ещё никогда не проводили вместе больше, чем восемь-десять мирных часов. Упаковывать для него чемодан не стоило.

— Знаешь..., — сказала я подавленно пыльному бардачку Джианны. — На самом деле, он вовсе больше не мой парень. А друг. Мы друзья.

— О нет! — воскликнула Джианна с состраданием. — Он сказал скверную фразу? Он ведь не сказал эту скверную фразу!

— Какую скверную фразу? — спросила я вяло.

Джианна выпятила грудь.

— Давай останемся друзьями! Это почти так же скверно, как "Это моя вина, а не твоя" и "Это никак не связано с тобой"!

— Нет. Нет, он ещё не сказал ни одну из этих фраз. Собственно, он так же не сказал это так чётко, но я... — Я не знала, что дальше. В принципе, он произнёс только то, что я думала в тот момент, хотя моё сердце страдало от этого. Я не могла выносить больше его прикосновения. Нет, я даже их не хотела. Но в прошедшие ночи я в моих снах снова стала ближе к нему. И я точно знала: если я буду ждать дольше, то всё будет ещё сложнее. Тогда пропасть между сном и реальностью станет такой большой, что в какой-то момент я не смогу её преодолеть. Потому что эти сны послал мне не он. Для этого они были слишком размыты. Они образовались из меня самой. Так же я отважилась снова мечтать, очень аккуратно, очень осторожно и без музыки. Музыка была бы уж слишком.

Джианна ободряюще хлопнула меня по коленке.

— Ты справишься с этим, Элиза.

Я тяжело вздохнула.

— Я ведь должна.

— Чао, Белла, — сказала Джианна сердечно, захихикала из-за двусмысленности своего ласкового обращения (Эдвард, казалось, становился для неё любимым намёком), поцеловала меня в щёку и вытолкнула из машины. Я уже почти дошла до Volvo, когда внезапно услышала, как она зовет меня. Я вопросительно обернулась. Она стояла рядом со своей машиной и улыбалась мне почти умоляюще.

— Мы ведь ещё увидимся, не так ли? У тебя мобильный с собой?

— С собой. Но он не будет работать рядом с Колином. Всё... всё несомненно будет хорошо. Несомненно. — Я сама не верила своим словам.

— Позвони мне, когда вернёшься, ладно? Напиши мне письмо на электронную почту. Хоть что-то! Не то я начну думать, что мне всё только приснилось. Пожалуйста! — Она

послала мне воздушный поцелуй.

Я кивнула, помахала ей на прощание, игнорируя любопытные взгляды группы туристов, которые, очевидно, держались мнения, что только что наблюдали за первым хрупким сближением лесбийской пары.

Всю поездку до Фридрихскога я только и делала, что пересиливала саму себя. Снова и снова я останавливалась, потому что из-за быстрого биения сердца и тошноты не могла больше концентрироваться на движении и думала, что задохнусь, если сразу же не выйду на свежий воздух. Бесчисленное количество раз я хотела развернуться, а на одном выезде я даже сделала это, чтобы тут же повернуть на следующем выезде на север и всё же остаться на прямой к моей цели. Я ревела, ругалась и даже немного молилась. Только иногда у меня хватало нервов, чтобы послушать музыку или радио. Последние пятьдесят километров единственное, что я выносила, — это полную тишину.

Всё будет по-другому, чем в предыдущий раз, совершенно по-другому, говорила я себе. Светило солнце. Было, по крайней мере, на десять градусов теплее, хотя всё ещё слишком холодно. Никакого снега. Никакого шторма. Только постоянный, мягко шумящий ветер и несколько блестящих, пенящихся волн на голубом фоне моря. Чайки летели по воздуху, а за дамбами паслись овцы. Я знала, что это было красиво. Но я этого не чувствовала.

Слишком быстро я добралась до порта Фридрихскога — удивительно большого, для такого маленького, сонного городка. Множество катеров для ловли крабов были установлены в ряд.

Я нашла парковку, вышла из машины, забросила рюкзак за спину и отправилась пешком искать Луизе. Мой желудок бесновался, а кончик моего носа был ледяным. Я знала, что это значило. Я переживала это не в первый раз. Ещё сегодня утром я обыскала интернет, ища типичные симптомы. Панические атаки. Тело сигнализирует смертельную опасность, хотя её не существует. Поэтому нужно сохранять спокойствие, сосредоточиться на дыхании и ждать, пока адреналин не станет снова в норме. Проблема была в том, что в моём случае, возможно, действительно существовала смертельная опасность и моё тело делало всё правильно, переключившись на панический режим. Я не знала, в каком состоянии был Колин. И я не знала, смогу ли пережить, если меня охватят воспоминания или я снова скользну в его память, как только окажусь там. На Тришине. В последний раз это похитило у меня всё моё желание жить.

Ты всё ещё можешь вернуться, вбивала я себе в голову, даже если вы причалите к острову, ты всё ещё можешь попросить шкипера отвезти тебя обратно домой. Ты ещё в безопасности.

Вот она. Луизе. Непокойно она качалась на мягкой зыби порта туда-сюда, что мужчине на палубе совершенно не мешало. Спиной ко мне, на корточках он чинил голубой тент. Да, это был Нильсен. Чёрт, он был здесь. Его лодка была здесь. Почему мне вдруг так повезло? Он заметил мой уставившийся на него взгляд и вопросительно ко мне повернулся.

— Не могли бы вы меня...? — О Боже, как мне было плохо. Я попыталась сглотнуть, но мне понадобилось три попытки, пока это получилось и гортань подчинилась. — Не могли бы вы отвезти меня на Тришин? Мне нужно отвезти наблюдателю за птицами что-то важное.

Улыбка резко сошла с обветренного лица Нильсена.

— Наблюдателю за птицами? — спросил он подозрительно. Я подошла немного ближе. — Сегодня, в пасхальное воскресенье?

О Боже. Была пасха. Я об этом совершенно забыла.

— Да, — ответила я, дрожа, хотя солнце, грея, светило мне в спину. — Он же всё ещё там, не так ли?

Выражение лица Нильсена потемнело. Он коротко кивнул.

— Да, там. В течение нескольких лет мой отец ездил на Тришин, позже потом я, и наблюдатели за птицами всегда были рады, когда мы приезжали, но этот... — Он снова повернулся к своему тенту. — Он говорит, ему ничего не нужно. Он даже не хочет непринуждённо поболтать.

Я подозревала, что таким образом он намекал на молчаливость Колина и тот факт, что ему не была нужна человеческая еда.

— Но вы можете поболтать со мной! По дороге туда! — прикинулась я общительной. Нильсен не ответил, но продолжил чинить свой тент. Я решила зайти на качающийся трап и схватилась за перила лодки. Прежде чем он смог удержать меня, я уже стояла рядом с ним на палубе.

— Пожалуйста. Это важно. Ему нужны медикаменты. — Я залезла в рюкзак и вытащила пару коробок с таблетками, которые я нашла у Пауля в медицинском шкафчике и которые выглядели более или менее серьёзно (какими они на самом деле не являлись — сосательные пастилы против воспаления бронхов, пустая упаковка крема против геморроя, давно просроченные обезболивающие). Свой аптечный шкаф с действительно важными вещами Пауль опустошил. Наверное, предосторожность по отношению ко мне, чтобы я снова не стала зависимой.

Нильсен что-то пробормотал на платском диалекте, из чего я не поняла ни единого слова. Но что я действительно услышала, так это страх. Он не хотел встречаться с Колином.

Ладно. Тогда мне нужно поменять коробки с лекарством на что-то более весомое. Я вытянула перед самым его носом пачку денег. Медленно он поднялся, сдвинул свою кепку на затылок и посмотрел на меня с неприязнью.

— Вы хотите подкупить меня?

— Нет, — ответила я, обидевшись. — Я хочу заплатить вам. — Конечно, я хотела подкупить его. А времена были плохими, так всегда говорил Пауль. Так же и во Фридрихскоге. Нильсена же, казалось, это не коснулось. Он не сделал попытки взять деньги. Снова меня охватила насильственная дрожь, и мои зубы застучали. Почему я не примерюсь с этим? Это была судьба. У меня не было возможности поехать на Тришин. Зачем пытаться сделать невозможное? Каким бы это было облегчением, исчезнуть с этой качающейся лодки, сесть в машину, поехать назад в Гамбург, зарыться в кровати, поспать...

А потом? Ждать, пока Пауль и его Мар вернуться из своего любовного круиза?

— Пожалуйста. Пожалуйста, отвезите меня туда. Господину Блекбёрну нужны медикаменты. А я должна отвезти их ему сама лично.

— Вам холодно? — Нильсен указал на мои дрожащие руки.

— Нет. Я только ужасно боюсь ехать на лодке.

Может быть, Нильсену нравились девушки в панике. Но возможно моё признание того, что боюсь, показало ему, как это для меня важно, добраться до этого острова. Его железное сердце моряка смягчилось. Зарывав, он толкнул меня на скамью, отвязал верёвку и завёл мотор. Если я хотела ехать туда, крикнул он мне, то нам нужно было поторопиться, прежде чем уровень воды сделает путь до Тришина непроходимым. Слишком много отмелей.

— Вы можете сразу же поехать снова назад! — прокричала я сквозь ветер, когда лодка повысила скорость, а я в мыслях уже выбирала место возле перил, где спокойно и без

встречных порывов ветра могла прыгать в воду. — Я останусь там!

Голова Нильсена резко повернулась ко мне. Он посмотрел на меня с таким сомнением, что мне самой стало немного не по себе. Я перехитрила мои губы, простодушно расплывшись в улыбке, и заставила себя сделать всё то, что прочитала в справочнике в интернете о морской болезни. Смотреть на горизонт. Подстроиться под волны. Найти отвлечение (где, пожалуйста? Горизонт был просто линией, ничего более!), двигаться (невозможно, чтобы при этом не упасть за борт). Корня имбиря у меня тоже не было под рукой. Я впиалась ногтем в предполагаемую точку акупунктуры на запястье — риск был велик, что при этом я перекрою себе всё кровоснабжение, и спрашивала себя, появятся ли у меня когда-нибудь снова слюни во рту. Между тем уже покалывали не только мои кончики носа и пальцев, а лицо, руки, ноги. Да, потеря сознания энергично стучала и требовала позволения войти.

Как сказал Колин? У меня не морская болезнь, я просто боюсь. Симптомы хотя и были похожи, но если кто-то и знал о моих чувствах, то это он. И он был прав. Меня не вырвало через перила. Но это уменьшило мою панику лишь совсем чуть-чуть. Когда перед нами появился Тришин, — сначала хижина, потом плоские дюны, — Нильсен приглушил мотор, так что мы резко замедлили скорость.

— Что такое? — крикнула я. Он медленно повернулся ко мне.

— Его здесь нет. Его лодки нет. Мы возвращаемся.

— Нет! — закричала я пронзительно. — Не возвращаемся!

Я бросилась вперёд, хотя из-за этого лодка опасно накренилась, и вцепилась в плечо Нельсона, чтобы не упасть.

— Пожалуйста, нет. Отвезите меня на остров. Я подожду его там.

Но Нильсен уже развернул руль и поднял рычаг газа вверх. Двигатель взревел. Решительно я ухватила за его узловатую руку и опустила рычаг снова вниз. Лодка измучено закашляла, потом случился такой сильный удар, что наши головы столкнулись друг с другом.

— Вы сошли с ума, девушка? — набросился на меня Нильсен. — Я не отпущу вас одну, ни к этому человеку, я ему не доверяю. Он не совсем...

— Да, точно! — Я предупреждающе указала на мой рюкзак. — У него не все дома. И если я сейчас же не отвезу ему медикаменты, он возьмёт свой топор и отрубит всем милым птичкам там голову. Понятно?

Нильсен только фыркнул, с удивительной силой толкнул меня назад на скамейку и тронулся.

— Тогда всего вам хорошего! — крикнула я. — И спасибо!

Волны, во время нашей небольшой дебаты, относили нас всё ближе к берегу Тришина. Он был не так далеко. И реакция Нильсена была хорошей, но не достаточно быстрой. Он успел ухватиться только за мой левый сапог, прежде чем я нырнула в воду. И остался у него. Море было таким ледяным, что моё сердце на одно мгновение перестало биться. Потом я вынырнула и, задыхаясь, стала хватать ртом воздух. Хотя холод почти парализовал меня, мне удалось вытянуть руку из-под волн и помахать Нильсену.

— Вы можете ехать! Я профессиональный пловец! Уезжайте! — Следующая волна накатила слишком быстро. Я не закрыла вовремя рот, наглоталась солёной воды и начала нелепо кашлять, прежде чем моя голова снова выплыла на воздух. Если Нильсен увидит это, то немедленно вытащит меня из воды и отвезёт на материк. Но лодка была уже так далеко...

слишком далеко... Мой рюкзак весь пропитался водой и стал таким тяжёлым, что тянул меня вниз. Барахтаясь, как собака, я пыталась оставаться на поверхности, но от волны к волне это становилось всё сложнее. Куда меня вообще несло? Назад в море? Или к берегу? Я дико гребла ногами, как в кроле, но судорога в икре заставила меня оцепенеть от боли. Сразу же моё тело погрузилось вниз. Значит, это теперь всё-таки случится. Я утону. Если раньше не перенесу сердечный приступ из-за холода.

Так часто я хотела искупаться в открытом море. Теперь этот день настал, и выполнение моего желания закончится моей смертью.

Но подожди — что там такое было у меня под ногами? Оно не уступало, когда я упиралась в него. Я могла идти. Вода была не глубокой! Следующая волна прибоя потащила меня вперёд. Я перевернулась и поцарапалась лицом, проехав им по песку, но быстро сориентировавшись, упёрлась, однако, в него руками и оттолкнулась. Я была уверена, что профессиональный пловец достиг бы берега по-другому, но у меня была сила, чтобы развернуться и снова помахать Нильсену.

— Со мной всё супер! — заорала я, откашливаясь и выплёвывая соль и песок. И крошечную ракушку. Нильсен колебался, в руках всё ещё спасательный круг и готовый подъехать и бросить его мне. Я подняла большой палец вверх и махала усердно руками (я больше их не чувствовала, но видела, что они делали то, что я хотела), чтобы показать ему, что он может уезжать. Наконец он это сделал. Стоя на ногах и улыбаясь, я смотрела ему вслед, пока он не исчез с моего поля зрения, и я могла позволить следующей волне опрокинуть себя на землю.

Нильсен поверил тому, что у меня были силы и что я переживу моё короткое купание в ледяном океане. Но я в этом была совершенно не уверена. Мне нужно было добраться до хижины и поторопиться. Независимо от того, как она меня пугала. Кроме того, Колина здесь не было. Несмотря на всю платоническую дружбу, он бы не оставил меня лежать всё промокшую и полузамёрзшую на пляже. Совершенно независимо от этого я чувствовала всеми своими оставшимися чувствами, что его здесь не было. И с некоторым удивлением я поняла, что мой приступ паники отступил. Как это было ещё раз насчёт спорта? Он давал чувство того, что ты непобедим? Что же, непобедимой я себя не чувствовала, но внезапное усилие тем временем отправило мой страх к дьяволу.

Вся мокрая и дрожащая я тяжело зашагала в сторону хижины. Еще, прежде чем её достигла, я отшвырнула оставшийся сапог с ноги, потому что он всё равно только мешал мне. Лестница казалась мне бесконечно высокой, а мои пальцы были такими негнушными из-за холода, что я почти не могла нажать на ручку входной двери хижины. Это мне удалось лишь тогда, когда я опёрлась на неё локтем.

Как я надеялась, она была не закрыта. Кому вообще взбредёт в голову вламываться сюда, если даже поставщик острова боялся подъехать к берегу? И, о небо, в хижине было тепло. Я захлопнула дверь и на том же месте опустилась на пол. Одну минуту. Полежу и подышу только одну минуту. Тогда всё будет в порядке.

Глава 38.

Храни меня

Нет, не будет. Не будет всё в порядке. Потому что если я продолжу лежать в мокрой одежде и с пропитанным водой рюкзаком на полу хижины Колина, то замёрзну.

Это было так же, как в прошлый раз. Мне нужно было раздеться. И всё-таки всё

совершенно по-другому. Я была одна. Никаких пылающих взглядов на моей коже. Никаких порывов ветра, трясущих окна. А только мягкий послеобеденный солнечный свет, чуть ли не нежный шум прибоя и непрекращающийся крик чаек, которые стайей окружили хижину и смотрели на меня своими застывшими зрачками.

Морская вода, капающая с моих волос и одежды, образовала небольшое озеро на полу. Я бросила на него мои вещи, вытерла ими воду и небрежно забросила их на балкон. Только нижнее бельё я развесила над печкой, которую Колин поставил рядом с кроватью и которая работала на полной мощности. Я слышала, как в ней трещали и громыхали дрова. Так что Колин уехал совсем недавно... Тонкая ткань трусиков и маечки сразу же начала пускать пар, и нежный запах порошка наполнил солёный воздух.

И сама я тоже была солёной. Остаток песка прилип между моих пальцев ног и скрипел у меня во рту, а оборванные водоросли украшали мои бледные икры, как разноцветные татуировки. О волосах я даже не хотела думать. Программу красоты, которую я затеяла сегодня утром, могла бы не устраивать. Всё было напрасно.

Пока высохнет моё нижнее бельё, пройдут часы. Вещи из рюкзака тоже были непригодными. Я стряхнула воду, которая собралась в нём в маленькую раковину рядом с миниатюрной плитой, и уложила свои испорченные вещи рядом друг с другом на полу: совершенно мокрый несесер, в том числе промокшие принадлежности макияжа, разбухшая щётка, мой мобильный (благодаря защищающему чехлу не повреждён, но без связи), трусы, маечка, пачка денег, баллончик лака для волос (что, к чёрту, я собиралась с ним делать?), тюбик покрытого коркой соли лосьона для тела. И упаковка влажной (ха-ха) туалетной бумаги. Мне её не хватало после того, как я и Энди тогда "закончили". И что теперь?

Моя кожа хотя и горела, но делала она это только потому, что температура её поверхности только что составляла, казалось, ноль градусов. Это был тот же эффект, как после сауны, только наоборот. Мне срочно нужно было что-то натянуть на себя. Но что?

Мой взгляд упал на каратэ-кимоно Колина, которое висело на спинке единственного стула в этой комнате. Да, кимоно... Как всегда меня охватило чувство благоговения, когда я смотрела на него, но моя собственная жизнь была всё же немного важнее, чем уважение перед священным додзё и всем прочим вздором о боевых искусствах. Решительно я схватила верхнюю часть, надела её и скользнула в штаны. Конечно, они были слишком широкими. Я подвернула пояс, но мне нужно было дополнительно к этому завязать ремень поверх верхней части, чтобы зафиксировать их на моих бёдрах. Я вздрогнула, когда шёлковая ткань прижалась к моей голой коже. Как я знала, Колин никогда не носил нижнего белья — значит и тогда, когда занимался каратэ. Очень бодрящая мысль.

Немного более живо я огляделась в хижине. Либо я была слепа из-за страха при моём последнем посещении, либо... Нет, такой слепой я бы не была даже из-за чистой паники. Колин изменил интерьер хижины, да, он немного обставил её. Снова создал дом в одиночестве.

— Ну, Годзилла, — прошептала я, улыбаясь, и провела пальцами по фотографии Луиса, которая висела над письменным столом. Да, Луис был превосходным конём, не вопрос. И всё-таки он нравился мне больше, когда смотрел на меня своими чёрными, бархатистыми глазами с фотографии, чем в одушевлённой близости. Ага, а что это такое? К краю фотографии была прицеплена тонкая косичка, сплетённая из двух цветов волос — тёплым чёрным из мифической гривы Луиса и очень знакомым коричневым с красноватым оттенком. Мои волосы? Может ли это быть? Когда, пожалуйста, Колин смог отрезать мою

прядь волос? Тогда летом? Как бы там ни было, у меня их было достаточно, и мои волосы были между тем такими неукротимыми, что было не видно, было ли их на одну сотню больше или меньше.

Я тихо вздохнула. Как, должно быть, ему не хватало Луиса... Колин, наверное, не мог ездить на нём верхом каждый день, как у нас в лесу, где жеребец часто стоял рядом с домом в своём загоне. С тихой меланхолией я вспомнила вечер у Колина, когда он рассказал мне, кем является — мой испуг, мой страх, а так же глубокое доверие, которое я испытывала. Луис тогда засунул голову в окно и так нежно фыркнул, что у меня было такое чувство, будто он понимает, что движет мной и Колином.

Клетчатый килт Колина я напрасно искала. Может, он в конце всё-таки стал жертвой похотливой жадности Тессы? Нет, О Тессе я не хотела сейчас думать. Я находилась на острове. В зоне, свободной от Тессы.

Что было ещё нового в хижине? Ах, полочка рядом с письменным столом — вместе с проигрывателем и CD-плеером. Значит, Колин всё-таки пытался перехитрить технику. Музыка была для него так же важна, как и для меня. И, тем не менее, я в прошедшие недели избегала её, когда только было можно. Потому что я не могла слушать музыку и ничего при этом не испытывать, а большинство из этих ощущений были неразрывно связаны с воспоминаниями. Воспоминаниями о Колине.

Я хотела как раз взять компакт-диск, который лежал на динамиках, когда меня охватило безошибочное чувство того, что за мной наблюдают. Нет, не только наблюдают, а тарашиться. Если не сказать, пронзают взглядом.

Склонив голову, я повернулась в сторону. Напряжение улетучилось в течение одного освобождающего вдоха.

— Мистер Икс? — Я подошла ближе. — Нет. Если ты Мистер Икс, то тогда уменьшился. Приблизительно наполовину.

Котёнок был крошечным, но чёрным, как смоль, как и Мистер Икс, и выражение в его жёлтых глазах было такое же. Всегда величественное, всегда немного возмущённое. Даже сейчас, когда я почесала шею изящному животному и он наслаждался моей нежностью, на его морде притаился тихий упрёк. Но я продолжала баловать его, и пока я это делала, внезапно чайки, крича, взлетели и умчались в открытое море. Я слышала теперь только мурлыканье котёнка и шум прибора. Внезапная горячая дрожь прошла по моему затылку.

Третья душа была здесь. Была моя собственная, беспокойная и бьющая крыльями, потом степенная, но хищная душа котёнка. И одна, чья сила была такой мощной и подавляющей, что я на одно мгновение пожелала, чтобы моя освободилась из оков своего тела и сбежала, следуя за чайками в море. Или объединилась с другой душой. Была ли это вообще душа?

Лучше всего притворюсь, что меня здесь вообще нет. Ещё лучше, сделаю вид, что это только сон. Один из хороших, в которых я всегда знала, что со мной не может случиться ничего страшного или злого. В которых я была бессмертной. Я могла проснуться, если существо за моей спиной станет слишком опасным.

Но я не хотела просыпаться. Я выпрямила шею, на которой горели его глаза, как два горящих уголька.

— Повернись.

Я подчинилась не сразу. Мне нужно было время — время, чтобы успокоиться и подготовиться ко всему. Всё же я должна была признать, что не ожидала такого зрелища.

Я ещё никогда до этого не видела Колина таким. На нём не были надеты ни его тёмные

узкие брюки, ни его белая рубашка. Ни даже его испорченные сапоги. Он был босиком, как и я. И меня привело в восторг то, что для моего подозрения по поводу Тессы недавно не было никакого основания. Потому что килт был надет на Колина. Да, на нём был надет его килт, и, клянусь Богом, мне редко доводилось наслаждаться таким воинственным зрелищем, как в эти спокойные, удивившие меня моменты. Он больше был похож на панка, чем на шотландца; к счастью, без их недостатков: плохой разноцветной причёски и неухоженной кожи. Как и я ранее, он был насквозь мокрый. Его соски выделялись через чёрную обтягивающую футболку. Я могла видеть все его мягко округлые мышцы. Он, должно быть, только что вышел из моря.

А его волосы... о... они выросли. Он завязал их сзади. Это должна была быть своего рода заплетённая коса, но это интересовало влажные блестящие пряди так же мало, как и мои. Они танцевали.

Заходящее солнце заколдовало его глаза в блестящую мозаику из бирюзовых осколков, мягкого коричневого и глубокого, пожирающего чёрного. Я склонила голову, и мой взгляд последовал за раком-отшельником с раковиной в своём мечтательном бегстве от чар Колина, которым я тоже уже давно покорилась.

— Почему на тебе надето моё кимоно?

— Почему на тебе надета юбка? — Он мог мне много чего рассказать, но одно я знала точно: за охотой за снами в море Колину Иеремии Блекбёрну не нужна была юбка. Ему вообще не нужна была никакая одежда. Он не мёрз.

— Потому что я всегда считаю немного унижительным, когда в любовной игре приходится стягивать с себя штаны.

Мой рот открылся и сразу же закрылся. Выражение лица Колина было бесстрастным, но его взгляд сверкал от весёлой насмешки.

— Да, ты, вероятно, прав, — ответила я холодно. И как он был прав! Энди мутировал в дёргающегося змея, когда выбирался из своих джинсов. Это тоже не содействовало общему расслаблению. Я сама, в конце концов, была голая. А теперь... Боже мой, кто такой, собственно, был Энди?

— Только подготавливающим работником, — ответил Колин на мой невысказанный вопрос и дьявольски усмехнулся. Его зубы сверкнули. Что сделало его таким сильным? Даже после хищения воспоминания он не выглядел таким непобедимым. Его красота вскружила мне голову, и всё-таки я не могла оторвать от него глаз. Было ещё что-то другое, чего я в нём не знала... Да, широкий кожаный браслет. Его не было.

Прежде чем паника могла овладеть мной, я бросилась к нему, взяла его руку в свою и прижалась губами к татуировке. Противостояние. Только это помогало. Ничего больше. Но его рука была ледяной, ледяной и влажной и... мёртвой. Моё поле зрения расплылось. Я услышала, как застонала.

И уже я чувствовала зверски сладковатый запах тления, а его кожа уступила под моими губами. Слизистая, раздутая. Больше никакой текущей крови в венах. Сейчас я начну чувствовать других, они подкатывались ко мне, чтобы похоронить под собой, все эти трупы, с их полыми, пустыми глазами, чьи мучительные страдания никто не смог облегчить, никто...

— Остайся здесь, Эли! Остайся со мной! — Бархатный голос Колина прорвался сквозь мою тьму, и я ухватилась за него, почувствовала, как его руки обхватили меня и подняли. — Открой свои глаза. Посмотри на меня.

— Я не могу..., - прошептала я обессилено. Я попыталась закричать. Но это было как в этих бесконечных снах, в которых ты не жил и не умирал, только кричал, беззвучно кричал...

— Нет, ты можешь. Ты можешь, Эли. Ты здесь, со мной, а не там. Посмотри! — Он подул прохладным воздухом на мои веки, и они тут же отреагировали. Хотя я думала, что это невозможно, но они открылись.

— Смотри на меня. На меня. — Колин схватился за край своей футболки и снял её одним быстрым движением через голову. — Я жив. Я здесь. Никого другого нет. Только ты и я. — Он взял мою руку и положил её на свой голый живот. — Что ты чувствуешь? Скажи мне, что ты чувствуешь. Сосредоточься, Эли! Чёрт побери, делай, что я тебе говорю!

— Я... я... там... этот шум... и...

— Не закрывай глаза. Смотри! Убедись, что ты здесь. Дыши. Тебе нужно дышать, моё сердце, не то ты умрёшь.

Я, дрожа, набрала в лёгкие воздуха, сначала через рот, потом, став немного смелее, через нос. О. Это было хорошо.

— Ты... пахнешь... не знаю... морем и солью, и... я хочу тебя съесть... — Колин тихо рассмеялся. Но было действительно так. Было такое чувство, будто мои зубы внезапно становятся острее. Так же мои слюни вернулись назад. У меня появился сильный аппетит. Я была голодна. Никакого больше запаха гниения. Только изысканный аромат... такой изысканный... Я провела рукой по отпечатку копыта под его пупком и замерла.

— Боже мой... да ты же горишь! — Его кожа была лихорадочно горячей. Сорок градусов. По меньшей мере. — Что ты...? — Кого он только ограбил? Может, он снова похитил воспоминания? И у кого? Это не мог быть только один человек. Их, должно быть, было с десятков.

— Киты. — Он улыбнулся мечтательно. — Только что. Я вчера слышал, как они зовут. Целое стадо. Нам нужно возвести для них храм.

— О да... нам нужно это сделать, — согласилась я с ним рассеянно. — Но только сидя. Я больше не могу стоять. Не из-за страха, а... — А. Этого должно было хватить.

— Вот это мне нужно. — С блеском в глазах Колин развязал узел пояса кимоно, и прохладное дуновение ветра с обратной стороны коленок показало мне, что я только что потеряла свои штаны.

— Уже лучше. — Голос Колина стал хриплым.

Не выпуская меня из поля зрения, он шагнул назад к кровати и прислонился к решётке в изголовье. С помощью своих зубов он привязал руки поверх своей головы к железным прутьям и, рыча, затянул ремень кимоно.

— Теперь ты можешь делать со мной что хочешь. — Что же, хорошо. Эта был, по крайней мере, один вариант. Того, что я хотела. Я могла бы тут же на месте сесть на пол и сначала тщательно обо всём подумать, что это вообще значило, или же... — Идём, Эли. И я имею ввиду это в буквальном смысле (прим. переводчика: на немецком слово kommen означает «идём», но так же в сексуальном отношении «кончить»).

О, этот негодяй. Сделав три шага, я достигла его, не зная, как мне всё это претворить в жизнь, те более или менее грешные и признаюсь так же отчаянные мысли, которые вертелось у меня в голове. Но поцелуй был, наверное, не таким уж плохим началом.

Колин расслабленно покоился возле решётки и смотрел на меня загадочным взглядом, когда я садилась ему на колени. Без брюк кимоно. Только потрёпанный килт между нами. И

да, там что-то двигалось, и в этот раз это была не хижина в шторм.

Я склонилась вперёд, пока наши губы не находились всего в нескольких миллиметрах друг от друга, но прежде чем смогла его поцеловать, я почувствовала, как внутри меня поднимается гнев. Гнев и мстительность, и... любовь. Не касаясь его губ, я позволила своим губам путешествовать вниз, вдоль шеи до сгиба плеча, этого мягкого, ранимого места над его ключицей, и укусила, в то время как мои ногти поцарапали его грудь. У меня не было больше когтей, как раньше, и тем более они уже не были покрашенными. Они вряд ли могли что-то ему сделать. Но мои зубы были острыми. Колин застонал, когда я впиалась ему глубоко в кожу, так глубоко, что они оставили след. Он задёргал привязанными руками, но не предпринял никакой попытки остановить меня.

Но моего укуса хватило, чтобы смягчить меня. Я с почти незнакомым удовлетворением смотрела, как голубоватая кровь текла из ссадин, и слезала её. На вкус металлическая. Немного горькая. Сладкая. Мой гнев улетучился.

Но ещё я не находила в себе мужества овладеть Колином с помощью рук... а так же у меня не было мужества для всего другого. Что мне только делать? Он был связан. Он не мог помочь мне.

— Коснись себя, — проник его голос в мою голову, без того, чтобы его рот пошевелился. Коснуться себя? Я это правильно поняла? Его глаза говорили «Да». Однозначно «Да». — Ты ведь это уже делала.

Попалась. Но это было примерно полвека назад, во всяком случае, мне так казалось, а сегодня утром я даже не смогла нормально намазаться лосьоном для тела. Который, между прочим, всё ещё был выстроен в ряд на полу рядом с несессером, лаком для волос и влажной туалетной бумагой. Очень эротично.

А потом я всё-таки сделала это. Потому что не было другого выбора. Каждое движение помогало мне почувствовать то, что Колин сделал бы с удовольствием сам. Но я была единственной в этой игре, кто имел возможность. И кому было разрешено.

Я видела себя его глазами, знала, что он догадывался о том, что я чувствовала, когда кимоно сползло с моих плеч и я гладила свой мягкий живот, позволила своим пальцам странствовать дальше, по его и моей коже — столько много жизни. Никакой смерти на много миль вокруг.

Удивлённо я отметила, что моя левая рука стала более бойкой и открыла застёжку килта. Колин нежно взял кончик моего языка между зубов, когда юбка скользнула в сторону. И снова отпустил. Конечно, под ним на нём ничего не было надето. Я невольно заколебалась, после того, как придвинулась к нему ближе.

— Я думаю, что это не сработает, — прошептала я.

— Что именно ты имеешь в виду, Эли? — Ага. Господин снова развлекался. Хорошо для него. То, что у него всё функционировало, было явно. В принципе, у меня тоже было всё вполне нормально. Тем не менее...

— Боюсь, это... не подойдёт друг к другу, — сказал я, краснея. Понял ли он, что я хотела сказать?

— Если это чувствуется так, тогда это в самый раз. — Колин переместил свой вес, и я тихо вздохнула. Может быть, это всё-таки подойдёт. — Не шевелись. Привыкни ко мне. Я подожду тебя.

Я испытующе посмотрел на него. Он хотел ждать?

— Не волнуйся. У меня было больше ста лет, чтобы тренироваться. У меня нет проблем

с преждевременной эякуляцией.

Я не могла по-другому — я просто должна была рассмеяться, даже если это испортит настроение. Ещё потому, что при словах Колина сразу подумала о любопытных вопросах Тильмана и о моём дерзком ответе про конфетти. Казалось, Колина моё веселье не вывело из концепции. Совсем наоборот. Серьёзность вернулась намного быстрее, чем я думала.

Да, для меня это было серьёзно. И в то время как мы склонились, щека к щеке, не двигались и мои мысли стали его, я, наконец, взяла его себе, как мужа.

Глава 39.

Маленькая смерть

— И, я была хороша? — спросила я сухо, когда снова смогла здраво мыслить, и в уме пытаюсь составить маленький, обозримый список тех травм, которые только что получила. Все излечимы.

Колин начал так неистово смеяться, что тряслась вся кровать. Его рука расслабленно покоилась на моих голых ягодицах, и после того как Мисс Икс — это была кошка, как я теперь знала, — освободилась от своего глубокого шока, она приползла к нам, чтобы прильнуть к сгибу локтя Колина.

— Как всегда, твёрдая единица, — пробормотал он с тихим сарказмом. — Я должен спросить тебя. Как было тебе? Как было нам?

— О, я приятно удивлена. Я всегда боялась, что заработаю воспаление мочевого пузыря, если пересплю с тобой, — пошутила я и поняла, что стала разговорчивой. Раньше мне было невероятно сложно разговаривать с мужчиной, который делил со мной постель или собирался сделать это. Какой бы абсурдной не была моя словесная сдержанность. Снова матрас затрясся.

— Я никогда не совокупляюсь с женщиной, не поохотившись прежде. Важность некрофилии всеобщее переоценивают. Холодные, безжизненные части тела не актуальны. — Я захихикала. Колин производил отнюдь не холодное и безжизненное впечатление. Ни безжизненное, ни тихое. Он разговаривал со мной... на гэльском...

И только после того, как битва закончилась с обеих сторон, мне было позволено развязать его путы. Я нежно провела по вмятинам, которые оставил пояс от кимоно, на его запястьях.

— Между прочим, мне они были не нужны. Я был достаточно сытым. — Я с удивлением повернулась к нему. Его улыбка отступила к глазам, которые с возрастающей темнотой становились снова блестяще-чёрными.

— Но почему тогда всю работу пришлось выполнять мне?

— Я хотел быть уверенным в том, что всё, что ты делаешь, происходит добровольно. Кроме того, хотелось бы тебя очень попросить, леди Чаттерлей. Я тоже внёс свою скромную часть в это дело. — И она не была такой уж скромной. Я, даже если бы хотела, не могла ему ничего на это возразить.

— Ты знал, что я приеду?

— Я надеялся на это. — Многозначительность в его тоне заставила меня тут же покраснеть. Колин нагло улыбнулся мне.

— Нет, я не это имела в виду... я...

— Мне было ясно, что ты имеешь в виду. Я учуял, что Мар отдалился от тебя, а ты приближаешься ко мне и...

— О Боже! — Я резко села. — Мар! Как только я могла забыть про него! О нет, мой брат вместе со своим Маром на корабле, а я занимаюсь здесь...

— На корабле? — прервал меня Колин и тоже сел. — На каком корабле? — Но я уже сбежала из нашего любовного гнёздышка и бегала, как испуганная курица, между моими положенными в ряд сохнувшими пожитками, затащила мою насквозь мокрую одежду с балкона и пыталась повесить её над печкой, где нижнее бельё все ещё пускало пар, вытряхнула влажный рюкзак... и собственно не знала, чего хочу. Здесь выглядело всё так, как в тибетском походном борделе. Мисс Икс считала всё классной новой игрой и снова и снова напрыгивала сзади на мои икры ног, что заставило меня один или два раза резко вскрикнуть. Колин наблюдал за мной какое-то время, явно зачарованный, но, тем не менее, забавляясь.

— Эли, дорогая. — Он вытянул свою руку.

— Надень на себя что-нибудь, когда разговариваешь со мной! — зашипела я.

— То же самое могу сказать и тебе. Ты распространяешь большое количество женского обоняния в моей хижине. — Испуганно я остановилась. Точно, я тоже была ещё не одета. Подозрительно я повернула голову назад.

— Мой зад трясётся, когда я хожу? О Боже! Мой зад! Я ведь здесь не ради моего зада! Что я такое говорю! Я здесь ради...

— Ради себя. И меня. Это две очень хорошие причины. И да, твой зад трясётся. Всё другое испугало бы меня. Но ты злоупотребляешь именем господина слишком часто, с того времени, как потеряла рубашку и штаны.

Я смущённо опустила глаза. Да, действительно. И не только из-за того, что ругалась. Колин встал, взял меня за руку и притянул рядом с собой на кровать.

— Я знал, что ты хочешь поговорить со мной. И мне было ясно, что должна была быть третья причина, чтобы приехать. Тебе она была нужна как повод.

Я сконфуженно кивнула. Так можно было выразить это тремя предложениями.

— У тебя были все права, чтобы сначала позаботиться о твоих собственных травмах, Эли. Это необходимое условие для всего другого.

Колин поднялся, подошёл голым к грубо сколоченному шкафу и спокойно выбрал себе льняную рубашку и тёмные джинсы.

— Я знаю, ты считаешь, что у тебя морская болезнь, но я хочу оставаться как можно дольше сытым. Мы едим к Луису. На Зильт. Там мы можем поговорить.

— У меня... у меня не только морская болезнь. У меня ещё и фобия к лошадям. Но, пожалуйста, если ты хочешь, чтобы я получила воспаление лёгких. У меня ведь ненароком нет даже сухих носков. И только один сапог. — Я пошевелила пальцами ног.

— Проблему с одеждой мы можем решить. Может, тебе подойдёт что-то от Джулианы.

— Джулианы? — спросила я с подозрением, и внезапно у меня в груди взорвалось едкая ревность. Кто, пожалуйста, была теперь эта Джулиана? Вторая и побочная женщина Колина, когда меня не было?

— Наблюдательница за птицами. Ей, между прочим, стало немного лучше.

Колин бросил мне брюки, в которые поместились бы две меня, увенчанные мягким, серым нижним бельём, бесформенными ботинками и охотничьего зелёного цвета флисовым свитером. В то время как он превратился в тайную мечту любого гомосексуального дизайнера, я переживала злополучную метаморфозу внешне в толстое пугало.

Так что я сидела в своём огромного размера облачении перед хижинкой на пiske и

терпеливо ждала, пока Колин вернётся вместе с лодкой с моря. Он оставил лежать её там, на отмели, когда учуял китов. Я бы с удовольствием снова зарылась в постель Колина рядом с тёплой печкой. Лениво лежать рядом с ним мне бы хватило. Знать, что он был здесь. Под рукой. Да, этого бы хватило, не разговаривать, наслаждаться последствиями, которые оставила во мне наша встреча. Потому что что-то подобное я ещё никогда не испытывала. Уже сейчас я вспоминала об этом со смесью из застенчивости, очарования и меланхолии. И, несмотря на мой голод, мой желудок начинало бросать в дрожь, когда я думала о словах Колина, о том, что он прошептал мне в ухо, прежде чем...

— Пожалуйста, забирайся. — Тонкая тень Колина упала передо мной на песок. Мечтам конец. Я снова должна была покориться морю.

Взявшись за руки, мы прошли вниз к лодке, которая качалась на мелком прибое. Колин с лёгкостью поднял меня и пронёс через волны, чтобы я не намочилась, что было довольно бессмысленно, потому что он сам только что плыл по солёной воде. Я обняла его за шею и прижала свою холодную щеку к его шее. Не сказав ни слова, он посадил меня на лодку и повернул ключ.

Море было таким гладким и спокойным, что лодка легко скользила вперёд. Никаких ударов, никакой тряски, никаких ледяных порывов ветра. Только звучный стук мотора и равномерное журчание воды вокруг нас. Слишком громкое, чтобы разговаривать, слишком тихое, чтобы бояться. На один эйфорический момент я подумала, что сама настроила море так умеренно. Оно подчинялось мне и дарило мир.

Я откинулась назад и смотрела на звёзды. Мне ничего не было нужно. Ни еды, ни слов, ни прикосновений. А также никаких новых завоеваний. Моё тело принадлежало мне, а моя душа начала с ним примиряться. Это не было полное счастье, а глубокое, восстанавливающее расслабление, перемирие между двумя сражениями. Первое я выиграла. Второе было ещё далеко-далеко.

Внедорожник Колина ждал нас в порту Хёрнум. Когда я села, одеревеневшая от длительной неподвижности и промёрзшая до костей, на пассажирское сиденье, а Колин забросил мой багаж на заднее сиденье, у меня в первый раз выступили слёзы. Я, сбитая с толку, сморгнула их, но потребность плакать осталась. Хотя я бы с удовольствием продлила бы ещё молчание с Колином, я всё же попыталась избавиться от давления в горле с помощью разговора.

— Как ты думаешь, владельцы конюшни удивятся, если ты появишься там так поздно? — По крайней мере, речь шла о конюшни с коттеджами для отдыха и езде верхом на пони для туристов.

— Нет. В виде исключения нет. Это ведь часто случалось и раньше. Но прекрасная женщина-компаньонка — это премьера, — добавил Колин, после того, как я бросила на него пронзительный косой взгляд.

— Нильсен чуть не наделал в штаны, когда приблизился к острову. Он даже не хотел довести меня до берега.

Колин коротко фыркнул.

— Ах ты, Боже мой. Добрая душа. Он приехал прошлой субботой, когда я тренировался. Смотрел на меня безмолвно в течение несколько минут, а потом сбежал. — Да, тренировка Колина по каратэ могла оказать пугающее воздействие. А к эротическому обаянию, которое его при этом окружало, Нильсен был, по всей вероятности, лишь относительно восприимчив.

— А кто... с кем ты имеешь дело в конюшне Луиса? — выпрашивала я. — Это тоже мужчина или...

— Молоденькая, платиновая блондинка, грудь — как турбины, и всегда согласна. Настоящий вампир. Она тебе понравится.

Пойманная с поличным, я поджала губы. Они всё ещё были немного опухшими от наших укусов и поцелуев. Больше укусов, чем поцелуев. Остаток поездки я держала рот на замке, и, казалось, у Колина тоже не было потребности вести светскую беседу.

Вампир оказался старым, согнутым стариком с самыми впечатляющими кривыми ногами, которые я когда-либо видела воочию. Можно было свободно прокатить арбуз между его коленями.

— Он уже с нетерпением ждёт вас! — крикнул он Колину навстречу, когда мы вышли из машины. — О. Здравствуй, здравствуй, юная леди. — Он коснулся пальцами своей шапки и подмигнул одобрительно Колину. Из конюшни раздалось характерное ржание. Луис.

— Спасибо, Янзен. — Колин поднял руку в приветствии. Старик остался стоять на почтительном расстоянии от нас. Я чувствовала, что он смотрел нам вслед, когда мы шли к конюшне. Упругие шаги Колина ускорились, я же, напротив, повременила бы ещё немного.

— Почему он принимает тебя? Он совсем не выглядел испуганным, — удивилась я.

— Сначала он тоже не хотел, чтобы я был здесь. Когда же я представил ему Луиса, то он начал сомневаться в своём решении. Тогда я попросил его понаблюдать за мной во время верховой езды, и он согласился. Я уже знаю это образец. Он лошажник. Его интересует только то, как я обхожусь с животными. Доверяют ли они мне. А они делают это.

Ещё раз в ночи раздалось ржание Луиса — громче, а так же более требовательно. Он стоял в конце прохода конюшни, пустое стойло между ним и другими лошадьми. Я осталась стоять неподвижно, когда Колин подошёл к нему, и Луис прижал свою тяжёлую голову к его щеке. Потом уши Луиса шевельнулись в мою сторону, и он, узнав меня, фыркнул.

— Он узнал тебя снова. Комплимент.

— Я тоже рада, — ответила я саркастически, но я тайно наслаждалась нежностью Колина, которая с сегодняшнего дня относилась не только к Луису, но и ко мне. Она глубоко меня растрогала. Ещё никогда конец дружбы не приносил мне такого облегчения и в тоже время наполнил тёмной, тяготящей тоской. Становилось всё хуже. Опять на мои глаза навернулись слёзы.

— Я полагаю, ты не хочешь проехаться верхом?

Я покачала головой. Говорить было слишком опасно, слёзы близко. Чувствовал ли Колин вообще, что со мной происходило? Я сама себя не понимала.

Он вывел Луиса из прохода конюшни, привязал его и пошёл впереди меня к маленькому, покрытому соломой домику, который был построен как раз рядом с конюшней. Он служил как дом для отдыха для тех лошажников, которые сразу, как проснуться, хотели почувствовать запах навоза в носу. Например, Колин.

Он открыл и отошёл в сторону, чтобы я могла зайти. Когда он включил свет, я, ослеплённая, сощурилась, но Колин сменил его быстро на древнюю масляную лампу, которая выглядела так, будто её украли с пиратского корабля, и распространяла успокаивающее слабое мерцание.

Ниша с удобной, широкой кроватью, стол и стул, крошечный диван, телевизор, холодильник — больше здесь ничего не было. Обозримый оплот цивилизации, в котором я снова должна буду дожидаться Колина. Я чувствовала себя отосланной, как и при моём

первом посещении Зильта, когда он хотел отправить меня в коттедж.

— Я позабочусь, чтобы тебе принесли что-нибудь поесть. Янзен готовит превосходно. Я вернусь через пару часов, тогда мы сможем поговорить.

Прежде чем он смог отвернуться, я схватила его за воротник и сдвинула последний в сторону. Удивлённый он остановился, чтобы позволить сделать мне это. Но следы от моих укусов уже исчезали, а царапин на груди и вовсе не было видно.

— Мне очень жаль, — сказала я. О нет. Мой голос дрожал. — Я только хотела убедиться, что это действительно случилось... мне нужно доказательство...

Колин поднял свою руку и костяшками пальцев провёл нежно по моей щеке.

— Это чудо, что вообще ещё можно что-то увидеть, — ответил он тихо. — Завтра уже ничего не останется. Если бы я мог, то носил бы отпечаток твоих маленьких, острых зубок на моей коже всю вечность.

Всю вечность. Если мы, люди, говорили так, то это была просто фраза. Если это говорил Колин, то это была правда. Всю вечность. Я в какой-то момент умру, а он будет всё ещё здесь. Не изменившийся. Следующие сто лет. Двести лет, триста. Снова и снова новые встречи. Новые женщины. Как только мне остаться в его памяти? С помощью смешного укуса в плечо, который исчез через несколько часов?

При этом представлении мои слёзы потекли так бурно, что мне пришлось всхлипнуть, чтобы можно было дышать дальше. Я хотела вытереть их с лица, но Колин опередил меня. Осторожно он собрал их с моих мокрых щёк, нежные, щекочущие прикосновения его языка, но они вряд ли могли утешить меня.

— Я этого не понимаю, — плакала я. — Почему я не радуюсь? Я должна бы прыгать до потолка от счастья.

— Посткоитальная грусть. — Колин вытер влагу с моих глаз и облизал свой большой палец. Его складки возле губ углубились в любящей насмешке. — Меня удивляет, что это произошло только сейчас. Ты хорошо держалась.

— Посткоитальная? Что...? О. Понимаю. — Да. Латинский я учила в Кёльне. Postkoita было что-то вроде как "после полового акта". — Но прекрасно. Почему, собственно, никто об этом не говорил на уроке полового воспитания? И всё-таки этот феномен не был мне совершенно не знаком.

— Знаешь, как французы называют оргазм? — продолжил Колин, не отрывая своего блестящего взгляда от моих слёз, и я была рада, что он не смотрел мне прямо в глаза. — La petite mort. Маленькая смерть. Немного скорбишь об этом. Это всё включает в себя.

— Я думала, что если... — Я потеряла мужество, но Колин сделал вид, будто я ничего не сказала, и поэтому я быстро снова нашла его. Решительно я набрала в лёгкие воздуха. — Я думала, что если при этом вдвоём... хм. В мой первый раз у меня до этого не дошло. Ну, с Энди.

Мне казалось кощунством произносить его имя, но Колин даже не моргнул. Я пыталась найти слова, как золотоискатель. Тем не менее, этого хватило только для нервного заикания.

— Я знала об этом только в одиночку. Без э-э... мужчины. Но я думала, что после этого всегда немного грустишь, потому что не можешь ни с кем разделить. Ну, это... э-э. — Я сделала глубокий вдох. — Оргазм, — закончила я и чуть при этом не скорчилась. — Чёрт, почему у меня всегда такое чувство, что я слишком для этого молода, когда говорю на эту тему?

— Ты не молода. Продолжай, — ответил Колин, как будто мы только спрягали здесь

французские глаголы. Мои слёзы высохли. Вместо этого я была настолько смущена, что моё лицо горело. К чёрту, почему собственно? Колин ведь тоже был там.

— И теперь это всё равно так. Мне грустно, хотя мы в конце были так близки. Как будто существовало только одно единственное тело, одно существо. Но я не могу удержать это чувство... это невозможно...

И теперь к тому же он хочет поехать кататься на Луисе. Это не только закончилось, нет, он ещё оставлял меня одну. Опять. Может, он сбегал не только перед завтраком, но так же и перед ужином.

Колин прижал свой лоб к моему. Его кожа слабо пахла блестящей шерстью Луиса, деревом, солью и морем. И мной.

— Ты ведь специалистка в логическом мышлении, Эли. Помимо того, что это было бы бессмысленно — оставаться с женщинами, которые в тайне боятся тебя — что бы они сказали, когда утром встанет солнце, а у меня просто так взял и изменился цвет волос и глаз?

Я прокашлялась. Он был прав. Это был неопровержимый аргумент для того, чтобы бежать перед завтраком.

— Но сейчас, с тобой, я не убегаю. Я уйду, чтобы можно было остаться. Я надеюсь, что киты находятся ещё там в море. Я доеду с Луисом до берега и найду их, потому что они направлялись на север. Я делаю это, чтобы остаться с тобой. А не для того, чтобы убежать.

— Ладно. Хорошо. — Опять я начала плакать. Но в этот раз от облегчения.

— Ты вообще не боялась. — Прохладное дыхание Колина коснулось моей шеи, и, не приняв заранее решения или планируя это, мои пальцы пробрались ему под рубашку и вытащили её из штанов. — Ты свела меня с ума. Я был бы идиотом, если бы это обратило меня в бегство.

— Хорошо, — повторила я вяло и поняла, что моя левая рука снова предпринимала специальные рейсы, после того, как я засунула её под ремень, обхватила смело голую ягодицу. — Подтянутая задница, — добавила я с упреком и почувствовала себя внезапно успокоившейся и защищённой. Посткоитальная грусть, тоска, печаль, меланхолия. Чего ещё я ожидала? Я была вместе с Маром. Так и должно было быть.

А теперь я должна была его отпустить, как бы тяжело это не было для меня и моей левой руки. Неуклюже я высвободила её из его джинсов.

Колин стоял там, будто поражённый громом. Его глаза, затуманенные, смотрели сквозь меня.

— Что такое? — спросила я. — Чего ты ждёшь?

— Того, что кровь потечёт снова в мой мозг. — Он встряхнулся, будто хотел освободиться от своих собственных мыслей, и последние пряди высвободились из его косички. Лента сползла с волос, но я вовремя её поймала.

— Подожди немного, — попросила я Колина и развернула его, поднялась на табуретку рядом с кроватью и заплела его косичку заново. Тёмные, блестящие пряди покалывали под моими пальцами, и ещё в то время как я завязывала ленту, они начали бунтовать. Но на какое-то время это их удержит. Критически я осмотрела результат. Колин выглядел потрясающе.

— Почему они так быстро выросли?

— Из-за моря, — ответил он, пожимая плечами. Не поцеловав меня и не обняв, но с взглядом, из-за которого у меня закружилась голова, он покинул дом и исчез в ночи. Вскоре

после этого я услышала размеренный стук копыт, который приблизился, проехал мимо и, в конце концов, затих.

Измученная я выскользнула из своей одежды, слишком усталая, чтобы ещё помыться, расчесать волосы или даже почистить зубы, и забралась под тяжёлое, белое, пуховое одеяло. Когда я засыпала, то услышала, как поют киты. Совсем близко.

Глава 40.

Перевёртыш

— Одной любовью сыт не будешь, Лесси.

Как всегда голос Колина выгасил меня безошибочно и быстро из моих снов. Я ещё не была готова встретиться с реальностью и оставила глаза закрытыми. Но когда моё сознание взяло вверх, сквозь веки я увидела, что ещё царила ночь.

— Тебе нужно что-нибудь съесть, если не хочешь упасть в обморок. Такое ведь уже было летом.

Мудрые слова. Хотя я лежала, у меня кружилась голова. Наверное, поэтому я только что видела сон о нескончаемой поездке в лифте, который нёсся слишком быстро наверх и вниз, и я ничего не могла против этого предпринять.

— Хммм, — пробормотала я сонно и послушно открыла рот. О, это было... что-то масляное. Чуточку ванили. Изысканный вкус корицы. Творог? Яйца? Во всяком случае, это был кусок пирога. Амброзия.

— Ещё, — потребовала я властно и стала ждать, как птенец в гнезде, с открытым ртом следующего кусочка. Лишь после третьего я открыла глаза. Колин сидел на полу, скрестив ноги, перед моей кроватью и с интересом смотрел на то, как я жую.

Должно быть, он нашёл китов. Его кожа переливалась в темноте комнаты, волосы слегка извивались, а его глаза искрились чёрными блестящими огоньками. Сам дьявол кормил меня, и я его за это любила. Но мне нужно было также что-нибудь попить.

— Воды.

— У меня есть кое-что получше. — Он приставил к моему рту кружку, и прежде чем мой нос смог распознать, что там находилось, я с жадностью сделала глоток. Горячее какао. Да, это было действительно лучше. Намного лучше. Почти без сахара, ароматное, крепкое.

— Я не могу себе представить, что сны вкуснее, — пробормотала я удовлетворённо.

— Ты свои собственные ещё не пробовала. — Колин забрал у меня кружку и поставил её на прикроватную тумбочку. Я с удовольствием потянулась, коротко вздрогнула, потому что у меня болели все возможные части тела — не сильно, это была приятная боль, — и села.

— Который час?

— Начало пятого. Солнце скоро взойдёт. Я только что вернулся.

Я подвинулась к стене, чтобы мы оба могли поместиться на кровати, подпёрла голову руками и попыталась, предприняв усилие, привести мысли в порядок. Значит, настало время поговорить, наконец-то посвятить время причине, благодаря которой я приехала на Тришин. Моему брату. Моему брату и тому, кто его атаковал. Францёзу.

Но сначала я должна была узнать, были ли мы в безопасности.

— Тесса... Она не может нас здесь...?

— Зильт тоже остров, Лесси. А истинное счастье выглядит по-другому, не так ли? Ты просто больше к нему не привыкла. Но если ты честно об этом подумаешь...

Правильно. Когда я об этом подумала, то поняла, что в этом было мало чего счастливого, сидеть в крошечном, окружённом лошадьми коттедже и говорить о том, что моего брата атакует его же спутник жизни. Ещё менее счастливым было чувство того, что Колин постоянно оставлял меня одну, чтобы бессмысленно ждать. Это была только короткая передышка, не более, но точно не идиллия. Мы были гонимы. Поэтому я могла сразу же перейти к существенному.

— Нам удалось снять его на фильм. Я имею в виду Мара.

— Вам? Кому именно вам? — спросил Колин и лёг передо мной поперёк кровати, скрестив руки под головой. Я положила свои ноги ему на живот. Он всё ещё был лихорадочно горячим.

— Тильману и мне. С помощью камеры супер-8. На самом деле это Тильман снял его, я до этого уснула. Он принял кокаин, чтобы не заснуть.

— Да, так я про него и думал, — сказал Колин невозмутимо.

— Потом мы посмотрели его вместе с Джианной...

— Подожди. Кто такая Джианна? — Колин поднял свою голову, и его мышцы живота напряглись под моими икрами.

— Будущая девушка Пауля и наша... ну, союзница. По крайней мере, она должна быть ею. Папа дал мне её...

— Союзница? — перебил меня Колин. — Это значит, она в курсе? — Я кивнула. — Скажи мне Эли, ты пытаешься повисить свой рейтинг линчевания? Кто ещё знает об этом? Ты послала оповестительное письмо всем своим одноклассникам? Привет, сегодня ночью мы снимем Мара? Приходите все, это будет весело?

— У меня больше нет одноклассников, — сказала я с достоинством. Убрала ноги с его живота и поискала другое место для них, но не нашла удобного. Вздохнув, я положила их назад. — Это была не моя идея, сразу посвятить во всё Джианну, а Тильмана. Он сказал, что она должна пережить нашу непосредственную реакцию, чтобы поверить в это. И он был прав. Она нам верит. Мы были совершенно шокированы. Потому что Мар — это Францёз Францёз является Маром!

Колин вопросительно посмотрел на меня.

— Францёз? Кто такой Францёз? Эли, хотя у меня и есть телепатические способности, но я...

— Разве я не рассказывала тебе о Францёзе? Парне Пауля? Его любовнике?

— Пауль не гей.

— Да. — Значит, я не рассказывала ему об этом. — Мы все это знаем. Только он сам нет. Он думает, что он гей. И именно это и есть самое сумасшедшее во всей истории. Его парень, Францёз Лейтер, является Маром. Это было явно видно в фильме. Мы в этом уверены! А я с самого начала не доверяла ему, его голос — я не переносила его голос...

Воспоминаний было достаточно, чтобы я, защищаясь, прижала руки к ушам. И внезапно одно предложение последовало за другим.

— Это так не логично — я не понимаю! Францёз ведёт себя как человек. У него загорелая, тёплая кожа, совершенно нормальные голубые глаза... Ну, вообще-то не нормальные, у него под глазами мешки, и они всегда такие мутные, но это человеческие глаза. У него есть собака. Борзая. Он ест. Я видела, как он ест. Всегда только самое лучшее! Кроме того, он работает. Он управляет галереей. Он...

— Помедленнее, Эли. У тебя сейчас язык завяжется.

— И теперь я спрашиваю себя: может быть, он полукровка. Это может быть? Злой полукровка?

Колин посмотрел на меня так пристально, что мне было нелегко встретить его взгляд.

— Владелец галереи в Гамбурге? Францёз Лейтер? Голубоглазый?

— Ну. Голубым я назвала бы что-то другое. Но примерно в этом направлении.

Он стал размышлять, и при этом казалось, будто он перебирает в голове профили одной личности за другой.

— Нет, — сказал он наконец. — Нет, они бы об этом знали. Я бы знал об этом. — Серьёзность, которая заставила напрячься его губы, испугала меня. А его слова тем более.

— Они бы это знали? Кого ты имеешь в виду?

— Маров. Нас. Мы знаем полукровок. Он не принадлежит к ним. — На один момент кровь застыла у меня в жилах, прежде чем снова, ещё более бешено, начать нестись в груди. В висках стало шуметь.

— Существует список Елизавета — не на бумаге, а в наших головах. Список со всеми полукровками в этом мире. Их не много. И он не находится в нём.

Но папа, подумала я, внезапно ужаснувшись. Папа находится в нём.

— Почему существует этот список? — спросила я, затаив дыхание, хотя уже догадывалась, каким будет ответ. Вся мягкость исчезла с лица Колина, когда он поднял свои длинные ресницы, чтобы твёрдо посмотреть на меня.

— Потому что они должны быть убиты. Все. Без исключений. Они знают слишком много.

Шум в моих висках перешёл в возбуждённый стук, а под мышками внезапно выступил холодный пот.

— О нем... папа..., - прошептала я. — Они убили его... Он мёртв... — Они? Колин был один из них. Он знал о списке. Всё это время.

— Почему ты ничего не сказал мне? — закричала я на него, когда поняла, что всё это собственно означало. — Он предупредил тебя, он предупредил тебя о Тессе, а ты позволил ему попасть в ловушку! Он мой отец! Я люблю его! О Боже, а я переспала с тобой...

Я отвернулась от него, но он схватил меня за плечи и притянул к себе, заставив смотреть ему в глаза.

— Он тоже об этом знал, Эли. Он знал о списке. Он сказал мне об этом. И мы оба решили не рассказывать тебе. Ты меня поняла?

Да, поняла, но это почти не изменило моё внутреннее смятение.

— Тогда скажи мне наконец, что происходит! Они его убили? — Я хотела это услышать, немедленно, хотя не имела представления, как смогу с этим жить.

— Я не знаю. Я, правда, не имею представления, Эли. Последние месяцы я был занят тем, чтобы замечать за собой следы и держаться подальше от Маров. Потому что они могли выдать меня Тессе. Я не знаю, какой у меня статус перед другими. Возможно, существует приказ и о моём убийстве.

— Значит, может быть так, что он ещё жив? — спросила я с надеждой.

— Да, это может быть так. В конце концов, у него есть союзники. Но точно так же может быть и то, что он мёртв, Эли. Мне действительно искренне жаль.

— Ты ведь не знаешь как это, иметь отца, — прошипела я, и в тот же момент мне стало стыдно за мой взрыв. Глаза Колина потеряли свой блеск, когда он снова отпустил меня.

— Но я знаю, что ты его любила, — сказал он твёрдо.

— Я всё ещё люблю его! Для меня он лишь тогда будет мёртвым, когда будут доказательства, ясно? Потому что я виновата во всём этом, без меня этого бы не случилось, без меня он бы был ещё с нами, в безопасности... Я не могу этого вынести, быть виновной. Он должен быть живым!

Всё было ещё более драматично, чем я опасалась. Имя папы стояло в списке смертных, скорее всего, на самом верху. Это было как в средневековье. И его собственная дочь ввергла его в погибель. Мама будет ненавидеть меня, если проведаёт об этом. Ей никогда нельзя узнать этого...

— Я вполне уверен, что она тоже знает, Лесси. Пожалуйста, послушай меня. Список существовал ещё задолго до тебя. Мары считают полукровок результатом их неудачи. Одна из их жертв смогла их стряхнуть, застряла посередине. Метаморфозы не произошло. Оказалась ни человеком, ни Маром. Полукровки потенциальные предатели. И если рассматривать это подробно, то я тоже принадлежу к ним, потому что пытаюсь оставаться по возможности человеческим, и я не позволил Тессе закончить её работу. Я только поэтому не стою в этом списке, потому что был демоном с самого рождения. Полукровки общаются с людьми и помнят, как это, быть человеком, знают какие в этом преимущества. Это делает их непредсказуемыми. Ты сама не имеешь с этим ничего общего.

— Но папа предал Тессу и...

Колин сухо рассмеялся.

— Что заставило тебя так думать? Ты действительно думала, что он рассказал мне что-то новое, когда позвал к себе, а ты подслушала нас? — Я насторожилась.

— Ты уже знал об этом?

— Я почувствовал это ещё задолго до него. У меня только не было плана. Потому что ты была там. Раньше я уже давно бы скрылся так, что поминай, как звали. Я пришёл к нему, потому что надеялся узнать что-нибудь о тебе, хотел дать ему возможность поговорить со мной. Но только не воображай себе того, что он хотел спасти мне жизнь или подверг себя опасности, чтобы предать Тессу.

— Но ведь до этого он был в Италии и вернулся позже, чем договаривались. Там должно было быть что-то связано с Марами, — возразила я.

— Так и было. Он осведомлялся обо мне. Обо мне, Эли! Так как отцы это охотно делают с потенциальными зятьями. Только поэтому он вообще предпринял этот отпуск, рискуя тем, что ты оставишь твоих подруг ехать на Ибицу одних. В связи с этим он также узнал, что надо мной тяготеет проклятье Тессы. Это всё. И поверь мне, он не считал это таким уж плохим. Это отгоняло меня от тебя.

— Значит, я не виновата в том, что его похитили? — Мои руки так дрожали, что Колин взял их и сунул себе под рубашку, прижал к груди. Мягкий рокот его тела сразу же их успокоил.

— Твой отец играл уже с огнём, прежде чем мы встретились. Я говорю тебе это не охотно, Эли, но... если кто-то и есть, кто связан со мной и Тессой и кого Мары хотят убить, тогда это не твой отец, а скорее ты. Ты вмешалась в битву. Такого пока никто не осмеливался делать. И я сильно надеюсь на то, что Тесса со своей жадностью не заметила этого. Потому что, в противном случае, есть второй список, специально изготовленный для Елизаветы Штурм и её соратников. Ты связалась с одной из могущественных. А твоя охота на Францёза всё сделает только хуже.

Я ошеломлённо молчала. Значит, так быстро это могло случиться — я была

освобождена от чувства вины, а в следующий момент узнала, что сама пригвождена к позорному столбу. И я ничего не могла больше против этого предпринять. Это случилось. Я вмешалась в битву, отвела Колина в безопасность, дала ему фору. Тесса должна была иметь на редкость низкий IQ, чтобы не заметить, что в игру вступила человеческая помощь.

Помощь девушки, которую любил Колин. Но как раз это возможно и было моим преимуществом. На моей стороне был Камбион. Колин был чистокровным. Не человеком, который в определённый момент был изменён. А существом ночи с самого первого его вдоха.

Но я втянула в это и других — Тильмана, Джианну, и если кроме того и Пауль узнает правду, то Мары действительно могли составить новый список. Семья Штурм и их соратники. Пожалуйста, убейте всех. Быстро. Разве только мы сможем сделать папиных союзников нашими.

— Колин... — Эту мысль я до сих пор настойчиво не подпускала к себе, потому что у меня и так хватало проблем, но теперь я должна была высказать её. — Может такое быть, что Тильман тоже стоит в списке? Что он полукровка?

— У него есть голод на сны? Его чувства стали более чуткими? Он не может больше переносить свет? — Нет. Это он хорошо мог. Даже лучше, чем я. Тильман был полностью страстный.

— Нет, но он больше не потеет и почти не спит.

— Это её яд. Яд Тессы очень сильный. Он, должно быть, что-то изменил в нём. Но она ещё не впила когтями в его плоть, верно? — Я от отвращения вздрогнула.

— Нет. Он смог вырваться до этого. Я смогла вырвать его у неё. — И при этом Тесса заметила меня. Чёрт.

— Тогда он не полукровка. Но отравлен. Такое может случиться. Следующие несколько месяцев решат, превратит ли он это во что-то положительное или отрицательное. Сможет ли он с этим справиться или будет убегать.

Нет. Такой, как Тильман, не убегал. И я тоже не хотела делать этого, хотя комната, несмотря на то, что становилось всё светлее, казалась теснее и давила на меня. Я вытащила руки из рубашки Колина и снова села, немного спокойнее и сосредоточеннее и... решительнее. Папа, может быть, был ещё жив. А Пауля нужно спасти.

— Францёз не полукровка. Но что он тогда такое? — спросила я объективно. — Как я уже говорила, он имитирует нормальную жизнь, ест, пьёт, работает, ездит в отпуск, заключает договоры наследования... — Что не было лишено определённого юмора, правда, за счёт Пауля. Потому что Францёз никогда не умрёт. А только унаследует. Хороший доход на протяжении веков.

— У Пауля есть друзья? Социальная жизнь? Он встречается с другими людьми?

— Нет. Ничего об этом не знаю. Всегда только Францёз.

Колин задумчиво убрал волосы со лба.

— И он в профессиональном и финансовом отношении зависит от Францёза? Его центром жизни является то, что позволяет ему иметь Францёза?

— Да. Если посмотреть на это так, то да. Хотя я не верю в то, что он любит Францёза. Тильман сказал, что ему не нравится его целовать. Хотя он это делает, но потом в тайне вытирает себе рот. Это Тильман видел лично. — А я воровато радовалась этому.

Колин посмотрел на меня, качая головой.

— Как тебя такое удаётся, Эли? Как у тебя получается собрать вокруг себя самые

тяжёлые случаи? Полукровку, Камбиона, одну из самых древних и могущественных, отравленного, атакованного?

— Я думаю, это связано между собой, — защищалась я упрямо. И так оно и было. Не считая той легендарной случайности, что я встретила Колина. Мне больше нравилось называть это судьбой. Так мне было легче иметь с этим дело. Кроме того, мы переехали в деревню, потому что папа искал свободную от Маров область. Что за колоссальная ошибка. И теперь я наконец также поняла, почему он так агрессивно отреагировал на Колина. Эта была не только тревога обо мне, но так же и самозащита.

— Тогда назови мне, пожалуйста, шестого в союзе. Существует ещё один вид, о котором я ничего не знала? Что такое Францёз?

Колин тихо вздохнул.

— Францёз — Мар. Но он живёт и охотится как Перевертыш.

— Перевертыш. Это конкретно означает, что...? — Колин откинулся назад и взял меня за икры ног, чтобы положить их себе снова на живот. Пришло время для сказки.

— Его мотивация — это жадность. Как и у всех Маров. Но он заиклен на одном единственном человеке, которого он хочет высасывать по возможности так долго, как это только возможно. Человек, который много потерял, но всё же ещё на многое надеется, но которому не хватает постоянной социальной сети. Может быть, даже семьи. Пол жертвы в таком случае не имеет значения. Это точно так же могла бы быть и женщина. Но человек должен быть поддающийся влиянию, иметь открытые душевные раны. Там Мар и начинает. Перевертыши подпитывают не только свою жадность, но также жадность своей жертвы. Они выращивают свою собственную жратву. Таким образом, они держат своего хозяина как можно дольше в живых. Они хотят владеть им полностью, день и ночь, лучше всего каждый час и каждую минуту, как в физическом, так и в душевном отношении. Он полностью поглощён. И когда жертва спит, они нападают.

Волосы на затылке у меня встали дыбом. Я придвинулась немного ближе к Колину. Он позволил пройти нескольким тихим секундам, прежде чем продолжил.

— Францёз сосредоточился исключительно на том, чтобы сделать Пауля порабощённым и зависимым. Когда Пауль становится слабым и его мечты теряют свою интенсивность, Францёз лично заботится о резерве. Он питает себя с помощью того, что разжигает жадность Пауля. Жажду тех вещей, которые до этого для него, возможно, даже не были важны. Но у Пауля кроме этого больше ничего нет. Об этом тоже позаботился Францёз, потому что, как и все Мары, он вызывал у людей недоверие и симптомы стресса.

Теперь мне многое стало ясно. Роскошные часы. Посуда от Versace. Длинные послеобеденные часы в сауне. Дизайнерская одежда. Зависимость Пауля покупать вещи в eBay, которая его, в конце концов, всё-таки не удовлетворяла. Эта гонка всё же найти что-то хорошее, что-то выгодно купить. Порше. Что же, Порше была действительно милой игрушкой. Но на самом деле Паулю она была не нужна. И круиз...

— Мой брат в настоящее время в отпуске с Францёзом. На круизном корабле. Они могут там продавать свои картины и в дополнение повеселиться. Мы слишком поздно заметили, что Францёз является Маром. Пауль был уже на корабле, а Тильман не успел вовремя покинуть его. Он сейчас вместе с ними.

— Что же. Тогда мечты Пауля как раз пополняются. Францёз предоставляет ему фазу отдыха и, наслаждаясь, наблюдает, как Пауль возрождается к жизни и из-за этого привязывает его к себе ещё сильнее. Потому что Францёз является тем, кто даёт ему все эти

вещи, чтобы затем снова полакомиться. У Пауля скоро появиться желание поехать в новый отпуск.

— Как... как долго это продолжится? Как долго он будет это делать? — спросила я тоненьким голосом. В этот момент одна плохая новость сменяла другую. Я с удовольствием закричала бы громко "дерьмо!" или что-нибудь разбила.

— Перевёртыши зациклены. Единственный источник питания, чьи мечты они пытаются сами установить и создать. Это заложено в природе перевёртыша — продолжать делать это, пока жертва больше не может. И теряет рассудок или, — Колин коротко прервал свой рассказ, — ... умирает.

— Как? Как умирает жертва? При атаке или...? — Я не смела закончить своё предложение. Пауль был в смертельной опасности. Не прямо сейчас, так как Францёз его как раз возрождал к жизни. Но...

— Ты слышала о внезапной остановке сердца? Очень молодой человек умер во сне? Без каких-либо очевидных признаков покончил жизнь самоубийством? Не всегда в этом виноваты перевёртыши. Но иногда всё же они.

— О нет... — Дрожь снова обрушилась на меня с новой силой, и в этот раз даже Колин не мог её облегчить. — Его уже так долго атакуют, скорее всего, дольше, чем два года. У него большие проблемы с дыханием, и он чувствует себя слабым и вялым. Его суставы хрустят, когда он двигается. А ему ведь всего двадцать четыре года!

— Он ещё может смеяться? — спросил Колин осторожно.

— Да. У Пауля довольно грубый юмор, который он используем, когда только может. Хотя его стало меньше, но иногда... — Я упорно думала. Когда он смотрел Симпсонов — да, тогда он смеялся. Тильман тоже рассказывал о его шутках. В моём же присутствии он изображал в основном заботливого брата, где не оставалось много места для шуток. Но он ещё смеялся. А Джианну своим юмором он, к счастью, скорее очаровал, вместо того, чтобы обратить в бегство (как это ему удавалось почти с каждой моей подругой). — Да, он ещё смеётся. Всё-таки нам нужно что-то предпринять, и быстро! Тебе нужно что-то предпринять, Колин! Пауль борется изо всей своей силы против всего этого дерьма с демонами Мара и...

Колин укоризненно поднял брови вверх.

— Дерьма с демонами Мара?

— Ну, ты знаешь. Что они существуют и так далее. Тебе надо покончить с Францёзом, прогнать его, может, ах, не знаю! Прикончи его! Пауль никогда не поверит нам и никогда не бросит Францёза. Может быть, в личной жизни да, но в бизнесе точно нет. — Я надеялась на возражение со стороны Колина, но его не было.

— Францёз сам заботится о том, чтобы Пауль не поверил в это. Кроме того, перевёртыши следуют за своими жертвами. Всё равно, куда они поедут, Мары тоже будут там и найдут какую-нибудь причину, почему это правильно, и жертве тоже покажется это правильным. Преследователи по сравнению с ними дилетанты.

— Значит, остаётся только схватка, — пришла я решительно к выводу. — Не так ли? — Колин, раздумывая, провёл указательным пальцем по смело изогнутому носу. О чём он вообще ещё думал? Дело было ведь совершенно ясным.

— Мне нужно время, чтобы принять решение. Я не могу сейчас ничего сказать по этому поводу, — ответил он трезво.

— Время? У нас нет времени! Нам нужно действовать! Как ты только можешь

оставаться таким холодным? Здесь речь идёт о моём брате! — Я больше не могла сидеть на кровати и делать вид, будто речь шла только о вопросе с правильным выводом после основательного раздумья. Мне нужно было двигаться, если уже я ничего не могла решать, а по отношению к Францёзу была бессильна, как муравей под ногой слона. Нервно я подошла к окну и посмотрела через узкие щели ставень.

Как раз вставало солнце и окунуло конный двор в тёплый, красноватый свет. Колин облокотился спокойно на стену, веки опущены, правая рука упирается о коленку — почти как статуя.

— Почему ты ничего не делаешь? — воскликнула я настаивая. — Может в любую минуту стать слишком поздно!

— Потому что паника — это не хороший советник. И, кроме того, для меня это совершенно чуждо. Нет, это всё не так просто, Эли. Мне нужно подумать о том, вступать ли мне в схватку или нет.

— Почему? — рассердилась я. — Потому что боишься при этом испортить себе причёску? Потому что ты считаешь себя чем-то особенным? Потому что господин не хочет пачкать руки? Потому что...? — Мой творческий потенциал был исчерпан, и он не был прямо таким уж плодотворным.

— Ты закончила? Или хочешь попытаться придумать ещё несколько метафор? Однако я не советую тебе. У тебя плохо получается.

— Правда, Колин, я не могу понять, почему ты ещё раздумываешь. Я думала, тебе так хочется умереть?

Внезапно он оказался вплотную возле меня. Я вздрогнула, но снова оправилась. Я должна была уже привыкнуть, что он иногда законы гравитации, а так же времени и пространства, делал не действующими.

Его лицо было так близко от моего, что его волосы, ища, потянулись к моим — как всегда празднично и играюще. И поэтому совершенно неуместно в этот действующий на нервы момент полный напряжения и страха. Они почти флиртовали.

— Но ты ведь не хочешь умирать, — прошептал он. — И Пауль, я полагаю. Я уже говорил тебе и не люблю повторять, Эли. С Марами шутки плохи. С Перевертышами тем более. Они убивают свою жертву, не задумываясь, если на их пути попадается другой Мар. Уже даже полукровки хватает. Они никого не терпят рядом с собой. Поэтому и Джианна должна избегать любого контакта с Паулем. Ты сохранила это в своей милой головке?

— Да, — пробормотала я упрямо.

— Ты тоже для него бельмо на глазу. Он хочет от тебя избавиться, потому что ты любишь Пауля. Ты могла бы повлиять на него. Тильман — он, наверное, предмет вечных споров о ревности, не так ли?

Я только кивнула. Тильман иногда сбегал из галереи, потому что Францёз бесился, из-за того, что Пауль давал ему только один гвоздь или приносил один стакан кофе. И так же как ко мне, Францёз не обращался напрямую к Тильману, а всегда говорил о нём только в третьем лице. Меня саму он с удовольствием бы запер в закрытом отделении и, если можно, то на всю жизнь. Что касается Джианны — он появился в квартире как раз в тот момент, когда Пауль и она в первый раз сблизились. Это не могло быть случайностью.

— Здесь речь идёт о человеческих жизнях, моя дорогая. Несколько человеческих жизнях, которые мне не безразличны. Даже если это была бы только твоя. Я не хочу быть вашей смертью, напав без размышлений на перевертыша. Это может быть вашей гибелью.

И поэтому мне нужно подумать, как свести к минимуму этот риск. Исключить я его не могу.

— Хорошо, — прошептала я, в этот раз ни упрямо, ни снисходительно. Слова Колина разрушили всё моё сопротивление.

— Если я решусь на это, тебе всё равно нужно будет выполнить подготовительную работу. Тебе нужно будет выяснить, сколько лет Францёзу. И я имею в виду его настоящий возраст.

Конечно, возраст. Чем старше, тем могущественней. Об этом я из-за всего беспокойства совершенно забыла.

— Я не могу осмелиться ни приблизиться к нему, ни навести о нём справки, без того, чтобы это не подвергло вас смертельной опасности, — продолжил Колин. — Я пойду сейчас снова в море, потому что там темно. Янзену нельзя увидеть меня таким. Мне нужно спешить.

Я подняла голову, чтобы посмотреть на него. Первый луч солнца прорвался через ставни, и я замороженно наблюдала, как из глаз Колина уходил чёрный цвет и уступал место глубокому, землистому, зелёно-коричневому. Уже примешивались первые крапинки бирюзового.

— Я могла бы смотреть на это часами, — прошептала я. Рот Колина расслабился, и я провела кончиками пальцев по его изогнутым губам. Вот, одна коричневая крапинка, потом следующая на носу...

— Ты единственная, кто знает, как я выгляжу днём и ночью. — Я хотела окунуться в его голос. Он заставлял меня парить, будто у меня больше не было веса. Находились ли мои ноги вообще ещё на полу?

— Что ты там делаешь? — спросила я заплетающимся языком. Он сопротивлялся говорить, хотя я хотела ещё так много сказать.

— Из-за меня ты становишься уставшей. Это мои цвета. Трюк, лежащий в нашей природе, чтобы те люди, которые видели нас ночью, забыли, как мы выглядим при дневном свете. Но ты не забудешь, потому что не хочешь этого.

— Нет, я... — Слишком тяжело. Я даже не могла додумать предложение до конца.

— Поспи ещё немного. Тебе понадобится твоя сила. — Он поднял меня и положил на кровать. Я хотела притянуть его к себе, чтобы поцеловать, но мои руки были тяжёлыми, как свинец, и больше не принадлежали мне...

В моих сновидениях он вернулся. Никаких слов, никаких обсуждений, никакого беспокойства. Только глубокая, защищённая прохлада морского дна и его белая, переливающаяся кожа, которая покрыла пузырьки моего дыхания.

Глава 41.

Интуитивное решение

Крик чаек и топот копыт — должно быть, это был целый табун лошадей, который пронёсся мимо моего окна, — разбудили меня примерно в обед. Мой мозг работал снова без ограничений.

Что же, это хитро, подумала я изумлённо. Как только встаёт солнце, человек, который видит Мара, теряет сознание. Шах и мат. Поэтому я потеряла сознание, когда встретила Колина в первый раз на солнце и сняла его солнцезащитные очки с носа. Значит, я была единственная, кто знал, как он выглядит днём и ночью. Особенно много времени мы всё же не провели вместе в утренние часы. И всё-таки я знала о льде в его глазах, в отличие от

других женщин, с которыми он до меня проводил ночь и которые, должно быть, придерживались мнения, что он типичный мачо, который сбегал, чтобы не разговаривать. На самом же деле он сбегал, чтобы его не увидели. И потому, что они его боялись. Моё сочувствие при этих мыслях относилось к нему, а не женщинам. Что его мотивировало соблазнять их? Вряд ли это мог быть инстинкт продолжения рода.

Но я не хотела портить себе настроение — оно и так в последние часы стало непредсказуемым и делало своей репутации честь. Колин, по всей вероятности, вернётся только во второй половине дня, когда тени станут длиннее, а солнце мягче. У меня неожиданно появилось время для себя. И моя одежда наконец высохла. Хотя она и выглядела немного потрёпанной, но носить я её могла.

Я зашла в крошечную ванную, приняла душ — хотя и с некоторым сожалением, потому что у меня было такое чувство, будто я смываю прикосновения Колина, — оделась и собрала всё своё мужество, чтобы выйти за дверь и найти Янзена.

Я нашла его на кухне причудливого пансиона. Он без лишних слов обеспечил меня кофе, булочками, сливочным маслом и домашним вареньем и оставил одну, чтобы проверить лошадей. Его молчаливость жителей Северной Германии была мне желанной, потому что не было никакого смысла разговаривать с кем-то о Колине, если тот не знал о существовании Маров. А я не разбиралась в лошадях. О себе же я тем более не хотела говорить.

Когда я наелась, то побрела без всякой спешки по Кейтуму, живописному месту, выглядевшему как сто лет назад, который дремал так мирно и мечтательно на солнечном свете, что у меня даже появилось чувство, будто я в отпуске.

Но потом поднялся внезапно ледяной ветер и погнал меня назад к конюшне. Я оставила ставни в нашем маленьком коттедже закрытыми, потому что была не заинтересована в том, чтобы меня кто-то подслушал, когда я буду звонить по телефону, что я должна была теперь сделать. Я хотела позвонить Тильману и Джианне. И перед обоими звонками мне было немного страшно.

На мобильном Тильмана снова ответил автоответчик, и теперь я не отважилась записать сообщение на него. Француз был хорошо знаком с современной техникой, и он находился в непосредственной близости. Если он что-то подозревает, то было слишком рискованно оставлять сообщения. Я должна буду попытаться позже ещё раз.

У Джианны, по крайней мере, раздался длинный гудок — но больше ничего не случилось. Она не взяла трубку. При пятом звонке она отключила меня уже после первого гудка.

— Что это значит? — прорычала я и набрала текстовое сообщение. — Почему ты не берёшь трубку? Это я, Эли. Возьми, пожалуйста, телефон. Или позвони мне сама.

Ответ пришёл незамедлительно.

— Я не люблю говорить по телефону. Мы можем писать электронные сообщения? С тобой всё хорошо?

— Было бы лучше, если бы ты взяла трубку. Я попытаюсь сейчас ещё раз, — написала я в ответ и набрала её номер.

Аллилуйя, она ответила.

— Ну, наконец. Как ты вообще можешь заниматься своей профессией, если никогда не отвечаешь на телефонные звонки?

— Да, я... я как раз писала и... что же, — проямлила она. — Я ненавижу говорить по телефону! Я ненавижу, когда телефон звонит, и я ненавижу кому-то звонить сама!

Поблагодари за это моего бывшего.

— Тогда, значит, нет никакой опасности, что ты позвонишь Паулю? — спросила я.

— Нет. Почему?

— Это я объясню тебе, когда вернусь. Никакого контакта с Паулем, ладно? Пожалуйста, Джианна, это важно. Важно для нашего выживания, можно сказать. Для всех нас.

Джианна шмыгнула носом.

— Мне нельзя его больше никогда видеть? — Её голос звучал жалко, а слышимое разочарование очень меня опечалило.

— Пака что нет. Мне очень жаль. Францёз опаснее, чем мы думали. Нам нельзя ни в коем случае раздражать его. Обо всём остальном я ещё не знаю. Я только надеюсь, что Колин... что он может что-то сделать. Сегодня вечером узнаю больше.

— Когда ты снова будешь в Гамбурге?

— О, насколько я знаю Колина, быстрее, чем мне хотелось бы, — сказала я по возможности небрежно. — Скорее всего, он посадит меня уже сегодня ночью в машину. Я дам о себе знать, как только узнаю что-то новое, ладно? Пока.

Длинные телефонные разговоры никогда не были моим коньком, к большому сожалению Дженни и Николь, которые могли часами говорить о самых незначительных мелочах, и этим меня, в лучшем случае, утомляли до зевоты. В то же время их электронные сообщения состояли максимум из трёх предложений, украшенные множеством смайлов, в то время как я пыталась в стиле сочинения описать мою эмоциональную жизнь. Николь и Дженни — как далеко они были. Вся моя прежняя жизнь, казалось, прошла на совершенно другой земной орбите. И всё же она была уже отмечена тем, что окружало меня теперь: Марами.

До захода солнца я сидела на кровати и наблюдала за кочующей тенью на стене. Чем темнее становилось, тем более недовольной и напряжённой я себя чувствовала. Что мне делать, если Колин решит не ввязываться в схватку? Смотреть на то, как Пауль умирает? Даже может быть кончат жизнь самоубийством? Становиться тяжело больным, и никто не в состоянии его вылечить? Бросить его на произвол судьбы — этого я не могла сделать. Но если Францёз захочет меня выкурить, то сделает это, а Пауль не встанет у него на пути. Это было снова безнадежно, как тогда с Тессой. И она не выслеживала нас на данный момент только потому, что мне и Колину не было позволено быть счастливыми.

И это всё благодаря Францёзу. И жестокому прошлому Колина, из которого сама Тесса лично его спасла... Спасла? Подожди...

— Почему она пришла? — засыпала я его первым из моих тысячи вопросов, когда он вернулся не задолго после того, как село солнце. Судя по всему, он не только размышлял, но и охотился. — Ты ведь там не был счастлив. Почему она пришла? Как она могла об этом знать?

Небрежным движением он отбросил влажные волосы назад и вытряхнул из них воду.

— Ты говоришь о Тессе?

— О ком же ещё! Почему она пришла? — Колин не смотрел на меня. Его взгляд потемнел, лицо потеряло всякое выражение. Безжизненная и всё-таки такая зловеще-мрачная маска.

— Ты не хочешь этого слышать.

— Ах, Колин, пожалуйста, только не снова это высказывание! Ты не хочешь этого слышать, ты не хочешь этого видеть, это слишком опасно, то слишком рискованно... Я уже в

самом центре этого мира, я должна знать!

— Нет. Этого тебе не надо знать.

— Нет, надо! Скажи мне!

— У меня что, нет прав на частную жизнь? — набросился он на меня. Его глаза впились в мои, и я испуганно прижалась к стене. — Разве я вытягиваю из тебя всё, чего ты не хочешь рассказывать? Кто такой Гриша и почему он всё ещё снится тебе?

— Не смей сравнивать Гришу с Тессой! Гриша... он не настоящий!

— О, для это он очень даже реальный в твоих мыслях. И я тебя не упрекаю им. Я знаю, что он часть этого. Часть тебя. И то, что ты не хочешь всё мне о нём рассказывать, потому что... — Он презрительно фыркнув, остановился.

— Потому что я не могу. Я не знаю, почему это так, почему он часть меня. Но Гриша был до тебя и...

— То, что касается Тессы, было тоже до тебя, Эли. Задолго до тебя. Твоя бабушка даже ещё не родилась. Боже, да это к тебе не относится!

Он схватил керосиновую лампу, которую я до этого с трудом и немного пролив, зажгла и бросил её в стену. Резко я упала вниз и вытянула, защищаясь руки. Звук осколков, которые рядом со мной посыпались на пол, перевернули мне желудок. Сейчас он ударит меня, это было точно также как с Паулем... Его гнев напомнил мне о Пауле... Я разозлила его, слишком разозлила...

— Пожалуйста, не делай мне больно, пожалуйста, не надо... нет..., - упрашивала я, притянула к себе колени и прижала, чтобы защитить, лицо к рукам, покорная, как низкоранговый волк в схватке. Я заскулила, когда Колин стащил меня с койки и прижал к себе — не причинив боль, но это больше уже не доходило до моего разума.

— Оставь меня..., - задыхалась я, не в состоянии двигаться.

— Кто тебя избивал? Кто?

— Он не... Он не хотел этого...

— Кто? Твой отец? — Колин говорил тихо, и всё-таки его голос рокотал у меня в голове.

— Нет... не папа... Пауль. Это был Пауль.

Я снова могла дышать. Колин отпустил меня. Удивлённо я поняла, что со мной было всё в порядке. А его взгляд не выглядел так, будто он когда-либо намеревался это сделать. Он выглядел скорее сбитым с толку и вопрошающим. И немного укоризненным.

— Я спровоцировала Пауля, но только потому, что хотела выяснить правду, и тогда он взбесился, — объяснила я прилежно. — Он до этого ещё никогда такого не делал, никогда, я клянусь! Пауль не тот, кто причиняет насилие.

— Всё хорошо. Иди сюда. Я не причиню тебе боль. Чёрт, Лесси, не воображай себе там чего-то. Я верю, что Пауль не головорез. Это происходит из-за атаки, и это своего рода стратегия защиты его души. Собственно, хороший знак. И всё-таки ты должна в будущем немного обуздывать свой темперамент, когда хочешь выяснить правду.

Только теперь я увидела, что лампа упала возле стены напротив, далеко от меня. Мне показалось, что она была предназначена мне, должна была попасть в меня. На одно мгновение я совершенно не доверяла Колину. Он взял меня с собой на кровать, лёг на спину и уложил себе на грудь, чтобы сразу после этого скрестить руки за головой. Держа дистанцию для безопасности. Я понюхала, как свинья ищущая трюфель, у него под мышками, хотя моё сердце всё ещё мчалось и спотыкалось.

— Ладно. — Рокот у Колина в груди стал беспокойнее. — Я знаю, что ты не хочешь этого слышать. Но прежде чем твоя фантазия придумает себе один сценарий за другим, я скажу: я позвал её. Я могу звать её, когда нахожусь в опасности или в безвыходном положении. В некотором смысле положительная сторона проклятья. И я больше не знал, что предпринять, как только это и сделать. Ты видела только одну часть целого, Эли. Маленькую часть. Я не хочу приукрашивать своё поведение. Но если бы Тесса не вытащила меня оттуда и если бы я оставался там так долго, пока не закончилась война, тогда я сеял бы сейчас лишь страх и ужас. День и ночь. Я был бы дьяволом во плоти. Всё бы перешло на меня — полностью.

Я потрясённо молчала. Снова и снова через грудь Колина проходила волна отпора, как будто он хотел меня поощрить, отвернуться от него, да, даже может быть ударить его, и всё-таки он оставлял меня лежать у себя.

— Я связан с Тессой более тесно, чем когда-либо хотел. Эти тёмные времена ей как раз подходили. Она извлекла из них пользу. Потому что благодаря её спасению, яд стал действовать более сильно, и власть, которую она имеет надо мной тоже. Потому что я позвал её.

И я была обязана ей, что могла любить Колина. Что он не стал полностью злым. С другой стороны, он, может быть, навсегда остался бы в Шотландии, если бы не Тесса. Ему не нужно было бы сбегать. Я опёрлась руками о грудь Колина, чтобы посмотреть на него.

— Ты можешь касаться меня сейчас или это слишком опасно?

— Я могу. Мы ведь оба не счастливы, правда?

— Тогда сделай это. Пожалуйста. Пожалуйста, коснись меня. Счастье — это ещё не всё.

Я ждала, пока он решился сделать это, и его руки нерешительно провели по моей спине, сначала поверх моего свитера, потом под ним, пока он не скрестил руки и его прохладные пальцы нежно легли на мою голую грудь.

— Я не хочу знать, что тебе для этого пришлось сделать. Это не имеет значения, Колин. Она определяет нашу жизнь, но в нашей постели ей нечего делать. Хорошо?

Он не ответил, но рокот в его венах постепенно стал снова уравновешенным, и на некоторое время я закрыла глаза и позволила ему унести меня прочь. Это звучало так, как эхо моей собственной крови в одной из этих больших раковин, которые папа привёз с Карибских островов. Это привело меня в благоговейное изумление.

Мы оставались лежать, пока темнота завладела почти каждым углом комнаты. Колин выкарабкался, со вздохом сожаления, из под моего тёплого, тяжёлого веса, собрал детали керосиновой лампы и попытался зажечь её. Моему телу не хотелось разговаривать. Оно требовало всего другого, только не нового напряжения наших мозгов. Но это должно было случиться. Потому что стало уже слишком мирно в этой мрачной, маленькой комнатке.

— Я принял решение, — раздался глубокий, чистый голос Колина в темноте, и как бы в подтверждение фитиль лампы вспыхнул и сразу же отразился в его тёмном взгляде, подстерегающее, беспокойное колебание. Так, должно быть, выглядит Люцифер, когда ждёт возле одних из ворот ада. На небе, вероятно, скучнее, но в этот момент для меня было слишком много напряжения в воздухе.

Я села, но не предприняла никакой попытки прервать Колина или спросить о его решении. Это было всё равно бесполезно. Мое нёбо так пересохло, что я максимум смогла бы прокряхтеть. Что будет, если он решил против нас? Что тогда с нами станет?

— У меня никогда не было семьи, которая любила бы меня и что-то бы для меня

сделала. Моя сестра тоже не любила меня. Но она проявила сострадание. Каким-то образом ей было ясно, что это было неправильно, оставлять маленького ребёнка на произвол судьбы. Она, по крайней мере, импровизированно заботилась обо мне. Заворачивала, кормила, иногда меняла одежду. Научила меня разговаривать — не на английском, нет. На гельском. Только на гельском. Как будто бы специально выдуманном для аутсайдера. Но это был язык, и животным он нравился.

Он замолчал. Его глаза обратились к окну, как будто найдут там то, что было тогда, если только мы откроем ставни. Я тоже чувствовала себя перенесённой в прошлое. Я видела его, в моих снах. Младенец с глазами-бусинками, который был уложен в грязное корыто, завёрнут в тряпье, и смотрел на меня так внимательно, будто знает все тайны этого мира.

— Моя сестра не любила меня и обращалась со мной не лучше, чем со скотиной в сарае. Но если бы она была ещё жива и находилась бы в опасности — в большой опасности, — я бы захотел попытаться помочь ей. Я могу только представлять себе, как это, иметь брата, который любит меня. Поэтому моё решение принято. Теперь нужно решать тебе, Лесси.

— Мне... но... я ведь уже решила, — заикалась я, разрываемая между благодарностью и мрачным предчувствием. Что точно он имел в виду?

— Ты ведь сегодня утром уже сама намекнула. Если я вступлю в схватку, может случиться так, что я погибну в ней, но моя смерть не будет полезной. Что всё-таки Пауля нельзя будет спасти, может быть, даже Джианну, Тильмана и тебя. Это ты должна осознавать. Моя смерть является наиболее вероятной. Шансы Пауля пережить это немного лучше. Какие шансы выжить есть у тебя и Тильмана, зависит от вашего поведения в ближайшем будущем. У Джианны самая безопасная позиция. Пока.

— О Боже, мне плохо. — Я положила руку себе на живот, но тошнота была везде, доходила до моих рук. Она ослабила всё моё тело. — Это, должно быть, как раз подходит тебе, не так ли? Летом ты ведь так сильно хотел умереть. — У меня не было настроения ни для спора и точно ни для упрёков. Это была беспомощная попытка уменьшить мою панику.

— Но я не хочу умирать с сознанием того, что ты и Пауль последуете за мной, потому что Францёз в своей ярости всех уничтожит, кто как-то связан с ним. Что моя смерть повлечёт за собой другие. Поэтому в этом отношении я вполне заинтересован в том, чтобы выжить. И победить.

— О, хорошо. Это, по крайней мере, уже кое-что. — Потом моя строптивая оборона вдруг рухнула. На то, о чём Колин здесь намекал, я не потратила ещё ни одной мысли. Я считала, что Колин был сильнее, чем Францёз. В конце концов, Францёз был не Тесса. А теперь... теперь я узнаю, что моё желание должно стать моей гибелью?

— Это было бы для меня честью, быть отправленным тобой на смерть, — сказал Колин с ласковой иронией. — Просто было бы хорошо, если бы это хоть как-то помогло. И всё же — ты не оставляешь мне выбора, не так ли?

Мне стало внезапно холодно, когда я поняла, что он прав. Я не могла позволить ему выбирать.

— Но что я могу ещё сделать? — воскликнула я в отчаяние. — Я ведь не могу смотреть на то, как мой брат постепенно умирает, я не могу так! Что я буду от этого иметь? Я не могу любить за счёт других. Мне придётся взять на себя риск того, что ты умрёшь, даже если это убивает меня внутри! — Я прижала руку к груди, в которой слепо бушевала боль, как будто я потеряю Колина уже завтра. Или же сегодня ночью.

Колин кивнул.

— Я надеялся и боялся, что ты так решишь. И я прошу, прежде всего, только об одном: оставайся здравомыслящей и послушай меня внимательно. Я расскажу тебе сейчас несколько вещей о схватке, которые ты должна запомнить. У тебя есть ещё перед этим вопросы?

Он разговаривал со мной так, как будто мы готовились к военной операции, которая совершенно не затрагивала наши чувства. Объективно и спокойно. И очень определяюще — хотя его глаза постоянно светились и вспыхивали. Но его выдержка помогала мне держать моё волнение в узде.

— Да. Да, они у меня есть. Если вы убиваете... ну, если вы убиваете людей: как вы это собственно делаете? Есть специальные... методы? Я спрашиваю не только из-за Пауля. Но так же из-за папы. — Я посмотрела на Колина с вызовом.

— Я не знаю. Я ещё никогда не убивал ни одного человека. И никогда конкретно не размышлял, как это сделать. Наверное, более человечески, чем ты думаешь. У нас есть огромная сила, поэтому это не будет стоить нам огромного труда. Намного меньше, чем вам. Но методы были бы похожими.

— Значит, ты ещё никогда не... убивал? — Я испытала облегчение и была в то же время встревожена, услышать это. — Ни человека, ни Мара?

— Нет. Ты теперь разочарована? — Колин ухмыльнулся. — Я попытался убить Тессу. Этого для начала хватит. В остальном моя совесть чиста. Были ситуации, в которых я с удовольствием убил бы человека или нескольких — ты знаешь, о чём я говорю, — но я был для этого слишком слаб.

— У тебя, значит, нет опыта в убийстве?

— Мары убивают людей, чаще всего, из-за зависти к пище, или потому что люди их заметили. Я заботился о том, чтобы они мне не замечали, когда питался ещё человеческими снами. А моя зависть к пище у меня под контролем.

— Хорошо, — сказала я медленно. — Опыта нет. Не убивал ни Маров, ни людей. Я рада этому, действительно рада. Но...

Колин снова начал ухмыляться, когда изучил моё нерешительное выражение лица. Я посмотрела на него испытывающе.

— Чертовски не крутой твой хозяин тьмы, правда? — Улыбка Колина расширилась в усмешку. — Я теперь утратил для тебя свою эротическую привлекательность?

— Э-э, нет, — постаралась я быстро опровергнуть то, что так смотрела на него. — Я только думала, что демон... что убивать...

— ... его предназначение, и ему это легко сделать? Может быть. Я не хочу отрицать этого. Для тебя мне понадобится две секунды, самое много, три.

Инстинктивно я отодвинулась немного назад к изголовью кровати. Колин наблюдал за мной расслабленно, но его веселье быстро исчезло.

— Знаешь, Эли, я помню очень хорошо, как моя мать в первые недели моей жизни пыталась неоднократно оставить меня на морозе, на холме фей. И я помню так же её объятые ужасом лицо, которое смотрело на меня, когда она на следующее утро находила меня, а я всё ещё был жив.

— Она бросала тебя? — Внезапно мне в голову пришли образы, которые преследовали меня, когда доктор Занд показывал мне своих пациентов. Колин, младенцем на вершине холма, снежинки на его лице... совсем один и потерян.

— О, это было одно из её любимых времяпровождений. Она надеялась, что маленький

народец поменяет меня на настоящего ребёнка. Ты ведь знаешь, она считала меня подмёнышем. И в тайне она желала, что я при этом наконец-то окочурюсь. Мужества убить меня своими руками у неё не было.

Это было слишком. То, что Колин мог умереть, если мы попытаемся спасти Пауля. Что я втянула в это Джианну. Что мой отец находился в списке смертников. Что Колина, когда тот был ребёнком, относили на холм и оставляли там одного, а он всё понимал, всё... Помнил каждую деталь, холод и одиночество и ненависть женщины, которая родила его. Кто мог обвинить его в том, что он поддался Тессе? Я больше этого не могла.

— Эй, нельзя было этого делать. Она не должна была этого делать! — всхлипывала я.

— Она уже давно мертва. Я же ещё жив. Может быть, своего рода справедливость. — Колин смиренно пожал плечами. — Кто знает? Хочешь ещё что-нибудь знать?

— Да. Ты сказал, что Тильман отравлен. Значит, у всех Маров есть яд, который они переносят? — Я стала подчёркнуто неловко искать бумажную салфетку, но, видимо, прямо сейчас у Колина не было аппетита, чтобы собирать мои слёзы.

— Нет. Я могу себе представить, что только те Мары несут в себе яд, которые уже людьми были подлыми и злыми и к тому же больными. И поэтому приняли метаморфозу с благодарностью.

Я подумала о длинной, холодной зиме. О моём тяжёлом бронхите, эпидемии гриппа в деревни... Может быть, это даже был возбудитель из далёкого прошлого?

— После того, как Тесса исчезла, у нас среди прочего разразился гепатит. Это была она?

— Мы не переносим бактерий и вирусов, Эли. Они не находят в наших телах питательную среду. Мы можем, самое многое, ослабить вашу иммунную защиту и даже это не напрямую, а тем, что наше присутствие подвергает вас сильному стрессу. Так, как я это сделал с тобой летом. Но мы сами не можем заболеть.

— Значит, я теперь подвергаюсь большей опасности заболеть? Ну, потому что в твоём присутствии постоянно нахожусь в состоянии стресса?

Колин глубоко вздохнул.

— О, Эли, я действительно не знаю, играю ли я при этом ещё какую-то роль. Я думаю, у тебя и без меня было много стресса, не так ли? Вчера вечером, во всяком случае, ты не казалась мне подвергнутой большому стрессу, хотя я был очень близко от тебя. Если не сказать в тебе... Больной это точно тебе не сделало. Ты сражалась как богиня, против себя и против меня. К счастью, безуспешно.

Я покраснела за считанные секунды. Вчера вечером. О да. Я действительно чувствовала себя героически, и в то же время моё тело было как воск. Ещё немного жара, и мои кости растаяли бы.

— Ладно, следующий вопрос, — предприняла я ещё одну попытку перенести себя назад на путь разума, даже если при этом я чувствовала себя, как в школе. Да, я хотела попросить Колина о совете, и он мне был нужен для того, что мы собирались сделать. Но иногда я уставала от того, что ему нужно было объяснять мне мир. — Ты сказал, что пол жертвы для перевёртыша не имеет значения. Значит ни Францёз, ни Пауль не геи?

— Перевёртыш ищет людей, которых он может формировать и чьи мечты приходится ему по вкусу. Это могут быть мужчины или женщины, молодые или старые, опытные, неопытные, как ему больше нравится. Важно то, что у них нет никакой поддержки. Перевёртыши принимают соответствующую роль, которая им нужна, чтобы влиять на

личную жизнь этого человека. И они убеждают их, что это как раз то, чего они хотят. Речь идёт не о поле, а о владении.

— Если это дело с Паулем и Францёзом станет публичным, то, вероятно, многие родители будут убеждены в том, что их гей-сын или их лесбиянка-дочь атакуются перевёртышами, — заключила я. — И только поэтому любят собственный пол.

— Что было бы совершенной чушью. Именно это и является камнем преткновения, Эли. Есть люди, которые действительно заболевают депрессией, у которых есть конституционные трудности, которые плохо спят или вообще не спят, и поблизости нет никакого Мара. А есть люди, у которых все эти симптомы вызваны из-за Мара. Если знание о Марах станет известным, то разразится истерия, равной которой нужно будет ещё поискать. Начнётся охота на ведьм.

Я угнетённо молчала. Я почти была благодарна за то, что Джианна писала только о стариках и животных. Журналистка другого калибра уже давно бы вцепилась в материал о демонах Мара и обеспечивала бы газеты дикими сообщениями. В конце концов Колин был бы предан, и они снова начали бы проводить с ним эксперименты... Нет. Время для этого ещё не пришло, как сказал доктор Занд. Возможно, оно никогда и не наступит.

— Тебе нужно начинать с малого, Эли. И это будет достаточно большим и могущественным. Таким могущественным, что это может тебя уничтожить. Можем мы сейчас поговорить о подготовке? — Колин оперся спиной на окно, но я в целях безопасности осталась сидеть на кровати. Я чувствовала себя довольно шаткой в коленях.

— Как я уже говорил, тебе нужно выяснить, какой возраст у Францёза и сделать это в то время, пока Францёз ещё на корабле. Всё-таки я хочу, чтобы ты занималась этим не одна. Если Джианна достойна доверия, — это я ещё проверю — она будет тебя сопровождать. Лучше всего вам нужно будет заполучить доступ к его квартире. Большинство Маров сохраняют памятные вещи. Мне нужен, по крайней мере, примерный возраст.

Мне не подходил командный тон Колина, но я приветственно коснулась рукой лба, чтобы показать ему, что всё поняла.

— Хорошо. Я не могу сделать это сам, потому что тогда существует опасность, что он учует мой след. Дом Мара — это их территория, они сразу же заметят, что один из их сородичей был там. Вспомни зимний сад.

О да. Я знала, что он имел в виду. Первая встреча моего отца и Колина у нас дома. Они вели себя как альфа-волки, которые борются за свою добычу.

— Кроме того, мне нужно будет время, чтобы настроиться на схватку и мобилизовать свои силы. И в этот раз я хочу сделать это более неторопливо, чем с Тессой. Для этого мне понадобятся минимум три недели. В это время тебе нельзя ни видеть меня, ни говорить со мной. Я прошу тебя только написать мне письмо, в котором ты мне расскажешь, сколько Францёзу лет и в какой день должна состояться схватка.

— В какой день? — спросила я с удивлением. — Но как я могу определить его?

— Самое раннее — через три недели. День должны выбрать вы. Потому что ваше задание будет разжечь мечты Пауля, его мечты и желания, его тайные надежды — всё самое красивое. И это должно случиться в течение нескольких часов. Атака счастья. — Колин говорил так, будто речь шла о том, чтобы выбрать Паулю особенно красивую пару носков. Даже с этим мне было бы сложно справиться.

— О Боже. Я далека от того, чтобы быть экспертом в счастье. — Застонав, я провела рукой по волосам. Из-за постоянной близости Колина, они начали трещать, как будто я

нахожусь под электрическим напряжением.

Уголки рта Колина бросили едва заметную тень, нежный намёк на улыбку.

— Мне очень жаль, тебе придётся попробовать сделать это. Вам нужно будет играть в судьбу. По-другому нельзя. В этом должно быть немного от того, что предлагает ему Францёз, смешанное с другими, настоящими чувствами. Чтобы разбудить жадность Францёза, но так же его ревность и его гнев. В нём должно проснуться желание, высосать Пауля так, чтобы тот едва ещё жил, и Францёз был бы единственным, кто сможет снова вытащить его из этой подавленности. Как раз это и есть во всём самое коварное. Он может быть одурманен жратвой. Но его жадность станет моим преимуществом. Я нападу на него как раз в этот момент. Большого об этом я не могу сказать.

— Значит, нам нужно предоставить Паулю рай на земле и этим послать его на смерть. — Я вжала пальцы в матрас, но он так же уступил, как и почва под моими ногами. Голова так сильно закружилась, что мне пришлось на какое-то время закрыть глаза и засунуть голову между ног.

— Да. Вам нужно сделать это. Это русская рулетка, но единственный шанс. Я не могу помочь вам с этими приготовлениями, потому что так подвергну вас ещё большей опасности. Ты понимаешь это, не правда ли?

— Да, — сказала я глухо. — Конечно. Я не хочу, чтобы мой брат был у меня на совести, если что-то пойдёт не так. Но это не имеет значения. Нам нужно попытаться.

— Ещё кое-что, Эли. Я не знаю, насколько сильны телепатические способности Францёза. Я слышал, что у перевёртышей они выражены скорее слабо, потому что перевёртыши слишком сильно цепляются, чтобы открыть свой разум. Тем не менее, их телепатическая энергия в любом случае сильнее, чем у людей. Когда Францёз находится рядом с вами, вам нельзя думать ни обо мне, ни о том, что мы хотим сделать. Вы должны отвлекать себя, так хорошо, как только возможно.

Колин опустил веки, открыл окно и ставни и посмотрел в ночь. Прохладный, солёный бриз устремился в комнату, и где-то залаяла собака. Это могло бы быть идиллически. Ночь вдвоём в коттедже на Зильте. Но старый знакомый ужас взял надо мной верх. Единственный тот факт, что мы в этот момент всё равно ничего не могли сделать, а Пауль на корабле был в относительной безопасности — Тильман точно дал бы о себе знать, если бы что-то случилось или если Паулю стало бы хуже, уберегал меня от того, чтобы не взбеситься. Потому что это я с удовольствием сделала бы: бросилась бы на пол, размахивая руками и ногами, ревела бы и ждала, что кто-то придёт, кто поднимет меня и скажет, что всё будет хорошо. Только плохой сон. Ничего более.

В этот раз я не была женщиной Рэмбо, которая с презрением к смерти шагала в лес и от чистой любви была готова умереть. Одурманенная и бесшабашная. Теперь с самого начала у меня была моя часть, которая была не такой уж и маленькой. Я должна была вломиться в квартиру Мара, закрыть свой разум (как мне это удастся?) и сделать моего брата счастливым — мужчину, который был настолько далеко от счастья, как антарктический пингвин от Рио-де-Жанейро.

— У тебя уже есть представление, как ты его... убьёшь? — спросила я с беспокойством.

— Этого я не могу тебе сказать. Тебе нужно будет слепо доверять мне, Эли. — Колин всё ещё смотрел в окно, как будто меня больше здесь не было.

— Отлично. И, насколько я знаю наши отношения, теперь я снова должна исчезнуть, не так ли? — Я взяла свой рюкзак и хотела начать укладывать пожитки, потому что срочно

должна была хоть что-то сделать, чтобы не сойти с ума. Но горящий взгляд Колина заставил меня остановиться.

— Нет. Ты поедешь со мной на Тришин. Но не думай, что я буду баловать тебя. Ты проклянешь тот день, когда познакомилась со мной.

Часть Четвертая

Гнев

Глава 42.

Каратэ-кид

День, когда Колин выловил меня в шторм, я уже проклинала несколько раз. В этом отношении это желание было не новым. И всё же, что я тогда, во время шторма, боялась до смерти, казалось мне абсолютно смешным, учитывая те задачи, которые теперь ожидали меня. Шторм! Давайте его сюда! Я бы не колеблясь, голой и с железной люстрой на голове, встала бы под проливной дождь и позволила бы молнии танцевать вокруг себя, если бы таким образом с моих плеч было бы снято другое, более тяжёлое бремя.

Теперь я сидела в хижине, смотрела на то, как дремлет Мисс Икс, и ждала те вещи, которые настанут. Колин высадил меня на рассвете на Тришине и тут же снова исчез. Ему нужно кое о чём позаботиться, сказал он. Что, скорее всего, означало вот это: погрузиться в море и выследить косяки рыбы. Его кожа сегодня утром была в те несколько моментов, когда я касалась её, только умеренно тёплой. Я должна была здорово убеждать себя, чтобы не интерпретировать его дистанцию как отказ. По крайней мере, меня утешало то, что здесь была только одна кровать, а он вряд ли оставит меня спать на полу. Потому что я должна буду, хотите — верьте, хотите — нет, остаться здесь на три дня. С ним на острове. На самом деле я должна была бы прыгать от радости. Но я предчувствовала, что была здесь не для развлечения.

Это предчувствие подтвердилось, когда Колин вернулся во второй половине дня, как в старые времена в бейсбольной кепке и тёмных очках. Он бросил мне на колени набитый пакет. Мысль о том, что Колин ходил по магазинам, показалась мне такой странной, что я громко рассмеялась.

— Надень это, — сказал он коротко и выскользнул из штанов и рубашки. Ага. Господин крутой раздевается, а я должна надевать новые вещи. Что это будет? Кончиками пальцев я открыла пакет, чьё содержание тяжело лежало у меня на коленях. Много белой льняной ткани, толстой и грубой, пояс... о, нет. Наряд для каратэ. Когда я снова подняла голову, на Колине уже было надето его кимоно.

— У тебя проблемы? — спросил он. Его объективность действовала мне на нервы.

— Эта штука слишком широкая, — проворчала я, но всё-таки избавилась от моих немногих вещей.

— Тебе нужно не ходить по подиуму, а тренироваться. Кроме того, ты должна быть в состоянии двигаться в нём. Подожди.

Я стояла больше голой, чем одетой перед ним, и позволила ему изучать себя. Что он хотел делать теперь?

— Снимай цепочку, кольца, часы, серёжки.

— Можно было сказать это более приветливо? — Я скрестила руки на груди, закрывая грудь. Редко я чувствовала себя такой обнажённой, как в этот момент. Я и каратэ. Это было

смешно. И чем это поможет?

— Эли, мы здесь не на посиделках. Сними свои украшения. — В то время, как я возилась со своими серёжками, Колин критически осмотрел мои ноги, потрогал мои мышцы на руках и, проверяя, нажал на спину.

— И? Нашёл целлюлит? — спросила я ядовито и вырвала у него из рук верхнюю часть кимоно.

— Нет. Но так же никаких выраженных мускулов. Ты в прошедшие месяцы занималась спортом?

— О. Мне очень жаль. Я ведь совсем забыла! Точно! Я должна была между моим бронхитом, заключительными экзаменами, исчезновением моего отца, хищением воспоминаний и всех атак Мара на моего брата ещё пробежать марафон! Как же я могла только быть настолько небрежной!

— Значит, нет. — Колин взял пояс, обернул его вокруг моей талии и показал, как завязывать. Это был, конечно, не обычный узел, а какой-то специальный каратэ-додзё узел, который я ни в жизни не смогу завязать сама. Но он должен был быть завязан именно так, а не по-другому, потому что иначе в Китае упадёт мешок с рисом.

— Я выгляжу как Бибендум, — ворчала я, когда он наконец закончил, и я разглядывала своё отражение в стекле балконной двери.

— Не имеет значения, как ты выглядишь, — ответил Колин спокойно. — А насчёт темы спорта: в здоровом теле живёт здоровый дух.

— О, Колин, пожалуйста! — взорвалась я. — Я ничего не хочу слышать о банальных прописных истинах! Раньше я тоже занималась спортом, и мой дух был не более здоровым, чем сейчас! От всей этой мании о спорте меня тошнит, и у меня правда сейчас другое на уме. Мне что, отныне начать каждый день бегать, или что? Какими дураками должны быть люди на самом деле, чтобы делать так! У бедного греческого курьера не было лошади и ему пришлось бежать все дерьмовые сорок два километра до Марафона — не потому, что он этого хотел, а потому что должен был. Он добежал, свалился с ног и умер. Класс. И что делают люди? Подражают ему! Они это совершенно не правильно поняли! С машиной с ним бы такого не случилось!

Губы Колина дрогнули, и он отвернулся, пока не обрёл снова свою стоическую невозмутимость и посмотрел на меня прямо.

— Хорошо. Поэтому мы и займёмся каратэ, а не марафонским бегом. Я тоже считаю марафонский бег вздором, если тебя это успокоит. Наше тело создано для бега, но для начала хватит и двадцати километров. Теперь, будь так добра, сопроводи меня вниз.

— А что с ними? — Я указала на свои босые ноги.

— А что с ними не так? Боевыми искусствами занимаются босиком.

— Там, снаружи, примерно десять градусов! — Снова я скрестила руки на груди. — Мне уже сейчас холодно!

— Ты не умрёшь от этого, Эли. Пожалуйста, не испытывай моё терпение. Чем дольше ты отодвигаешь это от себя, тем хуже мы будем подготовлены.

Он развернулся, открыл дверь и спустился вниз по лестнице. Потом он встал на берегу и стал ждать меня. А я считала это глупым, оставаться здесь наверху и упрячиться, как маленький ребёнок. Убежать я тоже не могла. Остров был крошечным. Не было даже дюны, которая бы была настолько большой, чтобы можно было спрятаться за ней. Что бы он ни намеревался со мной сделать, я была в его власти. И поняла ли я это только что правильно

— это должно послужить для нашей подготовки?

Неужели для схватки против Францёза? Что общего с этим имели мои не существующие мускулы?

— Поклонись, — приказал Колин, когда я встала напротив него на влажном, холодном песке.

— Что сделать?

— Я не хочу обсуждать каждое слово. Поклонись. Прояви уважение.

— Перед кем? перед тобой? Перед островом? Богом? Что за дерьмо? — Постепенно во мне просыпался гнев, но меня сбивало с толку, что этот гнев относился так же и ко мне, а не только к нему.

— Уважение передо мной было бы хорошим началом. Я твой сэнсэй. И я тоже поклонюсь перед тобой. — Колин скрестил руки на груди и коротко, но полный тихого почтения, склонил свою голову. Мягкая дрожь пробежала по моему позвоночнику. Потом он выпрямился, опустил руки снова вниз и расположил кулаки справа и слева рядом с бёдрами.

— Разве ты не говорила, что «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» твой любимый фильм? И ты отказываешься уже от самого первого урока? — Его голос был как бархат, его же тон неумолимым. Раздосадовано я повторила его поклон.

— Это было дешёвое, театральное представление. Ещё раз. Если уж ты не показываешь уважение передо мной, тогда, по крайней мере, покажи его перед собой. У меня, правда, на твоём месте в этот момент его больше бы не было.

Теперь у меня из глаз полились слёзы, но я прикусила губы, чтобы остановить их, и стала отчаянно искать что-то, перед, чем я могла проявить искреннее уважение. Колин был прав. Сама я не была тем объектом. Проявить уважение перед ним запрещала мне моя гордость, хотя я собственно хотела этого. Но не сейчас. Не в этот момент. В Бога я не верила. Я моргнула, и крупная, тёплая слеза капнула мне на губы. Инстинктивно я слезала её. Она подала мне идею. Море. Да, перед ним у меня было уважение. Я попробовала сделать это ещё раз. Колин ждал с опущенными ресницами.

— Уже лучше. На колени. — Одним плавным движением он сел на корточки, коротко опёрся о землю и опустился на колени, спина прямая, глаза открыты. Руки он положил ладонями вверх на колени. Мой позвоночник затрещал, когда я последовала за ним.

— Закрой глаза. — Я сопротивлялась несколько секунд, смотрела на него, зная, что он это чувствовал. Может быть, даже видел. Но и тогда я подчинилась, и снова это усилило мой гнев. Проходили минуты, когда мы сидели на ветру, на холодном песке и держали глаза закрытыми — если не принимать в расчёт мои контрольные взгляды, пока Колин не встал и снова не поклонился, после того, как я поднялась, хрустя коленями.

Десять минут спустя мой гнев горел, как огонь, у меня в животе, ярко и разрушительно. Но огонь не давал мне сил, нет, он отнимал их. И я всё равно состояла только ещё из дрожащих, перегруженных и сведённых судорогой мускулов и с полностью никудышным пищеварением. Хотя мы ещё даже не начали. Мы как сумасшедшие бегали вокруг острова — Колин мягко и плавно, я, ругаясь и ворча, а теперь он муштровал меня отжиманиями на кулаках. На кулаках! Под моим правым прилипла ракушка с острыми краями в песке, но Колин удерживал мою руку, так что я не могла её отдёргнуть.

— Ещё два! Давай! Один! Сделай усилие, Эли!

— Меня сейчас вырвет тебе на пальцы. — Тяжело дыша, я рухнула на землю, а моя мокрая от пота щека, поцарапалась о его лодыжку. — Я не могу, это не получается, а так же

не хочу...

Колин не предоставил мне передышку. Он потянул меня вверх, поставил на ноги и заставил бежать. Я споткнулась, упала, снова кое-как поднялась, ревела, пока больше уже ничего не видела, и один раз у меня в самом деле начались рвотные спазмы, потому что мой желудок перевернулся на голову, но лишь когда я пробежала вокруг острова и сделала следующие пятнадцать отжиманий на кулаках, он предоставил мне передышку. Моё сердце билось как отбойный молоток, когда я встала и, ругаясь, стала дёргать себя за пояс.

— С меня достаточно! Хватит! Я сыта по горло этим дерьмом здесь. Поиграй с кем-нибудь другим. Не со мной. — Сердито я бросила пояс на ветер, сорвала верхнюю часть кимоно с плеч и, смяв, бросила её перед ногами Колина. Потом мои штаны полетели в дюны. Только в трусиках, потев и замерзая одновременно, я стояла перед ним и тряслась от ненависти.

Он почти незаметно покачал головой.

— Во что я только тут вляпался... — Его голос прозвучал ни оскорблено, ни обиженно, а скорее так, как будто он находит меня занятой. Я размахнулась, чтобы ударить его в лицо, но он парировал моё нападение так свободно и уверенно, что я с негодованием вскрикнула и впиалась зубами ему в предплечье. И уже он прижал меня, без малейшего усилия, к песку. Я больше не могла двигаться. И в этот раз на мне не лежало никаких чар, как тогда в лесу. Это была только его железная, беспощадная хватка, которая парализовала мои движения. И его взгляд.

— Я не знала, что существует столько много разных вариантов гнева, — прошептала я.

— И что некоторые из них находятся очень близко от желания, — ответил Колин хрипло. Его волосы щекотали мою шею, когда он склонился надо мной и вытянул мои руки далеко за голову.

— И так близко от страха, — дополнила я. У меня было такое чувство, будто я падаю, когда ответила на его взгляд. Но если уж я была беспомощна и поймана, то хотела, по крайней мере, смотреть на него.

— Сопrotивляйся, — призвал он меня, его зрачки близко от моих, так что я могла себя видеть в них. — Ну, давай. Нет? Ты не хочешь сопротивляться?

Я ничего не сказала. Было слышно лишь моё дыхание. И дикий стук моей крови. Подними меня и отнеси на свою кровать, подумала я и в тоже время прокляла себя за это. Я не должна думать о чём-то подобном. Мне было нельзя. Здесь речь шла о чём-то другом — но почему только?

— Сопrotивляйся, Елизавета. — Колин опустил на меня всем своим весом. Давяще тяжёлым и всё-таки таким желанным. Я стеснённо набрала в лёгкие воздуха, потому что он сдавливал мне грудь. Мои лёгкие громыхали, как плохо работающие мехи. Он сразил меня. Я всё ещё не проронила ни слова, только смотрела на него.

Я люблю тебя. И я тебя ненавижу, думала я со всей силой, которую могла собрать в своём исчезающем сознании. Это было больше, чем я предполагала. Резко он отпустил меня, встал и пошёл в море. Несколько мгновений спустя оно его поглотило.

Я оставалась лежать, как мёртвая, пока потихоньку, страдая сильной болью, не вернула контроль над своими руками и ногами. Они сопротивлялись всему, что я от них требовала, но я заставила их отнести меня наверх, в хижину, где, дрожа от судороги и холода, упала на кровать и доверила себя своим снам. Всем тем неисполненным желаниям, которые во мне разбудил Колин. И своему гневу.

Глава 43.

Путь самурая

Мой лихорадочный, беспокойный сон продлился недолго. Уже скоро, щекоча, меня разбудили лучи заходящего солнца. Как это часто случается возле моря, погода внезапно изменилась, и тёмно-серые тучи, которые до этого ещё висели над островом, уплыли вместе с холодным, порывистым ветром.

Со мной тоже произошли странные изменения. Мой гнев и ярость исчезли, и, хотя мои кости всё ещё болели, во мне само по себе проснулось желание двигаться и проверить, на что ещё я была способна. Я не хотела сдаваться.

Да, Колин спровоцировал меня и вёл себя, на мой вкус, слишком доминирующе. Но это ещё не значило, что моё тело годилось только для одежды и раскрашивания. Летом я была в форме, длинные прогулки по лесу и бег сделали меня в короткое время более стабильной, гибкой и выносливой. Где было написано, что такого больше не произойдёт? В конце концов я не была неспортивной.

Кроме того, я не собиралась ещё раз сидеть в хижине, как принцесса на горошине, и ждать господина графа фон Блекбёрн. После того как я, ахая и стоная, скатилась с кровати, я вспомнила, что на маленькой кухонной, рабочей поверхности стояла еда: несколько бутылок воды, сухие кексы, бананы, сок, хлеб. В холодильнике я нашла йогурт, свежую рыбу и овощи. Колин купил это всё для меня. Я попыталась представить, как он с тележкой для покупок разгуливает по супермаркету, и, захихикав, выловила банан. Мне было нужен магний; для моих мышц и моих нервов. Потом я наполовину опустошила бутылку воды и посетила тихое местечко хижины, в котором я и в будущем не хотела проводить больше времени, чем было необходимо. Что за противоположность к храму для купания в старом лесничем доме!

Вернувшись в хижину, я неохотно надела кимоно, хотя всё ещё считала, что мутировала в нём в клоуна. Но кто занимался спортом, тот потел, а у меня ведь в распоряжение было не больше, чем два гарнитура одежды, из которых один уже носил значительные следы износа. Я неохотно попыталась завязать правильно пояс, но быстро сдалась. Из-за узла вряд ли я потерплю неудачу.

На берегу я несколько минут стояла нерешительно на солнце и не знала, как мне начать. После основательного раздумья я выполнила все те разминочные упражнения, которым научилась тогда на балете. Ущерба это не принесёт. К моему удивлению, я всё ещё была довольно гибкой, как только преодолела боль в сухожилиях. Моей единственной проблемой была нехватка выносливости. Поэтому я между упражнениями выполняла небольшие, продолжительные забеги, сначала в глубоком песке, потом по волнам, как до этого с Колином, хотя мои зубы начали стучать от холода, и я скоро уже больше не чувствовала пальцев ног.

Но мои мышцы на руках, ногах и спине разогрелись и стали эластичными, треск в позвоночнике утих, и поэтому я попыталась выполнить одно из моих любимых упражнений в балете, когда я стоя вытягиваю ногу вверх к уху. Я точно была не самая изящная балерина между всеми этими куколками, но в этом ни одна другая девчонка в подмётки мне не годилась. Теперь же я потеряла равновесие и позволила упасть себе на свой зад, прежде чем могло произойти что-то похуже, и увидела краем глаза тёмную тень, появившуюся над волнами. Колин. Снова как раз в самый нужный момент.

Чайки, крича, кружились вокруг его головы и воровали маленькие раковины и других

существ из его извивающихся волос, когда он, как сам Нептуна, глаза светло-зелёные в свете солнца, вышел из прибора. Я не осмеливалась пошевелиться, хотя бедро, рядом с моим ухом, начало дрожать.

— Ты подаёшь мне творческие идеи, — заметил Колин саркастически после того, как подошёл ко мне, но непристойный блеск в его нефритовом взгляде потух так же быстро, как и появился там. — Мы можем продолжить заниматься?

Я вернула ногу в более разумную позицию — что стоило мне огромного самообладания не завопить при этом, так как занятия балетом были давно, очень давно, и встала перед ним. Потом скрестила руки на груди и совсем чуть-чуть склонилась. Большого он сегодня не дождётся.

Мы тренировались, пока в темноте я почти уже больше не могла различать Колина, а мои мышцы переходили от одной судороги в другую. Но я не жаловалась. У него не должно появиться повода, чтобы сделать мне выговор. И он не обращался со мной нежно. Я научилась самым важным основным методам: удар кулаком, два защитных движения, два пинка, из которых один каждый раз угрожал вывернуть мне бедро. В конце он стал нападать на меня в коротких поединках, чтобы проверить мою реакцию. Не раз его кулак ударил меня в живот, но он научил меня, как правильно дышать и напрягать мышцы, чтобы не пострадать при этом.

Я не сказала ни слова. Я только слушала. Это давалось мне тяжелее, чем всё остальное, то, что он требовал от меня. И я весь этот театр не оставлю просто так, без обсуждения.

Но пока что быстрее всего я смогу выбраться из этой ситуации, если подчинюсь. И я должна была неохотно признать, что Колин был прекрасным учителем. Его указания были точными, и, если он исправлял мои осанку и движения, то касался меня только мимоходом и не секунды дольше, чем требовалось. Снова и снова он доводил меня до моих пределов и делал небольшие паузы, когда моя моторика становилась нечёткой.

Я думала, что тренировка никогда не закончится. Мои суставы на пальцах кровоточили, мои мышцы живота болели от многих ударов, мои предплечья были покрыты синяками, и все эти камешки и ракушки в песке поцарапали мои босые ноги. Мои кулаки дрожали, когда Колин призвал меня к следующей очереди ударов, исполняя их синхронно со мной: удар кулаком, шаг, удар кулаком, шаг, удар кулаком. Мои движения стали неконтролируемыми, и при последнем шаге я споткнулась. Но осталась стоять, не упала.

Тогда он наконец подал мне знак, что отпускает меня. Несколько минут мы ещё сидели на коленях в пiske, глаза закрыты. Я больше ни о чём не могла думать. В моей голове царил пустота, рябящая пустыня. Казалось, что я состою только из боли и усталости.

Колин пошёл впереди меня к хижине, и мне для того, чтобы подняться по ступенькам, пришлось ухватиться за перила лестницы. Мои кровоточащие подошвы волочились по грубой древесине, так как я больше не могла поднимать ноги. Когда я преодолела последнюю ступеньку и зашла в хижину, Колин уже зажигал свечи на подсвечнике с несколькими ветвями. Он не выглядел даже чуточку уставшим — нет, он выглядел свежим и отдохнувшим.

Это его оживило. У меня же, напротив, было такое чувство, будто мне срочно нужно составить завещание. Я, тяжело дыша, облокотившись о стену, с трудом могла развязать пояс кимоно, которое я так сильно хотела снять с моей потной, горячей кожи. Мои пальцы были негнуцимыми и неподвижными. Мне понадобилось несколько попыток, пока это не удалось, и я не смогла подавить приглушённый стон, когда тяжёлое полотно соскользнуло с моей

спины.

Медленно Колин повернулся ко мне и задул последнюю спичку. Его глаза блестели, бродя по моему телу. В следующую секунду я лежала на спине на койке, и, как до этого на холодном песке, он склонился надо мной, так что его волосы касались моего лица. Я вздохнула — это была мольба, а не жалоба.

— Мне излечить твои раны?

Любой ответ был бессмысленным. Он уже начал, а я была слишком израненной, чтобы пошевелить хотя бы одним пальцем или вообще сопротивляться. Молча я покорилась его рукам. Он действовал быстро и сосредоточено, не теряя времени, и всё-таки он делал это настолько поглощённо и внимательно, что мне самой осталось достаточно времени, чтобы потерять себя. Когда я отстранилась от всего, погружаясь в темноту за моими веками, то отделилась от тела, увидела себя сверху. Как я лежала на кровати, не двигаясь, лицо расслаблено, лёгкая улыбка на губах, щёки горят, и Колин... его взгляд... как он смотрит на меня... Я должна была держать глаза закрытыми, чтобы не быть им поглощённой.

— Оставайся в себе, Эли, — прошептал он. — Оставайся в себе. — Я снова опустилась вниз, чтобы вернуться, со стучащим сердцем, во взволнованную, бархатистую темноту моих ощущений. Потом пришёл потоп.

Шум прибоя, сильнее и мощнее, чем раньше, вернул меня назад в реальность. Но я ещё не хотела шевелиться. Это было бы слишком рано. Однако моя совесть сразу же заявила о себе, верная, как никогда.

— А что с тобой? — спросила я слепо и коснулась шеи Колина. На нём всё ещё было надето его кимоно. Его кожа была прохладнее, чем моя, но теплее, чем я когда-либо чувствовала.

— Море глубокое и тёмное. Даже Бог не может заглянуть в него. Никто не знает, с какими хищническими мыслями я охотился ранее. Я полностью удовлетворён.

Теперь я всё-таки открыла глаза. Колин убрал, улыбаясь, заблудившуюся прядь волос с моего носа, и да, он в самом деле выглядел удовлетворённым. С Энди я была бы сейчас обязанной, к тому же без всякой передышки. То же ещё одна причина, почему я в какой-то момент захотела положить конец этому вечному петтингу — чтобы потом разочарованно понять, что следующая ступень тоже была не намного более удовлетворяющей. Но теперь я знала, что всё, что было ранее, никогда не сможет сравниться с тем, что я испытала здесь.

— Интересно, с другими тоже так хорошо? — Мой голос прозвучал утомлённо, блаженная, сытая усталость.

— Скольких же ты хочешь попробовать? — ответил Колин насмешливо.

— Нет, э, лучше никого. Я только спрашиваю себя... я спрашиваю себя, как это можно ещё улучшить — Я отвела от него взгляд, но он сразу же поймал его вновь, и я увидела, что его глаза смеялись.

— Ах, Эли. Это только начало. Подожди, пока тебе исполнится тридцать и ты будешь в расцвете сил. Ты ещё не оберёшься хлопот.

Я осторожно повернулась на бок и положила голову на локоть. Хотя это и причиняло ужасную боль, но я хотела находиться с ним на одном уровне.

— Ты знаешь это, верно? О других женщинах. Сказанное тобой только что не было просто домыслом? — Так же и мой вопрос не был домыслом. Потому что Колин не отреагировал. Отсутствие ответа — тоже ответ. Но в его глазах таилась меланхолия и сожаление, как будто он точно знал, что его больше не будет рядом, когда мне исполнится

тридцать.

— А как это происходит с мужчинами? — продолжила я упрямо гнуть палку.

— О, огромная несправедливость природы. Мы достигаем наш расцвет сил в двадцать лет, и потом это постоянно идёт на убыль. Так что я всегда перед самым спадом. — Он улыбнулся галантно, и я тоже должна была улыбнуться. Со спадом наше позавчерашнее свидание ничего общего не имело.

— Колин... что подтолкнуло тебя к тому, чтобы заводить знакомства на одну ночь? Джианна сказала, мужчины хотят только по возможности на большой территории распространить своё семя, и оплодотворяют, что есть мочи, но у тебя это не может быть причиной. — Я боялась, что моё вопрос прозвучал бестактно, и взгляд Колина стал серьёзнее, но, казалось, он не обиделся.

— Я у каждой из них искал доказательство того, что я не во власти Тессы. Пока в какой-то момент не понял, что мне было не нужно это доказательство. Но и у меня иногда появляется жажда к женскому обществу. Что подтолкнуло тебя к этому?

— С Энди? — Я скривила лицо. — Я хотела покончить с этим. А любовные зажимания до этого... ну, что же, этого ведь ожидают. И мне так же было любопытно. Но... — Я беспомощно пожала плечами.

— Секс — это не то, что связывает людей. Это только завершение, — добавил Колин спокойно. Что связывало людей? И как это выглядело с людьми и Марами? Он положил свою прохладную руку на мою щёку, в которой всё ещё пульсировал кровь.

— А что подтолкнуло тебя со мной? — спросил он тихо.

— Именно это, — ответила я так же тихо. — Завершение.

— Да? — Он подмигнул мне очаровательно. — А я уж думал, это был мой не габаритных размеров половой орган.

Я так сильно рассмеялась — и в тоже время заплакала от боли, — потому что казалось, моя диафрагма разорвётся, что начала икать и чуть не упала с кровати. Колин протянул мне стакан воды, который я жадно выпила, чтобы послать икоту к чёрту. Он ухмыльнулся мне в хорошем настроении.

— Ну, не такой уж он и маленький, — подразнила я и вытерла слёзы с уголков глаз

— Высшего среднего класса.

— Идиот. — Я толкнула его локтем в бок — одно из моих немногих оставшихся нетронутыми частей тела.

— Мы ведь оба настолько невероятно посредственные. Эй, Мисси! Сюда! — Этим криком он позвал не меня, а Мисс Икс, которая снова забралась в мой рюкзак и нашла добычу. Я в полутьме хижины не могла видеть, что она схватила и с гордостью несла в пасти, но когда Колин защёлкал языком и позвал её во второй раз, она развернулась и со стоящей дыбом шерстью прыгнула к нам, чтобы бросить на его грудь маленькую коробочку. Он поднял её и поднёс к глазам, которые от внезапного изумления округлились.

— Крем против геморроя? — Он повернулся ко мне. — Ты не подскажешь мне, для чего тебе нужно что-то подобное, в твои-то молодые годы?

— О! Это недоразумение! Большое недоразумение! — Я попыталась вырвать его у негс из руки, но замерла из-за новой судороги в мышцах. — Он не для меня, его я привезла для тебя!

— Для меня? — Колин начал смеяться. — Боже, Эли, что ты только собиралась со мной сделать?

— Я... я взяла медикаменты и показала их Нильсену, чтобы тот отвёз меня на остров. Я сказала ему, что они тебе срочно нужны! — Я прижала руки к щекам, в надежде, что смогу остудить их. Но мои пальцы были, по меньшей мере, такими же горячими, как и лицо.

— И этим испортила мою демоническую репутацию. — Всё тело Колина тряслось от смеха. Он при этом выглядел тревожно прекрасным. — Занимающийся боевым искусством злодей с анальными язвами — что они только теперь думают обо мне?

Он считал всё это настолько смешным, что не мог перестать смеяться, и теперь это был он, кто скатился с кровати и сильно ударился о пол.

— О Боже, Эли, ты чокнутая курица...

Мисс Икс использовала шанс, снова схватила коробку и бегала с ней туда-сюда по хижине, будто её преследовала свора бешеных собак. Снова и снова, она при этом перепрыгивала через Колина, который лежал расслабленно на досках пола, руки вытянуты в сторону, одна нога согнута в коленке, и, не прекращая, смотрел на меня искоса наверх. Я, застонав, вытянула руку, опёрлась ею о пол и сползла к нему. Как мешок с мукой, я упала на его грудь.

— Мне нравится, когда ты стонешь, — признался он, его губы рядом с моим ухом.

— Это было из-за боли, — сказала я укоризненно.

— Я знаю. Но это звучит похоже. — Он нежно толкнул меня вверх, пока я не стала сидеть на нём. — Эли, это для меня большая честь, поговорить с тобой обо всём этом, и я мог бы продолжать это бесконечно, но... теперь нам нужно уделить время Бусидо.

— Бусидо? — повторила я в недоумение. Почему, во имя Бога, Бусидо?

— Не ему. Он только украл этот термин. Бусидо — это путь воина. И я не могу рассказать тебе ничего разумного, пока ты находишься на моём высшем среднем классе. Жаль, но не могу. Не могла бы ты...?

Смущённо я сползла с него и вернулась на кровать. Она выглядела помятой. Да, много исследовательского духа в этой хижине больше не царило. Во всяком случае, не того вида исследовательского духа, который был здесь желаемым.

— Мне что-нибудь на себя накинуть? — спросила я робко.

— Было бы, конечно, жаль, но имеет смысл. — Колин бросил мне мои вещи, но оставил своё кимоно одетым. Мне понадобилось примерно пятнадцать минут, чтобы встать, скользнуть в мои рубашку и пуловер и надеть брюки, потому что от боли мне снова и снова приходилось делать паузы.

Колин использовал время, чтобы, насвистывая, встать возле небольшой плиты, почистить картошку, бросить её в кипящую воду и поджарить мне рыбу. Так же и Мисс Икс получила свою долю. Только Колин остался ни с чем, но не позволил этому факту помешать себе попробовать, с выражением знатока на лице, чтобы быть уверенным, что еда была приятна на вкус. И, о да, она была. Я была настолько голодна, что проглотила её буквально за несколько минут, потом удовлетворённо закрыла глаза и откинулась назад.

Я слушала, как Колин мыл тарелки и поставил рядом со мной бутылку воды. Потом наступило спокойствие.

Имело ли смысл притвориться спящей? Нет. Нисколько. Передо мной сидел демон Мара. Со вздохом, который однозначно выразил мои разные муки, я открыла глаза и посмотрела на мою главную муку. Колин сидел, скрестив ноги, на деревянном полу, как и прежде в кимоно, и как и прежде мой господин и хозяин. Сэнсэй сэр Блекбёрн.

— Мы ещё не закончили, Эли.

— Я знаю, — сказала я страдальчески и ещё раз вздохнула. — Тогда расскажи мне что-нибудь о Бусидо.

Глава 44.

Пять основных требований

— Бусидо — это философия самурая, которая описывает его отношения с правителем, — начал Колин спокойным голосом.

— Может, мне стоит записывать? — спросила я вызывающе. — Ты будешь потом спрашивать? — Он не отреагировал на это, а продолжил говорить дальше, как будто я вообще ничего не сказала.

— Решающими факторами являются пять основных требований: верность, вежливость, смелость, искренность, простота. Самые важные для тебя — это первые два требования. Верность и вежливость. Этого тебе ещё не хватает.

— Мне не хватает верности? — взорвалась я. — Я последовала за тобой в бой против Тессы! Сколько верности тебе ещё надо?

— В Бусидо верность означает верность по отношению к своему правителю, верность по отношению к себе самой и усердие — обобщённо: лояльность. Вежливость означает любовь, скромность, этикет. Прежде чем ты начнёшь ругаться дальше, я говорю об этих качествах в пределах воинственного пути. Перед нами лежит воинственный путь, Эли. Здесь речь идёт не об играх в упрямство или эмансипации. Речь идёт о безоговорочном послушании. О совершенной верности по отношению к твоему сэнсэю. — Колин бросил мне строгий взгляд, который пробудил во мне желание встать и умчаться прочь. Я чувствовала своё упрямство во всём теле.

— А это ты? Мой сэнсэй? Я должна тебе подчиняться?

— Во время боя — да. Ты должна научиться уважать меня и доверять мне в том, что я от тебя требую. Пока ты этого не делаешь. Ты думаешь, что речь идёт о том, чтобы показать, кто здесь главный. Но я хочу вовсе не этого.

Как только он мог оставаться таким спокойным? Разве он не видел, что раздражал меня до смерти?

— И где здесь, пожалуйста, разница? Слепое повиновение... это фигня! Я не покоряюсь слепому повиновению! Я не твоя марионетка.

— Это дерьмово, когда правитель использует повиновение в своих низких целях, — объяснил Колин терпеливо. — Но и он обязан подчиняться пяти основным требованиям. Ты можешь быть уверенной в том, что я не злоупотреблю твоей верностью и послушанием.

— Колин, я этого не понимаю! Ты говоришь о послушание, о покорности — в то время как сам ведь всегда делаешь то, что хочешь! Ты никогда не подчиняешься каким-либо правилам. А теперь ты ожидаешь этого от меня? — воскликнула я рассержено.

— В пределах додзё я очень даже подчиняюсь правилам. Я никогда не утверждал, что мне это легко даётся. Один раз я тебе уже рассказывал, каким тяжёлым было обучение в Китае. Но со мной обращались как и с любым другим учеником. Мой сэнсэй точно знал, что я не человек, что во мне таятся демонические силы. И всё же он дал осуществиться справедливости. Он догадывался, что я занимаюсь каратэ, чтобы пробудить и схоронить в себе хорошее. Ещё никогда по отношению ко мне я не испытывал столько уважения, как во время этих месяцев, хотя я должен был так же слепо повиноваться, как ты сейчас. Мой сэнсэй знал о моих возможностях и ограничениях, а я знаю о твоих. — Колин подождал,

пока моё сопротивление немного ослабло и я была готова встретить его взгляд. Он был глубоким, серьёзным и просящим. И в то же время требовательным. — Когда дело дойдёт до боя, Эли, ты должна будешь мне безоговорочно доверять. Это то, чего я от тебя ожидаю и требую.

— Но я ведь тебе доверяю. Я уже прошлым летом сказала тебе об этом!

— Ты делаешь это, если заранее сама решила, и это происходит добровольно. Но почти никогда, если я требую этого от тебя или даже чего-то от тебя ожидаю, чего ты не понимаешь. Ты должна доверять мне, даже если все твои мысли и инстинкты призывают тебя к чему-то другому. Не то мы не выживем.

— Я не знаю, смогу ли так. — Это была правда, а не упрямство. Мой отец научил меня всегда использовать разум. Пока мой интеллект и мои постоянные вопросы были моей силой, иногда даже моим спасительным кругом. Это вошло мне плоть и кровь.

— Только что ты ведь тоже доверилась мне, — сказал Колин, и на одно мгновение на его замкнутых чертах лица промелькнул нежный проблеск. О. Значит, это он имел в виду. И он действительно кое-что потребовал от меня. Остаться в себе.

— Это было нелегко. Вначале, — признала я.

— А потом ты растаяла под моими руками. — Покраснев, я опустила голову. — Значит, ты можешь. Что касается каратэ. Эли, я знаю, когда ты достигаешь своих пределов. И я знаю, когда мне больше нельзя продолжать. Ты серьёзно думаешь, что я буду мучить тебя, пока ты не выпростаешь на песок ту немногую еду, что принимаешь? Это была бы бессмысленная каторга. У меня есть точное представление о том, что я могу ожидать от тебя, а что нет. Научись во время тренировки доверять мне и слушаться меня, и сохрани эту добродетель до схватки.

— Ладно, — пробормотала я покорно. Я не имела понятия, о чём он говорил, но его слова были произнесены с такой настойчивостью, которую почти невозможно было превзойти. У меня по спине побежала дрожь. — Ты не можешь мне сказать, почему я должна доверять тебе и слушаться тебя так безоговорочно? Что именно ты планируешь?

— Об этом я не могу тебе сказать.

— Но...

— А как же доверие? Доверься мне так же и здесь. Ещё тебе надо научиться скрывать свои чувства и мысли. Раньше вы не знали, что Француз является Маром. Теперь же эта связь существует. Его существо в ваших мыслях связано с Маром. Если ты будешь думать в его присутствие об этом, то он может раскусить вас и устроить страшную кровавую бойню. Тебе нужно уметь опустошать свою голову. Основа для этого навыка — это медитация и аскетизм.

— Аскетизм? — Я посмотрела на Колина, как будто он попросил меня попробовать испортившийся кусок мяса.

Он кивнул.

— Никакой интимности больше с этого момента. — Я поражённо молчала. Я поняла это правильно? Даже ни одного поцелуя? В его угольные глаза прокралась улыбка, когда он прочитал мои мысли.

— Ты помнишь — это только завершение, а не то, что нас объединяет.

— Знаешь что, Колин? — ответила я возмущённо. — Я думаю, я поняла, чего ты хочешь. Ты хочешь добиться того, чтобы я тебе ненавидела и чтобы мне было всё равно, если ты погибнешь в схватке, не так ли? Это твоя цель. Я должна тебя ненавидеть. И тебе это сегодня

почти удалось. — Колин приглушённо засмеялся.

— Может быть, я и самоотверженный Эли, но не до такой степени. Ты все ещё не доверяешь мне.

Я раздражённо фыркнула. Чёрт, он был прав.

— Мне будет сложно отказаться от этого, — призналась я честно.

— Мне тоже. Потому что это вообще не в моей природе. И поэтому я хочу попросить тебя при твоём следующем порыве гнева не срывать с себя кимоно. Ещё один раз я не смогу совладать с собой. — Его улыбка была нежной и горькой одновременно. — Не введи меня в искушение, — процитировал он.

— А избавь нас от злого, — закончила я иронично, хотя это было как раз то, чего я хотела. Избавиться от злого. — Колин, могу я спросить тебя кое-что личное?

— Пожалуйста.

— Ты используешь имя Бога тоже не особо редко, и иногда у меня такое чувство, что для тебя это серьёзно. Ты веришь в Бога?

Колин опустил глаза и провёл задумчиво рукой по лбу.

— Ну, верой это, наверное, нельзя назвать. Я просто надеюсь, что существует высшая сила и что она причисляет меня к своим созданиям. Я родом из девятнадцатого столетия. В то время атеизм был роскошью богатых. У кого было слишком мало для жизни и слишком много, чтобы умереть, тому была нужна вера, чтобы бороться дальше и принимать удары судьбы, которыми одаривала их жизнь.

У меня было такое впечатление, что он хотел ещё кое-что сказать, и поэтому оставалась тихой, как мышь. У меня получилось прервать утомительную диктатуру ученика и учителя, и я не хотела подвергать опасности это положение вещей. Через некоторое время он поднял свой взгляд. Его глаза вернулись в прошлое.

— Это был мужчина в церкви, кто, в конце концов, убедил мою мать отказаться от её любимого занятия — ты помнишь, оставлять детей на морозе. Он сказал ей, что она должна принять своего ребёнка, как дар Бога. Хотя она этого и не сделала, но, по крайней мере, она перестала выносить меня ночью из дома. Наш деревенский священник непреклонно боролся против любого языческого суеверия. Он боялся меня, как и другие, но его вера помогала ему терпеть меня. Вера может быть жестокой. И полной благословений.

— Какой, собственно, ты считаешь меня? — вырвалось у меня. — Я имею в виду мой характер? Хорошо, тогда ты выделялся между остальными, не вопрос. Но если я слышу, как ты говоришь обо мне, у меня такое впечатление, что я тоже для почти всего непригодна.

Колин вопрошающе поднял брови, но от меня не ускользнуло, что он пытался скрыть свой молчаливый смех.

— Какой ты сама считаешь себя, Эли?

— Ну. — Я смущённо улыбнулась. — Собственно, не такой уж и не ненормальной. Я ведь знаю, почему я такая, какая есть. Для меня это логично. Только другие часто думают, что я действую с методичностью. Или сразу думают, что я сумасшедшая, потому что... так проще?

Я посмотрела на него с надеждой.

— Я не психолог, — ответил Колин. — Но это, наверное, так. Ты очень напрягаешь и будоражишь. Во всех отношениях. Но я не хочу, чтобы ты была другой. Для меня ты как раз в самый раз — при условии, что доверяешь мне.

Я сглотнула. Для него в самый раз. Это было приемлемое начало.

— Ты сомневаешься в себе? — спросил Колин осторожно, хотя он должен был знать ответ.

— Я сомневаюсь в том, подхожу ли я для этого мира. — Как и ты, подумала я, но не осмелилась сказать это вслух. — Доктор Занд, доверенное лицо папы, сказал, что я ГСЛ. Высокочувствительный человек. И мне нужно строить свою жизнь в соответствии с этим.

— О, в самом деле? — ответил Колин насмешливо. — Теперь у них для этого есть диагноз. Когда-нибудь вы, люди, будите состоять только из диагнозов, вместо черт характера. — Он убрал волосы со лба, что было так же безрезультатно, как если бы то же самое сделала я. — Тебе нужен этот диагноз?

Я беспомощно пожала плечами. Помогало ли мне знание того, что существует термин для моей чувствительности? Нет, вообще-то нет. Потому что это ничего не меняло.

— У некоторых коренных жителей гиперсензитивным людям причисляют особые силы. Они часто занимают должность шамана или целителя. То, что в нашем, ах, таком цивилизованном, мире осуждается — а именно: слишком интенсивные чувства, — высоко у них ценится, — попыталась я резюмировать, что недавно прочитала в газете. Потому что, конечно же, я хотела узнать больше информации о диагнозе доктора Занда, без того, чтобы это смогло помочь мне в каком-нибудь отношении.

— Значит, держись лучше этого. Смотри на себя как на шамана. Хотя я должен признать, что термин "ведьма" подошёл бы на сегодняшний день лучше.

Я коротко шмыгнула носом, потому что не могла решить плакать мне или смеяться. Чувство перенапряжения почти убивало меня.

— О Боже, моя голова снова переполнена... — Я массировала лоб, как будто это поможет уговорить мои мысли, испариться.

— Поэтому мы будем сейчас медитировать, — объявил Колин и постучал рядом с собой по деревянным доскам. — Садись рядом, скрести ноги. Руки, ладонями вверх на коленях.

Только стена и жалуюсь, мне удалось скрестить мои ноги и выпрямить спину, как Колин. Его позвоночник был прямым. Никогда я не смогу больше, чем пять минут, оставаться сидеть в этом положении. Но я попыталась сделать это, попыталась последовать его указаниям, не потерять себя в его гипнотическом голосе, не допускать никаких мыслей и чувств. Но моим внутренним миром всё ещё владели события последнего часа, и я ничего не могла с этим поделать. Я потерпела неудачу уже после нескольких минут и удручённо сдалась, в то время как Колин молча погрузился в мир, который для меня оставался закрытым.

Молча я сидела рядом и наблюдала за ним, пока не поняла, что для него я больше не существовала. На одно мгновение я уступила моей свинцовой усталости и задремала на месте. Лишь мурлыканье Мисс Икс, которая прижала своё нежное пушистое тело к моим лодыжкам, и начала грызть мои пальцы ног, заставило меня, вздрогнув, проснуться.

Я просунула руку под её живот, чтобы взять с собой на кровать, закуталась в одеяло, пахнущее Колином, и обняла саму себя, чтобы не замёрзнуть. Мне не хватало его всю ночь.

Глава 45.

Третья ночь

Свистящий порыв ветра разбудил меня. Я как раз только легла, чтобы отдохнуть, предоставить моим мышцам разгрузку, но снаружи разбушевался шторм, внезапно и со всей

силы, хотя на мою кровать светило яркое солнце, и температура в комнате поднималась вверх каждую секунду. Пауль и Тильман были ещё в пути, но должны были в любой момент вернуться.

Снова порыв ветра пронёсся через полуоткрытое окно, и я встала. Мне нужно было закрыть его. Когда я протянула руку, чтобы схватиться за ручку, ветер прижал мне к лицу длинные до пола шторы.

Я попыталась оторвать их от себя, но шторм удвоил свою силу и обернул их вокруг меня. Я больше ничего не могла видеть. При следующем порыве ветра они завернулись также вокруг моих рук, которыми я как раз только хотела освободить рот. Чем больше я тянула и дёргала, чтобы высвободить их из шторы, тем крепче материал оборачивался вокруг моих кулаков. Стало не хватать кислорода, а жара казалась невыносимой. Ещё раз я согнула мои пальцы, чтобы вытащить их из моих пут. Напрасно.

У меня был только один шанс — я должна закричать и надеяться на то, что Пауль и Тильман были уже в непосредственной близости, чтобы услышать. Но и это мне не удалось. Жар ослабил меня. Моё сознание стало расплываться. Пожалуйста, пожалуйста, вернитесь домой. Пожалуйста, молила я, я больше не могу дышать. Вы должны освободить меня...

— Пожалуйста, — задыхаясь, выдавила я, хватая ртом воздух. Я лежала как парализованная на кровати Колина, отбросив одеяло ногами, по близости никакого полотна, которое задувало мне в рот, когда я дышала. Я была полностью свободной.

Тем не менее мне понадобилось несколько вдохов, пока паника не утихла. Мой затылок был мокрый от пота, мой рот высох, язык прилип к нёбу. Я повернула голову на бок. «Почему ты не разбудил меня?», — подумала я с немым упрёком. Нет, в этот раз Колин не вытащил меня. Как и прошедшие обе ночи он сидел спиной ко мне на полу, скрестив ноги, как будто меня никогда не существовало. Я была для него словно воздух. А это была наша последняя ночь.

Завтра он снова отошлёт меня домой, и было не ясно, заплатим ли мы за нашу следующую встречу жизнью или переживём её. Но прежде я должна буду сдать экзамен за мои первые два пояса. В уме я коротко проверила кату для жёлтого пояса — своего рода танец теней, не настолько элегантный и впечатляющий, как та ката, которой владел Колин. Мы снова и снова отрабатывали вместе обе, и меня чрезмерно удручало то, какими большими оставались различия между нашими движениями, хотя мы ведь делали совершенно одно и то же.

Колин исполнял их с потрясающей динамикой — он чувствовал, что делал, он видел это пред собой, в то время как я вначале неуклюже за ним повторяла и только и беспокоилась о том, чтобы не наделать ошибок. Я была благодарна уже за то, что запомнила правильно последовательность шагов, и в то же время удручена, потому что это даже не было отблеском того, что значило каратэ.

Вчера вечером, однако, незадолго до захода солнца, я думала, что парю, мне больше не нужно было думать. Чередование шагов выглядели плавнее, мягче, мой боевой клич был настоящим и необходимостью, а не шоу.

— Ты готова, — сказал Колин, почти незаметно кивнул и закончил тренировку — как раз в ту секунду, когда я в первый раз почувствовала в этом робкую радость. Часы и дни до этого состояли из преодоления себя и пыток и ничего больше. Места для радости не было.

Утром, после первого дня тренировок, мои суставы и мышцы были такими негнушимся и твёрдыми, что Колину пришлось сначала массировать меня сверху донизу. Это даже

элементарно не могло нарушить наше воздержание, так как от боли у меня бежали слёзы, хотя я прикусила себе язык до крови, чтобы не показывать слабости. Но он мял мои мышцы так долго, пока мои руки и ноги снова не стали подвижными и упругими. Я блестела и пронизывающе пахла травами, когда он шлёпнул меня по заднице и проворчал:

— Так, теперь мы можем засунуть тебя в печь и поджарить.

Но это помогло. После разминки я была готова тренироваться — и из этого состоял весь мой день. Тренировка — поела — попила — немного отдохнула — тренировка. Мы почти не разговаривали. Больше не прикасались друг к другу, разве что Колин исправлял мою осанку и мою последовательность ударов. Ни одного поцелуя. Пока мы находились в додзё — остров, берег, прибой, я могла принять это, без того, чтобы моё сердце горело.

Но теперь, казалось, это снедает меня. Моя кожа так сильно тосковала по нему, что это причиняло боль, и эта мука ничего общего не имела с тянущей болью в мышцах. Я не могла представить себе, что могу потерять Колина в схватке, не ощутив его сначала ещё хотя бы раз. То, что он не освободил меня из моего кошмара, делало это едва ли лучше.

Что он собирался со мной сделать? Почему он научил меня каратэ? То, что могла я, было карикатурой по сравнению с тем боевым искусством, которым владел он. Никогда в жизни, тренируйся я так часто и много, не смогу достичь даже близко его навыков. Какой в этом был смысл — научить меня основным урокам? Я этого не понимала. Я сама вряд ли вступлю в схватку с Францёзом. И об этом речь даже ни разу не зашла. Может, всё это старание служило только для того, чтобы укрепить моё послушание?

Я встала и босиком шагнула рядом с Колином. Даже его волосы не шевелились. Они замерли в воздухе. Грудь не поднималась и не опускалась — никакого дыхания. Никакого сердцебиения. Сердца не было.

Его веки были опущены. Рот закрыт, но мягкий и расслабленный и всё-таки... не человеческий. Он был не близкий, не реальный, даже если мне нужно было только протянуть руку, чтобы коснуться его. Его белая кожа сияла серебристым светом, хотя луна не светила. Это была тёмная, холодная ночь. Когда я в последний раз нашла его таким — погружённым в себе и в то же время удалённым, — дул тёплый ветер, а заходящее солнце образовало коричневые веснушки на его лице. Он лежал на своей кровати, как молодой бог, а кошки собрались вокруг, будто боготворили его. Я села рядом с ним, и положила голову ему на грудь, чтобы послушать, дышал ли он.

Собственно я знала, что ему было не обязательно дышать, чтобы существовать. Ему был не нужен кислород. И всё же это даже сейчас наполнило меня ноющим беспокойством — не находить человеческих признаков жизни. Будет ли он выглядеть так, если Францёз нанесёт ему смертельный удар? Или он разорвёт Колина? Уничтожит это лицо, которое стольким людям нагоняло страх и которое я так сильно любила? Отважное, неприступное и всё-таки такое знакомое. Его тёмные, блестящие волосы-змеи, которые теперь спадали до плеч и сопротивлялись против хвоста, прежде чем были вынуждены подчиниться медитации. Длинные загнутые ресницы. Игра теней, которую его выдающиеся скулы бросали на белоснежную кожу. Я должна была сохранить всё это. Если этого не сделаю я, то не сделает никто. Не было никого, кроме меня, кто любил бы это существо. Тесса хотела обладать им и формировать его. С любовью это ничего общего не имело.

Я заставила себя оторвать от него свой взор и направила его на письменный стол. Остывшие угли в печи выделяли только лишь слабое красноватое сияние, но этого хватит, чтобы различить собственные штрихи. Блокнот и карандаш — большего мне и не нужно. Я,

по крайней мере, могла попытаться. Для этой картины мне не нужна была фантазия.

Мне нужно будет только срисовать его лицо. Только внимательно посмотреть на него, и то, что видела, перенести в кончик карандаша. Это было лучше, чем ничего.

Я села на стул, положила блокнот на колени, но не могла заставить себя нарисовать первую линию. Я ещё никогда этого не могла, просто начать рисовать, как мои одноклассники. С улыбкой я вспомнила моего учителя по искусству, который регулярно был в отчаянии по поводу этого обстоятельства — то, что я отлично могла интерпретировать картины, но не могла рисовать. По крайней мере, не так, как он себе это представлял — пока он однажды не поставил свой старый магнитофон на мой стол и не нажал на Play. Это особое обращение снова принесло мне недоброжелательные взгляды и злобные шушуканья, но оно принесло свои плоды. Мои картины всё ещё не блистали своей фантазией, но всё же я могла немного отстраниться от своих мыслей, когда играла музыка.

Может быть, это и сейчас поможет. Колина мне не нужно было принимать во внимание. Он больше ничего не видел и не слышал. И даже если и слышал — это его не побеспокоит. Я ещё никогда не видела ни одного существа, которое могло бы так безоговорочно избавляться от тела, как он. То, что я здесь делала, не интересовало его больше. Мои кошмарные крики о помощи в конце концов он тоже не воспринял.

Я шагнула к его граммофону и спонтанно вытащила макси-сингл из стопки рядом со старинным аппаратом. Моменты любви от Art of Noise.

— Как подходяще, — прошептала я цинично, завила граммофон, поставила его на 45 и осторожно опустила иглу вниз.

Уже при первых тактах мой цинизм превратился в беспомощность. Да, мой карандаш двигался, он рисовал, но он терпел неудачу на каждой пряди волос, каждой морщинке, каждой линии — и особенно на том, что я любила больше всего. На его рте и его глазах. Самое большее — это будет лицо, которое похоже на Колина. Но это будет не он. Упорно я закончила эскиз и поставила внизу число, в то время как из-за первых слёз бумага начала образовывать волны.

У меня не получилось. Эскиз, может быть, поможет мне удержать его в памяти на пару недель. Но потом это будет только рисунок, который почти ничего общего не имеет с Колином. Его магию невозможно было запечатлеть на бумаге. Она его окружала. Её невозможно было поймать, ни с каким техническим ухищрением этого мира. Я потеряю его, полностью потеряю, если мы не справимся в схватке — схватке, о которой я ничего не знала и чью стратегию он держал от меня в секрете.

Я скомкала рисунок и бросила его на пол, но оставила играть музыку. Я не могла прервать её. Она так затягивала, что я не хотела от этого убегать. Первые такты простые и мягкие, почти что поверхностные, но потом всё более увлекательные и магические. Искусство звуков. Они заставили меня нарушить наши добродетели.

Я села позади Колина на пол, обхватила руками его живот и прижала щеку к спине. На одну секунду я почувствовала, что его тело узнало меня и не отвергло мои прикосновения, а ответило на них. Я увидела его руки на моей коже, почувствовала его в себе, услышала его тихий стон и его шёпот. Слова, которые никогда не забуду, хотя я их не поняла. Потом рокот в его венах успокоился, и мужчина передо мной стал лишь только скалой, в которой больше не жила душа.

Я поцеловала его в холодную шею, поставила пластинку играть ещё раз и позволила ей, всё время одной и той же последовательностью мелодий, убаюкать себя.

Следующее утро мы начали молча. Я спустилась вниз к берегу и стала готовиться к экзамену; Колин зашёл в море, чтобы поохотиться. В солнечные, мечтательные, послеобеденные часы я упаковала свои немногие вещи и попыталась запомнить хижину. Потому что я точно знала, что больше не увижу её. Наблюдательница за птицами скоро поправиться и наконец примется за свою работу. Нильсен получит свою непринуждённую болтовню по субботам, и сможет отвозить еду на Тришин, а чайки и тюлени и гнездящиеся птицы будут учитываться должным образом. Всё станет на свои места.

Никто не будет знать, что значили эта хижина и этот остров для меня. Начало и расставание, ужас и избавление. Я потеряла саму себя здесь, и не один раз. А теперь я отдала бы всё на свете за то, чтобы можно было удержать этот остров.

Я использовала охоту Колина, чтобы написать Джianne SMS. Колин собирался поехать со мной в Гамбург, чтобы проверить её надёжность — каким бы образом он ни собирался это сделать. Он торжественно мне обещал, что не навредит ей при этом. И в этом тоже я должна была довериться ему. Во всяком случае, Джianne должна была ровно в девять вечера находиться в гавани на стоянке, на которую доставила меня перед моим отъездом.

На моём почтовом ящике я нашла сообщение от Тильмана. Оно звучало как отпуск. С Паулем всё в порядке, мне не нужно волноваться о том, что он много думает о Францёзе. Тильман сам познакомился с девушкой из команды корабля и наслаждается тем, чтобы побыть снова жеребцом. Снова? Ему ведь совсем недавно исполнилось семнадцать.

— Ну, тогда лучше перепихивайся, пока не потеряешь разум, — написала я ему и подразумевала мои уничижительные слова намного серьёзнее, чем он догадается. Его это могло отвлечь, если он посвятит себя таким вещам. Меня же это только приближало ещё ближе к миру Маров, чем мы могли подумать. В начале второй половины дня Колин принял у меня экзамены со снежно-зелёным взглядом и пылающими волосами.

Потом он надел шерстяную шапку и большие солнцезащитные очки, отнёс мой рюкзак в лодку и стал ждать, пока я не сяду.

— Где твоё кимоно? — спросил он, когда я залезла к нему.

— А где ему ещё быть? Наверху, конечно, — ответила я.

— Ты думаешь, это было всё? Давай, иди и забери его, и побыстрее. Оно тебе ещё понадобится.

Я поместила верхнюю часть и штаны в два пластиковых пакета, которые нашла в кухонном шкафчике, поцеловала на прощание Мисс Икс в тёмно-розовую морду и постаралась забросить пакеты на лодку так почтительно, как только возможно. Я не была в настроении для этикета и любезностей.

— Если ты думаешь, что я с размахивающими кулаками и крича, буду вышагивать вдоль коридора Пауля, то ты ошибаешься, — прорычала я, когда Колин хотел включить мотор.

— Тебе и не надо. Ты сможешь тренироваться в зале. С Ларсом. Ты ещё будешь скучать по мне. Ведь он настоящий мудак.

— Ты не мудак, — ответила я добросовестно, но без особой уверенности.

— Что же, зато про себя ты довольно часто называла меня так. Я мудак, если ситуация требует этого от меня. Ларсу же, напротив, нравится быть таким. Но он хороший учитель и я смог организовать для тебя индивидуальное обучение. Каждый день в пять часов вечера до схватки. Адрес зала ты найдёшь в твоём рюкзаке.

— Твой прощальный подарок? — спросила я кисло.

Колин насмешливо улыбнулся и повернул ключ зажигания. Рёв мотора и воды сделал

любой дальнейший разговор невозможным. При этой поездке, назад, на материк, я совершенно не думала о морской болезни, воспоминаниях или панических атаках. Мои глаза цеплялись за Тришин, пока остров не исчез в море, а в моём животе образовалась зияющая пустота. Это был голод — но не тот голод, который можно было бы унять пищей, а прожорливая, изнурительная тоска и меланхолия. Уже сейчас я хотел вернуться назад, и я поняла то, что у Колина сорвалось просто так с губ. «Ты ещё будешь скучать по мне». Я уже сейчас делала это.

Слишком быстро мы добрались до Фридрихскога, где Колин сел за руль Volvo и повёз меня в Гамбург. После первых нескольких километров я задремала, хотя не хотела засыпать, чтобы, по крайней мере, была возможность чувствовать Колина рядом с собой. У меня было подозрение, что это он подарил мне этот сон. Он хотел сделать всё проще для меня. Я проснулась только тогда, когда было уже темно и мы добрались до парковки порта Гамбурга.

Красная угловатая машина Джианны стояла в поле зрения рядом с фонарём. Я видела её стройную фигуру, как тёмный силуэт за рулём, негнувшийся и напряжённый. Она выключила в машине свет. Я не могла разглядеть, смотрела ли она в нашу сторону и в каком настроении была. Но судя по её осанке, скорее, не в особо хорошем.

Когда Колин выключил мотор, я услышала жестяные удары, которые доносились от машины Джианны к нам — неистовая барабанная дробь, необузданные риффы гитары и экзотично пронзительный рёв. Это звучало так, будто она хотела с помощью этого крика изгнать сатану, и это немного напоминало мне звучащие как техно-сокровища, которые раньше слушал Пауль.

— О, — сказал Колин с выражением знатока. — Painkiller.

— Что это за музыка? — спросила я, гадая. Собственно это вовсе нельзя было назвать музыкой. Это, должно быть, разрывало барабанные перепонки Джианны.

— Judas Priest. Хороший, старый металл восьмидесятых. Она боится, Эли. Она уже чувствует меня. Оставайся сидеть здесь.

Я отстегнула ремень, но осталась сидеть на пассажирском сиденье, когда Колин покинул Volvo и зашагал навстречу Джианне. Он напоминал мне при этом лидера стаи волков, который приближается к своему сопернику и, приняв хиваясь, проверяет, сможет ли победить его. Он испытывал её.

Потом он остановился, и я была убеждена, что он смотрел ей прямо в глаза. Заглянул в самую душу. Бедная Джианна. Я ожидала, что она включит мотор, развернёт машину и уедет, но крик и барабанный бой продолжали греметь дальше из её машины и она не двигалась. Даже отсюда я могла видеть, что её пальцы вцепились в руль, а свои плечи она приподняла чуть ли не до ушей. Только смотря на это, мой шея начала болеть, а ей, благодаря многим тренировкам, сегодня было лучше, чем когда-либо прежде. Мне казалось, что при выполнении ката, разошлись, сидевшие там годами, блокады.

У Джианны, во всяком случае, было достаточно причин, подумать о визите к костоправу. Я облегчённо вздохнула, когда Колин развернулся и вернулся ко мне. Вздыхая, он сел рядом и провёл обеими руками по лицу.

— О Боже, — пробормотал он. — Ещё одна сумасшедшая. — Его уголки губ приподнялись вверх, когда он повернулся в мою сторону. — Ей можно доверять. Повезло. Немного невротик, но стойкая и, по меньшей мере, такая же любопытная, как ты. Вам нужно только быть на стороже и смотреть, чтобы она не начала действовать самостоятельно. Она

очень спонтанная, отражает меньше, чем ты. Но это так же может быть и сильной стороной. А иллюзиям она уже давно не предаётся. Держись её. И Тильмана. Я думаю, он способен на то, что сможет освободить свой ум — какими бы средствами он это не сделал.

В этот момент он, вероятно, делал это, прежде всего, в своей функции жеребца и ловеласа.

— Хорошо, господин доктор. Тогда давай покончим с этим, — сказала я храбро. Он нежно коснулся моего колена, но этого хватило, чтобы через моё тело пронёсся поток электрического тока. Я начала дрожать. В последний раз он перечислил, что мне нужно сделать. Как можно быстрее вломиться к Францёзу, вместе с Джианной, чтобы мы могли быстрее просмотреть его вещи, и потому что Джианна разбиралась в истории лучше, чем я и потому что два женских аромата собьют его с толку. Запланировать счастливый день Пауля. Назначить время — не раньше, но также не на много позже, чем через две с половиной недели. Послать Колину на Тришин письмо.

Колин направил свой взгляд из окна.

— Я останусь на острове, пока не начнётся схватка. Помни о том, что я сказал тебе о безоговорочном доверии. Твоя первая тренировка состоится завтра. Ты многое не поймёшь из того, что случится в будущем, но тебе нельзя задаваться вопросами. Тебе нужно принять это. Любое, слишком упорное размышление может навести Францёза на наш след. Ты поняла это?

Я кивнула. Колин открыл дверь машины и вышел вместе со мной. Я теперь так сильно дрожала, что почти не могла держать сумку и пакеты с проклятым кимоно выскользнули у меня из рук два раза.

Колин взял моё лицо в руки и нежно прижал свой лоб к моему. Я не осмеливалась пошевелиться.

— Встречайся со мной в своих снах. И бойся меня, когда не спишь, — проник его чистый, ясный голос в мою голову. И всё вокруг меня расплылось.

Я пришла в себя лишь тогда, когда Колин исчез, а крик из машины Джианны начал рассеивать туман в моей голове. Лил проливной дождь. Мои волосы, совершенно мокрые, прилипли к щекам. При каждом шаге, с которым я волочилась к Джианне, вода скрипела у меня в обуви.

Пассажирская дверь была открыта. Я села рядом с Джианной. Она по-прежнему цеплялась за руль, спина ссутулена, шея втянута. Музыка была такой громкой, что мои уши вибрировали. Я протянула руку вперёд и выключила плеер.

— Он ушёл, Джианна, — сказала я в наступившей тишине. Она выпалила какую-то итальянскую молитву, в которой очень часто встречались слова "madonna" и "padre nostro", чтобы затем несколько раз перекреститься. Я положила руки на её плечи, чтобы опустить их вниз. Они были сильно напряжены.

Но моё прикосновение вызволило её из неподвижности. Она отпустила руль и затрясла правой рукой, как будто обожгла её.

— Мадонна. Что за фигурка. Длинные ноги, высокий, стройные бёдра, его прямая осанка... эти движения. Чёрная пантера. Горячий парень! — Она одобрительно засвистела сквозь зубы и ещё раз затрясла рукой. — Но остальное? Его взгляд? Можно было бы приставить его к Гамбургскому подземелью. Жутко!

— Ну, настолько уж плохо тоже нет. Ты так почувствовала себя из-за того, что он заглядывал в тебя.

— Своего рода сканер, срывающий одежду, хм? — ответила Джианна сухо.

— Что касается души — боюсь, что да. — Мне было тяжело говорить. Я всё ещё слишком сильно дрожала, а мою челюсть сводило судорогой, когда я пыталась сформировать слова. — Джианна, могу я пойти к тебе домой и переночевать там? Я не хочу сегодня ночью оставаться одна. — Джианна посмотрела на меня с испугом. Её веки были красными. Она что, плакала?

— О, это плохо, я... у меня есть кошка. То есть кот.

— Не страшно. Мне нравятся коты. Пожалуйста, Джианна. Я не хочу идти в квартиру Пауля. Кроме того, мне нужно обсудить с тобой кое-что важное. Мне нужна твоя помощь.

Джианна посмотрела на меня с подозрением.

— В чём? — Я стала жертвой моей дрожи и почти с изумлением услышала, как зубы стучали друг о друга. Только когда я широко зевнула, то смогла ответить ей.

Я сделала это медленно и обдуманно, чтобы у неё вдруг не появилась идея, что я шучу.

— Ты и я, нам нужно будет совершить преступление. И это только начало.

Глава 46.

Разглагольствования взрослых

Проблемой Джинны была не кошка — одноглазый, рыже-полосатый кот с капризной мордой и свисающим животом, — а кошачий туалет. И изрядное количество других технических недостатков в квартире. Кошачий туалет был открытой моделью и вынудил меня к акробатическим выкрутасам, когда я захотела попользоваться человеческим туалетом, потому что в крошечной узкой ванной, собственно, не было места для обоих. Но где-то же он должен был стоять. Руфус, казалось, предпочитает тот же метод закапывания, как и Мисс Икс — главное, рассыпать наполнитель туалета. Кучка при этом была второстепенным делом. В первую очередь речь здесь шла об артистической собственной реализации. В этом отношении Руфус и Джианна были идеальной командой.

Джианна оставила меня битые десять минут стоять в коридоре, в то время как сама бегала по квартире и снова и снова с милым " Сейчас всё будет готово" (что вряд ли могло переиграть то, что у неё был стресс) пролетала мимо меня, чаще всего со связкой одежды, бумагой, обувью или совком под мышкой. Так же и ванную мне было разрешено использовать лишь тогда, когда она быстренько подмела наполнитель туалета с потёртого линолеума.

— Scusa (итальянский: «извини»), — вздохнула она виновато, когда я шагнула к ней на кухню. — Я не была подготовлена принимать гостей. У меня была адски напряжённая неделя.

— У меня тоже, — сказала я сухо и огляделась. Ничего себе, что за хаос. Не неряшливый хаос, но кухня выглядела так, будто каждой части оборудования и каждой утвари, по меньшей мере, пятьдесят лет. На открытых полочках ни одна тарелка и ни один стакан не были похожи на другой. Зато Джианна могла бы начать торговать специями, если бы захотела. Недостаток был в сковородках, горшках и посуде, но не в ингредиентах для варки — странная комбинация. Рядом с авантюрной газовой плитой гудел допотопный холодильник, чья пожелтевшая обшивка не вызывала доверия. Тем не менее, я находила эту комнату почему-то очень уютной.

— Да, я знаю, не модельная кухня, — признала Джианна пристыжено. — Руфус любит сбрасывать вниз стаканы и посуду. Ему нравится звук, когда они разбиваются.

Я уже догадывалась, что Руфус служил официально в качестве козла отпущения за всё то, что Джианна несла в себе в несовершенстве. Но, по крайней мере, в квартире были несколько комнат. Прошедшие дни я провела в хижине, которая состояла только из одной комнаты, без ванной, душа и цивилизованного туалета. Меня в этот вечер ничего больше не могло шокировать.

Хотя у меня вообще не было аппетита, Джианна засунула две замороженные пиццы в духовку и села напротив меня за шаткий, кухонный стол, на котором высохал горшок с кошачьей травой, и чья поверхность была покрыта землёй (Руфус!). Она поспешно вытерла крошки.

— Значит, это был Колин. — Её янтарного цвета глаза блестели от любопытства. Мне не хотелось рассказывать о Колине, но это не интересовало Джианну.

— Эли, это было так странно и необычно..., - прошептала она наполовину благоговейно, наполовину в ужасе. — Он просто оставил тебя стоять там, внезапно исчез, а ты выглядела так, будто никогда больше не пошевелишься... как в трансе... но я тоже не могла двигаться. Я ещё никогда в жизни так не боялась.

— Это ещё ничего, — сказала я устало. — Тебе нужно встретиться с Тессой. И фильм с Францёзом тоже был не особо смешным.

— Нет, но это был фильм. На экране! То, что случилось здесь, было вживую. Я пережила это, по-настоящему. Но я всё-таки не знаю, как выглядит его лицо. Как он выглядит? Я только помню его чёрные глаза.

— Я не могу хорошо описать, — ответила я медленно и подняла рюкзак на колени. — Подожди, у меня есть портрет.

Я сегодня утром вытащила мой рисунок из-под стола, разгладила его и засунула в рюкзак. Для Джианны этого, как расплывчатое впечатление, должно было хватить, а я сама вдруг посчитала его важным для выживания. В моей голове всё ещё звучали слова Колина: «встречайся со мной в своих снах. И бойся меня, когда не спишь». Почему только я должна бояться его? И могла ли я сама определять, чтобы видеть о нём сны?

В моём рюкзаке я нашла только сложенную записку, на которой Колин написал адрес зала и номер телефона мудака Ларса. Ни одной личной строчки, никакого приветствия, ничего. Я не ожидала, что кто-то, такой как Колин, будет рисовать сердечки на бумаге или пробовать себя в безвкусных обетах любви. И в конце концов мне уже было не тринадцать. Розовыми сердечками меня вряд ли можно было соблазнить. Но то, что он оставил здесь, невозможно было превзойти в прагматичности. И где теперь был рисунок? Я бесцеремонно вытряхнула содержимое рюкзака на пол и рылась в нём обеими руками.

— О нет..., - прошептала я расстроено, но продолжала искать, хотя мне уже было ясно, что я ничего не найду. Здесь не шуршало никакой бумаги. Здесь была только моя одежда и несколько других вещи. Рисунок пропал.

— Что такое, Элиза? — спросила Джианна встревожено, но я оттолкнула её, когда она хотела схватить меня за руку.

— Он ведь должен быть здесь... где-то должен быть! — Мой голос дрожал в панике, и мне было ясно, что я вела себя как наркоманка, потерявшая свою наркоту. Но это никак не меняло мою бездонную печаль. В конце концов я, всхлипывая, опустилась на холодный, жирный линолеум.

— Елизавета... эй. Ты меня пугаешь. Скажи, наконец, что случилось.

— Я его нарисовала, но теперь эскиз исчез... У меня ведь итак ничего от него нет,

вообще ничего! Может случится так, что при схватке он погибнет, и что тогда?

Джианна облокотилась на гудящий холодильник напротив меня.

— Что за схватка, Элиза? О какой схватке здесь идёт речь?

— О схватке с Францёзом. — Я впиалась ногтями себе в ладони, чтобы боль привела меня в чувство. — Колин выступит против Францёза, потому что тот последует за Паулем повсюду. Он перевёртыш. Мы не можем отвязаться от него. Альтернативой было бы ждать, когда Пауль заболит, умрёт или убьёт себя. Мы все можем погибнуть в схватке. Но вероятность того, что погибнет Колин, самая большая.

Несколько минут царил тишина. Даже Руфус не вытворял никакой чепухи. Он сидел как памятник в коридоре и неодобрительно смотрел на нас своим оставшимся бледно-зелёным глазом. Джианна только иногда качала головой и, стелая, закрывала лицо руками, чтобы тут же снова, подняв голову, сверлить меня своим взглядом журналистки.

Я сделала глубокий вдох и начала неуверенно рассказывать, по возможности мягко, что узнала на Тришине и Зильте — что было не так просто, потому что всегда, когда компьютер Джианны, пицца, оповещал о прибытии нового электронного сообщения, она без предупреждения выбегала из кухни и проверяла, кто ей написал. Всё же мне удалось, несмотря на несчастные прерывания, объяснить ей, кто такой перевёртыш, почему ей нельзя вступать в контакт с Паулем и в ближайшие дни лучше оставаться в своей квартире. Её глаза наполнились слезами, но она с железной дисциплиной проглотила их — и с ними последний кусок пиццы.

— У меня ещё нет желания умирать, Элиза. Прошедшие восемь лет были абсолютным дерьмом для меня. Правда, я не хочу. Это не может быть всё. Колин тебя как-то подготовил к схватке? Ты знаешь, что случится?

— У меня нет ни малейшего представления. Он научил меня каратэ — ну что же, он попытался. У меня теперь жёлтый пояс. Это ничего.

— Подожди. Ты была ведь там только несколько дней..., - Прервала меня Джианна скептически.

— Да. Я же не говорю, что это было забавно. У меня всё болит.

— Значит, всё-таки не любовный отпуск, — усмехнулась она слабо.

— Ну, — промямлила я уклончиво и поняла, что покраснела. — Это тоже. Немножко. И я не буду рассказывать тебе подробности.

Джианна скривила рот.

— Жаль. Тогда ты теперь боевая машина?

— Самое многое — машинка. Настоящий поединок начинается лишь с пятой степени пояса. Я не представляю, что это значит. И должна буду и дальше тренироваться с другим сенсейем здесь, в Гамбурге. Предположительно я должна на тренировках научиться повиноваться Колину и слепо ему доверять.

— Повиноваться ему? — Указательный палец Джианны взлетел в воздух. — О, пожалуйста, Элиза, тебе этого не нужно. Повиноваться. Тьфу! Что вообще мужчины воображают себе? Только не делай этого! А в кровати он, наверное, тоже афиширует доминирующего самца...

— Не совсем, — возразила я тихо, но не смотрела на неё. — Связан был он. Не я.

Указательный палец Джианны резко остановился, и она удивленно замолчала.

— Не то, что это было бы слишком опасно, — соврала я. — Но это сейчас неважно. Как я уже упомянула — нам нужно подготовиться. Если Францёз намного старше Колина, это

всё равно не имеет смысла. — На десять лет старше — пойдёт, вдалбливал в меня Колин. На двадцать — действительно опасно. На пятьдесят — и у него не будет никаких шансов. Только тогда мне стало ясно, какой силой, должно быть, обладает Тесса. И всё же Колин был в состоянии некоторое время удерживать её.

— Нам нужно вломиться в квартиру Францёза, выяснить, сколько ему лет. Для этого мне нужна твоя помощь.

— Хорошо, — сказала Джианна быстро. Может быть, она наслаждалась мыслью сделать по отношению к Францёзу что-нибудь плохое. — Я согласна. Пока этот мерзкий тип на корабле, я помогу. Я ведь не хочу увиливать. — Джианна снова перекрестилась. — Но потом я пас. Я не хочу умирать.

— Не будь занудой, Джианна. Да, когда оба вернуться на берег, тогда тебе нужно оставаться в твоей квартире и даже не думать о Пауле. Согласна?

И у меня уже есть кое-какое соображение, как это может сработать, подумала я с воровским удовлетворением. Эта идея пришла мне по дороге сюда, и она была не такой уж плохой. Мне так нравилось иметь возможность убить одним выстрелом двух зайцев.

— Но потом... — Я должна была вставить паузу, чтобы отдышаться. Джианна нервно накручивала на палец волосы. — Потом нам нужно будет сделать Пауля счастливым. Когда он счастлив, то для Францёза это само вкусное. Этим мы его приманим, а Колин может начать схватку. Так, по крайней мере, я поняла. Нам нужно сделать Пауля в один единственный вечер и в течение всего нескольких часов счастливым. — Тогда, по крайней мере, один умрёт блаженным, подумала я смирившись.

Джианна начала лучезарно улыбаться.

— Но ведь это замечательно! О, я люблю делать людей счастливыми! Это можно организовать, я могу выяснить всё необходимое... Дай мне два часа в его квартире, и я буду знать, что ему нравится, а что нет.

— Джианна, это не так просто. Пауль из-за атаки изменился.

— Ты думаешь, я дура? Я могу читать между строчек, чувствовать между вещей, что ему нравится... Кроме того, это не большие вещи, которые делают людей счастливыми. Это маленькие. Хорошая еда, приятная музыка, занятные разговоры. Этого хватает. Большого и не нужно. И если ещё намечается любовь... — Джианна запнулась.

— Точно. В этом пункте в игру входишь ты.

— Нет. Нет, нет, нет. — Джианна так решительно замотала головой, что это выглядело так, будто её тонкая шея в следующее мгновение сломается. — Никаких шансов. Я не продаюсь.

— Я не говорила, что ты должна прыгнуть к нему в постель. Я даже не знаю, в состоянии ли он в настоящее время для этого. Мы все будем там, Тильман, Пауль, ты и я. Дружба ведь тоже делает счастливым, если я не ошибаюсь. Ты будешь дополнением ко всему этому. И должна будешь позаботиться о том, чтобы вы влюбились друг в друга. Что, собственно, вы уже и сделали, — добавила я быстро, потому что Джианна смотрела так, будто хотела с криком броситься на меня. — Это должно только... э, быть завершено. Поцелуя будет вполне достаточно.

Я подумала о словах Колина, и режущая боль пронеслась в груди. Секс — это только завершение. Если он умрёт, то это было всё. Один раз в путях. Один раз только для меня. Если это было лишь завершение, то я была таким человеком, которому очень важно завершать вещи. Не все, но многие. При том, что в этот момент я была бы уже в не себя от

радости, просто посидеть рядом с ним. Находиться с ним в одной комнате. Смотреть на него.

— Элиза. К такому невозможно принудить. Не получится, — вернула меня Джианна в настоящее. Она звучала докучливо благородно.

— Хорошо, — сказала я холодно. — Тогда мы позволим Паулю просто сыграть в ящик. — Я встала и начала запихивать вещи в рюкзак, как будто хотела уйти.

— Нет! Эли, нет, останься здесь, пожалуйста. Я не это имела в виду. Я только не знаю, смогу ли я. Я не хочу такое организовывать. Это должно случиться само по себе. Только тогда это любовь.

— Я считаю, это любовь, если кому-то спасаешь жизнь, — аргументировала я упрямо. И, чёрт побери, я не смогу за две с половиной недели раздобыть вторую девушку, в которую Пауль возможно влюбится. Джианна должна участвовать в этом. — Он тебе нравится, не так ли? Я это видела! Вы тут же понравились друг другу! Любовь с первого взгляда. — Я говорила чуть ли не с эйфорией.

Джианна глядела на меня с жалостью.

— В это ты сама ведь не веришь. Или, может быть, веришь? Ну, тебе всего восемнадцать — в таком возрасте ещё есть мечты и надежды...

— О Джианна, избавь меня от этих дурацких, взрослых разглагольствований. Да, ты была вместе с паршивыми типами, я это понимаю. Но это ещё не значит, что для тебя больше нет мечтаний и надежд. Если бы у меня сейчас не было надежды, я бы сошла с ума! Нам нужно надеяться, чтобы спасти Пауля, а мечты — мечты жизненно важны! — Я топнула ногой, и пол угрожающе заскрипел.

— Хорошо. Мне, значит, нельзя ни думать о Пауле, ни связываться с ним. Я правильно это поняла? — Она мрачно посмотрела на меня.

— Правильно. Никакого контакта. Никаких электронных сообщений, никаких SMS никаких звонков. — Как сказал Колин? Она, возможно, слишком спонтанная. А интернет, казалось, был содержанием её жизни, если она как раз не работала. Компьютер был включён всё время, и пока она каждый раз сразу же отвечала, когда приходило новое электронное сообщение. Стук по клавиатуре был похож на барабанную дробь. Мне нужно как можно быстрее позаботиться о подходящем отвлечении. Отвлечение, которое, надеюсь, не разбудит в ней другие чувства, и этим не уничтожит хрупкую связь с Паулем.

— А потом... — Джианна вскинула руки вверх, и при этом сбросила сковороду с рабочего стола, которая, гремя, упала на пол и заставила сбежать Руфуса. — Потом я просто так должна буду влюбиться в твоего брата. Пуф. Но ты, надеюсь, уже заказала индийского продавца роз и фею, которая нам затем исполнит три пожелания, не так ли? — Джианна подняла сковороду и ударила ей себе по голове, приглушённый, жестяной звук. — Что же. Я не просыпаюсь. Так что всё это, вероятно, всё-таки не сон.

— Нет. Не сон. Ты что, думала, что всё это с Марамы, мной и Паулем был...? — Я посмотрела на неё вопросительно.

— Я была не уверена. Я имею в виду, я была изрядно навеселе и... — Она шлёпнула себя обеими руками по щекам. — Нет, я верила. Но иногда я также надеялась, что никогда больше не услышу о тебе и никогда больше не услышу о Пауле и смогу жить дальше так же, как раньше и... — Она остановилась. — Потом пришло твоё сообщение, и я увидела Колина. И я постоянно думаю о Пауле. Я знаю, что это правда. Конечно же, я помогу вам. По-другому я и не смогу. У меня синдром альтруиста. Я только не могу пообещать тебе, что это

сработает так, как ты себе представляешь.

— Спасибо. Потом ты можешь исчезнуть. На схватку тебе не нужно смотреть, а Пауль всё равно должен будет заснуть, чтобы Францёз мог атаковать.

Я медленно выдохнула. Блин, это женщина была такой утомительной. Я больше не была уверена в том, что окажу Паулю услугу, если сведу его с ней, но другого выбора у нас не было. Кроме того, по словам Колина я тоже была утомительной. Значит, Джианна и я хорошо подходили друг к другу.

— Тогда я сейчас позвоню Тильману и спрошу, где живёт Францёз и как мы сможем туда зайти.

К моему удивлению Тильман сразу же взял трубку.

— Ты можешь говорить? — прошептала я.

— Да, но будет лучше, если ты будешь говорить громко. Не то, в противном случае, я тебя не пойму. Я на берегу, оба гея на корабле. Мы можем говорить открыто.

Я описала ему так коротко, как возможно, ситуацию, а он внимательно слушал.

— Францёз живёт в районе Шанце. Я сейчас перешлю тебе адрес по SMS. В галереи есть ключ для чрезвычайных ситуаций, в самом нижнем ящике письменного стола, за скрепками, в маленькой коробочке. Ключ от галереи должен лежать у Пауля, в этой уродливой чаше в коридоре. Когда вы хотите это сделать?

— Завтра, — решила я энергично. — Завтра вечером. До этого у меня ещё тренировка. Пожалуйста, будь на связи, если возникнут сложности или у меня появятся вопросы.

— Хорошо, это должно получиться. Завтра мы снова пристанем к берегу.

— И Тильман, не думай о Францёзе и обо всём этом, хорошо? Никогда не думай о том, что он такое!

— Без проблем. — Я слышала по его тону, что он улыбался. — У меня достаточно отвлечения.

— Поздравляю. Тогда до завтра. Если ты от нас ничего не услышишь, тогда всё хорошо.

— Насчёт меня то же самое. Пока. — Тильман положил трубку.

Джианна во время нашего разговора вытянулась на полу кухни, при этом не выглядя так, будто она захочет когда-либо встать. Даже писк компьютера не вывел её из апатии. Так как она закрывала лицо руками, я не могла сказать, смеялась она или плакала, или просто надеялась выбраться поскорее из этого кошмара. Скорее всего, последнее.

Руфус, который оправился от испуга из-за сковороды, вскарабкался ей на живот и начал с блаженным мурлыканьем расхаживать по груди, что быстро покончило с её летаргией.

— Дэвид Гаан, — сказала она зловеще, после того как села и согнала кота.

— Что? — Я, сбитая с толку, почесала себе висок.

— Атакован. Определённо атакован! — воскликнула Джианна. — Посмотри на него! Я клянусь, что он атакован. Робби Уильямс тоже. Это написано на их лицах, ты не находишь?

— Я не знаю. — Я пожалала плечами. Я ещё не задумывалась о том, каких знаменитостей посещали ночью Мары. Я только, как и раньше, питала подозрение, что Йоханнес Хестерс был исключительно весёлым полукровкой.

— Майкл Джексон. Совершенно скверный случай. Наверное, перевёртыш.

— У Майкла Джексона было дерьмовое детство. Ему не нужен был перевёртыш, чтобы стать несчастным.

Но Джианна уже находилась в своего рода творческом опьянении, которое ей, очевидно, помогало переварить всё то, что я ей только что втолковала. Мы провели остаток

вечера раздумывая над тем, какие звёзды могли быть атакованы или полукровками. Так образовалась знаменитая компания и, по крайней мере, мы были насчёт Курта Кобейна одного мнения — он должен был быть источником пищи для Мара до его слишком ранней смерти. Элвис Пресли, скорее всего, тоже, хотя он, по словам Джианны, мог быть так же и полукровкой. В конце концов моя усталость и тоска стали настолько подавляющими, что я хотела только лишь закрыть глаза.

Джианна организовала для меня импровизированный лагерь на своём голубом диване. Когда я выключила свет и свернулась на нём калачиком, то почувствовала себя настолько одинокой и потерянной, как ещё никогда до этого в своей жизни.

Глава

47.

Два друга Оушена

— Всё снова более или менее нормально? — спросила Джианна, после того как втиснула свою машину на парковочное место весьма ужасающим способом и выключила двигатель. Значит, мы приехали. В район Шанце. На главную территорию Францёза.

— Хмф — пробормотала я, застегивая молнию своей чёрной куртки с капюшоном и избегая смотреть на Джианну. Мне всё ещё было неприятно из-за того, что случилось сегодня утром, а обучение каратэ скорее ухудшило моё настроение, а не улучшило.

Я не могла сказать, что точно со мной случилось: был ли это сон или реальные, неподдельные эмоции, которые заставили меня подебоширить в квартире Джианны.

Я даже очень хорошо помнила, что я видела во сне. Образы по-прежнему были такими настоящими.

Джианна в моём сне клеилась к Колину. Или наоборот? Во всяком случае, я нашла обоих, когда они, переплетённые между собой, облокотившись на окно, целовались и щупали друг друга, и смотрели на меня так, будто я была маленьким глупым ребёнком — да, они смотрели немного сочувственно, а так же потешаясь надо мной, но нисколько не виновато.

Потом пришли Тильман и Пауль, и они тоже ничего страшного в этом не увидели. Вместо этого они, состроив лица, будто знают всё лучше меня, стали объяснять мне, что я должна перестать предаваться своим девичьим мечтам — ведь было ясно, что Джианна была создана для Колина и наоборот. То, что случилось со мной, было только игрой, ничего важного. Только я снова раздула из мухи слона. Как всегда. Но в этом виновата я, а не Колин.

Я ревела и бушевала, и кричала, но другие уже вовсе не слышали меня. Сколько бы я не надрывалась и не орала, никто не реагировал. Я хотела бить Колина руками и ногами, но я даже не могла поднять колено или вообще размахнуться. А мой голос оставался слишком тихим. Всё-таки я закричала то, что могла, чтобы привлечь к себе внимание.

— Почему ты не отдал его мне назад? Ты похитил сны китов, ты был сыт, как никогда прежде, но ты не отдал его мне! Оно ведь мне нужно! Отдай мне его назад!

В этом состоянии Джианна нашла меня. Я, крича, извивалась на её полу, как рыба, вытасченная из воды, между осколками горшка её и без того уставшей от жизни пальмы Юкки, компакт-дисков, которые я выдернула из шкафа, книг и моего одеяла. Я пришла в себя только тогда, когда она вылила мне на голову холодную воду. И первое, что я увидела, был Руфус, который, совершенно травмированный, залез под диван и смотрел на меня, будто

я была порождением ада.

Из-за своего поведения мне было настолько неловко, что я почти больше не разговаривала с Джианной, отказалась от завтрака и поехала на электричке в Шпайхерштадт. Чёртов Volvo всё ещё стоял на стоянке порта, за что мне пришлось заплатить целое состояние. Я забрала его после обеда, чтобы украсть ключ из галереи и поехать на тренировку. Мой гнев всё ещё не остыл, хотя я, конечно, точно знала, что между Колином и Джианной не было любовной связи. Но это знание не оказывало никакого влияния на мой гнев. Это было то, что приводило меня в сильное замешательство. Чувства были настоящими.

Не сном.

— Ты не можешь по крайней мере сказать мне, что он должен отдать тебе назад? О твоей девственности речь не могла идти, не так ли? — переспросила Джианна, хихикая, и поджала губы, когда увидела, что я её колкое замечание нахожу совершенно не забавным.

— Моё воспоминание. Речь шла о моём детском воспоминании, — ответила я холодно.

— Что это было за воспоминание?

— Блин, Джианна, он украл его у меня! Если воспоминание было похищено, то ты больше не можешь вспомнить, о чем оно. Это ведь лежит в природе вещей, не так ли? — вспыхнула я.

— Звучит логично, — согласилась со мной Джианна. — Scusa. Но Руфус уже снова оправился. А пальма Юкка была всё равно высохшей. Ей не нужен был горшок. Постепенно у меня появляется подозрение, что мои комнатные растения совершают ритуальное самоубийство. Руфус не принимает их заострённые листья. Каждый кончик листа беспощадно обгрызается...

— Хорошо, Джианна, я на тебя не сержусь. — Против воли я усмехнулась, а разгневанное животное у меня в животе, рыча, улеглось спать.

— Ладно. Я ведь не могу совершить преступление с тем, кто на меня сердится. Уж мы должны понимать друг друга, если нарушаем закон. Была ли по крайней мере тренировка более или менее...?

Моё выражение лица в мгновение ока заставило её замолчать. Нет, не была. Ларс был совершенно типичным тестостероновым быком. Ноги широко расставлены, мускулистый, подбородок как навес и низкий лоб, над которым закручивались его намазанные гелем, обесцвеченные волосы обезьяны. Несмотря на дополнительную порцию дезодоранта, которую он выделил своим подмышкам, я могла чувствовать запах его гормональных излишков на расстоянии десяти метров против ветра. Но из-за чего я действительно потеряла дар речи, так это из-за его женоненавистничества, которое, казалось, исходит из самой глубины сердца и которое он так открыто показывал, будто нужно было выиграть приз нового тысячелетия за состязания между мачо.

Он называл меня только "Штурм", говорил со мной принципиально командным тоном и с самого начала совершенно ясно объяснил мне, что не потерпит "женских отговорок". Ведь в схватке никого не интересуется, стучится ли прямо сейчас «красная армия». Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он имел в виду, и глуповато кивнуть. Кроме того, добавил он, мне не стоит ожидать особого обращения, только потому, что грохаюсь с Блэки и он поэтому подарил мне первые две степени пояса. Собственно, это было для меня самое наихудшее, что Ларс назвал Колина Блэки. Блэки! Но в течение тренировки я заметила, что он никого не называл его настоящим именем, когда рассказывал

о своих коллегах по тренировкам и о знакомых мастеров каратэ. Даже свою жену он не величал по имени, светло обесцвеченную загорелую барби с метровыми ногтями и надутыми губами, которая, жуя жвачку, сидела на скамье и следила, как охотничья собака, за тем, чтобы Ларс не слишком ко мне приближался. Однако её главная задача состояла в том, чтобы протягивать Ларсу попеременно то полотенце, то энергетический напиток, потому что он потел не переставая. Она была только "Шмитти"

— Шмитти, полотенце! Шмитти, пить! — Потому что Ларса звали Шмитт, и, конечно никогда не было сомнений в том, что его жена переняла это необыкновенно хорошо звучащее имя.

Особую радость доставляло Ларсу растягивание моих ног во все мыслимые направления, при этом бросаясь безвкусными намёками. Отдых от его кроличьих фантазий у меня был только во время самой тренировки. Когда речь заходила о последовательности шагов, ударов и пинков, Ларс был исключительно занят тем, чтобы орать на меня и ударять в колени, если ему не нравилась моя осанка, и для всего, что было непристойно, не оставалось больше места. Единственное, что я могла засчитать ему, было то, что он не щадил и самого себя и в конце урока показал отличную кату для коричневого пояса. Чтобы я знала, чего никогда не смогу достичь, сказал он. Ему не хватало элегантности и динамики Колина, но его движения были точными, а тяжёлая льняная ткань его костюма хлопала, как удары хлыста, когда его руки ударяли по воздуху.

Нет, мой час занятий каратэ поистине не сделал ничего лучше. Но по крайней мере я была в верном настроении для совершения взлома.

— Можем приступать? — Я схватила свой чёрный рюкзак, в который на всякий случай упаковала различные вещи, которые нам возможно могли быть полезны. Фонарик, перчатки, декстроза, бутылка воды, пластиковые пакеты и две пары защитных очков и масок Пауля, которые он надевал, когда лакировал рамки. Хотя у нас и был ключ, но я хотела быть готовой ко всему.

— Нет, стоп. — Джианна положила на мгновение руку на мою ногу, повернулась и изогнулась так, чтобы схватить с заднего сиденья несколько компакт-дисков. — Мне ещё нужно спеть для мужества.

— Пожалуйста, только не Judas Priest! — крикнула я быстро. — Я не вынесу этого сегодня вечером.

— Нет. Ещё лучше. Ты знаешь Gossip? Бет Дитто? Толстушка, которая любит раздеваться на сцене? Нет? Что, собственно, ты слушаешь?

— Dereche Mode, Моби...

Джианна отмахнулась.

— Сейчас это не подойдёт. Нам нужны сильные женщины. — Она вытерла один из компакт-дисков о свой рукав, засунула его в щель и нажала на play. Я вздрогнула, когда музыка заиграла. Джианна в сорок лет станет глухой, если продолжит делать так дальше, но она уже начала подпевать, и снова я могла только изумлённо сидеть рядом и смотреть на неё.

Она встряхнула волосы, забарабанила о руль, завертела бёдрами, и можно было бы сказать, что она совершенно чокнутая, если бы не пела при этом так, будто никогда и не делала ничего другого в своей жизни. После того, как я смотрела на неё какое-то время, открыв рот, мои колени начали выходить из своего оцепенения. В конце концов я тоже начала исполнять первоклассный танец сидя. Когда песня закончилась, я точно так же

безудержно хихикала, как Джианна. Она убрала свои тонкие волосы с разгорячённого лица.

— Итак. Эта запоминающаяся мелодия будет преследовать нас следующие часы и даст нам мужества, когда оно нам понадобится.

Мы вышли из машины и осторожно закрыли двери, хотя нашу небольшую музыкальную дискотеку, скорее всего, было слышно ещё на две улицы дальше.

— Здесь? — Я с сомнением огляделась. Это местность не выглядела так, как я предполагала, где может жить Францёз.

— Конечно же, нет. — Джианна завязывала свою тёмную и слишком большую парку. Как и я, она надела только чёрные и серые вещи — и к тому же такие, которые не принадлежали нам. Чтобы не распространять подозрительных ароматов, на нас была надета поношенная рабочая одежда Пауля. Потому что след от запаха Пауля едва ли привлечёт внимание Францёза. Я спрашивала себя, отказалась ли Джианна, как и я, от нижнего белья и любой косметики, но она мыслями была ещё около машины.

— Правило номер один: никогда не паркуй автомобиль для бегства прямо на месте совершения преступления. Правило номер два: будь незаметной. Мы прогуляемся, разговаривая, но будет идти целенаправленно к месту преступления, как будто квартира принадлежит нам. Мы не будем оглядываться, не будем останавливаться, прислушиваться, следует ли кто-нибудь за нами.

Так мы и сделали, но когда после двух кварталов мы добрались до правильного дома и доехали до самого верхнего этажа, Джианна была той, кто испугался и потерял самообладание.

— Я не могу этого сделать. У меня не получится. Я не могу. Если нас кто-то поймает, то я могу забыть о моей карьере!

— Что за карьера? — прошипела я. — У тебя никогда нет времени, потому что ты постоянно должна писать какое-то дерьмо, а денег-то всё равно нет.

— Что же, мне очень жаль, что я не могу спать до обеда, а потом на моих золотых тарелочках потреблять карпаччо лосося, прежде чем пошевелить правым пальцем ноги, — вспыхнула Джианна в ответ. — Деньги для вас не проблема, не так ли? Бьюсь об заклад, ты ещё никогда в своей жизни не работала. Доченька врача!

— Ах, у меня, значит, ещё должны быть проблемы и с деньгами? Странно, я думала, хватает и того, что пропал мой отец, мой парень — демон, и я могу наблюдать за тем, как умирает мой брат. Помимо этого я тоже нахожу посуду Пауля ужасной.

— Да, но... — Джианна состряпала важное выражение лица, и упёрлась, подчёркнуто женоподобно, левой рукой в бок. — Ты ведь знаешь. Эта серия больше не производится.

Значит, Пауль и ей тоже уже проповедовал об этом. Когда он наконец будет в безопасности от Францёза, то ему станет очень стыдно за свою манию по отношению к посуде. И по праву.

— Только уже из-за этого нам стоит это сделать. Нам нужно освободить его от этой посуды. — Я дала ей пару перчаток и надела свои. Нам ни в коем случае нельзя было оставлять отпечатки пальцев. Потом я засунула ключ в замок и повернула его.

С негромким стуком дверь открылась. Мы протиснулись внутрь — скорее в панике, чем незаметно, хотя в недавно отремонтированном подъезде царила мёртвая тишина, а квартира Францёза была единственной на верхнем этаже. Я включила свет. Перед нами был просторный лофт с высокими окнами и эксклюзивной дизайнерской мебелью. Белые кожаные диваны на чёрном кудрявом ковре, тяжёлые стеклянные столы, открытая кухня с

всякими выкрутасами, огромный плоский телевизор с системой объемного звучания, искусственные пальмы, бар и один из этих яйцевидных кресел, которые я до сих пор видела только по телевизору.

— Я думала, такое можно увидеть только в каталогах, — прошептала Джианна. — У меня появляются комплексы, когда я просто иду по образцам квартир в Икеа. Но это..

— Только никакого неправильного благоговения, — вырвала я её из торжественного транса. — Здесь обитает Мар. Всего лишь перевыртыш, — добавила я успокаивающе, потому что кончик носа Джианны стал резко бледным.

— Ты знаешь фильм «Адвокат дьявола» с Киану Ривзом и Аль Пачино? Наверное, здесь тоже на крыше бассейн, который заканчивается только возле стены. И если мы выглянем на улицу, то больше не едет ни одна машина, и на дорогах нет ни одного человека. — Джианна вздрогнула.

— Дьявола как раз нет дома. Ну, давай уже ищи. Нам нужно найти старые памятные вещи или документы. Большинство Маров берегут какой-нибудь ненужный хлам. Даже Колин делает это.

Но наш поиск оказался неудачным. Самое старое, что мы нашли в квартире, была упаковка презервативов, с датой срока годности конца октября 2008 года. Значит, маскировка Францёза была такой основательной, что он использовал презервативы, хотя с ним это было совершенно бессмысленно. Он не мог предать ни СПИД, ни кого-нибудь оплодотворить, хотя оплодотворение в настоящем положение дел ведь вряд ли было под вопросом. Джианна, с чувством отвращения положила их назад в маленький ночной столик рядом с огромной водяной кроватью Францёза.

— Может быть, его превратили только два года назад? — предположила она.

Я решительно покачала головой.

— Никогда. Тогда бы у него было недостаточно сил вести жизнь перевёртыша. Для этого он должен был, по меньшей мере, несколько десятилетий охотиться как Мар. А именно — на людей.

Квартира Францёза выглядела совершенно необитаемой, как выставочное помещение. Он не оставил никаких следов. Здесь мы ничего не найдём. Я выловила свой мобильный из кармана брюк и набрала номер Тильмана.

— Эли? Это ты? Подожди одну секунду. — Я услышала бормотание, отчётливый звук поцелуя, шаги. — Так, теперь я один. У тебя всё в порядке?

— Нет, не в порядке. Здесь ничего нет. Совершенно ничего. Ни одной ссылки. Как будто я очутилась в мебельном каталоге. Что нам делать теперь?

— Подожди..., - Тильман понизил свой голос. — Есть ещё подвальное помещение под галереей, в старом бомбоубежище. Францёз хранит там перегородки и ценные картины. Пауль хотел однажды отнести что-то вниз, но на полпути вернулся, потому что едва мог дышать. Своего рода приступ астмы. Францёз чуть не взбесился и орал на него, потому что, согласно страховке, только ему разрешено входить в эту комнату, если картинам будет нанесён ущерб и так далее...

— Что же, это очень обнадёживает. И как мы сможем зайти туда?

— Не знаю. Но ключ от галереи у тебя ведь есть. А потом вам нужно будет спуститься вниз в подвал. Там и должна где-то находиться эта комната. Дом не такой большой. Скорее всего, существует только одна дверь. — Тильман был прав — галерея действительно была удивительно маленькой и обозримой. Узкое, тёмное здание, тоже в районе Шанце, но

внутри шикарно оборудовано. Одна только кофейная машина, должно быть, стояла целое состояние.

— Хорошо. Мы проверим. Ты можешь теперь продолжить заниматься своим делом, — закончила я разговор. Пятнадцать минут спустя мы стояли перед единственной дверью подвала под галереей и ни у одной из нас не было амбиций открывать её. Хотя мой страх перед пауками благодаря Берте — царство ей небесное — уменьшился, я всё ещё ненавидела подвалы, как чуму. С каждой ступенькой вниз температура падала, а затхлый запах неприятно усиливался. Но это была не только затхлость. В воздухе висело ещё что-то другое — что-то, что не подходило. Животное. Аммиак и...

— Ты тоже чувствуешь этот запах? — спросила я Джианну и включила фонарик. Я водила кругом света по полу. Паутина, пыль, помёт мышей.

— Я не знаю, — прошептала Джианна. — Почему-то у меня щиплет глаза.

Я толкала тяжёлую железную дверь, пока она не застряла на неровном полу. Перед нами лежал тёмный, сводчатый коридор. Выключателя для света не было. Запах стал сильнее. Кроме того, я подумала, что слышала нервное шарканье. Потом снова стало тихо.

Я посветила вперёд. В другом конце коридора была ещё одна дверь, запертая и защищённая примитивным висячим замком. Джианна со страхом подёргала меня за рукав.

— Элиза... я чувствую себя как-то странно. Я не хочу заходить туда.

Да, я тоже чувствовала себя странно, с того момента, как Колин появился в моей жизни. Но это я не могла сейчас принимать во внимание. Я сделала смелый шаг вперёд.

— А что это такое? — спросила Джианна и наклонилась, когда я направила свет фонаря на влажные стены. Она что-то подняла и вертела с любопытством в руках туда-сюда. Мне это показалось знакомым. Везде лежали такие коробочки на полу — по меньшей мере, пятьдесят штук. Я уже видела их один раз, небольшие квадратные упаковки с красным черепом на обратной стороне...

— Джианна, нет! Выброси это! — Я размахнулась и выбила одним ударом сложенную коробку у неё из рук. — Там внутри сульфат таллия! Крысиный яд!

— Я не крыса. — Джианна нервно икнула.

— Да, но эти шуки древние! Сегодня уже никто их не использует, потому что они могут отравить и людей. Это уже давно запрещено. Вот, возьми! — Я порылась в своём рюкзаке, нашла, что искала, и напялила ей на голову защитные очки и респиратор, оба взяты из мастерской Пауля. Как там сказал доктор Занд? У меня был хороший инстинкт? Что же, это было уже почти что пророчеством, и, конечно, также нельзя не упомянуть и моего учителя по химии и его слабость к смертельным веществам. Себя я тоже быстро обеспечила защитными очками и маской.

Джианна смотрела на меня с паникой.

— Я что, теперь отравлена?

— Не знаю. Я думаю, нет. Но если твои глаза начнут гореть и тебе станет плохо...

— Ещё хуже? — завизжала Джианна. — Меня уже сейчас могло бы вырвать на пол!

— Пожалуйста, сделай это позже, когда мы выберемся отсюда. Нам нельзя оставлять следы. Пошли. — Я схватила её за руку и потянула вдоль коридора.

— Заперто. Висячий замок. Бессмысленно. — Джианна хотела развернуться, но я поставила ей подножку, так что она потеряла равновесие и стала падать вперёд, крепко ухватившись за меня, чтобы не приземлиться на коробки с крысиным ядом.

— Оставайся здесь. Ясно? Замок можно открыть, а потом прикрутить снова на место.

У нас ведь есть время. — Я встала на колени и стала искать подходящую отвёртку, но все, которые у меня были с собой, были слишком большими.

— Подожди, можно и по-другому. — Джианна сняла широкое, регулируемое по размерам кольцо с пальца, распрямила его и использовала заострённый край, чтобы раскрутить винты. Спустя короткое время весь засов вместе с замком упали со стуком на пол. В тот же момент до нас донёлся страдальческий визг из-под двери.

И Джианна тоже услышала его. Мы не смели говорить. На секунду мы хотели развернуться и убежать, в одно и то же время повернули в сторону, но потом снова взяли себя в руки и молча посмотрели друг на друга. В другой ситуации я могла бы посмеяться над видом Джианны. Защитные очки приподняли её ноздри вверх, а её волосы выглядели как у Рудольфа Мосхаммера (по словам Джианны, тоже атакован), потому что завязка образовала блестяще-чёрную башню. Но я вероятно и сама выглядела не лучше.

Я протянула руку и осторожно ткнула указательным пальцем дверь. Она не сдвинулась с места. При внезапном приступе гнева — зверь в моём животе снова проснулся — я ударила ногой в гнилое дерево, и дверь открылась.

Вонь накатила на нас с такой беспощадностью, что мы, задыхаясь и кашляя, согнулись пополам. Даже респираторы ничего не могли сделать против запаха. Поэтому мы не сразу заметили крыс, которые гурьбой засновали у нас по ногам и выбегали в коридор. Но когда мы обратили на них внимание, то закричали и стали оглядываться в ужасе. Одна крыса уже заползла на штаны Джианны. Я схватила её за хвост и отбросила подальше от нас. Но и на мне уже тоже висело несколько, на спине и на обуви, и если я не ошибалась, то одна была как раз занята тем, чтобы устроить уютное гнездо в моём капюшоне.

Истерически Джианна и я начали бить друг друга и дёргать ногами, чтобы снова избавиться от животных, и даже наши крики не могли заглушить их рассерженный писк и визг. Но они почти не сопротивлялись. В течение нескольких секунд мы прогнали их. Стеная и на грани безумия, Джианна в последний раз стряхнула свою парку и вытряхнула волосы. Я со всей силы ущипнула себя за руку, чтобы меня не переполнило отвращение. Осторожно я вдыхала через рот. Мне нужно было что-то сказать, чтобы Джианна не убежала. Она еще была пленницей своего собственного страха, чтобы сделать хотя бы шаг вперёд.

— Это только крысы, — проповедовала я, принудив себя к спокойствию. — Как правило, они не кусаются. И так же не нападают. Они хотят подышать свежим воздухом, это всё. Мы просто стояли у них на пути.

— Конечно, конечно, — согласилась со мной хрипло Джианна. — Понимаю. Ясно. — Даже если крысы, скорее всего, так на это не смотрели — было трудно представить себе, что какое-нибудь живое существо захотело бы провести здесь добровольно время. В сводчатом подвале почти не было места, чтобы стоять в нём прямо или даже двигаться. Мусор скопился до и низкого потолка — горы бумаги, пластиковых упаковок, пищевых отходов, испорченных кусков пиццы, полупустых бутылок, в которых разрасталась зелёная плесень, грязных вещей. Между всем этим шаткие полочки и шкафы, заполненные до отказа бесполезным хламом. Всё покрыто толстым слоем крысиного помёта и паутины. Джианна громко отрыгнула. Меня тоже тошнило, но я заставила себя проигнорировать желчный привкус в горле, когда огляделась вокруг. Снова кто-то заскулил. Я ведь знала этот скулёж... И его происхождение подходит к запаху говна и аммиака, из-за которого мы чуть не задохались.

— О нет..., - прошептала я и посвятила в задний угол, тёмную нишу под единственным

окном в этой комнате. Действительно — там он сидел посреди отбросов и своего собственного говна и мочи, светлая шерсть свалаялась. Исхудавший до костей. Россини. Его рёбра выступили наружу, когда он снова заскулил и попытался, сделав нервный рывок, освободиться от своей привязи. Она была в некоторых местах погрызена, но собака производила на меня такое впечатление, будто давно уже сдалась. Как будто это мученичество неизменно принадлежало к его жизни. Так оно, скорее всего, и было. Он был не в первый раз здесь внизу. И это объясняло также, почему он был таким равнодушным к крысам. Они были его товарищами.

— Ты бедная, бедная собака. — Я подошла к нему, сняла правую перчатку и протянула ему мои пальцы. Он слегка махал туда-сюда своим грязным хвостом, когда лизал их. Тягучие и жёлтые, его слюни капали с белесых брыль. Животное вот-вот умрёт от жажды.

— Элиза... посмотри сюда.

— Я сейчас вернусь к тебе, мой хороший, — выдохнула я и обернулась. Джианны больше не было видно. — Ты где? — Я вытряхнула последнюю крысу из моего рукава.

— Здесь! Здесь, здесь, здесь... — Я последовала за её голосом и попала в узкий проход между двумя кучами мусора, который провёл меня в гнетуще маленькое логово посередине всевозможной странной аппаратуры, которая в моих глазах не была предназначена ни для какой цели. Джианна указала на восьмиугольную клетку, которая стояла на столе со свёртками. Я заглянула в неё.

— О нет, — вырвалось у меня. Дно клетки было покрыто газетой, а на этой газете лежали пожелтевшие кости. Скелет животного. Я предположила, что он принадлежал птице, наверное, голубю.

Он тоже умер здесь. Джианна торопливо смела остатки костей в сторону.

— Я не это имею в виду, Эли. Посмотри лучше на заглавную статью! — С отвращением я вытащила пожелтевшую, влажную газету из клетки и посмотрела на написанный старомодными буквами заголовок: «Лес Торнеллис расходятся».

Я мимолётно пробежала глазами по сообщению. Мне не нужно было читать его полностью, чтобы понять, что Джианна хотела сказать. Уже первое предложение внесло ясность: "После внезапной смерти своего партнера по сцене гамбургский иллюзионист Ричард Латт уходит с подмостков иллюзий и хочет попытать своё счастье в далёкой южной части тихого океана".

— Тебе нужно посмотреть на дату, Элиза! Август 1902 года. Это сообщение было напечатано в августе 1902. А кто такой Ричард Латт, мне, вероятно, не нужно тебе объяснять.

Нет, этого Джианне не нужно было делать. На фотографии его явно было видно. Мутные глаза, мешки под глазами, алчный рот. Как будто создан для того, чтобы высасывать и поглощать.

— Я всегда это знала, — возбуждённо воскликнула Джианна в пылу. — Фокусники всегда внушали мне опасение. Какой мальчик вообще хочет иметь волшебный ящик фокусника? Только аутсайдеры или типы, у которых всё равно не все дома. Это размахивание платочками и общеизвестные махинации с исчезновением предметов я никогда не понимала. А ты?

Я в моих мыслях была уже немного дальше. Я нашла дипломат, на котором тоже были следы плесени, но который явно принадлежал к нашему столетию. Нетерпеливо я возилась с застёжками, пока они, наконец, не открылись.

— И что у нас здесь такое? — Джианна схватила бумаги из дипломата и мастерски просматривала их. — Объявления о недвижимости...

— О недвижимости? Дай сюда! — Я вырвала у неё рекламный проспект. Прежде всего, там речь шла о вилах в Бланкензе, но так же о коммерческих помещениях в Шпайхерштадте. Посредник: агенство Ф. Лейтер, Гамбург.

— Значит, это он подsunул Паулю квартиру... Но папа ведь должен был его узнать! В этом нет никакого смысла. Папа сразу же узнал Колина, и тем более Францёз должен был узнать папу.

— Нет. Не обязательно. — Джианна задумчиво покачала головой. — Посмотри здесь. Пауль сам подписал договор. Почему бы и нет? Он ведь был уже совершеннолетним. — Она протянула мне копию договора купли-продажи. Она была права. Подпись Пауля.

— Скорее всего, твой отец никогда не встречался с Францёзом. Но Францёз уже тогда вошёл в жизнь Пауля. Это звучит почти так, будто бы это был его план, атаковать Пауля, не так ли? — пришла к выводу Джианна.

О да, казалось, что так. Но так же правдоподобно было и то, что Пауль, ища квартиру, случайно наткнулся на агенство Лейтер и Францёз почувствовал, что тот был идеальной жертвой. И он наложил на него свои лапы. Пауль всегда хотел жить возле воды. Вероятно, Францёзу было несложно разбудить в нём желание захотеть неприменимо эту квартиру — эту и никакую другую. Потому что она подносила ему его жертву на блюдечке.

Не представляю, что произошло бы, если папа встретился бы с ним. Но он, должно быть, послушно заплатил из далека, а квартиру увидел только тогда, когда она уже принадлежала Паулю. За колоссальные четыреста тысяч евро, зарегистрированная как галерея, а не как частная квартира. Умно устроено, Францёз.

— Откуда у твоего отца, собственно, столько много денег, Эли? Хорошо, он психотерапевт, но они ведь тоже не такие богатые... Это почти полмиллиона!

— Я об этом никогда не задумывалась, — призналась я прямо. — Но теперь это и не важно, не так ли?

Но возражение Джианны было обоснованным. Деньги в сейфе, дом посреди Кёльна наши точно не дешёвые отпуска в никуда — это было слишком много для "нормального" психотерапевта, особенно если взять в расчёт, что у папы никогда не было своей собственной клиники.

С пульсирующими пальцами, я положила бумаги назад в дипломат и закинула его снова на заплесневелую кучу газет. Туда, где нашла.

— Там ещё один проход, Эли, — сообщила Джианна, полная беспокойства. Но эту узкую нишу едва можно было назвать проходом. Нам пришлось встать на четвереньки, чтобы можно было проползти между вонючими, загрязненными крысиным помётом горами вещей и положенными поперёк частями кулис, в чьей середине точно кишели клопы и тараканы. В конце концов мы оказались, задыхаясь и ругаясь, в последней грязной берлоге — исходного пункта происхождения Францёза, как Мара.

Здесь тоже был сложен реквизит, который мне, однако, скорее напоминал бродячий цирк, чем оплот иллюзиониста. Паулю бы это понравилось. Это выглядело почти так, будто Францёз жил на то, что показывал курьезности и требовал за это деньги. Лягушки с пятью ногами, чучело лисы, чей правый глаз украшала причудливая опухоль, несколько усохших голов и мумия в литой смоле. Но самое ужасное — это человеческий эмбрион с двумя головами, законсервированный в спирте и плавающий в пузатой банке.

Джианна вытащила распадающуюся папку из-под мутированной лягушки. Осторожно я открыла её. В ней находились документы к одному решению суда. Пожизненное заключение из-за разбойнического убийства. Жертва задушена во сне. Преступник: девятнадцатилетний Франц Мюнстер. Человек, а не Мар, по крайней мере, на этом наброске портрета. Но в его глазах уже таился голод. Рисунок, должно быть, был нарисован сразу после превращения, и, видимо, Франц при своём первом хищении снов немного переборщил. Колин был прав. Он, должно быть, и раньше не был симпатягой, если так жадно набросился на свою добычу. Может быть, он даже принял метаморфозу с благодарностью.

— 25 Февраля 1822 года, — прочитала я дату судебного решения. — Хорошо, это я смогу запомнить. 1822 год, девятнадцать лет. Давай убираться отсюда. — Почему Францёз визуально больше не выглядел как девятнадцатилетний, а старше, я не могла объяснить. Может быть, это обстоятельство было связано с его поведением охоты и питания как перевёртыша. В любом случае, это будет предел. Самый настоящий предел. Я засунула папку назад в её укрытие.

— А собака? — Джианна смотрела на меня с сомнением, как будто размышляла над тем, были ли сильнее её жалость или всё-таки страх.

— Его мы возьмём с собой. — Я протиснулась мимо гор мусора и целенаправленно направилась к скулящему Россини.

— Разве ты не сказала, что нам нельзя оставлять следов? — Джианна похлопала меня сзади по плечу. — Элиза, пожалуйста...

— Я этого и не сделаю, — прорычала я, схватила поводок и разорвала его на том месте, на котором Россини уже погрыз его. С благодарным визгом он прижался к моим ногам и попытался свою узкую голову спрятать между моими коленями.

— Мы сейчас выйдем на улицу, собака, — успокоила я его шёпотом, но он ни на миллиметр не отступил от меня. Одним ударом кулака я открыла маленькое, примитивное зарешеченное окно. Благодаря горам мусора это было вполне правдоподобно, что Россини запрыгнул на стопку из старых журналов и упаковок в своём отчаянии и открыл люк. Или же один их прохожих помог ему при этом (хотя они, скорее всего, вряд ли забрели бы на двор за галереей).

Я вытащила пластиковые пакеты из моего рюкзака и дала один из них Джианне.

— Собирай крыс, — приказала я. Их было не так много, но они, возможно, направят Францёза на нежелательный след. Одной или две было бы достаточно. Десяток же сдохших из-за яда трупов были бы свидетельством того, что кто-то открывал дверь. Я как раз опустила в пакет первую умирающую крысу, когда Джианна дрожащим голосом позвала меня назад.

— Что ещё? Я хочу выбраться отсюда! — Неприветливо я повернулась к ней. Она указала на потолок, и после того, как я последовала за её взглядом, я тоже забыла про трупы крыс. Между мусором и влажными кирпичами был зажат стеклянный ящик с черепом, удивительно чистый и полностью свободный от плесени и гнили.

— Знаешь, что это такое? — прошептала Джианна ошеломлённо. — Штёртебекер! Это голова Штёртебекера, которая в январе была украдена из музея Гамбургской истории! Идиоты не закрыли витрину. Францёз украл его. Череп из пятнадцатого столетия. Что он собирается с ним делать?

— Я только одно скажу: чистая жадность. Точно он хочет сбить его с рук подороже. Но мы вряд ли сможем сообщить об этом в полицию, не так ли? — Это и Джианна должна

осознавать.

В то время как она прикручивала засов снова на дверь, я позаботилась о том, чтобы мёртвые и умирающие крысы исчезли из туннеля. Нагруженные тремя пакетами с падалью, мы проковыляли назад на улицу и, хватая ртом воздух, сорвали маски с лица. Я забросила крыс без малейшего сожаления в следующий мусорный контейнер. Быстрым шагом мы шли к машине Джинны. Россини следовал за нами, тяжело дыша.

Мне было ясно, что это мероприятие, со спасением борзой, излишне усложнило всё дело. Но я бы просто не смогла оставить его на погибель на свалке Францёза. Я, Бог знает не была любителем собак, но такого это животное не заслужило, даже если я рисковала тем, что во Францёзе проснётся подозрение. Но было уже поздно ломать себе над этим голову. Я должна была верить в то, что Францёз потерю своей собаки, в своей жадности, либо совсем не заметит, либо быстро заменит покупкой нового, достойного сожаления животного.

Я вылила немного воды в сточную канаву и позволила Россини слизать её. Джинна, бледная, облокотилась о стену и мазала себе губы бальзамом для губ. Её глаза смотрели в никуда. Она выглядела как мёртвая.

Я использовала внезапное спокойствие, чтобы обстоятельно оглядеться. Дома вокруг галереи были в настоящее время очевидно незаселёнными, но окружены строительным забором. Наверное, они должны будут быть отремонтированы в ближайшем будущем. И поэтому предоставляли достаточно жизненного пространства для всех крыс, которые ранее сбежали. Я не могла их ни видеть, ни слышать. Они вряд ли привлекут сюда полицию.

По крайней мере, была большая вероятность того, что в этой местности не было внимательных и законопослушных соседей, которые обнаружили бы переполненный подвал, в том числе и напасть с грызунами и могли бы донести на Францёза. Если полиция обнаружит крысиную дыру Францёза, то у него будет веская причина исчезнуть из Гамбурга и взять Пауля с собой, скорее всего, тайком. Кто жил как перевёртыш, должен был, хотел он того или нет, соблюдать законы, по крайней мере, внешне. А воровство пиратских черепов было попросту нелегально. Нет, полиции нельзя пронюхать об этом. Ни о нашем взломе, в том числе и хищении собаки, ни о том, что вообще существовал такой переполненный мусором подвал.

— Что нам делать с ним теперь? — спросила Джинна ломким голосом и указала на Россини. Она всё ещё обессилено опиралась о стену дома, но цвет её лица стал снова более или менее нормальным. Вместо того чтобы ответить, я вытащила свой мобильный и набрала тот номер, который, непристойно ругаясь, схоронила перед своим последним отъездом из Кауленфельда. На тот случай, если Тильман зайдёт слишком далеко и я захочу как можно быстрее избавиться от него.

Прошло несколько минут, пока подняли трубку, и мне было ясно, что я только что разбудила господина Шютц. Но Россини нельзя оставаться тут, и у меня было время только на выходных, чтобы сделать краткий визит в Вестервальд. В понедельник я должна буду снова быть в полной боевой готовности перед Ларсом.

Я очень хорошо знала, что Мистер Икс ненавидел собак. Он был котом Колина, он должен был ненавидеть собак. Значит, если господин Шютц возьмёт Россини, а мама оставит у себя Мистера Икс, то у обоих будет ещё одной причиной больше, чтобы не объединяться.

Это идея чрезвычайно нравилась зверю в моём животе, хотя я понимала, что оно, скорее всего, без всякой причины вставало на дыбы, когда я думала о них вместе. Потому что моя

слепая ревность исходила не из-за того, что господин Шютц и мама нравились друг другу, как мне между тем уже стало ясно, а из-за разочарования, что это был мой учитель, а не папа, кто при нашем возвращении домой сидел в оранжереи.

Всё же оба не должны ничего начинать друг с другом. Никогда. А предохранение лучше, чем потом беспокоиться о последствиях. Но прежде всего, я хотела увидеть маму ещё раз, прежде чем начнётся схватка. Наконец он ответил, заспанным и хриплым голосом.

— Здравствуйте, господин Шютц. Мне очень жаль, что я разбудила вас, но у нас тут небольшая проблема. Вы бы не могли взять к себе собаку?

Глава 48.

Этические основы

— Елизавета. А вот и ты, — сказал господин Шютц, немного кивнув головой. Искренняя радость звучала по-другому. — О Боже, ещё и борзая, — добавил он, бормоча, когда Россини пронёсся мимо него в тусклый коридор и, поскользнувшись, врезался в буфет на кухне. — Таким образом я сделаю себя посмешищем перед всей деревней.

Я после тренировки с Ларсом и нашим взломом была настолько возбуждена, что без сна, до пяти утра, крутилась в постели и в конце концов решила поехать как можно раньше в Вестервалд. Сейчас был уже почти обед, и я не могла дождаться того, чтобы скорее нанести маме неожиданный визит. Но сначала я хотела отдать Россини, которого сегодня ночью, как могла, помыла и освободила шерсть от запутанного в ней репья, его новому владельцу.

— Борзые умные и кроткие животные, — заверила я господина Шютц.

— Особенности, которые в Вестервальде необязательно пользуются спросом, — вставил, нахмурившись, свои опасения он, но я не хотела слышать никаких возражений.

— Желаю с ним удачи... — Я развернулась, чтобы снова исчезнуть.

— Стоп, Елизавета, не так быстро. Где ты вообще нашла эту собаку?

— Я, э-э, я освободила её от плохого содержания. По нему никто скучать не будет, поверьте мне. — Я улыбнулась господину Шютц успокаивающе — во всяком случае, я думала, что сделала так. Но это не произвело никакого эффекта.

— Разве в Гамбурге нет приюта для животных? — Господин Шютц, вздохнув, облокотился на стену. За ним пронеслась белая тень по коридору, потом что-то, прогромыхав, упало на пол.

— Ну же, господин Шютц, пожалуйста. Я ведь тоже оставила у себя паука и приняла на попечение всю другую ужасную скотину, которую вы навязали мне. Без ропота. Теперь и вы можете сделать что-нибудь хорошее и эту бедную собаку...

— Твои животные снова все у меня, Елизавета, если ты помнишь. Уже в течение нескольких недель. И это была ты, кто захотел оставить у себя паука, а не я требовал от тебя. Что, собственно, с ним случилось?

— Он покоится на том свете, — выбрала я яркое описание для хладнокровного убийства, жертвой которого он стал, в надежде выбить у господина Шютц почву из-под ног при возможных обвинениях. Он вздохнул ещё раз. — Кроме того, мне нужно к матери. — Я подняла руку в приветствии, но удивлённый взгляд господина Шютц заставил меня остановиться. — Что такое?

— Елизавета, Мии на этих выходных здесь нет. Она поехала к Регине и вернётся только в понедельник.

Фамильярная манера, с которой господин Шютц сказал "Миа" и "Регина", заставила

меня тут же взбеситься.

— Так. Почему вы, собственно, ещё живёте в этом бардаке? Переезжайте сразу к моей маме. Дом ведь в конце концов достаточно большой. Только не думайте, что я буду называть вас "папа". — Я представила себе, как ударяю его краем ладони по сгибу шеи, а он в считанные секунды падает на ковёр. Без сознания. Вырублен. Всего одним движением. Раз.

— Насчёт Регины я случайно узнал вчера на йоге, — ответил господин Шютц терпеливо. — И мне нравится жить в этом бардаке.

— Йоге? — Я презрительно рассмеялась. — Вы и йога?

— Разве мужчинам нельзя заниматься йогой? — Теперь терпение господина Шютц выглядело принуждённым. — Я встретил Мию только в раздевалке и...

— В раздевалке! Знаете что? Да пошли вы куда подальше! В раздевалке — и это, конечно, совершенно случайно. Да возьмите сразу и зарезервируйте общий курс тантры! Как же я рада, что закончила школу и больше мне не нужно встречаться с вами каждый день! — бушевала я и захлопнула дверь перед его носом.

Я поехала так быстро и агрессивно в Кауленфельд, что машину заносило на поворотах, а колёса визжали. Мне подходило всё, пусть будет даже авария, если это только прогонит картины, которые засели у меня в голове. Мама в какой-нибудь экзотичной позе йоги и господин Шютц, который похотливо заглядывает ей при этом в вырез или между ног. Надеюсь, Россини, при первой возможности, откусит ему яйца.

Мамы действительно не было дома — ни её, ни жука. Правда Мистер Икс сидел посреди обеденного стола, окружённый обгрызенными ветками и разбитыми пасхальными яйцами (без сомнения, его работа) и был настолько милостив, мурлыкав, что наклонил голову, чтобы я могла почесать его за ухом. Успокоить кошачьи ласки меня не могли, но я должна была собраться с силами и написать письмо Колину. Я хотела послать его ещё сегодня, чтобы он как можно быстрее дошёл до Фридрихскога, где Колин арендовал почтовый ящик. Таким образом, мы не зависели от Нельсона, чтобы общаться друг с другом.

Измученная и всё-таки слишком встревоженная, чтобы думать о сне, я, спотыкаясь, поднялась наверх в мою комнату на чердаке и села, застонав, за письменный стол. Мои пальцы тряслись, когда я приставила ручку к бумаге — позднее последствие вчерашней тренировки.

— Привет, Сэнсэй, — начала я и подумала. Может, это было слишком невоспитанно? Но стиль письма Колина я всё равно никогда не достигну. И для языковых выкрутасов не осталось времени.

— Я хочу заранее заметить, что я не умею хорошо писать письма. Мои подруги никогда по-настоящему не читали их и тем более не отвечали на них. И единственное любовное письмо, которое я когда-либо писала, окончательно обратило моего любимого в бегство.

Гриша, вспомнила я. Двенадцать страниц сентиментальности. Что он, должно быть, обо мне думал? Мы никогда не разговаривали друг с другом. А потом он получил письмо из двенадцати страниц от девушки, которую, скорее всего, даже не замечал.

— Мы нашли квартиру Францёза — его вторую квартиру. Довольно мерзкая. Джианна чуть не свихнулась. Я, честно говоря, тоже. Но мы теперь знаем, из какого он времени. — Я пожевала мою ручку. Францёз был точно на сорок восемь лет старше Колина. А по словам Колина, у него при пятидесятилетней разнице в возрасте не было почти никакого шанса против Францёза. Но два года... На два года меньше силы для Францёза. Может быть, это превосходство и было как раз той унцией, которая, в конечном итоге, решит весь вопрос.

И если я напишу, что Францёз на сорок пять лет старше, это уже звучало гораздо лучше. Ладно, я скрывала три года. Если что-то пойдёт не так, мне придётся жить с мыслью, что я сознательно послала Колина на смерть. Разве только Францёз сразу убьёт и всех нас. Тогда это всё равно будет не важно. И всё же. Сорок восемь лет были не пятьдесят.

И если я сделаю из них сорок пять, то Колину будет легче принять схватку.

— Францёз на сорок пять лет старше тебя. И он, наверное, не всегда жил как перевёртыш. Я сильно надеюсь, что ты не испугаешься его возраста. Колин, я видела, как ты сражался с Тессой. Я знаю, какие силы дремлют в тебе.

Атака счастья на Пауля запланирована на следующую пятницу, 23 апреля. Джианна организовала билеты на концерт, Ultravox в Гроссе Фрайхайт. Якобы известная группа восьмидесятых. Я считаю, имя звучит как гигиенические подкладки, но да ладно. Чего-то другого в этот день нет, а мы можем выбрать только пятницу, потому что Францёз весь день будет в дороге в Дрездене из-за контрактных переговоров. Он вернётся только поздно вечером. Эта дата стоит выделенная жирными буквами в его календаре. Кажется, она важна, поэтому он не пропустит её. Я знаю, что это на один день меньше времени для твоей тренировки. Но надеюсь, что подойдёт. (Кстати о тренировках: Ларс действительно мудака. Ты знал, что он называет тебя Блеки?)

Мы вместе шикарно поужинаем, посетим концерт и, если Пауль ещё будет в форме, мы, чтобы сделать вечер более целостным, свернём на дискотеку. Джианна сказала, что это идеальная комбинация. Немного роскоши и немного жизнерадостности — еда, музыка и танцы. Она итальянка, согласно общепринятым стереотипам, она должна это знать, не так ли? И я надеюсь, что она поцелует Пауля.

Между прочим, я как раз в Вестервальде. Я хотела ещё раз повидаться с моей мамой перед схваткой, но её здесь нет. Чёртово дерьмо. — Одна слеза капнула на мои кривые строчки, и, когда я её вытерла, чернила размазались. Но у меня не хватало нервов писать письмо заново.

— У меня ужасные сны о тебе, Колин. Я с удовольствием сказала бы, что люблю тебя, но в настоящее время я не уверена, что это так.

— Что за ерунда, — пробормотала я и зачеркнула последнее предложение. — Нет, я люблю тебя. Только ощущение в этот момент не такое. Но я это знаю. Совершенно точно. *Semper fidelis*, Лесси.

Semper fidelis. Всегда верна. Некоторые из немногих латинских формулировок, которые сразу понравились мне и которые я никогда не забывала. Я сложила листок письма, засунула его в конверт и подписала адрес.

И что теперь? Провести все выходные одной в этом огромном доме? Поехать снова в Гамбург и просидеть одной в пустой квартире Пауля? Нет. Мне срочно нужно немного поспать. Потом я всё ещё могла усесться в Volvo. Но сначала я должна была отнести письмо.

Уже в короткой поездке до Риддорфа меня начала мучить совесть. Я хотела отправить письмо, в котором обманула Колина, чтобы повысить шансы того, что он вступит в схватку. Хотя и так существовал риск, что это будет стоить ему жизни. Но я знала Колина. Иногда он был немного сильно предусмотрительный и рассудительный и всё взвешивал. Что-то подобное могло так же быть и помехой, я слишком хорошо это знала, так как сама была такой. Нет, это не было ложью, это была помощь в мотивации. Уж Колин заставит встать Францёза на колени.

В принципе мне ничего другого не оставалось, как приукрасить число. Я не знала

другого Мара, которого смогла бы выставить против Францёза. Колин должен сделать это. У меня, при неудачном стечении обстоятельств, был выбор между быстрой и медленной гибелью, и я хотела быструю.

И всё-таки моя совесть не давала мне покоя, не только из-за Колина, но и из-за господина Шютца. Я обошлась с ним так, будто он покушался на мою жизнь. Что было в письме, я больше не могла изменить. Его нужно забросить в почтовый ящик. Но господин Шютц был всё-таки моим учителем — моим лучшим учителем. И он был отцом Тильмана. Кроме того, мне нужно было срочно поговорить с кем-то благоразумным о той мысли, которую подала мне вчера вечером Джианна, прежде чем мы сказали друг другу спокойной ночи:

— Нам вообще можно убивать Францёза? Организовывать его смерть? Он реальная личность, даже являясь перевёртышем. С подлинными документами, работой и квартирой. И даже если бы это было не так: правильно ли убивать злых?

Я не могла ей дать ответа. Я ведь даже не знала, что вообще Колин планировал сделать во время схватки. Но Мара, вероятно, можно было обезвредить только в том случае, если убьёшь его — по крайней мере, я не могла представить себе другого варианта. И тогда вопрос Джианны был обоснованным. О Колине я при этом не особо беспокоилась. Он смоемся быстрее, чем успеешь моргнуть глазом. Он не сделает ещё раз ошибку и позволит запереть себя. Но что было с нами? Мы были бы сообщниками, даже подготовили бы убийство. Мы могли бы попасть на несколько лет в тюрьму. Почему Колин не затронул эту тему? Было ли ему всё равно, попаду я за решётку или нет?

А моральные сомнения Джианны? Да, вчера мы обе были в таком настроении, что могли бы устроить с костями Францёза турнир по боулингу. Но я спрашивала себя, было ли у меня право, принять решение о смерти другого существа, каким бы он не был подлым.

— А и снова ты, — поприветствовал меня господин Шютц смиренно, когда я опять стояла перед его дверью. В этот раз, однако, гораздо более подавленно и покорно, чем до этого.

— Хотела извиниться и всё такое, — промямлила я, и его лицом завладела улыбка, в то время как он щедро чесал свой затылок. Он затянулся сигаретой и отошёл в сторону, чтобы пустить меня. Пусть только не думает, что может курить в нашем доме, подумала я, но тут же приструнила сердитое животное у меня в животе. Оно не может сейчас стать самостоятельным.

— Я должна кое-что спросить у вас, — сказала я решительно, после того как мы сели в его убогой, маленькой кухне с фотографиями Тильмана.

— Я у тебя тоже, Елизавета. Как дела у моего сына?

— О, он... что же, у Тильмана всё хорошо. Даже очень хорошо. В настоящее время он сопровождает Пауля в круизе, в качестве помощника, так сказать. — Господину Шютц не обязательно знать, что Тильман в первую очередь был моим помощником и забрался на корабль как безбилетный пассажир. — Он познакомился с девушкой.

— Правда? — Улыбка господина Шютц засветилась от гордости. Как будто это представление дало ему прилив энергии, он встал и обратил внимание на свои террариумы. — Ты сможешь мне покормить их?

Я повиновалась, фыркнув с безошибочным протестом, и протянула ему с ещё одним пыхтением пинцет, вместе с дрыгающимся сверчком для Генриетты, которая неподвижно ждала.

— Значит, Тильман влюбился..., - размышлял господин Шютц счастливо. Раз, и Генриетта за секундную атаку сорвала сверчка с пинцета. Что же, с искренней любовью новая связь Тильмана, скорее всего, имела не слишком много общего, но я одобрительно кивнула.

— И в галереи он тоже отлично справляется. Он снял очень интересный фильм на камеру супер 8... и сам проявил его! Мы были удивлены результатом.

— Хорошо. Действительно хорошо. — Господин Шютц поглаживал задумчиво свой маленький животик. Удовлетворённо он наблюдал за тем, как Генриетта, грызя, взломала экзоскелет сверчка. — А что беспокоит тебя, Елизавета?

Я опустила глаза вниз и попыталась составить из слов предложения. Но как бы я не сортировала их — они всё время звучали драматично.

— Можно уничтожить зло, чтобы спасти любимого человека? — Господин Шютц озадаченно молчал. Генриетта, напротив, продолжала неустрашимо хрустеть дальше. Для перепадов настроения, казалось, у неё нет такта.

— Это основа для теоретического обсуждения или... или ты говоришь о конкретной ситуации?

— И то и другое, я думаю. — Я снова села на кухонную скамейку и дёргала за покрытую пятнами скатерть, в то время как Россини тяжело облокотится на мои ноги.

— Мой сын что-то натворил? — Господин Шютц закрыл террариум и подошёл ко мне.

— Нет, нет! Нет, он ничего не сделал. Я не могу сказать вам, о чём идёт речь. Я, правда, не могу.

— Елизавета, так не пойдёт. — Господин Шютц взял меня за руки, но я рывком вырвала их у него. Действие рычага. Ничего лучшего не было.

Господин Шютц не смутился.

— Ты не хочешь рассказывать мне, что вы оба пережили летом — ладно, это я принимаю. Но теперь ты приходишь и говоришь о зле и можно ли его уничтожить. Я должен знать, о чём идёт речь.

— Нет, я так не думаю. И даже если я расскажу обо всём, вы всё равно не поверите мне. Об этом тоже я уже один раз говорила вам. Представьте себе просто следующую ситуацию: существует человек, которого я очень люблю, и он находится в большой опасности, из которой не сможет выбраться самостоятельно, потому что даже не видит её. Не может видеть! Если я ничего не предприму, то он умрёт. Он уже болен. Я смогу спасти его только в том случае, если уничтожу зло. Но может случиться так, что что-то пойдёт не так, и как я, так и он, мы оба погибнем при этом. — И может быть, и ваш сын, закончила я про себя.

— Тебя что, подцепила какая-то секта, Елизавета? — спросил господин Шютц с явной тревогой. — Что именно это за зло?

— Это то, чего я не могу вам сказать. Жаль, но не могу. Я только хочу знать, можно ли мне планировать его смерть, если бы у меня была такая возможность. — Если бы у меня была такая возможность. Это предложение принесло перемену. Господин Шютц облегчённо вздохнул. И всё-таки я не лгала, потому что я одна действительно не могла этого сделать.

— Что же, ты задаёшься вопросом, можно ли тебе это делать или нет? Или может, скорее, сможешь ли ты вынести, если не сделаешь этого? С какими последствиями ты сможешь лучше всего жить? Закон, во всяком случае, здесь совершенно ясен и библия тоже. Не убивай. Я со своей стороны пытаюсь держаться этого.

— Сверчки, которые каждый день дохнут в этих четырёх стенах, к этому не

относятся, — дополнила я, взглянув на террариум, в котором насытившаяся Генриетта со сложенными вместе щупальцами изображала благочестие.

— Конечно, конечно, — подтвердил господин Шютц сконфуженно.

— Значит, всё было так просто. Я должна была решить, с какими последствиями я смогу лучше жить.

Этот вопрос уже давно был для меня решён. Я не могла, ничего не сделав, смотреть на то, как чахнет Пауль. Никогда. Лучше пусть на моей совести будет смерть другого существа, чем моего брата. И, к сожалению, у меня не было возможности обратиться в полицию, и таким образом не оказаться самой запертой. А именно в психиатрическую больницу.

Я должна буду пройти через это в одиночку, даже если получу пожизненное заключение. Независимо от этого, Францёз всё равно уже давно был бы в могиле, если бы не был превращён. Если Колин убьёт его, то выполнит только то, что мать-природа хотела сделать уже больше чем сто лет назад.

— Ладно. Знать больше я и не хотела. — Встав, я поцеловала Россини в изящную голову и протянула господину Шютц руку. Может быть, в последний раз. — Спасибо за всё.

Он молча смотрел мне в след, в то время как я исчезала через входную дверь и направлялась к Volvo. Внезапно я так устала, что едва могла идти прямо. Когда я из окна машины помахала господину Шютц на прощание, он поднял руку, а его лицо нахмурилось от беспокойства. Сдерживать его дольше я не смогу. Он точно знал, что что-то происходит, что было что-то очень странное. Но хватало и того, что я подвергала опасности жизнь моих друзей. Не должен ещё и господин Шютц быть одним из них. Кроме того, он поспешит рассказать обо всём моей матери.

Дома я как камень упала на кровать. Мой запас адреналина был окончательно исчерпан. У меня даже больше не было энергии поднять вверх руку и взять бутылку с водой, хотя моё горло было пересохшим и шероховатым от жажды.

В одежде и в обуви на ногах, лицо плотно прижато к подушке, я уснула, в то время как снаружи пред окном дрозды жалобно приветствовали первый тёплый весенний вечер.

Глава 49.

Одна-одинёшенька

Выстрел чисто и быстро отделил моё сознание от сна, как будто хотел раз и навсегда уничтожить мои сновидения. Я свернулась калачиком от внезапной боли, прежде чем панический визг раздался в ночи. Не успел раздаться второй выстрел, как я уже стояла возле окна и смотрела наружу.

Моё дыхание булькало, и я думала, что чувствую вкус крови. Потом тишина была ещё раз на секунду прервана, за тем последовал пронзительный вой, который смешался с моим собственным криком. Я держалась за край подоконника, чтобы не упасть, как он, чьё тело, вздыбившись, повернулось вокруг своей оси.

— Вы идиоты, вы проклятые идиоты, — прошептала я. — Это ведь был только волк. Он ничего вам не сделал...

В то время как он умирал, его мечты объединились ещё раз с моими. Я чувствовала его боль, его испуг и его разгневанное нежелание умирать, как будто пули разорвали мои лёгкие. Я тоже ещё не хотела умирать и была бесконечно разгневана, когда увидела его перед собой на мокрой, холодной листве, тонкая струйка крови на брылях, лапы дёргаются, как будто пытаются убежать от смерти. Я отпустила подоконник, потому что хотела

протянуть руки и успокаивающе погладить по густой шерсти его шеи. Рыдая, я упала на пол.

Умерло больше, чем просто волк, я чувствовала это. Это уже больше не было моим домом. Это был лишь только враждебный, тёмный лес, и я боялась людей, которые жили в нём. Всю зиму я надеялась и молилась, что волк спрячется и охотники не найдут его, что ему будет позволено остаться для меня и Колина. Он дал нам время, тем, что разодрал Тессу. Он добровольно вступил в схватку. Хотя Колин похищал его сны, волк всё-время искал его близости и месяцами выл, после того, как тот исчез, как будто хотел призвать его. Никто, кроме меня, не слышал воя, во все эти морозные, снежные ночи. Его пение утешало меня. Я знала его мечты — он был мне знаком.

Боль в моих лёгких утихала медленно, но как только я могла двигаться, то встала, чтобы упаковать вещи. Мне нужно было убраться отсюда. Одно мгновение я ненавидела всю деревню, хотела пройти через несколько имеющихся улиц и громко прокричать моё отвращение, чтобы встряхнуть каждого отдельного жителя из его ханжеского сна. Но это всё равно не оживило бы волка.

Я уже держала прохладную ручку входной двери в руке, когда звонок телефона разорвал тишину дома. Телефон? Сейчас? Было только четыре часа утра — новости, которые меня ожидали, не могли быть хорошими. В такое время нам звонил кто-то уже два раза, и каждый раз объявлял о смерти. О смерти матери мамы и о смерти матери папы. Они оба умерли точно за тринадцать дней до своих семьдесят пятых дней рождений, совпадение, из-за которого у меня всегда пробегали мурашки по спине, когда я об этом думала. Но теперь я вспомнила, что был ещё и третий звонок. Не сообщение о смерти, и всё-таки связан со страхом, чьё эхо снова догнало меня со всей беспощадностью.

Это случилось во время грозы ночью прошлым летом — электричество вырубилось, и всё-таки телефон звонил несколько минут, пока я не взяла трубку и услышала голос, который был ни человеческим, ни животным и звучал ни по-женски и ни по-мужски, но очень древне и так могущественно, что я не могла перебороть себя, чтобы положить трубку. До сегодняшнего дня я точно не знала, кто звонил и что собственно хотел, почему потребовал моего отца. Только одно мне было ясно — это мог снова быть он.

И как в ночь грозы, в которую я в любой момент ожидала свою смерть, я, в эти серо-чёрные утренние часы, стояла как парализованная перед звонящим телефоном и смотрела, как моя рука, бледная и худая, двинулась вперёд и вытащила его из своего зарядного устройства.

Я воздержалась от того, чтобы называть своё имя, это было излишне. Я ещё не прижала ухо к трубке, как мне навстречу уже раздался глубокий, затяжной вздох и вызвал внутреннее оцепенение, от которого я не могла убежать. Я должна была слушать, хотя на линии непрерывно шумело и трещало, существо на другом конце ничего не говорило, только дышало, слишком медленно. Оно должно было задохнуться, но вся его аура была настолько подавляющей, что я втянула голову между плеч и испуганно упала на колени, как будто хотела пасть пред ним ниц и поклониться. Я даже не думала о том, чтобы сказать что-то самой. Для чего? Это существо очаровало, хотя, наверное, находилось в тысяче километров от меня.

Так я сидела, съездившись, в тёмной гостиной, трубка возле уха и ждала. Ждала, пока из его горла вырвался первый звук. Шум моей крови смешался с его голосом, как будто хотел усовершенствоваться.

— Опасность. — Что же, это была очень полезная ссылка. Опасность? Правда? Но мой

страх и моё благоговение запретили вставлять любые комментарии. Теперь, казалось, на линии поднялся шторм, он бушевал и гудел, и я поняла ещё только два слова, пока соединение не прервалось с металлическим ударом: "юг" и "глаза".

Хотя всё моё тело мёрзло, моя рука была мокрая от пота, так что трубка телефона выскользнула из пальцев и с грохотом упала на пол. Я всё ещё не могла двигаться, но к моему ужасу присоединилось сердитое животное в животе, которое почувствовало себя потревоженным в своём сне и шипя запрыгнуло на внутреннюю сторону моего желудка.

— Я так устала от всего этого! — воскликнула я и подняла телефон, чтобы со всей силы бросить его о стену. Удовлетворённо я смотрела, как он разлетелся на части, а батарейки покатались по полу. Но этого было не достаточно. Ещё раз я швырнула его, потом третий, четвёртый, сопровождая всё дикими проклятиями, пока не охрипла от крика.

— Опасность, глаза, юг — класс! Я что, могу читать мысли? Нет, не могу! На такие сообщения я плевала, вы меня поняли?

Потом я внезапно поняла, что вообще я тут делала. Телефон был безнадёжно сломан, и обои тоже пострадали. Непокойной рукой я написала несколько извиняющихся строчек маме:

— Решила навестить тебя спонтанно, тебя не было, споткнулась о телефонный кабель, извини, всего хорошего, Эли.

В то время как животное во мне, рыча, удалилось на своё привычное место между сердцем и диафрагмой, руководство на себя снова взял страх. Но в этот раз не с ужасной паникой, а с тлеющим, тусклым чувством постоянной угрозы. Несколько раз я поднимала голову и прислушивалась, потому что думала, что слышала звук, но намного хуже был голос в голове, который начал вбивать мне, что скоро случится что-то ужасное.

Мои движения казались мне беспокойными и слишком быстрыми, и в тоже время было так, будто мной управляли, манипулировали, навязав диктатуру, которую я не знала, как будто я больше не была хозяйкой того, что делала. Я функционировала, но над моим телом и душой завладело уже давно что-то другое, намного более жестокое. Я буду только смотреть на его смерть, не будучи в состоянии что-либо сделать против этого.

Даже в машине это чувство угрозы не оставляло меня, и я несколько раз останавливалась, чтобы посмотреть назад, потому что боялась, что кто-то спрятался на или под задним сиденьем, чтобы при следующей возможности затянуть у меня на шею петлю. Всю дорогу я не решалась сделать паузу и закрыла внутренние замки. Только когда стало светать, я стала немного спокойнее, и как только достигла квартиры Пауля, даже осмелилась кое-что съесть и включить радио. Но моя осторожность осталась, а так же эта абсурдная идея, что меня преследуют, что я подвергаюсь невидимой угрозой. Не могла избавиться от этого впечатления даже тогда, когда думала так рационально, как мне позволяла моя логика о звонке и моей моментальной ситуации.

Да я была в первый раз в моей жизни одна-одинёшенька, без родителей, без брата, без подруг, без моей любимой тюрьмы, школы — не считая моего отказа от отпуска на Ибицу прошлым летом. Но тогда я ещё ничего не знала о напасти по имени Тесса.

Всё-таки одиночества не хватало для того, чтобы прийти в такое замешательство. Это не могло быть единственной причиной.

А позвонивший? Может, это вызвал он? С большой вероятностью это был Мар. Не может он вовсе имел в виду не меня, в прошлом году он ведь хотел поговорить с моим отцом. И в этот раз, хотя я и боялась, но чувствовала, что каким-то непонятным образом

испытываю к нему симпатию. У меня не было такого чувства, что он желает мне смерти — нет, его слова показались мне скорее предупреждением. Предупреждением, с которым я, к сожалению, ничего не могла начать.

Может быть, это всё-таки был трюк — за которым скрывалась Тесса? Но у Тессы для этого не было причины. Колин и я не были ни вместе, ни особо счастливы. Я никогда не слышала, чтобы Тесса говорила, только хрюкала и пела, одно кошмарнее другого. Я даже не знала, могла ли она вообще говорить. Когда она во сне — в воспоминаниях Колина о его метаморфозе — говорила, у меня было такое чувство, что её голос звучит у меня в голове. Будто я слышу её мысли. Мне было сложно представить себе, что она была в состоянии использовать телефон. Тесса не использовала разум, она следовала только за своей жадностью и своими инстинктами.

Францёз же был на корабле, а его голос звучал совершенно по-другому, чем позвонившего. Он тоже не мог за этим стоять. Если только он уже давно не заметил подвоха и не натравил на меня других Маров. Но и это тоже было не правдоподобно, потому что Мары, по словам Колина, не любят на охоте объединяться. Перевертыши же и подавно.

Ни один из этих выводов не смог на долго успокоить меня, потому что к каждому правилу было и исключение. Моя логика отдала свое влияние животу, более высшей власти. И потому что я ничему и никому больше не доверяла, я не позвонила Джianne. Это было не так, что я по отношению к ней питала какое-то подозрение — нет, я просто хотела быть уверенной в том, что не оставляю никаких следов, которые могут быть обнаружены. Мне казалось, было возможно, что Мары имели своего рода радар перед глазами, который рисовал им путь их жертв, как на карте, красными линиями от А до Б и В, и каждый человек, который запутывался в этой сети, будет уничтожен.

Поэтому я оставалась день за днём в квартире Пауля, караулила ночью и спала днём, прерывая это только некоторыми необходимыми для выживания покупками и моими тренировками каратэ у Ларса. Они всё больше и больше походили на пытку, в которой речь шла о том, чтобы заткнуть меня и сломить мою волю. При этом Ларс, однако, не взял в расчёт сердитое животное в моём животе.

Хотя Колин никогда не нанял бы тренера, который мог стать для меня серьёзной угрозой, но у меня всё же иногда появлялась потребность облить Ларса бензином и поджечь. Особенно неприятны были его уроки самообороны, при которых он нападал на меня, используя полностью своё тело, мне же было можно обороняться только при помощи видимого метода. А именно: Ларс обхватывал меня мёртвой хваткой, прижимал меня к своей груди, пока мои кости не начинали трещать, и я чувствовала все те его выпуклости, которые никогда не хотела чувствовать, и должна была вырваться, без того, чтобы мне было позволено вlepить ему серьёзный удар. Мои удары и пенки я должна была в лучшем случае только показывать.

Если мне везло, то он позволял затем небольшое приложение с валиками, и я могла, по крайней мере, выплеснуть мой гнев на подушку. Но он никогда не заканчивал урок каратэ без того, чтобы в заключительной тренировке для моей формы, до полусмерти не закабалить меня и при этом постоянно орать, пока я обессиленная не падала на пыльный пол спортивного зала. Он не уважал мои пределы. Его даже не интересовало, были ли они у меня вообще.

Я, конечно, иногда спрашивала себя, не боялась ли я втайне Ларса, и чувство угрозы исходило от него. Но как бы он мне ни нравился (и как бы ни нравилась ему я): горилла

ничего общего с этим не имела. Было даже так, что часы тренировок приносили облегчение, потому что не оставляли времени возвращать мою паранойю, и в присутствии Ларса я чувствовала себя на удивление защищённой и заслонённой.

После каждой тренировки он ждал, пока я принимала душ и одевалась — одно из его любимых занятий состояло при этом в том, чтобы кричать мне через закрытую дверь женоненавистные шутки и проверять мою реакцию (обычно гнетущая тишина), и постоянно оставался сидеть, хвастаясь в своей уродливой телеге, пока я не заводила Volvo и не уезжала со стоянки. В начале я думала, что он маньяк контроля и поэтому следил за каждым движением, которое я делала, пока мне не стало ясно, что он, на какой-то абсурдный манер, чувствовал себя ответственным за меня. Местность, где находился спортивный зал, была отнюдь не внушающая доверия, а была действительно ощутимо проблемным кварталом.

Вечером я сидела в раздумьях перед тихо включенным телевизором, чтобы можно было слышать любой подозрительный шум, в любимом кресле Пауля. Меня не волновали ни нерешительное наступление весны, ни мамины звонки, которые накапливались на автоответчике моего мобильного. Всё, чего я хотела, чтобы Пауль и Тильман вернулись назад и с ними развеялись мои злые предчувствия, даже если это в тоже время означало, что Мар снова будет вблизи от меня, и нам нужно будет готовиться к схватке.

Последнюю ночь в одиночестве я провела, в виде исключения, лежа в постели, потому что ощущения в моей пояснице, из-за того, что много сидела и тренировалась, было таким, как будто она в ближайшее время поломается пополам. Я должна была вытянуться. И чудесным образом моя усталость дала мне, по крайней мере, поверхностный сон. Настолько поверхностный, что громкая музыка, которая внезапно загремела в коридоре, катапультировала меня назад в реальность, только после пары часов отдыха.

Музыка — почему музыка? Неужели Тильман и Пауль вернулись раньше? Я, испытывая боль и спотыкаясь, выбежала в коридор, но он лежал предо мной пустой и тёмный. Никаких сумок и чемоданов, никакого ключа на полочке. Никаких голосов. Только эта песня, которую я не знала, и которая явно радовалась из гостиницы. Равномерный, жёсткий ритм, продолжающийся и неуклюжий и к нему страдальческий, измученный голос — измученный, как и я, когда я приблизилась к нему, к нему и голубому, мерцающему свету телевизора, который сопровождал его страдальческое пение смерти.

— Но... этого не может быть..., - прошептала я. Я выключала телевизор, прежде чем пошла спать. Я это совершенно точно знала. Я взяла пульт, нажала на кнопку режима ожидания и положила его рядом экраном. Где он ещё и покоился. Никто его не касался. И всё-таки телевизор был включён. Не Pro7, который я перед этим смотрела, а иностранный музыкальный канал.

— Пауль? Тильман? Вы здесь? — крикнула я дрожащим голосом, не ожидая всерьёз получить ответ. Их не было. Мои глаза снова остановились на видео, которое я в другой исходной ситуации посчитала бы даже возможно забавным, теперь же мне было совершенно противно. Потому что слишком сильно накрашенный рот певца напоминал мне Тессу и отвратительно влажные крошки, прилипшие к её губам. Его кожа была такая же одутловатая и бледная, как её... и... Действительно ли я это видела? Везде паутина? Даже на его лице? Он лежал в кровати и его поглощал... паук?

Он смотрел на меня, так же уверен, как и я, что случится что-то ужасное, что побег был бесполезен, и оставался лежать апатично, пока туловище паука не насладились его безвольным телом. Я, покачиваясь, шагнула к телевизору, чтобы взять пульт и выключить

его, но прежде чем я смогла нажать на кнопку, изображение ярко вспыхнуло и потухло. Ещё раз экран затрещал, и я почувствовала, как пульт в моей руке завибрировал. Потом наступила тишина.

Тишина, которая позволила мне услышать все шаги, которые прошмыгнули по крыше, быстро и уверенно и так громко, что любое воображение было бы невозможным. Всё это время кто-то был на крыше, непосредственно над моей головой, в то время как я, в нижнем белье, стояла перед включённым телевизором и не понимала, что здесь собственно происходило.

Всхлипывая, я включила все лампы и люстры, которые можно было найти в квартире, взяла тяжёлую кувалду из мастерской Пауля, села, съёжившись, с ней в руках перед входной дверью, под всеми этими странными картинами и умоляла солнце поскорее встать, чтобы освободиться от паники.

Глава 50.

Проблемы с ритмом

Когда дверь открылась, я всё ещё сидела перед порогом и поздно поняла, что только что случилось, так что не смогла вовремя уползти, и дверь ударилась мне в спину. Но боль означала, что Тильман и Пауль вернулись! Вздыхая, я подтянулась вверх с помощью рамы.

— Пауль! Тильман, где Пауль? Он ещё внизу? Ругается с...? — Тильман медленно покачал головой. Глубокое, серьёзное беспокойство в глазах — выражение, которое я ещё никогда у него не видела, удвоило моё сердцебиение и заставило хватать воздух ртом. Что-то было не в порядке. И если уж Тильман беспокоился, тогда...

— Где мой брат? Где Пауль? — Я схватила его за шиворот и притянула к себе. Он не сопротивлялся, но пнул небрежно серый чемодан в коридор, в то время как я тянула его за воротник. Чемодан Пауля.

— Попробайся оставаться спокойной Эли, ладно? И отпусти меня. — Он взял меня за руки и решительно оторвал от своего пуловера. — Пауль... он упал. Это произошло очень быстро, я сам даже не видел...

— Когда? Где? И что это значит, упал?

— Если ты перестанешь кричать, то я смогу тебе всё объяснить. Мы только что сошли с корабля и я... прощался.

Прощался. Ну, конечно.

— Ты обжимался с девкой, в то время как моему брату стало плохо?

— Эли, — сказал Тильман угрожающе. Его глаза сузились. — Не перебивай меня постоянно и послушай. Ясно? Во всяком случае, я этого не видел. При выписке он вдруг оказался на полу и был без сознания. Француз хотел оттащить его, но к счастью пара человек вызволи скорую помощь, а потом — что же, потом его забрали. Он больше не пришёл в себя. Но он дышал, Эли, это я точно видел. Он жив. Не смотри на меня так!

Теперь и Тильман кричал. Он отодвинулся от меня немного.

— Во всяком случае, я в этом не виноват! Всё произошло так быстро...

— Не мог бы ты, наконец, ответить мне на мой вопрос: где он? — зашипела я на него. Он ещё отступил от меня на пару сантиметров, но не выглядел так, будто боится. А скорее так, как будто хочет защитить своё лицо от того, что я его поцарапаю.

— В больнице, где же ещё? — Не сказав ни слова, я побежала в нашу комнату и оделась. Мои спутанные волосы я импровизированно связала на затылке. Три минуты спустя я снова

стояла перед Тильманом.

— Вези меня туда. Немедленно. — Я сунула ему ключ от машины в руку.

— Разве ты не говорила, что у меня нет прав? — спросил Тильман подчёркнуто хладнокровно. — Перестань лучше командовать мной и...

— Ты отвезёшь меня туда сейчас же! Твои права меня не интересуют! Ты также залез на AIDA, являясь безбилетным пассажиром, так что не выкаблучивайся! Или, может, машину поведу я? — С подчёркнуто безумной улыбкой я упёрлась руками в бока.

— Лучше нет, — пробормотал Тильман пренебрежительно, взял ключ и пошёл впереди меня к машине.

— Где Францёз? — пролаяла я, после того, как села в машину. Я всё время смотрела на Тильмана, но он был занят тем, что выгонял Volvo с парковки и делал это примечательно суверенно.

— Эй, я тебя кое-что спросила!

— Опять в дороге к клиентам. Блин, этот тип такой жадный, не поверишь. Он заговаривает людей до смерти, чтобы те купили картину. Они в конце думают, что в этом заключается их спасение, раскошелиться за них. Он продал все картины, за огромные деньги! Паулю было иногда прямо-таки стыдно.

— Ты присутствовал при этом? Тебе ведь нужно было держаться от него подальше, разве я тебе не говорила...

— Всё-таки официально я был их ассистентом на корабле! Я не мог увилить. Но не переживай о моих мыслях. Они были в другом месте. — Тильман грязно усмехнулся. Я только фыркнула. Мыслями это вряд ли можно было назвать.

Незадолго до клиники — к сожалению, не Иерусалимской больницы — моя раздражительность превратилась в страх, без всякого предупреждения, но с той же интенсивностью, как это часто случалось в последние дни. Я больше не знала, как это было, чувствовать себя уравновешенной и расслабленной. Я состояла теперь только из крайностей.

Мне казалось, что всё происходит недостаточно быстро и поэтому я отругала не только Тильмана, из-за того, что он совсем не торопился при оплате паковочного билета, но также женщину за справочным столом, потому что та разговаривала по телефону, вместо того, чтобы обратить внимание на нас. Она посмотрела на меня так, как будто я только что отбила у неё мужа и похитила её детей. Этот взгляд был мне очень знаком. Слезы и агрессивность в одном прогоняли даже лучших друзей далеко-далеко. Но я не собиралась пить с ней кофе. Я хотела увидеть моего брата.

После докучливой дискуссии, при которой Тильман — именно он! — не знал куда деваться от стыда, нам, наконец, было позволено идти к Паулю.

— Пауль! — Внезапно мой гнев улетучился, и я припала, как рыдающее несчастье, к его широкой груди. Он был в сознании, не спал и сидел прямо, хотя под капельницей, но явно живой, и он мог даже улыбаться.

— Мне так тебя не хватало, блин, что ты делаешь, ты, идиот...

— Всё ведь не так плохо, Люпочка. — Его голос был хриплым, а сердцебиение медленным и тяжёлым. Мне нельзя беспокоить его. И цепляться за него, как будто он был единственным оставшимся обломком корабля после крушения Титаника. Нет, я должна его развеселить, заставить рассмеяться. Его смех был мне нужен как доказательство того, что всё будет хорошо.

— Я знаю новый анекдот. — Я отпустила его и села должным образом на край кровати,

в то время как медсестра критическим взглядом проверяла его капельницу.

— Ах ты, Боже мой, — сказал Пауль сухо. Я никогда не умела рассказывать хорошие анекдоты и почти всегда пропускала остроту. Но этот должен Паулю понравиться.

— Какая разница между женщинами и резиновыми сапогами? Ну?

— Не имею представления, — ответил Пауль вежливо. Медсестра сунула ему, фыркая, термометр в ухо.

— Что же. Разницы нет, — начала я с триумфом. — Если они сухие, то не влезешь; если мокрые, начинают странно пахнуть, а если в воскресенье выходишь с ними на улицу, на тебя косо смотрят.

Что же, теперь и на меня тоже смотрели косо, хотя была только суббота, но шокированное молчание медсестры быстро сменилось громкими и слегка пристыженными раскатами смеха Пауля.

— О Боже, Эли... Откуда ты его взяла? — Я смущённо пожала плечами. Хорошо, что ДжIANНЫ здесь не было.

— Услышала от своего учителя каратэ.

— Ты занимаешься каратэ? — Правильно. Об этом Пауль ещё ничего не знал. И Тильман тоже. Благоразумно он увеличил дистанцию между нами. Он, наверное, предполагал, что учителем каратэ был Колин.

— Да, беру уроки у одного такого гориллы, прямо сейчас, каждый день. Должно хорошо влиять на психику. Это прописал мне доктор Занд. Внутреннее спокойствие и всё такое. — Продолжай играть психопатку. — А что с тобой, Пауль? Почему ты потерял сознание?

Врач, вместе с любознательным эскортом студентов, который не обращал особого внимания ни на меня, ни на Тильмана, ответил за него. Я поняла не всё, что врач перечислял перед своими протеже, а также перед Паулем, но то, что я поняла, вызывало тревогу. Атриовентрикулярная блокада.

Второй степени. Рекомендуются кардиостимулятор. Кардиостимулятор? Паулю было двадцать четыре! И почему у него внезапно образовался порок сердца? Было сказано, что нарушилось проведение электрического импульса. Ха-за. Очень символично. Там был нарушен не только один импульс. Должны будут последовать дальнейшие обследования, анализ крови, суточное мониторированное ЭКГ, стресс-тестирование.

Пауль внимательно слушал и только иногда переспрашивал. Ему не нужно было много объяснять. Он ведь сам изучал медицину. Он точно знал, что всё это означает — и всё же я знала намного лучше.

— Поговорим с глазу на глаз, — приказала я Тильману шёпотом, в то время как проталкивалась мимо студентов в коридор — здесь мне всё равно больше нечего было делать — и замаршировала по проходу, пока не нашла нишу со скамейкой для посетителей, в которой мы могли спокойно поговорить.

— Нам ни в коем случае нельзя допустить этого. Ни в коем случае!

— Что ты имеешь в виду, Эли? — Недоумение Тильмана по отношению ко мне росло с каждой секундой, но он не знал, что я пережила в прошедшие две недели. Собственно я ещё храбро держалась.

— Кардиостимулятор, что же ещё! — Я пнула скамейку.

— Но почему вдруг? Хорошо же, что они что-то нашли и могут ему помочь...

— Скажи, ты что, дотрахался до того, что стал идиотом? Ты знаешь, как работает кардиостимулятор? Они ведь только что сами сказали об этом! Современная технология в

лучшем виде! С минимальными, точно рассчитанными импульсами! И потом Мар в постоянной близости? Так мы можем и прямо сейчас вырыть Паулю могилу и загнать ему топор в спину!

— Ладно. Точно. Ты права. Не подумал об этом. И всё же тебе не нужно оскорблять меня: дотрахался, что стал идиотом... Нет, правда... — Тильман постучал себя по лбу.

— У Пауля атриовентрикулярная блокада второй степени. Ему необязательно нужно носить кардиостимулятор. Это только улучшит его качество жизни. И возможно так и будет, когда Францёз останется в прошлом. Но пока он ещё здесь. Так что нам нужно отговорить его от этого. Но как?

— Эли, я понимаю, что ты имеешь в виду. Только откуда появился порок сердца? От Францёза? Или был уже до него? Будет ли ему становиться хуже? Что, если с одного дня на другой это станет блокадой третьей степени и Пауль из-за неё умрёт? Хотя я и могу себе очень хорошо представить то, что эти нарушения проведения импульса происходят от Францёза... — Тильман замолчал. Он сам не знал, что дальше.

— Значит, ты постепенно возвращаешься в игру, не так ли? — ответила я саркастически. — Именно в этом и дело. В пятницу состоится схватка. До того нам будет нужно каким-то образом поддерживать Пауля в живых. Потом мы сделаем его счастливым. Францёз атакует, Колин присоединится и... — Я сделала решительное движение рукой. — Почти неделя. Либо неправильно запрограммированный кардиостимулятор, либо риск, что из второй степени станет третья. Что лучше? Хм?

— Оба варианта дерьмо. Но я думаю, что выступлю скорее за третью степень. Нам нужно будет просто беречь его. Францёз до среды на ногах. Он хочет сбывать картины теперь и на Майорке.

— Не мог сказать мне об этом сразу? — Я ещё раз пнула скамейку. Я с удовольствием порубила бы сейчас дрова или испробовала пару шоковых техник Ларса. Предпочтительно на Тильмане.

— Да ты ведь больше не слушала, — ответил он, зевая. — И как ты хочешь уговорить теперь Пауля не имплантировать себе кардиостимулятор? Он ведь в конце концов наполовину доктор.

Я медленно выдохнула, чтобы притормозить моё биение сердца, потому что иначе в больнице будет не только один, а два новых пациента. Раздумывая, я маршировала туда-сюда. Тильман спокойно сидел на скамье и наблюдал за мной.

— Ладно, я думаю, я нашла решение. Они сказали, что сначала сделают ещё обследования, потом встроит кардиостимулятор, потом Паулю нужно будет в реабилитационный центр. Правильно? — Тильман кивнул. Значит, я правильно поняла врача. — Францёз не будет заинтересован в том, что Паулю нужно будет находиться в реабилитационном центре. Но посещение центра, хочешь или нет, связано с этим вмешательством. Один из нас должен рассказать об этом Францёзу и осторожно высказаться против кардиостимулятора и реабилитационного центра. Всё остальное сделает потом для нас он. Знает ли он уже что-нибудь?

Тильман покачал головой.

— Если только ему не позвонил Пауль... Но я думаю, для этого у него ещё не было времени. Твой брат находится здесь только пару часов. И честно, Эли, это нужно сделать тебе. Это ведь логично, что ты предупредишь его. Если это сделаю я, он только снова будет ревновать. И, может быть, даже насторожиться.

Я не отреагировала, потому что у меня не было возражений. Я смотрела на это точно также. Я должна была сделать это. Теперь, значит, стоило заблокировать мои мысли. То, с чем у меня было больше всего проблем. Но лучше всего это получалось при тренировке — когда я была такой уставшей от боли, что, казалось, мой мозг начинал плавать. Кроме того, я всегда воспринимала телефон немного безличным.

По крайней мере, он был более безличным, чем говорить с кем-нибудь, кто сидел прямо напротив, и кому я могла смотреть в глаза. Кто мог смотреть в глаза мне. О незнакомце, позвонившем на днях, я сейчас не хотела думать, он подчинялся другим законам. Француз, надеюсь, нет. Я засучила правый рукав моего пуловера и села рядом с Тильманом.

— Видишь вот здесь этот пункт? — Указала я на едва видимую выемку между лучевой и локтевой костями, чуть ниже сустава. — Положи на неё свои пальцы, и когда я скажу "сейчас", ты нажмёшь так сильно, как можешь. Но только потом, хорошо?

Тильман посмотрел на меня как тогда, когда я в машине намазала себя землёй и выпила воду с цветами. Что-то подобное я испытывала и теперь. Но в этот раз он не спросил, что всё это значило. Он просто принял это, не потому, что доверял мне, а потому, что был уверен, что я начну вести себя ещё более абсурдно, если он попробует мне противоречить. Осторожно он положил палец на мою руку.

— Дай мне мобильный. Набери номер Францёза. — Я хотела покончить с этим, чем быстрее, тем лучше. Я должна была сделать то, чем ранее каждый день занималась в школе. Притворством. С волками жить по-волчьи выть. Сделать вид, будто Француз часть нашей семьи. Мне не нужно было разыгрывать перед ним симпатию — нет, речь шла просто о том, чтобы сообщить партнеру моего брата, как у того дела.

Моё беспокойство может быть настоящим. Мои же скрытые мотивы должны оставаться тайной. Раздался длинный гудок.

— Сейчас, — сказала я тихо. Кончики пальцев Тильмана впились в мою руку и я подавила стон. Чёрт, как это было больно. Было ещё намного хуже, чем когда по этому месту меня ударял Ларс. Но это помогло мне сосредоточиться.

— Тильман? Это ты? Что с Паулем? Я пытался дозвониться до него, снова и снова, что с ним такое? — раздалось едкое бляение Францёза из трубки.

— Эй, Француз. Это я, Эли. Сестра Пауля.

На линии раздалось только презрительное «Пффф».

— Окно, — прошептала я, и хотя Тильман глупо усмехнулся, но всё-таки подчинился. Я нагнулась вперёд и стиснула зубы, чтобы не закричать.

— Послушай Француз, я только хотела тебе сказать, что у Пауля порок сердца, ничего драматичного, какая-то блокада, не знаю. Они хотят в последующие дни ещё обследовать его, потом ему вставят кардиостимулятор и на четыре недели отправят в реабилитационный центр...

— В реабилитационный центр? Они что, тупые? Зачем Паулю ехать в реабилитационный центр? Он ведь не старый и не больной, зачем в реабилитационный центр? Он мне нужен. Он не может поехать в реабилитационный центр. Он мне нужен. Так не пойдёт. Он не может этого сделать. Пауль не может поехать в реабилитационный центр.

Не радуйся, Эли. Раздели с ним его мысли. Опустись на его уровень.

— Да, я тоже считаю это странным. В конце концов он только свалился. Но ты ведь знаешь, какие врачи. Речь идёт гарантированно о деньгах. Ведь у Пауля всё-таки частная страховка. Я хотела только рассказать тебе. Можешь позвонить ему, он точно обрадуется.

Пока.

Я положила трубку и высвободила свою руку из хватки Тильмана, чтобы помассировать её. Можешь позвонить ему, он точно обрадуется. Что я только тут натворила? Я лишила Пауля его терапии. Если и был какой-нибудь мнимо здоровый двадцатичетырёхлетний, которому срочно нужен был реабилитационный центр, тогда это был он. Он ходил с тростью, и это уже на протяжении нескольких месяцев. Признаки медленной дегенерации, рассматриваемые в отдельности безобидные, но убийственные, если сложить всё воедино.

Но лучше этот риск, чем кардиостимулятор, который из-за вызывающей помехи частоты Мара, выйдет из ритма и в чрезвычайном случае остановит сердце Пауля. Но прежде всего время для схватки было назначено. Я предупредила Колина. Нам тоже не нужен был реабилитационный центр.

Значит, Францёза какое-то время здесь не будет — его жадность на деньги даст нам преимущество. А у Тильмана якобы не было проблем перевести свои мысли в другое русло. Оставалась только Джианна. Об обмороке Пауля мне ничего нельзя рассказывать ей, это бы её мгновенно привлекло. Но она знала, что он вернулся сегодня, и если я не отвлеку её, то она будет думать о нём. Может быть, предпримет что-нибудь спонтанное, как боялся Колин.

— Мне нужно ещё кое-куда смотаться, — пробормотала я и встала. — Увидимся сегодня вечером.

Доктор Занд обрадовался, увидев меня, а я обрадовалась, увидев его. Но не хотела задерживаться у него долго. Я рассказала ему коротко о бессоннице Тильмана, а он посоветовал мне послать к нему мальчишку лично. О его проблемах он не мог судить на расстоянии.

— Вы чувствуете себя снова лучше, Елизавета? — Он посмотрел на меня серьёзно.

— Да. Я... я окунулась в свои воспоминания, — ответила я честно, и, казалось, он почувствовал, что я не лгала. Но доктор Занд был не дураком. Он также чувствовал, что во мне кипело что-то намного большее. — Есть ещё некоторые проблемы, — добавила я неопределённо. — Ничего, что можно рассказать. Это... сложно.

— Ага, — сказал доктор Занд, не освобождая меня из своего серого взгляда.

— И поэтому у меня к вам есть просьба. Если, со мной что-то случится, я имею в виду, со мной и моим братом. И Колином. Тогда только вы сможете выяснить, что именно случилось. Понимаете? — Вы должны выкрасть наши тела, подумала я, что не осмеливалась сказать вслух. Заглянуть в наши мозги. Проверить, есть ли у Колина сердце. Глаза доктора Занд расширились.

Быстро я заговорила дальше.

— Если вы пообещаете мне сделать это и не будете вмешиваться заранее, я обещаю вам взамен, что не появлюсь никакого сообщения в Гамбургер Моргенпост о вас и ваших неотёсанных теориях о Марах. И что я стану вашей приемницей. И в один прекрасный день позволю исцелить ваших пациентов

Это оставило впечатление. И даже прозвучало убедительно, хотя я не испытывала ни малейшего желания выполнить это обещание в ближайшие годы. Может быть, даже никогда. Но это было то, что давало ему душевное спокойствие. Рот доктора Занда скривился сначала поражённо, потом озадаченно, потом одобрительно. Он начал улыбаться. Верил ли он мне? Или он точно знал, что я блефовала.

— Вы дьяволица, Елизавета. Я недооценил вас.

— Этого никогда нельзя делать. Марко ещё здесь? Мне хочется пожелать ему хорошего

дня.

— Снова. Он снова здесь. — Доктор Занд провёл по своей лысине. — Он слишком перестарался со своими попытками интегрировать себя в нормальную жизнь. Слишком много стресса, и поэтому предохранители перегорели. Тем не менее, вы можете повидаться с ним. Но, Елизавета...

— Да? — я уже собралась уходить.

— Держите дистанцию. Я имею в виду здесь. — Он указал на своё сердце.

— Конечно, — сказала я с глубоким убеждением. То малое, что я знала о Джианне, хватало мне вдвое и втрое, чтобы не поддаться очарованию Марко. Кроме того, моё сердце принадлежало Колину, даже если в этот момент ему это не приносило радости, и при каждой возможности оно сопротивлялось этому. Оно испытывало страх, вместо тоски и привязанности. Почему, я не понимала. Тем не менее, Марко не представлял для меня риска — это я знала.

Он выглядел немного более раздутым, чем при нашей первой встрече; наверное, из-за медикаментов. Но его печатание ничего не потеряло из своей разрушительной энергии. Что, интересно произойдёт, если заберёшь у него из-под рук клавиатуру? Конфискуешь компьютер? Ему он, кажется, был необходим ещё больше, чем Джианне. Это хорошо, подумала я удовлетворенно и спела про себя небольшую хвалебную песню по отношению к интернету, когда открывала стеклянную дверь и входила к нему.

Марко узнал меня — мягкая вспышка в его мёртвых глазах, которая была слишком слабой, чтобы вернуть в них назад жизнь.

— Эй, как дела? — спросила я, хорошо зная, каким дурацким был этот вопрос.

— Хорошо, — соврал он вежливо. — Что ты здесь делаешь?

Его немецкий удивил меня. Он был почти без акцента. Почему Джианна разговаривала с ним тогда на английском? Я положила ему копию её визитной карточки на письменный стол. Он прочитал её имя и опешил.

— Она думает, что ты умер. Я верю, она обрадуется, если ты сообщишь ей, что это не так. — С этими словами я оставила его одного — на всё остальное у меня больше не было влияния, и поехала назад домой, где нашла Тильмана, отдыхающего на диване, перед собой тарелка с кусочками пиццы, пиво и его мобильный. По телевизору шло какое-то дерьмо, а Тильман создавал впечатление, будто ещё никогда ничего не слышал о Марах и вёл совершенно посредственное, без всякой опасности существование. Ни мне, ни сердитому животному в моём животе это не понравилось. Кроме того, он спокойно мог заказать пиццу и для меня.

— Кстати, тебе привет от отца, — вскипела я и встала перед телевизором, чтобы он не мог больше ничего видеть.

— Ты была у моего отца? — Тильман даже не взглянул на меня вверх, а только на мобильный, который, вибрируя, передвигался по журнальному столику. Наверное, его тёлка. Я вырвала его у него из-под носа и нажала на отклонить.

— Ты что, даже не хочешь знать, что здесь случилось, в то время как ты на корабле подчинялся своему гормональному опьянению?

— Блин, Эли, притормози. Ведь всё идёт нормально!

— Нормально? — Мой голос стал скрипучим от негодования. — Пауль лежит с проком сердца в клинике, а ты находишь это нормальным? — Теперь я взяла пульт и отключила звук. Болтовня за спиной заставляла меня нервничать. Всё заставляло меня нервничать.

Даже остатки пиццы. И левый, развязанный кроссовок Тильмана. Крошка в уголке его рта. Разве он не мог вытереться?

— Конечно же, это не нормально, но в больнице Пауль в безопасности. Францёз находится на Майорке и...

— Да. Замечательно. Уже задумывался, почему? Не может быть так, что там он хочет построить новую жизнь для себя и Пауля? Заманить его туда, потому что подозревает, что здесь зарождается заговор? — Я взяла тарелку, отнесла её на кухню и бросила, гремя, в раковину. — Он только потому поехал на Майорку, что, после того, как Паулю стало плохо, должен предоставить ему паузу. Его мечты должны снова вырасти! — зарычала я на Тильмана. — А как это можно лучше всего устроить, после этой дерьмовой зимы, чем перспективой на новую жизнь на юге?

— Тем не менее, это даёт нам время. Ты реально стала трусихой, пока нас не было, Эли. У тебя совершенно сдают нервы.

Я бросилась из кухни назад в гостиную и обстоятельно проводила маленьким пылесосом вокруг Тильмана по покрытому крошками дивану. Я намеренно неоднократно касалась его насадкой, потому что знала, что это разозлит его до смерти. И так оно и было. Животное в моём животе прорычало от удовольствия, когда Тильман вырвал пылесос у меня из рук и забросил его рассержено в угол, потому что этим он дал мне повод ударить его краем ладони по руке.

— Эли... — Его кулаки были сжаты, а глаза горели. — Оставь меня в покое. — Он был на грани того, чтобы ударить меня.

— Я должна оставить тебя в покое? У тебя был покой целых две недели, в то время как я здесь должна была позаботиться о тысячи вещей: выяснить, что вообще такое Францёз, позволить мучить себя Колину и этой горилле самой жёсткой тренировкой, вломиться в отвратительную халупу Францёза, чуть не умереть от крысиного яда, выкрасть осуждённую на смерть собаку Францёза, потом убили волка, потом мне позвонил какой-то чужой Мар по телефону, который сообщил суперглупое предупреждение, с которым ничего не сможет начать ни один человек...

— Не забывай дышать, — прервал меня Тильман. — Не то твой мозг взорвётся. И я не могу всё это знать, если ты мне не рассказываешь. Как это было с Колином?

Я бросила на него сердитый взгляд. Он вообще не понимал, что я здесь пыталась сказать ему. У него не было представления — ни о том, как внутри меня выглядело, ни о том, чего нам стоит ожидать.

— Было прекрасно, — сказала я холодно. — Мы испробовали семьдесят пять позиций, пили коктейли и выдумывали всевозможные миловидные имена для наших будущих детей. А может случиться так, что мы в пятницу погибнем. Колин, Пауль, Джианна, ты, я. Ты хочешь ещё посмотреть немного телевизор? Вот! — Я бросила ему пульт на диван.

— Блин, Эли. Ты думаешь, я этого не знаю? — Тильман беспомощно провёл себе по затылку. — Это ведь логично, что будет опасно. Но Колин не позволит умереть нам. Я с нетерпением жду вызова. Наконец-то мы больше не будем сидеть пассивно. Этого я жду всё это время.

Я не знала, что мне на это сказать. Для Тильмана схватка казалось только большой игрой. У него вообще не было страха! Я не могла в это поверить. Как мне только объяснить ему, что здесь происходило? Качая головой, я смотрела на него.

— Ты не понимаешь. Так же, как и в прошлом году. Тогда ты тоже не понимал. Ты

думал, Колин занимается родео, а Тесса тебя любит. И мне нужно было вытаскивать тебя из дерьма, когда было уже поздно...

— Закрой сейчас же свой рот, Эли! — заорал Тильман. — За это я испытываю каждый день последствия, ясно? Обо всём другом я не хочу говорить. Убирайся! И не жди меня. Я посплю сегодня ночью на диване.

— Да, я тоже советую тебе сделать так! — Я сбежала в ванную, прежде чем он смог увидеть мои слёзы, которые внезапно наполнили глаза. Я какое-то время тихо ревела, сходила в туалет, снова назад в кухню, сделала себе без желания бутерброд с сыром и спряталась в нашей комнате. Но уснуть не могла. Как бы я не проклинала Тильмана за его невежество — я провела много ночей без единой человеческой души в этой квартире и каждый раз умирала от страха, и эта ночь едва ли отличалась от других. Я боялась закрыть глаза и не иметь возможности контролировать, что происходит. Я больше не хотела оставаться одна.

Часами я крутилась, совершенно бодрая, туда-сюда, пока мне это не надоело, я обернула одеяло вокруг себя и проковыляла в гостиную. Тильман лежал спиной ко мне на диване. Телевизор был выключен, свет потушен. Он спал?

Я примостилась, вместе с одеялом, на любимом кресле Пауля. Значит, я стала трусихой. Да, я сама себе больше не нравилась. Мои клапаны были под давлением. Как только я смогу вступить в схватку, а до этого сделать моего брата счастливым? Как? Так же и чувство угрозы всё ещё было здесь, неослабевающее, сильное и туманное. Не осязаемое, но я чувствовала его от корней волос до кончиков пальцев ног. Я подавленно шмыгнула носом.

— Ах, перестань, Эли. Это ведь глупо. Давай пойдём на кровати. — Тильман встал и пошёл первый в нашу комнату, а я со стыдливой улыбкой поняла, что мы вели себя как поругавшаяся супружеская пара. Я последовала за ним и уснула, прежде чем смогла досчитать до десяти.

Глава 51.

Предчувствие

Ещё две ночи. Две ночи до нашей атаки счастья. Это было не много — с этим можно справиться. Но мне казалось, как будто это Олимп, а у меня больше не было сил подняться на него.

Физически я чуть не взрывалась от избыточной энергии, которая постоянно подпитывалась от сердитого животного в моём животе. Но мой постоянный страх и непреодолимое недоверие против всех и каждого чувствовались как необходимый для жизни яд, моя погибель и в тоже время моё самое острое оружие. Как будто он был мне нужен, хотя обжигал мои нервы до самых тонких разветвлений.

В любой момент мог прийти из больницы Пауль. Он настоял на том, чтобы доехать до дома самому, наверное потому, что хотел ещё встретить Францёза. Я торчала в коридоре перед входной дверью и ждала его, потому что ему ни в коем случае не должно было прийти на ум предпринять что-нибудь рискованное. С каждой минутой становилось темнее, но я не включала свет. Я не хотела видеть картин.

Моя уловка со звонком Францёзу сработала. Пауль не собирался ни имплантировать кардиостимулятор, ни посещать реабилитационный центр. При том, что не только сердце причиняло ему проблемы. Его уровень холестерина был криминальным — как я и подозревала. Он был тикающей бомбой.

Когда зазвонил звонок, я подпрыгнула и распахнула дверь, чтобы заткнуть Пауля в квартиру. Но не Пауль поднялся по лестнице. Это была Джианна, и она не выглядела так, будто пришла сюда, потому что хотела меня увидеть. Нет, она выглядела так, будто хотела свернуть мне шею.

У меня между тем была очень быстрая реакция. Всё-таки мне не удалось полностью перехватить её пощёчину. Но вторая меня больше не встретила. С изумлённым визгом Джианна упала на пол, и прежде чем могла пискнуть, я перевернула её на живот и вывернула руку, так что она больше не была в состоянии двигаться. Разговаривать она, правда, ещё могла.

— Почему ты сделала это? Почему? — выдохнула она и попыталась вывернуться из моей хватки. — Эли, ты вывихнешь мне плечо... — Я отпустила. Джианна один момент оставалась лежать и пощупала со сморщенным от боли лицом свою руку, прежде чем её глаза уставились в мои. Небо, какой она была сердитой.

— Марко? — переспросила я.

— Точно. Мужчина, которому я подарила три года моей жизни, и знаешь что? Он больше ничего не помнит! Он каждый чертов день накачивал себя наркотиками, чтобы больше не воспринимать того, что творится в мире. Он больше не знает, что мы пережили вместе, что я сделала для него, он... — Джианна остановилась, чтобы вытереть слёзы с её пылающих щёк.

— Он даже больше не знает, что был моим первым настоящим мужчиной. Что я думала, что беременна от него. Он ничего не знает. Всё забыл. У меня были отношения с призраком! Мертвецом! А я никогда не хотела узнать об этом, никогда, понимаешь?

На короткий, но очень ясный момент, мной овладело сострадание, и я захотела обнять Джианну и утешить, извиниться. Но потом назад вернулись гнев и недоверие, а к ним ещё и раздражение, которое было почти невозможно укротить.

— Но наш уговор остаётся в силе, не так ли? — спросила я. Мой голос прозвучал колко. — Послезавтра вечером. Пауль и ты.

— Елизавета. — Джианна, всхлипывая, покачала головой. — Кто ты такая? Почему ты сделала это? Почему ты вмешалась? Я ему всё простила, а теперь снова всё вышло наружу. Теперь я знаю вещи, которые никогда не хотела знать.

— Это было необходимо, — сказала я с такой чёрствостью, которая мне самой была чужда. — Разберись с этим. Найди путь. Займи себя этим. Напиши ему о своих собственных воспоминаниях, ладно? Пиши до послезавтрашнего вечера. А потом приходи сюда. Писать ты ведь можешь, правда?

Качая головой, Джианна встала, бросила на меня взгляд, который окончательно классифицировал меня как сумасшедшую, и сбежала вниз по лестнице.

— Не оставляй Пауля на произвол судьбы, слышишь? — прокричала я ей вслед.

— Я такого никогда не сделаю, и ты это точно знаешь, Элиза! — заорала она в ответ. — И это в тебе самое подлое! Ты расчётлива!

— Расчётлива, — передразнила я её, как только её шаги затихли. — Что же, извини, но мне нужно быть такой, чтобы спасти твою шкуру. — При том что я не чувствовала себя даже немного расчётливой. Нет, я чувствовала себя так, будто кто-то другой рассчитывает мою жизнь и перепрограммирует меня. Строчка за строчкой, для одной конкретной цели, которая оставалась для меня в тайне.

Моя щека всё ещё горела. У Джианны было больше силы, чем я предполагала. Наконец в

подъезде раздались тяжёлые шаги Пауля, и лифт с грохотом поднял его наверх. Я встала в проёме двери, чтобы встретить его и сразу же увидела, что у него в руках не было сумки.

— Привет, Люпочка, — сказал он утомлённо, но его глаза коротко вспыхнули.

— Где твоя сумка? Мне поднять её? — спросила я поспешно.

— Нет. Я ещё в состоянии нести сумку сам. Не обращай со мной как с тяжело больным человеком, пожалуйста. Я хотел только быстро сказать привет. Я проведу ночь у Францёза.

— Нет. Нет! Тебе нельзя! — закричала я в ужасе и в тот же момент прижала руку ко рту. Почему только я так плохо владела собой? — Пожалуйста, не делай этого, Пауль, останься здесь, ты как раз только вышел из клиники и...

— Точно. Я вышел из клиники и не видел Францёза с воскресенья. Ты же навещала меня, по меньшей мере, три раза на день, к большой радости всех врачей и медсестёр. — В чьи дела я неоднократно вмешивалась. Но лишь потому, что в отличие от них знала, что действительно с Паулем было не так. Здоровый сон. Мечты. Счастье. А что делали они? Постоянно брали у него кровь, будили его в шесть часов утра — именно тогда, когда у него был самый глубокий сон, и пичкали его кучей ненужных медикаментов.

— И всё же, Пауль... Пожалуйста, останься. Пожалуйста. Пожалуйста! — умоляла я его.

— Францёз ждёт возле набережной Зандтор. Мне нужно сейчас идти. Блин, пойми меня, Эли. Его собака умерла, я ему сейчас нужен. Завтра я снова вернусь — он хочет в пятницу рано утром ехать в Дрезден, и у нас в распоряжение только сегодняшней вечер. Нам надо много чего обсудить. Прими это, пожалуйста. Таким сногсшибательным твой тип тоже не был. Разве я по этому счёту сказал тебе что-то? Нет.

Сногсшибательным в этот момент я Колина тоже не считала. Самое большее — неприятно сногсшибательным. Сегодня ночью он прокрался в мои сны таким способом, что я даже не осмеливалась описать это. Он при этом душил меня. И когда мне удавалось оторвать один его палец от моей глотки, его хватка становилась сильнее. В последнюю секунду я проснулась, и было такое чувство, как будто сон имел власть убить меня.

Видишь сновидения об удушье, если по какой-либо причине задыхаешься во сне? Или задыхаешься, если видишь сновидение об удушье? Моё лицо приняло синеватый оттенок, когда я затем посмотрела на себя в зеркало, а в моих глазах лопнули сосуды. Остаток ночи я проспала без одеяла. Если беспокойное ворочание вообще можно считать сном.

А Колин был "хорошим" Маром. Хотя я между тем уже сомневалась в том, что существовали хорошие Мары, но Францёз был определённо не одним из хороших. Что будет, если сегодня ночью его захлестнёт обжорство, и никого из нас не будет по близости, чтобы снова реанимировать Пауля? Но тот уже развернулся и поднял в приветствии руку.

— До завтра, Эли. — Я хотела побежать за ним, остановить, но снова случилось то, что уже случалось в прошедшие ночи, когда я просыпалась из моих кошмаров и расхаживала по квартире, чтобы мучить себя вопросом, как всё пойдёт дальше. Я внезапно стояла, оцепенев, не в состоянии двигаться или принять решение, в то время как мои чувства и мысли образовывали ураган, который с разрушительной силой проносился по моему мозгу и оставлял смутный, белый шум. Я думала и чувствовала всё одновременно и была не в состоянии разложить это по полочкам или даже сделать выводы. Я была беспомощна по отношению к самой себе.

На это ушли минуты, пока у меня не получилось освободиться из этой бури, и я смогла побежать за Паулем. Но ягуар Францёза уже уехал. Я больше не могла догнать его. И прежде

всего мне нельзя было этого делать. О Боже, мне нельзя было этого делать! Может быть, Францёз слышал мои слова. У Маров был хороший слух. Может, он сидел в своей машине и видел каждую мою мысль перед собой. Знал обо всём.

Но что-то во мне заставило меня бежать дальше, бесцельно и без плана по Шпайхерштадту, вдоль каналов, через мосты, вдоль и поперёк. Я проталкивалась, не принимая во внимание и не извиняясь, мимо туристов, поскользнулась на мокрой мостовой, и мне нужно было несколько раз удерживаться за перила, чтобы не упасть. Чем дальше я бежала, и чем темнее и пустычнее становился Шпайхерштадт, тем больше мне казалось, что кто-то преследует меня.

Я чувствовала это уже всё время, но теперь я слышала шаги. Ловкие и проворные. Они умолкали, как только я останавливалась, и раздавались в ночи, когда я бежала. Или это было эхо моих собственных каблуков?

Я втиснулась в один из проёмов дверей и прислушалась. Клап, клап, клап. Тишина. Нет, это было не эхо. Это были шаги. Не воображение. Не паранойя. Здесь был кто-то, кто хотел добраться до меня.

Я попыталась замедлить моё дыхание, быть тихой — неслышимой и невидимой. Но и шаги моего преследователя умолкли. Он не ушёл, нет, в этом мне не нужно было убеждать себя. Он был здесь. Я его чувствовала. Не прямо рядом со мной, но он ждал того, что я начну двигаться. Он хотел вымотать меня.

Я прижала мою щёку к разъединенной стене входной двери и посмотрела за угол, чтобы найти путь к бегству — и отпрянула, как будто меня ударили.

Он стоял там — прямо и подкарауливая, посередине моста. Он даже не старался как-то спрятаться. Туман клубился вокруг его ног, так что казалось, будто он парит, но он смотрел прямо на меня, тёмный, высокий силуэт со светящимся жаром в глазах, которые посылали чёрные молнии сквозь туман. Я узнала эту фигуру — о, я так хорошо её знала. Среди тысяч я узнала бы её. Собственно я даже любила её. Но ещё никогда она так меня не пугала.

— Колин, — прохрипела я беспомощно, но в тот момент, когда я сказала его имя, он элегантно развернулся и исчез в тумане. — Колин! Что ты здесь делаешь?

Хотя я не твёрдо стояла на ногах и шаталась, как пьяная, я бросилась за ним. Его как будто поглотила земля — никаких шагов, никакого эха. Только жестоко уверенное чувство, что на меня всё ещё смотрят и наблюдают за мной. Поэтому меня не удивило, когда внезапно ледяная рука легла на мой рот и нос сзади и так сильно зажала, что мои клыки поранили внутреннюю сторону щёк. Тёплая кровь потекла мне на язык, а тошнота подкатила в считанные секунды к горлу.

Рука откинула мою голову назад, пока моя шея не хрустнула, мой позвоночник грозил сломаться. Видеть я ничего не могла. Всегда, когда я пыталась поднять веки, их касался морозный ветер и они снова закрывались. Я не могла дышать. Рука была как несущая смерть снежная лавина, которая возвышалась надо мной на несколько метров и не пропускала ни одной молекулы кислорода.

Мои ноги парализовало, а покалывание в кончиках пальцев подсказало мне, что моё сознание дальше не сможет противостоять схватке. Я умирала. И любила мужчину, который меня теперь убивал, забирал у меня мою жизнь, просто так, на улице, посреди города — и ни одной человеческой души поблизости, которая смогла бы помочь или, по крайней мере, проводила бы меня.

— Я надеюсь, что он считает меня одним из своих созданий, — сказал он.

Нет, ты не создание Бога, Колин, подумала я. Ты отродье ада.

Последнее, что сделало моё тело, было то, что оно могло лучше всего. Мои слёзы попытались ослабить его хватку и прогнать смерть, скатывались мягко по его ледяным рукам.

Неожиданно он отпустил. Я не услышала ни шагов, ни всплеска воды, так же и воздух не шевелился — но рука исчезла. Рука. Но не он. Он подждал, невидимый, следующую возможность. Ему приносило больше удовольствия убивать меня постепенно.

— На помощь! — закричала я, но не вырвалось ни звука, как в моих самых страшных снах. Я больше не могла кричать. Это был только шепчущий, хриплый крик — крик сумасшедшего. — На помощь, меня убивают, пожалуйста, помогите же мне, пожалуйста...

Вдруг вокруг меня появились люди, ноги, которые ходили рядом со мной, в то время как я ползла на животе и кричала без голоса:

— На помощь, я умираю, он меня убивает, помогите. — Кто-то схватил меня за руку, но я вырвала её. Я не хотела, чтобы меня касались, разговаривали со мной, не хотела смотреть кому-то в лицо... Мне нужно уйти, разве люди этого не понимали? Мне нужно уходить отсюда, он был всё ещё здесь, почему его никто не замечал? Он был прямо позади меня, висел под аркой моста, спиной кверху...

— Всё в порядке, мы друзья, пожалуйста, расходитесь... Расходитесь, я сказал! Здесь не на что смотреть.

Хотя я брыкалась, стонала и плевалась, две руки скользнули под мой живот и подняли, чтобы унести.

— Да идите же дальше! Вы, несчастные зеваки! Позаботьтесь о своём собственном дерьме! — Я всё ещё кричала, беззвучная мольба, но когда дверь за мной захлопнулась и меня пронесли мимо картин, моя голова постепенно стала понимать, что я была в безопасности. Пока что. Только временное решение, не больше.

Он ждал там, снаружи, по-прежнему. Но мне была дана передышка. На последнем метре Тильмана покинули силы, и он, застонав, бросил меня на диван.

— Блин, Эли. Что это такое было? С твоими глазами всё снова в порядке? -

Сбитая с толку я коснулась своих век.

— Что ты имеешь в виду «снова в порядке»?

Тильман посмотрел на меня с таким взглядом, который отражал мой собственный ужас, и был всё же полный скептицизма.

— Твои глаза... они закатились вверх. В них были видны почти только белки. Это было действительно ужасно.

Видно было только белки — как у Марко. Я вспомнила слова доктора Занд:

— Он смотрит в себя.

Но то, что случилось только что, не было воспоминанием. Я это действительно пережила. В самый первый раз. Никогда раньше мне так не угрожали, хотя я довольно часто кочевала по ночной жизни Кёльна.

— Колин здесь. Колин в городе! — прошептала я. Небольшая рана на щеке всё ещё кровоточила. — Он преследовал меня и...

— Колин? Там не было никакого Колина. Только несколько прохожих.

— Да, когда ты нашёл меня! Но до этого... до этого, кроме нас, на улице никого не было. Он приложил руку мне ко рту и...

— Зачем ему такое делать? Это бессмысленно. Нет, Эли, я думаю, тебе это показалось.

Колин сказал, что до схватки останется на Тришине, не так ли? А здесь есть много подозрительный типов. Репербан, можно сказать, за углом. Тебе не нужно в одиночку расхаживать там. — Да, это всё звучало логично, то, что говорил Тильман. Но это было не так. Ни в этом случае. — Почему ты вообще вышла?

— Я хотела остановить Пауля, потому что он хочет ночевать сегодня у Францёза! — Мой голос сорвался от напряжения. — А теперь уже поздно... Я больше этого не выдержу...

Тильман долго смотрел на меня. Ещё никогда он не выглядел таким взрослым и благоразумным. Я не знала, нравилась ли мне эта черта его характера. Он чувствовал себя по отношению ко мне в превосходстве. И он знал, что ему нужно присматривать за мной, а не наоборот. Он начинал сомневаться в моём психическом здоровье.

— Да, точно, — наконец сказал он тихо. — Ты больше не выдерживаешь этого, не так ли? Эли, ещё только две ночи. Мы справимся, хорошо? Посмотри, Пауль был в больнице, в последние дни не был атакован, вероятно, с ним всё хорошо. А мы всё равно ничего не можем сделать. Если мы пойдём к нему, то Францёз что-то заподозрит. Нам нужно верить в то, что он переживёт ночь целым.

— Но именно в этом и проблема! — вставила я, дрожа. — Я больше не могу верить. Больше ни одному человеку, ни в наш замысел. Даже Колину.

— Значит, и мне ты тоже больше не доверяешь? — убедился Тильман серьёзно.

Теперь я долго смотрела на него. Он мне нравился. Даже очень. Но и он начал накладывать на меня ярлык сумасшедшей и таким образом становился потенциальным противником.

— Ладно, я уже вижу. Ты действительно не делаешь этого. — Он беспомощно покачал головой. — Эли, это наш единственный шанс — доверять друг другу. Разве ты этого не понимаешь?

— Да. Да, я это понимаю, но... — Я взяла металлическую открывалку для бутылок с кофейного столика и прижала её к моим горящим глазам. Я снова была совершенно переутомленной, но в тоже время слишком встревоженной, чтобы лечь спать. Рассказать ли ему о моих снах? О моих предчувствиях? Дать погадать ему мне на картах Таро? Но что, если они подтвердят то, чего я боялась? Что Колин выступил против меня и покушается на мою жизнь.

Тильман взял одеяло с любимого кресла Пауля и накрыл им мне плечи и ноги. Потом он засунул подушку под мокрые от слёз щёки.

— Сегодня ночью ты можешь спать спокойно. Францёз не придёт. По крайней мере, что-то. А завтра...

— Мир будет выглядеть совсем по-другому? — закончила я иронично его слова. — Точно нет.

— Я не это хотел сказать. Я хотел сказать: выпяти грудь и втяни задницу. Мы справимся. Сейчас я что-нибудь приготовлю, потом мы покушаем, посмотрим что-нибудь дурацкое по телевизору и...

Да, будет лучше, если он прекратит говорить. Он и сам знал это. Ничего не станет снова нормально, только потому, что что-то съел и посмотрел телевизор. Совершенно ничего. Но звон посуды и все другие кухонные звуки настроили меня на сон. С благодарностью я свернулась калачиком, так что только кончик носа выглядывал из-под одеяла и была слишком уставшей, чтобы бояться своих снов.

Но я не видела снов. Я и не спала. Это было чисто физическое бессознательное

состояние, которое предназначалось для того, чтобы пополнить мои запасы энергии. Моя душа, однако, осталась смятенной и встревоженной, и когда я проснулась посреди ночи, сразу же поняла, что у меня для этого были все причины.

Я всё ещё лежала на диване, но Тильман ушёл, а телевизор выключил. Было тихо — та тишина, которая с первого дня наполняла меня глубокой тревогой, потому что такого не могло и не должно было быть. Гамбург был большим городом, в больших городах никогда не бывает тихо. Во всяком случае, не так тихо, как сейчас. Не так тихо, как в те ранние утренние часы, когда Францёз полз вверх по стене. Не так тихо, как в те секунды, в которые я после долгой борьбы, наконец, освобождалась от моих снов.

Только смерть была такой тихой — подкрадывающаяся, невидимая смерть, которая нацеливалась туда, где мы были наиболее чувствительными. Не на наши тела. А на наш разум. А теперь это случится и со мной.

Почти покорно я открыла глаза. Его взгляд был холодным и жестоким, его руки — когтями, его широко вытянутые руки — орудием злодейства. Спиной кверху он висел надо мной на потолке, готовый броситься на меня и одним движением сломать шею. Но прежде он высосет меня и заберёт то, что сам возвращал. Потому что последнюю унцию прекрасных чувств я схоронила. Всегда, когда я думала о ночах на Тришине, они появлялись. Я берегла их как сокровище. Но Колин знал даже глубокие бездны моей души. Он найдёт сокровище и похитит его. Я ничего не могла спрятать от него.

— Тогда сделай это, — прошептала я, почти не удивившись тому, что это прозвучало как просьба. Этому следовало наконец закончиться. Я не хотела больше бояться. И всё же страх переполнил меня одним, всё разрушающим, раскалённым потоком, когда он, как паук, пополз вдоль потолка к окну, залез по стене вверх и прополз по крыше. Черепица тихо брякала, потом он исчез.

Теперь я могла кричать. Мой голос повиновался мне, так как я кричала за свою жизнь — слишком поздно, с задержкой, бессмысленно. Если бы я не проснулась, он бы сделал это. Колин атаковал бы меня. Тогда я бы была уже мёртвой. Тильман тут же оказался возле меня. Он слегка пах гашишем.

— Он был здесь! — ревела я, дрожа. — Надо мной, на потолке! Он висел на потолке, хотел упасть на меня...

— Кто? — Тильман сильно затряс меня. — О ком ты говоришь?

— Колин! Колин был здесь, честно, Тильман, он был здесь! Мы должны бежать, немедленно. Они убьют нас! — Я хотела встать, чтобы одеться и упаковать вещи, но Тильман крепко держал меня, а я была слишком расстроенной, чтобы вспомнить хоть один железный приём Ларса.

— Побег? Ты хочешь сбежать? Но куда?

— Мне совершенно всё равно! Нам нужно убираться — подальше отсюда! Лучше всего на другой континент! — Снова я хотела встать с дивана, но Тильман заставил меня оставаться сидеть.

— Колин здесь, — сказала я так убедительно, как только могла. — Он здесь. Поверь мне. Я знаю об этом уже какое-то время, я его чувствую. У меня странные сны о нём, а потом... вот... — Я придвинула к нему газету. Я снова и снова перечитывала сегодня утром статью. Тигрица в зоопарке Хагенбек сожрала своего детёныша и вела себя агрессивно. Как и все другие большие кошачьи. Колин похищал их мечты. Они его чувствовали — также интенсивно, как чувствовала его я.

— Это часто случается с животными в неволе. Да это и не удивительно, не так ли? — возразил Тильман. — Они знают, что это не жизнь, их не естественная среда обитания. Это ничего не значит. Давай посмотрим в интернете, может быть, мы что-то выясним, и ты успокоишься. — Тильман открыл ноутбук Пауля и зашёл на сайт Тришина. Я вскрикнула, когда нам с экрана улыбнулось дружелюбное лицо наблюдательницы за птицами. Быстро я просмотрела текст. Снова здорова, смогла приступить к работе...

— Я была права. Его там больше нет. Он здесь! Я его видела. О Боже... — Теперь я вспомнила, что Колин смотрел из окна автомобиля, когда говорил мне, что останется до схватки на Тришине. Он соврал мне. Он с самого начала знал, что не сделает так. Возможно, он объединился с Францёзом, потому что я зашла слишком далеко. И все его слова, и поступки на Тришине служили тому, чтобы так сильно привязать меня к нему и чтобы я не смогла заметить, что собственно происходит. Всё было притворством. Он использовал меня.

С тем, что случилось с Тессой, Мары дали мне поблажку. Но мой замысел разоблачить Францёза был последней каплей. Я слишком перестаралась. Колин перешёл на сторону врага. Кто сказал, что Мары не заключают союзы. Это тоже была грязная ложь... Что сказал папа? Это их суть — обманывать людей. Марам нельзя верить.

— Поверь мне, Тильман. Нам нужно бежать. Пожалуйста, позволь нам бежать.

— Нет. — Тильман решительно поднял вверх подбородок. — Эли, ты теряешь самообладание. Хорошо, может быть, Колин больше не на острове. Что же ему ещё делать, если наблюдательница за птицами снова выздоровела? Отказываться уступить её место? Не получится. И да, может быть, ты его видела здесь. Но он точно был не тем, кто угрожал тебе. Ты ведь не могла разглядеть нападающего, не так ли?

— Нет, но...

— Ну. Каким Колин был на Тришине? Там ты тоже боялась его? Он вёл себя каким-нибудь демоническим образом?

Я молчала и пыталась вспомнить. Нет, я его не боялась — только его и свои воспоминания. И если хорошо подумать, то я ещё никогда до этого не испытывала его настолько не демоническим, как в те дни. Я даже не замечала его заострённых ушей, потому что они в основном прятались под его длинными волосами. Но, может, это всё было частью его плана и способом убавить мою бдительность?

— Я... я не знаю, — пролепетала я.

— Он дал тебе какое-нибудь напутствие в дорогу? Какие-нибудь намёки, что может случиться до или во время схватки? Может, совет? — расспрашивал Тильман дальше. Я ненавидела и восхищалась им за его объективность.

— Да... да, дал. Он сказал, что я должна ему обязательно доверять, когда дойдёт до схватки и...

— Тогда так и сделай, — прервал меня Тильман. — Доверься ему. По крайней мере, попытайся. Я доверяю Колину. Я делаю это ради себя самого. Не то сойду с ума.

А ты уже почти сумасшедшая, говорили мне его глаза.

— Разумом я это понимаю, — ответила я торопливо. — Но мои инстинкты говорят мне, что случится что-то ужасное. Я точно это знаю. И я знаю, что они верны. Мои чувства верны. — Я глубоко вздохнула, когда заметила, как глупо это прозвучало. Мои чувства верны. Это даже не было аргументом. Это был детский лепет.

— Тогда попытайся игнорировать их. Я знаю, это нелегко. Но Колин вбивал в тебя это не просто так. В этом должен быть смысл. Даже если сейчас ты его ещё не понимаешь.

Скоро солнце встанет. Тогда останется только ещё одна ночь.

Тильман сел рядом со мной и включил телевизор. Без звука мы смотрели какой-то дурацкий канал продаж. Когда рассвело, то до нас постепенно дошло, что самые большие проблемы у нас ещё были впереди. Пауль сказал, что сегодня ночью — в последнюю ночь — будет спать здесь. Если Францёз снова проголодается (а этого можно было ожидать), нам нужно будет сделать то, что Колин назвал самым сложным заданием для меня. Нам нужно будет спрятать свои мысли. Францёз не должен ничего заметить. И издалека тоже. А мне казалось невозможным не думать о том, что мне непосредственно угрожало.

Моим единственным отвлечением, как всегда, была тренировка, с которой я отлично справлялась. Один раз я с такой силой ударила в боксёрскую грушу и с таким пронзительным боевым кличем, что Ларс чуть не потерял равновесие. Наказание последовало незамедлительно. Шотокан каратэ — это боевой контактный спорт, а не фулл-контактный, заорал он на меня. Его жена придурковато усмехнулась, когда мне пришлось делать двадцать подпрыгивающих отжиманий на кулаках.

Но тренировка слишком быстро закончилась, и, вернувшись в Шпайхерштадт, приподнятое настроение, которое после спорта часто согревало и расслабляло меня изнутри, быстро утихло. И это тогда, когда Пауль был снова тут и на виду. Он смотрел Симсонов, смеялся, ел солёную соломку и шоколад, попеременно. Но я ещё никогда не видела его таким усталым и измученным.

Коричневатые тени лежали под его серыми глазами, а горькая складка у рта усилилась. Тем не менее, он был красив каким-то болезненным образом. Может быть, так выглядят люди, если они приговорены к смерти, подумала я, и ледяная дрожь пробежала вдоль моей спины. Я залезла ему на колени, как в детстве. Он хорошо пах и всё-таки явно мужчиной и братом. Какое-то время я оставила мой лоб покоиться рядом с его шеей и слушала его медленный, тяжёлый стук сердца, который всегда немного ускорялся, когда Пауль смеялся. Ему обязательно нужно смеяться гораздо чаще. Приступы смеха заканчивались чаще всего мучительно, сильной икотой и судорогой диафрагмы.

Но Пауль был предназначен для смеха. Он пошёл рано спать, после нашего обычного некачественного ужина, который мы в большей или меньшей степени неохотно впихали в себя.

— Я хотел тебе ещё кое-что сказать, Эли, — заговорил со мной Тильман, когда я с судорожно сжатыми руками убирала посуду в мочную машину. Мы почти не разговаривали весь день, но я чувствовала, что он снова и снова смотрел на меня интенсивно и задумчиво.

— Тогда говори, — ответила я грубо. Я пинком закрыла мочную машину и повернулась к нему, скрестив руки на груди.

— Ладно. — Он прочистил горло. — Такая, какая ты сейчас, ты не особо мне нравишься. Ты изменилась. Ты теперь только подозрительная и в панике, и раздражённая, вопишь на каждого, огрызаешься, разносишь дурное настроение, ревёшь или ругаешься. Это очень утомительно. Но я знаю, что ты не хочешь быть такой и... страдаешь от этого. Не так ли?

Я кивнула и почувствовала, как моё лицо стало тёплым и начало пульсировать.

— Я смерюсь с этим, потому что мы должны держаться вместе. Я не знаю, что будет потом. Но мы как... Ты знаешь Властелина колец?

— О Боже, — пробормотала я. — Ещё и это. Дерьмо об эльфах.

— Тогда не принимай в расчёт эльфов. Там речь идёт о дружбе. По этой причине мне

нравится книга. Они соратники, которые вместе идут в бой, и один готов отдать за другого всё и рисковать жизнью. С нами я чувствую то же самое. Мы товарищи. Поэтому всё, что я могу сделать, чтобы отвлечь тебя сегодня ночью, я сделаю это. Всё.

В коротком слове "всё" звучало значение, которое тепло на моём лице превратило в тот же миг в жар. Всё? Он что имел в виду, говоря всё? Я посмотрела на него, вопросительно и смущённо одновременно. Тильман Шютц сделал мне только что непристойное предложение? Он ответил на мой взгляд спокойно, но с недвусмысленным подтверждением.

— Я, э, ну... спасибо. Но нет. Лучше не надо. Я не хочу... твоя подружка... и Колин... я... — Покраснев, я покончила с моим заиканием и уставилась демонстративно мимо него.

— Я думаю, что мудрее кому-то изменить, чем умереть, если это единственная возможность думать о чём-то другом, не так ли? — спросил Тильман тихо.

— Я женщина, — ответила я с жалким юмором висельника, хотя чувствовала себя в этот момент глупой, маленькой девчонкой и точно не как женщина. — При этом я могу очень хорошо думать о чём-то другом. — С Энди я делала так обстоятельно. С Колином скорее нет. А как это будет с Тильманом? Могла ли я себе это вообще представить? Я поймала себя на том, что мои глаза пытливно оглядывают его тело, и он начал ухмыляться. Небрежно он поднял угол своей футболки и обнажил часть живота. Он был гладким и мускулистым. Его светлая кожа светилась, как молоко. Да, я могла себе это представить и испугалась. Потому что не хотела чувствовать это.

— Забудь об этом, — сказала я приглушённо и немного неохотно. — Я не полезу в кровать с тем, кто не может меня терпеть. Должны быть и другие возможности.

— Для меня — да, — сказал Тильман уверенно и опустил футболку вниз. — Я только не знаю, получится ли это у тебя.

Его подозрения были обоснованными. Я уже начала паниковать, прежде чем стрелка часов дошла до двенадцати. Когда Тильман вышел из ванной, я сидела в пижаме — какая-то старая Пауля и слишком большая — на кровати и плакала, сердитая из-за моей неспособности спрятать мои мысли, и совершенно испуганная от мысли, что Пауль, возможно, не переживёт эту ночь. Прежде чем он заснул, он так сильно кашлял, что у меня самой появилось чувство, будто я страдаю от удушья.

Тильман сел напротив, на свою койку, и какое-то время наблюдал за тем, как я реву, пока я не почувствовала себя обязанной объяснить моё состояние. Но ничего не было, что можно было объяснять. Было только то, что нужно было решить.

— Я не оставлю Пауля одного, — всхлипнула я хрипло. — Я буду спать рядом с ним. Я не позволю умереть ему в одиночестве!

— Эли, это безумие! — И Тильман поднялся и встал, широко расставив, ноги перед дверью. В этот раз я вспомнила несколько техник каратэ и тут же испробовала их, но должна была в недоумение смотреть на то, как Тильман пинком и быстрым поворотом вывел меня из строя. Я лежала на полу, а он так выкрутил мою левую ногу, что я от боли чуть не задохнулась.

— Пять лет дзюдо, — объяснил он и коротко ухмыльнулся. — Ты не единственная, кто освоил боевые искусства. Кроме того, я сильнее.

— Пожалуйста, отпусти меня к нему. — У меня ещё была пара трюков в рукаве и, скорее всего, мне бы удалось вырваться. Но мне не хватало энергии, чтобы проверить это. — Пожалуйста, Тильман.

— Нет.

— Он мой брат — если я засну здесь, а Францёз подвергнет его жизнь опасности, тогда у меня вообще не будет шанса помочь...

— У тебя его так же не будет, если будешь лежать рядом с ним. Или ты думаешь, что ты тогда не заснёшь? — спросил он.

— Да. Конечно, я тогда тоже засну, если Францёз ещё раньше не прочтает мои мысли и не убьёт меня. Но я уверена, что даже в глубоком сне замечу, когда сердце моего брата остановится. Он мой брат, понимаешь? Нет, ты этого не понимаешь, у тебя нет ни братьев, ни сестёр, не так ли?

Тильман покачал головой, а его лицо застыло.

— Нет. Нет, у меня нет. Но мне всегда хотелось иметь сестру. Младшую сестру, — добавил он с ударением. Ладно, значит, младшая сестра. Я не могла служить заменой. Но решительный огонь в его глазах, который был так характерен для него, на несколько секунд смешался с тёмной, мягкой печалью. — Теперь у меня есть что-то вроде старшей сестры. Берёшь то, что дают, не так ли? — Он криво улыбнулся. — И я тоже не оставлю тебя одну, ясно?

— Не поступай так со мной, Тильман, — попросила я. — Я хочу к нему. Может быть, это даже удержит Францёза вдали от него. Ты же знаешь, людям нужно спать в группах...

— Разве ты не замечаешь, что ты сейчас делаешь? Твои мысли вращаются исключительно вокруг него! Он, возможно, уже на пути сюда, может прочитать их. Эли, так не пойдёт!

— Но что мне тогда делать? — завывала я в отчаяние. — Мне нужно к Паулю!

— Тогда мы оба пойдём туда, — решил Тильман, и его зубы хищника щелкнули, когда он потянул меня с пола и взял под ручку. Он тоже был напряжён, и это напряжённость почти не уменьшилась, после того, как мы прокрались к крепко спящему Паулю и легли с правой и левой сторон от него.

— Это совершенно безумно, то, что мы здесь делаем, — прошептал Тильман. Он внутренне кипел. Наверное, он с удовольствием отлупил бы меня. — Мы преподносим ему себя на блюдечке. Чистая команда смертников.

Я придвинула своё ухо к груди Пауля и прислушалась к дыханию и сердцу. Оба были степенными и медленными, и тут же я снова отпрянула, потому что не хотела быть для него дополнительной нагрузкой. Теперь я знала, откуда происходило выражение "спит как мёртвый". В Пауле не было видно жизни. Он даже не вздрогнул, когда мы забрались к нему в кровать. Он и тогда не отреагировал, когда я убрала у него со лба волосы и поцеловала в щёку.

Но тонкая струя воздуха выходила из его носа. Снова и снова я подставляла туда пальцы, чтобы убедиться в том, что он ещё не уступил брату сна.

— Дай мне твою руку, — потребовал Тильман после нескольких минут. Я повиновалась и положила мою руку на грудь Пауля, чтобы Тильман мог взять её. Это была совершенно дикая картина, которая предстала передо мной, когда я посмотрела в его сторону. Он доверчиво положил свою голову на локоть Пауля. Тильман в объятьях Пауля. Но это была также картина, которую я никогда не смогу забыть. Она даже немного успокоила меня. Да, она смогла отвлечь меня на одну секунду...

— Было время до них, — сказал Тильман, как будто самому себе. — Самое длительное время твоей прежней жизни. Тебе нужно вернуться туда и ухватиться за него.

— Там ничего не было. Ничего интересного, — прошептала я, хотя нам не нужно было

понижать свой голос. Пауль спал, как убитый. — Ничего, за что бы я хотела ухватиться.

— Разве ты никогда не была влюблена раньше? Ну, перед Колином? — спросил Тильман недоверчиво.

— Да. Конечно. Но...

— Тогда расскажи мне об этом. Как ты с ним познакомилась?

— Я... вообще-то не знакомилась. — Мои уголки рта автоматически опустились вниз, когда я подумала о Грише. Это всё ещё немного причиняло боль. — Я всегда только смотрела на него. Это было всё. Почти всё.

— Ты никогда не разговаривала с ним? — Тильман придвинулся немного поближе, чтобы положить мою руку на сгиб своей шеи, и я сразу же почувствовала, как пульсирует артерия под его кожей, мощно и почти горячо. Полная жизни. Я оставила лежать её там и прижалась, как и он к плечу Пауля.

— Нет. До этого не дошло. Это всё было ещё в Кёльне, в моей старой гимназии. Я знала как его зовут. Каждый это знал. Гриша Шёнфельд, но у такого, как он, конечно, было прозвище.

Я задержала дыхание.

— И что за прекрасное прозвище?

Прекрасное и необычное — не Крис или Криси, а Гриша.

— У девчонок было такое изречение: красивый, ещё красивее, Шёнфельд. Было написано в некоторых туалетах на двери. Он был самым классным в школе. Всё в нём было особенное. — Я сделала паузу. Как мне только объяснить это.

Но Тильман не уступал:

— Что именно было особенным?

Я вздохнула.

— Первое — это его внешний вид. Манера, как он ходил. Он принадлежал к тем мужчинам, которые по своей природе хорошо двигаются и имеют фигуру, как у модели, даже во время переходного возраста. Небрежную. Косолапые ноги, но не слишком, а как раз как надо. Прямая спина и прекрасно выраженный затылок. Не дурацкий плоский череп. Его линия волос заканчивалась на шее углом. Не эти обезьяньи отростки справа и слева. Нет, уголок посередине. Если было холодно, его щёки становились красными. Может быть, ему это не нравилось, но все девчонки считали это милым. Это было настолько живым. При ходьбе он засовывал руки в задние карманы штанов, вместо передних. И это никогда не казалось экстравагантным! Это подходило ему. Весной и осенью на нём была одета куртка из мягкого джерси с тёмно-синей в белую полоску подкладкой, которая выглядывала только в капюшоне и рукавах. Я никогда не забуду эту куртку. Я не видела её ни на ком другом. Она была ужасно дорогой. Летом он носил обувь принципиально без носков. Я не знаю, кто его всему этому научил, но я никогда не видела его плохо одетым... никогда... Он был не как другие. У него был стиль. Он никогда не надевал просто что-нибудь, казалось, что это всегда было что-то особенное, имело какое-то значение...

Я остановилась и подумала. Что я тут такое говорила? Вещи, линия волос, косолапые ноги. Полосатая подкладка. Фестиваль легкомысленных вещей.

— А дальше? Что было ещё? Попытайся вспомнить.

О, это было нетрудно. Я помнила всё. Я бы смогла нарисовать любую его вещь по памяти.

— Он был старостой класса и талантливым спортсменом. Преподаватели любили его,

без того, чтобы он когда-либо был ботаником. Когда ему исполнилось восемнадцать, он сразу же получил от своих родителей машину. Права он, конечно же, сдал с первой попытки, это ясно. Он ездил на старом Ситроене, кабриолете, не таком заржавевшем, трещащем жуке, как у мамы, а действительно на шикарной тачке. Серебристо-зелёной. А потом... потом случилось что-то странное. Оставался почти год до того, как он окончит школу, на летнем празднике в школе вечером. Я стояла вместе с моими подругами, и мы кормили друг друга мишками гамми, и вдруг я заметила, что на меня кто-то смотрит. — Я закрыла глаза, чтобы погрузиться назад, в эту тёплую, зачарованную ночь. — Это был он. Гриша смотрел на меня. Глубоко и так долго. Это длилось несколько секунд, может быть, даже минуту. Мои подруги тоже заметили это и в изумлении перестали говорить. Как будто время остановилось. Я ответила на его взгляд — я имею в виду, что же мне ещё оставалось делать? Отвернуться, когда он наконец увидел меня? И так мы смотрели друг на друга и больше ничего не делали. Только смотрели друг другу в глаза. У меня действительно было такое чувство, что он выбрал меня. Меня! Я была первой, кто отвернулся. Я улыбалась, просто не могла по-другому. Я до сих пор не знаю, почему он смотрел на меня.

— Ты его никогда не спрашивала? — изумился Тильман.

— Может быть, он смотрел на меня только потому, что на мне было надето что-то дурацкое или потому что он и один из его дружков поспорили, на кого они смогут быстрее всего произвести впечатление, или потому, что хотел проверить меня... Когда он окончил школу и ушёл, я думала, что умру. Что я не переживу этого. Это было ужасно. Потому что мне было ясно, что он исчезнет из моей жизни. Навсегда. — И так он потом и случилось.

— Но вы ведь никогда не разговаривали друг с другом, между вами ведь ничего не было...

— Он был там! Я могла смотреть на него. Он был моей мотивацией ходить в школу, вставать утром, вступать в эту битву, это притворство, и принимать во всём участие, а также издевательства, когда я ещё не притворялась... Только большие перемены во дворе помогали мне справиться с этим. Даже если я видела его только две минуты, он снова давал мне пищу для... — Я замолчала.

— Для чего? — Тильман коротко коснулся губами моих пальцев — не так, будто хотел вернуть меня назад, а так, будто хотел послать меня этим ещё дальше в прошлое. К Грише. Он сделал что-то, что Гриша никогда не делал, но что я всегда хотела от него.

— Пища для моих грёз, — призналась я с горечью. — Я представляла себе, что мы будем дружить. Я даже не ожидала, что он влюбится в меня, что у нас будут отношения. Я бы никогда не смогла противостоять этому — ведь за ним постоянно увивалась какая-нибудь девчонка. Как бы я смогла привязать его ко мне? Собственно я не была влюблена в него в классическом смысле. Я не думала при этом о сексе или о том, чтобы съехаться вместе или о рождении детей. Нет, я хотела, чтобы он защищал меня, поддерживал и если нужно заслонял меня собой, а иногда, когда и не нужно. Чтобы он верил в меня. Чтобы знал и любил моё истинное лицо, а также считал кем-то особенным. Чтобы он находил меня красивой. Даже немного терял голову, так что не мог поцеловать ни одну девушку, без того, чтобы коротко подумать обо мне... Каждый должен видеть, что нас объединяет друг с другом что-то магическое. Он должен оберегать меня от нападков капризных одноклассниц и защищать, если они снова издеваются надо мной. В моих мечтах это было так. Когда я слышала музыку и закрывала глаза, он был там.

Мой голос дрожал. Было всё ещё больно. Чёрт, как это могло всё ещё причинять боль?

— И он никогда ни о чём не узнал? Вот это да, — пробормотал Тильман.

— Нет, узнал, — я сухо рассмеялась. — Я, незадолго до того, как он окончил школу, написала ему письмо. Двенадцать страниц. Двенадцать страниц запутанной сентиментальности, которую я сама не могла объяснить. Наверное, он даже не мог совместить моё имя с лицом... Я не получила ответа. Его бал, в честь окончания, был для меня пыткой. Он всё время протанцевал с самой красивой девушкой выпускного года. Оба так хорошо смотрелись вместе. Позже он стоял возле стойки бара, когда я отдавала мой стакан назад, и я осмелилась сказать привет и посмотреть на него... Я думала, что всё равно не имело больше значения то, что сейчас случится, потому что с завтрашнего дня он навсегда уйдёт...

Я никогда раньше не думала об этом, никогда сознательно не вспоминала это встречу в баре. Потому что хотела забыть об этой сцене, как только возможно. Едва я чуть совсем не вычеркнула её из памяти.

— И как он отреагировал?

— Он посмотрел на меня снисходительно. А потом он отдалённо спросил: "Мы знакомы?" Я сама себе показалась такой смешной и глупой. Мы знакомы! Я сказал: "Нет, но я раз написала тебе письмо из двенадцати страниц. Елизавета Штурм." Он пожал плечами и ответил: "О, не могу такого вспомнить".

— Идиот, — пробормотал Тильман. — Я бы помнил письмо из двенадцати страниц. Даже если оно было таким глупым.

— Что же. Я только сказала: "Оно, наверное, лежит в куче со всеми другими, которые ты получил за все прошедшие годы", и по виду усмешки, появившейся на его лице, я поняла, что была права. Я была только одной из многих. Одна из этих дурных, незрелых девчонок, которые бегают за старшеклассником.

Я основательно зевнула, и моя рука соскользнула с шеи Тильмана. Он поймал её и положил на своё лицо. Мечтательно я провела по его шуршащей щетине на щеке, которая очень мягко колола мои кончики пальцев. Это помогло, рассказать о Грише. Потому что я была при этом не одна.

— Но он... Он был для меня всем. Вся моя жизнь вращалась вокруг него. О той идеи которая у меня была о нём. Потому что это была только идея — в конце концов я ведь его не знала. Я один раз позвонила ему. Я не хотела говорить с ним, только открыть окно в его мир и потом сразу снова положить трубку. Ответил его отец. Его голос звучал так позитивно и уравновешенно и дружелюбно! Уже то воодушевление, с которым он назвал своё имя, поразила меня... Гриша был королевским ребёнком. На пять классов выше меня. Недостижим. Он точно будет важной персоной, выучит экономику и организацию производства или право, напишет свою докторскую и будет потом руководить каким-нибудь концерном... скорее всего, в Швейцарии. У него очень красивая подружка, которую он сильно любит, хотя его никогда нет дома, он ездит в грандиозные отпуска, чтобы покататься на лыжах, и радуется, когда может увидеться с родителями... и... — Я зевнула ещё раз, потом мои глаза закрылись.

— Что бы ты ему сказала, если бы встретила с ним? Сейчас? Если бы вы были одни в комнате?

— Я... я бы спросила его... — Мой язык отяжелел. — Я бы спросила его, ясно ли ему то, что он делает, являясь таким, каким он есть... что он может значить для других... и я спросила бы его, почему он смотрел на меня... так долго...

Его глаза появились передо мной, и мне было снова четырнадцать. Я стояла на тёплом, летнем ветерке, половина мишки гамми на языке, правая рука ещё в шелестящем пакете, который Дженни держит перед моим носом, и для меня существовал только один человек. Одно солнце. Одна луна. Моя единственная звезда на тёмном, бесконечном ночном небе. Гриша.

Глава 52.

Назначенный день

— Эли. День настал. Мы справились. Эли? — Первое, что я восприняла, была резкая боль в моей правой щеке, которая тут же отдалась к виску, когда я захотела повернуть голову. Но я не могла повернуть голову.

Что-то было не так с моим плечом. Вся моя правая сторона казалась израненной и травмированной. Но самыми беспощадными были жжение и тянущая боль в щеке. Я попыталась разжать зубы, и когда мне это, наконец, удалось, на мой язык скользнул толстый кусок слизистой оболочки, который застрял между моими челюстями. Я сама себя укусила.

— Просыпайся, Эли. С тобой всё в порядке? — Тильман попытался перевернуть меня, а я тихо вскрикнула, когда моё плечо хрустнуло. Я наклонилась вперёд, чтобы открыть рот, из которого на пол потянулись ярко-красные слюни. Но я должна была это сделать, как бы отвратительно это не выглядело, потому что хотела избавиться от навязчивого, металлического привкуса своей собственной крови. Тильман смотрел на меня при этом с интересом.

— Ай, — застонала я и прижала руку к щеке. — Не могу говорить. Рот ранен. — В то время как я говорила, мои кровавые капли слюней упали на пол.

— Мне это знакомо, — ответил Тильман равнодушно. — Во сне ты зверски скрипела зубами. Я тоже так часто делаю. Немного износа при этом есть всегда. — Что же, скрипеть зубами это одно. При этом съедать себя саму — другое.

Он протянул мне бутылку с водой, и у меня получилась открыть рот настолько, что я смогла выпить несколько глотков. Потом я осторожно огляделась. Мы снова находились в комнате ужасов Пауля, а на улице взойшло солнце. Я слышала, как чайки шумели над домом.

— Его не было, Эли, — сказал Тильман с торжествующим выражением в его бодрых глазах. — Он не пришёл. Тебе не нужно было бояться.

Нам, поправила я про себя. Нам не нужно было бояться. Тильман мог многое мне рассказывать, но вчерашний вечер едва мог пройти мимо него бесследно. Но он нашёл способ отвлечь меня. Я заснула, в то время, как думала о Грише и рассказывала о нём.

— Покажи. — Тильман указал на мой рот. Я оборонительно подняла руку. Я ненавидела, когда другие заглядывали мне в рот. Это я могла принять только у зубного врача — и даже там, сделав над собой огромное усилие. Посещение гинеколога давалось мне намного легче. Мой рот был абсолютно личной зоной.

— Не ломайся. Я хочу только посмотреть...

Зарычав, я сдалась. Моя челюсть хрустнула, как будто ей срочно была необходима смазка. Тильман взял светильник и осветил в мой рот.

— Вот дерьмо... у тебя есть зубы мудрости. Все четыре. Неудивительно, что ты кусаешь себя. Ой-ой, это будет болеть. — Он поставил лампу снова на стол. — Уже воспалилось. — Да, так я это и чувствовала. Я, должно быть, жевала мою внутреннюю сторону щеки с грубой силой. Рана протянулась вдоль нескольких зубов, до самой задней части нёба. Она будет

болеть при каждом слове.

— И потом ещё моя спина..., - пожаловалась я, когда встала. По крайней мере, попыталась. Но стояла вкось. Больше не могла держать голову прямо.

— Ты уснула на плече Пауля и была напряжённой, когда я перенёс тебя сюда. Как доска. К счастью, ты немного вешишь.

Я со стыдом поняла, что этой весной, несмотря на моё ежедневное занятие боевым искусством, меня чертовски много носили на руках. И теперь это снова был Тильман. Как назло.

Но мы пережили это — пока что. Больше никакой следующей ночи перед схваткой. Француз не пришёл. Тем больше будет его голод сегодня вечером. Теперь было важно сделать Пауля счастливым, и я почти не могла себе представить, как смогу в этом помочь. Тильман направил меня на кухню, поставил вариться кофе и сделал нам несколько тостов.

Было около десяти утра, но я была такая уставшая, что мои глаза снова и снова закрывались. Жевать было пыткой, а когда я проглатывала, боль пронеслась через мой висок до самого уха. Кроме того, я совсем не чувствовала аппетита. Откусив три раза, я отодвинула мою тарелку в сторону.

— Сделайте всё сегодня вечером без меня, — с трудом пролепетала я. — Я не смогу вам помочь. У меня всё болит. Совсем нет энергии. Совсем никакой.

— Я думаю, ты сошла с ума. — Тильман фыркнул. — Теперь решила сдать? Не. Сядь к окну, я сейчас вернусь.

Вздыхая, я подвинула свой стул к солнечному свету, хотя не имела представления, какой в этом был смысл, так как яркость только усиливала потребность закрыть глаза. Тильман вернулся с небольшой бутылочкой и кисточкой назад.

— Что это такое? — Скептически я разглядывала мутную, коричневую жидкость. Но Тильман уже нажал большим пальцем на сустав моей челюсти. Я должна была открыть рот, хотела я этого или нет.

— Не шевелись, — приказал он и начал смазывать кисточкой мою рану, в то время как мне хотелось разрушить все его надежды на семью. Моё колено уже дёргалось, и только пылающая боль удержала меня от пинка, потому что она постепенно парализовала всё моё тело. Тильман, забавляясь, усмехнулся.

— Я знаю, это вещь щиплет, но она действительно хорошая. Поможет тебе. И ты пойдёшь сегодня вечером с нами. Никаких возражений.

— Тильман, я не могу. — Я поняла, что у меня вытекают слюни и вытерла подбородок. Настойка на вкус была ужасной. — Я не могу двигать шеей, у меня болит голова и плечо... Кроме того, у меня сегодня вечером ещё одна тренировка и...

— Ага. Значит, тренироваться ты хочешь? А ужин и концерт посетить не можешь? Звучит не особо логично, — отметил Тильман, веселясь. Вместо ответа я зевнула — стонущая зевота, так как моя челюсть чуть не зацепилась, а зубы заново разорвали воспалённое место. Тильман смотрел на меня какое-то время, будто я была математическим уравнением, которое нужно было решить. Да, казалось, будто он подсчитывал. А меня почти не интересовал результат.

— Ладно. Тогда ложись в кровать и снимай верхнюю часть пижамы.

— Ты помешался? — набросилась я на него и в тот же момент пожалела об этом. Завыв, я схватилась за щёку. — Это было бы надругательством! Кроме того, я сказала тебе, что не хочу этого! Я не ложусь с кем-то в кровать, кому не нравлюсь!

— Я никогда не утверждал, что ты мне не нравишься. Ты всего лишь не мой тип женщины. И я не собираюсь с тобой спать. У тебя изо рта текут коричневые слюни. Это не особо сексуально.

Ворча, я встала и сделала, как мне сказали, потому что постепенно мне всё становилось всё равно. Если я только смогу полежать, не двигаясь, пусть тогда делает, что хочет. Грубо ругаясь, я стянула кофту пижамы с головы и легла, ожидая, на живот. Я начала хватать ртом воздух, когда Тильман сел мне на зад всем своим весом. Он был тяжёлым. Но без сомнений корректно одетый. И то, что он начал со мной делать, причинило такую боль и в то же время было таким прекрасным, что я не смогла подавить стон наслаждения.

— Тебе нужно заняться этим профессионально, — заметила я с дебильной улыбкой, в то время как его пальцы нащупали мышцы под плечевым суставом и начали тщательно их массировать.

— Молчи, — осадил он меня. — Не то это не сработает. — Да. Молчать было сейчас, в виде исключения, самым лучшим. Я закрыла глаза и позволила себе погрузиться в темноту моей внутренней жизни, прислушалась к моему телу, которое, прикосновение за прикосновением, начало восстанавливаться от своих мучений и проторило дорогу ко сну — освобождающему и приятно тёплому сну, который с самой первой невесомой секунды сопровождался сновидениями.

Это были короткие образы из моего прошлого, которые вначале я только видела перед собой, не принимая в этом участия. Я наблюдала за сценами из моих школьных дней в Кёльне, частично испуганно, частично с сочувствием, частично забавляясь, но я никогда не находилась в опасности — принять в этом участие. Я была наблюдательницей своей собственной жизни, в которой не так уж плохо, собственно, преуспела. Иногда мне приходилось укоризненно качать головой, когда смотрела на себя, как я в чём-то участвовала и играла роль и втайне страдала, но я прощала себе это. Это был мой путь — мой путь защитить себя.

Но потом я вдруг оказалась в самой середине — в тот момент, когда парила над следующим классом и встретила Энди. Мои ноги коснулись пола. Я вернулась в своё тело.

— Ты..., - сказал Энди тихо. — С тобой мне ещё нужно по квитаться. — Прежде чем я могла что-то возразить, он оттеснил меня к стене и засунул свою руку мне между ног. Другой он подчёркнуто нежно обхватил моё горло, почти что ласка, но его взгляд говорил мне, что он зажмёт его, как только я попытаюсь сопротивляться.

— Ты думаешь, что я потерплю это? О чём ты только думала, Елизавета Штурм, хм? Трахаешься со мной, а потом уходишь? Это было не в последний раз, я клянусь... — Его хватка стала крепче, и он начал торопливо, но с жестокой решимостью шарить возле застёжки-молнии моих джинсов. Мне было ясно, что он собирался сделать. Он хотел изнасиловать меня.

Но Энди не знал, что я занимаюсь каратэ. Я боялась, даже очень сильно, чуть не впадала в панику. Но подняв лишь со всей силы колено вверх и ловко развернувшись, я освободилась из его хватки, бросилась из зала и побежала вдоль коридора, до самого фойе, где мои силы закончились, и я, дрожа, села на стол рядом с ксероксом. Мне нужно было передохнуть. Только один момент. Энди какое-то время будет занят самим собой, прежде чем сможет последовать за мной.

В здании, кроме меня, находилось не так много учеников — несколько пятиклассников, которые уже закончили занятия и играли в углу в карты. Здесь и там проходил мимо меня

учитель, как всегда с бумагами и портфелем под мышкой. Они не обращали на меня внимания.

Я прислонилась к стене и закрыла глаза, чтобы отдышаться, пока не услышала, как захлопнулась тяжёлая входная дверь. Медленные и отдохнувшие, но не вялые, шаги приближались ко мне медленно. Нет, они звучали круто и небрежно. Уверенно. Шаги королевского ребёнка. И они направлялись ко мне. Прямо ко мне.

Я подняла веки и почувствовала себя как светильник, который, наконец, зажгли, чтобы затмить всё остальное. Ещё никогда я не испытывала такой искренней и настоящей радости — радости без ожиданий, скрытых мотивов, расчёта, тайных мечтаний, которые боялись, что не исполнятся. Моя улыбка была непреодолимой, и когда я осмелилась поверить, что он тоже улыбался и имел в виду меня, действительно меня, то захотела остановить время.

Он выглядел немного более взрослым, зрелым, но это был определённо Гриша. Его глаза вспыхнули, посмотрев на меня лукаво. Он остановил мои руки, которые хотели обнять его за шею, мягким движением руки. Его отказ не задел меня. Да, я хотела обнять его — ну и что? Не так уж и страшно.

— Извини, — сказала я полная раскаяния. — Я была так счастлива тебя увидеть. Я всё ещё счастлива.

— Я знаю. — Он засунул свои руки в задние карманы брюк. — Но не забудь, что я не тот, за кого ты меня принимала. Мы не знаем друг друга.

— Конечно. Ясно. — Я немного покраснела. — Но ты имеешь в виду меня, не так ли? Ты пришёл из-за меня? — Зачем я это спрашивала? Я ведь знала. И это так невероятно радовало меня.

— Да. — Он кивнул. Я должна была засунуть руки за спину, чтобы не погладить его по покрасневшим щекам.

Серьёзно он смотрел на меня.

— Ты должна мне помочь, Эли. Только ты можешь. Я слышал, что ты...

— Эли. Эй, Эли. Просыпайся. Ты проспишь весь день. Разве у тебя нет сегодня тренировки?

— Нет! — крикнула я. — Нет, оставь меня там, пожалуйста...

Было слишком поздно. Я видела, как Гриша говорил, но его слова замерли без смысла. Я не могла их слышать.

— Теперь я не знаю, в чём я должна ему помочь! Я должна помочь ему!

Возмущённо я открыла глаза. Чем только я могла помочь Гриши? Я, Елизавета Штурм? Меня съедало любопытство, но сильнее, чем любопытство было яркое, сверкающее счастье в моём животе. Я чувствовала себя сильной и отдохнувшей и приятно расслабленной — да, уравновешенной. Моя боль стала терпимой. Я села и основательно потянулась.

— Может, будет лучше, если ты что-нибудь наденешь на себя, — сказал Тильман, смотря с вежливой скромностью на мои пальцы ног. О да, мне следует это сделать. Но в этот момент меня не волновало, что Тильман видел мой голый торс — а именно спереди, а не сзади, как сегодня утром. Мои мысли всё ещё находились с Гришей. Он пришёл из-за меня в школу. Из-за меня...

— Кажется, был хороший сон. — Я рассеянно кивнула и натянула на голову майку. Что говорил папа, что сны длятся только несколько секунд? Этого не могло быть. Этот сон начался после того, как я заснула во время массажа Тильмана и только что закончился. Он длился до самого обеда, хотя я не говорила с Гришей и пяти минут. Именно это и было

тайной этого сна. Замедленное действие. Минуты были как часы. Я могла бесконечно долго наслаждаться счастливой мыслью, что Гриша имел в виду меня, и я должна была выяснить, какой помощи он от меня ждал. Сон был таким ясным и настоящим, как видение. Может быть, действительно существовало что-то, в чём только я могла ему помочь. И благодаря этому он, наконец, поймёт, как много он для меня значит.

Когда всё это здесь закончится, я должна буду найти его. Любой человек оставляет следы. Я найду его. И всё выясню.

Эта мысль помогла мне даже вынести пытки Ларса, который был настроен сегодня исключительно садистски. Но я не пожаловалась ни одного раза. Даже тогда, когда он погнал меня в макиваре по залу и заставил ударять руками и ногами, пока у меня снова не потекла кровь изо рта. Я даже немного наслаждалась этим. Я хотела тренироваться до изнеможения, хотела, чтобы меня поощряли, даже перегрузили, сфокусировать мою энергию и выложиться на полную.

Заключительный удар я специально направила рядом с подкладкой — а именно прямо на бедро Ларса. Застигнутый врасплох, он упал на пол, и прежде чем смог подняться, я вывернула ему ногу и откинула голову в сторону. Шах и мат. Потом, не сказав ни слова, я отпустила его, поклонилась и ушла в раздевалку. Пять минут спустя рядом начал журчать душ, в этот раз, однако, без женоненавистных шуток.

Я вошла, не постучавшись. Испугавшись, Ларс развернулся, горилла вся в паре и полностью покрытая блестящим голубоватым гелем для душа.

— О, — сказала я подчёркнуто удивлённо и направила свои глаза на его середину. — Всё такой же маленький? — Зарычав, он схватил полотенце, чтобы обмотать им поспешно и довольно нескоординировано свои бёдра. Горилле было стыдно.

— Чего ты хочешь, Штурм? — спросил он грубо. Он протянул руку назад, чтобы выключить воду.

— Попрошаться. У меня сегодня будет схватка, и я не знаю, переживу ли её. — Я удивлялась своему собственному спокойствию.

— У тебя... что? — Ларс сделал один шаг в мою сторону. Его широкие, волосатые ноги оставляли небольшие озёра из пены на грязном полу.

— Понял правильно. У меня будет схватка. Опасная схватка. — Я не избегала его взгляда.

— Против какого-то типа? Тебе кто-то докучал? Какой-нибудь проходимец? Мне его...?

— Нет. Нет, я сделаю это. Во всяком случае, я буду находиться рядом. И может случиться так, что я... Ну, ты знаешь. Не переживу это. Поэтому хотела сказать пока.

Я протянула ему руку. Ларс уставился на меня, не веря, в то время как озеро между его ног становилось всё больше, а полотенце соскользнуло с тихим шуршанием с бёдер. Он протянул за ним свою лапу, но его реакция была слишком запоздалой. Оно упало на пол. Но нагота, казалось, больше не интересовала его. Потому что он начал понимать, что я говорила всерьёз. После одного очень длинного и тихого момента он нерешительно взял мою руку в свою. Его хватка была удивительно ласковой, почти застенчивой.

— Тогда расправься с ним, — сказал он хриплым голосом. Я подождала, пока он освободил мою руку — это заняло несколько секунд, когда мы смотрели молча друг на друга и в первый раз не питали друг к другу отвращения, развернулась и покинула зал. Окрылённая, я побежала к машине.

— Он был таким маленьким, потому что я принимал душ под холодной водой! — заорал

он из окна раздевалки, а я тихо рассмеялась. Да, конечно.

А откуда тогда появился пар? Всё ещё улыбаясь, я открыла машину. Чутьочку счастья пылало во мне. Я только должна была сохранить это жар, раздуть его, поддерживать живым. В мыслях о Грише. Передать его Паулю. Этим привлечь Францёза. Всё остальное решит судьба. Я была готова.

Глава 53.

Пляска смерти

Уже при первых аккордах заключительной песни покалывающие мурашки на спине превратились в холодную дрожь. Вокруг меня бушевали приветственные крики и аплодисменты. Вспыхивали зажигалки. Люди обнимались и со спонтанным воодушевлением вытягивали вверх руки. Но я хотела выбраться отсюда. Потому что знала эту песню. Конечно же, я её знала — у меня только вылетело из головы, что её исполняли Ultravox. Я слышала её один единственный раз, но и этого одного раза хватило, чтобы никогда её больше не забыть и никогда больше не хотеть её слышать. Слишком много воспоминаний — воспоминаний, связанных с чувствами. Они вернутся.

Я отвернулась от других и стала быстро оглядываться в поисках выхода. Но люди стояли слишком близко друг к другу, аварийный выход был слишком далеко. Я не смогу убежать от музыки. Образы у меня в голове уже начали принимать форму.

— Что случилось? — заорал Тильман мне в ухо.

— Хочу выбраться отсюда! — закричала я в ответ. — Мне нужно выбраться!

— Но пока ведь всё шло прекрасно!

Так оно и было. После того, как я, вернувшись с тренировки, приняв душ и переодевшись, вышла из ванной, Джианна уже полная ожиданий стояла в коридоре, нарядившись, и в милостивом настроении, так что простила, скрепя зубами, моё небольшое вмешательство в её прошлую личную жизнь. Пока что, как она подчеркнула. Ради дела. Дело — Пауль — узнал о нашем замысле только после обеда, но охотно позволил захватить себя врасплох. Это было одно из немногих хороших последствий его атаки: он был совершенно пассивен. Но, может быть, его также привлекла мысль о том, чтобы снова увидеть Джианну.

В то время как Джианна оглашала мне своё великодушие и упомянула, что возможно когда-нибудь сможет искренне простить Марко за его побег от реальности в дурман наркотиков, Пауль находился ещё в спальне и переодевался. Это могло занять много времени, поэтому Джианна заперлась со мной в ванной, чтобы я "что-то с собой сделала". Мне было не совсем ясно, что это могло быть. Конечно же, Дженни и Николь шлёпнулись бы в обморок, если бы увидели меня такой — в узких, но выцветших джинсах (расклеванные, а неприлично обтягивающие), моих кедах в клеточку и плотно облегающей, мягкой футболке с капюшоном. Но я чувствовала себя комфортно, и, прежде всего, я чувствовала себя, как почти всегда после тренировки, красивой. Моя кожа была хорошо снабжена кровью и переливалась розовым цветом, мои глаза светились, мой рот был полностью расслаблен. Мне не нужна была косметика.

Джианна смотрела на это по-другому. Меня должно окружать немного больше гламура, если хотим пойти шикарно поужинать — очень символично: в «Красивую Жизнь» тут же за углом, а после концерта посетить клуб. Они в конце концов запускали не каждого.

Так что я скользнула в чёрную, с глубоким вырезом кофту (джинсы она с меня не снимет, даже если встанет на голову), и в то время как я красила ресницы и наносила блеск

для губ, Джианна попытала своё счастье с укладкой моих волос, но быстро сдалась. Они между тем уже доходили почти до середины спины, и по полному завести взгляду Джианны я могла видеть, что она в тайне желала себе такое "великолепие". Но она не знала, что означало это "великолепие", а я, кто очень хорошо это знал, смотрела не менее завистливо на её блестящую гладкую гриву.

— Мир не справедлив, — констатировала она, вздыхая, поправила мой вырез и толкнула назад в коридор. Тильман тоже переоделся. Это были лишь небольшие изменения по сравнению с его повседневной одеждой, но они делали большую разницу. На нём была надета тёмная рубашка к его обычным небрежным штанам, и он поменял кроссовки на пару стильных ботинок. Я ещё никогда не видела его в рубашке, и зрелище было такое же сбивающее толку, как и очаровывающее. Он выглядел дерзко, потому что рубашка не подходила к его шарму уличного мальчишки.

Хотелось её тут же снять с него.

— Ладно, — сказал он, растягивая слова, когда увидел нас, и его миндалевидные глаза смотрели на меня на одну секунду дольше, чем обычно. — Может быть, я всё-таки возобновлю ещё раз моё вчерашнее предложение. — Он весело подмигнул мне.

Джианна, сбита с толку, переводила свой взгляд от меня к нему.

— Я что-то пропустила? — спросила она с любопытством. — У вас всё-таки что-то...? — Но теперь к нам присоединился Пауль, и его вид тут же парализовал язык Джианны. — Привет, — пошептала она. Это прозвучало как "прив", слабо и безвольно.

Да, Пауль затмевал нас всех. Я не могла точно сказать, почему это было так. И я раньше не осознавала, что страдание может выглядеть так привлекательно. Так как тени под его глазами хотя и стали более умеренными, но не исчезли, а меланхолия в уголках его губ крепко укоренилась, даже тогда, когда он, как сейчас, начал улыбаться запрещёно очаровательным способом. Папа однажды рассказывал мне, что больные люди, незадолго до своей смерти ещё раз расцветают, и родственники часто думают, что те идут на поправку, да, что они даже поправятся.

Вместо этого, это было лишь последнее сияние, как пламя, которое ветер заставляет вспыхнуть, прежде чем его холод окончательно погасит его.

Но я спрятала это представление в ящик со всеми чувствами и размышлениями, которые сегодня вечером были запрещены и не одобрены, и попыталась наслаждаться видом Пауля — мой брат в своих тёмно-синих дорогих джинсах и тёмном пуловере, с широкими серебрянными кольцами на его красивых руках и со слегка волнистыми, длинными волосами. Осознавал ли он вообще, как сильно был похож на папу? И всё-таки совершенно другой человек?

Ужин я пережила как в опьянении. У меня был сказочный аппетит, и мне удалось вопреки ожиданиям осилить три блюда, вдохновлённая моими планами насчёт Гриши, которые с каждым проглоченным кусочком становились всё конкретнее и ощутимее. Социальные сети пользовались всё большей популярностью. Может быть, он между тем уже зарегистрировался на Facebook, Xing или wkw. А если нет, тогда один из его друзей, чьи имена я ещё знала и которых я могла спросить о его местонахождении. Мне нужно было только найти хороший повод, чтобы разжечь любопытство Гриши. Но его я ещё придумаю. Я перехитрила Тессу. Если смогла сделать это, то в сферу возможностей должен входить и успешный поиск старого, школьного товарища. А если нет, то были ещё деньги папы и их хватит, чтобы нанять частного детектива.

Но в ещё более восторженное настроение меня перенесло представление о том, как это будет, когда мы наконец встретимся. Потому что я больше не была маленькой, робкой, подстраивающейся под всех девочкой, какой была раньше, заменимой и наряженной. Я была Елизаветой Штурм, единственной человеческой девушкой, которая имела отношения с Демоном Мара (о чём я подумала только мимолётно, потому что на Маров я сейчас не хотела тратить время). Я занималась каратэ, закончила на отлично гимназию, имела водительские права и вместо хохочущих подружек проводила время с сторонником хип-хопа, который использовал выходные, чтобы проколоть свою грудь веткой, и рисковал своей жизнью, принимая кокаин, если этого требовали обстоятельства.

Гриша должен был всё это увидеть. Понять, что он ошибся, когда думал, что я была одна из многих. Наверное, вряд ли какая-нибудь другая, кроме меня, была так серьёзно настроена по отношению к нему. И когда он это поймёт, он так же вспомнит, в чём я должна была ему помочь.

Это чувство восторга длилось также и после ужина, и даже столпотворение в концертном зале и несколько устаревшая группа не могли мне в этом помешать. Всё шло как по маслу. Даже концерт начался вовремя, в восемь часов вечера, что сильно удивило Джианну. Мы были гениальными режиссёрами, организовавшими счастье, и я уютно наслаждалась чувством, что совершила что-то замечательное — пока не началась песня, которую теперь пели Ultravox и которую, по-видимому, с нетерпением ждали всё, кроме меня. Dancing with Tears in my Eyes.

Конечно же, я её знала! Она однажды вечером шла по MTV, в одной из программ, в которых показывают популярные видео, а зрителям разрешено выбирать свои любимые. Её ужасно вели и прерывали невыносимыми рекламными роликами, но она хорошо подходила для того, чтобы наряду с ней пролистывать гляцевые журналы, болтать о парнях и придумывать планы на выходные. Именно это делали Николь, Дженни и я — до того момента, когда первые изображения видеоклипа этой песни замерцали на экране.

Потому что они показывали один из моих кошмаров. Не тот с падающими самолётами и ядерным грибом на горизонте, а второй вариант. Авария на атомной электростанции прямо по соседству. В моём детстве эти сны бодро чередовались, один хуже другого. Потому что были реалистичными. Один уже исполнился, наполовину. В сентябре 2001. Граунд-Зиро. Так же авария до моего рождения. 1986. Чернобыль.

Одна из любимых тем господина Шютц (не принимая во внимание любовную капельку). Но оба эти случая произошли не поблизости со мной. В этом отношении судьба должна была ещё завершить начатое.

И когда я, во время этого безобидного девичника в Кёльне, увидела видео, то была снова поймана в своих снах, с уверенностью, что умру — если не сегодня, то через несколько дней. Больше не было надежды. Мы сами создали для себя своё собственное уничтожение. И важной была ещё только одна вещь: кого мы будем обнимать, когда это случится? Где был человек, которого мы любили?

Даже теперь, годы спустя, перед моими глазами всплыли сцены из клипа, как будто я видела его только вчера, и я ничего не могла сделать против этого ужасного чувства, которое послало через мою грудь рыдания, рыдания, которые ничего не могло облегчить, совсем ничего... Двое любящих, которые в молчаливом согласии заворачиваются в тонкое одеяло, чтобы быть рядом друг с другом, когда умрут. Последний взгляд на детей, которые мирно спят. Потом взрыв.

Вспыхнувший свет. Цветная юла под кроватью... Юла... Мой взгляд размылся. О Боже. Что я тут собственно делала? Разрабатывала планы, как снова встретить Гришу? Я что, совсем потеряла рассудок?

— Эли... пожалуйста...! — Крик Тильмана — по-другому мы не могли изъясняться — звучал предостерегающе, даже немного раздражённо. У него были все основания быть раздражённым. Мне нельзя было портить настроение. Как в тот вечер с Дженни и Николь. А в этот раз от этого зависело очень многое. Но здесь, посреди толпы, не было ванной, где я могла бы уединиться, чтобы спокойно поплакать и снова и снова вдалбливать себе, что то, что я только что видела, было только плодом апокалиптически предрасположенного режиссёра, который хотел поважничать.

Не реально. Дети были живы. Все были живы. Никакого взрыва не было. Юла потом была запакована в коробку и поставлена назад на полочку к другим реквизитам. Это только шоу.

Но пока у меня не было шанса сбежать от музыки, эти мысли ни к чему не привели. Уже Пауль повернулся ко мне, потому что я отступила назад на пару шагов и толкнула парочку, чьи обе половинки засунули языки друг другу в рот. Прежде чем он мог посмотреть мне в глаза и понять, что случилось, я спрятала своё лицо на шее Тильмана. Он тут же сообразил и обнял меня за плечи. Мы прикинулись влюблёнными, потому что по-другому было нельзя.

— Мне нужно к Колину, — крикнула я ему в ухо, в то время, как он всё ещё крепко держал меня и мы должны были выглядеть так, будто стрела Купидона пронзила нас со всех сторон и, по меньшей мере, десять раз. — Я должна ещё раз поговорить с ним, прежде чем мы умрём!

— Мы не умрём! Не болтай всякого дерьма, Эли! И разве ты не боялась Колина? — Да, боялась! — Я увидела краем глаза, что Джианна и Пауль держались интимно за руки и склонили друг к другу головы. Они точно говорили о нас.

Очень хорошо, пусть себе говорят, если думают, что мы теперь всё-таки влюбились друг в друга, и ничего не заметят из того, что я чувствовала по-настоящему.

— Я всё ещё боюсь его, но... я его люблю и... что, если я ошибаюсь, и он погибнет так же, как мы, а мы не смогли спокойно поговорить друг с другом? Он единственный, кого я хочу иметь поблизости, когда наступит конец, и именно он...

— Конец не наступит! — Тильман взял моё лицо в руки и посмотрел на меня с неумолимой твёрдостью. Я улыбнулась, потому что Пауль бросил на нас взгляд, но Тильман, который стоял к нему спиной, совсем не собирался отвечать на мою улыбку. — Конец не наступит, слышишь? Не смей в это верить.

Я посмотрела на него твёрдо, больше не улыбаясь, но всё же почти с любовью, потому что его мне тоже будет не хватать, если придётся уйти.

— У меня такое чувство уже несколько недель, Тильман. — Я говорила тихо — он не услышит меня, самое большее прочтает по губам одно-два слова. Не больше. Но это не имело значения. — Один из нас умрёт. Скорее всего, я. Я это чувствую. Я только поэтому здесь с вами, потому что всё равно не могу этого избежать. У меня просто нет выбора. Но мне так хочется увидеть его ещё раз.

Тильман взял мою голову и прижал к своему плечу, чтобы Пауль и Джианна не смогли увидеть слёзы в моих глазах.

— Если мы умрём, то пусть умрём счастливыми. Хорошо, Эли? Мы умрём счастливыми. Ты это поняла?

Песня закончилась и аплодисменты разразились. "Бис" — крики со всех сторон. Я взяла уголок от воротника рубашки Тильмана и вытерла слёзы с уголков глаз, прежде чем повернулась к той, действующей на нервы особе, которая лихорадочно дергала меня за рукав. Это была Джианна.

— Эй, вы, голубки, нам пора смываться, если не хотим задохнуться в толпе... Это всегда самое лучшее, убраться перед дополнением! Потому что любой дурак хочет видеть дополнение! — Она смотрела на нас с гордостью. — Многолетний опыт журналистки!

Нам удалось пробраться мимо всех этих весёлых людей и пройти через выход, прежде чем началось большое бегство масс. У меня в ушах всё ещё раздавалась запоминающаяся мелодия. *Dancing with tears in my eyes... weeping for the memory of a life gone by...*

А теперь пойти танцевать? На дискотеку? Снова вернуться в суматоху и быть вынужденной смотреть во все эти улыбающиеся, по-дурацки блаженные лица? Я ещё никогда так не тосковала по одиночеству и тишине леса. Но с того времени, как волк умер, я больше не могла думать о моём доме, не горюя по нему.

— За мной! — крикнула Джианна и направила нас по улицам и переулкам, по которым я ещё никогда не ходила. Я совсем не знала Гамбурга. Я уже в течение нескольких недель жила в этом городе и ещё ни разу не посещала Репербана.

Но теперь это казалось бессмысленным. Пойти танцевать. Зачем? Если скоро всё закончится? Я никогда не могла этого понять, эту игру воображения: что бы ты сделал, если бы сегодня был твой последний день? Потому что, что это принесёт, делать что-то, если всё равно нельзя продолжить? У меня было только одно желание — быть рядом с тем, кого я люблю. Загвоздка заключалась в том, что я больше точно не знала, кто это был. При возникновении сомнений Колин. При возникновении сомнений всегда Колин. Который хотел меня убить... И, тем не менее, я цеплялась за надежду, что он был на нашей стороне и спасёт моего брата. Потому что мне ничего другого не оставалось.

— Эли? Ты устала? Ну, давай! — крикнул Пауль, который, идя впереди, оглянулся на меня. Я отстала, шла за другими, как замечтавшаяся собачонка.

— Мышечная боль! — ответила я, усмехаясь, и помахала. — Ой! — Я потёрла, в безупречной манере актрисы бедро. Темнота предотвращала то, чтобы он смог разглядеть блеск слёз в моих глазах. Только Тильман видел их. Он взял меня за запястье и заставил идти быстрее. Упрямо, я упёрлась ногами в землю.

— Елизавета. — Он глубоко вздохнул и попытался сдержать себя. Чёрт, как он хорошо сегодня вечером выглядел. Энергия пульсировала в его глазах, спина была прямой, тело полное ожиданий. Он хотел схватку, да, он ожидал её с нетерпением. А ожидание, казалось, оживляет его, может быть, даже возбуждает. Что господин Щютц упоминал об одном из атавизмов, которые иногда охватывали нас, людей? При угрозе смерти мы внезапно были вдохновлены желанием произвести потомство? Гарантировать наше будущее поколение, даже если мир грозит погибнуть — ради выживания?

— Я иду домой. Повеселитесь дальше без меня, — прошептала я. Я обессиленно привалилась к влажной кирпичной стене позади меня. Смех Джианны переливался в ночи, потом до нас донёсся тихий смех Пауля.

Тильман опёрся руками о стену, справа и слева от моих висков, его лицо на расстоянии всего нескольких сантиметров от моего.

— Нет, Эли. Вспомни прошедшие недели. Что мы делали? Боялись, ломали головы почти не ели и не спали, ругались... Мы вообще не жили. Мы здесь, посреди большого

города, в который любой другой приезжает, чтобы повеселиться, за углом у нас находится Репербан, Санкт-Паули, Рыбный рынок, всё здесь, а мы терзаем друг друга. Позволь нам, по крайней мере, пожить сегодня ночью.

— Ну да. Да ты ведь хорошо проводил время на корабле со своей... тёлкой. Так что не жалуйся.

— Да, и попробуй догадаться, почему я это сделал. Почему я в первый же вечер подцепил девчонку. Ну? Чтобы думать о чём-то другом. Это случилось не случайно. У меня было видение на этом корабле, сразу же после прибытия. Я видел Францёза, как он пронзает мне череп стрелами и смотрит через дырки. Мне нужно было это сделать. Так как это отвлекает меня.

— Меня нет, — ответила я упрямо. — Меня такое не может отвлечь.

— О нет, может, — возразил Тильман настойчиво, наклонился вперёд и коснулся собственнически моего рта своими губами. Я вздрогнула, потому что они были тёплыми. Тёплыми, не прохладными. Это поцелуй, сказала я себе объективно, когда случайно кажущееся прикосновение стало обязывающим, недоразумения исключены. Да, это был поцелуй, чёткий и требовательный. Я позволила, чтобы наши языки коснулись друг друга, остановились, потом опять разделились и остановили мои мысли своей случайной игрой. Я больше не могла думать. Моё лицо вспыхнуло во внезапном приступе жара, а колени приятно ослабели. Как бы между прочим Тильман взял меня за талию и слегка притянул к своему бедру, чтобы поддержать. Ещё какое-то время наши губы нежно покоились друг на друге, пока он медленно не отодвинулся. Сразу мой мозг снова начал работать.

Моя пощёчина даже не достала щёки Тильмана, и я должна была признать, что, несмотря на восстановленное присутствие духа, выполнила её неохотно. Он легко поймал мою руку и усмехнулся.

— В этом нет необходимости, — прошептал он. — Он был от Колина.

— Но... — Но Тильман уже отвернулся и пошёл за Джианной и Паулем, которые усердно нам махали и показывали на один из переулков.

— Поторопитесь, возле дверей как раз нет очереди! Быстрее! — Я чувствовала себя так, будто меня сварили вкрутую, когда оттолкнулась от стены и попыталась совершенно нормально делать один шаг за другим. Смущённо я поняла, что предпочла бы лечь.

Кто бы это ни был. Тильман, Колин, Гриша. Главное — продолжение рода. Мы, люди, были только безнадёжной, контролируемой нашими инстинктами, конструкцией.

Но что сказал Тильман? Он был от Колина. Что он имел в виду? Я поцеловала Тильмана, не Колина. Хотя не была в него влюблена. Ну ладно, он поцеловал меня. Тоже, не будучи влюблённым в меня. И ни то, и ни другое не изменило того, что моему организму это понравилось. И это продолжало ему нравиться. Он трепетал и дрожал, а мои мысли оставались неохотно вялыми, хотя я чувствовала себя лёгкой, как пёрышко. Я почти что парила над асфальтом, как только вернула себе способность ходить, и присоединилась к смеху других, хотя совершенно не знала, над чем те смеялись. Джианна отвела нас на задний двор. Прежде чем я смогла разглядеть, что за заведение нас ожидало, она уже протолкнула меня в проход и грохочущие басы сделали любой дальнейший разговор невозможным.

Мне были знакомы такие места из Кёльна. Клуб средней величины с двумя или тремя танцевальными площадками, плюс комната для отдыха, душный воздух и амбициозные диджеи, которые, как правило, только после полуночи начинали ставить по-настоящему захватывающую музыку.

Главная танцевальная площадка была переполнена. Тем не менее, мы протиснулись мимо трясущих бёдрами женщин и потеющих мужчин, пока не оказались посредине, в окружении неистово веселящихся людей, которые были решительно настроены на то, чтобы превратить ночь в день. Пахло алкоголем и сверхдозой феромонов.

Я не смогла подавить смешок, когда заметила выражение лица Джианны. Пауль начал танцевать, а Джианна, совершенно очевидно, не ожидала того, что теперь видела.

— Что же. Всё получить невозможно! — крикнула она мне. — Зато он выглядит сногшибательно, когда идёт! — Пауль, которому было совершенно ясно, о чём мы говорили, беззаботно нам улыбнулся. Беззаботной была также манера, как он двигался. Он никогда не был великим танцором, но любил это делать и, по крайней мере, оставался в ритме, даже если при этом напоминал неуклюжего циркового медведя. Тильман же, напротив, исполнил настоящий воинственный танец. Или танец смерти? Как тогда, в ту холодную ночь в нашей комнате, он выглядел поглощённым, но в этот раз в его движениях было вложено больше силы и страсти — огненное спокойствие, которое притягивало к себе взгляды девушек. Так же и Джианна, казалось, состоит из подавленной агрессии и встряхивала волосы, будто завтрашнего дня не наступит.

Только я стояла, не двигаясь, и прислушивалась, прислушивалась к шуму. Музыкальная звуковая дорожка, грохочущий бас, к нему гремящие удары, крик и смех людей и — вот. Вот это прозвучало ещё раз. Только что я приняла это за галлюцинацию, треск в колонках, такой тихий и незаметный, что это сразу же снова забывалось. Крошечная помеха, которой не должно было быть, потому что клуб не допускал легкомысленного обращения со своей техникой. И поэтому её никто не слышал, кроме меня.

Теперь удары перешли в новую песню. Несколько людей захлопали в ладоши, а Тильман откинул голову в благоговейной манере назад. И я тоже не могла по-другому, как закрыть глаза. Это была *Insomnia* от *Faithless*. Бессонница. Жизненный гимн Тильмана. И Пауля. Может быть, и мой.

Это была одна из немногих песен, под которые мне не удавалось в Кёльне танцевать на манер фифочки. Либо стоять, не двигаясь, либо бушевать. Что-то другое было невозможно. Снова колонки затрещали. Я открыла глаза и не желала больше моргать хотя бы даже ещё раз. Он был здесь.

Я быстро нагнулась, погрузившись вниз, и проталкивалась мимо людей. Мерзко ущипнув здесь, толкнув локтем тут, ударив краем ладони там. В считанные секунды я пробралась к одному из танцевальных подиумов, на которых похотливо выкручивались, высоко над людьми, профессиональные танцовщицы — к этой музыке совершенно неподходяще. Дешёвый запах духов повеял на меня, когда девушка завертела своим задом. Ей нужно было убраться оттуда. Это было моё место.

Это случилось быстро, вопрос нескольких секунд и приёмов. Этого даже никто не заметил. Девушка хотела сопротивляться, вскрикнула с негодованием, но когда увидела моё лицо, замолчала и только подняла вяло руку с накрашенными ногтями, прежде чем я одним движением переместила её назад на пол.

Теперь я стояла прямо над Тильманом, Паулем и Джианной, которые ещё не заметили, что я пропала. Они танцевали с закрытыми глазами. Я смотрела на них некоторое время, запечатлела, влюбилась в их лица и зафиксировала в своём сердце.

Потом я посмотрела на подиум напротив. Теперь он был пуст. Значит, он действительно был здесь. Его аура прогнала танцовщицу, прежде чем она смогла понять, почему. Может

быть, у неё закружилась голова. Или она запаниковала, в первый раз в жизни. Подумала, что не может дышать. Почувствовала себя тяжело больной.

Покажись, подумала я. Пожалуйста. Начали играть клавиши и ударники — прелюдия к гипнотической, совершенно сумасшедшей части *Insomnia*. И мне тоже было всё сложнее оставаться стоять неподвижно, но когда я танцевала, мои мысли расплывались и мои инстинкты тоже, а этого было нельзя допустить. Я глубоко вдохнула воздух, а волосы на моих руках встали дыбом. Знающее рычание высвободилось из моего горла.

Наконец его чёрная, длинная тень поднялась по лестнице вверх, элегантно, проворно, знакомо и всё-таки так ужасающе. Я стояла свободно, не держась за что-либо, руки свисают вниз, голова прямая. Я не хотела прятаться.

Небрежно он поднялся на последнюю ступеньку и шагнул на подиум, чтобы посмотреть на меня, и холод, который излучали его угловатые черты лица, уступил место серебристому отливу, который позволил его коже святиться, а глазам искриться. Но в этот раз они не заставили меня зашататься. Я твёрдо стояла и не желала позволить ему затянуть себя в пропасть его взгляда. Не раньше, чем скажу ему, что думаю.

Удары на мгновение утихли. Время, чтобы вздохнуть, в то время как синтезаторы грянули, и напряжение выросло до невыносимого уровня, танцоры жаждали новых движений. И я тоже. Но это затишье перед бурей принадлежало мне.

— Я люблю тебя, — прошептала я. Каждый слог, каждая буква были правдой и ложились тяжёлым бременем. Колин услышал меня. Он даже услышал бы мой голос, если бы я только подумала. Только почувствовала. Но я должна была сказать это. Мои собственные слова дали мне уверенность, в которой я так отчаянно нуждалась.

Он поднял свою руку и положил себе на грудь — на то место, под которым у нас, людей, билось сердце. Потом мягкий свет потух на его лице и холод вернулся. Прежде чем я смогла понять, что боюсь, что страх завладеет мной и заставит сбежать, я одним рывком бросилась к перилам, оттолкнулась и прыгнула вниз, к танцующим. Я приземлилась рядом с Тильманом. Он в слепую вытянул свои руки, чтобы поймать меня. В этом не было необходимости. Я уже давно восстановила равновесие — если не душевное, то хотя бы физическое.

Теперь и я танцевала, пока не начала гореть подошва моих ног, моё сердце бешено стучало, а промежутки между треском в колонках становились всё длиннее, чтобы в конце концов совершенно прекратиться. Колин ушёл. Тильман и я одновременно остановились и посмотрели друг на друга.

— Давай смываться, — крикнул он мне, хотя мы были здесь самое многое полчаса. — Это больше невозможно усиливать! Просто невозможно.

Я разыграла перед Паулем небольшой приступ слабости, чтобы побудить его отправиться в путь. Потому что время подходило к полуночи, а ему нужно было заснуть, прежде чем появиться Францёз. Францёз, о котором нам нельзя было думать.

Мы поймали такси, сели рядом друг с другом на заднее сиденье. Я придерживалась того, что могло подпитывать мою фантазию и не имело ничего общего с Марами. Это было немного, но хватало. А если это не помогало, то думала о поцелуе Тильмана и пыталась забыть, что он собственно был не от него.

По радио в машине шла песня *Ti amo* Умберто Тоцци, как несколько раз объявила Жианна, как будто собственноручно написала композицию и счастливо подпевала. И меня тоже музыка не оставила холодной. Я почувствовала непреодолимую тоску по солнечному

теплу и югу, которые ещё никогда не изведывала. Какие это должно быть ощущения, не мёрзнуть в течение многих дней?

Вернувшись домой, мы стояли несколько минут молча в коридоре и смотрели друг на друга, всё немного удивлённые, сытые и, тем не менее, невесомые. Это будет праздничный ужин для Францёза. Может быть, в честь этого дня он захочет угоститься каждым из нас. Поэтому Джианне нужно как можно быстрее поехать в свою квартиру.

— Мне срочно нужно в постель. Правда, — солгала я и драматично зевнула. — И тебе тоже, Пауль. — Но глаза Пауля были устремлены на Джианну. Они ещё не целовались. Джианна ломалась, как павлин, весь вечер.

— Хватит разыгрывать театр..., - пробормотал Пауль, притянул её решительно к себе и прижал свои губы к её открытому от удивления рту. Я усмехнулась. Джианна точно представляла себе это украдкой более романтично. По сравнению с осязаемым любовным посягательством Пауля, наш с Тильмоном поцелуй был прямо-таки годным для постановки в театре.

Но этот будет не последним — надеюсь, что нет. А если да, то он произошёл из-за настоящей привязанности. Привязанности, которая будет иметь постоянство. Её хватит для детей и дома, и, наверное, даже для различных семейных ссор. Это не то, что снова просто улетучится. Это было настоящим. Джианна озадаченно коснулась своих губ и чуть не упала назад, когда Пауль отпустил её.

— Ты всегда так делаешь? — Спросила она укоризненно. Пауль только равнодушно пожал плечами.

— Я не хотел ждать дольше. — Потом и он зевнул. Я удивлялась, что он вообще так долго продержался. У него всё-таки был порок сердца, воспаление слизистой оболочки бронхов, повышенный уровень липидов в крови и...

— Ладно, давай в кровать, — решила я, толкая Пауля в сторону ванной комнаты. Он повиновался, шаркая ногами. Джианна не двинулась с места. Перед ванной Пауль прислонился к дверному косяку и подмигнул ей устало, но очень довольный собой. Потом с трудом оторвался от неё. Вскоре после этого мы услышали отчётливый плеск смыва туалета.

— Класс, — сказала Джианна, примерившись. — Это так типично для моей жизни. Так типично. Последнее, что я получаю от моего любимого мужчины и то, что буду помнить, это плеск его мочевой струи.

— Ну, по крайней мере, предстательная железа кажется ещё в порядке, — оптимистично переиграла я звукопроницаемость этой квартиры и открыла дверь, чтобы проводить Джианну. — Ты можешь теперь уйти. Спасибо за всё.

Она посмотрела на меня презрительно, а небольшие морщинки, по бокам её носа, усилились, когда она убрала мою руку с двери и снова закрыла её. Потом сняла куртку с плеч и забросила её бездумно в угол.

— Уйти? Я должна сейчас уйти? Сбежать? Струсить? Никогда. Я остаюсь.

Глава 54.

Фибрилляция желудочков

Внезапное презрение Джианны к смерти хотя и удивило меня немного, но изменило мои планы лишь незначительно. Так как ей было не ясно, что сейчас случится. Тильман это знал, но, казалось, он думал, что я сама, из-за паники в последние дни забыла.

Молча и прислушиваясь, мы втроём сидели рядом друг с другом на моей кровати, пока

дверь ванной не закрылась и в спальне рядом не наступила тишина. Даже храп Пауля не проходил через стену. И вчера он тоже не храпел, когда Тильман и я легли рядом с ним. Его дыхание стало слишком поверхностным, чтобы могло сотрясать горло. Он храпел так же мало, как это делали люди без сознания.

Первую это встретило Жианну, потому что она не ожидала такого. Её глаза потускнели, а руки, которыми она только что ещё нервно перебирала, упали безжизненно вниз. Потом её голова опустилась на моё плечо. Я отодвинулась в сторону и встала, чтобы положить её, растянувшись, на кровать. Тильман тоже встал. Снова его взгляды блуждали по мне, как и бесконечное количество раз в прошедшие минуты. Это не ускользнуло от меня, но я сделала вид, будто не замечала или была слишком усталой, слишком потерянной в моих мыслях и страхе, чтобы реагировать.

Он шагнул к полочке мерзостей Пауля, освободил одного жука-оленья из кошачьего черепа поменьше и вытащил оттуда крошечный свёрток. Не глядя на меня, он высыпал содержимое на полочку и выложил белый порошок, с помощью своей кредитной карты, которую он небрежно достал из кармана штанов, в тонкую линию. Я смотрела на него, при этом скрестив руки на груди.

— Ты, наверное, при всём своём беспокойстве забыла, Эли, — сказал он, сосредоточившись, не поднимая головы. Я встала прямо за ним. — Но мы уснём, когда он придёт. Жианну это уже настигло. Это произойдёт быстрее, чем обычно. Я кое-что сделаю против этого, и ты знаешь что. Я хочу там быть. Я должен там быть. — Он закончил своё дело и склонился над белой линией.

Тебе не надо, подумала я спокойно, подняла руку, положила мои пальцы в полость между шеей и плечом и сильно нажала. Ларс показывал мне эту точку так часто, что я нашла бы её вслепую. Прежде чем Тильман смог вдохнуть порошок, его тело под моими руками ослабело, и он упал на пол.

— Отдыхай с миром, — прошептала я и подложила ему под голову подушку. — Ты тоже недооценил меня. — Я уже в течение нескольких дней думала об этой проблеме, но предусмотрительно не стала о ней говорить.

Потому что Тильман выберет именно то средство, которое в последний раз прекрасно выполнило свою цель. Кокаин — особенно потому, что он ещё сильнее разжигал его агрессивность. Он был идеальным веществом для схватки. Единожды — все равно, что никогда. Дважды, однако, было уже началом зависимости. А у Тильмана были шансы пережить всё это, наверное, лучшие, чем у меня. Я не могла допустить того, что ему это удастся, а потом он соскользнёт в ад наркотиков.

Мои глаза скользили по белой линии. Она выглядела такой безобидной. Слабо переливающейся, чистой, невинной. Это было просто, почти как игра. Один вдох и мозг взорвётся, и тебе кажется, что ты бессмертный — чувство, которое я жаждала сильнее, чем всё остальное. В голове Тильмана образовалось жажда насилия и секса; два чётких желания, не больше. Для страха не осталось места.

— И не вводи нас в искушение, — сказал Колин. Не бояться? Хотеть испытать насилие? От этого я была далеко. Только движение моей диафрагмы, вздутие лёгких — не сильное, скорее естественный, побочный вздох, изменит это. Может быть, а может быть, и нет. Я чувствовала себя уже отравленной после принятия посредственного антибиотика, у меня начинал болеть живот от аспирина и даже чувствовала в себе изменения, когда на языке растворялось несколько гомеопатических шариков. Я не имела представления, что эта штука

сделает со мной. Возможно, она меня убьёт, прежде чем Францёз вообще приблизится.

С беззвучным вздохом я смела кокаин кредитной картой Тильмана себе на ладонь, открыла окно и сдула его во влажную, прохладу ночного воздуха. Мне он был не нужен. Я подготовилась к этому своим собственным способом. И мои методы были намного более болезненными и жестокими, чем вздох кокаина. Но они гарантированно не сделают тебя зависимым.

Я поставила контейнер с моими контактными линзами перед собой на письменный стол. В последние дни я их не вставляла, потому что с моей последней встречи с Колином глаза снова стали лучше видеть. Тренировка ещё больше поспособствовала этому. Но сегодня ночью я надену одну из них. Только какую? Я обе погрузила в их новый раствор для хранения, потому что не могла решить. И теперь я снова упорно над этим думала.

Левым глазом я видела гораздо хуже, чем правым. Моя логика говорила мне, что я должна вставить её туда. Но у меня было такое чувство, что мой левый глаз воспринимал больше и интенсивнее, чем правый. Вещи, которые я не могла видеть, а только чувствовать. Он был ближе к моему сердцу, был непригоден для деталей, но незаменим для моих инстинктов. Его нужно оставить нетронутым. Не затуманенным.

Так что придётся пожертвовать правым глазом. Моя правая сторона тела привыкла к скорби. Справа я откусила себе слизистую оболочку полости рта, зажала нерв плеча, после бронхита правое лёгкое оправилось намного позже, чем левое, шрамы последней схватки красовались на правой ноге, а когда я страдала от головной боли, тогда всегда сначала на правом виске.

Но ещё моя усталость была в пределах терпимости. Сегодня вечером я потребила достаточно всего, что раньше не давало мне заснуть и до самого рассвета заставляло бодрствовать. Обильная пища, толпы людей, плохой воздух, громкая музыка, неожиданный поцелуй. Чужие губы на моих. Мой разум работал на полную, чтобы справиться, классифицировать и отсортировать все эти впечатления. Я слишком перевозбудила мои чувства, но в первый раз в жизни я это приветствовала.

Минуты проходили очень медленно. Я почти не могла поверить в то, что мои часы показывали только несколько минут после полуночи. Но он нападёт сегодня раньше. Нам нельзя было оставаться дольше. Это была бурная программа, которую мы свершили, бурная и удовлетворяющая. И мы закончили её именно тогда, когда было нужно.

Теперь все, кроме меня, спали. Потому что он приближался. Я почувствовала это прежде, чем Джианна отключилась. Наступила эта пугающая тишина, которая как невидимая стена надвинулась на нас и за которой следовали густой, холодный туман и запах мертвечины. Она отрезала всех других людей этого огромного города от нас, изолировала нас, чтобы никто не заметил, что здесь сейчас произойдёт. Теперь отключилось искусственное освещение домов вокруг нас; беззвучно вырубался один круг света за другим, пока только конусы света фонарей на мосту не стали посылать слишком слабое мерцание на воду. Я выскользнула из моих ботинок, потому что буду чувствовать себя босиком более безопасно.

Было бы так легко тоже подчиниться сну. Любой желал в тайне умереть во сне. Тильману и Джианне, может быть, представится такая возможность. А Пауль... Ничего не подозревая, он сделает свой последний вздох, после того, как ему было позволено быть ещё раз счастливым и удовлетворённым.

Но я хотела быть рядом с ним, когда это случится, и я хотела посмотреть Колину в

глаза, как только он сделает то, что я уже так долго боялась. Убьёт меня. Он должен видеть меня, в то время как переходит на другую сторону и совершает с Францёзом двойное убийство брата и сестры. Отомстив за замыслы моего отца. Отомстив мне. Мы должны быть уничтожены. Или я ошибалась? Сдержит ли он своё обещание и попытается спасти моего брата, подвергая при этом опасности свою жизнь?

Ещё одно облако трупного запаха повеяло в комнату, но в этот раз я не испытывала к нему отвращения, позволила своим векам стать тяжёлыми. Тихий, ритмичный плеск воды, который отдавался тысячу раз эхом от стен дома, сладкозвучно объединяясь с шумом в ушах и тёплым потоком моей крови, убаюкивал меня... соблазнительный гимн для моих снов. Гладкое и прохладное дерево письменного стола прижалось к моей щеке, когда моя голова опустилась вниз и осталась лежать. О, это было так хорошо, закрыть глаза. Кому вообще было нужно тело? Смерть была единственной свободой, которая нам была когда-либо предоставлена. Больше не бояться. Не беспокоиться. Не паниковать, что потеряешь любимого человека. Потому что смерть больше не допускала любви. Ей было всё равно, кто останется, а кто уйдёт.

Моему носу, однако, ещё не было безразлично всё. Совершенно остро он различал падаль и масло перечной мяты — концентрированное, чистое масло мяты, чей едкий аромат жгуче ложился на слизистые оболочки. Заскрипев зубами, я схватила себя за волосы и потянула голову вверх. Казалось, будто мои руки — это омертвевшие куски мяса, которые ничего общего больше не имели с остальным моим телом. Онемевшими кончиками пальцев я начала искать линзу. Когда я, наконец нащупала её, она скользнула из масла мяты на письменный стол, выпуклостью вверх. Мне нужно было заново увлажнить её... только ещё раз...

Он уже поднимался вверх по стене. Я отчётливо слышала, как его когти царапали по влажным камням. Звуки дыхания Тильмана и Джианны утихли, но быстрым взглядом — моим последним безболезненным — я удостоверилась, что их грудная клетка мягко поднималась и опускалась. Чудовищный зевок вызвал у меня удушье, потому что я попыталась его подавить, и сразу последовал следующий. Я должна была сделать это. Немедленно. Я хотела глубоко вдохнуть, чтобы набраться мужества, но получился только страдальческий хрип, потому что запах разложения иначе заставил бы меня вырвать. Кашляя, я поставила линзу на мою роговицу. В мгновение ока она присосалась.

С хриплым стоном я сползла на пол. Слёзы потекли ручьём из моего глаза и покрыли доски мелким морозящим дождём, но они не могли убрать линзу. И тем более масло. Займёт какое-то время, пока эти мучения прекратятся, я это знала. Один раз это случилось со мной по ошибке, и я думала, что сойду с ума. Я держала мои глаза несколько минут под струёй воды, но это не помогло.

Тогда я только кончиком пальца, на котором было масло, потёрла в уголке глаза, не больше. Сегодня же моя линза купалась полдня в масле перечной мяты. Это должно было помочь мне, даже если я таким образом потеряю зрение. У меня всё ещё была левая сторона.

На четвереньках и оставляя тонкий след из слёз, я подползла к двери и, упираясь в неё, поднялась на ноги. Я пыталась держать мой горящий глаз закрытым, но рефлексыв заставляли меня моргать. И об этом я тоже подумала. Повязку на глаза я купила сегодня после обеда в магазине для туристов в Санкт-Паули, в котором кучами сбывался всякий матросский хлам. Пираты были в моде. Я быстро натянула её на голову. Мои слёзы, как всегда, нашли свой путь через материал, но мне удалось держать мой левый глаз открытым,

в то время как правый закатился от пытки.

Теперь и моя грудь начала шуметь — тот шум, который я слышала у Пауля в последние дни всё чаще и чаще. Мне нужно было прочистить горло и сплюнуть, чтобы продолжить дышать. Слизь из моего горла шлёпнулась комком на пол, пронизанная чёрной запёкшейся кровью. Оно переходило на меня...

Когда я положила пальцы на ручку двери Пауля, мои ногти окрасились жёлтым цветом. Руки покойника. Я медленно нажала на неё, а моя кожа издала такой звук, будто губка, пропитанная водой. Моя рука соскользнула, но дверь открылась. Француз уже висел над Паулем на потолке и смаковал свой голод, ещё немного, пока жадность превратиться в сладострастие и он не сможет по-другому, как потерять себя в угаре жрачки. Теперь и мои босые ноги покрылись слизистой влагой и стали прилипать к паркету, чтобы остановить меня. Из последних сил и с булькающим криком, который застрял глубоко в моих лёгких, я оторвала их и смотрела с отвращением на то, как остатки кожи остались прилипшими к полу. Крысы бросились на них и начали жрать, отрывая с досок.

Не смотри, Эли. Смотри наверх. Не позволяй себя отвлечь. Это всё быстро заживёт. Это только кожа. Мёртвая ткань.

Моя шея захрустела, когда я последовала своему собственному совету, хотя даже не знала, была ли вообще ещё жива. Я уже начала разлагаться, везде. Я это чувствовала. Захныкав, я подняла голову и посмотрела прямо в глаза Францёза — наоборот, как тогда, на экране. Но в этот раз я чувствовала его запах, запах зеленоватой слюны, которая текла толстыми полосами по его распухшим мешкам под глазами и затекала в волосы. Его жадный рот скривился в убийственную усмешку. Чешуйницы сновали по его воротнику и перебирались через затхлый, свисающий вниз рукав пальто на голую грудь Пауля. На один момент я следовала взглядом за их мерцающими панцирями и наблюдала с ужасом, как они забегали в его носовые полости и протискивались под веки.

Француз начал смеяться, грязный, влажный смех, который потряс меня до глубины души и возродил разрушительную пульсацию в моём правом глазе. Со скользким хихиканьем, он закончил свой смех и скользнул рядом с моим лицом. Так же и в его носовой полости карабкались чешуйницы.

— Ты, — проклокотал он презрительно, и его голос прозвучал совершенно иначе, чем я когда-либо слышала. Приглушённо и гортанно. Он всегда изменял его — это было то, что так сильно меня будоражило и всегда давало такое ощущение, что что-то было не так. Было так много, что не соответствовало истине.

— Ты будешь следующая. И ты этого даже не заметишь.

— Помечтай ещё, Ричард Латт, — ответила я, булькая, и чуть не подавилась тягучим куском слизи, который отделился от горла, когда я говорила. Храбро я заставила себя проглотить его.

Со смачным звуком Француз упал вниз, в воздухе повернулся вокруг собственно оси и обвил руками и ногами спящее тело Пауля. Позвоночник захрустел, когда Француз впился своими когтями в спину Пауля и начал пить, длинными сосущими движениями, его губы прижаты к выпуклой груди Пауля, а вздрагивающая нижняя часть живота, как у спаривающегося насекомого, к чреслам Пауля.

Беспомощно я стояла рядом с кроватью и поняла, что совершенно ничего не могу сделать. Всегда, когда я хотела протянуть вперёд руку и схватить Францёза, она подала обессилено назад. Казалось, что мои суставы состоят только из чистого желе, которые

подчинялись только законам Францёза, но не моим. Я не могла, по крайней мере, коснуться Пауля? Погладить ещё раз по щеке — подарить ему немножко человечности?

Но и в этом Францёз мне отказал. Мои пальцы, которые теперь были покрыты белесыми бороздами, как будто я часами лежала в ванной, зависли в воздухе, прежде чем моё плечо с противным, скользким звуком, отправило их вниз. Я была марионеткой Францёза.

Потом вдруг началось рычание и рыканье, холодное и такое сердитое, что крысы, визжа, покинули кровать и бросились за угол комнаты.

— Колин, — прошептала я умоляюще, когда его высокий, элегантный силуэт появился в окне. Слюна затопила мой рот. Бесчисленное количество крошечных ножек поползли поспешно по моему языку. — Не причиняй нам вреда... пожалуйста...

Но он не отреагировал на меня, а его лица я не видела, даже его глаз. Бесшумно он прыгнул на Францёза, оторвал от Пауля и подбросил в воздухе. Сжимая и переплетая друг друга, они метнулись к открытому окну. Гортанный рёв Францёза раздался в ночи, когда они шлёпнулись в воду, разбрызгав её. Крысы, пища, последовали за ними. Так же и чешуйницы покинули моё и тело Пауля и исчезли в щелях паркета.

Я поборолa своё оцепенение и подошла, качаясь, к окну. Канал лежал нетронутым подо мной. Но они ведь только что прыгнули вниз, в канал, где же они были? Почему я их не слышала? Они плыли? Но даже это должно было быть видно и слышно. Каналы были не глубокими; уровень падал, так как наступал отлив. Неужели это было всё? Я огляделась. Но туман стал таким плотным, что я могла видеть только стену следующего дома.

Распространилась полная тишина — никакого шума борьбы, никаких звуков от воды, никакого бульканья или чмокания. Только моё дыхание, которое потихоньку выигрывало свою борьбу со слизью и снова начало транспортировать кислород в мои артерии.

Только моё дыхание. Никакого другого. Никакого другого? Но...

— Пауль! — Я трясла, гладила, целовала и била его, но его грудь оставалась молчаливой и неподвижной. Кровь из моего правого глаза текла по моей щеке и капала на его светлую кожу.

— Пауль, дыши! Ты должен дышать! Тильман! Джианна! Просыпайтесь! Пожалуйста, просыпайтесь! Быстрее! — Плача, я побежала к ним и начала пинать обеими ногами, пока те не пришли в себя. — Пауль умирает! Сделайте что-нибудь!

— Боже, Эли, как ты выглядишь? — пробормотал Тильман, пока наконец не понял, что я говорила. Джианна сообразила быстрее и, шатаясь, пошла к спальне Пауля. Когда я последовала за ней, она уже начала массаж сердца.

— Делай искусственное дыхание! — закричала я. — Ты поцеловала его, так что сможешь, пожалуйста, и искусственное дыхание сделать!

— Да, только сначала следует, вероятно, привести в движение его сердечную мышцу! — огрызнулась она. — И то и другое одновременно не получится!

— Где твоя сумка? — спросил Тильман её с вынужденным спокойствием.

— Для чего сумка? — закричала она в отчаянии.

— У кого есть перцовый баллончик, у того и электрический шокер найдётся, — ответил он раздражённо. — И, может быть, он нам сейчас понадобится! Почему, собственно, ты ничего не делаешь, Эли? — Он оттолкнул меня в сторону, чтобы выбежать в коридор и перерыть гардеробную. Сумки и шарфы попадали на пол.

— Чёрная кожаная сумка, в переднем кармане, — закричала Джианна. — Да, Эли,

почему нет? Почему ты стоишь здесь, как масляный идол? — Она склонилась над Паулем и начала ритмично задувать воздух в его широко открытый рот. Хорошо, что она ничего не знала о чешуйницах. — И почему мы, собственно, не вызовем скорую помощь? — добавила она, пыхтя.

— Потому что она не сможет до нас доехать, — сказала я тихо, но очень уверенно. — Она бы попала в аварию. Поверь мне. И я потому ничего не делаю, что ожидаю моего выхода. — Так оно и было. Это было не всё. Ещё ничего не закончилось. Это было только вступление. И вот он уже достиг меня, чистый и бархатистый. Угрожающе безоговорочный приказ.

— Иди ко мне.

Как сквозь туман, я смотрела на то, как Тильман приставил Паулю к груди электрический шокер и коротко нажал. Кровать затряслась, когда торс Пауля поднялся вверх и снова обмяк. Я ничего при этом не чувствовала. Совсем ничего. Джианна с перекошенным лицом повернулась ко мне.

— Что случилось, Эли? Помоги нам, наконец!

— Нет. Мне нужно к Колину. Он меня зовёт.

— Продолжай, — накинулся Тильман на Джианну. — Я думаю, он только что дышал. Его сердце должно снова начать биться! — Потом он спрыгнул с кровати, схватил меня за шиворот и бросил о стену. — Что ты такое говоришь? Что за выход?

— Он меня зовёт. Я должна идти к нему. Сейчас же. Это важно. Так должно быть. — Я начала дрожать, но мои слова звучали ясно и разумно, хотя я точно знала, что они такими не были.

— Кто тебя позвал? Кто?

— Мой сэнсэй, — механически ответила я. — Колин. Он зовёт меня, чтобы умереть. — Тильман резко отпустил меня. Короткое сияние вспыхнуло в его глазах. Я встала и поправила футболку, как всегда делала во время тренировки с верхней частью моего кимоно. Я опустила веки, сжав руки в кулаки. Сосредоточилась. Без боя он не получит меня.

— Тогда иди, — прошептал Тильман.

— Я не хочу умирать. Ещё пока нет. Я действительно не хочу. Но я...

— Я знаю. Ты должна. Ты должна идти. Тогда иди! — Он отступил на шаг назад, как будто хотел освободить мне дорогу. — Иди, Эли!

— Нет! Элиза, нет! Останься здесь! Ради всего святого, Элиза! — пронёсся резко голос Джианны через квартиру, но я уже мчалась по коридору и бросилась беззвучно, как призрак, по лестнице вниз. Я точно видела мой путь перед собой. От Старого Вандрам до Динеррайэ, потом по мосту через канал. Там она заберёт меня. Смерть.

Глава 55.

Сражение на воде

Только когда туман стал таким непроницаемым, что я почти не могла видеть свою руку перед глазами, такое для меня чуждое спокойствие исчезло, чтобы освободить место для доселе неизведанного страха. Это был страх смерти — а именно: абсолютно обоснованный страх смерти. Не какое-то там абстрактное чувство, а уверенность. Я умру.

Я должна была развернуться и вдоль кирпичной стены на ощупь вернуться назад, пока не смогу достигнуть дома, в котором жил Пауль, запрыгнуть в лифт, доехать до верха и забаррикадировать дверь всей мебелью, которые смогу найти. Куда-нибудь заползти и

закрыться. Самое лучшее — в чулан на кухне. О, я знала, что это был сущий вздор. Того, кто сидел в тесном укрытии, убить было проще простого. Этим он полностью облегчал задачу своему убийце. Я часто подтрунивала над фильмами ужасов, в которых жертвы делали именно так. Но каждый шаг вперёд, в неизвестность, заставлял меня внутренне кричать, потому что уводил от всего знакомого и безопасного — от моей семьи.

Туман постоянно струился, образовывал водовороты и полосы перед моими открытыми глазами. Он поглощал любой звук, даже звук моих босых ног на сырой земле. И моего дыхания тоже не было слышно.

Я безудержно плакала, когда направилась к мосту, и покинула улицу, чтобы снова приблизиться к воде. Мне не нужно было стараться побороть свои всхлипы. Мне было ясно, что они давно меня отследили. Они в темноте видели, как хищники — и в тумане должны были в состоянии видеть. А если нет, то их инстинкт и жадность приведут меня к ним.

Моё же собственное восприятие, казалось, совсем пропало. Я ничего не видела, не слышала, так же не чувствовала холод под ступнями. Я только надеялась, что это продлится недолго, и я быстро потеряю сознание — но не так быстро, что не смогу больше посмотреть на Колина. Да, он был Маром, создан для хищения и убийства и он не почувствует сострадания. Францёз тем более. Может быть, для Колина не было существенной разницы в том, посмотрит ли он мне прежде в лицо или нет. Но для меня была разница. Я обладала грандиозным воображением. Оно поможет мне поверить в то, что я его люблю. А он меня. Так мне будет легче, а ему немного сложнее, потому что он мог прочесть мои мысли.

Теперь я достигла середины Динеррайэ над каналом Вандрам. Я встала точно между перилами. Куда был направлен мой затылок, было всё равно, потому что они подойдут с двух сторон и окружают меня.

Колин появился из тумана первым, чтобы приблизиться ко мне с почти сладострастной прогуливающейся походкой. Лучше уж я буду смотреть на него, чем на Францёза, который подкрадывался ко мне сзади, хотя это могло значить, что Францёз вцепится мне в спину и заберёт мою душу. Да, это будет он, кто нанесёт мне поцелуй смерти.

Не без борьбы, Эли. Ни в коем случае не без борьбы. Я приняла позицию, ноги слегка расставлены, руки под углом, но шея напряжена. При нескольких противниках всегда сбегай, сверкая пятками, вбивал в меня Ларс. Быстро нанеси столько вреда, сколько можешь, а потом делай ноги. Он говорил о людях, а не о Марах.

Тем не менее, мой кулак стремительно двинулся вперёд, как только Колин был достаточно близко, чтобы можно было попасть в него, и я ударила с полной силой в солнечное сплетение. Моя рука отскочила от его груди, как будто я ударила в твёрдую, как камень макивару (прим. тренажер для отработки ударов), и я почувствовала, как кость моего среднего пальца расколосась. Боль так невообразимо разозлила меня, что я, шипя, заревела. Внезапно всё вернулось — гнев, страх, недоверие и к этому прибавилась ещё изрядная порция настоящей ненависти.

Он не отреагировал. Ему это было и не нужно. Я только пощекотала его. Равнодушно он пошёл дальше, медленно и целенаправленно. Он хотел к Францёзу. Я упруго повернулась вокруг себя и засадила ему краем ноги в шею. Любой другой сейчас бы упал, по меньшей мере, пошатнулся. Но Колин отмахнулся от меня, как будто я была назойливой мухой, прежде чем свободно размахнуться и вывести меня из равновесия безжалостным пинком в желудок. Всё-таки я напрягла мышцы, как меня этому научил Колин. Францёз злобно рассмеялся, и сразу же запах падали из его рта лёг на моё лицо. Прежде чем моя спина могла

удариться о перила, я упала вперёд, приземлилась на четвереньки, чтобы вырваться на мокрый асфальт.

Не рвать, когда тебя рвёт, то ты не можешь защищаться, умоляла я себя, но мой желудок подчинился слишком поздно. Остатки дорогого ужина, которые так сильно хотели выбраться на свежий воздух, я со всей силы отправила снова вниз, чтобы, покачиваясь, встать и заорать на Колина. Но даже я сама не могла слышать мои слова. Я кричала, о да, я это делала, мои голосовые связки вибрировали от усилия, но из моей глотки не вырывалось ни звука. Ничто из того, что я думала и говорила, приняло облик. Тем не менее, я продолжала кричать.

— Что значит эта игра, Колин? Для чего ты научил меня каратэ? Потому что тебе доставляет больше удовольствия видеть, как я дёргаюсь на крючке, прежде чем ты убьёшь меня? Почему ты, наконец, не сделаешь этого — и если ты это сделаешь, то как мужчина! Один и порядочно!

Я попыталась посмотреть ему в глаза, но вонь разложения Францёза заставила отступить меня так далеко к перилам, что мне нужно было прижаться к ним, и я чуть не перевалилась через них. Моя единственная возможность спастись от Маров состояла в том, забраться на перила. И я это сделала, потому что моё равновесие Ларс улучшил до совершенства и к чёрту, это должно быть осуществимо, стоять на выгнутых железных прутьях и, по крайней мере, сделать хотя бы ещё один пинок. В лицо Колина, не в одутловатую физиономию Францёза, изуродованную его нескончаемым смехом, единственный звук в этой мёртвой тишине.

Но Колин совершенно спокойно отвернулся. Я не могла ни посмотреть ему в глаза, ни разmozжить ему гортань, как я это собиралась сделать. Моя нога попала только ему в шею.

Он остался стоять, как скала, а я потеряла равновесие, когда врезалась в его стальное тело. Ещё в воздухе, я поджала колени и свернулась в кольцо, чтобы повернуться в безукоризненном сальто и приземлиться ногами вниз. Я задержала воздух, рассчитывая на то, что ледяной канал повергнет меня в шоковое состояние, может быть, даже остановит моё сердце.

Но канал обхватил меня на удивление тёплым. Его мелкое, ленивое течение не чувствовалось как вода, а как смесь из выделений, крови и мыльной щёлочи, в которой плавали части тканей и хряща. Слизистые, они касались моих голых рук, когда я, гребя, старалась держать голову наверху. Канал ненормально вонял. Я, застонав, бросилась в сторону, чтобы увернуться от дохлой ондатры. Её живот был вскрыт, и голубоватые внутренности вылизали из свежей раны. Колин использовал её в качестве стимулятора аппетита.

При следующем взмахе мои ноги коснулись земли — я смогла встать и оглядеться; ошибка, которую я заметила почти слишком поздно. Так как тина потащила меня за собой вниз, тёплая и беспощадная. Я дико задрыгала ногами, чтобы высвободиться из неё и принять горизонтальное положение. Я должна плыть — плыть, а не идти. Как будто одержимая, я двигалась вперёд по каналу, и внезапно у меня появилась цель, хотя она была такой же бесполезной, как план спрятаться в чулане: я хотела попасть на то место, где канал Вандрам и канал Холлендишер Брок стекались вместе. К дому охранника крана.

Там лестница вела наверх до самой террасы. Её мне нужно достичь.

Конечно, это не было окончательным спасением. Но для моего тела была каждая секунда на счету, пока я была жива. У него не было будущего, а только непосредственная

угроза, от которой оно хотело убежать. Каждый удар сердца был для него необходим, не имело значения, что мой здравый смысл думал, что он знал. И поэтому оно подарило мне из его скрытых глубин ещё раз достаточно сил, чтобы преодолеть метр за метром, даже если все невидимые куски тканей, которые плыли вместе со мной по воде, снова и снова касались меня, как будто хотели приласкать. Францёз и Колин посылали их мне. Они преследовали меня — беззвучно и быстро, как стрела. Это доставляло им изысканное удовольствие — видеть, как я убегаю.

Если я приостановлюсь, то канал будет лежать передо мной тихо, как будто я была единственным человеком на земле. И всё-таки я их чувствовала, при каждом взмахе рук и ног. Они приближались, всё ближе... Вот два костлявых пальца вцепились, холодные, в мою лодыжку. Я яростно развернулась вокруг своей оси и благодаря моему быстрому повороту его когти оторвались от меня.

Ещё несколько метров, я уже могла видеть лестницу, мне нельзя сейчас ослабевать, нельзя сдаваться. Снова рука попыталась поймать меня за ногу, но в этот раз я тут же притянула её к животу и последним размахом кроля бросила себя к каменной лестнице.

Мои руки дрожали от боли, когда я поднималась на лестницу, сначала ноги, чтобы они снова не погрузились в трясину тины, потом, перевернувшись, за ними последовало тело. Я оторвалась от них, а это придало мне ещё унцию энергии и своего рода представление, как убежать. Я должна буду на вершине лестницы перелезть через ограждение. Через строительную площадку побежать назад к улице. Кричать. Остановить машины. Залезть в одну из них. Может быть, мне даже удастся добраться до набережной Зандтор, где и вечером были люди, которые спасут меня, хотя я не могла себе представить, как после этой ночи вообще смогу вести ещё достойное и осмысленное существование.

Я оставила моего брата одного, в то время как тот умирал, да, я даже была той, кто подготовил путь для его смерти. Колин, которого я любила и который обрушил на наш мир всё это зло, использовал меня и предал — он был виноват в исчезновении моего отца, в смерти моего брата, и он будет искать меня, пока не найдёт, чтобы закончить то, что я как раз пыталась предотвратить.

Я преодолела первые ступеньки. Идти я не могла, для этого была слишком слаба и истощена, но я могла подтягиваться на них, чтобы одну за другой оставить позади себя... Потому что никто не пытался остановить меня. Я оторвалась от них. Я действительно оторвалась от них! Я осмелилась остановиться и повернуться назад. Было так, как я и догадывалась. Вода лежала передо мной мирная и тёмная, как будто ничего не случилось. Они притаились там? Ждали? Но чего?

Не отрывая взгляда от канала, я положила руку на следующую ступень, вцепилась ногтями в камень, подтянула моё тело и — нет. Нет! Мои кончики пальцев коснулись чего-то, что не должно было здесь быть. Завизжав, я оторвала взгляд от воды и уставилась на два носка сапог, чьи подошвы уже порвались. Их угольно-чёрная кожа блестела из-за влаги. Как в замедленной съёмке, правый носок сапога придвинулся к моей бледной руке и раздавил мои раздробленные кости, которые захрустели.

Я в панике огляделась, чтобы найти новый путь к отступлению, но теперь из канала появился Францёз. Его тело не оставляло кругов на воде, и она пристала к нему, как слой прозрачного желатина, когда он вылез из неё. Казалось, как и у Колина, у него было много времени, для чего торопиться, если он всё равно получит меня? Он хотел насладиться этим, посмаковать. Его череп был с одной стороны сплюснут, левый глаз вдавлен вовнутрь.

Я смотрела прямо в зияющую дыру, из кровавых глубин которой вытекал гной на его деформированное лицо. Силу эта травма всё же не смогла у него отнять. С широко распростёртыми руками он пробирался через мелководье в мою сторону. Завыв, я попыталась пролезть мимо Колина.

— Я помогу тебе, друг мой, — раздался его бархатистый голос надо мной. Друг мой... он имел в виду не меня. Он имел в виду Францёза! Простого, но точного удара его сапога хватило, чтобы вернуть меня, головой вниз, назад в канал, прямо к Францёзу. Я не смогла сделать даже одного движения рукой или головой, чтобы всплыть на поверхность воды. Францёз начал душить меня, прежде чем я даже могла подумать о том, чтобы сопротивляться. Я открыла глаза. Канал был красным — мутный, органический красный цвет, пронизанный полосами и коричневатыми клочьями, которые лениво проплывали мимо моего лица. Францёз смотрел на меня с усмешкой. Потом к нему присоединились белые, сильные руки Колина и вырвали меня у него. На мгновение он позволил мне схватить ртом воздух, и я использовала шанс, чтобы снова попытаться наорать на него.

— Ты мудака! Сделай это сам! Или ты этого не можешь? Тебе нужно уступить ему? Потому что он на несколько годиков постарше тебя? Ты не мужчина, а трусливая свинья, несчастный!

Остальные мои проклятия потонули в беспомощном бульканье, так как Колин снова толкнул меня под воду и открыл мои веки, чтобы я смотрела на Францёза, который похотливо схватил меня за шею. Колин отдал меня ему и отступил. Облако гноя вылилось из глазницы Францёза и обволокло меня. В этот раз Колин предоставил ему его удовольствие. Ему было позволено задушить меня до смерти, в то время как я должна была смотреть на него. Зомби, который вонял смертью и у которого был теперь лишь только один глаз. Я не могла оторвать взгляда от чёрной дыры на его лице, и всё перемешалось. Моё собственное безнадежное барахтанье и вздрагивание, тела трупов, вонь, взгляд девочки, тонкие, пронзительные крики других... снова и снова... газ... теперь пошёл газ... и мой бездонный гнев... Я хотела дышать, хотя давление на мою гортань сделало это невозможным, но если я вдохну, в мои лёгкие затечёт вода и положит конец этому кошмару. Рот Францёза от изумления сложился в трубочку, а его хватка стала ещё более безжалостной. Потому что Колин вернулся. Как будто Францёз был куклой, он отодвинул его от меня, разжал пальцы, вцепившиеся в моё горло, и положил свои собственные на мою спину. Моя кожа лопнула. Красные капли крови затемнили воду.

Колин, что ты делаешь? — спросила я его мысленно и сделала это неуместно любяще. Это меня убьёт, слышишь? Вода полна микробов. Моя спина воспалится, образуются язвы, и, скорее всего, ни у одного человека не будет лекарства против этого. Я мучительно и медленно увяну. Позволь мне вдохнуть. Пожалуйста, отпусти меня.

Но он прижал свои губы к моим, вдохнул в меня чистого воздуха, закрыл мой рот своими зубами и перекачивал вниз. Только теперь я поняла, что моя футболка была разодрана, а левая грудь оголена. Колин прижал свою щёку к моему сердцу.

Глубокая, тёмная мелодия прозвучала у меня в голове. Это было всего несколько тонов, но такие полные и нежные одновременно, что я закрыла беззаветно глаза. Они даже вытеснили гортанный визг за нами — яростный крик Францёза, из-за которого вспенилась вода. К кому он относился? Ко мне? Он кричал из-за зависти к жрачке? Если да, то Колин как раз высасывал меня, и он не должен останавливаться, пожалуйста, не останавливайся...

Вся моя злость, мой страх и недоверие были вымыты из моего сердца и живота

меланхолично-сладкой музыкой. Дышать мне больше было не нужно, только, не двигаясь, позволить звукам нести и касаться меня. Они ласкали меня по всему телу. Потом Колин нежно оттолкнул меня от себя. Мелодия сопровождала меня, когда я плыла целеустремленно домой, делая мощные, отдохнувшие взмахи руками и ногами. С каждым ударом моих напряжённых рук, вода становилась чище и холоднее, восстановила свою прозрачность и вкус соли.

Никаких больше полос, никакой крови, никакой слизи. Вода омыла меня и даже вынула из глаза горящую линзу, исцелила его. Как рыба, я стремительно двигалась по каналу, прыгнула на Динеррайэ и побежала проворно к квартире Пауля. Позади меня вознёсся визг и рёв, такой страшный и кровожадный, что он, собственно, должен был заставить меня от испуга пригнать колени. Его эхо неслось ещё несколько секунд вдоль канала. Визжа, крысы метнулись через мои ноги, чтобы добраться до своего хозяина и помочь ему.

Я только улыбалась, вбежала через настежь открытую дверь, проворно поднялась по лестнице и поспешила к спальне моего брата. Пауль! — подумала я. Я снова здесь! Но кровать Пауля была пуста.

Глава 56.

Краш-тест манекена

Кровать Пауля была пуста, потому что он стоял, прислонившись к раме окна, и, к счастью, я это заметила, прежде чем закатить истерику. Правда я ещё никогда не чувствовала себя настолько отдалённой от истерики, чем в этот момент. Я и тогда оставалась спокойной, когда поняла, что с ним было что-то не так, точно также, как с Джианной и Тильманом, которые стояли возле него. Все трое были оцепеневшие и застывшие, как будто кто-то наложил на них чары. Это были фигуры из музея восковых фигур, не люди. Их глаза были открытыми, и они смотрели в ночь, как будто увидели что-то совершенно ужасное. Но я не видела ничего ужасного. Туман разошёлся лишь незначительно. Они смотрели в серую жижу.

— Эй! — крикнула я тихо. Мой голос разрушил чары. Блеск вернулся в их неестественные, матовые зрачки. Потом с лиц сошла восковая неподвижность. И теперь я могла быть уверенной в том, что Пауль был жив, потому что он выпустил чёткий, звучный пердёж.

— На здоровье, — поприветствовала я этот знак вновь пробудившихся жизненных сил.

— Меня сейчас вырвет, — объявила Джианна и бросилась в ванную.

— Недавно я тоже сделала это, — закричала я ей приветливо вслед. Почему, собственно? Ах да, потому что Колин пнул меня в живот.

Зараза. И почему я больше его не боялась? Это не существенно. То, что он только что со мной сделал, превзошло всё прекрасное, что я когда-либо пережила, и это я сама не испорчу из-за множества размышлений.

— Что вы здесь делаете?

— Эли... — Голос Тильмана был только лишь скрипом. — Мы это видели. Схватку. Мы видели вас, но потом... вы погрузились под воду и...

— Как вы могли это видеть? — спросила я, сбитая столку. — Это ведь происходило вовсе не здесь. Пауль, всё в порядке?

Пауль плюхнулся на пол, но оставался сидеть прямо. Проверяя, он коснулся сердца, потом груди.

— Мне... Мне стало лучше, — пробормотал он в изумлении. — Францёз... О Боже... — Он начинал понимать, что случилось. — А этот парень... Колин. Где он? Я его убью. — Но Пауль не производил впечатления, будто может кого-то или что-то убить. Он был жив, но не более.

— Я не знаю, почему мы могли это видеть, — прохрипел Тильман. Из ванной раздавались попеременно звуки рвоты и итальянские молитвы. Я никогда не смогла бы просто так слушать такое, но в этот момент объяснения Тильмана были для меня важнее.

— Давай рассказывай! — подгоняла я его. Он заметно сглотнул. Пауль всё ещё полностью был занят тем, чтобы понять, что его сестра всё-таки не потеряла рассудок — и ещё что-то другое, казалось, привело его в замешательство, что именно я не могла взять в толк.

Тильман рассеянно провёл рукой по своим коротким волосам.

— Нам удалось заставить Пауля дышать, а потом... потом мы как по команде подошли к окну, выглянули в него, и... мы могли всё видеть. Пока вы внезапно все не погрузились в воду. Эли, мы всё это время не знали, что с тобой случилось, и мы не могли пошевелиться. Но мы не спали!

— Ах да. Особая магия Колина. Я думаю, он сделал так, потому что Паулю нужно было увидеть это, чтобы поверить, не так ли? Пауль?

Я повернулась в его сторону и похлопала по голове. Он не ответил. Его лицо побледнело, и после нескольких секунд он спрятал его в ладонях, как будто больше никогда не хотел показывать нам.

— Эли... О Боже..., - прошептал он.

— Эли, я не хочу портить тебе настроение, но кто выиграл? — встрял голос Тильмана между нашим братским общением. — Колин на нашей стороне или всё-таки нет? Он победил Францёза? Потому что если нет, тогда...

Моё отрезвление было как ледяной дождь. Я начала дрожать, и мне пришлось присесть, потому что мои ноги подкосились, но слабость продолжалась недолго. Я всё ещё чувствовала себя чистой, как никогда в жизни, уравновешенной и окрылённой, но мой мозг заработал на один очень ясный момент чётко и надёжно. Где Францёз?

В конце коридора зажурчал смыв туалета. Потом Джианна начала громко чистить зубы и полоскать горло. Если она во всём этом несчастье думала ещё и о гигиене полости рта, то не так уж плохи были у неё дела.

Да — кто, собственно, выиграл сражение? И что это был недавно за странный акт? Колин что, атаковал меня? И я как раз изменялась и поэтому чувствовала себя такой сильной и спокойной? Может, я уже была на стадии метаморфозы?

Колин ответил на мой вопрос. Потому что если бы метаморфоза уже началась, то я, безусловно, услышала бы, как он идёт. А так я испустила громкий крик, когда он внезапно появился перед нами в окне. Он, должно быть, как и Францёз, вскарабкался по стене дома вверх, и, при всём уважении, Колин выглядел лишь незначительно лучше, чем он.

Тильман и Пауль, испугавшись, отошли в другой угол комнаты, Пауль полз, как маленький ребёнок, Тильман быстро, как ласка. Только я осталась стоять.

— Ты тоже был красив, — сказала я нежно, не понимая, чем он заслужил эту нежность. Недавно он пытался превратить меня в месиво. Задушить. Утопить. Почему я чувствовала себя всё ещё прекрасно? И почему я любила его — даже сейчас, когда его белая кожа была пронизана бесчисленным количеством фиолетовых прожилок и обтягивала истощённо его

угловатые скулы? Его глаза лежали так глубоко в глазницах, что в них больше не мог отражаться свет. У зрачков был цвет старой золы. Голубоватая пена собиралась в уголках рта. С рычанием, похожим на хрюканье, он обнажил свои зубы. Дёсны были чёрными.

— Колин, что... что с тобой? — Он казался тяжело больным. Я знала, что Мары не могли заболеть. Но он не был здоровым. Нисколько.

— Пошли Тильмана к нему. И сопровождай его, — проник его голос в мою голову, не бархатистый и чистый, как обычно, а совершенно обессиленный и тревожно злой одновременно.

Я повернулась к другим. Джианна стояла возле Пауля. Она всё ещё была зеленовата, и казалось, будто обдумывает исчезнуть ещё раз в туалете. Что лучше всего — больше никогда оттуда не выйти. Пауль гладил её, с отсутствующим видом, по взлохмаченным волосам. Его понимание смешалось с глубоким отвращением. Но сомнения в глазах больше не было. Мары существовали. О, и как же они существовали.

— Эли, — сказал он медленно. — Отойди от этого... этого... Иди ко мне. Немедленно. Эли! — Я проигнорировала его, а вместо этого, помахав рукой, подозвала к себе Тильмана. Но Пауль попытался ещё раз. — Эли, он истязал тебя, иди сейчас же сюда или клянусь, я убью его...

— Ты не сможешь, Пауль, — уговаривала его Джианна шёпотом. — Ты же видел, что он сделал с ней... Не провоцируй его. Эли! — крикнула она, дрожа, но стараясь говорить разумным тоном учительницы. — Иди к нам, мы убежим. Он того не стоит. Пнуть женщину в живот...

Мой взгляд заставил её остановиться — мой и Колина. Она, испугавшись, опустила веки и начала грызть нижнюю губу. Пауль снова хотел что-то сказать, но я опередила его.

— Пожалуйста, заткнитесь, хорошо? — набросилась я на обоих. — У нас для этого нет времени! Вы хотите, чтобы Францёз поднялся наверх и всех нас прикончил? Нет?

Они покачали головами, Джианна поспешно, а Пауль больше угрожающе, чем соглашаясь. Я снова обратила внимание на Тильмана, который в ожидании стоял рядом со мной.

— Теперь твоя очередь, — передала я приглушённо дальше, что только что получила от Колина. — Ты должен спуститься к Францёзу. Почему, собственно? — Я вопрошающе повернулась к Колину. Он опустил свои ресницы и прислонился, не двигаясь, к стене рядом с окном.

— Нам нужно проверить. Доказательство. — Это больше был не голос, только мрачное, агрессивное рычание. Если бы другие могли его слышать, то убежали бы.

— Ну, класс, — вздохнула я. Этого я не могла передать дальше. После всего, что они, должно быть, видели, они не отпустят Тильмана. Я посмотрела прямо на него. — Ты идёшь со мной?

— Конечно, — ответил он лаконично.

— Нет. Нетнетнетнет! — прогремела Джианна. — Оставайтесь здесь! Пожалуйста. Только не к монстру, там, внизу! И я не хочу оставаться здесь без вас с этим монстром! — Она, всхлипывая, указала на Колина, который задом поднялся по стене вверх и в странно выгнувшимся положении прилип к потолку. Его волосы, жужжа, извивались вокруг самих себя. — Посмотри!

— Смотри, — прошипела я предупреждающе. — Он медитирует. — Рот Джианны открылся.

— Медитирует? — повторила она ошеломлённо. — Ты шутишь? Пауль, скажи ты тоже хоть что-то!

Но Пауль только смотрела на нас молча, и это меня не удивляло. Для него было слишком много информации разом. И нельзя забывать и того, что четверть часа назад он чуть не перешёл через Иордан.

— Откуда ты вообще знаешь, что вам делать? Он ведь вовсе не говорит, — добавила Джианна сорвавшимся голосом.

— Я слышу его в моей голове, — ответила я спокойно. — Я слышу его мысли. Я чувствую, чего он хочет.

— Она действительно может это делать, — подтвердил Тильман также спокойно.

— Я этого не понимаю, — запричитала Джианна. — Ты чувствуешь, чего он хочет, да? Ты всё это время боялась, он хотел убить тебя...

— Откуда ты это знаешь? — перебила я её резко.

— Ах, Боже мой, Эли, я это видела! Уже тогда, когда он привёз тебя на стоянку возле порта! Ты была такая странная. Ты его боялась!

— Мои чувства были всё это время верными, — ответила я упрямо, хотя моим словам не хватало никакого логического основания. — Они и сейчас верны.

— Эли, ты хоть вообще знаешь, что говоришь? — издевалась Джианна, которая из-за чистого эмансипационного ангажемента забыла про панику.

— Ты боялась его, и только что это действительно выглядело так, будто он хотел тебя убить. Блин, Эли, тебе ясно, что он с тобой сделал? Даже мой бывший не делал такого со мной! Это было мерзко до самого предела и к тому же излишне. Почему он пинает тебя, когда речь идёт о Францёзе? Ты можешь мне это объяснить? Нет, позволь мне сделать это за тебя: потому что ему нравится такое вытворять. Он демон!

— Я не могу сказать тебе, почему он сделал это, но я доверяю ему и хочу повиноваться...

— Повиноваться? Чёрт, проснись, Эли, все это совершенно безумно, разве ты этого не замечаешь? — закричала Джианна.

— Джианна права. — Голос Пауля был мрачным от раздражения. — Он не человек, и, видимо, ему нравится мучить тебя...

— Всё это чепуха, — прервал его Тильман. — Какой-то смысл должен был в этом быть.

— Торопитесь. Спорить вы сможете и позже, — прорычало в моей голове, и в этот раз даже я немного испугалась. С шипящим всплеском голубая пена капала из уголка рта Колина на пол и въедалась в дерево.

— Фу, — пробормотала Джианна.

— Ты не видела Францёза. Он по-настоящему фу. Пошли, Тильман, нам пора. — Мы оставили других, не сказав больше ни слова. Но от меня не ускользнул взгляд Пауля, которым он смотрел мне вслед — такой растерянный, полный раскаяния и ненависти к себе. Он причинил мне боль. Потому что думал, что он виноват в том, что только что со мной случилось. Если бы он только знал, какими неважными казались воспоминания о боли по сравнению с миром, который подарил мне Колин в конце. Насколько больше должна была быть его собственная боль, доверится другому человеку, который так постыдно использовал и злоупотребил им в своём собственном помешательстве.

— Чего хочет Колин? — спросил Тильман по-деловому, когда мы в ногу спускались по лестнице.

— Ты должен приманить Фрнацёза. Проверить, смог ли Колин... что же, я, по правде говоря, не знаю. Я надеюсь, он обезвредил его. Мёртвым он мне не показался. — То, что у него был только один глаз и деформированный череп, я решила не говорить. Мне не нужно было беспокоить Тильмана искусственно. Кроме того, глаз мог уже снова вырасти. Такое у Маров могло происходить порой очень быстро.

— Я предполагаю, что должна наблюдать за этим и в случае чего позвать Колина, — пришла я к выводу, когда мы достигли Динеррайэ. Её я видела пред собой, когда Колин сообщал мне свои мысли. — Хотя я не думаю, что... — Остальные слова я проглотила, но Тильман посмотрел на меня осведомлённо.

— Всё и так ясно. Он сейчас не особо здоров. Он кажется как будто отравленным, правда? — Я не ответила. Тильман расстегнул свою рубашку и снял её с плеч. Потом взъерошил свои волосы.

— И? Как я выгляжу? — В его голосе прозвучала ирония, но также страх.

— Сногсшибательно, — я притянула его к себе и погладила по затылку, поцеловала осторожно вздутые шрамы над его сосками. Уже когда Тильман расстёгивал свою рубашку, я увидела, как появилась тень Францёза на другой стороне моста, кривая и помятая. Колин сильно его изувечил. Но он был жив, и его движения казались всё ещё жадными и голодными.

— Ну, давай, — прошептала я в ухо Тильмана. — Удачи.

— Ты скажешь моему отцу, что... и... то, что с тобой, я хотел тебе... — Он искал подходящие слова, но их не было. Не в такие моменты.

— Мы поговорим, когда ты вернёшься. Предложи себя ему. Он должен думать, что ты хочешь его. Это твоя битва!

Я вдруг поняла, почему Колин выбрал Тильмана. Потому что со своей встречи с Тессой он что-то требовал от жизни, так сильно, что это постоянно пылало и горело в его глазах, хотя он даже не знал точно, что это было. Францёз мог понять это неправильно. Тильман был идеальным краш-тестом манекена. Потому что Колин увидел ещё кое-что: Тильману был нужен шанс принять в этом участие.

Всё же я почти не могла на это смотреть. От меня не ускользнул страх Тильмана, а также и изнурение, которое отметило его улыбку, когда он повернулся к Францёзу. Это больше не была усмешка, а улыбка. Именно то, что было нужно Францёзу. Голод и усталость одновременно. Как тогда у Пауля. Если наша проверка провалится, то я потеряю своего лучшего друга, который у меня когда-либо был.

Сейчас был подходящий момент, чтобы помолиться, но то, что я пережила в прошедшие минуты, было настолько далеким от любой библейской мысли, что мне это показалось кощунством. Всё, что я могла сделать, — это надеяться и ещё раз доверится тому, что Колин знал, что делал, когда посылал нас вниз.

Шаги Францёза чавкали на булыжной мостовой, в то время как он подходил к Тильману, но моё смутное впечатление подтвердилось. Несколько суставов были перекручены и вывихнуты, левого глаза так и не хватало. У Тессы это уже давно бы обновилось. Но Тесса была на пару сотен лет старше. Наверное, у Францёза это происходило медленнее.

Тильман, напротив, шёл, как полубог в ночи, напряжённый и в боевой готовности, но также безмерно соблазнителен. Он предоставлял себя. Я слышала, как жёлтые слюни Францёза текли по ткани его пальто. Булькающий стон вырвался из его раздавленного горла,

когда Тильман остановился возле него и приподнял свои руки. Францёз настолько быстро воткнул свои когти в голую спину Тильмана, что мои глаза не поспевали за ним, молниеносная хватка, и только секунды спустя по плечам Тильмана побежала тёмная кровь. Кровь? Уже?

Нет, подумала я сердито. Ты не должен этого делать — только не это! Я прижала руку ко рту, чтобы не закричать, потому что не хотела излишне разжигать Францёза или даже впутаться самой в эту отвратительную игру спаривания. Как я могла помочь Тильману и не ухудшить ситуацию? Позвать Колина, который с пеной у рта висел на потолке и выглядел как абсурдная фантазия сошедшего с ума, помешенного на фильмах ужасов?

Но что он сможет сделать? Францёз хотел изменить Тильмана! Это был его способ мести. Он хотел сделать Тильмана своим соратником. И, очевидно, это уже происходило, потому что Тильман не сопротивлялся. Он покоился неподвижно в объятьях Францёза, в то время как началось ужасное сосание, и Францёз снова и снова ритмично прижимал к себе чресла Тильмана.

Это длилось слишком долго. Даже если Тильман смог бы сейчас сопротивляться и освободился бы — человеком он никогда больше не станет. Если немного повезёт, то полукровкой, но и это было маловероятно. Францёз был сильнее, чем тот Мар, который напал на папу. Но прежде всего мы его спровоцировали.

Всё-таки я бросилась к обоим и уже протянула руки, чтобы оттащить Тильмана, когда гипнотическое сосание Францёза вдруг раздулось в резкий, но поразительно человеческий крик, и все мои мысли улетучились. Не веря, я смотрела на стены домов, в чьих окнах и балконах постепенно начал загораться свет. Туман начал рассеиваться. Теперь я услышала и шум дорожного движения; плавный, успокаивающий шум. Пахло морем и бензином. Стена была пробита.

Потому что Францёз был сыт и в конце концов получил, чего хотел? Или...? Тильман свободно протянул руки в сторону и высвободился из рук Францёза. Когти обессилено соскользнули с его окровавленной спины. Францёз снова закричал, но теперь это был только сумасшедшей крик душевнобольного, пустой и глухой. И этот звук тоже заставил пробежать по моей спине дрожь, но он больше не был опасен. Самое большее — жутким. Тильман отступил на шаг. Третий крик закончился дребезжащим стоном. Францёз ссутулился, руки всё ещё подняты вверх, когти теперь бессмысленны, и огляделся с мерцающим взглядом, как и прежде жадным и голодным, но слепой, прежде чем неуклюже повернулся и захромал в сторону города.

— Я в порядке, — сказал Тильман глухо, когда стоял снова рядом со мной и, как и я, смотрел на узкий проход, в котором в тени домов исчез Францёз. — Он попытался, но... — Он пожал плечами.

— У тебя идёт кровь, — ответила я, предупреждая и не зная, хотелось ли мне убежать или осмотреть его раны.

— Я знаю. Но это не подействовало. Это было отвратительно, но во мне всё осталось, как и прежде. Мне ничего не нужно было делать. — Слова Тильмана прозвучали почти что разочарованно. — Я думаю, Францёз потерял способность похищать. А теперь он попытается сделать это с кем-то другим. Может такое быть?

Я молчала. Если это было так, то Колин что-то с ним сделал, о чём я не имела представления. И я не могла собрать воедино, как ему удалось это сделать. Было ли это чистое совпадение? Или намерение? Как бы там ни было, Колин находился в жалком

состоянии. Я должна была поверить Тильману, что он не превратился, и позаботится о Колине. Если мы будем и дальше стоять здесь на холоде и болтать, то я подвергала Пауля и Джианну опасности, оставляя их с ним наедине. Потому что он будет голоден. Сильно голоден.

Джианна и Пауль всё ещё оставались в углу комнаты. Они вздохнули с облегчением, увидев нас и услышав, что Францёз был побеждён — по крайней мере, Тильман и я считали, что это так, но ещё больше был их страх и непонимание по отношению ко мне.

— Я не хочу сейчас говорить о моих отношениях! — прервала я Пауля, когда тот снова попытался уговорить меня просто сбежать и забыть про моего жестокого парня. — Пожалуйста! Мы можем поговорить об этом позже, но не сейчас, ради всех нас, ты это понял?

Я чувствовала, что мои глаза сверкали, и сила, которую я ощущала, пылает во мне, как она выплеснулась наружу и окружила меня, как пылающий веер. Обеспокоенно, Пауль отпрянул.

— Хорошо. Спасибо, — сказала я вежливо.

Состояние Колина, во время моего отсутствия, резко ухудшилось. Теперь он действительно напоминал мне подвального паука, который только что был раздавлен и чьи ноги ещё дёргались. Рокот в его теле превратился в тупой, измученный стук, чью частоту почти невозможно было выносить. Она заставляла вибрировать мои перепонки. Но он закрыл свои глаза, и его лицо было холодным и суровым. Он пытался изо всех сил ничего с нами не сделать.

— Оставайся с другими, — приказала я Тильману. На удивление он безропотно подчинился. Я подождала, скажет ли мне что-нибудь Колин, но моя голова оставалась пустой. Решительно я подошла к окну и посмотрела на него.

Твой лоб... мне нужен твой лоб, Колин, попросила я его молча. Как паук на ниточке, он спустился немного вниз, и я подавила озноб, который хотел отогнать меня от него. Осторожно я прижала свои брови к его. Его кожа была такой холодной, что я вздрогнула.

Я кое-что увидела, когда закрыла глаза, неясно и в чёрно-белых тонах, только тень, но я тут же поняла, что это. Их длинные, ловкие лапы, их сильные шеи, их изящные, ворчащие носы. Не киты, а волки. Он не хотел к морю, он хотел в лес. Я увидела не одного волка, а несколько.

Колину были нужны волки и нужны быстро. Теперь наконец я могла кое-что сделать, могла применить свой разум и здравомыслие.

— Джианна, иди к ноутбуку Пауля и выясни, где живёт большая стая волков в Германии. Быстро! Пауль, принеси мне все верёвки и бечёвки, которые ты сможешь найти здесь, подойдут даже ремни. Нам нужно связать его. Тильман, подъезжай сюда на машине. Упакуй для нас немного провианта и навигационную систему. — Колин больше будет не в состоянии направлять нас. Его телепатические способности атрофировались. Он хотел лишь только есть.

— Значит, ты хочешь его связать. По крайней мере, что-то, — прокомментировал Пауль и с трудом прокашлялся из-за застрявшей в горле слизи. Здоровьем это всё ещё не звучало.

— Волчья стая? Но... почему он не пойдёт в зоопарк? — спросила Джианна и посмотрела на Колина, будто тот вонючая плесень, которую ей больше всего хотелось бы стереть большой тряпкой с дополнительной порцией дезинфицирующего средства с потолка.

— Этого мы не будем сейчас обсуждать, — набросилась я на неё, выскользнула из моей разодранной футболки и надела пуловер с капюшоном, который был на мне сегодня в обед. — Иди к компьютеру!

Пауль уже исчез в мастерской, в то время как Колин жутко медленно сползал с потолка, а Тильман бежал, нагруженный кексами и колой, по коридору.

— Мне не нужно, — разозлилась Джианна. — Мускауер Хайде, тренировочная, военная территория, Оберлаузитц. В Саксонии. Не особо близко отсюда. Там живут несколько стай. Возле электростанции Боксберг. Я об этом писала.

— Надеюсь в пользу волков, — прорычала я и натянула кеды.

— Я журналистка. Я не пишу ни за, ни против.

— Джианна! — Я с удовольствием надавала бы ей тумачков. — У нас нет времени, чтобы ругаться, каждая минута на счету. Я думала, ты ещё не хочешь умирать!

Колин спустился с потолка и подкатился к моим ногам. Я могла видеть, как растут его ногти, и они тоже отсвечивали голубоватым цветом. Они, должно быть, могли порезать стекло. Его правая рука задёргалась, когда я хотела склониться к нему. Встревоженно я отпрянула.

— Позвольте это сделать мне, — попросила я Джианну и Пауля, который тем временем уже принёс мне верёвки. От меня не ускользнуло, что он засунул в петлю от ремня большой нож. — Я могу лучше оценить его, чем вы. Если он меня схватит, вы должны будите оттащить меня, хорошо?

Пауль ошарашенно покачал головой, а Джианна напряжённо жевала одну из своих тёмных прядей волос, но они не возразили.

Я работала быстро и сосредоточенно, но мне приходилось снова и снова отступать, потому что руки Колина хотели схватить меня и притянуть к себе — и в тоже время мне приходилась удерживать Пауля от того, чтобы тот не отволок меня от Колина. Мне нужна была вся моя сила, чтобы крепко завязать верёвки. Тело Колина на ощупь было как будто из камня, и такое ледяное, что кончики мои пальцев горели от холода, когда я нечаянно касалась его кожи. Я связала его руки за спиной, перекрещивая верёвку. Ноги я обвязала, начиная с колен и наверх и тоже скрещивая верёвку. Всё это время веки Колина оставались опущенными вниз, а по лицу невозможно было прочесть никаких чувств.

Вчетвером мы отнесли его в лифт, спустились вниз и отбуксировали наш опасный груз в багажник универсала. Моя комната ужасов из животных была милостивым кукольным домиком по сравнению с тем, что я буду везти теперь.

— Кто поведёт? — спросил Пауль. Его голос звучал грустно и шокировано, хотя он со всей силы старался вернуть себе самообладание, потому что, по-видимому, всё ещё размышлял о том, как ему убить моего парня.

— Тильман, — решила я. — Нам нужно ехать быстрее, чем разрешено, чтобы успеть до завтрашнего утра.

Пять часов — показала навигационная система. При скорости сто тридцать километров в час. И днём. Сейчас была четверть первого. Я удивлялась, что схватка не заняла больше времени. Всё-таки времени едва хватит. Нам нужно будет спешить. По-другому нельзя.

— У Тильмана нет прав, и поэтому нечего терять. — Я забралась к Колину в багажник. Его вид наводил ужас и на меня, но я всё ещё могла угадать в нём то, что любила. Тильман сел без комментариев за руль; Джианна и Пауль залезли на заднее сиденье.

— Тебя это устроит? — спросил Пауль.

— Ты можешь остаться здесь. Тебе не обязательно ехать с нами. Джианне тоже нет.

— Нет, — пробормотал он. — Я должен. Я ведь не оставлю тебя с ним одну. Блин, Эли!

— Тогда и мне тоже нужно поехать, — дополнила Джианна, покривившись судьбе.

Взгляд Пауля был прикован ко мне, а не к ней. Паулю всегда было сложно за что-то извиняться, даже если он явно напортачил и знал об этом. Чаще всего он от этого увиливал. Просто не мог этого сделать, и точно также было и сейчас. Но его глаза сказали всё. Мне этого хватило. Кроме того, его раскаяние было омрачено тысячью упрёками, и я могла представить себе, какими они были. Мой разум соглашался с ними, моё же сердце их не слушало. Было правильно то, что я здесь делала, и было правильно доверять Колину. Пока ещё я чувствовала себя сильной, свободной и не израненной. Поэтому могла действовать — и мы должны были это сделать.

Тильман завёл машину. Хриплый стон вырвался из груди Колина, когда тот двинулся с места, и мы затаили дыхание. Испуганно, Джианна и Пауль смотрели на меня. Я потянулась за телом Колина и положила его голову себе на колени. Сразу же мои руки покрылись мурашками, а пуловер стал влажным.

— Держись, ещё только несколько часов. Всё будет хорошо, — прошептала я.

— Мне это кажется таким чертовски знакомым, — проворчал Тильман. — Дежавю. — Я поняла, что он имел в виду. Наша общая поездка в клинику моего отца. И в ту ночь я тоже обнимала Колина, и он выглядел не особо аппетитно. Но тогда у него был только голод, и он чувствовал отвращение к себе и Тессе. Теперь же он был болен и к тому же чрезмерно опасен. Может быть, он умрёт, но возможно высосет нас, потому что иначе не может. Я не знала, выдержат ли верёвки, и что ещё больше нервировало: я не знала, что с ним вообще случилось. Что Францёз сделал ему, после того, как я поплыла назад к дому?

— Нет, — возразила я Тильману с горечью. — Не дежавю. Всё намного хуже. — Снова тело Колина вздыбилось, и раздался жуткий стон, но я держала его.

— Почему ты это делаешь? — спросила Джианна, в то время как Тильман проехал второй раз на красный свет и прогнал, просигналив, несколько ругающихся гуляк. — Почему ты его держишь? Он... — Она коснулась своих висков. — Я даже не знаю, как мне это назвать. А я всегда могу описать всё.

— Потому что не могу по-другому, — прошептала я и, дрожа, ждала, пока Тильман без происшествий доехал до автобана и на полную нажал на газ. Только тогда я осмелилась глубоко вздохнуть и надеяться, что действительно всё будет хорошо, хотя точно чувствовала, что яд постепенно разрушал Колина, пока не останется только чудовище, а человек в нём растворится.

Глава 57.

Жилище волков

Через полчаса я оставила Колина одного. У меня было такое чувство, что я своим непосредственным присутствием только осложняла, а не облегчала его положение. Совсем по-другому, чем тогда, после схватки с Тессой, когда я могла облегчить его отвращение. Кроме того, я продрохла до самых костей, и это никого не сделает счастливым, если я через пару дней зачахну от воспаления лёгких.

Джианна и Пауль задремали — обессиленный, поверхностный отдых. Когда я через них перебиралась вперёд, на переднее сиденье, Джианна начала молиться в полусне. Немного Божьей помощи не помешает, подумала я оппортунистически. Может быть, он послушает

итальянку больше, чем меня.

Я по предписанию пристегнулась, потому что Тильман ехал как сам чёрт. Больше ста восьмидесяти километров в час Volvo не ехал, без того, чтобы опасно начинать трястись, но Тильман не собирался замедлить темп даже на один километр в час. К счастью, автобаны были пустынные, и мы хорошо продвигались вперёд. Тем не менее, это была гонка против времени.

Колин не был вампиром, он мог очень даже хорошо выносить солнце. Только оно ему не нравилось, и это делало людей уставшими, когда они встречались с ним при свете дня. В этом была одна проблема. Всё же другая заботила меня намного больше. Волки были активными ночью. Легче всего их будет найти перед восходом солнца. И, конечно, на загороженную территорию мы могли лучше всего пробраться, когда было ещё темно и кроме нас никого на улице. По словам Джианны тренировочная военная территория была не загорожена — именно поэтому волки смогли поселиться на ней. Нам нужно будет только преодолеть шлагбаум, а это было в пределах возможного. Если доберёмся до Саксонии целыми и достаточно рано.

Теперь я действительно чувствовала себя как Ван Хельсинг в «Дракуле» Брэма Стокера, когда он пытался защитить Мину от неизбежного, и скакал наперегонки с солнцем, в то время как монстр в ней прокладывал свой путь. Но Мина тоже любила Дракулу, как и я любила Колина, хотя вновь этого не понимала. Очень медленно в моей голове проявлялось то, о чём другие постоянно говорили: он жестоко пинал меня и бил, душил, заталкивал под воду. Почему? И почему за две ночи перед схваткой он висел надо мной на потолке?

Напал на меня на улице? Чтобы потом всё же вывести Францёза из строя? Пока эти вопросы не затрагивали меня так сильно, чтобы вывести из концепции, но это больше не было так далеко и абстрактно, как раньше. Моё сердце, однако, они ещё не смогли достичь.

Кроме того, осталось ещё несколько вопросов без ответов по отношению к Тильману. Я отхлебнула колы и посмотрела на него со стороны. Его глаза были направлены на дорогу, но я точно знала, что он ожидал обсуждения.

— Нам с тобой нужно ещё кое-что выяснить, — выбрала я по возможности безобидное вступление для описания того факта, что он ранее чуть ли не с радостной решимостью отправил меня на смерть. Потому что он не мог знать того, что Колин оставит меня в живых.

— Иди! — крикнул Тильман. И к этому ещё внезапно у него в глазах вспыхнул огонёк... Он что, хотел избавиться от меня? Прежде чем я смогла выразить мои размышления словами, Тильман залез в карман своих брюк и протянул мне сложенное письмо.

— Прочитай это. Оно ответит не на все вопросы, но, по крайней мере, объяснит несколько вещей. — Поражённо я развернула лист и вздохнула, когда узнала размашистый почерк Колина. Письмо от Колина... Тильману?

"Привет, Тильман, не думай, что мне будет легко написать эти строчки, но они нужны, если мы хотим вступить в схватку. У каждого будет своя часть. Твоя будет заключаться в том, чтобы быть для Елизаветы хорошим другом — и, может быть, даже больше, чем это."

Я затаила дыхание. Хотела ли я действительно читать дальше? Да, я хотела.

"Она изменится в ближайшие дни и, скорее всего, станет довольно невыносимой. Ты захочешь не раз отправить её на луну. Я знаю, что это за ощущение — это желание мне тоже не чуждо. Эли всегда раздражает больше всего, когда не может выносить саму себя. А это станет одним из её основных настроений."

Самоуничтожение и отчуждение. Оба необходимы — в этом ты должен мне доверять. И

она тоже должна доверять. Эли не тот человек, кому это легко даётся. Она любит много размышлять и проверяет то, что только может. Всё и вся. Потому что она, кроме этого, очень умная, для неё будет плёвым делом обнаружить несоответствия. Прежде всего, я имею в виду несоответствия в её собственной душе. Она будет злиться и сердиться, умирать от страха и со страстью брызгать своим ядом. Попытайся это ценить. Это может для всех нас стать подарком.

Оставайся рядом с ней. Это твоё задание, твоя святая ответственность. Ты мне для этого нужен.

Самая большая трудность Елизаветы будет состоять в том, скрыть свои мысли от Францёза. Если ты заметишь, что это выходит из-под контроля, я прошу тебя всеми средствами, которые тебе доступны и по натуре ненасильственны, отвлечь её.

Я скрежещу зубами, в то время как пишу это, но мне нужно по поводу этого научить тебя некоторым вещам, которые равным образом интимны, как и незаменимы. Я думаю, ты знаешь, что я имею в виду под "всеми средствами". Обольщение одно из них. Эли не просто соблазнить, но она очень чувствительна. Боюсь (нет, я надеюсь), что она отвергнет твоё предложение.

Но если её отчаяние станет настолько большим, что она его примет, тогда веди себя как мужчина, а не как мальчик. Это не должно быть трудным для тебя; она красивая штучка со сказочной попкой и кожей, которую я мог бы проглотить (и это не только из-за моей демонической натуры). С ней можно сделать много вещей правильно, но, к сожалению, ещё больше не правильно. Ни к чему не принуждай её. Если ты всё же сделаешь это, то я подвешу тебя за твои яйца. В Арктике, когда белые медведи голодны."

Мой юмор поборол моё смущение, и я злорадно захихикала.

— Белые медведи, не так ли? — проворчал Тильман. Я только усмехнулась и продолжила читать, но моё лицо так горело, что один момент я не могла разобрать ни одной буквы.

"Не используй то, что ты теперь знаешь, в своих интересах. Прибегни к этому только тогда, если будет казаться, что больше нет другого выхода. Может быть, будет достаточно поцелуя. Может быть, только твоей близости. Но всё подойдёт, если это спасёт вас и поможет скрыть ваши мысли.

Укрепляй её доверие по отношению ко мне, всегда, когда подвернётся удобный случай. Это ключ ко всему. Она должна доверять мне, чтобы не случилось. Если она больше не будет помнить об этом, тогда сделай это ты.

Мы увидимся, когда состоится схватка. Я благодарю тебя. Колин."

Я смущённо молчала, и это длилось примерно пятьдесят километров и две вспыхивающие камеры скорости, пока я наконец не откашлялась и моих губ не покинул тот вопрос, который крутился у меня в голове с того момента, как прочитала письмо Колина.

— Что ты теперь обо мне думаешь?

— Что тебя сложно соблазнить, — ответил Тильман, ухмыляясь, не отрывая взгляд от дороги.

— Ха-ха, — проворчала я. — Это был бы практически инцест. — Усмешка Тильмана усилилась. Потом он снова стал серьёзным.

— Я знал только то, что там написано. Но то, что случилось в схватке и почему ты стала такой экстремальной в последние дни — не имею представления.

— Хм. Я думала, ты не любишь приказы. Это письмо только ими и изобилует...

— Я не принципиально имею что-то против приказов. Если они исходят от людей, которые уважают меня, и приказы имеют смысл, то я выполняю их. Ну, я знал, что ты должна была идти, когда он позовёт тебя. По крайней мере, так я интерпретировал письмо. Но, Эли, что он сделал с тобой там, внизу? Ты другая, не как раньше. Ты ведь не станешь...?

— Маром? — Я засмеялась. — Нет, я так не думаю. Я чувствую себя вполне человеком. Никаких более тонких чувств, чем уже и так были, никакого голода на сны и у меня многое что болит. Но мне это всё равно. Со мной всё в порядке, в самом деле.

— Мидазолам, — пробормотал Тильман. — Это напоминает мне мидазолам.

— О чём ты говоришь?

— Разве ты не знаешь об этой штуки? Я получил её тогда, когда на меня напал медведь, и они вправляли мне руку с местной анестезией. Самый лучший наркотик, который только существует. У тебя адская боль и зверский шок, но тебе это всё равно. Ты чувствуешь себя хорошо, сильным и чистым, ничто не может тебя потрясти. Именно такое ты и производила на меня впечатление, когда пришла к нам, после схватки.

— Правильно, — ответила я коротко, потому что что-то сзади нас отвлекло меня, хотя в машине было тихо. Я посмотрела в зеркало заднего вида и прямо в распахнутые глаза Джианны. Пауль спал, облокотившись на окно.

— Помоги, — сформировал её рот. — Помоги мне.

— Остановись! — заревела я. Тильман так сильно нажал на тормоза, что машину занесло, но он тут же убрал ногу с педали, и после одного драматичного поворота Volvo снова вернулся в клею. Если бы другие автомобили были на дороге, то эта неприятность означала бы конец нашего маленького путешествия. Но так Тильман благополучно припарковал Volvo на обочине. Я снова повернулась к Джианне, которая, несмотря на этот манёвр, оставалась сидеть неподвижно.

— Не шевелись, Джианна. Его когти не должны разорвать тебе кожу. Нельзя, чтобы пошла кровь. Хорошо? — Она закрыла свои веки, чтобы дать понять, что поняла меня. Рука Колина вцепилась в её плечо. Я не знала, проник ли он уже в её мечты ихватило ли для этого только контакта его пальцев, но он был Камбионом. Может быть, ему удастся похитить, не прижимая к себе человека. Но возможно это был только рефлекс.

Я перелезла на заднее сиденье и осторожно высвободила один коготь за другим из пуловера Джианны. Они порвали тонкую шерсть, но её кожа осталась невредимой. С грубой силой я оттолкнула руку Колина назад к его телу, где она высвободилась из пут и, наверное, взлетела вверх, без того, чтобы он смог что-то против этого сделать. Молча я достала буксировочный трос из коробки с инструментами и обвязала им дополнительно к другим верёвкам так сильно вокруг его запястий, что мне самой было больно. Его белоснежная кожа лопнула, и сразу же просочилась голубая кровь.

Извини, подумала я и коснулась его волос. Закричав, я отпрянула. Они обожгли меня. Быстро образовался красный кровоподтёк на моей ладони. Значит, проявления ласки были не очень хорошей идеей. Я быстро перелезла вперёд, на переднее сиденье. Джианна легла плашмя на заднее, вместе с Паулем, который, к счастью, проснулся только после атаки Колина и теперь, защищая, обнимал её.

— Перекусить было бы сейчас не плохо, — сказал Тильман мечтательно, после того как снова привёл машину в движение. Перед нами появился Котбус. По крайней мере, мы были недалеко от польской границы. Черноту неба сменил туманный тёмно-серый цвет. Нет, у нас не было времени, чтобы поесть.

— О да, — всё же согласилась я с ним. Мы вели себя как в фильмах про катастрофу. Разговор о пустяках, чтобы создать ощущение близости. Я так часто это видела.

— Багет, — подыграла я. — В Кёльне был гениальный магазин, где продавали багеты. Я бы взяла с ветчиной Серрано. И Пармезаном.

— А я Капрезе. С помидорами и моцареллой, — увлёкся Тильман.

— Багет с Капрезе, — раздалось презрительно с заднего сиденья. — Это не Капрезе. Это дешёвое дерьмо. Моцарелла из коровьего молока.

— Смешно! Он должен состоять из молока буйвола. Вам нужно заказать Капрезе в Италии...

— Может быть, мы ещё так и сделаем, — сказал Тильман так тихо, что только я могла это слышать. Да, если всё здесь пройдёт успешно, Италия была нашей следующей целью. Но ещё мы не знали, как высока была цена за жизнь Пауля. Кровь Колина шумела так медленно и громко по его артериям, что у меня заболела от этого голова. Мары могли умереть только в схватке против других Маров. Но Колин не сказал мне, как долго может длиться эта агония.

Я всегда предполагала, что это происходит быстро. Теперь я была свидетельницей медленной смерти и не знала, смогут ли вообще волки остановить её. В конце концов, возможно, это было только его желание, быть с ними, когда это случится. И если оно так и было, то я хотела исполнить для него это желание.

Я закрыла глаза и представила себе, как это будет, если мы выживем, все, и поедим вместе в Италию, чтобы заказать это чёртово Капрезе. В Италии можно было жить ночью. Всё так делали. Это я знала от мамы и папы. Если нам повезёт, то мы даже найдём моего отца. Невредимым. Сможем обезвредить Тессу, так же, как и Францёза. Освободим папу... И я буду лежать на тёплом вечернем солнышке, на пляже и позволю волнам накатываться на моё тело...

Автомобиль резко остановился. Застонав, я выпрямилась и посмотрела на красно-белый шлагбаум, чей замок как раз взламывал Тильман своими крепкими ударами. Мы приехали! А Колин! Я повернулась и посмотрела назад. Его кожа состояла только из сплетений вен, губы почти полностью исчезли. В глаза я даже не хотела смотреть. К счастью, он держал их закрытыми. Всё ещё. Или они были закрытыми, потому что он умер?

Тильман снова забрался в машину и прогромыхал мимо открытого шлагбаума.

— Куда мне ехать теперь? — спросил он нервно. — Эта территория огромная. — Он был безнадежно переутомлён. На один момент я пожалела о том, что сдула кокаин в окно.

— Поезжай просто в лес, подальше от заграждений, насколько возможно подальше от людей.

— Каких людей? — спросил Тильман насмешливо. Вересковая пустошь лежала перед нами нетронутой. Сосновые леса, между ними насыпные дороги со следами от гусениц танков, здесь и там из верхушек деревьев выглядывала вышка. Слева от нас возвышались массивные башни электростанции в туманном утреннем небе. Густые облака поднимались из их пастей. На востоке горизонт окрасился уже красноватым цветом. Я позволила Тильману проехать ещё несколько сотен метров, пока мы не были окружены только лесом и пустошью.

— Стоп, — сказала я. Подпрыгивая, мы остановились. Перед нами пронёсся испуганный заяц через низкий кустарник.

Я вышла. Благотворное спокойствие охватило меня — никакого шума большого города, никаких звуков машин и даже приглушённый грохот электростанции не мог проникнуть

сюда. Птицы пели, почти такое же чирикание и щебетание, как в джунглях, и приветствовали весну. Это будет тёплый день — с лёгким дыханием лета. Но на восходящее солнце надвигались густые, похожие на грибы облака и сохраняли сумерки. Я вдохнула пряный, чистый воздух вересковой пустоши.

Он мгновенно оживил меня. Только не хватало крика волков. Тильман последовал за мной и смотрел, как и я, на тёмную опушку леса.

— И ты думаешь, они здесь? — спросил он, понизив от благоговения голос.

— Где-нибудь они уж будут. Я только надеюсь, он сможет их найти.

Мы разбудили Джианну и оставили отдыхать Пауля — с одной стороны, потому что ему был нужен сон, с другой, потому что у меня не было времени для ещё одного обсуждения моих отношений. Джианна сразу же пришла в себя; её сон был лёгким и видимо не очень восстановительным. Она казалась помятой. Пауль тоже выглядел отмеченным, хотя, по-видимому, его не мучили плохие сны. Он безнадёжно испортил себе причёску, лежа на заднем сиденье, а множество размышлений за прошедшие часы заставили постареть его на несколько лет. Мой желудок сжался, когда я обнаружила один-два седых волоса на его висках. Мы все знали, на чьей совести они были. Если только это так и останется, можно сказать, что Паулю повезло. Но я боялась, что атака оставила более глубокие шрамы, которые долго не смогут исцелиться. Может быть, даже никогда.

— Что ты теперь намереваешься делать? — спросила Джианна. Что бы это ни было, не делай этого, говорил мне её взгляд. Мне не нужно было слишком много думать. То, что теперь должно было быть сделано, было только моей задачей.

— Мы не можем освободить его здесь, — сказала я спокойно. — Слишком рискованно. Четыре живых души только разожгут его голод. Он накинется на одного из нас — по меньшей мере, на одного. Я отнесу его в лес. Помогите достать мне его из кузова.

Мы вместе вытащили Колина из машины. Хотя мы и набросили на его изувеченное тело одеяло, Джианна состроила такое лицо, как будто лучше погрузила бы свои руки в соляную кислоту, чем касаться Колина. И я тоже променяла бы без колебаний свою собственную бабушку на пару перчаток. Колин был сильно изуродован. Все фиолетовые вены выступили наростами, которые его кожу выпятили, как злокачественную, мутирующую опухоль. Его губы отступили далеко за чёрные дёсны. Но я могла слышать рокот его крови, слабый и без какого-либо здорового ритма.

Я размотала немного самую длинную верёвку с рук Колина, снова завязала и положила её конец, проверяя, на моё плечо. Да, этого должно хватить.

— Оставайтесь здесь. Самое лучшее — хорошо выспитесь. — Я остановилась, чтобы снова начать контролировать свой голос. — Я вернусь, когда он насытится. Или... — Я улыбнулась сквозь слёзы. — Во всяком случае, тогда мы поедим багеты.

— Может, одному из нас стоит пойти с тобой? — Тильман шагнул вперёд. — Я бы предложил себя.

— Нет, — ответила я, хотя всё во мне кричало "Да!". Да, пожалуйста, оставайся со мной. — Это не имеет смысла. Нам нужно уменьшить число потенциальных жертв, насколько это возможно. — Это прозвучало великолепно математически, и я сразу же почувствовала себя немного лучше. Но это был не только холодно взвешенный расчёт жертв, который принуждал меня пройти остаток пути в одиночку. Это был также тот факт, что другие боялись и испытывали отвращение к Колину.

Я тоже боялась его — не безрассудно, нет, так больше нет. Это был не смертельный

страх, как раньше. Скорее, подходящее к ситуации уместное опасение. Отвращения, однако, я не испытывала. Может, ему это поможет, что кто-то был рядом с ним, кто не находил его отталкивающим.

— Никаких объятий, — остановила я Джианну, которая хотела прижать меня к себе. — Ваш запах может направить его на ваш след, если волки не смогут его насытить. — Это была ложь, но я не смогла бы вынести прощание со слезами. Нам не нужно было обнимать друг друга, потому что мы увидимся снова.

— Эли, пожалуйста, не надо. Не уходи. Пожалуйста, — прошептала Джианна. — Как нам жить дальше, если ты не вернёшься? Разве мы ничего для тебя не стоим, если уж ты сама себя не ценишь?

Но я сделала вид, будто она этого не сказала, но смутно увидела, как Тильман напряжённо отвернулся. Его дыхание дрожало. Я больше не смотрела им в глаза, даже не бросила взгляда на моего спящего брата, хотя он, может быть, никогда больше не увидит меня, а взяла верёвку, накинула её на плечо и зашагала, тяжело дыша, в лес. Колин не казался мне тяжёлым, скорее как насекомое, чьё тело под его экзоскелетом уже давно высохло. Но земля была песчаная и неровная, и я должна была быть осторожной, чтобы не наступить на кроличью нору или невидимые углубления, которые прятались за редкой травой. Деревья после нескольких метров снова росли более редко. Передо мной открылась следующая поляна. Но было слишком рано останавливаться. Так что идём дальше — ещё одна поляна. И ещё одна. На третьей находился небольшой пруд, который выглядел как естественный водопой. Я обнаружила следы от копыт в песке. И выделяющиеся отпечатки лап. Собаки навряд ли будут здесь жить. Должно быть, они принадлежат одной из стай.

С осознанием того, что я нашла волков, мои силы окончательно меня покинули. Верёвка порвала пуловер и врезалась глубоко в плечо. Также и порезы на спине открылись от напряжения и снова начали кровоточить. Застонав, я опустилась на землю. Ещё раны и перелом в пальце дёргали не сильно, но моё безразличие по отношению к ранам и внутренним повреждениям постепенно уходило. Несмотря на мою физическую слабость, глубоко во мне ещё покоилось чувство непобедимости, но я была теперь героиня, которая могла чувствовать боль. И которая была достаточно умна, чтобы знать, что в какой-то момент больше не сможет принять то, что случилось незадолго до этого.

Связанное чудовище рядом со мной не издавало ни звука. Я посмотрела задумчиво на свёрток. Я могла бы струсить. Ничего не было проще, чем это. Оставить его лежать здесь, убежать назад к машине, к моему брату и друзьям. Поехать в Вестервальд и всё забыть.

Потому что мой разум снова воспротивился моему холодному, сытому спокойствию. "Он издевался над тобой." Пауль попал прямо в точку. Это существо здесь, истязало меня, и пока я не придумала никакого логичного объяснения, для чего это было нужно. Это было то, что не могло умиротворить мой разум. В этом не было логики.

Я отошла на пару шагов назад, пока приглушённый крик в теле Колина не стал тише.

Думай, Эли, заклинала я себя, как уже часто делала. Была ли во всём скрытая логика, которую я только тогда пойму, когда поговорю с ним? Сможет ли он мне это объяснить? Для чего это насилие? И для чего то, что он сделал со мной потом — убедил, что утопит меня, а потом, потом... Что это было? Атака? Нет. Это дало мне сил, а не ослабило. Также он не превратил меня.

— Слишком много вопросов, Эли. Забудь. Тебе это не удастся, — сказала я сама себе реалистично. Нет, я не смогу справиться с этим — с унижением, чувством предательства,

смертельным страхом, если оставлю сейчас его одного, чтобы бросить его такого слабого и изуродованного на произвол судьбы, не выяснив, почему это случилось. И чёрт меня побери, я никогда не смогу себе этого простить. Чем слабее он был, тем сильнее становилось в нём зло. Как тогда в лагере... За это я не могла нести ответственность. А Колин до этих пор всегда хорошо обращался со мной.

Не считая пощёчины, возле ручья, беспощадно напомнила мне моя память. «Видишь!», услышала я голос Пауля в голове. «И тогда значит уже тоже», добавил к нему голос Джианны. А Тильман? Он никогда не вмешивался, оставался спокойным, ничего не говорил против Колина. Он знал больше, чем Джианна и Пауль. И он захочет узнать, что случилось сегодня ночью, как и я.

Если я освобожу Колина от его пут, то он, возможно, убьёт меня в своём голодном угаре. Или же он пойдёт охотиться и сможет затем объяснить мне, что случилось. И почему.

Но даже если он убьёт меня (что было вероятно, потому что, как он сказал недавно: "Мне нужно две секунды, самое многое три."), жить с гложущим чувством не знать всего, не знать его причин, я всё равно не хотела. Я буду мучить себя каждую ночь вопросом, был ли у меня, может, всё же шанс. Был ли у нас шанс, у Колина и у меня. Как влюблённых. По крайней мере, как друзей.

Я должна была рискнуть. Неуверенно и качаясь, как будто только что научилась ходить, я снова вернулась к уродливому свёртку, который лежал там, скрученный, на песке, сложив свои руки судорожно на животе, сердцебиение в унисон с шагами.

И в то время как я тихо прощалась с миром и была благодарна, что могу сделать это на природе, окружённая лесом, вереском и пылающим красным куполом неба, я удивлённо заметила, что черты лица Колина расслабляются. Его губы надвинулись на десна, всё ещё синие и измученные, но немножечко полнее, а вены отступили под кожу. Он уже их слышал? Чувствовал ли что-то, для чего мои инстинкты были слишком притуплёнными?

Я склонилась к его лицу. Да, небольших изменений было достаточно, чтобы сделать это, даже если мои губы всё ещё поцелуют гримасу. Я хотела попрощаться не только с миром, но и с ним — и именно так, как это делают любящие люди.

— Я сейчас развяжу твои верёвки. Мне хочется понять, почему ты это сделал. Мне нужно отдубасить тебя до полусмерти, но...

Вместо того чтобы продолжать говорить, я прижала свой рот к его. Он в мгновение ока укусил, и его клыки продырявили глубокую дырку в моей верхней губе. Тем не менее, я оставалась с ним. Когда моя кровь побежала по его подбородку, кончик голубоватого языка выскочил вперёд, чтобы слизать её.

— Нану, — пробормотала я, и свежая кровь закапала на его кончик языка, который свисал между зубов, как у тяжело дышащего волка. — Я думала, что есть более важное, чем пить кровь.

— В нужде дьявол съест и мух, — услышала я его голос в голове — больше не такой глухой и угрожающий. И в нём была улыбка. Моя кровь помогла ему. Исцелить она не могла его, но, может быть, она уменьшит опасность, в которой я находилась.

Я быстрыми движениями развязала узлы пут и в последнюю секунду откатилась в сторону, чтобы его когти, длиной в несколько сантиметров, впились в песок, а не в мою кожу. Он, заскулив, притянул их назад к груди и скрестил. Это, должно быть, стоило ему невиданной силы. Сердито он попытался откусить кончики когтей, которыми только что чуть не вспорол меня.

— Нет проблем, — сказала я, заикаясь. Моё сердце неслось вскачь. Он вскочил на четвереньки и, рыча, встряхнулся, шея низко опущена вниз. Потом неожиданно открыл глаза — как раз в тот момент, когда первый вой пронёсся по лесу, глубокий и могущественный. И такой тоскливый, что мне захотелось присоединиться к нему. Они пришли.

Утреннее солнце заставило слабо вспыхнуть мёртвый пепел во взгляде Колина. Одним упругим движением он отвернулся от меня и побежал в чащу, будто был одним из них.

— Хорошего аппетита, — прошептала я, после того как его тень слилась с последней чернотой леса. Я вдруг поняла, что выжила, и рыдания так сильно взяли надо мной верх, что я зажала зубами верёвки, чтобы можно было дышать дальше.

Это был будто судорожный припадок, который не хотел больше проходить. Несколько минут мои мускулы дёргались. Но мои слёзы успокоили меня — хорошая, старая и так несправедливо презираемая целительная сила плача. Да, я выжила. Но что было с Колином? Могла ли я оставаться сидеть здесь на песке и ждать — или даже вернуться к машине?

Конечно же, ты можешь сделать это, упрекнула я саму себя. Я не нужна Колину на охоте. А исцелить я его всё равно не могла. Нет, здесь речь шла не о вопросах совести. Я не хотела оставаться и не хотела возвращаться назад к Джианне, Тильману и моему брату. Моё единственное и самое сердечное желание было последовать за животными. Не за Колином, а за волками. Даже мои сверлящие вопросы умолкли, и мой разум позволил победить моему инстинкту.

Я встала и закрыла глаза, чтобы прислушаться. Снова поднялся вой, не только один, нет — это был устрашающе красивый хор, который посылал мне по позвоночнику одну дрожь наслаждения за другой. Потому что самый глубокий голос, более хриплый, гипнотизирующий вой, не принадлежал животному. Он принадлежал Колину. Он нашёл их.

Я держала глаза закрытыми, когда зашла в лес. Мой слух направлял меня надёжно и быстро, и всё же я не спешила, давая ему достаточно времени, чтобы он мог удовлетворить свой невыразимый голод. Они ожидали меня на своей поляне. Пока они оставались невидимыми за деревьями, но я учуяла их тёплый мех и крошечные комки грязи, которые прилипли к подушечкам лап. И я чувствовала все жёлтые пары глаз, чьи зрачки испытывающе покоились на мне, когда я села посреди поляны на камень и позволила моему взгляду мягко бродить по краю леса.

Молодые, подгоняемые любопытством, вышли первыми из своего укрытия и игриво носились вокруг меня. Небольшой, тёмный самец подкрадывался ко мне со склонённой головой, чтобы осторожно понюхать моё колено. Другие внимательно за ним наблюдали, прежде чем вызвать его неуклюжими ударами лап на показательной бой, будто хотели похвастаться передо мной.

Потом к ним присоединилась их мать. Она немного хромала, и у неё остался только один глаз, но я ещё никогда не видела более красивого животного. Если Колин похитил у неё мечты, а именно это я и предполагала, это не навредило ей. Её травмы были уже старыми, и она хорошо с ними жила. Молодняк искал её расположения, тыкал в неё мордами и облизывал её пасть, выпрашивая еду. Она стряхнула их одним единственным решительным движением, и они послушно отступили.

Под конец последовал самец. Волки собрались вместе и заняли позицию полукругом вокруг меня. Даже молодые успокоились, присели на задние лапы, но не выпускали меня из поля зрения, уши бдительно подняты вверх, пасти слегка приоткрыты.

Но одного ещё не хватало. Солнце освещало его сзади, в то время как он пружинистым

шагом вышел из зарослей — теперь уже не на четвереньках, а в вертикальном положении и насытившись. Волчица заскулив, легла и положила свою голову на передние лапы, не отрывая от меня своих жёлтых глаз. Только самец откинул свою голову назад и в последний раз завыл — растянутый, тёмный зов, который я никогда в жизни не смогу забыть. Потом, как по команде, которую восприняли только они, они поднялись и пробежали беззвучно мимо Колина и меня в лес. Волчица коснулась доверчиво его колени. Небрежно, но с любовью он погладил её, проходя мимо, по голове.

— Я хочу поблагодарить тебя за твою верность, — прошептал он, когда остановился возле меня, и я, дивясь, ощупывала его вновь расцветшие щёки. Он всё ещё был не здоровым, но сытым и, очевидно, нашёл в них противоядие. Они подарили его ему. Нежно, он обхватил обеими руками меня за голову, чтобы прижать свой лоб к моему. Я тут же обмякла и сползла на его плечо, где он надёжно и защищённо держал меня — так надёжно и защищённо, как мой отец держал меня в уединённой хижине, в окружении ледяной, полярной ночи. Мама была совсем близко. Передо мной блестела коричневая копна волос Пауля, как бронзовый шлем, в мерцающем свете камина. У меня текли слюнки, потому что во всей комнате пахло свежими испечёнными вафлями, и я с нетерпением ждала, когда съем их, хотя точно знала, что засну раньше, на груди моего отца, который своей незыблемой уверенностью делать всё правильно, всё время правильно, наделил меня силой, которая понадобится мне всю мою жизнь. Без неё ничего не удастся, и всё будет даваться с трудом.

— Ты отдал мне его назад, — прошептала я. — Моё воспоминание. Оно здесь. Я могу его видеть, прямо перед собой.

— Я обещал тебе это, — ответил Колин, улыбаясь. Его дёсны снова стали нормального цвета, а блестящие волосы извивались, потрескивая, вокруг заострённых ушей. Но в его улыбке я увидела печаль, которая была мне очень знакома. Ему не хватало моего воспоминания. — Тебе нужно было иметь только немного терпения. Ты можешь идти. Иди, Эли.

— Идти? Сейчас? Ты сошёл с ума? Сначала я хочу ещё многое узнать, дружочек. Во-первых: почему ты не отдал мне воспоминание тогда, когда я была у тебе на Тришине и ты нашёл китов? Ты был сыт, как никогда ранее! Почему так поздно?

Колин, с сожалением, опустил голову.

— Я хотел это сделать, Эли. Но потом мне стало ясно, что Францёз перевёртыш и схватка будет сложной. Очень сложной.

— Такой сложной, что ты сразу и меня захотел прикончить? Тебе было это нужно, чтобы размяться?

— Нет. — Это «нет» прозвучало так твёрдо и ясно, что на один момент источник моего гнева исчез. — Мой план для схватки сформировался уже на Зильте. Всё, что заставит тебя гневаться, подходило. Алчность была одной из этих вещей. А в первый вечер я не отдал тебе его назад, потому что оно делало меня более похожим на человека, а это помогло тебе переспать со мной. Ведь именно это ты и собиралась сделать, не так ли?

Он больше не улыбался. Да, это я и намеревалась сделать.

— И почему теперь ты захотел убить меня? Сначала половой акт, потом смерть — это у вас, у Маров, так заведено? — Мой голос звучал более укоризненно, чем я хотела. Непонимание его поведения сверлило меня, как воспалённое жало. — Тильман показал мне письмо, но я ничего не понимаю!

— Именно этого я и хотел достичь, — ответил он настоятельно. — Чтобы ты больше

ничего не понимала. Эли, если бы я хотел убить тебя, то это было бы очень легко. Но ты жива, не так ли? Пошли, следуй за мной. Солнце... — Оно поднималось. Его светящие лучи заставили блеснуть ирис Колина нефритово-зеленым цветом, а меня быстро утомиться. Но мне нельзя засыпать. Я должна выяснить, что случилось и мог ли ещё Колин держать зло в себе под контролем или нет. Он завёл меня в густой сосновый лес, в котором деревья стояли так близко друг к другу, что сумерки будет царить здесь и тогда, когда солнце достигнет своего зенита. Сразу же крапинки исчезли с его белой кожи.

Когда я прислонилась напротив него к корявому стволу и вытянула ноги, я снова стала немного более бодрой. Мой разум работал теперь более гибко, а не прыжками. Мои мысли вернулись к былой ясности, которой мне уже в течение нескольких недель болезненно не хватало. Кроме того, меня охватило едва заметное, но постоянное чувство упоения, после того, как Колин отдал назад мне моё воспоминание. Это было чувство защищённости, которое исходило от папы. Всё будет хорошо. Всё. И сейчас тоже.

Колин сел, скрестив ноги, на мягкую землю и сцепил свои длинные пальцы.

— Имеет ли смысл рассказывать тебе? Смогу ли я вообще этим всё исправить? Не торопись с ответом. Подумай столько, сколько тебе потребуется времени.

Его пинок мне в живот был бесчеловечным. То, что он наблюдал за тем, как меня рвало, тем более. Гнать меня через грязный канал, перекрыть мне воздух, вызвать всё то, чего я боялась уже в течение нескольких месяцев...

— Если я это пойму, может быть, смогу и простить, — всё же сказала я.

— Ах, Лесси... Если бы чувства подчинялись логике, то, скорее всего, нас, Маров, не существовало бы. Твоя душа не забудет об этом так быстро, как бы сильно ты не пыталась. Поэтому, может быть, для тебя будет легче, если ты будешь думать, что это случилось злонамеренно.

— Восхитительно. Я ещё что-то буду с этого иметь. Зачем ты вообще позволил другим это увидеть? Ладно, наверное, чтобы Пауль обнаружил настоящую сущность Францёза, спасибо, но разве ты не мог повернуть это так, чтобы он, по крайней мере, не понял, что ты сделал со мной? Теперь он постоянно увещевает меня, чтобы я порвала с тобой отношения...

— Именно поэтому, Эли. Поэтому я это и сделал. Они должны были увидеть, какой я. Каким я могу быть.

— Но они не знают, почему! Почему — всегда решающий фактор. И я хочу узнать это — почему. — Колин покачал головой, но я продолжила торопливо говорить. — Я хочу обсудить это с тобой! Останься здесь, пожалуйста. Поговори со мной. — Я задышала быстрее, потому что страх отпустить его сейчас, снова и навсегда, да, удовлетворится неубедительным аргументом, что он просто злой и низвёл мои травмы и шок до тривиальности.

— Я здесь. Спрашивай, что ты хочешь спросить. — Колин молча ждал, пока моё дыхание снова стало равномерным.

— Почему ты вступил в союз с Францёзом, а в последний момент сделал выбор против него? — Снова мой голос звучал агрессивно и враждебно. Это было невозможно предотвратить.

— Я не вступал с ним в союз, — ответил Колин спокойно. — Я ввёл его в заблуждение, также как ввёл в заблуждение тебя.

— Для чего? — вскипела я. — Ты так напугал меня!

— Именно. — Колин поднял свои веки и посмотрел мне прямо в глаза. — Страх, гнев, злость, недоверие. Твои самые сильные эмоции. Они были моим оружием. Я разжигал их.

Я чувствовала себя, будто была парализована. Разжигал мои негативные чувства? Зачем? Они ведь не могли накормить его! Мары жили за счёт красивых, страстных чувств. Они делали их сильными. Значит, Колин вызвал во мне плохие чувства, подстрекал их, а потом... Один момент, сцена в канале. Этот странный вид атаки. Он высосал из меня негативные чувства, чтобы затем...

— Ты отравил его, — высказала я вслух конец моих соображений. — Ты отравил Францёза! А не наоборот. Моими чувствами!

— Я не смог бы победить его в обычной схватке. Я догадывался об этом. Мне нужно было придумать хитрость. — Колин уставился на свои руки. Ногти были изодраны. Он дал откусить их волкам. Но раны на кончиках пальцев уже заживали. — Чтобы обезвредить Францёза, я должен был ослабить его. Что может быть для Мара хуже, чем человеческая паника и недоверие, чем бездонная злость? Злость — это самый сильный противник всех мечтаний. Кто злиться, тот не видит снов, не может испытывать счастье. Недоверие делает вас бдительными. Это лишает вас какой-либо внутренней беспомощности. Паника так вас истощает, что вы даже не можете больше мечтать. Мне была нужна сверхдоза всего этого, которую я должен был в нужный момент вручить ему. А именно тогда, когда он был так сильно голоден и взял бы всё, что только приблизительно пахло человеком. А ты ведь специалист в передозировке чувств.

Какое-то время Колин сидел молча передо мной, длинные ресницы опущены, как будто предался воспоминаниями о ночи. Маленькая морщинка в уголке его рта подсказала мне, что это причиняло ему боль. Мне тоже.

— Это было самым большим риском. Забрать у тебя лишь столько гнева, чтобы ты могла справиться с этим. Тот гнев, который наносил тебе ущерб, и тот страх, который уничтожил бы тебя и его. Но достаточно мало, чтобы сохранить твой баланс. Потому что без гнева и злости невозможно вести достойную жизнь. Без страха тоже. Это была ходьба по тонкому льду. Я должен был совершенно точно оценить тебя, не мог позволить себе ошибиться. Но, как я вижу, я не полностью исчерпал плодородную почву твоего гнева. Он очень быстро снова вырос. Ты просто далека от умеренности, что касается твоих чувств. Ты часто будешь проклинать это, но для схватки это было благословением.

Он потёр себе ладонями лоб. Я была слишком поражена, чтобы вымолвить хоть одно ясное слово.

— Эли... я должен был сделать это, рискуя тем, что потеряю твою любовь навсегда. Только так у меня был шанс. Я врал тебе, подкарауливал, посылал кошмары, все это... — Снова он провёл руками по лицу... — Я организовал для тебя тренером каратэ — самого паршивого мужчину на планете...

— О, он не был так уж плох. — Ну, прекрасно. Я всё-таки ещё могла говорить. — Это были мои самые счастливые часы в прошедшие недели. Он не плохой тренер, но недостаточно оснащён. Внизу. Он компенсирует это женоненавистностью.

Колин поднял голову и посмотрел на меня с испугом. Он не знал, можно ли ему рассмеяться или нет. По правде говоря, я этого тоже не знала. Я колебалась каждую секунду между слепой яростью и чёрным юмором, хотела попеременно то выцарапать ему глаза, то расцеловать сверху донизу. Предпочтительнее сверху.

— Когда ты собираешься отомстить мне, Лесси? — спросил он немного более небрежно, чем, собственно, разрешала ситуация. Он знал об этом, но это дало мне новый стимул. — Ты хочешь, чтобы я мучился? У тебя ведь в запасе были приятные и ласковые для

меня слова. Как там было с трусливой свиньёй? И ты сомневалась в том, что я мужчина...

— Да, именно так. Это тоже. Беспольные штуки у тебя в штанах. — Я нежно ударила его в бок и счастливо обнаружили, что на ощупь он не казался больше как сухой лёд. — Тогда это ты был ответственен за шаги на крыше?

Колин скривил рот и не смог удержать короткую ухмылку.

— Для меня это тоже было новым опытом — сидеть на корточках посреди ночи на мокрой черепице и играть с универсальным пультом дистанционного управления. Но видео было совпадением, одно из немногих гениальных в моей презренной жизни. Lullaby от The Cure. Между прочим, ты должна была бы слышать её уже раньше. Мне хотелось сделать тебе выговор за твою роковую неосведомлённость. Тем лучше, однако, она выполнила своё предназначение. Я рассмеялась, и моё веселье взяло верх над гневом и унижением, которые я испытывала во время схватки. Как всегда говорил мой отец? Юмор — лучшее лекарство.

— Тогда, значит, ты высосал из меня негативные чувства и отдал ему? — убедилась я с интересом.

Колин кивнул.

— Я не знал, сработает ли это. Но его жадность погубила его. Он проглотил твой коктейль чувств одним единственным махом. Но должен сказать, что я ранее совершенно его запутал, так же, как и тебя. Это было необходимо, чтобы довести твой страх до предела.

— Но ты сам казался отравленным, даже очень. Он что-то с тобой сделал? В тебе теперь есть что-то от него? — Это представление было отвратительно. Яд Францёза в теле Колина. Оставит ли он след, как яд Тессы у Тильмана?

— Нет, Эли. Случилось то, что может случиться, если высасываешь отравленную рану...

— Это перешло на тебя, — добавила я, прежде чем мне стало ясно, что я, собственно, такое говорила. Не яд Францёза. А мой собственный. Я была ядом Колина. — Мои плохие чувства? Это я сделала тебя таким? — Это представление так сильно встревожило меня, что начали трястись мои руки.

— Нет... нет. Ладно, немного. Но прежде всего это были гниющие остатки всех тех мечтаний и чувств, которые он носит в себе и не хочет переваривать. Он собирает всё, что может получить, но слишком алчен, чтобы переработать их полностью. Он сам себе враг, а его желудок обитель разложения.

— Поэтому эта вонь...

— Его коричневая кожа. Его теплота тела, — добавил Колин, кивая. — Не жизнь, а тление.

Да, постепенно я понимала, что произошло. Вероятно, это тление было также причиной того, как трудно было определить его возраст. Девятнадцатилетний с мешками под глазами и морщинами...

— Он может быть для нас ещё опасен? Кто он теперь — человек или Мар?

— Мар, который больше не может похищать. Людям он будет казаться мужчиной, который потерял рассудок. Он будет день и ночь блуждать по улицам, полный жадности и голодный, повисать время от времени на чьей-то спине и без особых усилий его также снова стряхнут. Тогда они объявят его представляющим для людей опасность, хотя он таким не является, и запрут. Он сбежит, его снова поймают, снова сбежит... докучливое бремя, не больше.

Значит, таким было его наказание. Вечный голод, который не может быть удовлетворён. Он заслужил его, и всё же на одну секунду во мне зародилось что-то наподобие жалости,

которая сразу, при мысли о Пауле и о том, что Францёз с ним сделал, была растоптана.

— Никакой жалости, моё сердце, — Колин коснулся прохладной рукой моей щеки. — Он хотел всех вас. Я видел его планы перед собой, когда отравлял. Ты была бы следующей. Потом Тильман. Потом Джианна. И что в этом было такого трагичного, так это то, что моя тактика работала на него. Потому что ты была на грани того, чтобы своим поведением прогнать от себя всех вокруг. Изолировать себя, так же, как, скорее всего, Палузь был тогда изолирован, прежде чем Францёз вступил в дело.

— Мои чувства были верными, — сказала я как будто самой себе.

— Да, они были. Верными и ценными. И они совершенно противоречили тому, что я требовал от тебя. Это была самая большая трудность. Помнишь, что я сказал тебе на Тришине, после первой тренировки?

Не только то, что он сказал мне. А также то, что он только несколько минут ранее сделал со мной. Слишком хорошо я помнила это.

— Что я должна тебе доверять, когда начнётся схватка.

Колин слегка поклонился, будто хотел показать мне своё уважение. Не подобострастное угодничество, а сильный жест верности воина.

— Почти невозможно доверять кому-то, кто наводит на тебя ужас. Ты всё же сделала это. В решающий момент ты это сделала.

— Но я даже не думала об этом! — крикнула я. Да, за день до схватки Тильман ещё вбивал в меня, что надо доверять Колину. Но когда он позвал меня, я совсем об этом не думала. Просто забыла.

— Именно это и зовётся доверием, Эли. Когда больше не задумываешься, а просто делаешь. Если бы я ещё был твоим учителем, сказал бы сейчас, что горжусь тобой. Но это было бы слишком пафосно. Лучше я покажу тебе это другим способом.

Колин притянул меня к себе и прижал мою спину к своей груди. Его прохладная рука скользнула под мой пуловер, чтобы нежными кругами гладить мой голый живот, будто хотел исцелить его. Только теперь я заметила, как сильно он болел и ныл. Но прикосновения Колина сразу же облегчили муки.

— Расположение чувств, — пробормотал Колин, его губы возле моей шеи. — Я должен был пнуть сюда, потому что вряд ли существует что-то более гнусное, что я мог сделать. И боль сфокусировала твои страдания. Мне очень жаль. Я ничего такого не уничтожил, что тебе ещё понадобится. Позже. — Я знала, на что он намекал. На детей. С другим мужчиной. Нормальным мужчиной. Нормальным мужчиной, который не делал такие вещи. Это имел в виду Колин.

— Именно, позже. Не сейчас, — уточнила я. Чтобы не было этим позже — одна секунда, один час, один год. Сейчас это не считалось. Я сидела рядом с ним, я больше не боялась его, я понимала, что он сделал, и почему это должно было случиться, и, как и прежде, по мне проносилось чувство, что всё будет хорошо — эхо моих полученных назад воспоминаний, которые обволокли боль в животе, как греющее лекарство. Прекрасные прикосновения Колина должны победить плохие.

— Но одна вещь ещё не сходится. Сон с Гришей — зачем? Почему у меня было это чувство уверенности, что ему нужна моя помощь? Почему внезапно он снова был так близок ко мне, незадолго до схватки?

Рука Колина напряглась, но он оставил покоиться её на моём пупке. Над нами дятел начал во всеуслышание с усердием обрабатывать ствол дерева.

— Я не посылая тебе сна о Грише, — сказал Колин после небольшой паузы. — Я не знаю, Эли. Я думал, вопрос с Паулем был решён, но, наверное, ещё нет. Я не ревную — мне просто интересно.

— Мне тоже, — сказала я с безнадёжностью, которая мне самой показалась странной. Потому что была неуместной. — Ты ведь хорошо осведомлён о моей душе. Почему он там? — Я потянула за застиранный воротник его рубашки. Потрёпанные петли сразу же уступили, так что я могла положить мою щеку на его голую, прохладную грудь.

— О, Эли. — Колин тихо рассмеялся, и его рука перекочевала немного вниз, чтобы залезть под пояс моих джинсов. Нехорошо для размышлений. — На тебе надеты слишком узкие брюки. Я не осведомлён о твоей душе настолько, чтобы знать причину тех ран, которые причинили тебе другие передо мной. Тогда я тебя ещё не знал. Может быть, он так глубоко впечатлил тебя, что твоё чувство памяти, всё, что с ним связано, навсегда сохранилось.

Да, так я это и чувствовала, когда мне снились о нём сны. Как только я просыпалась, казалось, будто я видела его в последний раз только вчера. Предложение Колина украсть у меня эти сны точно уже больше не было в силе. Я должна была справиться с этим в одиночку.

— Сначала ты меня мучаешь, потом трогаешь. Так не пойдёт, Колин, — вздохнула я лениво, потому что его рука удивительно искусным способом пробралась дальше вниз до моих трусиков и приблизилась к некоторым очень деликатным местам. Но она вовсе не трогала. Она просто лежала там. Возмутительно близко и чётко. Так сказать, невозможно не заметить.

— Я знаю, — пробормотал он. — Не получится. Не сейчас.

— Почему, собственно, нет? Я даже думаю, что получится именно сейчас, — прошептала я и повернула голову, чтобы поцеловать маленький кусочек голой груди, который я ранее оголила. Теперь я научилась ценить пользу не хватающих пуговиц на рубашке. А его рука всё же двигалась. Я тихо ахнула. Дятел над нами выстукивал старательно одобрение.

— Ты забыла про неё, Лесси. В этот раз ты забыла про неё, не я. — Нет, я не забыла. Я только не собиралась практиковать воздержание. Не в этот момент. Кроме того, мы были не счастливы. Нет, мы были не счастливы. Но мы были вместе, спокойные, и на это мгновение это было больше, чем я надеялась ещё несколько часов назад.

Когда наши губы снова оторвались друг от друга, небо потемнело. Закричав, дятел улетел со своего ствола. Жирная, серая мокрица ползла по штанине Колина и попыталась попасть на мою голую грудь. Холодный ветер, появившийся, казалось, из ниоткуда, затряс ветки над нами и посыпал на наши волосы сосновые иглы. Послал холодную дрожь не только мне, но и Колину. Внезапно запахло осенью и гниющими листьями.

Я посмотрела ему в глаза и поняла. Она учуяла его, быстрее, чем когда-либо. Она была уже в пути — старая, мерзкая игра.

Колин не убрал свою руку, когда прижал меня близко к себе, и в последний раз ошеломил с головы до ног.

— Я всё ещё люблю тебя, Колин. Так быстро ты не сможешь меня убить.

— Тогда отвези меня к морю.

Выброшенная на берег

По пути в Польшу — самого кратчайшего пути от Оберлаузитц к морю не было — мы заехали в магазин Bagel Shop. И не я везла Колина к побережью, а он нас. В противном случае, я бы на протяжении всего пути клевала носом.

Зевая и потирая наши красные, горящие глаза, мы сидели на сиденьях, я впереди, Джианна, Пауль и Тильман, как куры на жерди, сзади, после того, как Колин остановился возле Макдоналдса и разбудил нас.

— Какие-нибудь особые запросы? — спросил он. Джианна подняла свои веки кончиками пальцев вверх и критически оглядела рыжие пряди в его тёмных волосах.

— Хмгрм, — пробормотал Пауль. — Мороженое. Молочный коктейль. Или что-то такое. — Его враждебность значительно уменьшилась, после того, как Колин и я вышли из леса — просто уже благодаря восстановленному внешнему виду Колина. Тем не менее, он не успокоится. Я это знала.

— Не забудь про картошку фри, — сказал заплетающимся языком Тильман. — С майонезом.

Я утвердительно кивнула, потому что разговор был той вещью, которая явно стоила бы слишком много усилий и энергии.

Как только Колин покинул машину и пошёл к ресторану быстрого питания, свинцовая вялость, охватившая нас, ослабла. К сожалению, пробуждение моего тела позаботилось также о том, что я снова почувствовала раздробленную кость в руке. Пауль ранее осмотрел её и уверил меня, что её можно будет без проблем вправить и с удовольствием сам лично вкрутил бы винт. Ещё никогда меня не делало такой счастливой его угроза насилия.

Джианна с любопытством прижала нос к стеклу, чтобы таращить глаза на Колина. Горстка переутомлённых подростков, которые, очевидно, веселились всю ночь и со своими бумажными пакетами в руках слонялись возле накрученного опеля, начали ругаться, когда он проходил мимо них. Одна из девушек побледнела и выбросила свой откушенный гамбургер в мусор, как будто ей внезапно стало плохо.

Всё же это был совершенно очаровывающий опыт для нас, наблюдать за Колином после всех ужасов прошедшей ночи, как тот делает прямо-таки отрезвляюще обычные вещи.

— Это я называю подтянутый зад, — прошептала Джианна одобрительно. Она чуть не свернула себе шею, когда пыталась разглядеть Колина, как тот, стоя возле кассы спиной к нам, делал свой заказ.

— А как же мой? — спросил Пауль. Это прозвучало не ревниво. Хороший знак, если смотреть поверхностно. Потому что он, вероятно, очень хорошо знал, что Джианна никогда больше ни с кем не будет связываться, кто потенциально причинял женщинам насилие. Любая ревность была лишней, каким бы не был его зад.

— Твой вполне подходит, — успокоила его Джианна. — Кроме того, ты не окрашиваешься в лиловый цвет, когда голоден.

— Зад Колина всё равно принадлежит мне. — И мой взгляд снова потерялся в его элегантной фигуре. Теперь до нас донёсся крик ребёнка. Измученные родители взяли его на руки и покинули столик на убогой террасе, не доев до конца. Джианна смотрела им вслед с жалостью.

Колин бросил нам кульки через окно машины и ждал несколько метров в стороне, чтобы мы, жуя, не заснули. Я была рада, что он заставил Пауля и Джианну спать во время поездки, потому что это спасло меня от множества дискуссий. На меня его внешний вид не

действовал так сильно, как на других, а мясо ещё больше укрепило меня.

После нашей съестной паузы я почувствовала себя в правильном настроении, чтобы начать разговор, но хотела подождать, пока другие заснут. Но в этот раз это произошло не так быстро. Я с подозрением посмотрела на Колина, потому что спрашивала себя, был ли он в этом виноват, но он направил свой тёмный взгляд почти что безучастно на дорогу. Снова я посмотрела в зеркало заднего вида назад. Веки Джианны были закрыты, но беспокойно дёргались. При моём первом слове она наострит свои любопытные уши. Так же Пауль и Тильман лишь неглубоко дремали. Но у меня больше не было терпения ждать их глубокого сна. Я оторвала мои глаза от зеркала заднего вида и уставилась на серьги Колина.

— Значит, ты хочешь снова сбежать, — начала я, вздыхая.

— Речь идёт не о том, что я хочу. Мне ничего другого не остаётся.

— Этого мы ведь совсем не знаем! Ладно, сейчас, на данный момент... я понимаю. Нам нужна пауза. Но если смотреть на это в целом...

— В целом Тесса на пару сотен лет старше меня и таким образом непобедима, — перебил меня Колин слегка раздражённо. — Сколько раз нам ещё это пережёвывать?

— Тесса? — спросил Пауль с закрытыми глазами.

— Мар, который создал Колина и чьи кости срастаются снова сами по себе, — объяснила я, готовая помочь. — Ты знаешь, то, что я рассказала тебе и что для тебя было достаточным доказательством того, чтобы объявить меня сумасшедшей.

— Засаленная, неопрятная ведьма, — добавил Тильман.

— Ещё более неопрятная, чем Францёз? — захотела знать, зевая, Джианна. Тильман и я только пренебрежительно засмеялись.

— Несколько сотен лет, — размышлял Пауль. — Её я хотел бы разрезать, чтобы заглянуть в живот.

— Не захотел бы, — возразили Тильман и я хором. Колин неохотно зарычал, чтобы привести нас в чувства.

— Остановитесь. Мы здесь не на средневековой ролевой игре. Здесь речь идёт ни об уходе за телом Тессы, ни о сложных задачах для подростков, а о том факте, что она чувствует, когда Эли и я счастливы — и может взять мой след, чтобы сделать меня тем, кто я есть. Демоном. И что у меня нет не единого шанса против неё.

Не совсем правда, подумала я с горечью. Она недавно тоже почувяла нас, хотя мы не были так счастливы, как должны были бы быть. Но мы находились не возле защищающего моря, и мы спровоцировали её. Мы не позволили ей ввести себя в заблуждение. Тем не менее, это говорило мне ещё больше о том, что нам нужно начать против неё борьбу. Теперь она брала наш след, хотя мы не были счастливы. Это было слишком.

— Ты также думал, что у тебя нет шансов против Францёза. Но ты нашёл путь, как сделать его безвредным, — опровергла я возражение Колина. — Почему и с Тессой не должно быть такого способа? Кроме того, ты один раз сказал, что существуют два метода, которыми Мары могут убить друг друга и...

— Этот второй метод не вариант для меня и Тессы, — прервал меня Колин грубо. — Он никогда не сработает. Не можем мы обговорить это наедине, если уж ты не хочешь сдаваться? — От него, как и от меня, не ускользнуло, что Тильман с бодрствующими глазами восседал на своём сиденье.

— Наедине? Мы же в кругу семьи. Теперь не прикидывайся, что ты хочешь всё скрыть, Колин. Ты дал Тильману инструкцию, как тому обращаться со мной в постели. Более

интимных вещей не бывает. — Постепенно я теряла терпение. Теперь шанс на то, что заснут хотя бы Джианна и Пауль, исчез, благодаря моим взрывоопасным откровениям и апрельскому ливню, который как раз разразился над нами и из-за которого помрачнело небо, так что Колину пришлось включить фонари машины.

— Значит, всё-таки это было! — воскликнула Джианна восторженно. — Я знала! Я всё это время знала.

— Ты ошибаешься. Она отвергла меня, — сказал Тильман с глубоко опечаленным, страдальческим выражением лица, которое было таким ложным и неестественным, что я ущипнула его за колено. Краем глаза я увидела, как на лице Колина промелькнула улыбка. Точно, об этом он ещё не знал.

— Ты поручил другому типу обхаживать мою сестру? — Пауль неодобрительно покачал головой, но я также увидела, как в его глазах загорелась надежда. Лучше Тильман, чем Колин, могла я прочесть в них. — Что это за безумные вещи?

— Не жалуйся, это должно было спасти твою жизнь, — сказал Тильман небрежно. — И я сделал бы для неё это по-настоящему хорошо. — Он улыбнулся мне нагло в зеркало заднего вида.

— Идиот, — прошипела я. — Тебе я тоже сделаю ещё хорошо. Во всяком случае, — я снова повернулась к Колину, который закатил глаза к крыши машины, но продолжал улыбаться, — есть второй метод. Я хочу узнать, что он собой представляет, прежде чем приму твоё бегство. Подумай об этом. Пожалуйста.

Колин молчал. Ливень уступил место яркому солнцу, и заняло только несколько моментов, пока Пауль Джианна и Тильман, несмотря на их жажду сенсации, крепко заснули. И я тоже одурманено дремала и проснулась только тогда, когда мы добрались до моря — Балтийского.

Не издавая лишнего шума, Колин и я вылезли из машины и оставили других спать. Он ранее правильно сформулировал это. Я чувствовала то же самое: его бегство было вещью между ним и мной, и я тоже не хотела иметь слушателей и тем более зрителей, когда мы будем прощаться. Это и так будет достаточно тяжело.

Перед нами лежала уединённая бухта, усеянная небольшими валунами, которые переливались на мягком вечернем солнце. Я, должно быть, долго спала. Может быть, Колин время от времени делал паузы, чтобы избежать яркого обеденного света.

Волны вели себя мягче и более кротко, чем в Северном море, а их гребни отражали голубизну неба тысячью разных оттенков, прежде чем разбивались о вымытые камни. Стало тепло. Хотя солнце кроваво-красным шаром уже висело низко над горизонтом, у меня было такое чувство, что оно могло воспламенить моё лицо, если буду смотреть на него.

— Ещё нет, — прошептала я и остановилась. Мы почти достигли воды. — Пожалуйста, ещё нет. — Мы стояли рядом, не касаясь друг друга, глаза закрыты и пытались не думать о том, что ожидало нас впереди. Это снова растерзает меня, и в этот раз я знала последствия. Когда Колин попрощался со мной в первый раз, ночью на поле, он заставил меня всё видеть во сне, и это придало мне неожиданную силу, по крайней мере, пережить прилично следующее утро. Но потом начались страдания и не прекратились, пока я снова не увидела его. Чтобы закончить снова там, из-за чего мы должны были расстаться. Из-за Тессы. Она господствовала над нами, а я больше не хотела это терпеть.

— Я не знаю второй вариант, Эли. Только его условие. Оно не подходит к нам. Ни к Тессе, ни ко мне.

— Но...

— Эли. Дорогая. Я знаю, что ты думаешь, что всегда можно найти решение. Но какой бы бесконечной ни была жизнь у нас, у Маров, такие же конечные наши способности. Мне только сто пятьдесят девять лет. Я не могу это изменить. Мы снова там, откуда начали, и эта игра будет продолжаться так долго, пока тебе всё не надоет и ты не бросишь меня.

— На данный момент это ты бросаешь меня. — Я открыла глаза и посмотрела на него. Мне он нравился и тогда, когда его волосы были рыжими и зелёно-голубой лёд вспыхивал между век. Но больше я любила его тёмного, тёмного, как ночь, которая заставляла светиться его кожу и завершала его черты. Делала его до боли красивым. Мысль о том, чтобы позволить ему бежать при дневном свете, не иметь возможности увидеть и почувствовать ещё раз его ночную внешность, наполнило меня глубокой горечью.

— Мы не там, откуда начали, Колин. Нет, всё не так, как осенью.

— Точно. Я причинил тебе намного больше плохого. И даже пощёчина возле ручья была, собственно, непростительна.

— Я не это имею в виду, — ответила я отталкивающе. — Мы больше не одни. У нас есть друзья. — Я указала назад на Volvo, который стоял, спрятанный в тени небольшого леса.

— Друзья? Пауль и Джианна — друзья? Эли, я умоляю...

— Я всё объясню им, и Пауль это поймёт. Джианна и без того. Конечно, он хочет другого для меня парня, как и любой старший брат. Тем не менее, мы больше не одни.

— Но они ничего не смогут во всём этом изменить, разве ты этого не понимаешь?

— Может и смогут! Я знаю, у тебя никогда не было настоящих друзей, никогда постоянных, но в случае с Францёзом мы работали вместе. Тильман готов ко всему, абсолютно ко всему. Он, так или иначе, будет искать Тессу. А я буду искать папу. Мы поедим в Италию, хочешь ты этого или нет. Мы можем сделать это с тобой или без тебя. У тебя есть выбор.

— Эли... — Колин посмотрел на меня страдальчески. Я моргнула, потому что бирюза его глаз ослепила меня. Кроме того, у меня закружилась голова. Он положил мне свою прохладную руку на спину, чтобы поддержать. — Вы как раз только выжили. Чуть не погибли. Я почти убил тебя... и твоя душа не сможет принять это просто так. Твоя нет. И она и не должна этого делать.

— Почти убил. Ударение сделано на «почти», а не на убил. Я и не хочу делать это сразу же. Пусть Тесса спокойно себе думает, что ты бежишь, что мы подчинились ей.

— Боже, вот ты упрямая. — Колин тяжело вздохнул. — Хотя я могу понять, почему ты сейчас так думаешь. Но...

— Никаких «но». И я могу понять, почему ты всё это сделал. Как мы будем с этим обходиться, совсем к этому не относиться. Колин, ты у меня в долгу..., - предостерегла я его предупреждая.

— Правда? — Он насмешливо усмехнулся и притянул меня к себе. — Неужели?

— Ну что же. Ты хоть и отдал мне моё воспоминание, но действительно ли это подарок, благодарность, если отдаёшь кому-то то, что ему уже и так принадлежит? — Колин сделал глубокий вдох и пробормотал несколько гельских ругательств.

— Хорошо, тогда мы одного мнения, — продолжила я воодушевлённо говорить, потому что чувствовала победу. — Выясни, из чего именно состоит другой вариант. И расскажи мне об этом. Потом мы всё ещё можем решить, бесполезен ли он. Но не забудь, что я, в любом

случае, поеду в Италию — не имеет значения, как выглядит этот вариант.

— Это твоя месть за то, что случилось сегодня ночью, не так ли? — Колин прижал меня так сильно к своей груди, что я ахнула, а из-за его сердечного, жёсткого поцелуя раскрылась рана на моей губе. Моя кровь смешалась с его прохладной, восхитительной слюной. — Ты шантажируешь меня.

— Именно, — прошептала я, задыхаясь. — Я шантажирую тебя. Ты вернёшься.

— Только в том случае, если ты мне кое-что пообещаешь, Эли. — Ещё раз он поцеловал меня, и при этом ему пришлось поднять меня на своё бедро, чтобы я не упала на песок. Я обвила ногами его талию и спрятала лицо на его шее.

— Всё...

— Я выясню, каким образом мы сможем её убить. Но ты должна мне пообещать, что подумаешь о том, чтобы применить этот метод когда-нибудь и на мне.

Моя логика тут же подавила глубокий ужас. Когда-нибудь. Когда-нибудь — это было не сейчас, и не летом, а также не в следующем году. Это было когда-нибудь. Далеко в будущем. И, может быть, он больше этого не захочет, когда Тесса перестанет отравлять наше существование. Он сможет начать всё заново. Кроме того, я должна только подумать об этом. Это было совсем другое, чем сделать, хотя и достаточно жестоко. Потому что если я только начну об этом думать...

— Согласна, — сказала я поспешно. — Как нам скрепить наше соглашение?

— Солью. — Бархатистый голос Колина делал меня усталой и податливой. — Раздевайся и иди со мной. Пока солнце не сядет. — Он отпустил меня, и я упала на колени. Скептически я посмотрела на море. Оно, должно быть, было ледяным. Моя иммунная система была определённно не в лучшем состоянии, после всех этих отвратительных вещей, которые мне пришлось вынести. Но Колин уже снял через голову мой пуловер и расстегнул пуговицу на моих джинсах.

— Это тебе не навредит. А мне будет легче охотиться и жить в море, если я разделю его с тобой. — Это был непревзойденный аргумент. Двумя пинками я освободилась от джинсов. Живо за ними последовали трусики.

— А что с тобой? — спросила я Колина, который по-прежнему стоял передо мной в рубашке, штанах и сапогах, и явно восторгался моим видом.

— Это возможно покажется странным, когда я, совершенно голый и без единого волоска на теле, появлюсь на пляже Рюгена и начну искать себе комнату.

— Я замёрзну.

— Нет. Если будешь оставаться вблизи меня, нет. — С той энергичной лёгкостью, которую я так в нём любила, он поднял меня и перенёс через камни в море. Я зацепилась пальцами за его шлёвки брюк, чтобы не быть от него оторванной прибоем, когда волны начали тормозить моё тело, но как только море накрыло нас, стало спокойно, и оно подчинилось нам.

Внизу было темно, и всё-таки я могла видеть всё — глаза Колина, которые за секунду поменялись в свой блестящий, чёрный цвет, его смелый, благородный нос, его изогнутые уголки рта и смехотворную игру волос. Я медленно выдохнула. Это было как в моём сне — бесчисленное количество пузырьков воздуха легли, как брильянты, на белую кожу Колина. Я хотела, барахтаясь, всплыть, чтобы набрать свежего воздуха, но Колин опередил меня и прижал свои губы к моим.

Игристый кислород устремился в мои лёгкие. Как только я могла когда-либо бояться

утонуть? Я совсем не могла утонуть, пока мы были вместе. Я радовалась каждому вздоху, при котором он дарил мне свой воздух, и мы всё дальше и дальше уносились в море.

Но потом он отпустил меня без предупреждения и исчез в глубинах моря. Волны ласкали меня, как старые друзья, прохладные и снисходительные, чтобы отнести назад к берегу, где море, устав от меня, выбросило на песок. Его соль смешалась с солью моих слёз, когда я повернуло лицо к небу, чтобы насладиться пылающим светом вечернего солнца.

Но в этот раз он вернётся. В этот раз я знала, что он вернётся. Мы заключили договор. У меня было что-то, за что я могла держаться, как за разбухший кусок дерева, за чью кору я цеплялась обеими руками, чтобы не вернуться назад в море и не нырнуть глубоко-глубоко, потому что хотела найти его и уйти вместе с ним.

Потому что это было бы моей верной смертью. Ждать же было жизнью. Я встала под тёплый, вечерний ветер, который бережно высушил моё тело и покрыл тонким, невидимым слоем соли, в то время как внутренние раны начали медленно кровоточить. Потом я неохотно скользнула в свою одежду и пошла, не спеша, к машине. Только Пауль не спал. Он облокотился на капот и наблюдал, как я иду издалека.

— Нет. Не сейчас, — попросила я его, когда он захотел обнять меня. Я ещё чувствовала Колина на своей коже. Пауль понял. Он опустил руки и утешал меня своим серо-голубым взглядом. Нам нужно найти папу, подумала я, и он незаметно кивнул.

Я подождала, пока солнце опустилось в море, а аура Колина отступила в моё сердце, где она между всеми осколками и обломками отвоевала назад своё законное место.

— Залезай, — сказала я тихо и нежно поцеловала Пауля в щёку. — Я отвезу нас домой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net